ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Арапова Екатерина Яковлевна

СОВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ВОСТОЧНОЙ, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСБАЛАНСОВ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Специальность 5.2.5. Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени

доктора экономических наук

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....55

1.1. Теоретические подходы и методологические основания анализа моделей экономического роста 55

1.2. Место внутреннего спроса и потребления домохозяйств в моделях экономического роста 84

1.3. Глобальные экономические дисбалансы: асимметрия концептуальных подходов 103

1.4. Трансформация моделей экономического роста в Азии: ключевые исследования и подходы 120

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РОЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДВУХМЕРНОГО АНАЛИЗА 137

2.1. Эволюция модели экономического роста Китая..... 137

2.2. Эволюция модели экономического роста Индии..... 150

2.3. Эволюция модели экономического роста Республики Корея 161

2.4. Эволюция модели экономического роста Японии..... 169

2.5. Эволюция модели экономического роста Малайзии..... 182

2.6. Эволюция модели экономического роста Индонезии 193

2.7. Эволюция модели экономического роста Филиппин 204

2.8. Эволюция модели экономического роста Сингапура..... 214

2.9. Эволюция модели экономического роста Таиланда..... 226

2.10. Эволюция модели экономического роста Вьетнама..... 235

ГЛАВА 3. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПАТТЕРНОВ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ 244
3.1. Трансформация эффективности потребления домохозяйств в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в 1990-2023 гг. 244
3.2. Факторы роста регионального потребления: современные тенденции 252
3.3. Паттерны потребления домохозяйств в странах Азии: качественный анализ тенденций, отраслевой структуры и поведенческих особенностей 265
3.3.1. Качественные характеристики паттерна потребления в Китае 265
3.3.2. Качественные характеристики паттерна потребления в Индии 279
3.3.3. Качественные характеристики паттерна потребления в Республике Корея 290
3.3.4. Качественные характеристики паттерна потребления в Японии 298
3.3.5. Качественные характеристики паттерна потребления в Малайзии 305
3.3.6. Качественные характеристики паттерна потребления в Индонезии 312
3.3.7. Качественные характеристики паттерна потребления на Филиппинах 320
3.3.8. Качественные характеристики паттерна потребления в Сингапуре 332
3.3.9. Качественные характеристики паттерна потребления в Таиланде 340
3.3.10. Качественные характеристики паттерна потребления во Вьетнаме 350

ГЛАВА 4. КОЛИЧЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ 359
4.1. Сравнительный анализ детерминант частного потребления: глобальный и азиатский контексты 359
4.2. Влияние цивилизационных факторов на уровень и динамику потребления в странах Азии 372
4.3. Оценка реализации потребительского потенциала в странах Азии в условиях глобальных дисбалансов: концептуальный подход и количественный анализ . 384
4.4. Сравнительный анализ эластичности потребления по категориям товаров и услуг в странах Азии 389

ГЛАВА 5. СТРАНОВЫЕ МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЛЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА В АЗИИ 404

5.1. Модели потребления домохозяйств по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления 404

5.2. Модели потребления домохозяйств в зависимости от категории дохода 417

5.3. Модели потребления домохозяйств по характеру влияния экономической политики 442

5.4. Стратегические перспективы России на азиатских рынках в условиях трансформации паттернов потребления 454

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 474

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 501

ПРИЛОЖЕНИЕ А 576

ПРИЛОЖЕНИЕ В 577

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Опыт модернизации, ускоренной индустриализации и социально-экономического развития Китая, Японии и новых индустриальных стран Азии сформировал представление о специфике регионального пути развития, долгие десятилетия опиравшегося на внешний спрос. Экспортоориентированный рост обеспечил опережающие темпы развития, глубокую интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости, приток инвестиций, нацеленных на доступ к ресурсам и повышение эффективности, и превращение региона в ключевой производственный центр, ориентированный на удовлетворение спроса развитых экономик. Такая ориентация не была случайным выбором: она органически следовала из логики догоняющего развития, согласно которой поздно индустриализирующиеся страны вынуждены «перескакивать» через стадии развития и компенсировать технологическое отставание ускоренной индустриализацией, высокими нормами накопления, импортом технологий и выходом на внешние рынки для достижения масштабов производства, недоступных на внутреннем рынке. Экспорт в этом контексте выступал не просто источником доходов, но ключевым механизмом технологической перестройки и инструментом достижения экономии масштаба.

Для большинства восточноазиатских экономик экспорт стал системообразующим драйвером роста, обеспечивавшим масштабирование производственных мощностей, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), передачу технологий и повышение производительности. В результате Азия (в отличие от иных регионов) стала главным звеном перерабатывающих цепочек, обеспечивая сборку, обработку, экспорт промежуточных и конечных товаров. К началу 2010-х гг. на долю Восточной и Юго-Восточной Азии приходилось более 40% мирового экспорта обрабатывающей промышленности, а участие региона в глобальных цепочках добавленной стоимости было одним из самых высоких в мире.

Азиатский кризис 1997 г. выявил уязвимость подобной стратегии: ориентация на экспорт сдерживала развитие внутреннего рынка, провоцировала усиление конкуренции за внешние рынки, стимулировала рост краткосрочного капитала, что приводило к формированию финансовых пузырей и дестабилизации рынков.

Экспортоориентированная модель усиливала зависимость азиатских экономик от внешнего спроса, а дисбаланс между избыточными производственными мощностями и рецессионным спросом мог приводить к падению цен и замедлению роста. Логика догоняющего развития – высокая норма накопления, подавление потребления, стимулирование сбережений – способствовала формированию долгосрочного структурного недопотребления, поскольку государственная политика сознательно перераспределяла ресурсы в пользу промышленности, удерживая рост заработных плат и тем самым ограничивая расширение внутреннего рынка**.** Это усиливало зависимость от внешнего спроса и ограничивало возможности формирования внутреннего рынка.

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. стал ключевой вехой, радикально изменившей условия функционирования азиатских экономик. В то время до кризиса (в 1990–2007 гг.) мировая торговля росла в среднем на 7,1% в год, после 2012 г. средний темп роста замедлился примерно до 3,0%, что сопровождалось снижением доли экспорта в ВВП большинства ранее ориентированных на экспорт азиатских стран. Падение спроса в развитых странах и необходимость снижения зависимости от внешних факторов подтолкнули правительства региона к поиску новых источников роста и формированию более сбалансированной, частично опирающейся на внутренний спрос модели. На этом фоне начался постепенный переход к расширению потребления домохозяйств при сохранении трансформируемых экспортных мощностей. Это стало естественным этапом выхода из фазы догоняющего развития, когда традиционные инструменты – низкая цена рабочей силы, потенциал копирования технологий и масштабируемость за счет экспорта – начинают исчерпывать свою эффективность, а дальнейшее продвижение требует роста внутреннего рынка.

Важным структурным фактором стала трансформация самой Азии. По оценкам McKinsey и ESCAP, в ближайшие десять лет азиатские потребители будут обеспечивать до половины прироста глобального потребления, превращая регион в центральный узел мирового спроса. На десять ключевых стран – Китай, Индию, Японию, Корею, Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам – приходится около 45% населения мира. Быстро расширяющийся средний класс формирует основу платежеспособного спроса, тогда как сочетание эффекта низкой базы и исторически высокой нормы сбережений создает значительный потенциал дальнейшего роста. Несмотря на увеличение доли региона в мировом потреблении с 17,5% в 2006 г. до 25% в

2024 г., она остается существенно ниже, чем в ЕС и США, где 9,7% населения обеспечивают около 45% мирового потребления домохозяйств.

Расширение внутреннего рынка поддерживается мерами макроэкономической политики, однако скорость перехода к потребительски ориентированной модели неоднородна: различия в бюджетных возможностях, институциональных условиях, рынке труда и демографии формируют разнообразие траекторий. Индия, исторически не следовавшая экспортоориентированной стратегии, расширяет спектр региональных моделей. На горизонте 10–15 лет усиливающийся переход азиатских экономик к модели, где внутреннее потребление играет возрастающую системообразующую роль, способен изменить региональную и глобальную экономическую архитектуру. Это делает анализ структурных паттернов потребления домохозяйств не только значимым для понимания характера текущей трансформации, но и критически важным для оценки потенциала выхода стран региона за пределы логики догоняющего развития и формирования нового цикла роста, основанного на внутреннем спросе.

Степень разработанности проблемы

Изучению моделей экономического роста, роли частного потребления в его стимулировании, сравнению экспортоориентированного роста и моделей, обусловленных внутренним спросом, а также факторам, определяющим потребление домохозяйств в экономиках азиатских стран, посвящено значительное количество российских и зарубежных работ.

В классической теории роста доминирующим в XIX – нач. XX в. был подход, основанный на предложении[1] и законе Сэя[2], на котором основывали свои теории А. Смит[3] и Д. Рикардо[4]. Основной постулат классиков состоял в том, что главной движущей силой экономического роста выступает накопление капитала. Из этого тезиса вытекают и исследования А. Льюиса[5], и теория «стадий экономического роста» У. Ростоу[6], в

[1]Blanchard O. Macroeconomics / O. Blanchard. 3rd ed. Prentice Hall, 2003.
[2] Say J.B. Traktat o Ekonomii Politycznej / J.B. Say. Warszawa : PWN, 1960. Original version: A Treatise on Political Economy, Philadelphia, 1880.
[3] Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. London, 1776; reprint: Warszawa : PWN, 1954.
[4] Рикардо Д. Экономические памфлеты / Пер с англ. под ред. и с предисловием С. Членова. М. : Московский рабочий, 1928. 300 с.
[5] Lewis A. The Theory of Economic Growth / A. Lewis. Great Britain : George Allen & Unwin Ltd, 1956. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour / W.A. Lewis // The Manchester School. 1954. Vol. 22. № 2. P. 139–191.
[6] Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto / W. Rostow. Cambridge : Cambridge University Press, 1960.

дальнейшем подход был представлен моделями Солоу (1956)[7] и Свана (1956)[8], а затем и теорией «эндогенного роста».

Альтернативным подходом к анализу экономического роста стала теория роста, управляемого спросом. Еще в XIX в. ряд экономистов отвергали закон Сэя, отдавая спросу роль драйвера экономического роста[9], однако фактическими родоначальниками теории экономического роста с позиции спроса стали Кейнс[10] и Калецки[11], заложившие основу моделям, учитывающим норму сбережения в качестве экзогенного фактора: Рамсея[12], Калдора[13], Пасинетти[14] и др. Тезисы Рамсея получили развитие в неоклассической модели Даймонда, рассматривавшего спрос в качестве текущего и отсроченного[15]. В последние десятилетия посткейнсианские подходы к режиму спроса и экономического роста нашли отклик в литературе по сравнительной политической

Rostow W. Politics and the Stages of Growth / W. Rostow. Cambridge, Mass : University Press, 1971.

[7] Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. № 1. P. 65–94. DOI: 10.2307/1884513.

[8] Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.W. Swan // Economic Record. 1956. Vol. 32. P. 334–361. DOI: 10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x.

[9] Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.W. Swan // Economic Record. 1956. Vol. 32. P. 334–361. DOI: 10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x.

Blake W. Observations On The Effects Produced By The Expenditure Of Government During The Restriction Of Cash Payments / W. Blake. London : John Murray (and E. Lloyd), 1823.

Malthus T. Principles Of Political Economy / T. Malthus. London : John Murray, 1820.

Marx K. Capital: A Critique Of Political Economy. Vol. II / Edited by F. Engels. English First Edition Published In 1956; Reprint, Moscow : Progress Publishers, [1978] (original [1894]).

Sismondi J.C.L. New Principles Of Political Economy: Of Wealth In Its Relation To Population / Translated By R. Hyse With A Foreword by R.L. Heilbroner. New Brunswick, NJ : Transactions Publishers, [1991] (original [1826]).

[10] Keynes J.M. The General Theory Of Employment, Interest And Money / In The Collected Writings Of John Maynard Keynes, Vol. VII, Edited by D. Moggridge And E. Johnson. London : MacMillan For The Royal Economic Society, [1973] (original [1936]).

[11]Kalecki M. Outline of A Theory Of The Business Cycle / M. Kalecki // Selected Essays On The Dynamics Of The Capitalist Economy 1933 1970. Cambridge : Cambridge University Press, 1971. P. 1–14.

[12] Ramsey F.P. A Mathematical Theory of Saving / F.P. Ramsey // Economic Journal. 1928. Vol. 38. № 152. P. 543–559.

Blanchard O.J., Fisher S. Lectures On Macroeconomics / O.J. Blanchard, S. Fisher. Cambridge : MIT Press, 1989.

[13] Kaldor N. Alternative Theories of Distribution / N. Kaldor // Review Of Economic Studies. 1955–1956. Vol. 23. № 2.

Kaldor N. Capital Accumulation and Economic Growth / In: Lutz and Hauge (Eds.), The Theory Of Capital. International Economic Associations, Macmillan, London, 1963.

[14] Pasinetti L. Rate of Profit and Income Distribution In Relation To the Rate of Economic Growth / L. Pasinetti // Review Of Economic Studies. 1962, October. Vol. 29. № 4.

[15] Diamond P. National Debt in A Neoclassical Growth Model / P. Diamond // American Economic Review. 1965, December. Vol. 55.

экономии[16], соотносясь с анализом институциональных моделей капитализма и государства всеобщего благосостояния[17].

Значительный вклад в изучение моделей экономического роста и их драйверов внесли Н.Д. Кондратьев[18], изучавший внутренние и внешние причины цикличности экономического роста, а в последние десятилетия В.М. Ровняков[19] (концепция «кредитного мультипликатора»), И.И. Мельников[20] (роль внешнего спроса при дефиците внутренних ресурсов), Н.И. Белый и А.М. Орлов, рассматривавшие влияние новых технологий на совокупный спрос и предложение[21]. Работы В.В. Радаева посвящены изучению роли государственного регулирования и правовой системы в обеспечении устойчивости экономического роста через формирование внутреннего спроса[22]; изучению институциональных факторов роста посвящены работы С.М. Бунича[23].

Дискуссия между теориями роста, основанными на спросе и предложении, стала основой для современных дискуссий о взаимосвязи между экспортоориентированными стратегиями, импортозамещением и моделями, основанными на внутреннем спросе. С 1970-х гг. развитие получили дискуссии о взаимосвязях экспорта и экономического роста. Стимулирующая функция экспорта была подтверждена в работах Юнга и Маршалла[24],

---

[16]Baccaro L., Pontusson J. Rethinking Comparative Political Economy: The Growth Model Perspective / L. Baccaro, J. Pontusson // Politics & Society. 2016. Vol. 44. № 2. P. 175–207.
Baccaro L., Pontusson J. Comparative Political Economy and Varieties of Macroeconomics / L. Baccaro, J. Pontusson. MPIfG Discussion Paper 18/10, Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne, 2018.
Hope D., Soskice D. Growth Models, Varieties of Capitalism and Macroeconomics / D. Hope, D. Soskice // Politics & Society. 2016. Vol. 44. № 2. P. 209–226.
Piore M.J. Varieties of Capitalism Theory: Its Considerable Limits / M.J. Piore // Politics & Society. 2016. Vol. 44. № 2. P. 237–241.
Streeck W. Varieties of Varieties: 'VoC' and the Growth Models / W. Streeck // Politics & Society. 2016. Vol. 44. № 2. P. 243–247.
[17]Behringer J., van Treeck T. Varieties of Capitalism and Growth Regimes: The Role of Income Distribution / J. Behringer, T. van Treeck. FMM Working Papers 9/2017. Hans Böckler Foundation, Düsseldorf, 2017.
Hein E., Paternesi Meloni W., Tridico P. Welfare Models And Demand Led Growth Regimes Before And After The Financial And Economic Crisis / E. Hein, W. Paternesi Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2020. Advance Access. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.
Setterfield M., Kim Y. Varieties Of Capitalism, Increasing Income Inequality And The Sustainability Of Long Run Growth / M. Setterfield, Y.K. Kim // Cambridge Journal Of Economics. 2020. Vol. 44. № 3. P. 559–582. DOI: 10.1093/cje/bez067.
Stockhammer E. Post Keynesian Foundations for Comparative Political Economy / E. Stockhammer // Politics & Society. 2021. Advance Access. DOI: 10.1177/00323292211006562.
Stockhammer E., Ali S.M. Varieties of Capitalism And Post Keynesian Economics On Euro Crisis / E. Stockhammer, S.M. Ali // Wirtschaft Und Gesellschaft. 2018. Vol. 44. № 3. P. 349–370.
[18] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев. М. : Экономика, 1926.
[19] Ровняков В.М. Финансовые системы и экономика страны / В.М. Ровняков. М. : Экономика, 2001.
[20] Мельников И.И. Теория роста и развития в условиях открытой экономики / И.И. Мельников. М. : Наука, 1997.
[21] Белый Н.И., Орлов А.М. Цифровизация и экономика роста: технологии, экономика, политика / Н.И. Белый, А.М. Орлов. М. : Инфра М, 2018.
[22] Радаев В.В. Институциональные преобразования и экономическое развитие / В.В. Радаев. М. : Экономика, 2005.
[23] Бунич С.М. Государственная роль в инновационном росте: теории и практика / С.М. Бунич. М. : Наука, 2014.
[24] Jung W.S., Marshall P.J. Exports, Growth and Causality in Developing Countries / W.S. Jung, P.J. Marshall // Journal of Development Economics. 1985. Vol. 18. № 1. P. 1–12. DOI: 10.1016/0304-3878(85)90002-1.

Бахмани-Оскуи и Олсе[25], Гартея[26] и Сюя[27]. Рост экспорта создает эффект перелива, стимулируя синергетический эффект отраслей экономики и создавая высокую экономическую эффективность[28]. Ориентация на экспорт увеличивает производственные мощности[29], способствует более быстрому росту производительности за счет распространения технологий и обмена знаниями[30]. Экспортоориентированностью объяснялся быстрый рост «азиатских тигров» в работах К. Михалопулоса и К. Джея[31], М. Михаэли[32], Э. Медина-Смита и проч.[33] и иных азиатских экономик в работах Л. Фана[34], Дж. Бхагватти[35], А. Разми и Г. Эрнандеса[36]. Аргументирование преимуществ экспортоориентированной модели роста стало частью нового консенсуса среди экономистов в отношении преимуществ экономической открытости[37]. Однако начиная с конца 1990-х гг. все большее число работ было посвящено дискуссиям об уязвимости чрезмерной ориентации на внешние рынки. Интерес к исследованию рисков экспортоориентированного роста, а также перспектив трансформации моделей и драйверов экономического роста в Азии появился в международном академическом дискурсе в начале 2000-х годов. К числу наиболее значимых и цитируемых работ

[25] Bahmani Oskooee M., Alse J. Export Growth And Economic Growth: An Application Of Cointegration And Error Correction Modeling / M. Bahmani Oskooee, J. Alse // Journal Of Developing Areas. 1993. Vol. 27. № 4. P. 535–542.
[26] Ghartey E.E. Causal Relationship between Exports and Economic Growth: Some Empirical Evidence in Taiwan, Japan and the US / E.E. Ghartey // Applied Economics. 1993. Vol. 25. № 9. P. 1145–1152. DOI: 10.1080/00036849300000175.
[27] Xu Z. On The Causality between Export Growth and GDP Growth: An Empirical Reinvestigation / Z. Xu // Review Of International Economics. 1996. Vol. 4. № 2. P. 172–184. DOI: 10.1111/j.1467-9396.1996.tb00094.x.
[28] Feder G. On Exports and Economic Growth / G. Feder // Journal of Development Economics. 1983. Vol. 12. Nos. 1–2. P. 59–73. DOI: 10.1016/0304-3878(83)90031-7.
[29] Palley T.I. The Rise and Fall of Export Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2013 (Vol. 71. № 280). P. 141–161. DOI: 10.22201/fe.01851667p.2012.280.37339.
[30] Grossman G.M., Helpman E. Trade, Knowledge Spillovers, and Growth / G.M. Grossman, E. Helpman // European Economic Review. 1991. Vol. 35. Issues 2–3. P. 517–526.
[31] Michalopoulos C., Jay K. Growth of Exports and Income in the Developing World: A Neoclassical View [Электронный ресурс] / C. Michalopoulos, K. Jay. United States Agency for International Development, 1973. Режим доступа: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015007218301&seq=3 (дата обращения: 12.03.2024).
[32] Michaely M. Exports and Growth: An Empirical Investigation / M. Michaely // Journal of Development Economics. 1977. Vol. 4. № 1. P. 49–53. DOI: 10.1016/0304-3878(77)90006-2.
[33] Medina Smith E.J. Is The Export Led Growth Hypothesis Valid For Developing Countries? A Case Study of Costa Rica / E.J. Medina Smith // Policy Issues In International Trade And Commodities. 2001. № 7. P. 1–51.
[34] Phan L.N. Confirmatory Research of Minsky's Financial Instability Hypothesis for the 1945–2017 Era [Электронный ресурс] / L.N. Phan. Режим доступа: https://ttu-ir.tdl.org/server/api/core/bitstreams/04912cc0-61c4-41e9-bc37-c11f192e2d8d/content (дата обращения: 10.04.2024).
[35] Bhagwati J.N. Export Promotion Trade Strategy: Issues and Evidence / In: Export Promotion Strategies: Theory and Evidence from Developing Countries, Edited by C.R. Milner. New York, NY : New York University Press, 1990.
[36] Razmi A., Hernandez G. Can Asia Sustain an Export Led Growth Strategy in the Aftermath of the Global Crisis? An Empirical Exploration / A. Razmi, G. Hernandez. ADBI Working Paper № 329/ Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2011.
[37]Bhagwati J.N. Export-Promoting Trade Strategy: Issues and Evidence / J.N. Bhagwati // World Bank Research Observer. 1988. Vol. 3. № 1. P. 27–57. DOI: 10.1093/wbro/3.1.27.
Dornbusch R., Fischer S., Samuelson P. Comparative Advantage, Trade, and Payments with a Continuum of Goods / R. Dornbusch, S. Fischer, P. Samuelson // American Economic Review. 1977. Vol. 67. P. 823–839.

относятся труды Т. Пэлли[38], Дж. Парка[39], С. Коллинз, Б. Босуорта[40], Дж. Фелипа и Дж. Лима[41], Д. Хе, Л. Чонг, Дж. Чанг[42].

Значительное число экономистов делали акцент на том, что экспортоориентированная модель зависит от внешнего спроса[43], соответственно, экономики уязвимы и подвержены влиянию своей открытости и внешнего спроса[44]. На определенном этапе и при определенной внешней конъюнктуре процентное увеличение внутреннего спроса может вносить больший вклад в экономический рост, нежели процентное увеличение чистого экспорта, что было доказано для стран БРИКС в работах Н. Джейн[45]. При этом сохраняется консенсус, что модель, опирающаяся на внутренний спрос, при относительно более высокой устойчивости обеспечивает сравнительно более низкие темпы экономического роста[46] [47].

---

[38] Palley T.I. The Contradictions of Export Led Growth / Thomas I. Palley. Public Policy Brief № 119. Levy Economics Institute of Bard College, Annandale on Hudson, NY, 2011. ISBN: 978-1-936192-17-5.
Palley T.I. The Rise and Fall of Export Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2013 (Vol. 71. № 280). P. 141–161. DOI: 10.22201/fe.01851667p.2012.280.37339.

[39] Park J.H. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / J.H. Park // Journal of Developing Societies. 2002. Vol. 18. № 4. P. 330–353. DOI: 10.1177/0169796X0201800403.

[40] Collins S.M., Bosworth B.P. Economic Growth in East Asia: Accumulation versus Assimilation / S.M. Collins, B.P. Bosworth // Brookings Papers on Economic Activity. 1996. Vol. 27. № 2. P. 135–204.

[41] Felipe, J., Lim, J. Export or Domestic-led Growth in Asia? [Электронный ресурс] / J. Felipe, J. Lim // Asian Development Bank. ERD Working Paper № 69. 2005. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

[42] He D., Cheung L., Chang J. Sense and Nonsense about Asia's Export Dependency and the Decoupling Thesis / D. He, L. Cheung, J. Chang // Hong Kong Monetary Authority Quarterly Bulletin. 2007. June. P. 19–33.

[43] Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280. P. 141–161. DOI: 10.22201/fe.01851667p.2012.280.37339.
Sağlam Y., Egeli H.A. A Comparison of Domestic Demand and Export-Led Growth Strategies for European Transition Economies: Dynamic Panel Data Analysis / Y. Sağlam, H.A. Egeli // Foreign Trade Review. 2018. Vol. 53. № 3. P. 156–173. DOI: 10.1177/0015732517734755.
Felipe J. Is Export-Led Growth Pass: Implications for Developing Asia [Электронный ресурс] / J. Felipe. Asian Development Bank, 2003. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28337/wp048.pdf (дата обращения: 10 апреля 2024).

[44] Tang C.F., Lai Y.W., Ozturk I. How Stable Is the Export-Led Growth Hypothesis? Evidence from Asia's Four Little Dragons / C.F. Tang, Y.W. Lai, I. Ozturk // Economic Modelling. 2015. Vol. 44. P. 229–235. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.09.022.
Karaev A.K., Gorlova O.S., Ponkratov V.V., Vasyunina M.L., et al. Innovative Strategy for Selecting Industries for Program-Target Stimulation of Regional Economic Diversification / A.K. Karaev, O.S. Gorlova, V.V. Ponkratov, M.L. Vasyunina, et al. // HighTech and Innovation Journal. 2023. Vol. 4. № 3. P. 653–666. DOI: 10.28991/hij-2023-04-03-013.

[45] Jain N. A Comparative Analysis of Export-Led and Domestic Demand-Led Growth Hypotheses in BRICS Economies / N. Jain // Theoretical & Applied Economics. 2022. Vol. 29. № 2. P. 125–138.

[46]Virén M. Consumption-Led Expansions Lead to Lower Future Output Growth [Электронный ресурс] / M. Virén // Statistical Review. 2022. Vol. 69. № 3. P. 44–59. Режим доступа: https://ps.stat.gov.pl/PS/2022/3/gus_ps_2022_03_matti_viren_consumption-led_expansions_lead_to_lower_future.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

[47] Krueger A.O. Foreign Trade Regimes and Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences / A.O. Krueger // Journal of Development Economics. 1978. Vol. 6. № 3. P. 447–457.
Salvatore D. A Simultaneous Equations Model of Trade and Development with Dynamic Policy Simulations / D. Salvatore // Kyklos. 1983. Vol. 36. № 1. P. 66–90. DOI: 10.1111/j.1467-6435.1983.tb02661.x.
Palley T.I. The Contradictions of Export-Led Growth [Электронный ресурс] / T.I. Palley. Public Policy Brief № 119. 2011. Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54288/1/675943582.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

Изучение потребительского проведения, а также моделей и паттернов расходов на конечное потребление домохозяйств также опирается на исследования всемирно признанных ученых-экономистов. Детерминанты расходов домохозяйств на конечное потребление стали предметом анализа значительного числа экономических школ, начиная с Дж. Кейнса (1936), Я. Дюзенберри (1949), М. Фридмана (1957) и др. Дж. Кейнс[48] выдвинул теорию абсолютного дохода как ключевого драйвера частного потребления, Дьюзенберри писал о взаимозависимости моделей потребления среди индивидов и делал акцент на том, что «полезность потребителей зависит не столько от абсолютного, сколько от их относительного дохода»[49]. М. Фридман развил идею Дюзенберри, введя гипотезу постоянного (среднего) дохода, полученного домохозяйствами в предыдущие периоды[50]. Дискуссии о соотношении текущего и постоянного доходов разрабатывались в работах Холла[51], Р. Маклема[52], М. Фолвина[53], Дж. Кэмпбелла и Н. Мэнкью[54]. Параллельно с теорией постоянного дохода М. Фридмана концептуальное оформление получила теория, основанная на гипотезе жизненного цикла Ф. Модильяни и А. Андо[55], учитывающая влияние демографического фактора. Влияние развития финансовых рынков и доступа к ликвидности на текущее потребление домохозяйств раскрыто в работах А. Дитона[56], Д. Карлана и Дж. Зинмана[57], Дж. Кэмпбелла и Н. Мэнкью[58], Р. Холла[59], Б. Бернанке и М.

[48]Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.
[49]Duesenberry J.S. Income, Saving and the Theory of Consumption Behavior / J.S. Duesenberry. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1949.
[50] Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton University Press, 1957.
[51] Hall R.E. Intertemporal Substitution in Consumption / R.E. Hall // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. № 2. P. 339–357.
[52] Macklem R.T. Wealth, Disposable Income and Consumption: Some Evidence for Canada [Электронный ресурс] / R.T. Macklem. 1994. Режим доступа: http://www.econ2.jhu.edu/people/ccarroll/papers/cos-wealtheffects-literature/papers/macklem.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).
[53] Falvin M.A. The Adjustment of Consumption to Changing Expectations about Future Income / M.A. Falvin // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89. P. 974–1009.
[54] Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
[55]Modigliani F., Ando A. Tests of the Life Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions / F. Modigliani, A. Ando // Oxford Bulletin of Economics & Statistics. 1957. Vol. 19. № 2. P. 99–124. DOI: 10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x.
[56] Deaton A. Saving and Liquidity Constraints / A. Deaton // Econometrica. 1991. Vol. 59. № 5. P. 1221–1248.
[57] Karlan D., Zinman J. Expanding Credit Access: Using Randomized Supply Decisions to Estimate the Impacts / D. Karlan, J. Zinman // Review of Financial Studies. 2010. Vol. 23. № 1. P. 433–464.
[58] Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
[59] Hall R.E. Intertemporal Substitution in Consumption / R.E. Hall // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. № 2. P. 339–357.

Гертлера[60], О. Бланшара[61], Дж. Блэра[62], Дж. Тейлора[63], Берингера и Тиля[64] и проч. Эффекты стимулирования потребления через фискальные инструменты были изучены Дж. Потербой[65], А. Ауэрбахом и В. Гейлом[66], М. Фельдштейном[67], А. Спилимберго и проч.[68], Дж. Гали и проч.[69], О. Бланшаром и Р. Перотти[70] и многими другими. Фактор макроэкономической и социальной неопределенности в сдерживании потребления нашел отражение в работах Ф. Д'Акунто и др.[71], М. Депке и М. Шнайдера[72], Н. Блума[73], Е. Энгена и Ж. Грубера[74]. Влиянию развития сферы услуг и цифровизации рыночной среды на частное потребление посвящены работы Дж. Франсуа и Б. Хекмана[75], развития цифровых финансов и электронной коммерции – работы Л. Чжана и Б. Ту[76], Д. Ма и др.[77],

[60] Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission / B.S. Bernanke, M. Gertler // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. P. 27–48.
[61] Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons / O. Blanchard // Journal of Political Economy. 1985. Vol. 93. P. 223–247.
[62] Blare J.B. Macroeconomics: Cycle, Growth and Policy in a Monetary Economy / J.B. Blare. London : McMillan, 1978.
[63] Taylor J.B. The Monetary Transmission Mechanism: An Empirical Framework / J.B. Taylor // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. P. 11–26.
[64] Behringer J., van Treeck T. Income Distribution and the Current Account / J. Behringer, T. van Treeck // Journal of International Economics. 2018. Vol. 114. P. 238–254.
[65] Poterba J. Are Consumers Forward Looking? Evidence from Fiscal Experiments / J. Poterba // American Economic Review. 1988. May.
[66] Auerbach A.J., Gale W.G. Activist Fiscal Policy to Stabilize Economic Activity / A.J. Auerbach, W.G. Gale. NBER Working Paper, September 2009. P. 1–56.
[67] Feldstein M. Rethinking the Role of Fiscal Policy / M. Feldstein. NBER Working Paper, January 2009. P. 1–26.
[68] Spilimbergo A., Symansky S., Blanchard O., Cottarelli C. Fiscal Policy for the Crisis / A. Spilimbergo, S. Symansky, O. Blanchard, C. Cottarelli // IMF Staff Position Note, SPN/08/01. 2008. P. 1–37.
[69] Galí J., López-Salido J.D., Vallés J. Understanding the Effects of Government Spending on Consumption / J. Galí, J.D. López-Salido, J. Vallés // European Central Bank Working Paper Series. 2004. № 339.
[70] Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output / O. Blanchard, R. Perotti // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. № 4. P. 1329–1368.
[71] D'Acunto F., Hoang D., Weber M. Inflation Expectations and Consumption Expenditure [Электронный ресурс] / F. D'Acunto, D. Hoang, M. Weber. 2015. Meeting Papers from Society for Economic Dynamics. URL: https://bfi.uchicago.edu/sites/default/files/research/paper_Weber.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).
[72] Doepke M., Schneider M. Inflation and the Redistribution of Nominal Wealth / M. Doepke, M. Schneider // Journal of Political Economy. 2006. Vol. 114, № 6. P. 1069–1097.
[73] Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks / N. Bloom // Econometrica. 2009. Vol. 77, № 3. P. 623–685.
Taylor J.B. Fed Policy is a Drag on the Economy [Электронный ресурс] / J.B. Taylor // Wall Street Journal. 2013. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323375204578267943236658414 (дата обращения: 12 июня 2024).
[74] Engen E.M., Gruber J. Unemployment Insurance and Precautionary Saving / E.M. Engen, J. Gruber // Journal of Monetary Economics. 2001. Vol. 47, № 3. P. 545–579.
[75] Francois J., Hoekman B. Services Trade and Policy / J. Francois, B. Hoekman // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48, № 3. P. 642–692.
[76] Zhang L., Tu B. Differential Impact of Internet Finance on Urban and Rural Consumption in China From the Functional Perspective of Consumer Finance / L. Zhang, B. Tu // Finance and Trade Research (Caimao Yanjiu). 2017. № 8. P. 70–83.
[77] Ma D., Han X., Zhao X. Promotion Effect of Internet Consumer Finance on Urban Consumption Behavior in China / D. Ma, X. Han, X. Zhao // Modern Finance and Economics (Xiandai Caijing). 2017. № 9. P. 19–27.

М. Зенга и У. Райнардза[78], Дж. Чжао[79], Дж. Ли[80], К.Фу и Й. Хуанга[81], Л. Эйнава, Дж. Левина и И. Попова[82] и проч.

Выявление детерминант частного потребления домохозяйств лежит в основе типологизации и категоризации в научной литературе режимов (или паттернов) частного потребления. А. Бхадури и С. Марглин[83] предложили общую структуру, которая может привести к созданию режимов спроса, ориентированных на заработную плату и прибыль. Исследованию влияния на совокупный спрос изменения функционального распределения дохода между заработной платой и прибылью посвящены работы Хейна и др.[84] Анализ режимов спроса, основанного на заработной плате или прибыли, дан в работах С. Сторма и К. Наастепада[85], М. Лавойе и Э. Стокхаммера[86]. При этом теоретическая разработанность и концептуализация разных паттернов, режимов и моделей потребления домохозяйств в научной литературе несопоставимо ниже, чем теорий экономического роста, в целом, или его детерминант. Соответственно, ввиду относительно низкой проработанности теоретических аспектов данной проблематики почти отсутствуют и сравнительные комплексные исследования режимов и паттернов частного потребления домохозяйств различных государств Азиатского региона.

На рубеже XX и XXI вв. дискуссии об оптимальных моделях экономического роста обостряло накопление «глобальных экономических дисбалансов». Их изучению с позиции экономических процессов в азиатском регионе посвящены работы как представителей академической среды, так и экспертов международных организаций

---

[78] Zeng M., Reinartz W. Beyond Online Search: The Road to Profitability / M. Zeng, W. Reinartz // California Management Review. 2003. Vol. 45, № 2. P. 107–130.

[79] Jiao J. Application Analysis and Policy Suggestions of Mobile Payment Promoting Inclusive Finance Development / J. Jiao // China Business and Market (Zhongguo Liutong Jingji). 2014. № 7. P. 7–10.

[80] Li J. Reflections on Internet Finance / J. Li // Management World (Guanli Shijie). 2015. № 7. P. 1–7.

[81] Fu Q., Huang Y. Heterogeneous Impact of Digital Finance on Rural Financial Demand: Evidence from China Household Finance Survey and Peking University Digital Inclusive Finance Index / Q. Fu, Y. Huang // Journal of Financial Research (Jinrong Yanjiu). 2018. № 11. P. 68–84.

[82] Einav L., Levin J., Popov I. Growth, Adoption, and Use of Mobile E-Commerce / L. Einav, J. Levin, I. Popov // American Economic Review. 2014. Vol. 104. № 5. P. 489-494.

[83]Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. 1990. Vol. 14. P. 375–393.

[84] Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes Before and After the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. P. 1196–1223. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

[85]Storm S., Naastepad C.W.M. Macroeconomics Beyond the NAIRU / S. Storm, C.W.M. Naastepad. Cambridge : Harvard University Press, 2012.

[86] Lavoie M., Stockhammer E. Wage-Led Growth: Concept, Theories and Policies / M. Lavoie, E. Stockhammer // In: Wage-Led Growth: An Equitable Strategy for Economic Recovery / Eds. M. Lavoie, E. Stockhammer. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 13–39.

Р. Рато[87], М. Обстфельда, К. Рогоффа[88], А. Ауклерта, Х. Малмберга и М. Ронли[89], Р. Глика[90], Б. Айхенгрина[91], Дж. Мередиза[92], Б. Бернанке[93], Т. Рубини и Б. Сестера[94], К. Уилона[95], С. Энгела и Дж. Рождера[96], Ф. Лейна, Дж. Милеси-Феретти[97], О. Бланшара[98], И. Мендозы, В. Куадрини, Дж. Риос-Рула[99], М. Кауфмана и Д. Ли[100], а также Ч. Адамса и Д. Парка[101], Х. Ито и М. Чинна[102]. Проблематика глобальных дисбалансов нашла отражение и в исследованиях российских экспертов. Наиболее фундаментальным стала монография экспертов Института Европы РАН[103] и ЦМАКП[104]. Комплексному анализу

[87] Rato R. Correcting Global Imbalances—Avoiding the Blame Game / R. Rato. Remarks Before Foreign Policy Association, New York, February, 2005. P. 23.

[88] Obstfeld M., Rogoff K. Global Current Account Imbalances and Exchange Rate Adjustments / M. Obstfeld, K. Rogoff // Brookings Papers on Economic Activity. 2005. № 1. P. 67–123.

[89] Auclert A., Malmberg H., Martenet F., Rognlie M. Demographics, Wealth, and Global Imbalances in the Twenty-First Century / A. Auclert, H. Malmberg, F. Martenet, M. Rognlie. NBER Working Paper № 29161, 2021. 47 p. DOI: 10.3386/w29161.

[90] Glick R., Rogoff K. Global versus Country-Specific Productivity Shocks and the Current Account / R. Glick, K. Rogoff // Journal of Monetary Economics. 1993. Vol. 35. Issue 1. P. 159-192. DOI: 10.1016/0304-3932(94)01181-9.

[91] Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System / B. Eichengreen. Oxford : Oxford University Press, 2010.

[92] Meredith G. Debt Dynamics and Global Imbalances: Some Conventional Views Reconsidered / G. Meredith. IMF Working Paper WP/07/4, 2007. 54 p.

[93] Bernanke B.S. The Global Saving Glut and the US Current Account Deficit / B.S. Bernanke. Federal Reserve Board, Sandridge Lecture, Richmond, Virginia, 2005.

[94] Roubini N., Setser B. The US as a Net Debtor: The Sustainability of the US External Imbalances / N. Roubini, B. Setser. New York University, 2004.

[95] Whelan K. Global Imbalances and the Financial Crisis [Электронный ресурс] / K. Whelan. European Parliament, 2010. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/180527/20100309ATT70296EN.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

[96] Engel C., Rogers J.H. The U.S. Current Account Deficit and the Expected Share of World Output / C. Engel, J.H. Rogers // Journal of Monetary Economics. 2006. № 53. P. 1063–1093.

[97] Лейн Ф.Р.Б., Милези-Ферретти Д.-М. Изучение глобальных дисбалансов [Электронный ресурс] / Ф.Р.Б. Лейн, Д.-М. Милези-Ферретти // Финансы & Развитие. 2006. Март. С. 38–41. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/03/pdf/lane.pdf (дата обращения: 10 августа 2025).

[98] Blanchard O.J., Milesi-Ferretti G.M. Global Imbalances: In Midstream? / O.J. Blanchard, G.M. Milesi-Ferretti. SSRN, 2010. № 1525542. P. 1–27.

[99] Mendoza E.G., Quadrini V., Rios-Rull J.V. Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances / E.G. Mendoza, V. Quadrini, J.V. Rios-Rull // Journal of Political Economy. 2009. Vol. 117, № 3. P. 371–416.

[100] Кауфман М., Ли Д. Глобальные дисбалансы и кризис COVID-19 [Электронный ресурс] / М. Кауфман, Д. Ли. 2020. – Режим доступа: https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2020/08/04/blog-global-rebalancing-and-the-covid19-crisis (дата обращения: 19.09.2025).

[101] Adams C., Park D. Causes and Consequences of Global Imbalances: Perspective from Developing Asia / C. Adams, D. Park. 2009. ADB Economics Working Paper Series № 157.

[102] Ito H., Chinn M. East Asia and Global Imbalances: Saving, Investment, and Financial Development / H. Ito, M. Chinn. 2007. NBER Working Paper № 13364.

[103] Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I [Электронный ресурс] / [под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 12 августа 2025).

Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II = Global imbalances and world economic crisis. Part II [Электронный ресурс] / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/289.pdf (дата обращения: 12 августа 2025).

[104] Стратегии управления суверенными инвестиционными фондами России и других стран с развивающимися рынками в условиях коррекции глобальных дисбалансов / / А. Ю. Апокин, М. Е. Мамонов, Е. А. Пенухина [и др.]. 2010. М. : МОНФ-ЦМАКП. 127 с.

глобальных экономических дисбалансов посвящены также работы С.А. Былиняка[105], А.В. Божечковой, С.И. Колесник, П.В. Трунина[106], А.В. Холопова[107], Б.А. Хейфеца[108], Л.М. Григорьева и М.Р. Салихова[109], А.Ю. Апокина[110], В.В. Попова[111]. Факторам, современным тенденциям и дисбалансам развития группы развивающихся государств, в т.ч. с использованием инструментов эконометрического моделирования, посвящены многочисленные научные труды чл.-корр. РАН В.А. Мельянцева[112]; современным тенденциями движения глобального капитала с учетом региональной поляризаии посвящены работы А.С. Булатова[113]. При этом российские эксперты подходили к изучению вопросов более комплексно, не ограничиваясь феноменом «финансовых дисбалансов», а рассматривая более широкий круг экономических диспропорций глобального развития.

Изучению эволюции и трансформации моделей экономического роста стран Азиатского региона посвящены многочисленные отчеты и доклады международных организаций, в первую очередь МВФ, АБР, Института АБР, а также Всемирного Банка, ЭСКАТО, ОЭСР и др. В значительной степени опирались они на концепцию

---

[105] Былиняк С.А. Дисбалансы в мировой экономике / С.А. Былиняк // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 20–32.

[106] Божечкова А.В., Колесник С.И., Трунин П.В. Глобальные экономические дисбалансы в современном мире / А.В. Божечкова, С.И. Колесник, П.В. Трунин // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 3. С. 23–42. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-3-23-42/

[107] Холопов А.В. Глобальные дисбалансы в мировой экономике / А.В. Холопов // Международные экономические отношения: реалии, вызовы и перспективы / Под ред. Л.С. Ревенко. М. : МГИМО-Университет, 2019. С. 14–23.

Холопов А.В. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов / А.В. Холопов // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66, № 9. С. 19–28.

[108] Хейфец Б.А. Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы / Б.А. Хейфец // Деньги и кредит. 2012. № 7.

[109] Григорьев Л.М., Салихов М.Р. Риски и глобальные дисбалансы [Электронный ресурс] / Л.М. Григорьев, М.Р. Салихов. Режим доступа: http://www.perspektiw.info/oykumena/ekdom/riskiiglobalnyedisbalansy.htт (дата обращения: 12.08.2025).

[110] Апокин А.Ю. Проблема глобальных дисбалансов в мировой экономике / А.Ю. Апокин // Вопросы экономики. 2008. № 5.

Апокин А.Ю. Финансовая составляющая «проблемы глобальных дисбалансов» в мировой экономике / А.Ю. Апокин // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4.

[111] Попов В.В. Глобальные дисбалансы нетрадиционная трактовка / В.В. Попов // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 69–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-69-80.

[112] Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2023. № 7. С. 5-14.

Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2 // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 5-11.

Мельянцев В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 3. С. 6-20.

Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. С. 203-215.

[113] Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России / А.С. Булатов // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 65-83.

догоняющего развития, сформулированную в классических трудах А. Гершенкрона[114], А. Амсден[115] и Х.-Дж. Чанга[116], определяя азиатский «экспортно-индустриальный путь». Комплексные исследования страновых моделей в Азии представлены в работах Л. Баккаро и С. Хаджабдик[117], Т. Пэлли[118], И. Данью и др.[119], Э. Эканаике[120], Дж. Фелипа и Дж. Лима[121], М. Ислама[122], М. Рахмана и М. Мустафы[123], С. Насрина[124], Х. Кима[125], Ф. Фуруока[126] и др. Изучению страновых моделей посвящены работы К. Ханима[127], Л. Амринто[128], К. Кеонга и др.[129], И. Лаи[130], М. Пьязоло[131], К. Хая и др.[132], Н. Малхотра и Д. Кумари[133] и проч. Богатые традиции прикладного анализа развития стран Азиатского региона, опирающиеся на принцип структурно-системного подхода, развивают

---

[114] Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays / A. Gerschenkron. Belknap Press of Harvard University Press. 1962. 456 p.

[115] Amsden A. H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization / A.H. Amsden. Oxford University Press. 1989. 379 p.

[116] Chang H.-J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective / H.-J. Chang. Anthem Press, London. 2002. 196 p.

[117]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing growth models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. Springer. https://doi.org/10.1007/s11135-023-01685-w

[118] Palley T.I. The Rise and Fall of Export-led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71, № 280 (апрель-июнь). P. 141-161.

[119] Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference On Business, Economics And Management (WCBEM 2013). 2014.

[120] Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. 1999. Vol. 24. № 2. P. 43-56.

[121] Felipe J., Lim J. Exports and Economic Growth in Developing Asia [Электронный ресурс] / Asian Development Bank. ADB Working Paper № 69, 2001. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 10 августа 2025).

[122] Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied Economics. 1988. Vol. 30. C. 415-425.

[123] Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. 1998. Vol. 22, № 2. C. 81-95.

[124] Nasreen S. Export-growth linkages in selected Asian developing countries: Evidence from panel data analysis / S. Nasreen // Asian Journal of Empirical Research. 2011. Vol. 1, № 1. C. 1-13.

[125] Kim Hae. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / Hae Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5, № 3. C. 2-8.

[126] Furuoka F. Exports and Economic Growth in ASEAN Countries: Evidence from Panel Data Analysis / F. Furuoka // The Icfai University Journal of Applied Economics. 2009. Vol. VIII. № 2. P. 7-16.

[127] Hanim K. Panel Data Analysis of Export-Led Growth Hypothesis in BIMP-EAGA Countries / K. Hanim. 2009. Munich Personal RePEc Archive, Paper № 13264.

[128] Amrinto L. A Semiparametric Assessment of Export-Led Growth in the Philippines / L. Amrinto. MS Thesis, Agricultural Economics and Agribusiness, Louisiana State University, 2006.

[129] Keong C.C., Yusop M., Liew K.S.V. Export-Led Hypothesis in Malaysia: An Investigation Using Bounds Test / C.C. Keong, M. Yusop, K.S.V. Liew // Sunway Academic Journal. 2005. Vol. 2. P. 13-22.

[130] Lai Y.W. The Role of Domestic Demand in the Economic Growth of Malaysia: A Cointegration Analysis / Y.W. Lai // International Economic Journal. 2004. Vol. 18. P. 337–352.

[131] Piazolo M. Determinants of Indonesian Economic Growth, 1965-1992 / M. Piazolo // Seoul Journal of Economics. 1996. Vol. 9, № 4. P. 269-298.

[132] Hye Q.M.A., Wizarat S., Lau W.-Y. Trade-led growth hypothesis: An empirical analysis of South Asian countries / Q.M.A. Hye, S. Wizarat, W.-Y. Lau // Economic Modelling. 2013. Vol. 35(C). P. 654-660. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.07.040.

[133] Malhotra N., Kumari D. Revisiting export-led growth hypothesis: An empirical study on South Asia / N. Malhotra, D. Kumari // Applied Econometrics and International Development. 2016. Vol. 16, № 2. P. 157-168.

исследователи на базе Института Востоковедения РАН (Д.В. Мосяков[134], А.А. Симония[135], Т.Л. Шаумян[136], С.А. Былиняк[137], А.В. Попов[138], Н.Н. Цветкова[139], К.О. Саркисов и др.), Института Китая и современной Азии РАН (А.В. Островский[140], В.М. Мазырин[141], Н.В. Новоселова[142], Л.И. Кондрашова[143] и др.), Института мировой экономики и международных отношений РАН (акад. В.В. Михеев[144], А.Н. Федоровский[145], С.В. Ноздрев[146], М.А. Потапов[147], А.А. Рогожин[148] и др.), МГИМО МИД России (А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов[149], И.В. Дьячков[150], С.И. Лунев[151], Е.В.

[134] Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Д.В. Мосяков. М. : Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН, 2019. 390 с.
[135] Симония А.А. Мьянма: переход к рыночной экономике (1988-2011) / А.А. Симония. М. : Институт востоковедения РАН, 2012. 223 с.
[136] Шаумян Т. Индия на глобальных перекрестках / Т. Шаумян // Свободная мысль. 2022. № 2 (1692). С. 145-156.
[137] Былиняк С.А. Центры мирового хозяйства и страны Юго-Восточной и Восточной Азии: особенности современного развития / С.А. Былиняк // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 6-27.
[138] Попов А.В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития / А.В. Попов. М. : Институт востоковедения РАН, 2019. 372 с.
[139] Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг / Н.Н. Цветкова. М. 2016.
[140] Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / А.В. Островский. М. : Изд-во МБА, 2020. 496 с.
[141] Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня: итоги 25 лет рыночной трансформации (1986-2010 гг.) / В.М. Мазырин. М. : Форум, 2013. 383 с.
[142] Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР / Л.В. Новоселова. М. : Восточная литература, 1996. 310 с.
[143] Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития / Л.И. Кондрашова. М. : Форум, 2017. 336 с.
[144] Михеев В.В. Китай Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / В.В. Михеев. М. : ИМЭМО РАН, 2009. 360 с.
[145] Федоровский А.Н. Феномен чеболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея / А.Н. Федоровский. М. : Стратегия, 2008. 320 с.
[146] Ноздрев С.В. Новый этап формирования финансовых рынков в странах Азии. Аналитический доклад / С.В. Ноздрев. М., 2018.
[147] Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии / М.А. Потапов. М. : Международные отношения, 2004. 240 с.
Потапов М.А. Пути китайских реформ: рецензия на монографии: I. Цай Фан. Чему учат 40 лет реформ и открытости в Китае / Китайская академия общественных наук. Пер. с кит. Чэнь Айжу. М. : Весь мир, 2023. 368 с. II. Глазьев С.Ю. Китайское экономическое чудо: уроки для России и мира. М. : Весь мир, 2023. 406 с. // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 3. С. 186-191.
Потапов М.А. О факторах роста и модели экономического развития Китая / М.А. Потапов // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 55-71.
Потапов М.А. Экономическое развитие Восточной Азии: текущее состояние и перспективы / М.А. Потапов // Россия и АТР. 2020. № 3 (109). С. 95-109.
[148] Рогожин А.А. Экономические отношения стран ЮВА с Китаем и США (сравнительный анализ) / А.А. Рогожин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1, № 1 (46). С. 303-309.
[149] Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 5-16.
[150] Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. Understanding Contemporary Korea from a Russian Perspective. Political and Economic Development since 2008 / A.V. Torkunov, G.D. Toloraya, I.V. Dyachkov. Cham, 2022.
[151] Lunev S. Russia and India: Challenges in the Bilateral Relations over Past Decades / S. Lunev / В сб. The “Asian Turn” in Russian Foreign Policy. Singapore, 2024. С. 335-382.

Колдунова[152], В.В. Карлусов[153], Л.В. Захарова, С.М. Ребрей[154], И.Е. Денисов[155], И.Ю. Зуенко[156], В.В. Сумский[157], Г.М. Костюнина[158] и проч.), А.В. Лукин, В.Б. Кашин[159], Л.В. Шкваря[160], Н.Н. Котляров[161] и проч.

Исследований новой модели экономического развития Азиатского региона в контексте стимулирования потребительского спроса домохозяйств весьма немного, к их числу относятся труды Т.В. Бордачева и А.Б. Лихачевой[162], М.А. Потапова[163]. Исследователи концептуализируют понятие «новой модели развития Азии» и его превращение в «континент потребления», рассмтаривая рост потребления как ключевой мегатренд, способный структурно повлиять на политику и глобальные позиции региона в ближайшие 10–20 лет. При наличии некоторого теоретического обоснования этого тренда и выявления его ключевых характеристик, это исследовательское направление нуждается в дальнейшей проработке, более четком обозначении значения и места потребления домохозяйств в стимулировании экономического роста стран региона, разработке концептуально-методологической рамки и проведения эмпирических сравнительных межстрановых исследований на основе структрированного набора параметров и характеристик. Российское востоковедение характеризуется сильной

---

[152] Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия между США, Китаем и Россией: в поисках ускользающего равновесия / Е.В. Колдунова // Международные процессы. 2024. Т. 22. № 1(76). С. 106-123.
Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия в условиях «новой биполярности»: концептуальные оценки и внешнеполитические реакции / В кн.: «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение. М., 2025. С. 178-196.

[153] Карлусов В.В. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Китая) / В.В. Карлусов // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 2. С. 116-130.

[154] Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Японии и Южной Кореи) / В.В. Карлусов, Л.В. Зазарова, С.М. Ребрей // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 59-76.

[155] Денисов И.Е. Китайская стратегия «больших данных». Реформа управления, инновации и глобальная конкуренция / И.Е. Денисов. М. : Изд-во МГИМО, 2023.

[156] Зуенко И.Ю. Тенденции развития внешнеполитической идеологии в период правления Си Цзиньпина / И.Ю. Зуенко / В кн.: Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая. Монография. М., 2025. С. 124-148.

[157] Сумский В.В. Вьетнам 2020-х годов: на гребне успеха и в раздумье о будущем / В.В. Сумский // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2021. Т. 5. № 3. С. 168-176.

[158] Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки / Г.М. Костюнина. М., 2023.

[159] Лукин А.В., Денисов И.Е., Кашин В.Б., Цыплаков С.С. Китай – 2049: футурологический анализ / А.В. Лукин, И.Е. Денисов, ВУ.Б. Кашин, С.С. Цыплаков // Российское китаеведение. 2025. № 1 (10). С. 83-97.

[160] Шкваря Л.В. Экономика Индонезии: современные тенденции / Л. Шкваря // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 11. – С. 62–69. – DOI: 10.20542/0131-2227-2013-11-62-69.

[161] Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США / Н.Н. Котляров. М. : Центрполиграф, 2003.
Потапов М.А. Котляров Н.Н. Эволюция подходов Китая к экономической интеграции в АТР / М.А. Потапов, Н.Н. Котляров // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 2. С. 63-72.

[162] Бордачев Т.В. Лихачева А.Б. Чжан С. Чего хочет Азия: потребление взаимосвязанность капитал и креативность / Т.В. Бордачев А.Б. Лихачева С. Чжан // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 82–96.

[163] Потапов М.А. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии / М.А. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 42-52.

страноведческой традицией при недостатке комплексных сравнительных региональных исследований, опирающихся на единую теоретико-методологическую рамку. На фоне усложнения и диверсификации экономических процессов в странах региона фокус исследований все больше смещается на национальный уровень, что приводит к дефициту междисциплинарных исследований и отсутствию целостного подхода к анализу роли потребления домохозяйств в региональной трансформации и его потенциала в стимулировании регионального и глобального роста. В этом контексте данное исследование призвано частично восполнить этот аналитический вакуум.

Теоретическая база исследования

Теоретической базой исследования послужили научные труды российских и зарубежных авторов в области изучения моделей экономического роста, их классификации на основе обширного эмпирического материала в отдельных странах и регионах, обоснования экспортоориентированной модели роста и модели экономического роста, движимого потреблением, работы, посвященные выявлению детерминант частного потребительского спроса (влиянию текущих и постоянных доходов, демографической структуры населения, интенсивности процессов урбанизации, показателей развития финансовых рынков, динамики развития сектора услуг, финансового и торгового посредничества и проч.), эволюции моделей экономического роста в странах Азии, исследованию перехода государств региона после Глобального финансового кризиса (ГФК) от экспортоориентированной модели роста к более сбалансированной, диверсификации источников экономического роста и стимулированию внутреннего спроса в целом и спроса домохозяйств в частности.

Анализ эволюции моделей экономического роста и паттернов потребления домохозяйств в 10 странах Азии опирался на сочетание исследований российских и национальных авторов, труды международных организация (МВФ, АБР, ОЭСР, ЭСКАТО, NBER), а также аналитику Euromonitor и международных консалтинговых компаний банков, таких как McKinsey, PwC, KPMG, Goldman Sachs, Accenture, Redseer Strategy Consultants, Daxue Consulting, DBS Bank, платформа Stardard Insights и проч.

Информационная и статистическая база исследования

Исследование опирается на статистические и аналитические ресурсы Организации объединенных наций, Всемирного банка, Международного Валютного Фонда, Международной Организации Труда, International Trade Center (Trade Map) Statistics,

Statista, Macrotrends, Trading Economics, а также данные национальных статистических служб государств – объектов исследования: National Bureau of Statistics of China, Ministry of Statistica and Programme Implementation – Government of India, Open Government Data Platform (OGD) – India, The National Statistical Commission (NSC) of India, The Statistics Bureau and the Director-General for Policy Planning of Japan, KOSIS Korean Statistical Information Service, National Bureau of Statistics – South Korea, BPS-Statistics Indonesia, Department of Statistics Malaysia, Singapore Department of Statistics (DOS), Philippine Statistics Authority (PSA), National Statistical Office of Thailand (NSO), National Statistics Office of Vietnam. Кроме того, были использованы российские источники: данные Росстат (Федеральная служба государственной статистики), Банка России и Федеральной таможенной службы.

В ряде случаев для целей исследования были проведены существенные манипуляции с существующими данными, в результате чего были сформированы принципиально новые массивы статистических данных. В частности, ООН предоставляет детальную информацию о структуре ВВП по расходам на страновом уровне, на их основании был рассчитан уникальный массив данных о вкладе каждого из компонентов ВВП по расходам в темпы прироста ВВП Азиатских стран.

Кроме того, на основании разрозненных данных из разных источников была сформирована уникальная база данных о потребительских расходах домохозяйств на разные группы товаров и услуг в 8 странах Азии. Источником данных по общему объему потребительских расходов в постоянных ценах стали данные Всемирного банка (World Development Indicators). Источником данных о доле каждой из товарных групп в общем объеме потребительских расходов стали данные Организации Объединенных Наций – Individual consumption expenditure of households[164], которые предоставляют страновую информацию об объемах потребления каждой категории в национальных валютах, что позволило рассчитать соответствующие доли и в последующем – величину расходов в постоянных ценах в абсолютном выражении. Ввиду отсутствия данных ООН об отраслевой структуре потребительских расходов домохозяйств в Китае, доля соответствующих товарных групп в общей структуре расходов на конечное потребление

[164] UN Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.un.org/Data.aspx?d=SNA&f=group_code%3A302 (дата обращения: 3 сентября 2025).

домохозяйств была рассчитана на основе ежегодных отчетов (Households' Income and Consumption Expenditure[165] и Yearbooks[166]) Национального комитета статистики Китая.

Дополнительную **источниковую базу** исследования составляют национальные документы стратегического планирования в десяти странах – объектах исследования, в т.ч. тексты краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планов социально-экономического развития, комплексных программ экономического развития и проч. на временном горизонте с 1970-х гг. до 2024 г. включительно.

Методологические основания исследования

Методология исследования основана на сочетании классического историко-описательного (логико-интуитивного) подхода с прикладным (аналитико-прогностическим), одновременным сочетанием инструментов качественного анализа с методами количественного, эконометрического анализа и экономико-математического моделирования. В основу исследования положены методы сравнительного, логического и динамического анализа, качественного и количественного анализа данных. Для выявления эволюции моделей экономического роста в государствах Азии используются методы структурно-динамического анализа, расширенный дискурс-анализ, а также контент-анализ документов стратегического планирования.

В части сопоставления теоретических подходов к исследованию природы экономического роста и детерминант частного потребления домохозяйств применены методы структурного анализа положений ключевых теорий и концепций, метод дедукции для выявления и построения взаимосвязей теоретических подходов и развития теории.

Для количественного измерения и выявления эволюции страновых моделей экономического роста используется метод декомпозиции ВВП и декомпозиции темпов экономического роста ВВП с расчетом вклада его компонентов в экономический рост. Оценка моделей экономического роста стран Азии в рамках предложенного двухмерного подхода опирается на контент-анализ документов стратегического планирования за период с 1970-х гг. по настоящее время, а также дискурс-анализ проводимой государственной политики. Обобщение отдельных аспектов экономической политики государств Азии в процессе стимулирования экономического роста на разных этапах

---

[165] National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250124_1958443.html (дата обращения: 3 сентября 2025).

[166] National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/ (дата обращения: 3 сентября 2025).

развития, а также движения в направлении диверсификации источников экономического роста после 2009 г. производится на основе методов анализа и синтеза информации; для формулирования выводов и установления закономерностей используются методы индукции и выявления причинно-следственных связей.

Номотетический метод, состоящий в выявлении общих закономерностей экономического развития стран Азиатского региона в условиях стремления к диверсификации источников экономического роста и постепенного перехода к модели роста, движимого внутренним потреблениям, соседствует с методом сравнительного анализа (ретроспективного и перспективного) тенденций потребительских расходов и их отраслевой структуры в различных государствах Азии, а также паттернов и моделей потребления домохозяйств.

Успешность в достижении целей и получении запланированных результатов исследования обусловлена использованием ряда методов экономико-математического моделирования и эконометрического анализа, в том числе таких как:

- регрессионный, корреляционный и дисперсионный анализ – для оценки детерминант частного потребления домохозяйств, в том числе их региональных особенностей в Азиатском регионе, а также оценки потребительского потенциала (расчета прогнозных значений потенциальных объемов частного потребления) и последующего расчета индекса реализации потребительского потенциала;
- статистические критерии для проведения регрессионного анализа и обеспечения надежности результатов регрессионного анализа (определения наилучшей спецификации модели регрессии) – Akaike Information Criterion (AIC) and Schwarz's Bayesian Information Criterion (BIC), the Prais-Winsten procedure, Ramsey Regression Equation Specification Error Test (RESET); для выбора наиболее подходящей регрессионной модели – критерии Hausman test, Breusch and Pagan Lagrangian multiplier test, Wald Test;
- в работе с временными рядами Dickey Fuller Test и Granger Causality Test для определения детерминистских взаимосвязей между факторами;
- метод экстраполяции для прогнозирования будущих объемов потребления, производств, импортного спроса, в т.ч. для разных товарных категорий.

Для проведения эконометрических расчетов и моделирования использованы статистические пакеты STATA и SPSS Statistics. Ранжирование 10 исследуемых стран

Азии по разным параметрам (в т.ч. интенсивности перехода к модели экономического роста, движимого частным потреблением домохозяйств, цивилизационным особенностям стран, препятствующих или способствующих реализации исследовательского потенциала, показателям эластичности частного потребления домохозяйств по разным детерминантам) в числе прочих количественных и качественных методов основывается на применении метода экспертных оценок и метода рангов, в т.ч. при разработке системы критериев для выявления типов потребительских моделей и их классификации.

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в выявлении паттернов (и моделей в более узком смысле) расходов домохозяйств на конечное потребление в 10 государствах Азии в контексте необходимости диверсификации источников экономического роста и расширения потенциала частного спроса, а также проблемы сохраняющихся глобальных дисбалансов с последующим моделированием возможных сценариев расширения потребительских расходов, изменения их товарной структуры и влияния на динамику и структуру импортного спроса.

Для достижения заявленной цели были определены следующие задачи:

1) исследовать концептуальные различия понятий «модели» и «паттерны» потребления домохозяйств и существующие подходы к их классификации; предложить и обосновать оригинальную систему страновых моделей частного потребления в Азии с опорой на существующие теории потребления в рамках многомерного подхода;
2) изучить эволюцию моделей экономического роста в 10 странах Азии с позиции роли потребительских расходов домохозяйств на основе комплексного двухмерного методологического подхода к их определению;
3) в рамках количественной оценки глобальных потребительских дисбалансов и изучения места 10 рассматриваемых стран Азии разработать концепцию реализации потребительского потенциала, в т. ч. авторскую методологию оценки Индекса реализации потребительского потенциала, опирающуюся на научно обоснованные теории детерминант потребления домохозяйств;
4) выявить и обосновать общие закономерности и региональные отличия влияния ключевых социально-экономических детерминант на динамику расходов на конечное потребление в 10 странах Азии;

5) выявить и оценить внеэкономическую природу низкой склонности рассматриваемых азиатских стран к потреблению, обусловленной внеэкономическими параметрами;
6) оценить динамику изменения потребительского поведения и обусловленной внеэкономическими факторами склонности 10 азиатских стран к потреблению во времени, в т.ч. после 2009 г. на фоне осознания исчерпания ресурса внешнего спроса;
7) выявить страновые особенности изменения расходов на конечное потребление домохозяйств в зависимости от динамики и категорий доходов, изменения уровня цен, а также влияния проводимой налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики;
8) выявить закономерности и различия влияния основных социально-экономических параметров (детерминант) на потребление разных категорий товаров и услуг;
9) разработать систему прикладных выводов и рекомендаций для России об ожидаемой динамике развития потребительских рынков Азии, нишевых возможностях для российских экспортеров и совершенствовании механизмов экономического сотрудничества в рамках «разворота на Восток».

Объект исследования

Объектом исследования выступают 10 государств Азии, обладающих наиболее высоким потребительским потенциалом (с учетом демографических и социально-экономических факторов), а именно Китай, Япония, Республика Корея, Индия, и шесть стран АСЕАН с более высоким уровнем экономического развития (Сингапур, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Таиланд, Вьетнам).

Выбор 10 стран Азии в качестве объектов анализа продиктован, с одной стороны, тем, что они входят в число наиболее динамично развивающихся экономик мира и/или обладают значительным потребительским потенциалом. С другой стороны, эти государства являются важными, приоритетными торгово-экономическими партнерами России в контексте политики «разворота на Восток», однако текущий уровень реализации их потенциала для двустороннего и многостороннего сотрудничества остается фрагментарным и в ряде случаев существенно недооцененным.

Предмет исследования

Предметом исследования выступают паттерны и модели расходов домохозяйств на конечное потребление в 10 государствах Азии, выступающих объектами исследования, оцененные на основе оригинального методологического подхода и предложенных критериев для их классификации с учетом интенсивности роста частного потребления домохозяйств, их детерминант и отраслевой структуры.

Хронологические рамки исследования

Эволюция моделей экономического роста на основе двухмерного подхода прослеживается на горизонте более 50 лет (с 1970 по 2024 г.); ретроспективный качественный анализ и количественное моделирование тенденций потребления домохозяйств охватывает более 30 лет (с 1991 по 2024 г.), прогнозирование среднесрочной динамики частного потребления в рамках сценарного подхода в соответствии с выявленными моделями проводится до 2050 года.

Научная новизна исследования

К числу наиболее значимых результатов, полученных лично автором диссертации и обладающих научной новизной, относятся следующие:

1. В отсутствие системного подхода к определению паттернов потребления домохозяйств предложена концептуализация понятий «моделей» и «паттернов» потребления домохозяйств; разработана и обоснована оригинальная система страновых моделей частного потребления в Азии с опорой на существующие теории потребления в рамках многомерного подхода.

Предложенная научная концепция отличается от известных представлений (1) введением в научный оборот и разграничением понятий «паттерн» и «модель» и (2) разработкой авторской типологизации страновых моделей частного потребления.

В отсутствие системного подхода к определению паттернов потребления в диссертационном исследовании впервые предложена целостная концептуализация понятий «паттерны» и «модели» потребления домохозяйств, основанная на многомерном подходе и структурно-функциональном анализе. Разграничение понятий позволило сформировать уникальную концептуально-методологическую основу, обеспечивающую комплексный анализ потребления домохозяйств в странах Азии на пересечении количественного (эконометрического) и качественного (социально-экономического, а также культурно-цивилизационного) подходов.

Автором разработана оригинальная типология моделей потребления домохозяйств, опирающаяся на теоретические положения кейнсианской, институциональной и неоклассической школ и учитывающая различия в источниках дохода, характеристиках институциональной среды и влиянии экономической политики.

Предложенная концепция восполняет пробел в теоретической и эмпирической литературе по паттернам и моделям потребления в целом, и в Азии в частности, обеспечивает возможность межстрановых сравнений и выявление устойчивых трендов трансформации потребительского поведения. Глубинный анализ паттернов и моделей потребления домохозяйств на страновом уровне позволяет дифференцировать драйверы потребительских расходов домохозяйств, оценить потребительский потенциал рынка с учетом социально-экономических условий развития стран региона, прогнозировать будущие изменения динамики потребительского спроса с учетом комплекса социально-экономических факторов, формирует основу для совершенствования государственной политики в области доходов, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики для стимулирования потребительского спроса домохозяйств.

2. Обоснован комплексный двухмерный методологический подход к определению моделей экономического роста с позиции роли потребительских расходов домохозяйств.

В условиях отсутствия системного методологического подхода, позволяющего выявлять модели экономического роста с акцентом на изменение роли потребления домохозяйств, был обоснован двухмерный подход, сочетающий (1) принцип декомпозиции ВВП (оценки вклада компонентов ВВП в экономический роста с 1970-х гг.) и (2) анализ стратегических документов. Первый позволяет определить количественно вклад компонентов и выявить фактическую модель развития страны, второй – официально декларируемые приоритетные модели роста. В Азии этот подход позволяет оценить, насколько стимулирование частного потребления и переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, являются приоритетом экономической политики. Второе измерение анализа основано главным образом на контент-анализе ключевых документов стратегического планирования (кратко- и среднесрочных планов развития).

Совмещение двух подходов позволяет определить, в какой мере официально декларируемые на уровне документов стратегического развития приоритеты

трансформируются в синхронное реальное изменение соотношения драйверов в структуре экономического роста и/или оценить «отложенный эффект», разный для разных стран.

В условиях недостаточной концептуализации критериев для выявления моделей экономического роста на основе декомпозиции ВВП (экспортоориентированный рост; инвестиционный рост; рост, движимый внутренним спросом или частным потреблением домохозяйств и проч.), авторский вклад состоит в разработке четкой системы количественных критериев, позволяющих отнести страну к одной из четырех моделей: (1) экспортоориентированный рост; (2) рост, движимый внутренним спросом (доминирующие инвестиции; доминирующее частное потребление; сбалансированный рост); (3) рост, движимый экспортом и инвестициями; (4) сбалансированный рост. Модель считается устойчивой, если приверженность сохраняется на протяжении не менее 5 лет.

Предложенный подход позволяет восполнить методологический пробел в подходах к классификации моделей роста с фокусом на место потребительских расходов домохозяйств; выявлять расхождения между официальной экономической политикой и фактическими результатами, а также прогнозировать вероятность и устойчивость перехода стран Азии к модели роста, ориентированной на внутреннее потребление (или закрепление данной модели)

3. Предложена авторская методология оценки Индекса реализации потребительского потенциала – нового инструмента изучения отклонений уровня текущего потребления от потенциально возможного, – опирающегося на научно обоснованные теории детерминант частного потребления домохозяйств.

В развитие концепции глобальных потребительских дисбалансов, осознавая несовершенство и ограничения существующих методологических подходов к их количественной оценке, автором разработана концепция реализации потребительского потенциала, а также предложен соответствующий Индекс реализации потребительского потенциала (ИРПП). Этот новый научный инструмент позволяет количественно оценить степень отклонения реального значения частных расходов домохозяйств на душу населения для отдельной страны в тот или иной год, от потенциально возможного (прогнозного) значения, рассчитанного на основе разработанной модели оценки детерминант частного потребления.

Экономический смысл индекса состоит в том, что он фактически позволяет оценить дисбалансы в эффективности детерминант модели и их способности обеспечивать симметричный рост потребительских расходов домохозяйства в разных странах и группах стран. Такой подход имеет два ключевых достоинства. Во-первых, он позволяет потенциально определить не только текущий разрыв в уровне потребительских расходов домохозяйств между разными группами стран и регионов (например, между группами развитых, развивающихся и наименее развитых стран или внутри исследуемой группы 10 стран Азиатского региона), но и потенциальный разрыв на средне- и долгосрочную перспективу. Во-вторых, он позволяет сделать выводы о динамике изменения ИРПП во времени, а соответственно, может выступать дополнительным параметром для оценки перспектив перехода модели страны к модели экономического роста, движимого внутренним потреблением, в средне- и долгосрочной перспективах.

Расчет авторского индекса реализации потребительского потенциала опирается на широкий пласт теорий потребления, в т.ч. теорию абсолютного дохода; теорию жизненного цикла; изучения влияние социально-экономической неопределенности на потребительский спрос; финансового фактора частного спроса; работ, посвященных влиянию развития сферы услуг и торгового посредничества на потребительское поведение домохозяйств, а также работ, посвященных оценке влияния внешней торговли и экспорта на внутренний спрос. Методологическая новизна заключается в интеграции поведенческих, институциональных и экономических детерминант, лежащих в основе потребления домохозяйств. Фактически ИРПП позволяет выявить скрытые резервы роста частного потребления, что критично как с точки зрения решения проблемы глобальных дисбалансов, так и с точки зрения потенциала стимулирования экономического роста за счет компонента потребления на национальном уровне.

На эмпирическом уровне методика была применена к 10 странам Азии; полученные результаты позволили дифференцировать страны по степени реализации их потребительского потенциала, а также выявить различия в динамике ИРПП в посткризисный период. Особенно значимым результатом стало выделение Малайзии и Вьетнама в качестве стран, демонстрирующих устойчивый тренд опережающего роста потребления, а также фиксация позитивной динамики в Китае. В то же время для Индии, Индонезии, Японии, Республики Корея и Сингапура подтвержден хронически недореализованный потенциал.

Таким образом, ИРПП может быть использован в качестве индикатора эффективности экономической политики, ориентированной на рост потребления домохозяйств, а также одного из инструментов прогнозирования вероятности перехода к модели роста, ориентированного на частное потребление.

4. Установлены и обоснованы общие закономерности и региональные отличия влияния ключевых социально-экономических детерминант на динамику расходов на конечное потребление в 10 странах Азии.

В условиях ограниченности комплексных многофакторных исследований, посвященных анализу детерминант региональных расходов домохозяйств в Азиатском регионе, автор представляет многоуровневый качественный и количественный анализ влияния ключевых социально-экономических детерминант на динамику частного потребления домохозяйств в 10 странах региона. В отличие от большинства существующих работ, автор сосредоточил внимание не только на оценке взаимообусловленного направления и силы воздействия факторов, но и на сопоставлении выявленных закономерностей с общемировыми трендами, что дает возможность выявить не только страновую, но и общерегиональную специфику потребительского поведения. Региональный подход позволяет создать научно обоснованную базу для перехода к оценке моделей и паттернов потребления на страновом уровне.

5. Подтверждена гипотеза о существовании низкой склонности рассматриваемых азиатских стран к потреблению, обусловленной внеэкономичсекими параметрами.

В рамках дальнейшего развития цивилизационного подхода в экономических исследованиях и концепций, раскрывающих взаимосвязь культурно-цивилизационных характеристик и потребительского поведения, автором была сформулирована и эмпирически протестирована гипотеза о внеэкономической природе относительно низкой склонности к потреблению в странах Азии.

В отличие от сравнительно небольшого числа разрозненных работ, которые ограничиваются качественным и дескриптивным подходом к анализу влияния ментальных культурно-цивилизационных особенностей на поведенческие паттерны потребления, в этом исследовании автор количественно оценивает вклад внеэкономических (социокультурных) факторов в формирование динамики потребительского поведения, апробируя подход одновременно в отношении 10 стран Азии, что позволяет проводить страновые сравнения и ранжировать объекты

исследования по степени культурно-цивилизационной предрасположенности к расширению потребления.

Научная новизна выражается в объяснении особенностей потребительского поведения в Азии с позиции цивилизационного подхода, что позволяет объяснить устойчивые региональные диспропорции в рамках глобальных потребительских дисбалансов. Культурные и поведенческие аспекты подвергаются количественной оценке как фундаментальные факторы глиальных (и региональных) потребительских дисбалансов, особенно в азиатском контексте. Это открывает новые направления в области поведенческой экономики, политэкономии и институциональных теорий.

Ключевым эмпирическим результатом стало подтверждение того, что во всех 10 странах Азии наблюдается статистически значимое отрицательное влияние внеэкономических факторов на динамику потребительского спроса.

6. Протестирована гипотеза об изменении потребительского поведения и повышении склонности 10 азиатских стран к потреблению после 2009 г. на фоне осознания исчерпания ресурса внешнего спроса; доказано постепенное снижение цивилизационной склонности населения стран Азии к потреблению с течением времени (на протяжении более 30 лет с 1991 по 2023 г.).

Современные исследования в рамках цивилизационного подхода нередко рассматривают «цивилизационные» особенности национальных обществ как относительно стабильные или крайне медленно изменяемые во времени параметры. Проявляются они и в высокой склонности к сбережениям, характерной для большинства стран Азии. Однако в рамках нашеего исследования была выдвинута и эмпирически подтверждена гипотеза о динамической природе данных установок, а также о возможности трансформации внеэкономических ограничений потребления под действием комплекса социально-экономических процессов, реформ, глобализации и культурной интеграции.

Научная новизна положения состоит в опровержении постулата о неизменности цивилизационных параметров, предопределяющих склонность азиатских обществ к потреблению, разработке подхода к оценке их изменения во времени, а также в эмпирической количественной оценке изменения сдерживающего ресурса внеэкономических факторов на страновом уровне в течение периода 1991–2023 годов. Авторский вклад состоит в доказательстве того, что культурно-цивилизационные

ограничения склонности к потреблению подвержены трансформации и становятся все менее значимым фактором региональных дисбалансов в глобальной системе потребления.

7. Выявлены страновые особенности изменения расходов на конечное потребление домохозяйств в зависимости от динамики и категорий доходов, от изменения уровня цен, а также влияния проводимой налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики; представлена классификация моделей потребления в 10 странах Азии в рамках трех ранее разработанных автором классификаций.

Для каждой из 10 стран представлены оценки чувствительности потребительских расходов домохозяйств к изменению ключевых социально-экономических факторов. Основной акцент сделан на оценке реакции конечных потребительских расходов домохозяйств на изменение уровня и структуры доходов, инфляционных процессов, а также параметров налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. Была разработана матрица индивидуальных коэффициентов зависимости, определяющая научную новизну этого положения и расширяющая инструментарий анализа внутреннего потребительского спроса. Такойподход позволяет выявить:

- значимость и силу влияния детерминант на страновом уровне (разные категории доходов, инфляция, задолженность, проводимая политика);
- временные лаги и характер отсроченного воздействия детерминант на потребительские расходы домохозяйств (т.е. разделять интенсивность влияния на кратко- и среднесрочном горизонтах);
- особенности моделей потребления на страновом уровне.

Данный подход (1) учитывает специфику каждой региональной экономики; (2) позволяет типологизировать страны региона в соответствии с уникальными разработанными и предложенными автором классификациями моделей потребления домохозяйств (по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления, в зависимости от категории дохода и по характеру влияния экономической политики); (3) дает возможность более эффективно корректировать проводимую экономическую политику с учетом трансформации на национальном уровне, региональных и глобальных шоков.

8. Выявлены закономерности и различия влияния основных социально-экономических параметров (детерминант) на потребление разных категорий товаров и услуг.

Автором предложено выявление различий в степени влияния основных социально-экономических параметров на расходы домохозяйств по разным категориям товаров и услуг. Подобный анализ проводится впервые на региональном уровне, опирается на уникальный собранный автором массив статистических данных, позволяет выйти за пределы агрегированных оценок конечного потребления и перейти к структурному анализу потребительского поведения (потенциальному изменению структуры потребительской корзины домохозяйств) при изменении тех или иных детерминант.

Количественный анализ и сопоставление результатов были проведены для восьми укрупненных категорий товаров и услуг: (1) все товары и услуги; (2) еда, напитки и лекарственные средства; (3) одежда и обувь; (4) мебель и бытовая техника; (5) транспорт и связь; (6) образование; (7) здравоохранение; (8) прочие категории. Научная новизна заключается в предложенном подходе к исследованию структурной эластичности потребления, учитывающей категорийные различия в ответе на макроэкономические стимулы и изменение ключевых социально-экономических детерминант. Это дает возможности для таргетированной экономической политики, с одной стороны, и прогнозирования потенциальных изменений структуры потребительской корзины азиатских домохозяйств в ответ на изменения общих социально-экономических условий развития региона, с другой.

9. Разработана система прикладных выводов и рекомендаций для России об ожидаемой динамике развития потребительских рынков Азии, нишевых возможностях для российских экспортеров и совершенствовании механизмов экономического сотрудничества в рамках «разворота на Восток».

В рамках диссертационного исследования впервые системно обоснован и эмпирически верифицирован прикладной подход к оценке перспектив российского экспорта на фоне структурной трансформации потребления на 10 крупнейших и стратегически важных для России азиатских рынках. Разработана оригинальная система рекомендаций, учитывающая выявленные национальные паттерны расходов на конечное потребление домохозяйств, а также институциональные, инфраструктурные, геополитические ограничения и культурно-цивилизационные особенности.

Научная новизна полученного комплекса результатов состоит в следующем:

- выявлении слабо освоенных и быстрорастущих экспортных ниш, включая рынок образовательных услуг, медицинских технологий, экологических и цифровых решений, а также продукции креативной индустрии;
- предложении стратегии «гибкой экспансии», предполагающей диверсификацию форматов присутствия (от маркетплейсов до совместных производств и B2G-проектов);
- выявление детерминистской взаимосвязи между демографическими параметрами и потенциалом расширения присутствия российских компаний на азиатских рынках, что ранее не получало должного теоретико-прикладного осмысления.

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на «разворот на Восток», наполнив его не декларативным, а содержательным смыслом с учетом недореализованного потенциала сотрудничества, существующих возможностей и ограничений. Вклад автора заключается в формировании целостной картины взаимодействия России с азиатскими рынками на базе потребительских паттернов, что восполняет пробел в современной экономической литературе по внешнеэкономическим стратегиям России в условиях глобальной и региональной трансформации.

Научная новизна диссертационного исследования и полученных результатов раскрывается в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. *Предложена концептуализация понятий «моделей» и «паттернов» потребления домохозяйств; разработана и обоснована оригинальная система страновых моделей частного потребления в Азии с опорой на существующие теории потребления в рамках многомерного подхода*.

Предложенная концептуальная рамка опирается на следующие предложенные автором определения:

Паттерны потребления домохозяйств – это устойчивые, воспроизводимые и характерные совокупности поведенческих, структурных и динамических характеристик потребления домохозяйств, отражающие специфику их предпочтений и привычек, культуры потребительского поведения, интенсивность и отраслевую структуру, формирующихся под воздействием социально-экономических, демографических, культурно-цивилизационных, институциональных и иных факторов.

Модели потребления домохозяйств – это формализованные концептуальные конструкции, описывающие и объясняющие механизмы потребительского поведения домохозяйств на основе количественной (эконометрической) оценки влияния его основных детерминант и выявления ключевых драйверов роста потребления домохозяйств.

Такой подход к определению терминологического аппарата основан на нескольких принципах. Во-первых, разграничение дается во многом по количественно-качественному принципу и опирается на использование этих понятий в англоязычной литературе. «Consumption patterns» чаще используются в качественном контексте при проведении качественного анализа динамики потребления домохозяйств, эволюции его отраслевой структуры, описания поведенческих и культурных особенностей, эволюции образа потребителя и т.д. «Consumption models», как правило, направлены на объяснение поведения потребителей и динамики потребительских расходов с использованием эконометрического инструментария, акцент делается на функциональные зависимости, моделирование причинно-следственных связей между потреблением и его детерминантами – доходами, ценами, проводимой экономической политикой (монетарной и фискальной). Соответственно, модели имеют и прогностическую функцию. Во-вторых, категоризация проводится с позиции структурного анализа, выстраивающего иерархию понятий. При такой трактовке «паттерны» представляют собой более широкое понятие, а «модели» – составной элемент паттернов (количественно формализованный инструмент объяснения наблюдаемых паттернов).

В рамках анализа были обозначены основные группы факторов, формирующие паттерны потребления домохозяйств в Азиатском регионе:

- экономические (характеристики дохода на душу населения, динамика урбанизационных процессов, интенсивность развития сферы услуг, степень торговой открытости экономики, уровень развития финансовой системы);
- социальные (уровень инфляции, безработицы, интенсивность государственных расходов);
- демографические (численность населения в трудоспособном возрасте, его половозрастная структура);
- цивилизационные (культурные нормы, исторические, религиозные особенности, определяющие образ потребления).

Было установлено, что общие тенденции трансформации потребительского поведения в странах Азии состоят в следующем:

- расширение и диверсификация структуры потребительской корзины, изменение рациона питания вследствие общего роста доходов и расширения среднего класса;
- изменение структуры потребления вследствие омоложения населения (в группе быстро растущих – Индия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины, Малайзия) и сокращения среднего размера домохозяйств;
- рост спроса на «умные» технологии, экологичные товары (формирующий тренд на «устойчивое потребление») и цифровые услуги на фоне стремительных процессов урбанизации и развития технологий;
- усиление роли женщин и молодежи как драйверов новых потребительских тенденций;
- ослабление лояльности населения к традиционным хорошо известным брендам и рост спроса на инновационные, креативные, менее известные и локальные продукты и контент.

С учетом выявленных региональных особенностей в развитие концепции автором предложены типы моделей потребления домохозяйств:

1) по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления (опираясь на структурно-функциональный подход и положения ключевых теорий потребления): (1) доходно-ориентированная модель; (2) структурно-урбанизационная модель; (3) институционально-финансовая модель; (4) социально-демографическая модель; (5) инфляционно-адаптивная модель. Предложена система количественных критериев для выявления типа модели на страновом уровне.
2) в зависимости от категории дохода: (1) движимого ростом общего текущего дохода; (2) ростом общего постоянного дохода; (3) ростом заработных плат; (4) ростом общих доходов работников; (5) накоплением долгов; (6) определяемой динамикой цен.
3) по характеру влияния экономической политики на динамику потребления (опираясь на положения институциональной теории): (1) потребление, определяемое денежно-кредитными инструментами; (2) потребление, обусловленное фискальными стимулами; (3) смешанная модель.

Установлено, что общие паттерны потребления во многом определяются соотношением возрастной структуры и уровня среднедушевого дохода: подтверждено, что чем выше в стране доля населения в более старшем возрасте (поколения X и старше), тем более консервативным является общество, тем выше его приверженность традиционным брендам, более традиционной и менее гибкой является отраслевая структура потребления. При этом доказано, что доминирующими моделями потребления в исследуемой группе стран Азии являются доходно-ориентированная и структурно-урбанизационная.

2. *Обоснован комплексный двухмерный методологический подход к определению моделей экономического роста с позиции роли потребительских расходов домохозяйств.*

Использование предложенного двухмерного подхода позволило отследить эволюцию изменения моделей экономического роста для каждой из 10 стран региона. Расчет вклада разных компонентов ВВП (метод декомпозиции ВВП) в темпы экономического прироста на базе разработанной системы количественных критериев позволил проследить реальную эволюцию моделей экономического роста. Анализ текстов стратегических документов и установленных в них плановых индикаторов развития позволил выявить трансформацию приоритетов экономической политики. В результате были установлены некоторые закономерности между стратегическими приоритетами, зафиксированными в национальных документах, и фактической структурой источников экономического прироста, выявляемой на основе декомпозиции ВВП, в частности, показано, что общим трендом для большинства стран региона стала начальная ориентация на внутренний спрос, часто при доминировании потребления домохозяйств. В последующие годы оформились две разные траектории развития в странах региона. Первая группа стран – Китай, Япония, Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Вьетнам – переходили сначала к сбалансированному росту и в последующем к экспортоориентированному (в Сингапуре экспортоориентированная модель оформилась раньше, к началу 1990-х гг., во Вьетнаме – значительно позже, к началу 2010-х годов. Вторая группа стран – Индия, Индонезия, Филиппины и Таиланд – двигались медленнее и достигли сбалансированного роста к моменту Глобального финансового кризиса и падения внешнего спроса, сохранив приверженность этой модели в посткризисные годы или вернувшись к модели, движимой внутренним спросом (Индия).

Было установлено, что переход к экспортоориентированному росту в Азии было реализовать легче, нежели обеспечить эффективность политики стимулирования потребительских расходов домохозяйств: в среднем временной лаг между официальным закреплением стремления к расширению экспорта в документах стратегического планирования и резким увеличением его вклада в прирост ВВП составлял 7–10 лет; существенного расширения вклада частного потребления удается добиться на горизонте не менее 10–12 лет, этот процесс менее управляем и в ряде стран еще не завершен.

Проведенный анализ позволил обосновать следующую классификацию стран Азии по перспективам перехода к модели роста, движимого внутренним потреблением:

- Китай и Япония – рост, движимый иными компонентами ВВП, несмотря на официальное закрепление перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики (стратегическое стремление в отсутствии перехода);
- Республика Корея, Сингапур – рост, движимый иными компонентами ВВП, в отсутствие официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики (отсутствие перехода и стремления);
- Филиппины – рост, движимый внутренним потреблением, в сочетании с официальным закреплением перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики (переход сочетается со стратегическим стремлением);
- Индия, Индонезия – рост, движимый внутренним потреблением, без официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики (укрепление без стремления);
- Малайзия, Таиланд, Вьетнам – сбалансированный рост и стратегическое ориентирование.

3. *Предложена авторская методология оценки Индекса реализации потребительского потенциала – нового инструмента изучения отклонений уровня текущего потребления от потенциально возможного, – опирающегося на научно обоснованные теории детерминант частного потребления домохозяйств*.

В рамках количественной оценки глобальных потребительских дисбалансов и изучения места 10 стран Азии предложена и апробирована новая концепция реализации

потребительского потенциала, количественным инструментом которой стал Индекс реализации потребительского потенциала (ИРПП).

Понятие реализации потребительского потенциала вводится автором в научный оборот как обозначающее степень достижения страной потенциально возможного уровня потребительских расходов домохозяйств (в расчете на душу населения), соответствующего ее социально-экономическим характеристикам и условиям экономической среды. Индекс интерпретируется следующим образом: ИРПП < 1 указывает на недореализацию имеющегося потребительского потенциала, значение ИРПП > 1 означает избыточную реализацию по сравнению со среднемировыми трендами.

Эмпирическое применение подхода к 10 объектам исследования и динамическая оценка ИРПП позволили сгруппировать страны Азии по двум аналитическим критериям: среднему уровню ИРПП за последние 15 лет (в посткризисный период) и направлению динамики этого индекса (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Категоризация стран Азии в рамках концепции реализации потребительского потенциала

		Значение ИРПП (после 2010 г.)	
		Недореализация	Избыточная реализация
Долгосрочный тренд	Восходящий	Китай	Малайзия, Вьетнам
	Нейтральный	Индия, Индонезия, Таиланд	Филиппины
	Нисходящий	Япония, Республика Корея, Сингапур	

Источник: составлено автором на основе проведенных расчетов.

По итогам расчетов было установлено следующее:

- Наиболее выраженную и устойчивую положительную динамику ИРПП демонстрируют Малайзия и Вьетнам, в которых после Глобального финансового кризиса произошел переход от хронического недопотребления к полной реализации потребительского потенциала. Это позволяет говорить об успешной реализации комплекса структурных реформ, направленных на рост доходов и укрепление внутреннего спроса.
- Китай, несмотря на исторически низкие значения ИРПП, демонстрирует стабильный восходящий тренд, свидетельствующий о постепенном приближении

к реализации потребительского потенциала, хотя и с существенным временным лагом.

- Противоположную динамику демонстрируют Сингапур и Республика Корея, где сохранявшиеся до ГФК значения индексов на уровне выше 1 после 2010–2011 гг. сменились недореализацией потребительского потенциала. ИРПП Японии демонстрирует аналогичный нисходящий тренд, однако в этой стране исторически не было избыточного потребления, что указывает на хронические структурные и поведенческие ограничения роста потребления.
- Индия, Индонезия и Таиланд устойчиво недопотребляют, причем в Индии разрыв между текущим и потенциально возможным уровнем потребления значительно выше. Филиппины реализуют собственный потребительский потенциал на уровне, соответствующем среднемировому, демонстрируя стабильно умеренную эффективность его реализации.

Было выявлено, что экономические кризисы (Азиатский финансовый кризис 1997, Глобальный финансовый кризис 2007–2008, пандемия) негативно влияют на потребление, приводя к резкому краткосрочному снижению ИРПП почти во всех странах региона. В то же время в посткризисные периоды фиксируется его ускоренное восстановление, что говорит о высокой чувствительности и адаптивности потребительского поведения.

4. *Установлены и обоснованы общие закономерности и региональные отличия влияния ключевых социально-экономических детерминант на динамику расходов на конечное потребление в 10 странах Азии.*

По итогам комплексного качественного и количественного анализа региональных особенностей потребительского поведения домохозяйств к числу наиболее значимых результатов можно отнести следующие.

Установлена сниженная эластичность расходов на конечное потребление домохозяйств по уровню доходов (в сравнении с общемировым трендом) и одновременно более высокая чувствительность по уровню постоянного дохода в сопоставлении с реагированием на изменение текущего дохода. Это означает, что азиатские потребители действуют более осторожно и склонны в большей степени планировать потребление с учетом долгосрочных ожиданий дохода, а не его единовременного увеличения.

Выявлено, что урбанизация стимулирует расширение потребительских расходов домохозяйств в 5–6 раз сильнее, чем в среднем по миру.

Подтверждено обратное влияние внешнеторговой открытости на динамику потребительских расходов домохозяйств, что можно интерпретировать как следствие преобладавшей в ряде стран региона на протяжении длительного времени экспортоориентированной модели экономического роста (и сохраняющемся высоком вкладе экспорта в ВВП и темпы прироста), при которой значительная часть доходов реального сектора направляется не на потребление, а на инвестиции и сбережения. Особенно это характерно для Китая, Республики Корея, Малайзии и Сингапура.

Зафиксировано инфляционно-опережающее поведение азиатских домохозяйств, доказано прямое воздействие уровня цен на динамику потребительских расходов в отличие от ситуации по миру в целом, где инфляция как маркер социально-экономической нестабильности сдерживает частное потребление. То есть инфляционные ожидания сдерживают отложенное потребление азиатских домохозяйств, подталкивая их совершать покупки «до дальнейшего повышения цен».

Определено, что финансовое развитие оказывает в целом стимулирующее воздействие на динамику расходов на конечное потребление азиатских домохозяйств, при этом проявляется более высокая зависимость преимущественно в странах с высокой степенью финансовой инклюзии (где влияние финансового фактора проявляется в несколько раз сильнее, чем по миру в целом), тогда как в менее развитых в финансовом отношении экономиках эффект ограничен.

Установлено, что развитие сферы услуг, выражающееся в росте доли сферы услуг в ВВП, сильнее стимулирует расширение потребления в исследуемой группе стран Азии, нежели по миру в целом.

Доказана важная роль гендерного фактора в стимулировании частного потребления домохозяйств. Во всех обществах женщины выступают драйвером потребительского спроса, однако в Азии этот фактор проявляется значительно сильнее.

5. *Подтверждена гипотеза о внеэкономической природе низкой склонности рассматриваемых азиатских стран к потреблению.*

По результатам проведенного анализа удалось количественно оценить влияние неколичественных страновых параметров – ценностных, поведенческих, социокультурных особенностей, определяющих потребительское поведение, – на

динамику частного потребления домохозяйств и ранжировать страны с точки зрения интенсивности воздействия факторов, сдерживающих потребительский спрос.

Был получен ряд важных результатов.

Доказано, что во всех исследуемых странах Азии рост потребительских расходов сдерживается цивилизационными, внеэкономичсекими особенностями.

Установлено, что китайское население обладает наибольшим «сдерживающим» потребление ресурсом, что обусловлено совокупным влиянием культурных норм (включая конфуцианскую традицию, ориентированную на самодисциплину, накопление, уважение к иерархии и заботу о будущем поколении), а также государственным нарративом сбережения как элемента социальной ответственности. Даже при росте доходов и иных стимулирующих факторов культурно-цивилизационные установки продолжают ограничивать расширение потребления.

Следующими по степени цивилизационно обусловленной «сдержанности» потребления являются Индия и Таиланд, представляя собой страны с умеренной, но устойчивой степенью внеэкономического сдерживания потребительского спроса. Это также обусловлено устойчивыми социокультурными паттернами, включая высокую роль семейных обязательств, ориентацию на накопление в рамках семейных и кастовых структур и проч.

Установлено, что следующими (в порядке убывания сдерживающей силы цивилизационных факторов) в перечне 10 стран стоят Индонезия и Малайзия, что согласуется в значительной степени с исламской культурной традицией умеренности и предпочтениями накопления; далее следуют Вьетнам и Сингапур, отражая влияние постконфуцианской традиции и социальных установок на экономическое поведения.

Определено, что относительно более развитые в экономическом отношении государства Северо-Восточной Азии – Япония и Республика Корея – отличаются сравнительно меньшим сдерживающим ресурсом, однако эти общества также характеризуются культурной ориентацией на долгосрочное финансовое планирование, накопления и умеренность потребления.

Доказано, что Филиппины выступают статистическим исключением в исследуемой группе стран. Сдерживающее влияние социокультурных факторов ограничено и проявляется в большей степени в условиях нестабильного дохода населения, в то время

как при устойчивом росте постоянного дохода сдерживающий потребление цивилизационный ресурс нивелируется.

6. *Протестирована гипотеза об изменении потребительского поведения и повышении склонности 10 азиатских стран к потреблению после 2009 г. на фоне осознания исчерпания ресурса внешнего спроса; доказано постепенное снижение не обусловленной социально-экономическими факторами склонности населения стран Азии к потреблению с течением времени (на протяжении более 30 лет с 1991 по 2023 г.).*

В рамках исследования автором подтверждена гипотеза о том, что влияние цивилизационных факторов на сдерживание потребления в 10 исследуемых странах Азии в период с 1991 по 2023 г. не является константой, а трансформируется во времени.

Доказано, что азиатские сообщества, несмотря на сохраняющуюся сравнительно высокую склонность к сбережениям, в общерегиональном измерении постепенно сближаются с общемировыми трендами.

Подтверждено, что на фоне общего ослабления отрицательного влияния культурно-цивилизационных внеэкономических сдерживающих факторов в азиатском регионе происходит формирование более монолитного потребительского поведения; в 10 странах Азии происходит постепенное выравнивание влияния страновых предрасположенностей, объясняющих интенсивность потребления домохозяйств.

В то же время показано, что на фоне общего сужения различий в интенсивности сдерживающего влияние культурно-цивилизационных факторов на страновом уровне данные процессы протекают по-разному:

1. Установлено, что Китай сохраняет рекордную склонность населения к сбережениям, однако демонстрирует ее устойчивое снижение, что свидетельствует о том, что проводимая политика «двойной циркуляции» определенно способствует постепенному преодолению этой цивилизационной особенности китайской нации, хотя и значительно медленнее, чем в иных странах региона.
2. Доказано, что в Индии и Малайзии сдерживающее потребление влияние цивилизационного фактора снижается; в Японии и Вьетнаме наблюдается менее выраженное, но устойчивое снижение страновой цивилизационно обусловленной предрасположенности домохозяйств к сбережениям.

3. При этом установлено, что в Сингапуре и Республике Корея зафиксирован обратный тренд – усиление внеэкономических ограничений, что может быть дополнительно связано с факторами старения населения, роста социально-экономической неопределенности и усложнением паттерна потребления; в Таиланде и Индонезии четкой устойчивой динамики за последние более 30 лет не выявлено: влияние внеэкономических параметров колебалось разнонаправленно в течение исследуемого периода, что может свидетельствовать о сложной многослойной структуре потребительских установок в этих обществах.

Установлено, что Глобальный финансовый кризис стал поворотной точкой в формировании сдвигов в цивилизационно обусловленном поведении потребителей: в большинстве азиатских стран после 2009 г. произошла смена стратегических приоритетов в направлении диверсификации источников экономического роста и стимулирования потребления домохозяйств, что сопровождалось ускорением трансформации потребительского поведения, особенно у молодого поколения городского населения.

7. *Выявлены страновые особенности реагирования расходов на конечное потребление домохозяйств на динамику и структуру доходов, изменение уровня цен, а также влияния проводимой налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики; представлена классификация моделей потребления в 10 странах Азии в рамках трех ранее разработанных автором классификаций*.

В рамках перехода от регионального уровня к страновым сопоставлениям автором была рассчитана уникальная матрица индивидуальных индексов зависимости потребительских расходов домохозяйств от широкого набора детерминант на принципах ранее предложенных автором трех классификаций моделей потребления.

Установлено, что по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления доминирующими моделями являются доходно-ориентированная и структурно-урбанизационная, которым следуют Китай, Индия Индонезя, Филиппины, Таиланд, Малайзия (при одновременном проявлении социально-демографической модели) и Вьетнам (при проявлении институционально-финансовой). Япония следует институционально-финансовой и инфляционно-адаптивной модели; Республика Корея – доходно-ориентированной, социально-демографической и институционально-финансовой; Сингапур – доходно-ориентированной и социально-демографической.

С учетом текущего уровня урбанизации и темпов прироста доли населения, проживающего в городах, в наибольшей степени их стимулирующее влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств в кратко- и среднесрочной перспективах будет проявляться в Китае, Малайзия, Индонезия, Таиланде, в более отсроченной перспективе – в Индии и Вьетнаме.

Доказано, что развитие сферы услуг в среднесрочной перспективе может стимулировать рост потребительского спроса в Китае, Малайзии, Республике Корея, а в средне- и долгосрочной перспективе – на Филиппинах и в Таиланде.

Подтверждено, что женский фактор, а именно прирост доли женского населения, стимулирует потребительский спрос домохозяйств в Республике Корея и Сингапуре, в меньшей степени – на Филиппинах и в Таиланде, на фоне ковида в краткосрочной перспективе гендерный реверс проявился в Малайзии.

Установлено, что в Японии потенциал дальнейшего развития потребительского рынка фактически отсутствует; в среднесрочной перспективе (до 2030 г.) можно ожидать исчерпания ресурса развития потребительских рынков Сингапура и Республики Корея. При этом центрами интенсивного роста потребительского спроса в 2025–2035 гг. будут выступать Малайзия, Таиланд и Индия; в 2030–2040 гг. – Индонезия, Вьетнам и Филиппины.

В зависимости от категории дохода сделаны следующие выводы в отношении моделей потребления в 10 странах Азии: китайская модель определяется в равной мере ростом текущего дохода, накоплением долгов за счета расширения доступности кредитования и уровнем цен; в Индии потребление зависит от динамики постоянного дохода и роста цен; в Японии модель потребления домохозяйств сдерживается ростом доходов, но стимулируется расширением доступа к кредитным ресурсам, а в Республике Корея стимулируется постоянными доходами и расширением кредитования; модели Индонезии и Филиппин зависят от постоянных доходов и расширения кредитования, а в Сингапуре – только динамикой постоянных доходов домохозяйств; в Таиланде потребление домохозяйств реагирует на динамику доходов и в среднесрочной перспективе – доступность кредитных ресурсов; модель Малайзии определяется доходами и динамикой цен, а во Вьетнаме – расширением доступа к кредитованию и росту цен.

По характеру влияния экономической политики на динамику потребления было установлено, что потребление домохозяйств в странах Азии в большей степени реагирует на изменения денежно-кредитной политики, нежели налогово-бюджетной. В таких странах. как Китай, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, изменения налогово-бюджетной политики фактически не оказывают значимого влияния на динамику потребительских расходов домохозяйств. В Индии, Индонезии, Малайзии и Республике Корея подтверждена смешанная модель, однако при однозначной подтвержденной стимулирующей роли смягчения денежно-кредитной политики, влияние налогово-бюджетных инструментов может быть неустойчивым и разнонаправленным. В Японии и на Филиппинах вся совокупность исследуемых параметров оказалось незначимой, соответственно, эти две страны нельзя отнести ни к одному из предложенных типов моделей потребления домохозяйств.

8. *Выявлены закономерности и различия влияния основных социально-экономических параметров (детерминант) на потребление разных категорий товаров и услуг.*

Было доказано, что в соответствии с законом Энгеля наименьшей эластичностью по доходу отличается потребление продуктов питания и напитков: при этом устойчивое расширение доходов стимулирует потребление базовых товаров более интенсивно, чем краткосрочные колебания доходов, что отражает долгосрочные предпочтения потребителей в части разнообразия и качества продовольственной корзины.

Установлено, что максимальная эластичность по текущему доходу выявлена в категории расходов на образование и здравоохранение, что свидетельствует о восприятии социальных услуг как стратегической инвестиции, причем реакция населения в условиях роста доходов фактически мгновенно выражается в расширении расходов на соответствующие категории услуг и связанные с ними товарные приобретения.

Показано, что расходы на одежду и обувь демонстрируют умеренно высокую эластичность по доходу, тогда как приобретение мебели и техники (сопряженное и покупкой недвижимости) – среднюю, сопоставимую с расходами на транспорт и связь. Рост текущего дохода в большей степени влияет на приобретения более качественной и разнообразной одежды и обуви, в то время как крупные покупки требуют накоплений и дополнительного доступа к кредитным средствам, а соответственно, больше зависят от уровня финансового развития страны.

Определено, что уровень финансового развития страны оказывает также ключевое влияние на расходы в сегментах транспорта, образования и здравоохранения – через расширение доступности кредитных возможностей.

Установлено, что инфляция оказывает разнонаправленное влияние на потребление разных категорий товаров и услуг: стимулирует расходы на одежду и обувь, но существенно сдерживает расходы на социальные услуги (образование и здравоохранение).

Показано, что гендерный фактор проявляется по-разному: женщины стимулируют более качественное и диверсифицированное потребление продуктов питания, смещение в сторону белковой и витаминизированной диеты, однако в странах с более высокой долей женщин население в среднем меньше расходует средств на образование и здравоохранение.

9. *Разработана система прикладных выводов и рекомендаций для России по перспективам расширения потребительских рынков Азии и совершенствования механизмов экономического сотрудничества с учетом тенденций потребительского спроса в рамках «разворота на Восток».*

Анализ динамики потребительского спроса в 10 странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в контексте стратегического перехода к модели роста, ориентированной на внутреннее потребление, позволяет выделить ключевые направления экономического взаимодействия России и стран Азии. В рамках «поворота на Восток» выявлена высокая степень нереализованного российского экспортного потенциала на рынках региона, несмотря на наличие значительных структурных возможностей для его расширения.

Сформулирована система прикладных рекомендаций, направленных на стратегическую интеграцию России в азиатские потребительские рынки с учетом устойчивой и предсказуемой динамики спроса. В частности, установлено, что, несмотря на официальное закрепление «поворота на Восток», Россия демонстрирует ограниченное присутствие на азиатских потребительских рынках, как в сегментах B2B, так и B2C. Существует необходимость расширения присутствия России на цифровых торговых площадках региона (включая маркетплейсы), учитывая быстрорастущую долю онлайн-торговли в структуре потребления.

Выявлен высокий потенциал проникновения российских брендов на азиатские рынки за счет снижения приверженности к устоявшимся брендам, особенно среди молодежи, и роста лояльности к новым брендам с экологическим и социальным позиционированием. Если попытаться ранжировать страны Азии по степени лояльности к бренду (соответственно, и сложности проникновения на рынки новых, в т.ч. российских производителей), емкости рынка и интенсивности перехода к моделям роста, движимого внутренним потреблением, то наибольший интерес для российских экспортеров на средне- и долгосрочном горизонте могут представлять (в порядке приоритетности): (1) Малайзия; (2) Китай, Филиппины, Вьетнам; (3) Индия, Индонезия; (4) Таиланд.

Установлено, что к числу основных бенефициаров роста потребительского потенциала Восточной Азии можно отнести российских металлургов, сельхозпроизводителей и машиностроителей в сферах тяжелого машиностроения: авиастроения, космического и энергетического машиностроения. Блок рекомендаций связан с выявлением перспективных ниш, формирующих новые возможности для выхода российских экспортеров, в т.ч.:

1. Установлено, что снижение пахотных площадей и деградация земель на фоне изменения рациона питания характерны для Китая как крупнейшего рынка и для других азиатских стран (Индия, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, меньшими темпами – Филиппины, Таиланд). В итоге стремительно растет спрос на российское зерно и мясо, растут поставки российских крабов на азиатские рынки – в Китай, Республику Корея, Японию, Индонезию, Вьетнам, Сингапур.

2. Показано, что изменение рациона питания увеличивает спрос не только на продукцию российского АПК низкой стадии переработки, но и на готовые пищевые продукты. Растет спрос на рыбные и мясные полуфабрикаты (Китай, Япония, Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Индонезия), ингредиенты для пищевой промышленности, кондитерские/мучные изделия широкой номенклатуры (Китай, Вьетнам), мороженое (Китай, Индонезия), консервированные овощи (Таиланд), напитки и чай. В Китае также набирают популярность российские вина.

3. Акцентировано внимание на том, что в Азии формируется потребительский слой, ориентированный на здоровый образ жизни, включая экологически чистые продукты, фитнес-питание и специализированные товары для спортсменов. Рост рождаемости в ряде стран (особенно в Таиланде, Вьетнаме и Малайзии) расширяет рынки

сбыта детских товаров, включая продукты питания, текстиль и медиаконтент. Кроме того, на подъеме находятся сегменты товаров для животных и товаров легкой промышленности (ювелирные изделия, текстиль).

4. Особый интерес может представлять рост спроса на российский культурный контент – от фильмов и сериалов до анимации. Это особенно актуально в Китае и Вьетнаме, где растет интерес к России как к культурно-исторической реальности, что создает новые экспортные ниши в креативном сегменте экономики.

5. Строительство и обрабатывающая промышленность также демонстрируют высокую динамику спроса – от ископаемого топлива и металлов до продукции металлургической, деревообрабатывающей, стекольной и химической промышленности. Существует интерес к строительным материалам с хорошим соотношением цены и качества, что позволяет России быть конкурентоспособной в массовом сегменте.

6. Высокий спрос на технологии и решения в области «умных городов», цифровизации государственных услуг, биометрии, безопасности и искусственного интеллекта открывает рынки B2B и B2G, где у России есть экспортируемые технологические решения. Также востребованы совместные проекты в области производства электромобилей, виртуальной и дополненной реальности, морской индустрии, солнечной энергетики и композитных технологий.

Социально-демографический анализ показал, что страны с растущей численностью трудоспособного населения демонстрируют наибольший потенциал для расширения потребления социальных услуг, включая образование и здравоохранение. На этом фоне растет интерес к российским образовательным услугам и медицинским технологиям. Россия может воспользоваться этой тенденцией, расширяя экспорт образовательных программ, дистанционного обучения, медицинского оборудования и фармацевтики.

Тенденция к экологизации и переходу к устойчивому развитию и сопряженному устойчивому потреблению формирует спрос на химические и биотехнологические решения в сфере очистки, рекультивации земель и экоуслуг. Российские производители могут обеспечить устойчивый спрос в этих нишах без трансфера критически важных технологий.

При разработке маркетинговых и рекламных стратегий при выходе на азиатские рынки важно особое внимание уделять работе с женской аудиторией: установлено, что женщины чаще принимают потребительские решения в секторах электронной

коммерции, медиа и товаров повседневного спроса, и маркетинговая стратегия российских компаний должна учитывать гендерную специфику потребления.

Таким образом, системный анализ показал, что азиатские потребительские рынки находятся в стадии структурной трансформации, открывая перед Россией возможности масштабного присутствия в емких и диверсифицированных сегментах. Реализация этого потенциала возможна при формировании дифференцированной стратегии продвижения, адаптации продукта к культурным и ценностным особенностям, а также установлении устойчивого политико-экономического партнерства.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концептуальных положений и методологии исследования потребительского спроса домохозяйств в странах Азии в контексте проблемы накопления глобальных дисбалансов, в т.ч.:

1) концептуализации понятий «паттерны» и «модели» потребления домохозяйств, формулировании определений и обозначении содержательных и методологических отличий; предложении оригинальной системы страновых моделей потребления домохозяйств на основе различных критериев (по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления; в зависимости от категории дохода; по характеру влияния экономической политики на динамику потребления) с введением в научный оборот наименований моделей и формулированием их определений;

2) обосновании термина «реализация потребительского потенциала» и разработке авторской методологии расчета Индекса реализации потребительского потенциала для количественного тестирования места отдельных стран в глобальных и региональных потребительских дисбалансах;

3) обосновании двухмерного подхода к определению моделей экономического роста с позиции места и роли потребительских расходов домохозяйств в стимулировании экономического роста;

4) подтверждении гипотезы о внеэкономической природе относительно низкой склонности к потреблению в странах Азии в развитие цивилизационного подхода в экономических исследованиях и концепций, раскрывающих взаимосвязь культурно-цивилизационных характеристик и потребительского поведения;

5) доказательстве и количественной оценке динамической природы влияния культурно-цивилизационных установок на динамику потребительских расходов домохозяйств, имеющую тенденцию к изменению во времени;

6) выявлении, обосновании и количественной оценке различий влияния основных социально-экономических параметров (детерминант) на потребление разных категорий товаров и услуг на разных временных отрезках.

Практическая значимость исследования заключается:

1) в идентификации различий в паттернах потребления домохозяйств, что позволяет моделировать и прогнозировать, с одной стороны, общую емкость региональных потребительских рынков на средне- и долгосрочную перспективу с учетом изменений в динамике ключевых детерминант (уровне дохода, темпах цифровизации, развития сферы услуг и финансовых рынков, изменении демографической структуры и проч.), а с другой стороны, отраслевую структуру внутреннего спроса, включая импортный спрос, выявляя быстрорастущие рынки и потенциальные рыночные ниши;

2) разработке системы прикладных выводов и рекомендаций для России по перспективам расширения потребительских рынков Азии, совершенствования механизмов экономического сотрудничества с учетом тенденций потребительского спроса в рамках «разворота на Восток», а также корректировки стратегий выхода российских участников внешнеэкономической деятельности на рынки стран региона. Данными прикладными результатами могут руководствоваться в своей работе российские органы государственной власти на федеральном (Администрация Президента, Совет Федераций РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики и проч.) и региональном уровнях (региональные Правительства РФ), руководящие структуры Евразийского экономического союза, системы торговых представительств РФ на территории азиатских партнеров.

3) широких возможностях трансфера результатов проведенного исследования в образовательный процесс, внедрения полученных результатов в рамках таких образовательных курсов, как «Мировая экономика», «Международные экономические отношения», «Управленческие решения в сфере внешнеэкономической деятельности», «Теория международной экономики», «Экономическая политика России», «Международное экономическое сотрудничество России с регионами мира»,

«Поведенческая экономика и финансы», «Методология и методика внешнеэкономического анализа», «Прикладной анализ международных ситуаций (экономический аспект)» и др.

Обоснованность и достоверность основных положений диссертации определяется их опорой на широкий пласт фундаментальных и прикладных исследований, научных теорий и концепций, работ авторитетных высокоцитируемых специалистов, сосредоточенных на изучении проблематики трансформации моделей экономического роста государств Азии (в т.ч. в современных условиях фрагментации мировой экономики и замедления темпов глобального роста), глобальных дисбалансов, особенностей потребительского поведения и отраслевой структуры расходов на конечное потребление домохозяйств в исследуемых государствах Азии. Достоверность результатов также обусловлена обращением к текстам официальных документов и надежным источникам статистических данных, сочетанием методов качественного и количественного анализа и сопоставлением полученных результатов, позволяющим аргументированно применять теоретические концепции, а также использованием диверсифицированного набора инструментов эконометрического анализа (включая систему статистических критериев и тестов для верификации полученных результатов эконометрического моделирования).

Апробация и публикация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования прошли апробацию на российских и международных научных конференциях и общественно значимых мероприятиях, в т.ч. сессиях Московского экономического форума (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015, 2017), Глобального университетского саммита БРИКС (МГИМО МИД России, 2015), международной научно-практической конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Востока» (Институт востоковедения РАН, 2016, 2017), международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?» (Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2016), круглого стола «Председательство Вьетнама в АТЭС 2017: проблемы и перспективы» (МГИМО МИД России, 2017), Апрельской научной конференции по проблемам экономики и общества, секция «Инструменты регулирования торговли в России и ЕАЭС» (НИУ «Высшая школа экономики», 2017), Вторых Ливенцевских чтений «Международные экономические

отношения: реалии, вызовы и перспективы» (МГИМО МИД России, 2018), международной научной конференции International Conference of Slavonic and East European Studies «Traditions and Transformation» (University of London, Великобритания, 2018), международной научной конференции «Наш дом – Евразия» (Торгово-промышленная палата РФ, 2018), III Российско-индийского форума глав исследовательских центров (МГИМО МИД России, 2018), International Studies Association Annual Convention 2019 (International Studies Association, Канада, 2019), International Studies Association Asia-Pacific Conference (International Studies Association, Nanyang Technological University, Сингапур, 2019), панельной дискуссии в рамках виртуального саммита Global Solutions под эгидой T20 – «интеллектуальной двадцатки» (Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020), сессий Белорусско-Российского экспертного трека (МГИМО МИД России, 2022), круглого стола «Мировая экономика сейчас» в рамках первого научно-образовательного фестиваля «Неделя МО» (МГИМО МИД России, 2022), международного семинара «БРИКС: инклюзивное сотрудничество в условиях новых вызовов» (Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2022), первого Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2022), Парламентских слушаниях Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками (2023), круглом столе «Конкуренция между США и КНР: возможности для России» (Российский Совет по международным делам, 2024), Форуме «БРИКСономика 2024» (МГИМО МИД России, 2024) и др.

Результаты апробированы в рамках грантов «Восточноазиатский регионализм в условиях диверсификации модели экономического роста» (проект РГНФ, соглашение № 15-07-00026, 2015), «Комплексная оценка перспектив общерегиональной экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе с позиции стратегических интересов России» (проект РГНФ, соглашение № 16-07-50004, 2016–2017), «Разработка практических рекомендаций по формированию подходов по возможному взаимодействию Европейского союза и Евразийского экономического союза в рамках реализации инициативы «Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока» (научное исследование по заказу Министерства промышленности и торговли РФ, государственный контракт № 17401.9990090019.03.005, 2017),

«Интеграционная стратегия России в контексте больших вызовов» (проект № 1921-01-06 Института международных исследований МГИМО МИД России, 2019–2022), «Отношения России со странами Азии на фоне ключевых региональных международно-политических и экономических трансформаций» (Проект № 2023-03-03 Института международных исследований МГИМО МИД России), Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (проект № 075-15-2022-32, поддержанный Министерством науки и высшего образования РФ, 2020–2024). Аналитические материалы диссертационного исследования были использованы в учебном процессе в рамках образовательного курса на английском языке «Russia-East Asia: Actors, Factors and Strategies».

Основные положения диссертации опубликованы в 53 научных работах, в т.ч. в 2 индивидуальных монографиях, в 43 статьях в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией России, также в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования, и 8 прочих работах.

Структура диссертации обусловлена заявленными целью и задачами исследования; состоит из введения, пяти глав, отражающих все аспекты исследуемой научной проблемы, заключения, списка литературы и приложений. Работа содержит 75 таблиц и 49 рисунков.

Область исследования (соответствие специальностям)

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 118 от 24.02.2021 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени…»: 5. Социальные и гуманитарные науки 5.2. Экономика 5.2.5. Мировая экономика научное исследование соответствует Приоритетному направлению научных исследований МГИМО (2021) № 4 «Международные экономические исследования / International Economic Studies».

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретические подходы и методологические основания анализа моделей экономического роста

Экономический рост можно рассматривать с позиции роста как совокупного спроса, так и совокупного предложения. Согласно классической теории экономического роста, экономический рост определяется обеспеченностью страны факторами производства. Неоклассики же, развивая эту концепцию, делают акцент не только на обеспеченности, но и на развитии факторов производства – накоплении капитала, труда, приросте населения и изменении его структуры.

В классической теории роста доминирующим в XIX – нач. XX в. был подход, основанный на предложении и законе Сэя[167]. Впоследствии этот подход получил развитие в рамках неоклассической (или маржиналистской) теории роста, основанной на совокупной производственной функции, и предполагавшей достижение баланса инвестиций и сбережений (при условии обеспечения дохода в условиях полной занятости) посредством корректировки цен на факторы производства – нормы процента (прибыли) и реальной заработной платы, соответствующих совокупному спросу, зависящему от совокупного выпуска в условиях полного использования имеющихся ресурсов[168]. Данный неоклассический подход к росту, основанный на предложении, был представлен моделями Р. Солоу (1956)[169] и Т. Свона (1956)[170], а также набором моделей «эндогенного роста», и доминировал в теории роста в течение всей второй половины XX века.

В то же время современные подходы к экономическому росту отдают более важную роль влиянию внешних и внутренних экономических потрясений, социальным и институциональным изменениям, что делает неоклассическую модель ограниченной. Теория роста, управляемого спросом, дает более полное объяснение экономического

---

[167]Blanchard O. Macroeconomics / O. Blanchard. Prentice Hall, 2003. Ed. 3rd.

[168]Smith M. Demand Led Growth Theory in a Classical Framework: Its Superiority, Its Limitations, and Its Explanatory Power [Электронный ресурс] / M. Smith // Centro Sraffa Working Paper, № 29. March 2018. Режим доступа: http://www.centrosraffa.org/public/923ecb9d237148a0842513913be3c4c3.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

[169] Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. № 1. P. 65–94.

[170] Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.W. Swan // Economic Record. 1956. Vol. 32. P. 334–361.

роста в условиях глобализации, где факторные рынки и внешний спрос играют существенную роль в поддержании динамики роста[171].

Альтернативным подходом к анализу экономического роста стала теория роста, управляемого спросом. Еще в XIX в. ряд экономистов отвергали закон Сэя, отдавая спросу роль драйвера экономического роста[172], однако фактическими родоначальниками теории экономического роста с позиции спроса стали Дж. Кейнс[173] и М. Калецки[174]. Теория эффективного спроса, разработанная Дж. Кейнсом в «Общей теории занятости, процента и денег»[175], закрепила в качестве базового постулат о том, что именно спрос определяет уровень производства и занятости в (капиталистическом) обществе и дала обоснование (1) значения стимулирующей денежно-кредитной политики в обеспечении экономического роста страны и (2) потенциальной эффективности экспансионистских фискальных мер для стимулирования активности и занятости.

Согласно теории, основанной на кейнсианском (или калекианском) принципе платежеспособного спроса, сбережения определяются инвестициями (зависят от автономного спроса) через систему корректировки доходов и выпуска, а совокупный выпуск, выполняющий подчиненную функцию по отношению к совокупному спросу, обеспечивает занятость. Теория имела две отличительные особенности, обусловившие ее значение для макроэкономической политики[176]:

– во-первых, на рост в долгосрочной перспективе не воздействуют ограничения предложения, а ресурсы – капитал и труд – эндогенно определяются спросом в соответствии с технологией производства, что предполагает, что имеющиеся в наличии неиспользованный труд и основные фонды могут быть использованы для последующего расширения производства и долгосрочного роста[177];

---

[171] Blanchard O., Giavazzi F. Macroeconomic Effects of Regulation and Deregulation in Goods and Labor Markets / O. Blanchard, F. Giavazzi // The Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118. № 3. P. 879–907. DOI: 10.1162/00335530360698450.

[172] Malthus T. Principles of Political Economy / T. Malthus. London: John Murray, 1820.
Marx K. Capital: A Critique of Political Economy, Vol. II / K. Marx. Moscow: Progress Publishers, 1978 (original 1894).
Sismondi J.C.L. New Principles of Political Economy: Of Wealth in Its Relation to Population / J.C.L. Sismondi. Trans. by R. Hyse. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1991 (original 1826).

[173] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

[174] Kalecki M. Outline of a Theory of the Business Cycle / M. Kalecki // Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy 1933–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 1–14.

[175] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London: Macmillan, 1936.

[176] Smith M. Demand Led Growth Theory in a Classical Framework: Its Superiority, Its Limitations, and Its Explanatory Power [Электронный ресурс] / M. Smith // Centro Sraffa Working Paper, № 29. March 2018. Режим доступа: http://www.centrosraffa.org/public/923ecb9d237148a0842513913be3c4c3.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

[177] Minsky H.P. John Maynard Keynes / H.P. Minsky. Columbia University Press, 1975.

– во-вторых, ключевые факторы, генерирующие экономический рост – распределение доходов, технологический прогресс и политико-экономические институты – рассматриваются в рамках теории как способствующие росту посредством их воздействия на рост спроса.

Для подтверждения этого подхода в долгосрочной перспективе исследователи выделяют несколько механизмов, таких как эффект мультипликатора[178], который показывает, как увеличение государственных расходов может значительно увеличить совокупный спрос, а следовательно, и экономический рост.

Фактически неоклассический подход к росту со стороны предложения работает только в экономической системе с одним товаром, в то время как подход к росту, основанный на спросе, актуален и для многотоварной экономической системы. В ограничительных условиях, которые обычно предполагаются как суммирование технологии с постоянной отдачей, распределением дохода, составом продукции, нормальным использованием производственных мощностей и нормой амортизации основных фондов, модель роста, определяемая спросом, представляется наиболее адекватной для объяснения драйверов роста и принятия пруденциальных макроэкономических мер[179].

Спрос является важным индикатором развития экономики, поскольку его изменения отражают степень активности в экономике, а также связи между доходом и потреблением. Интеграция глобальных рынков и появление новых технологий, таких как искусственный интеллект, оказывают большое влияние на эти процессы[180].

В практическом плане с точки зрения ориентированного на спрос подхода к росту фундаментальная проблема экономического развития относительно менее развитого государства заключается в создании спроса при низком уровне дохода. И в этой части возможны два подхода: (1) ориентация на внешний спрос – получение доступа к рынкам развитых стран с относительно более высоким уровнем доходов через реализацию экспортоориентированной стратегии экономического развития; (2) формирование внутреннего спроса посредством разработки комплекса эффективных

---

[178] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. Londo n: Macmillan, 1936.

[179] Smith M. Demand Led Growth Theory in a Classical Framework: Its Superiority, Its Limitations, and Its Explanatory Power [Электронный ресурс] / M. Smith // Centro Sraffa Working Paper, № 29. March 2018. Режим доступа: http://www.centrosraffa.org/public/923ecb9d237148a0842513913be3c4c3.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

[180] Robertson R., Taylor L. Globalization, Technological Change, and the Future of Economic Growth / R. Robertson, L. Taylor. Cambridge University Press, 2018.

макроэкономических институтов, способных обеспечить устойчивый рост спроса, повышающий доход на душу населения и вместе с тем увеличивающий способность экономики создавать внутренний спрос.

Теория экономического роста, ориентированная на спрос, часто критикуется за игнорирование долгосрочных структурных проблем, таких как недостаточная диверсификация экономики, технологические и институциональные барьеры, которые в свою очередь требуют дополнительных стратегий для их преодоления[181]. Действительно, риски «перегрева» экономики вследствие расширения частного спроса домохозяйств напрямую определяются характеристиками предложения, уровнем развития производственных мощностей, т.е. способностью предложения быстро реагировать на рост спроса, восстанавливая рыночное равновесие.

Вклад иностранного спроса будет зависеть, с одной стороны, от состояния внешних отношений – внешних условий торговли и степени либерализации проводимой внешнеторговой политики; с другой, от непосредственной экономической ситуации на развитых рынках. Способность же страны генерировать внутренний спрос предполагает в первую очередь увеличение дохода на душу населения посредством проведения грамотной монетарной и фискальной политик, стимулируя тем самым потребительские расходы. Ключевым институциональным явлением, которое исторически способствовало росту, обусловленному спросом, является расширение роли правительства и его механизмов макроэкономической политики. Теория Дж. Кейнса доказала, что финансирование экономики со стороны государства может способствовать увеличению совокупного спроса без вытеснения частных инвестиций, а стимулирующая фискальная политика может создавать более высокие объемы производства, доходов и занятости и, как следствие, генерировать дополнительные сбережения для последующего финансирования дополнительных чистых государственных расходов. Роль государства как регулятора, помимо стимулирования спроса, также заключается в обеспечении долгосрочной экономической стабильности, через поддержку устойчивых моделей инновационного роста и эффективное управление государственным долгом[182].

---

[181] Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy / D. Rodrik. W. W. Norton & Company, 2013.

[182] Gordon R.J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War / R.J. Gordon. Princeton: Princeton University Press, 2014.

Большое значение в стимулировании спроса уделяется банковской системе, инновационным кредитным инструментам и способности центрального банка при определенных институциональных механизмах устанавливать процентные ставки, чтобы способствовать рост, движимый спросом. Процентные ставки могут стимулировать частные расходы; кроме того, снижая стоимость обслуживания государственного долга, они предоставляют больше бюджетных возможностей для фискальной экспансии[183].

В конечном итоге устойчивый рост, основанный на спросе, зависит от развития комплекса институтов, способных повышать средний доход на душу населения и тем самым обеспечить рост внутреннего спроса. Потребление представляет собой функцию от дохода, его можно интерпретировать как долю дохода домохозяйства, используемую для финансирования покупки различных услуг и других нужд. Объем потребления всегда меняется в зависимости от роста и падения дохода: если доход увеличивается, то потребление будет увеличиваться. И наоборот, если доходы падают, потребление падает[184]. Потребление домохозяйств – это стоимость покупок домохозяйств для покрытия своей доли потребностей в течение определенного года[185]. Инвестиции могут осуществляться частными, государственными или государственно-частными партнерствами. Инвестиции – это способ, с помощью которого правительство может увеличить экономический рост и в долгосрочной перспективе повысить уровень жизни общества[186]. Соответственно, качество институтов играет ключевую роль в эффективности модели роста, обеспеченного внутренним потреблением, особенно в развивающихся странах.

Вместе с тем, значительный вклад в понимание факторов роста, особенно в контексте воздействия институциональных и технологических факторов на спрос и предложение внесли и российские теоретики, такие как Н.Д. Кондратьев, В.М. Ровняков и И.И. Мельников. Например, Н.Д. Кондратьев подчеркнул важность цикличности экономических процессов, указав на то, что долгосрочные волны экономического роста и спада могут быть обусловлены не только изменениями в предложении факторов

---

[183] Smith M. A Monetary Explanation of Distribution in a ‘Gold Money Economy’ / M. Smith // Contributions to Political Economy. 1996. Vol. 15. № 1. P. 33–61.
[184] Partadireja G. Consumption and Its Relation to Income and Savings / G. Partadireja. Jakarta: Indonesian Economic Institute, 1990.
[185] Sukirno S. Macroeconomic Theory and Policy / S. Sukir№ Yogyakarta: BPFE, 2001.
[186] Mankiw N.G. Principles of Economics / N.G. Mankiw. 3rd ed. Thomson Learning, 2003.

производства, но и внешними экономическими и социальными обстоятельствами, что оказывает влияние на совокупный спрос[187].

Кроме того, работы В.М. Ровнякова, в частности его концепция «кредитного мультипликатора», утверждают, что рост сбережений и инвестиций в капитал непосредственно зависит от динамики кредитной активности в экономике и денежно-кредитной политики государства[188]. И.И. Мельников в своей работе «Теория роста и развития в условиях открытой экономики» утверждает, что даже в условиях дефицита внутренних ресурсов экономический рост может стимулироваться через внешние источники спроса, такие как инвестиции и внешняя торговля. В его концепции ключевое значение придается внешним финансовым потокам и возможностям использования международных финансовых и торговых механизмов для стимулирования спроса в развивающихся экономиках[189].

В работах ряда современных российских экономистов, например, Н.И. Белого и А.М. Орлова, рассматриваются вопросы, связанные с адаптацией традиционных теорий экономического роста к современным условиям цифровизации и глобализации экономики, а также влияние новых технологий на совокупный спрос и предложение[190].

Теоретические разработки российской школы также подтверждают важность повышения внутреннего спроса в рамках механизма создания «платежеспособного спроса» через повышение качества институциональной среды. Так, исследования в области институциональных изменений (например, работы В.В. Радаева) подчеркивают роль государственного регулирования и правовой системы в обеспечении устойчивости экономического роста через формирование внутреннего спроса, что является необходимым условием для долгосрочной стабильности экономики[191].

В работах российского экономиста С.М. Бунича рассматривается роль государственного воздействия на рынок через создание инновационных институтов и структур, которые способны регулировать совокупный спрос в условиях кризиса. Он подчеркивает важность гармонизации государственного вмешательства и рыночных механизмов для обеспечения устойчивого роста[192].

---

[187] Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев. М.: Экономика, 1926.
[188] Ровняков В.М. Финансовые системы и экономика страны / В.М. Ровняков. М.: Экономика, 2001.
[189] Мельников И.И. Теория роста и развития в условиях открытой экономики / И.И. Мельников. М. : Наука, 1997.
[190] Белый Н.И., Орлов А.М. Цифровизация и экономика роста: Технологии, экономика, политика / Н.И. Белый, А.М. Орлов. М. : Инфра-М, 2018.
[191] Радаев В.В. Институциональные преобразования и экономическое развитие / В.В. Радаев. М. : Экономика, 2005.
[192] Бунич С.М. Государственная роль в инновационном росте: теории и практика / С.М. Бунич. М. : Наука, 2014.

Выявлению и классификации моделей экономического роста посвящены работы значительного числа экономистов, как развивающих теоретическую традицию классической экономической школы (включая неоклассиков), так и посткейнсианских экономистов[193], активно разрабатывающих данную область экономической науки в последние годы.

Тем не менее, несмотря на растущую популярность понятия модели роста, в среде экономистов по-прежнему отсутствует консенсус относительно их концептуализации и практической реализации. Существуют несколько наиболее популярных и научно обоснованных подходов к категоризации моделей экономического роста (и их эмпирического выявления для тех или иных стран), которые важно рассмотреть в этой главе.

Подход 1. Классификация моделей экономического роста на основе принципа декомпозиции ВВП (по расходам).

Этот подход является наиболее популярным и используется в наибольшем числе работ как экспертов международных организаций, так и ведущих мировых исследовательских центров.

Декомпозиция ВВП имеет ряд преимуществ, поскольку, во-первых, обеспечена доступностью статистических данных для широкой палитры стран за значительный временной период, что позволяет проводить сравнительный межстрановой анализ, а также отследить эволюцию моделей роста во времени. Во-вторых, подход можно считать «концептуально нейтральным», он не требует признания обоснованности какой-либо конкретной модели экономики[194]. Полученные данные можно в последующем использовать для изучения драйверов экономического роста (например, сдвигов в соотношении заработной платы и прибыли, изменений в личном распределении доходов, изменений в объемах закредитованности домохозяйств, тенденций цен на активы, конкурентоспособность экспорта и проч.), что имеет чрезвычайно высокое прикладное значения при выработки экономической политики государств.

---

[193]Baccaro L., Pontusson J. Rethinking Comparative Political Economy: The Growth Model Perspective / L. Baccaro, J. Pontusson // Politics & Society. 2016. Vol. 44. P. 175–207. DOI: 10.1177/0032329216638053.
Behringer J., van Treeck T. Income Distribution and Growth Models: A Sectoral Balances Approach / J. Behringer, T. van Treeck // Politics & Society. 2019. Vol. 47. P. 303–332. DOI: 10.1177/0032329219861237.
Hassel A., Palier B. Tracking the Transformation of Growth Regimes in Advanced Capitalist Economies / A. Hassel, B. Palier // In: Hassel A., Palier B. (eds.) Growth and Welfare in Advanced Capitalist Economies: How Have Growth Regimes Evolved? New York: Oxford University Press, 2021. P. 3–56.
[194]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

Подход основан на оценке вклада отдельных компонентов в ВВП и его прирост[195]. Классификация отталкивается от методики расчета ВВП по расходам:

$$Y = Cp + Cg + I + X – M,$$

где: Y – валовый внутренний продукт;

Cp – потребление домохозяйств;

Cg – государственное потребление;

I – валовые внутренние инвестиции или валовое внутреннее накопление капитала;

X и M – экспорт и импорт товаров и услуг, соответственно.

Основываясь на принципе декомпозиции ВВП, исследователи предлагают разные классификации моделей экономического роста, которые можно условно структурировать «от большего к меньшему».

Некоторые исследователи отталкиваются от укрупненного выявления двух моделей экономического роста, выделяя в структуре ВВП внутренний и внешний компоненты совокупного спроса. Потребление частного и государственного секторов плюс инвестиции представляют собой компоненты внутреннего спроса[196], тогда как (X-M), или чистый экспорт, представляет собой внешний компонент совокупного спроса. Основываясь на данном разделении, выделяются три укрупненные модели эконмического роста[197]:

1) экспортоориентированный рост (export-led growth);

2) рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth);

3) гибридная модель.

Модель экономического роста, движимого внутренним спросом (domestic demand-led growth), представляет собой ситуацию в экономике, когда внутренний спрос растет, а чистый экспорт ухудшается (снижается профицит торгового баланса или растет его дефицит), при этом рост ВВП положителен. Если в этом случае рост внутреннего спроса обеспечивается преимущественно расширением частного потребления домохозяйств, речь идет о модели роста, движимого частным потреблением (private consumption-led growth).

---

[195]Asian Development Bank. Explaining Growth in Developing Asia [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: сентябрь 2024).

[196]Nakazawa M. Domestic Demand Led Growth: Japan’s Lessons Learned [Электронный ресурс] / M. Nakazawa. Режим доступа: http://www.mogifo.jp/pri/international_exchange/kouryu/kou96_06.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

[197]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

В случае стагнации или падения внутреннего спроса на фоне расширения чистого экспорта (при сохранении общих положительных темпов прироста) можно говорить об экспортоориентированном росте (export-led growth).

При росте же и внутреннего спроса, и чистого экспорта модель является «гибридной», а то, какой из компонентов больше способствует росту, является просто эмпирическим вопросом. Если внутренний спрос растет быстрее, то рост обусловлен спросом, но слабо. При сокращении как внутреннего спроса, так и чистого экспорта можно говорить об экономическом спаде, а отрицательные темпы роста связаны со снижением обоих компонентов.

Основные элементы государственной политики, направленной на реализацию стратегии, ориентированной на внутренний спрос, состоят в следующем[198]:

1) создание сетей социальной защиты, уменьшающих потребность из сбережений предосторожности;
2) повышение заработной платы и увязка заработной платы с ростом производительности путем введения минимальной заработной платы, улучшением охраны труда и активизации коллективных переговоров через профсоюзы;
3) увеличение инвестиций в государственную инфраструктуру и преодоление отставания в возможностях государственных инвестиций, появившееся в результате двадцатипятилетнего пренебрежения, навязанного неолиберальной моделью развития Вашингтонского консенсуса;
4) облегчение доступа к общественным благам, таким как здравоохранение и образование;
5) сбалансирование налогов за счет увеличения налогов для групп с более высокими доходами и их снижения для групп с более низкими доходами.

То есть такой подход направлен одновременно как на стимулирование спроса за счет обеспечения его платежеспособности, так и на воздействие со стороны предложения для долгосрочного купирования рисков «перегрева» экономики и инфляции.

Другие исследователи выходят на следующий уровень декомпозиции ВВП, вычленяя компоненты внутреннего спроса – частное потребление, инвестиции,

[198] Palley T.I. Endogenous Money: What It Is and Why It Matters / T.I. Palley // Metroeconomica. 2002. Vol. 53. № 2. P. 152–180.

государственные расходы – и анализируя их вклад в экономический рост[199]. Такой подход позволяет предложить более детализированную классификацию моделей экономического роста:

1) экспортоориентированный рост (export-led growth) – по аналогии с предыдущей классификацией основан на анализе вклада чистого экспорта в экономический рост;
2) рост, движимый потреблением (consumption-led growth) – частное и государственное потребление рассматриваются в совокупности;
3) рост, движимый частным потреблением домохозяйств (private consumption-led growth);
4) рост, обусловленный инвестициями (investment-led growth);
5) сбалансированная модель роста – представляющая собой комбинацию экспортоориентированного роста и роста, движимого внутренним потреблением.

Одновременно отдельные эксперты[200] сочетают принцип декомпозиции для выявления моделей роста с анализом взаимосвязей его отдельных компонентов, в частности между потреблением/инвестициями и долей чистого экспорта в ВВП. Учет институциональных изменений, структуры экономики и принципов экономической политики позволяют предложить иную классификацию моделей экономического роста[201]:

1) экспортоориентированный рост (export-led growth);
2) рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth);
3) рост, движимый потреблением, обусловленным накоплением внутреннего долга (debt-financed consumption-led) – характеризуется сочетанием дефицита счета текущих операций с высокой долговой зависимостью частного сектора).

В данной классификации предпринимаются попытки не только выявить модель экономического роста, основанного на принципе декомпозиции ВВП, но и частично объяснить ее природу, установив набор факторов, обусловливающих доминирующую

[199]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.
[200]Cardenas L., Arribas J. Institutional Change After the Great Recession: European Growth Models at the Crossroads / L. Cardenas, J. Arribas. London; New York : Routledge, 2021.
[201]Boyer R., Saillard Y. (eds.) Regulation Theory: The State of the Art / R. Boyer, Y. Saillard (eds.). London : Routledge, 2005.

роль потребления в стимулировании экономического роста. Подобный подход позволяет дать оценку устойчивости выявленной модели экономического роста.

А. Хазел и Б. Палиэр (2021)[202] полагаются на сочетание качественных и количественных критериев для определения моделей роста. С одной стороны, они следуют принципу декомпозиции ВВП для выявления различий в моделях роста, основанного на экспорте, и роста, основанного на внутреннем спросе. С другой стороны, они изучают различия в способности стран производить и экспортировать услуги с высокой добавленной стоимостью и отталкиваются от отраслевой структуры ВВП и экспорта страны. Подобный подход позволил дать следующую классификацию моделей экономического роста:

1) экспортоориентированный рост с динамичным развитием сферы услуг (export-led with dynamic services);
2) экспортоориентированный рост при доминировании промышленного экспорта (export-led with manufacturing exports);
3) экспортоориентированный рост, обусловленный привлечением прямых иностранных инвестиций (FDI-driven export-led);
4) рост, основанный на внутреннем спросе, поддерживаемый финансами и услугами с высокой добавленной стоимостью (domestic demand-led, supported by finance and high value-added services);
5) рост, основанный на внутреннем спросе за счет государственных расходов в качестве ключевого фактора роста (domestic demand-led, with public expenditures as the key growth driver).

Аналогичный подход был использован и в исследовании Э. Хейна, У. Мелони и П. Тридико (2021)[203], которые использовали два критерия для определения моделей роста: (1) принцип декомпозиции роста на потребление, инвестиции, государственные расходы, чистый экспорт, а также (2) чистые финансовые балансы секторов (домохозяйств, нефинансовых частных фирм, финансовых частных фирм, государственного сектора и иностранного сектора).

---

[202]Hassel A., Palier B. Tracking the Transformation of Growth Regimes in Advanced Capitalist Economies / A. Hassel, B. Palier // In: Hassel A., Palier B. (eds.) Growth and Welfare in Advanced Capitalist Economies: How Have Growth Regimes Evolved? New York : Oxford University Press, 2021. P. 3–56.

[203]Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes Before and After the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. P. 1196–1223. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

В итоге были предложены четыре типа моделей:

1) экспортоориентированный рост (export-led growth) – по аналогии с иными классификациями характеризуется большим вкладом в рост чистого экспорта, в то время как вклад роста внутреннего спроса невелик или отрицателен;
2) рост, слабо ориентированный на экспорт (weakly export-led growth) – имеет конфигурацию, аналогичную предыдущему типу, но вклад профицита торгового баланса в рост ниже;
3) рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth) – предполагает дефицит государственного сектора и финансовый профицит частного сектора, в то время как текущий счет находится в сбалансированном или умеренном дефиците;
4) бум частного спроса, вызванный высокой задолженностью (debt-led private demand boom) – характеризуется дефицитом частного сектора в целом, включая сектор домашних хозяйств, и дефицитом счета текущих операций.

В свою очередь, Г. Пикот (2021)[204] предложил еще более сложную классификацию моделей экономического роста, разложив компонент внутреннего спроса в соответствии с двумя критериями: (1) виды секторов – частный, государственный и иностранный (внешний) и (2) состояние торгового баланса (дефицит/профицит). В результате были выявлены семь типов экономического роста:

1) экспортоориентированный рост (export-led growth) – когда устойчивый профицит счета текущих операций стимулирует экономический рост;
2) финансово-ориентированный рост (finance-based growth) – когда стимулирование совокупного спроса достигается за счет дефицита частного сектора;
3) рост, движимый государственным сектором (state-led growth) – основан на большом дефиците государственного бюджета);
4) рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth) – основан на сочетании частного и государственного дефицита;
5) рост, ориентированный на частный сектор и экспорт (private- and export-led growth) – основан на сочетании частного дефицита и профицита счета текущих операций, но с государственным профицитом;

[204]Picot G. Cross-National Variation in Growth Models: Three Sources of Extra Demand / G. Picot // In: Hassel A., Palier B. (eds.) Growth and Welfare in Advanced Capitalist Economies: How Have Growth Regimes Evolved? Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 135–160.

6) рост, движимый государственным сектором и экспортом (state- and export-led growth) – основан на сочетании государственного дефицита и профицита текущего счета, но с частным профицитом;
7) сбалансированный рост (balanced growth) – характеризуется отсутствием частного или государственного дефицита, а также дефицита текущего счета.

Исследования в направлении анализа детерминант (объясняющих факторов) той или иной модели вели к усложнению классификаций моделей экономического роста, полагающихся в своей основе на принцип декомпозиции ВВП.

Э. Стокхаммер и Р. Вильдауэр[205], а также Д. Мертенс и соавт.[206] дополнили анализ декомпозиции роста анализом факторов, определяющих разные типы роста, с особым упором на рост заработной платы, долг домохозяйств и ценовую чувствительность экспорта. При этом для выявления детерминант моделей роста был использован более сложный эконометрический инструментарий.

Конечными движущими силами роста являются изменения в доле заработной платы или прибыли, а также сдвиги в распределении личных доходов, изменения в долге домохозяйств и ценах на активы. Однако влияние этих факторов может быть разным: Э. Стокхаммер и Р. Вильдауэр установили, в частности, что изменения в факторном доходе играют ограниченную роль по сравнению с влиянием долга домохозяйств и динамики цен на жилье[207]. Соответственно, различия влияющих факторов, определяющих интенсивность экспортоориентированной модели или модели, движимой внутренним спросом, могут быть положены в основу иной, более детализированной классификации моделей экономического роста, также основанной на принципе декомпозиции ВВП.

Подход 2. Выявление моделей экономического роста на основе качественного анализа официально декларируемых принципов экономической политики и целей развития.

Традиционно экономисты-теоретики выделяют две модели экономического роста исходя из направленности внешнеторговый политики и особенностей экономической деятельности рыночных игроков: экспортоориентированность и импортозамещение. В

[205]Stockhammer E., Wildauer R. Debt-Driven Growth? Wealth, Distribution and Demand in OECD Countries / E. Stockhammer, R. Wildauer // Cambridge Journal of Economics. 2016. Vol. 40. P. 1609–1634.
[206]Mertens D., Nölke A., May C., Schedelik M., Brink T. ten, Gomes A. Moving the Center: Adapting the Toolbox of Growth Model Research to Emerging Capitalist Economies / D. Mertens et al. Berlin : Berlin School of Economics and Law, Institute for International Political Economy (IPE), 2022.
[207]Stockhammer E., Wildauer R. Debt-Driven Growth? Wealth, Distribution and Demand in OECD Countries / E. Stockhammer, R. Wildauer // Cambridge Journal of Economics. 2016. Vol. 40. P. 1609–1634.

основе этого разделения лежат различия в (1) целях промышленного производства; (2) степени открытости национальных экономик, соотношения протекционизма и либерализации во внешнеэкономической политике и уровня интеграции с международными рынками.

Термин «рост, основанный на экспорте» предполагает, что положительный чистый экспорт или положительное сальдо торгового баланса создают источник спроса на внутреннюю продукцию и, следовательно, вызывают рост производства[208]. Экспортоориентированная модель промышленной политики состоит в стимулировании производств, ориентированных на экспорт, а приоритетной задачей является захват как можно большей доли мирового рынка. Ключевыми инструментами реализации модели становятся предоставление налоговых и таможенных льгот экспортоориентированным предприятиям, их льготное кредитование, поддержание низкого валютного курса для достижения ценовой конкурентоспособности отечественной продукции на мировых рынках. В условиях экономического роста, ориентированного на экспорт, условия торговли (экспорта и импорта) существенно влияют на экономический рост. Благоприятные условия торговли, основанные на увеличении экспортных цен по сравнению с импортными ценами, позволяют закупать больший объем импорта при заданном объеме экспорта. Таким образом, благоприятные условия торговли предполагают увеличение реальной покупательной способности внутреннего производства, что эквивалентно перемещению доходов из остального мира[209].

Обоснование модели с позиции представителей классической школы заключается в том, что торговля является двигателем роста, поскольку может способствовать более эффективному распределению ресурсов внутри стран, а также «экспортировать» рост между странами и регионами. Экспорт и, в частности, экспортная политика рассматриваются как важнейшие стимуляторы роста[210].

Аргументирование преимуществ экспортоориентированной модели роста стало частью нового консенсуса среди экономистов в отношении преимуществ экономической

---

[208]Razmi A., Hernandez G. Can Asia Sustain an Export-Led Growth Strategy in the Aftermath of the Global Crisis? An Empirical Exploration / A. Razmi, G. Hernandez // ADBI Working Paper № 329. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2011.

[209]Hae Kim The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. № 3. P. 7.

[210]Asian Development Bank. Explaining Growth in Developing Asia [Электронный ресурс] / Asian Development Bank. Explaining Growth in Developing Asia. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: сентябрь 2024)

открытости[211], утверждавших, что торговля способствует распространению технологий и обмену знаниями и, как следствие, более быстрому росту производительности[212], а осознанная политика, ориентированная на внешние рынки, помогает использовать экономические выгоды открытости для развивающихся стран, поощряя внедрение передового опыта, содействие развитию продукта и подвергая фирмы конкуренции.

Модель импортозамещения нацелена на повышение уровня самодостаточности национальной экономики, развитие промышленного производства для замещения импорта. Достижению целей импортозамещения содействуют меры защиты национального рынка – таможенно-тарифное (пошлины) и нетарифное (лицензирование, квотирование, сертификация, стандартизация ввозимой продукции и проч.) регулирование, а также субсидирование национальных производств.

П. Кругман и М. Обстфельд помимо экспортоориентированной и импортозамещающей выделили еще и инновационно-ориентированную модель, сделав акцент на научно-технологическом прогрессе и инновационных механизмах и выделив накопленный инновационный и технологический опыт страны в качестве главных двигателей международной специализации и экономического роста (в отличие от классических моделей, основанных на сравнительных преимуществах или импортозамещении)[213]. Такой подход лежит в русле эндогенного роста, исходящего из внутренних источников благодаря политике, направленной на поддержку инновационной активности внутри страны (а не только внешних условий).

Подход 3. Классификация моделей на основе анализа вклада факторов производства в экономический рост.

Данный подход отталкивается от классических теорий экономического роста и моделей эндогенного экономического роста. В его основе лежат (1) производственная функция Кобба – Дугласа[214], использующая для описания экономического роста два фактора производства – основной капитал и рабочую силу; (2) расширенная версия

---

[211] Dornbusch R., Fischer S., Samuelson P. Comparative Advantage, Trade, and Payments with a Continuum of Goods / R. Dornbusch, S. Fischer, P. Samuelson // American Economic Review. 1977. Vol. 67. P. 823–839.

[212] Grossman G.M., Helpman E. Trade, Knowledge Spillovers, and Growth / G.M. Grossman, E. Helpman // European Economic Review. 1991. Vol. 35. Issues 2–3. P. 517–526.

[213]Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. 5-е изд. СПб. : Питер, 2003. С. 292.

[214]Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production / C.W. Cobb, P.H. Douglas // American Economic Review. 1928. P. 139–165.

Felipe J., Adams F.G. A Theory of Production; The Estimation of the Cobb-Douglas Function: A Retrospective View / J. Felipe, F.G. Adams // Eastern Economic Journal. 2005. Vol. 31. № 3. P. 427–445.

неоклассической модели роста, инкорпорирующая роль технологического фактора и человеческого развития[215] и (3) модель Солоу – Свона[216], которая пытается объяснить динамику долгосрочного экономического роста на основе обеспеченности страны факторами производства – инвестиционного капитала, роста рабочей силы или населения и увеличения факторной производительности, сопряженного с технологическим прогрессом.

В итоге классификация моделей роста строится вокруг анализа вклада факторов производства в экономический рост страны[217]:

1) рост, стимулируемый капиталом (capital-driven growth);
2) рост, движимый рабочей силой (labor-driven growth);
3) рост, обусловленный общей факторной производительностью (total factor productivity-driven growth);
4) рост, обусловленный комбинацией факторов (капитала и рабочей силы либо капитала и общей факторной производительности и т.д.);
5) рост, обусловленный комбинацией факторов в сочетании со значимым вкладом фактора образования.

К этому же направлению можно отнести модель эндогенного роста, где главным фактором развития являются инновации. В данных моделях экономический рост зависит от внутреннего накопления технологического опыта, предпределяющего рост всех отраслей экономики[218].

Подход 4. Классификация моделей на основе анализа отраслевой структуры ВВП

Классификация моделей экономического роста на основе анализа отраслевой структуры ВВП охватывает несколько типов, каждый из которых акцентирует внимание на влиянии разных секторов экономики на общий экономический рост. В зависимости от

---

[215]Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth / N.G. Mankiw, D. Romer, D.N. Weil // Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. № 2. P. 407–437.
Benhabib J., Spiegel M.M. The Role of Human Capital in Economic Development: Evidence from Aggregate Cross-Country Data / J. Benhabib, M.M. Spiegel // Journal of Monetary Economics. 1994. Vol. 34. № 2. P. 143–173.
Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth / R. Barro, X. Sala-i-Martin. Massachusetts : The MIT Press, 2003.
[216]Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. № 1. P. 65–94.
Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.W. Swan // Economic Record. 1956. Vol. 32. № 2. P. 334–361.
Acemoglu D. The Solow Growth Model / D. Acemoglu. Princeton: Princeton University Press, 2009.
1) [217]Lee J.-W., Hong K. Economic Growth in Asia: Determinants and Prospects / J.-W. Lee, K. Hong // ADB Economics Working Paper Series, № 220. 2010.
[218] Romer P.M. Endogenous Technological Change / P.M. Romer // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. P. S71–S102. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/2937684 (дата обращения: сентябрь 2024).

подхода модели могут различаться по сложности, основным факторам роста и уровням развития отраслей.

Модели роста с выделением трех секторов экономики – сельское хозяйство, промышленность, услуги – исходят из того, что экономический рост объясняется изменениями в составе секторов экономики, и включают в себя:

1. Аграрные – сельское хозяйство является основным сектором в экономике, особенно на начальных стадиях экономического развития. Важной характеристикой этих моделей является высокая зависимость от природных ресурсов, а также роль сельского хозяйства в обеспечении рабочих мест и производственных мощностей для других секторов.
2. Индустриальные (ориентированные на индустриализацию) – рассматривают процесс перехода от аграрной к индустриальной экономике как основное объяснение роста (модели Фишера и Харрода – Домара)[219]. Индустриализация становится основным фактором роста, который зависит от инвестиций в капитал. Включают в себя (1) модель «индустриализации через импортозамещение» (import substitution industrialization, ISI) и (2) модель «индустриального роста и диверсификации».
3. Постиндустриальные (ориентированные на сектор услуг), в т.ч.:

- модель постиндустриального роста (post-industrial growth model), в которой развитие услуг, информационных технологий и инновационных секторов становится ключевым элементом экономического роста;
- модели, основанные на знаниях и инновациях, где доминируют высокотехнологичные и интеллектуальные услуги, такие как финансовые услуги, информационные технологии, медицинские и образовательные услуги.

В рамках моделей индустриального и постиндустриального развития отдельно можно выделить модели роста, ориентированные на устойчивое развитие, когда рост происходит за счет использования устойчивых технологий и перераспределения ресурсов в пользу экологии и социальных секторов. Сектор услуг и инновационные технологии играют ключевую роль.

[219] Harrod R. An Essay in Dynamic Theory / R. Harrod // Economic Journal. 1939. Vol. 49. P. 14–33. Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/2225180 (дата обращения: сентябрь 2024).

Еще один важный вопрос в развитии эмпирических исследований моделей экономического роста состоит в определении критериев (в т.ч. количественных параметров) для отнесения экономического роста страны к той или иной модели. Это касается любого подхода к категоризации моделей экономического роста, в особенности основанных на принципе декомпозиции ВВП.

Э. Харруби и Э. Кольшен сосредотачиваются в основном на реальных темпах роста частного потребления по сравнению с реальным ВВП. В частности, периоды роста, движимого потреблением, они определяют как «периоды, в течение которых частное потребление растет быстрее, чем ВВП, либо в номинальном выражении, так что отношение потребления к ВВП увеличивается со временем, либо в реальном выражении, так что рост реального потребления превышает рост реального ВВП»[220]. В то же время В. Тсен идет дальше, измеряя эластичность роста ВВП в ответ на рост отношения потребления к ВВП[221]. Тем не менее проблема с таким подходом заключается в том, что более чем один компонент может расти быстрее, чем ВВП, что затрудняет определение того, какой из них опережает рост.

Другие эксперты склонны отталкиваться от измерения вклада каждого компонента (на основе принципа декомпозиции) ВВП[222]. Таким образом, рост, обусловленный потреблением, означает, что частные домохозяйства как ведущая движущая сила экономического роста страны вносят наибольший вклад в ВВП.

Однако при этом подходе одна из центральных проблем состоит в оценке вклада внешнего компонента в экономический рост. Анализ вклада чистого экспорта в

---

[220]Kharroubi E., Kohlscheen E. Consumption-Led Expansions [Электронный ресурс] / E. Kharroubi, E. Kohlscheen // BIS Quarterly Review. 2017. P. 25–37. Режим доступа: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1703e.htm (дата обращения: сентябрь 2024).

[221] Tsen W.H. Exports, Domestic Demand and Economic Growth: Some Empirical Evidence of the Middle East Countries / W.H. Tsen // Economic Cooperation. 2007. Vol. 28. № 2. P. 57–82.

[222] Kormendi R.C., Meguire P. Decomposition of Growth in East Asia and Latin America / R.C. Kormendi, P. Meguire // Journal of Development Economics. 1985. № 16. P. 141-163. DOI: 10.1016/0304-3932(85)90027-3.

Sachs J., Warner A. The Contribution of Consumption, Investment, and Net Exports to Economic Growth in Emerging Markets / J. Sachs, A. Warner. Harvard Institute for International Development, 1995.

Blanchard O., Kremer M. Sources of Growth: Decomposition Analysis for Transition Economies / O. Blanchard, M. Kremer. Washington : World Bank, 1997.

López R. Economic Growth and the Role of Trade: Decomposition of Growth in the 1980s and 1990s / R. López / World Bank Economic Review. 2004.

Rodrik D. Decomposing Economic Growth: A Comparison of Developed and Developing Economies / D. Rodrik // Journal of Economic Growth. 2004.

Ahuja A., Nabar M. Investment-Led Growth in China: Global Spillovers / A. Ahuja, M. Nabar // IMF Working Paper, № WP/12/267. 2012.

Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

экономический рост не учитывает объемы и темпы прироста его отдельных компонентов – экспорта и импорта. В результате к экспортоориентированным моделям могут быть некорректно отнесены страны, обеспечивающие высокий вклад чистого экспорта не за счет расширения экспортной составляющей, а за счет сокращения импорта, высокого протекционизма и фактического следования стратегии импортозамещения. И напротив, открытые экономики с опережающими темпами прироста экспорта и его высокой долей по отношению к ВВП рискуют быть отнесены исключительно к модели роста, движимого внутренним спросом (разными его компонентами) вследствие относительно сбалансированной внешней торговли и сопоставимых объемов импорта (даже при сохранении устойчивого профицита счета текущих операций). Для решения этой проблемы отдельные исследователи предлагают отталкиваться от оценки компонентов ВВП, «очищенного» от импорта (скорректированного на внешний компонент). В этом случае проводится декомпозиция импорта на компоненты ВВП: (1) часть импорта, направляемая на частное или государственное потребление; (2) используемая для последующего экспорта (например, сырье или компонентная база, используемая для экспортируемых товаров и услуг); (3) инвестиционный компонент импорта. Импортные компоненты далее вычитаются из всех составных элементов ВВП и оценивается доля вклада в ВВП уже данных составных элементов, скорректированных на импортный компонент. Такого подхода придерживаются, в частности, Л. Баккаро и С. Хаджабдик[223], которые предлагают следующую систему критериев для оценки моделей экономического роста:

- Если вклад одного из компонентов внутреннего спроса (частного потребления, инвестиций или государственных расходов) в экономический рост страны превышает 40%, модель обусловлена этим фактором (рост, обусловленный частным потреблением, инвестициями или государственными расходами). Как правило, порог в 40% исключает возможность одновременного существования двух ведущих компонентов спроса, это возможно лишь в редких случаях.
- Если вклад одного из компонентов внутреннего спроса в рост превышает 50%, модель роста сильно зависит от этого компонента (growth strongly reliant on the component).

[223] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

- Аналогичным образом осуществляется выявление экспортоориентированной модели роста: вклад экспорта более 40% означает развитие в соответствии с экспортоориентированной моделью роста (export-led growth), более 50% – рост, сильно зависящий от экспорта (strongly export-led growth).
- Если на какие-либо два компонента внутреннего спроса в совокупности приходится 70% или более роста, то модель роста определяется комбинацией этих двух компонентов.
- Если три компонента внутреннего спроса (потребление, инвестиции и государственные расходы) суммарно дают более 70% роста, то модель является движимой внутренним спросом (domestic demand-led growth)
- Если вклад роста экспорта составляет от 30% до 40% (а соответственно, суммарный вклад компонентов внутреннего спроса составляет от 60% до 70%), модель роста является сбалансированной.

В качестве еще одного альтернативного критерия отнесения страны к той или иной модели может выступать оценка эластичности ВВП (или темпов его прироста) по отдельным компонентам или влияющим факторам экономического роста[224]. В качестве методологической основы может использоваться широкий набор эконометрических инструментов, наиболее распространенными и обоснованными из которых являются тест Грейнджера и регрессионный анализ. В таком случае критерием для отнесения к той или иной модели выступает коэффициент эластичности при соответствующем факторе: коэффициент выше 1 означает, что данный фактор или компонент является ключевым (или одним из ключевых в случае двух- или многокомпонентной модели). Коэффициент ниже 1 говорит об относительно низкой эластичности роста ВВП по соответствующему фактору и не позволяет отнести его к категории драйверов роста. Данные критерии могут быть применены к любой из классификаций моделей экономического роста, описанных выше: либо основанных исключительно на принципе декомпозиции ВВП, либо нацеленных на более детализированное выявление драйверов основных компонентов ВВП страны.

[224] На этот принцип опирается большинство описанных выше исследований, включая работы Solow R.M. (1956) и Barro R.J., & Sala-i-Martin X. (2004) (эластичность по капиталу); Lucas R.E. (1988), Griliches Z. (1996) (эластичность по труду); Harrod R.F. (1939); Denison E.F. (1962) (эластичность по общей факторной производительности); Klenow P.J., & Rodríguez-Clare A. (1997), Easterly W., & Levine R. (2001) (эластичность по общей факторной производительности); Becker G.S. (1994), Psacharopoulos G. (1994) (эластичность по образованию и капиталу) и т.д.

Выявление моделей роста, основанных на принципе декомпозиции ВВП, ставит перед исследователями важный вопрос, касающийся взаимного влияния общего экономического роста на динамику его компонентов во времени. В этом случае эксперты тестируют эконометрически причинно-следственные связи между темпами экономического роста в целом и отдельными компонентами. Подобный подход чаще всего используется не для выявления модели экономического роста, а для проверки гипотезы о следовании страной конкретной модели экономического роста. В большинстве случаев объектом анализа становится экспортоориентированный рост, а критерием является характер взаимосвязей между экспортом и экономическим ростом[225]. Экспортоориентированная модель роста в этом случае предполагает значимое положительное влияние экспорта на рост ВВП страны при отсутствии обратного влияния на экспорт со стороны общего экономического роста. В случае отсутствия подобного влияния или установления взаимного влияния гипотеза о следовании экспортоориентированному росту отрицается.

Таким образом, в академической литературе сохраняется фундаментально-методологическая проблема отсутствия консенсуса и недостаточной концептуализации критериев для выявления моделей экономического роста (экспортоориентированный рост; инвестиционный рост; рост, движимый внутренним спросом или частным потреблением домохозяйств, и проч.), в т.ч. при исследовании стран Азии. Одни исследования связывают модели роста с теорией модернизации и институциональными факторами, опираются на качественный анализ экономической среды, стратегических документов и приоритетов экономического развития; иные отталкиваются от количественного сопоставления динамики разных компонентов ВВП, например, предлагают определять рост, обусловленный потреблением, по превышению темпов роста частного потребления над ВВП – в номинальном или реальном выражении. Некоторые исследователи определяют модель по компоненту, обеспечивающему наибольший вклад в ВВП.

---

[225]Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. 1999. Vol. 24. № 2.
Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied Economics. Vol. 30. P. 415–425.
Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. Vol. 22. № 2. P. 81–95.

Однако такие подходы имеют ограничения. Во-первых, вклад компонентов зачастую оценивается в структуре ВВП, а не в темпах его прироста. Во-вторых, анализ чистого экспорта не учитывает в отдельности динамику экспорта и импорта, что может привести к ошибочной интерпретации: например, страны с высоким уровнем протекционизма и снижением импорта могут быть отнесены к экспортоориентированным, а открытые экономики – к ориентированным на внутренний спрос несмотря на экспортный рост.

Для преодоления этой теоретико-методологической проблемы автором был предложен собственный подход, который и был положен в основу последующего эмпирического анализа эволюции моделей экономического роста в 10 странах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Настоящее исследование предлагает отталкиваться от двухмерного анализа, в основе которого лежит сочетание двух подходов: (1) принципа декомпозиции ВВП (оценки вклада компонентов ВВП в экономический рост с 1970-х гг.) и (2) анализа стратегических документов. Первый позволит определить количественно вклад частного потребления в экономический рост и сделать выводы относительно фактического развития страны в соответствии с моделью роста, движимого внутренним потреблением, второй – оценить, в какой мере стимулирование частного потребления и переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, декларируется в качестве приоритета экономической политики.

На основе предложенного подхода была разработана матрица критериев для классификации моделей экономического роста стран Азии с акцетом на перспективы перехода к модели роста, движимого внутренним потреблением (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Классификация стран Азии по перспективам перехода к модели роста, движимого внутренним потреблением (после 2010 г.)

	Метод декомпозиции ВВП	
Анализ стратегических	Рост, движимый внутренним потреблением, в сочетании с официальным закреплением перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики ***Переход сочетается со стратегическим стремлением***	Рост, движимый иными компонентами ВВП, несмотря на официальное закрепление перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики ***Стратегическое стремление в отсутствии перехода***

	Рост, движимый внутренним потреблением, без официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики ***Переход без стремления***	Рост, движимый иными компонентами ВВП, в отсутствии официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики ***Отсутствие перехода и стремления***

Источник: составлено автором.

Одновременно возможна модель развития, основанная на «сбалансированном» целеполагании без выделения четкого приоритета в числе драйверов экономического роста и одновременно по динамике вклада разных компонентов в ВВП тяготеющая к сбалансированному росту.

Определение модели экономического роста на основе метода декомпозиции основано на расчете вклада соответствующих компонентов ВВП (частного потребления, государственного потребления, инвестиций, совокупного спроса в целом, а также экспорта и/или чистого экспорта) в темпы прироста ВВП страны в процентах и процентных пунктах. Критерии основаны на подходе Л. Баккаро и С. Хаджабдик с поправкой на то, что импорт оценивается в качестве самостоятельного компонента ВВП, и прочие компоненты не являются «очищенными по импорту».

1. Экспортоориентированный рост – когда чистый экспорт является положительным и вклад экспорта в темпы прироста ВВП составляют не менее 40%.
2. Рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth) – если в совокупности факторы внутреннего спроса (частное и государственное потребления, а также инвестиции) обеспечивают не менее 80%. Разновидности модели:
    a) доминирующие инвестиции (investment-led growth) – когда на инвестиции приходится не менее 40% вклада в прирост ВВП;
    b) доминирующее частное потребление (private consumption-led growth) – когда на частное потребление домохозяйств приходится не менее 50% вклада в прирост ВВП;
    c) сбалансированный рост, движимый совокупным спросом (balanced domestic demand-led growth) – когда и на инвестиции, и на частное

потребление домохозяйств в отдельности приходится не менее чем по 40% вклада в прирост ВВП.

3. Рост, движимый экспортом и инвестициями (export and investment-led growth) – когда чистый экспорт является положительным, вклад экспорта в темпы прироста ВВП составляет не менее 30%, а на инвестиции приходится не менее чем по 40% вклада в прирост ВВП.
4. Сбалансированный рост (balanced growth) – когда чистый экспорт является положительным, вклад экспорта в темпы прироста ВВП составляет не менее 30%, а вклад инвестиций и частного потребления домохозяйств в отдельности составляет не менее чем по 40% в прирост ВВП.

Модель также может быть устойчивой или неустойчивой. Устойчивой она является в том случае, если приверженность той или иной модели сохраняется на протяжении не менее 5 лет.

Следующий аспект проблемы, который встает перед исследователями уже после разрешения методологических противоречий в определении моделей экономического роста, состоит в ответе на вопрос о том, какой тип модели (экспортоориентированная модель или рост, ориентированный на потребление – как два преобладающих типа) является предпочтительной для стимулирования экономического развития и улучшения качества роста. Ответ на этот вопрос кроется, во-первых, в изучении глубинного содержания основополагающих принципов каждой модели, а во-вторых, в исследовании глобального контекста, который также определяет эффективность или уязвимость той или иной модели.

Как уже было отмечено, аргументирование преимуществ экспортоориентированной модели роста стало частью нового консенсуса среди экономистов в отношении преимуществ экономической открытости[226], утверждавших, что торговля способствует распространению технологий и обмену знаниями, ускоряя тем самым рост производительности[227], а осознанная политика, ориентированная на внешние рынки, помогает использовать экономические выгоды открытости для развивающихся

[226]Bhagwati J. N. Export-Promoting Trade Strategy: Issues and Evidence / J. N. Bhagwati // World Bank Research Observer. 1988. Т. 3. № 1. С. 27–57. https://doi.org/10.1093/wbro/3.1.27

[227] Grossman G. M., Helpman E. Trade Knowledge Spillovers and Growth / G. M. Grossman, E. Helpman // European Economic Review. 1991. Т. 35. № 2–3. С. 517–526. https://doi.org/10.1016/0014-2921(91)90153-A

стран, поощряя внедрение передового опыта, содействие развитию продукта и росту конкуренции.

Однако, несмотря на длительный период успешности экспортоориентированной модели роста, ее уязвимость стала очевидной на фоне развития Глобального финансового кризиса 2008–2009 годов. Кризис стал переломным моментом, создав всеобъемлющее структурное состояние глобального дефицита спроса. В результате модель экспортоориентированного роста столкнулась с рядом вызовов, ограничивших ее ресурс роста:

1. Высокая (предельная) закредитованность американских потребителей, составлявших основу внешнего спроса на избыточный экспорт из развивающихся государств.
2. Возросший относительный размер экономик развивающихся стран, которые стали настолько значительной долей мировой экономики, что их экспорт оказался избыточным по сравнению с импортными возможностями промышленно развитых стран. С другой стороны, расширился платежеспособный спрос и емкость их собственных внутренних рынков, которые становятся все более значимым фактором экономического роста.
3. Снижение относительных цен на промышленные товары вследствие увеличения предложения низкотехнологичных промышленных товаров[228].
4. Ужесточение конкуренции внутри группы развивающихся стран. Деструктивная конкурентная динамика подрывает развитие стандартов, институтов, равенства доходов и роста заработной платы, которые необходимы для глубоко укоренившегося развития.
5. Переход Китая к экспортоориентированному росту. Благодаря значительному трудовому ресурсу в сочетании с его низкой стоимостью Китай начал перекачивать ПИИ и спрос из других стран с формирующимся рынком. Появление Китая создало две проблемы для других развивающихся стран и стран с формирующимся рынком. Во-первых, его размер блокировал доступ новичкам к традиционной лестнице развития. Во-вторых, его выход на глобальную арену привел к конкуренции Юг – Юг, а также конкуренции Север – Юг. В последние годы с

[228] Sarkar P., Singer H.W. Manufactured Exports of Developing Countries and Their Terms of Trade Since 1965 [Электронный ресурс] / P. Sarkar, H.W. Singer // World Development. 1991. Т. 19. № 4. Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=1018573 (дата обращения: 03.02.2025).

развитием процессов урбанизации, технологического переоснащения экономики и роста доходов Китай стал утрачивать свои конкурентные преимущества, и его роль постепенно начала замещаться иными региональными игроками (Вьетнам, Камбоджа, Лаос), однако масштабы этих рынков и их производственные мощности несопоставимы с китайскими.

Следствием этих аргументов является то, что парадигма роста, основанная на экспорте, исчерпала себя для развивающихся стран, что также наносит серьезный ущерб мировой экономике. В условиях исчерпания потенциала экспортоориентиорванной модели экономического роста для ряда развивающихся государств более привлекательной может оказаться модель роста, движимого внутренним спросом. Последняя имеет ряд преимуществ[229]:

1. Снижение уязвимости к сокращению глобального спроса. Учитывая растущую волатильность и непредсказуемость международных рынков, а также снижение импортного ресурса развитых стран, в отношении экспорта из развивающихся, стратегия роста, движимого внутренним потреблением, способствует достижению более стабильного и устойчивого роста.
2. Перспективы улучшения качества роста. Нацеленность на расширение экспорта, когда торговля рассматривается как игра с нулевой суммой, может реализовываться в ущерб стандартам труда, реализации прав работников и окружающей среде, в отличие от модели роста, движимого внутренним спросом.
3. Развитие более сбалансированной экономики и более полное использование ресурсов. Производство товаров и услуг, удовлетворяющее внешний спрос, имеет тенденцию к высокой концентрации в сравнительно узкой категории отраслей, что приводит к несбалансированному росту и более выраженному неравенству доходов. В противовес, стратегия роста, движимого внутренним потреблением, может привести к более оптимальному использованию ресурсов и содействовать большей социальной стабильности.

В то же время модель роста, движимого внутренним потреблением, не лишена и недостатков:

[229] Yeah K.L. Domestic Demand-Driven Growth: Analytical Perspectives and Statistics Needed / K.L. Yeah // Advances in Economics and Business. 2017. Т. 5. № 3. С. 109–128. DOI: 10.13189/aeb.2017.050301.

1. Ограничения малого рынка. В небольших экономиках ограниченность внутренних рынков не позволяет отраслям получать выгоду от повышения эффективности за счет эффекта масштаба производства.
2. Демонстрационные эффекты и распространение знаний: поскольку они ограничиваются внутренними рынками, на более развитых рынках возникает меньше давления, а также меньше возможностей извлечь уроки из более сложного спроса.
3. Расширение внутреннего спроса в условиях сравнительно менее конкурентоспособной промышленности может вести либо к резкому увеличению импорта с последующим накоплением дефицита счета текущих операций и стагнации национального производства, либо к росту протекционистских тенденций, повышению уровня цен и/или нагрузки на государственный бюджет вследствие расширения программ субсидирования системообразующих отраслей.
4. Эффект Баумоля, когда при трансформации экономики происходит перераспределение трудовых и капитальных ресурсов в пользу секторов, ориентированных на внутренний рынок с более низкой эффективностью и производительностью по сравнению со сравнительно более эффективными и конкурентоспособными экспортными отраслями, что может привести к стагнации или снижению темпов роста из-за смещения структуры выпуска от отраслей с быстрым ростом производительности в направлении менее эффективных[230].

Расширение частного потребления, являющегося в большинстве развивающихся государств наиболее весомым компонентом внутреннего спроса, способно стимулировать экономический рост не только за счет собственного компонентного вклада в структуру ВВП, но и через механизмы влияния на прочие составляющие и факторы экономического роста.

Частное потребление во многом определяет способность страны внедрять передовые технологии, поскольку растущий и богатый рынок необходим для того, чтобы фирмам было выгодно внедрять более капиталоемкие технологии[231].

---

[230]Nordhaus W.D. Baumol’s Diseases: A Macroeconomic Perspective [Электронный ресурс] / W.D. Nordhaus. NBER Working Paper № 12218, National Bureau of Economic Research, 2006. Режим доступа: http://www.nber.org/papers/w12218 (дата обращения: 4 марта 2025).

[231] Smith M. Demand-Led Growth Theory in a Classical Framework: Its Superiority, Its Limitations and Its Explanatory Power [Электронный ресурс] / M. Smith. Centro Sraffa Working Papers № 29, March 2018. Режим доступа: http://www.centrosraffa.org/public/923ecb9d-2371-48a0-8425-13913be3c4c3.pdf (дата обращения: 20 апреля 2025).

Прямое влияние частного потребления на инвестиции состоит в стимулировании спроса и улучшении финансовых условий для компаний**.** При росте потребительского спроса компании ожидают увеличения доходов и прибыли, что создает стимулы для расширения производства и инвестирования в новые проекты и технологии. Это особенно важно в странах с высокой долей потребительского сектора, где спрос со стороны домохозяйств является основным фактором роста инвестиций[232]. Косвенное влияние связано с кредитованием и финансовыми потоками**.** Высокий уровень потребления может повышать потребность в заемных средствах, что в свою очередь может влиять на инвестиции. Когда потребители активно тратят деньги, это создает высокий спрос на кредиты, что может привести к росту процентных ставок, оказывая давление на условия для инвестиций. Однако в странах с развитыми финансовыми рынками это может способствовать улучшению кредитных условий для компаний, что делает инвестиции более доступными.

Рост потребления увеличивает и спрос на импортные товары. Это может повлиять на торговый баланс, особенно в странах с высокоразвитыми потребительскими секторами, которые зависят от иностранных товаров. При высокой ориентированности спроса на импортные товары его расширение может оказать негативное влияние на экспорт[233]. Если же потребительский спрос в стране растет на товары, которые могут быть экспортированы, то его рост может побудить фирмы увеличивать производство с целью удовлетворения как внутреннего, так и внешнего спроса, что будет вести к расширению экспортного потенциала. Высокий уровень потребления может также стимулировать инновации и повышение качества продукции, что, в свою очередь, способствует улучшению конкурентоспособности продукции на международных рынках. Однако это зависит от того, какие производственные сектора страны ориентированы на экспорт.

Тем не менее ряд экономистов сходятся во мнении, что модель, движимая потреблением, при сравнительно более высокой устойчивости обеспечивает сравнительно более низкие темпы экономического роста[234] в противовес внешней торговле как источнику распространения технологий, способствующих повышению

---

[232] Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton : Princeton University Press, 1957. Chenery H.B., Robinson S., Syrquin M. Industrialization and Growth: A Comparative Study / H.B. Chenery, S. Robinson, M. Syrquin. Oxford : Oxford University Press, 1986.

[233] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

[234]Kilponen J., Pisani M., Schmidt S., Corbo V., et al. Comparing Fiscal Multipliers Across Models and Countries in Europe [Электронный ресурс] / J. Kilponen, M. Pisani, S. Schmidt и др. // ECB Working Paper. 2015. № 1760. Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1760.en.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

общей производительности экономики[235]. Рост производства за счет потребления домохозяйств имеет тенденцию быть значительно слабее, чем когда рост обусловлен другими компонентами совокупного спроса[236]. Большая часть потребления не влияет на производственную мощность и, следовательно, на будущий выпуск. Увеличение потребления может происходить за счет сбережений, что снижает ресурсы для будущего потребления. Кроме того, потребительский бум часто финансируется за счет долга, поэтому в конечном итоге затраты на обслуживание долга, вероятно, приведут к снижению потребления.

В отличие от потребления, инвестиции увеличивают производственные мощности и выпуск продукции в последующие периоды, а доходы от экспорта позволяют расширить мощности и выпуск продукции в будущем. Более высокий рост экспорта может также сигнализировать о более высоких долях экспортного рынка, что приведет к продолжению роста экспорта в будущие периоды, а также к другим побочным эффектам, особенно в производительности[237].

Соответственно, выбор оптимальной траектории развития в каждой стране определяется как общими макроэкономическими и институциональным условиями и «запасом прочности», накопленными внутри экономической системы, так и внешними условиями. В нынешнем контексте замедления темпов роста мировой экономики, слоубализации[238], системного кризиса глобализирующегося капитализма[239], усиления глобальной фрагментации и неопротекционизма, стагнации внешнего спроса[240] и

---

[235] Krueger A. O. Foreign Trade Regimes and Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences / A. O. Krueger // Journal of Development Economics. 1978. Vol. 6. № 3. С. 447–455.
Salvatore D. A Simultaneous Equations Model of Trade and Development with Dynamic Policy Simulations / D. Salvatore // Kyklos. 1983. Vol. 36. № 1. С. 66–90. DOI: 10.1111/j.1467-6435.1983.tb02661.x.
Palley T. I. The Contradictions of Export-Led Growth (No 119) [Электронный ресурс] / T. I. Palley. Public Policy Brief, 2011. Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54288/1/675943582.pdf (дата обращения: 2025).
[236]Kharroubi E., Kohlscheen E. Consumption-Led Expansions [Электронный ресурс] / E. Kharroubi, E. Kohlscheen // BIS Quarterly Review. 2017. № 1. С. 25–37. Режим доступа: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1703e.htm (дата обращения: 04.03.2025).
[237] Shepherd B., Haddad M. Export-Led Growth: Still a Viable Strategy After the Crisis? [Электронный ресурс] / B. Shepherd, M. Haddad. 2011. Режим доступа: https://voxeu.org/article/export-led-growth-still-viable-strategy-after-crisis (дата обращения: 05.03.2025).
[238] International Monetary Fund. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2024. 180 p.
World Economic Outlook. Global Growth: Divergent and Uncertain / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2025. 11 p.
[239] Орешин В.П., Халиков М.С. Системный кризис глобализирующегося капитализма / В.П. Орешин, М.С. Халиков // Вестник Московского государственного университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 105–122.
[240] Гринберг Р.С. Глобализация, трансформация, кризис что дальше? / Р.С. Гринберг. М. : Магистр, 2011. 183 с.
Goldberg P.K., Reed T. Growing Threats to Global Trade. Protectionism Could Make the World Less Resilient, More Unequal, and More Conflict-Prone / P.K. Goldberg, T. Reed // IMF. Finance and Development. 2023, June. P. 4–8.

одновременно при сохранении проблемы глобальных экономических дисбалансов (о чем будет подробнее в следующих параграфах) модель ориентации на потребительский спрос домохозяйств может оказаться значительно устойчивее и надежнее, в особенности для стран, накопивших устойчивый индустриальный базис и обладающих высокой емкостью рынков и благоприятными демографическими условиями.

1.2. Место внутреннего спроса и потребления домохозяйств в моделях экономического роста

Спрос – категория более широкая, нежели потребление, а потребление (государственное и частное) является составным компонентом спроса. Соответственно, режимы внутреннего спроса не стоит приравнивать к режимам частного потребления. Э. Хейн и др. (2021)[241] также проясняют различие между концепцией «режима спроса», используемой посткейнсианскими и регуляционистскими экономистами (например, Р. Бойером)[242], и концепцией «моделей роста», используемой сравнительными политэкономистами. Режим спроса – это контрфактическая сущность, которая зависит от базовой структурной модели экономики – например, неокалекианской[243] или неосрафанской[244]. Эта модель определяет конечные детерминанты роста: склонность к потреблению, чувствительность инвестиций к прибыли и совокупному спросу, ценовую чувствительность экспорта и импорта, чувствительность спроса на импорт и экспорт, автономное потребление.

Посткейнсианская (ПК) теория отличается от неоклассической и марксистской теорий анализом роли распределения доходов, финансов и зависимости от траектории процесса экономического роста. Он допускает режимы спроса, основанные на заработной

Афонцев С.Н. Новые тенденции в развитии мировой экономики / С.Н. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 36–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46.

[241]Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes Before and After the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. P. 1196–1223. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

[242]Boyer R. Technical Change and the Theory of “Regulation” / R. Boyer // In: Dosi G., Freeman C., Nelson R., Silverberg G., Soete L. (eds.) Technical Change and Economic Theory. London : Pinter, 1988. P. 67–94.

[243]Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. 1990. Vol. 14. P. 375–393.

[244]Girardi D., Pariboni R. Long-Run Effective Demand in the US Economy: An Empirical Test of the Sraffan Supermultiplier Model / D. Girardi, R. Pariboni // Review of Political Economy. 2016. Vol. 28. P. 523–544. DOI: 10.1080/09538259.2016.1209893.

Girardi D., Pariboni R. Autonomous Demand and the Investment Share / D. Girardi, R. Pariboni // Review of Keynesian Economics. 2020. Vol. 8. P. 428–453. DOI: 10.4337/roke.2020.03.07.

плате, и считает, что финансы создаются эндогенно и являются источником нестабильности[245].

В основе определения режимов спроса лежит выявление детерминант, основными из которых выступают составляющие номинального дохода или социально-экономические параметры, определяющие уровень реального дохода.

А. Бхадури и С. Марглин[246] предложили общую структуру, которая может привести к созданию режимов спроса, ориентированных на заработную плату, а также режимы спроса, ориентированные на прибыль. Увеличение заработной платы (при заданных производительности труда и доходе), вероятно, окажет стимулирующий эффект на потребление (поскольку у работников обычно будет более высокая предельная склонность к потреблению), но это может иметь негативные последствия для инвестиций (поскольку норма прибыли сокращается) и на чистый экспорт (поскольку более высокие зарплаты негативно влияют на конкурентоспособность). Сумма этих разных эффектов определяет, будет ли спрос обусловлен заработной платой или прибылью. Чтобы определить «режим спроса», необходимо изучить, что произойдет с совокупным спросом, если, например, функциональное распределение дохода между заработной платой и прибылью изменится в пользу заработной платы[247]. Если спрос расширяется, режим спроса определяется заработной платой; наоборот – это обусловлено прибылью. Накопление капитала также может осуществляться за счет заработной платы или прибыли в зависимости от того, какие инвестиции в большей степени реагируют на расширение спроса или на долю прибыли. На производительность труда также влияют сдвиги в функциональном распределении доходов, и она может определяться заработной платой или прибылью[248]. Страна, в которой существует режим спроса, основанный на заработной плате или прибыли, – это не то же самое, что фактический рост, вызванный увеличением доли заработной платы или доли прибыли. Фактический рост определяется сочетанием структурных особенностей экономики, которые формируют режим спроса, и

[245]Stockhammer E. Demand regimes, financialisation and hysteresis. New Keynesian and post-Keynesian macroeconomic underpinnings of the Varieties of Capitalism [Электронный ресурс] / Post-Keynesian Working Paper. Режим доступа: https://www.postkeynesian.net/downloads/working-papers/PKWP1809_ZaB83In.pdf (дата обращения: сентябрь 2024).
[246]Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. 1990. Vol. 14. P. 375–393.
[247] Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes before and after the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. P. 1196–1223. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.
[248]Storm S., Naastepad C.W.M. Macroeconomics Beyond the NAIRU / S. Storm, C.W.M. Naastepad. Cambridge: Harvard University Press, 2012.

политики, проводимой в стране, которая может быть ориентирована на труд или капитал[249]. Если существует соответствие между режимом спроса и политическим режимом, последует экономический рост; если есть несоответствие (например, если политика поддержки капитала реализуется в режиме спроса, основанного на заработной плате), произойдет стагнация.

Посткейнсианские исследования макроэкономики, финансиализации или капитализма с доминированием финансов породили понятие «режимов спроса и роста в условиях финансиализации». Это было сделано для того, чтобы выявить различие между способами, с помощью которых страны справляются с депрессивными макроэкономическими последствиями финансиализации, регрессивным перераспределением доходов с негативными последствиями для финансируемого доходами потребления и снижением инвестиций в реальный основной капитал, вызванным ориентацией на акционерную стоимость управления нефинансовыми ресурсами, финансовые корпорации в частности[250]. Были выведены два крайних и противоположных режима: режим «бума частного спроса, ведомого долгами» и «меркантилистский режим, ведомый экспортом». Первый опирается на финансируемый за счет долга частный (потребительский) спрос как основной источник спроса и роста, второй опирается на внешний спрос и приводит к росту задолженности иностранных секторов[251]. Это различие режимов не следует путать с более фундаментальным различием между режимами спроса и роста, основанными на заработной плате и прибыли, в посткейнсианской/калекианской литературе по распределению и экономическому росту, с более фундаментальным акцентом на последствиях изменений в функциональном распределении доходов на совокупный спрос и экономический рост[252].

Этот последний подход не означает, что в режиме спроса и роста, основанного на заработной плате, обязательно применяется политика распределения рабочей силы или

---

[249]Lavoie M., Stockhammer E. Wage-led Growth: Concept, Theories and Policies / M. Lavoie, E. Stockhammer // In: Lavoie M., Stockhammer E. (eds.) Wage-led Growth: An Equitable Strategy for Economic Recovery. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 13–39.

[250]Hein E. The Macroeconomics of Finance-Dominated Capitalism – and Its Crisis / E. Hein. Cheltenham : Edward Elgar, 2012.

Stockhammer E. Rising Inequality as a Root Cause of the Present Crisis / E. Stockhammer // Cambridge Journal of Economics. 2015. Vol. 39, № 3. P. 935–958.

[251]Hein E. Financialisation and Tendencies Towards Stagnation: The Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and after the Financial and Economic Crisis 2007–09 / E. Hein // Cambridge Journal of Economics. 2019. Vol. 43, № 4. P. 975–999.

[252]Hein E. Distribution and Growth after Keynes: A Post-Keynesian Guide / E. Hein. Cheltenham : Edward Elgar. 2014. Chapters 6–7.

что в режиме спроса и роста, ориентированном на прибыль, будет доминировать политика, ориентированная на капитал[253]. Следовательно, в некоторых странах в этом базовом смысле может доминировать заработная плата, а затем в них может доминировать либо режим бума частного спроса, основанный на долгах, либо меркантилистский режим, ориентированный на экспорт, чтобы справиться с депрессивным спросом и эффектами экономического роста, вызванными перераспределением за счет труда. В последнее время посткейнсианские/калекианские подходы к режиму спроса и экономического роста нашли отклик в литературе по сравнительной политической экономии (CPE)[254]. Посткейнсианцы также предприняли попытки связать свой подход к режиму спроса и роста с литературой CPE об институциональных разновидностях или моделях государства всеобщего благосостояния в современном капитализме[255].

Изучение и категоризация «режимов спроса» происходили параллельно и во взаимосвязи с развитием теорий потребления, отталкивающихся от выявления и изучения ключевых социально-экономических детерминант. Детерминанты расходов домохозяйств на конечное потребление стали предметом анализа значительного числа экономических школ, начиная с Дж. Кейнса (1936), Я. Дюзенберри (1949), М. Фридмана (1957) и др.[256] К факторам, влияющим на потребление как со стороны предложения, так

---

[253]Lavoie M., Stockhammer E. Wage-led Growth: Concept, Theories and Policies / M. Lavoie, E. Stockhammer // In: Lavoie M., Stockhammer E. (eds.) Wage-led Growth. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 13–39.

[254]Baccaro L., Pontusson J. Rethinking Comparative Political Economy: The Growth Model Perspective / L. Baccaro, J. Pontusson // Politics & Society. 2016. Vol. 44, № 2. P. 175–207.

Baccaro L., Pontusson J. Comparative Political Economy and Varieties of Macroeconomics / L. Baccaro, J. Pontusson. MPIfG Discussion Paper 18/10. Cologne : Max Planck Institute for the Study of Societies, 2018.

Hope D., Soskice D. Growth Models, Varieties of Capitalism and Macroeconomics / D. Hope, D. Soskice // Politics & Society. 2016. Vol. 44, № 2. P. 209–226.

Piore M.J. Varieties of Capitalism Theory: Its Considerable Limits / M.J. Piore // Politics & Society. 2016. Vol. 44, № 2. P. 237–241.

Streeck W. Varieties of Varieties: ‘VoC’ and the Growth Models / W. Streeck // Politics & Society. 2016. Vol. 44, № 2. P. 243–247.

[255]Behringer J., van Treeck T. Varieties of Capitalism and Growth Regimes: The Role of Income Distribution / J. Behringer, T. van Treeck. Forum Macroeconomics and Macroeconomic Policies (FMM) Working Paper 9/2017. Düsseldorf : Hans Boeckler Foundation, 2017.

Hein E., Paternesi-Meloni W., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes before and after the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W. Paternesi-Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2020. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

Setterfeld M., Kim Y. Varieties of Capitalism, Increasing Income Inequality and the Sustainability of Long-Run Growth / M. Setterfeld, Y. Kim // Cambridge Journal of Economics. 2020. Vol. 44, № 3. P. 559–582.

Stockhammer E. Post-Keynesian Foundations for Comparative Political Economy / E. Stockhammer // Politics & Society. 2021. Advance Access. DOI: 10.1177/00323292211006562.

Stockhammer E., Ali S.M. Varieties of Capitalism and Post-Keynesian Economics on Euro Crisis / E. Stockhammer, S.M. Ali // Wirtschaft und Gesellschaft. 2018. Vol. 44, № 3. P. 349–370.

[256]Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

и со стороны спроса, относятся доход или богатство (измеряемое по-разному – как средний доход в предыдущие периоды или средний темп роста дохода), доступ к кредиту (процентные ставки) и другие ограничения ликвидности, фискальная политика, уровень развития рынка и т.д.

Основу современной теории потребления заложил Дж. Кейнс. Став автором теории абсолютного дохода, он подчеркивал, что потребление человека и общества определяет именно уровень дохода[257]. Фундаментальное положение Кейнса о независимости индивидуального потребления было оспорено Дьюзенберри, который писал о взаимозависимости моделей потребления среди индивидов и делал акцент на том, что «полезность потребителей зависит не столько от абсолютного, сколько от их относительного дохода»[258]. Согласно гипотезе относительного дохода, уровень потребления определяется изменением текущего дохода по сравнению с его предыдущим уровнем. Изменения в доходах домохозяйств и изменения их относительного распределения влияют не только на текущее потребление, но и на среднюю склонность к потреблению в долгосрочной перспективе.

М. Фридман развил идею Дюзенберри, введя гипотезу постоянного дохода, согласно которой потребление домохозяйств пропорционально среднему доходу, полученному домохозяйствами в предыдущие периоды. Постоянный доход формирует ожидания относительно будущего дохода, соответственно, на потребление влияет «долгосрочный ожидаемый доход, а не текущий уровень дохода»[259]. То есть стабильные доходы в предыдущие периоды снижают зависимость домохозяйств от своих сбережений, что стимулирует потребление. Последствия гипотезы постоянного дохода были позже исследованы Р. Холлом (1978)[260].

Параллельно с теорией постоянного дохода М. Фридмана концептуальное оформление получила теория частного потребления, основанная на гипотезе жизненного

Duesenberry J.S. Income, Saving and the Theory of Consumption Behavior / J.S. Duesenberry. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1949.
Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton : Princeton University Press, 1957.

[257]Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

[258]Duesenberry J.S. Income, Saving and the Theory of Consumption Behavior / J.S. Duesenberry. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1949.

[259]Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton : Princeton University Press, 1957.

[260] Hall R.E. Stochastic Implications of the Life Cycle-Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence / R.E. Hall // Journal of Political Economy. 1978. Vol. 86, № 6. P. 971–987.

цикла Ф. Модильяни[261]. Допуская, что потребление представляет собой постоянную долю дохода, последователи направления предположили, что оно может существенно колебаться в зависимости от возраста вслед за изменениями дохода человека. Доход индивида относительно ниже на этапах детства (и юности) и выхода на пенсию[262]. Соответственно, как величина частного потребления в абсолютном выражении, так и структура потребления существенно зависят от демографических тенденций и возрастной структуры населения.

В то же время многие исследователи подчеркивали, что каждая теория может лишь частично объяснить природу и динамику частного потребления, а на расходы домохозяйств на конечное потребление влияют как текущие, так и постоянные доходы. Например, М. Фолвин, Дж. Кэмпбелл и Н. Мэнкью пришли к выводу, что потребление реагирует не только на изменения постоянного дохода, но и на изменения самого текущего дохода[263]. К аналогичным выводам пришел Р. Маклем, доказав, что как текущий располагаемый доход, так и ожидаемый будущий доход являются важными факторами, определяющими частное потребление[264].

Взгляд на постоянный доход и жизненный цикл потребления, предсказывающий, что богатство (т.е. ожидания в отношении будущего дохода) является движущей силой потребления, представляется верным лишь частично. Текущий располагаемый доход также играет ключевую роль в процессе принятия решений значительной части домохозяйств[265].

Таким образом, несмотря на различия в подходах исследователей к измерению дохода и изучению его влияния на личное потребление, доход занимает центральное место среди детерминант потребления, хотя и не является единственным значимым фактором. В частности, Дж. Кэмпбелл и Н. Мэнкью рассчитали предсказуемую

---

[261]Modigliani F., Ando A. Tests of the Life Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions / F. Modigliani, A. Ando // Oxford Bulletin of Economics & Statistics. 1957. Vol. 19, № 2. P. 99–124. DOI: 10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x.

[262]Modigliani F. Life Cycle, Individual Thrift, and the Wealth of Nations / F. Modigliani // American Economic Review. 1986. Vol. 76, № 3. P. 297–313.

[263]Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.

Falvin M.A. The Adjustment of Consumption to Changing Expectations about Future Income / M.A. Falvin // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89. P. 974–1009.

[264]Macklem R.T. Wealth, Disposable Income and Consumption: Some Evidence for Canada [Электронный ресурс] / R.T. Macklem. 1994. Режим доступа: http://www.econ2.jhu.edu/people/ccarroll/papers/cos-wealtheffects-literature/papers/macklem.pdf (дата обращения: 20 октября 2024).

[265]Bayar A., McMorrow K. Determinants of Private Consumption / A. Bayar, K. McMorrow // European Economy - Economic Papers, № 135. Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission, 1999.

эластичность потребления по доходу, которая варьировала от 35% до 50%[266]. В большинстве последующих исследований изучались иные детерминанты, часть которых влияет на текущее потребление через канал дохода, другая группа – через институциональные особенности рынка.

К располагаемым доходам относятся не только доходы, полученные от трудовой деятельности, но и дополнительные финансовые ресурсы, привлекаемые из разных источников (в т.ч. поступления от государства в виде прямых расходов – субсидии, дотации или социальные выплаты – или косвенных мер, таких как налоговая политика), которые влияют на реальный уровень дохода.

Интенсивное развитие финансовых рынков, а также усложнение финансовых инструментов существенно расширили поле исследований детерминант частного потребления. Оформление теории ограничения ликвидности дает иное возможное объяснение отклонения потребительского поведения от детерминистических условий. А. Дитон обнаружил, что бюджетные ограничения стимулируют сбережения[267]. Чем ниже конверсионная способность потребителей в каждый период, тем выше разумные сбережения. В то же время доступность финансовых услуг и увеличение частоты их использования могут помочь облегчить бюджетные ограничения, с которыми сталкиваются домохозяйства, высвободить ликвидность и оптимизировать решения о потреблении домохозяйств[268].

Теоретические исследования отдельных научных школ были сосредоточены на влиянии ограничений ликвидности на потребление домохозяйств, хотя результаты оказались довольно противоречивыми. Например, Дж. Кэмпбелл и Н. Мэнкью не нашли доказательств того, что реальные процентные ставки или изменения в номинальных процентных ставках оказывают прямое влияние на рост частного потребления[269]. Результаты эмпирических исследований Р. Холла, Б. Бернанке и М. Гертлера показали, что процентные ставки оказывают незначительное влияние на национальное потребление[270]. В то же время О. Бланшар доказал, что более широкий доступ к

[266]Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
[267]Deaton A. Saving and Liquidity Constraints / A. Deaton // Econometrica. 1991. Vol. 59, № 5. P. 1221−1248.
[268]Karlan D., Zinman J. Expanding Credit Access: Using Randomized Supply Decisions to Estimate the Impacts / D. Karlan, J. Zinman // Review of Financial Studies. 2010. Vol. 23, № 1. P. 433−464.
[269]Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
[270]Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission / B.S. Bernanke, M. Gertler // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. P. 27–48.

ликвидности может смягчить негативные последствия для потребления, вызванные иными факторами (например, наложенным повышением налогов)[271]. Одновременно ограничения ликвидности могут оказать дополнительное негативное влияние на частное потребление домохозяйств. Дж. Блэр доказал, что более высокие процентные ставки значительно препятствуют потреблению и стимулируют сбережения, в то время как более низкие процентные ставки имеют противоположный эффект[272]. Дж. Тейлор писал о существенном влиянии процентных ставок на потребительские расходы[273].

Расхождения в полученных результатах во многом объясняются различиями в объектах исследования, уровне развития их финансовых рынков, в т.ч. охвате домохозяйств банковскими услугами и доступе к финансовым инструментам.

Уровень развития финансового рынка и диверсифицированность инвестиционных инструментов на фондовой бирже тоже оказывает влияние на характер, масштабы и интенсивность частного потребления. Перемещение доходов от рабочих (с высокой предельной склонностью к потреблению) к акционерам (с низкой предельной склонностью к потреблению) может привести к снижению совокупного потребления, импорта и увеличению счета текущих операций[274]. Рост корпоративных сбережений был наиболее высоким в странах с более выраженным отходом от выплаты дивидендов в пользу наращивания нераспределенной прибыли и доли обратного выкупа[275]. Эти тенденции могут оказывать влияние на динамику счета текущих операций, поскольку не склонные к риску агенты, как правило, предпочитают потреблять больше из фактического доходов (дивидендов), чем из скрытых доходов в виде нераспределенной прибыли[276].

Государственная политика также может влиять на решения домохозяйств о сбережении/потреблении с помощью различных фискальных инструментов. Дж. Потерба оценивал эффекты снижения подоходного налога, который влияет на будущий ожидаемый доход отдельных лиц и домохозяйств и, таким образом, может определять их

Hall R.E. Intertemporal Substitution in Consumption / R.E. Hall // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96, № 2. P. 339–357.

[271]Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons / O. Blanchard // Journal of Political Economy. 1985. Vol. 93. P. 223–247.

[272]Blare J. B. Macroeconomics: Cycle, Growth and Policy in a Monetary Economy / J. B. Blare. London : McMillan, 1978.

[273]Taylor J. B. The Monetary Transmission Mechanism: An Empirical Framework / J. B. Taylor // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol. 9. P. 11–26.

[274]Behringer J., van Treeck, T. Income Distribution and the Current Account / J. Behringer, T. van Treeck // Journal of International Economics. 2018. Vol. 114. P. 238–254.

[275]Gutierrez G., Philippon, T. Investment-less Growth: An Empirical Investigation / G. Gutierrez, T. Philippon // NBER Working Paper № 22897. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2016.

[276]Baker M., Nagel S., Wurgler J. The Effect of Dividends on Consumption / M. Baker, S. Nagel, J. Wurgler // NBER Working Paper № 12288. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2006.

потребительские решения[277]. А. Ауэрбах и В. Гейл, М. Фельдштейн и др. также исследовали влияние фискальной политики на внутренний спрос. В большинстве случаев они доказывали негативное влияние фискальных ограничений и стимулирующее влияние фискальной экспансии и расширения государственных расходов на расходы на конечное потребление домашних хозяйств[278].

Макроэкономическая и социальная неопределенность также влияют на личное потребление, поскольку они предопределяют уровень ожидаемого реального дохода. В частности, Х. Лиланд доказал положительную связь между макроэкономической неопределенностью и сбережениями[279]. Для количественной оценки макроэкономической неопределенности исследователи используют различные индикаторы: чаще всего инфляцию, реже – уровень безработицы или процентные спрэды.

И инфляция, и инфляционные ожидания могут предопределять потребительские решения и существенно влиять на частное потребление в абсолютном выражении, а также на его товарную структуру[280]. Например, Ф. Д'Акунто и соавт. доказали, что домохозяйства, ожидающие скачок уровня цен, с большей вероятностью будут покупать товары длительного пользования по сравнению с домохозяйствами, которые ожидают постоянной или снижающейся инфляции[281].

---

[277]Poterba J. Are Consumers Forward Looking? Evidence from Fiscal Experiments / J. Poterba // American Economic Review. 1988. May issue.

[278]Auerbach A.J., Gale W.G. Activist Fiscal Policy to Stabilize Economic Activity / A.J. Auerbach, W.G. Gale // NBER Working Paper. 2009. September. P. 1–56.

Feldstein M. Rethinking the Role of Fiscal Policy / M. Feldstein // NBER Working Paper. 2009. January. P. 1–26.

Spilimbergo A., Symansky S., Blanchard O., Cottarelli C. Fiscal Policy for the Crisis / A. Spilimbergo, S. Symansky, O. Blanchard, C. Cottarelli // IMF Staff Position Note SPN/08/01. 2008. P. 1–37.

Galí J., López-Salido J. D., Vallés J. Understanding the Effects of Government Spending on Consumption / J. Galí, J. D. López-Salido, J. Vallés // European Central Bank Working Paper Series, № 339. 2004.

Bayar A., McMorrow K. Determinants of Private Consumption / A. Bayar, K. McMorrow // European Economy - Economic Papers, № 135. Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission, 1999.

Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output / O. Blanchard, R. Perotti // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117, № 4. P. 1329–1368.

[279] Leland H. E. Saving and Uncertainty: The Precautionary Demand for Saving / H. E. Leland // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82, № 3. P. 465–473. DOI: 10.2307/1879518.

[280]D'Acunto F., Hoang D., Weber M. Inflation Expectations and Consumption Expenditure [Электронный ресурс] / F. D'Acunto, D. Hoang, M. Weber // Meeting Papers from Society for Economic Dynamics. 2015. Режим доступа: https://bfi.uchicago.edu/sites/default/files/research/paper_Weber.pdf (дата обращения: 20 октября 2024).

Doepke M., Schneider, M. Inflation and the Redistribution of Nominal Wealth / M. Doepke, M. Schneider // Journal of Political Economy. 2006. Vol. 114, № 6. P. 1069–1097.

Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks / N. Bloom // Econometrica. 2009. Vol. 77, № 3. P. 623–685.

Taylor J. B. Fed Policy is a Drag on the Economy [Электронный ресурс] / J. B. Taylor // Wall Street Journal. 2013. Режим доступа: https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323375204578267943236658414.

[281]D'Acunto F., Hoang D., Weber M. Inflation Expectations and Consumption Expenditure [Электронный ресурс] / F. D'Acunto, D. Hoang, M. Weber // Meeting Papers from Society for Economic Dynamics. 2015. Режим доступа: https://bfi.uchicago.edu/sites/default/files/research/paper_Weber.pdf (дата обращения: 20 октября 2024).

Более высокий уровень безработицы снижает текущие доходы безработных. С другой стороны, он увеличивает ожидания дальнейшего ухудшения макроэкономической среды, вынуждая работающих людей увеличивать сбережения, чтобы защитить себя от будущих рисков[282].

Развитие сферы услуг и цифровизация рыночной среды также могут оказать существенное влияние на расходы на конечное потребление домашних хозяйств. С одной стороны, эффективность сектора услуг может быть основным фактором роста производительности в масштабах всей экономики[283], что стимулирует рост текущих доходов. С другой стороны, высокий уровень рыночного посредничества снижает транзакционные издержки на совершение сделок купли-продажи и экономит время их проведения, что стимулирует потребление. Интернет является еще одним важным фактором, определяющим интенсивность частного потребления и приводящим к существенным сдвигам в потребительских предпочтениях. Формирующаяся цифровая экономика и интенсивное развитие информационных технологий подстегнули электронную коммерцию, стимулируя частное потребление. Интернет упрощает потребителям процесс поиска информации, оценки, покупки и использования продуктов и услуг, может повысить эффективность потребления за счет более быстрого доступа потребителей к информации и экономии времени на совершение операций[284].

Л. Чжан и Б. Ту[285] отметили, что параллельное развитие цифровых финансов и электронной коммерции способствовало устойчивому расширению частного потребления и сектора услуг, а также породило большой спрос на цифровые финансовые услуги, что еще больше стимулировало рост потребительского спроса. При этом эксперты отмечают существование региональных различий влияния интернет-финансов на потребительское поведение домохозяйств, зависящих от иных факторов[286]. Развитие инклюзивного финансирования на основе Интернета и цифровых технологий приводит к изменениям в методах оплаты, значительно сокращая затраты на поиск, оценку и

[282]Engen E.M., Gruber J. Unemployment Insurance and Precautionary Saving / E.M. Engen, J. Gruber // Journal of Monetary Economics. 2001. Vol. 47, № 3. P. 545–579.
[283]Francois J., Hoekman B. Services Trade and Policy / J. Francois, B. Hoekman // Journal of Economic Literature. 2010. Т. 48. № 3. С. 642–692.
[284]McGaughey R.E., Mason K.H. The Internet as a Marketing Tool / R.E. McGaughey, K.H. Mason // Journal of Marketing Theory and Practice. 1998. Т. 6. № 3. С. 1–11.
[285]Zhang L., Tu B. Differential Impact of Internet Finance on Urban and Rural Consumption in China From the Functional Perspective of Consumer Finance / L. Zhang, B. Tu // Finance and Trade Research (Caimao Yanjiu). 2017. № 8. С. 70–83.
[286]Ma D., Han X., Zhao X. Promotion Effect of Internet Consumer Finance on Urban Consumption Behavior in China / D. Ma, X. Han, X. Zhao // Modern Finance and Economics (Xiandai Caijing). 2017. № 9. С. 19–27.

транзакции, а также преодолевая временные и географические ограничения[287], что влечет за собой изменения в поведении потребителей.

Одновременно развитие цифровых финансов увеличило вероятность формального спроса на кредиты со стороны сельских потребителей, среди которых влияние высокообразованных групп и групп, часто совершающих онлайн-покупки, было более очевидным, что указывает на то, что цифровые финансы имеют множественные эффекты: повышение эффективности и стимулирование потребления[288]. В то же время влияние цифровизации финансов и торговли на потребление разных товарных категорий весьма неоднородно. Развитие цифровых финансов в основном способствует росту городских потребительских расходов, особенно основных потребительских расходов на продукты питания и одежду, однако не оказывает существенного влияния на потребление, развитие и расходы на потребление в сельской местности. Таким образом, цифровые финансы способствуют росту потребления главным образом за счет повышения удобства платежей и уменьшения неопределенности, с которой сталкиваются домохозяйства[289].

Систематизация ключевых детерминант потребительского спроса домохозяйств с их обоснованием на основе основополагающих теорий и эмпирических исследований приведена в Таблице 3.

[287]Zeng M., Reinartz W. Beyond Online Search: The Road to Profitability / M. Zeng, W. Reinartz // California Management Review. 2003. Т. 45. № 2. С. 107–130.
Zhou G., Liang Q. Internet Use, Market Friction and Family Risk Financial Asset Investment / G. Zhou, Q. Liang // Journal of Financial Research (Jinrong Yanjiu). 2018. № 1. С. 84–101.
Jiao J. Application Analysis and Policy Suggestions of Mobile Payment Promoting Inclusive Finance Development / J. Jiao // China Business and Market (Zhongguo Liutong Jingji). 2014. № 7. С. 7–10.
Li J. Reflections on Internet Finance / J. Li // Management World (Guanli Shijie). 2015. № 7. С. 1–7.
[288]Fu Q., Huang Y. Heterogeneous Impact of Digital Finance on Rural Financial Demand: Evidence from China Household Finance Survey and Peking University Digital Inclusive Finance Index / Q. Fu, Y. Huang // Journal of Financial Research (Jinrong Yanjiu). 2018. № 11. С. 68–84.
[289]He Z., Song X. How Does Digital Finance Promote Household Consumption: An Analysis Based on Micro Survey Data / Z. He, X. Song // China Finance and Economic Review. 2020. DOI: 10.1515/cfer-2020-0904.

Таблица 3 – Детерминанты частного потребления домохозяйств и их обоснование

Категория	**Объясняющая переменная**	**Поддерживающая теория / Эмпирическое исследование**	**Направление влияния и трансмиссионный механизм**
Экономическое развитие и уровень дохода	ВНД на душу населения	Теория абсолютного дохода Дж. Кейнса (1936)	Более высокий уровень текущего (располагаемого) дохода стимулирует потребительские расходы домохозяйств (в соответствии с классической стабильной и статической функцией потребления. Ожидаемое направление влияния: положительное
	Доля городского населения	Эмпирические исследования С. Розенталя и У. Штранге (2004), Т. Луграна и П. Шульца (2005)	Городское население имеет учший доступ к транспорту, другим услугам (вода, Интернет и электричество) и разнообразным товарам; доступ к образованию и новым технологиям, которые ведут к повышению производительности, прибыльности и доходов городского населения. Ожидаемое направление влияния: положительное
Постоянный доход	Средний уровень ВНД на душу населения за 5 лет	Теория постоянного дохода М. Фридмана (1957) Эмпирические исследования Р. Холла и Ф. Мишкина (1982), Дж. Кэмпбэла и М. Мэнкью (1990, 1991)	Стабильные средние доходы (постоянный доход в течение нескольких лет) предопределяют более высокие доходные ожидания домохозяйств и стимулируют текущее потребление, снижая уровень сбережений. Ожидаемое направление влияния: положительное
Демографические факторы	Доля населения от 15 до 64 лет	Теория жизненного цикла Ф. Модильяни (1966); Ф. Модильяни и Р. Брумберг (1954); Ф. Модильяни и А. Андо (1957)	Будучи производной функцией дохода, потребление зависит от положения человека в жизненном цикле; доходы трудоспособного населения относительно выше, поэтому более высокая доля населения в возрасте 15–64 лет может увеличить расходы на конечное потребление домохозяйств. Ожидаемое направление влияния: положительное

Макроэкономическая и социальная неопределенность	Уровень безработицы	Эмпирические исследования Х. Лиланда (1968) Э. Энгена и Дж. Грубера (2001); М. Депке и М. Шнайдера (2006)	Безработица влияет на потребление по двум основным каналам: с одной стороны, более высокая безработица приводит к снижению доходов безработных; с другой стороны, как индикатор макроэкономической неопределенности, он может повысить склонность как занятых, так и безработных к сбережениям, сдерживая потребление. Ожидаемое направление влияния: отрицательное
	Инфляция (ИПЦ)		Инфляция ведет к сокращению реальных доходов и потребления; как показатель макроэкономической неопределенности, это может повысить склонность людей к сбережениям, сдерживая потребление. Однако инфляционные ожидания способны стимулировать рост текущего потребления. Ожидаемое направление влияния: разнонаправленное
	Процентный спрэд		Более высокий спред процентных ставок является результатом неопределенности в макроэкономической среде, что стимулирует предупредительные сбережения и снижает потребление. Ожидаемое направление влияния: отрицательное
Ограничения ликвидности	Внутренние кредитования финансовым сектором (% ВВП)	Эмпирические исследования Р. Холла (1988), Дж. Кэмпбелла и Н. Мэнкью (1991) Б. Бернанке и М. Гертлера (1995); П. Бачетта и С. Герлах (1997)	Расширение доступа к кредитам стимулирует потребление домохозяйств, так как положительно влияет на выпуск (со стороны предложения), увеличивает доходы домашних хозяйств и обеспечивает дополнительную ликвидность, направленную на текущее потребление (со стороны спроса). Ожидаемое направление влияния: положительное
	Процентные ставки по кредитам/ депозитам		Более высокая стоимость заимствований и одновременно рост доходов по депозитам стимулирует сбережения, что снижает текущее потребление. Ожидаемое направление влияния: отрицательное
Налогово-бюджетная политика	Доходы от налогов (% ВВП)	Эмпирические исследования Дж. Потерба (1988)	Более высокие налоги снижают располагаемый доход домохозяйств и, как следствие, частное потребление. Ожидаемое направление влияния: отрицательное

	Расходы государственного бюджета (% ВВП)	О. Бланшар и Р. Перотти (2002); М. Фельдштейн (2009)	Государственные расходы увеличивают располагаемый доход и снижают потребность в сбережениях, стимулируя расходы домашних хозяйств на частное потребление. Ожидаемое направление влияния: положительное
Уровень развития рыночного посредничества/ каналов потребления (потребительской инфраструктуры)	Доля услуг в ВВП	Эмпирические исследования Дж. Франсуа и Б. Хекман (2010)	Развитие сферы услуг и цифровизация ведут к расширению потребления как со стороны предложения, так и со стороны спроса, увеличивая производительность и косвенно стимулируя рост доходов, а также снижая издержки совершения торговых сделок. Ожидаемое направление влияния: положительное
	Доля населения с доступом к Интернету	Эмпирические исследования Р. МакГоги и К. Мэйсона (1998)	

Источник: составлено автором.

Выводы и постулаты теорий потребительского поведения и эмпирических исследований, нацеленных на выявление влияния различных детерминант на динамику расходов на конечное потребление домохозяйств, могут быть положены в основу систематизации паттернов и моделей потребления домохозяйств на страновом уровне.

Сформированная теоретическая база позволяет перейти к следующему этапу исследования – формулированию концептуальных и методологических основ настоящего исследования, в т.ч. авторской типологизации моделей потребления домохозяйств, которое является одной из наиболее значимых задач работы. Предложенный концептуальный подход и система классификаций в эмпирической части исследования будут использованы для инструментализации практических и сравнительных исследований на примере 10 стран Азии, выявления особенностей потребительского поведения в этих странах и дальнейшей разработки прогностических моделей развития.

Для перехода к последующим этапам исследования и непосредственному эмпирическому анализу потребительских тенденций в Азии необходимо четко разграничить такие понятия, как «паттерны потребления домохозяйств» и «модели потребления домохозяйств», используемые в работе. Поскольку оба термина являются заимствованными и в зависимости от школы могут трактоваться по-разному, во избежание терминологической путаницы предлагаем отталкиваться от следующих определений:

Паттерны потребления домохозяйств – устойчивые, воспроизводимые и характерные совокупности поведенческих, структурных и динамических характеристик потребления домохозяйств, отражающие специфику их предпочтений и привычек, культуры потребительского поведения, интенсивность и отраслевую структуру, формирующихся под воздействием социально-экономических, демографических, культурно-цивилизационных, институциональных и иных факторов.

Модели потребления домохозяйств – формализованные концептуальные конструкции, описывающие и объясняющие механизмы потребительского поведения домохозяйств на основе количественной (эконометрической) оценки влияния его основных детерминант и выявления ключевых драйверов роста потребления домохозяйств.

Такой подход к определению терминологического аппарата основан на нескольких принципах. Во-первых, разграничение дается во многом по количественно-

качественному принципу и опирается на использование данных понятий в англоязычной литературе. «Consumption patterns» чаще используются в качественном контексте при проведении качественного анализа динамики потребления домохозяйств, эволюции его отраслевой структуры, описания поведенческих и культурных особенностей, эволюции образа потребителя и т.д. «Consumption models», как правило, направлены на объяснение поведения потребителей и динамики потребительских расходов с использованием эконометрического инструментария; акцент делается на функциональные зависимости, моделирование причинно-следственных связей между потреблением и его детерминантами – доходами, ценами, проводимой экономической политикой (монетарной и фискальной). Соответственно, модели имеют и прогностическую функцию. Во-вторых, категоризация проводится с позиции структурного анализа, выстраивающего иерархию понятий. При такой трактовке «паттерны» представляют собой более широкое понятие, а «модели» – составной элемент паттернов (количественно формализованный инструмент объяснения наблюдаемых паттернов). Обоснованность такого подхода подкрепляется еще и тем, что в англоязычной литературе «pattern» не всегда используется исключительно как качественно-описательное понятие, а может применяться и в квази-количественном анализе (pattern recognition / pattern clustering в количественной социологии и машинном анализе с использованием больших данных). Допущение, что количественные «модели» также могут являться составным элементом паттернов, позволяет привести терминологический аппарат в соответствие с практикой использования современных методов анализа данных.

Паттерны потребления домохозяйств представляют собой комплексную, сложносоставную категорию, основанную на результатах комплексного качественного и количественного анализа. Структурными элементами при определении паттерна потребления домохозяйств выступают:

- общая динамика потребительских расходов домохозяйств в сопоставлении с темпами экономического роста страны;
- т.н. эффективность потребления домохозяйств (т.е. его способность обеспечивать опережающие темпы экономического прироста);
- отраслевая структура потребления домохозяйств и характер ее трансформации;
- общие поведенческие особенности домохозяйств (например, предрасположенность к «устойчивому потреблению», лояльность к новым,

международным и национальным брендам, предпочтительные каналы потребления и проч.);

- роль культурно-цивилизационных (неэкономических) факторов в определении потребительского поведения домохозяйств и интенсивности потребительского спроса;
- совокупность моделей потребления домохозяйств, которым следует страна, с точки зрения интенсивности влияния тех или иных социально-экономических детерминант и проводимой политики, а также их кумулятивного вклада в прирост потребительских расходов домохозяйств.

В рамках настоящего исследования автор предлагает три типа классификации моделей потребления домохозяйств, базирующихся на принцах количественного, эконометрического анализа данных.

Отталкиваясь от структурно-функционального подхода, основанного на качественном и количественном анализе трансмиссионных каналов влияния ключевых детерминант на потребления домохозяйств, а также идеи ключевых потребительских и институциональной теорий, автор предлагает классификацию на основе выявления ключевых социально-экономических детерминант потребления домохозяйств. Оценка вклада каждой из ключевых детерминант в темпы прироста потребительских расходов домохозяйств позволит сделать выводы о доминирующем и сопутствующих паттернах потребления домохозяйств.

Предложенная классификация включает следующие модели:

1. Доходно-ориентированная модель (income-driven model) опирается на увеличение доходов домохозяйств (текущих или постоянных) вне зависимости от источника этих доходов. Количественный критерий отнесения к данной модели: более 50% прироста потребления объясняется ростом доходов.
2. Структурно-урбанизационная модель (urban-structural transformation model) – рост потребления обусловлен урбанизационными процессами, развитием инфраструктуры, расширением сферы услуг и формированием новой модели потребительского поведения в условиях роста городов. Критерий: вклад урбанизации и расширения сферы услуг в прирост потребительских расходов домохозяйств более 20%.

3. Институционально-финансовая модель (institutional-financial model) – потребление стимулируется ускоренным развитием финансового сектора на фоне расширения сферы услуг. Критерий: сфера услуг и рост индекса финансового развития дают более 20% прироста потребительских расходов домохозяйств.
4. Социально-демографическая модель (socio-demographic transformation model) – рост потребления связан с изменением социально-демографической структуры населения (например, с ростом доли женского населения в обществе) и перераспределением доходов через социальную политику, налоги, трансферты, пенсии, пособия и государственные расходы. Критерий: вклад демографических сдвигов более 10%.
5. Инфляционно-адаптивная модель (inflation-adaptive consumption model) – текущее потребление домохозяйств определяется инфляционными ожиданиями. Критерий: инфляция объясняет более 10% прироста потребления.

То или иное государство может опираться не на одну модель потребления, а основываться на комбинации нескольких (двойная или смешанная модель потребления), где существуют доминирующая и сопутствующие модели, ранжированные по степени значимости влияния на динамику потребления домохозяйств. Такая классификация может применяться как для сравнительного анализа между странами, так и для динамического анализа внутри стран.

В то же время ключевой детерминантой расходов на конечное потребление остается доход, и экономическая политика также воздействует на потребительское поведение домохозяйств через доходный канал. Доминирующий доходно-ориентированный паттерн потребления домохозяйств необходимо рассматривать более детально, выделяя внутри него модели, опирающиеся на разные категории дохода. На основе анализа литературы, в т.ч. детерминант частного потребления и выделяемых моделей потребления домохозяйств, предлагаем выделить пять моделей потребления домохозяйств в зависимости от категории дохода:

1) движимого доходами в целом (текущий и постоянный доход) (income-driven consumption model) – модель, в которой расходы домохозяйств напрямую зависят от уровня их общего располагаемого дохода, включая текущий или ожидаемый (постоянный) доход;

2) движимого заработной платой (wage-driven consumption model) – модель, в которой расходы домохозяйств напрямую зависят от узкой категории трудовых доходов в виде заработной платы, а соответственно их динамика напрямую определяется государственной политикой в области занятости и установленного минимального размера оплаты труда);
3) движимого общими доходами работников (earnings-driven consumption model) – модель, в которой ключевой детерминантой расходов на конечное потребление выступают совокупные трудовые доходы работников, включая как основную заработную плату, так и премии, надбавки, компенсации, оплату сверхурочных и иные формы денежного и неденежного вознаграждения в рамках трудовой деятельности. Данная модель по сравнению с предыдущей более чувствительна к изменениям на рынке труда: уровню безработицы, росту минимальной заработной платы, регулированию условий труда и проч.;
4) потребление, определяемое динамикой цен (модель с ценовой чувствительностью) (price-sensitive consumption model) – модель, в которой решения о потреблении в значительной степени определяются уровнем текущих и/или ожидаемых цен;
5) движимого долгами (debt-driven consumption model) – модель, в которой расходы на потребление домохозяйств стимулируются благодаря росту заимствований, закредитованности, расширения доступа домохозяйств к кредитным ресурсам.

Возможно достижение смешанного типа за счет комбинации моделей.

По характеру влияния экономической политики на динамику потребления домохозяйств предлагается выделить три типа моделей потребления домохозяйств (policy-driven models):

1) потребление, стимулируемое денежно-кредитными инструментами (monetary-driven consumption model) – модель потребления, в которой основным фактором, определяющим динамику потребительских расходов домохозяйств, являются изменения в параметрах денежно-кредитной политики (уровне процентных ставок и изменения денежной массы);
2) потребление, вызванное фискальными стимулами (fiscal stimuli-driven consumption model) – модель потребления, при которой основное влияние на потребительские расходы домохозяйств оказывает налогово-бюджетная политика государства, а именно динамика государственных расходов и доходов;

3) смешанная модель (mixed model) – модель, в которой потребительское поведение домохозяйств формируется под воздействием как фискальных, так и денежно-кредитных инструментов. Подтверждено значимое влияние обоих каналов с возможным доминированием одного из них.

Выявление и одновременное сопоставление моделей потребления домохозяйств по характеру влияния экономической политики и доходным драйверам имеет большое значение для проводимой государственной политики. Например, потребление, стимулируемое денежно-кредитными инструментами (снижение ставок по кредитам и депозитам и последующее увеличение внутреннего кредита, предоставляемого финансовым сектором), может привести к росту долгов и ограничить будущие расходы. В то же время потребление, вызванное фискальными стимулами (рост государственных расходов или снижение налоговых поступлений), может вызвать проблемы с государственным бюджетом. Разделение моделей потребления домохозяйств по инструментам экономической политики и типу доходов позволяет охватить как макроэкономический, так и микроэкономический уровни анализа, делая предложенную классификацию гибкой и применимой к разным контекстам и аспектам экономической политики.

1.3. Глобальные экономические дисбалансы: асимметрия концептуальных подходов

Термин «глобальные экономические дисбалансы» в академической литературе имеет разную трактовку. В узком смысле категория глобальных экономических дисбалансов выражается в диспропорциях балансов текущих операций стран и регионов, возникновении положительного полюса глобальных дисбалансов – группы стран, характеризующихся существенными устойчивыми профицитами счетов текущих операций в результате превышения экспорта товаров и услуг, а также притока доходов и дивидендов из-за границы над размером соответствующих платежей за границу – и отрицательного полюса, охватывающего страны с устойчивыми дефицитами в результате превышения импортных закупок и выплаченных дивидендов над привлеченными средствами. Профициты означают превышение сбережений над инвестированием, сопровождаются относительно низкой долговой нагрузкой на экономику и превращают

страны в источник международных займов. Дефициты вынуждают страны прибегать к займам, что способствует росту несбалансированности не только бюджетов корпораций и частных лиц, но и государственного бюджета[290].

Впервые концепция глобальных дисбалансов была введена в научный оборот исследователем МВФ Р. Рато, который определил ее как явление, при котором одна страна имеет большой дефицит текущего счета, в то время как другие страны имеют соответствующий профицит текущего счета. В частности, это относится к значительному и устойчивому росту текущего счета и дефицита бюджета в Соединенных Штатах, а также к одновременному постоянному увеличению профицита текущего счета в Японии, странах – экспортерах нефти и странах с формирующимся рынком Азии[291].

В широком смысле под определение глобальных экономических дисбалансов попадают соотношения темпов роста между развитыми и развивающимися странами, неравномерное размещение природных ресурсов и резервов рабочей силы между странами[292], отрыв мировых финансовых рынков от реальной мировой экономики и расширение рынка производных финансовых инструментов, отсутствие надлежащего надзора за финансовыми рынками и банковской деятельностью, следствием чего является возникновение чреватых кризисными потрясениями рыночных пузырей[293].

Более узкая трактовка глобальных экономических дисбалансов как диспропорций счетов текущих операций (объемов сбережений и потребления), производными которых становится несбалансированность и неупорядоченность национальных макроэкономических политик (в т.ч. непомерные дефициты государственных бюджетов, соответственно, неуправляемый рост суверенной задолженности, хаотичное денежно-

---

[290]Бажан А.И. Глобальные дисбалансы: содержание и формы / А.И. Бажан // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. С. 11–12.

[291] Rato R. Correcting Global Imbalances Avoiding the Blame Game / R. Rato // Remarks Before Foreign Policy Association, New York. February 23, 2005.

[292]Маричева Н.Н. Глобальные дисбалансы в мировой экономике [Электронный ресурс] / Н.Н. Маричева // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 446–448. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/65/10802/ (дата обращения: 3 октября 2025).

[293]Смыслов Д.С. Глобальные дисбалансы и реформирование наднационального регулирования [Электронный ресурс] / Д.С. Смыслов // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

кредитное регулирование и проч.)[294] широко используется в декларациях саммитов «Группы 20»[295], документах МВФ[296] и современной экономической литературе[297].

О накоплении в мировой экономике глобальных экономических дисбалансов экономисты международных организаций говорят давно. Пик академической дискуссии о глобальных дисбалансах (как финансовых дисбалансах, так и дисбалансах между глобальным спросом и предложением) пришелся на период до Глобального финансового кризиса. Объектами исследований становились разные группы стран, как развитые, так и развивающиеся[298]. В большинстве случаев ученые пытались ответить на вопрос, является ли оптимальным для развивающихся стран с относительно низким уровнем дохода использование своих сбережений для финансирования потребления в странах с высоким уровнем дохода при одновременном отказе от возможностей инвестирования во

---

[294] Смыслов Д.С. Глобальные дисбалансы и реформирование наднационального регулирования [Электронный ресурс] / Д.С. Смыслов // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 3 октября 2025). С. 105.

[295] G20. Framework for Strong, Sustainable, and Balanced Growth / G20. 2010.
G20. G20 Multi-Year Action Plan on Development / G20. 2015.
G20. G20 Annual Report on the Global Economy / G20. 2016.

[296] International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: A Decade after the Global Financial Crisis / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2018. 120 p.
International Monetary Fund. World Economic Outlook: Globalization and Inflation / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2006. 296 p.
International Monetary Fund. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2024. 180 p.

[297] Obstfeld M., Rogoff K. Global Current Account Imbalances and Exchange Rate Adjustments / M. Obstfeld, K. Rogoff // Brookings Papers on Economic Activity. 2005. № 1. P. 67–123.
Bernanke B.S. The Global Saving Glut and the US Current Account Deficit / B.S. Bernanke. Federal Reserve Board, Sandridge Lecture, Richmond, Virginia, 2005.
Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System / B. Eichengreen. Oxford : Oxford University Press, 2010. 220 p.
Глазычев В.И. Мировая экономика: проблемы и перспективы развития / В.И. Глазычев. М. : Московский государственный университет, 2008. 312 с.

[298] Roubini N., Setser B. The US as a Net Debtor: The Sustainability of the US External Imbalances / N. Roubini, B. Setser. New York : New York University, 2004. 78 p.
Whelan K. Global Imbalances and the Financial Crisis [Электронный ресурс] / K. Whelan. European Parliament, 2010.. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/180527/20100309ATT70296EN.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
Eichengreen B. Global Imbalances: The New Economy, the Dark Matter, the Savvy Investor, and the Standard Analysis / B. Eichengreen // Journal of Policy Modeling. 2006. Vol. 28. Issue 6. P. 645–652. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2006.06.001.
Bergsten F., Williamson J. Dollar Adjustment: How Far? Against What? / F. Bergsten, J. Williamson. Washington, D.C. : Institute for International Economics, 2004. 124 p.
Engel C., Rogers J.H. The U.S. Current Account Deficit and the Expected Share of World Output / C. Engel, J.H. Rogers // Proceedings. 2006.
Glick R., Rogoff K. Global versus Country-Specific Productivity Shocks and the Current Account / R. Glick, K. Rogoff // Journal of Monetary Economics. 1993. Vol. 35. P. 159–192.
Adams C., Park D. Causes and Consequences of Global Imbalances: Perspective from Developing Asia / C. Adams, D. Park. ADB Economics Working Paper Series, № 157. 2009. 45 p.
Ito H., Chinn M. East Asia and Global Imbalances: Saving, Investment, and Financial Development / H. Ito, M. Chinn. NBER Working Paper № 13364. 2007. 37 p.

внутренние рынки? Ведь фактически страны с формирующимся рынком – традиционные получатели иностранного капитала – стали крупным источником иностранных инвестиций, используемых для финансирования огромного и растущего дефицита счета внешних текущих операций США[299].

В процессе накопления глобальных дисбалансов за последние 30 лет можно выделить несколько периодов (см. Рисунки 1, 2):

1) до 2004 г., когда глобальные дисбалансы устойчиво расширялись, при этом чистое сальдо (разница профицитов и дефицитов по абсолютной величине) было отрицательным (за исключением 1997 г., когда на фоне азиатского финансового кризиса оно фактически свелось к 0);
2) предкризисные годы (2004–2007), когда размер (общее сальдо) глобальных дисбалансов достиг рекордных уровней, при этом глобальный дефицит сбережений сменился его избытком;
3) посткризисное развитие (2009–2015), сопровождающееся сокращением глобальных дисбалансов при сохранении чистого избытка сбережений;
4) период с 2015 по 2019 г. – дальнейшее сокращение глобальных дисбалансов при сохраняющемся избытке сбережений и глобальном «недоинвестировании»;
5) Последние годы с 2020 г. по настоящее время, когда на динамику глобальных дисбалансов существенное влияние оказала пандемия и различия моделей и стратегий постковидного восстановления.

[299] Лейн Ф.Р.Б., Милези-Ферретти Д.-М. Изучение глобальных дисбалансов [Электронный ресурс] / Ф.Р.Б. Лейн, Д.-М. Милези-Ферретти // Финансы и развитие. 2006. Март. С. 38–41. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/03/pdf/lane.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

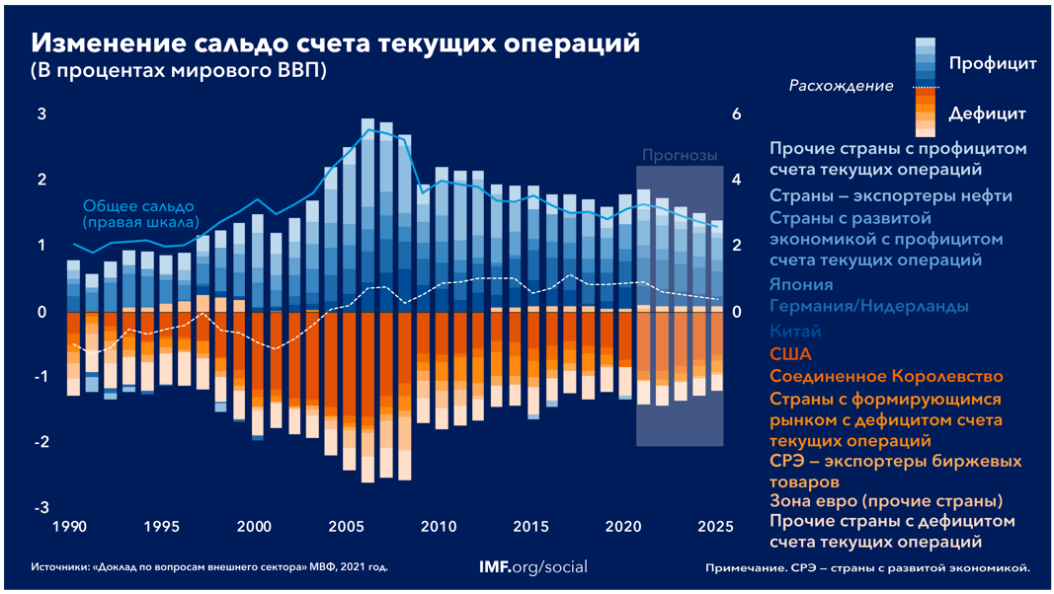

Рисунок 1 – Изменение сальдо счета текущих операций (в % от мирового ВВП), 1990–2020 гг.

Источник: МВФ. Перспективы развития мировой экономики, 2021.

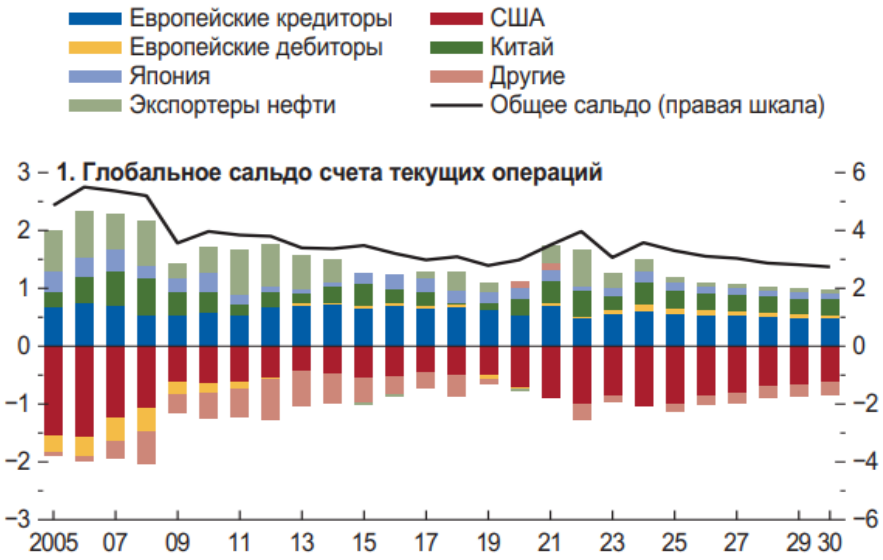

Рисунок 2 – Счет текущих операций и международные инвестиционные позиции, (в % от мирового ВВП), 2005–2030 гг.

Источник: МВФ. Перспективы развития мировой экономики, 2025.

США традиционно являлись крупнейшим мировым потребителем, что отражалось в значительном дефиците счета текущих операций страны и статусе нетто-импортера капитала. В 2006 г. дефицит счета текущих операций составил примерно USD 858 млрд, что равнялось 6,1% ВВП страны и стало рекордным уровнем за всю историю.

Одновременно страны Азии, особенно Китай, накопили высокие профициты счетов текущих операций благодаря низкому уровню потребления и традиционной, цивилизационно обусловленной высокой склонностью этих государств к сбережениям. Экспортоориентированность и высокий внешний спрос обусловили накопление в этой группе стран существенных международных резервов. В 2006 г. профицит текущего счета Китая составил около USD 200 млрд, что составляло примерно 9,5% ВВП. Собственные излишки Китай и иные азиатские государства использовали в качестве инвестиций в иностранные активы, главным образом казначейские облигации США, превратившись в чистых нетто-экспортеров капитала, что обусловило стремительное накопление внешнего долга США.

Сразу после мирового финансового кризиса тенденции резко изменились. Сохранявшаяся неопределенность в отношении доходов и резкий всплеск безработицы значительно замедлили рост потребления в странах G7, способствовали росту нормы сбережений и, как следствие, уменьшению глобальных дисбалансов[300]. Сокращение расходов в странах, имеющих дефицит, сопровождалось более быстрым восстановлением экономик стран с формирующимся рынком и стран – экспортеров биржевых товаров после кризиса. Кроме того, страны Восточной Азии, превратившиеся в положительный полюс глобальных дисбалансов, осознали свою уязвимость перед внешними шоками и зависимость от спроса на рынках развитых государств и встали на путь диверсификации источников экономического роста, реализации политики стимулирования внутреннего потребления[301] и сокращения нормы сбережений. После мирового финансового кризиса сумма профицитов и дефицитов за год сократилась примерно на 1% мирового ВВП. Дисбалансы потоков существенно сократились после достижения ими пика в 2006 г., однако дисбалансы запасов продолжали увеличиваться.

В результате сформировалась новая конфигурация дефицитов и профицитов счетов текущих операций: крупный дефицит США сократился почти на две трети, крупные дефициты отдельных европейских стран сменились небольшим профицитом. В то же время страны – экспортеры биржевых товаров с развитой экономикой и ведущие страны с формирующимся рынком (Бразилия, Индия, Индонезия, Мексика и Турция), ряд из

[300] Lane P.R., Milesi-Ferretti G.M. Global Imbalances and External Adjustment after the Crisis / P.R. Lane, G.M. Milesi-Ferretti. IMF Working Paper. 2014. № 14/151. P. 38-41.
[301] Арапова Е.Я. Азия: на пути к обществу потребления / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 45–53.

которых имел профициты в 2006 г., переместились в категорию стран с крупнейшими в мире дефицитами в 2013 году. Размер профицита Китая сократился, профицит Японии почти исчез. Экспортеры нефти и североевропейские страны, наоборот, увеличили свои и без того крупные дефициты.

Однако тенденция сужения глобальных дисбалансов оказалась весьма неустойчивой. Уже к середине 2010-х гг. оживление американской экономики и ускорение роста в Европе простимулировали потребительский спрос, а сохранявшиеся различия в уровнях развития финансовых систем в развитых и развивающихся странах затормозили процесс сокращения глобальных дисбалансов.

По оценкам экспертов МВФ совокупные макроэкономические дисбалансы в доковидный период оставались относительно стабильными, прежде всего из-за их возрастающей концентрации в странах с развитой экономикой[302]. По состоянию на конец 2018 г. глобальные остатки на счетах текущих операций составляли около 3,25% мирового ВВП. Из них порядка 40–50% считались чрезмерными; иными словами, чрезмерная экономия одними странами сопровождалась чрезмерными заимствованиями со стороны других. Избыточные излишки концентрировались в небольшой группе стран, особенно в Германии и Китае, в меньшей степени – в Республике Корея, Нидерландах, Швеции и Сингапуре. Избыточный дефицит сохранялся в основном в Соединенных Штатах и Великобритании, некоторых странах-должниках зоны евро, а также в нескольких уязвимых странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (например, Аргентине, Турции)[303].

Большинство избыточных внутристрановых дисбалансов приходится на развитые экономики. Самые большие превышения оптимального уровня сальдо по счету текущих операций были зафиксированы в Германии и Нидерландах, сальдо существенно ниже экономически обоснованного уровня – в США, Канаде и Великобритании. Россия, по оценкам МВФ, оказалась в числе тех экономик, где сальдо счета текущих операций соответствовало оптимальным значениям.

Несмотря на высокий уровень турбулентности и неустойчивости последующего развития Глобальный финансовый кризис дал мощный толчок диверсификации

---

[302] International Monetary Fund. 2018 External Sector Report: Tackling Global Imbalances amid Rising Trade Tensions [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2018. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/ESR/Issues/2018/07/19/2018-external-sector-report (дата обращения: 3 октября 2025).

[303] Ibidem.

источников экономического роста, и более эффективно этот процесс проявился в странах «положительного полюса» глобальных дисбалансов через расширение вложений в собственную экономику и стимулирование частного потребления с потенциалом его превращения в ключевой драйвер экономического роста.

Тенденции последних двух десятилетий, и в особенности посткризисные годы заложили основу для постепенного сокращения глобальных дисбалансов в области потребления. Допандемийный прогноз МВФ на среднесрочную перспективу (до 2025 г.) свидетельствовал о том, что темпы прироста расходов на конечное потребление домохозяйств в развивающихся странах окажутся примерно в шесть раз выше аналогичных показателей для развитого мира. Прогнозировалось, что, несмотря на существенно более высокие в абсолютном выражении значения потребительских расходов на душу населения в группе развитых стран, в среднесрочной перспективе прирастать они будут сравнительно медленнее. Во многом это связано с относительно более высоким «качеством» частного спроса в этой группе стран и диверсифицированной товарной структурой потребления домохозяйств, что ограничивает дальнейший рост потребительских расходов и снижает его эластичность по уровню доходов. Одновременно неблагоприятные демографические тенденции, выражающиеся в стремительном сокращении населения в трудоспособном возрасте, будут и в дальнейшем способствовать замедлению роста частного потребления домохозяйств.

В то же время ожидалось, что развивающиеся страны будут стремительно наращивать потребительские расходы, что связано, с одной стороны, с относительно более высокими темпами прироста доходов населения (в т.ч. благодаря ускоренной урбанизации), а с другой, с более высокой эластичностью частного потребления по доходам. Основным драйвером частных потребительских расходов выступит Африканский регион, главным образом благодаря эффекту «низкой базы», поскольку на фоне низкого уровня доходов в абсолютном выражении, их прирост в значительно большей степени трансформируется в прирост потребления, нежели в странах с относительно более высоким уровнем среднегодового дохода. Вторую позицию по темпам прироста потребительских расходов домохозяйств будет занимать группа развивающихся государств Южной и Восточной Азии, что обусловлено как высокой и устойчиво растущей численностью их населения, так и процессами урбанизации, ростом доходов и проведением в отдельных странах региона комплексов макроэкономических

реформ, направленных на стимулирование внутреннего потребления. В то же время, несмотря на существенные положительные сдвиги в динамике потребительских расходов, в среднесрочной перспективе потребительский потенциал Азиатского региона в значительной степени останется нереализованным за счет сохраняющейся высокой склонности азиатского населения к сбережениям и нестабильности на рынках труда.

К началу пандемии, по оценкам экспертов МВФ, 40% дефицитов и профицитов счета текущих операций были сосредоточены в 30 крупнейших экономиках мира, на которые приходится 90% глобального ВВП[304]. Пандемия внесла свои коррективы. Цены на нефть демонстрировали резкие колебания. Торговля товарами медицинского назначения достигла нового максимального уровня. Расходы домашних хозяйств сместились с услуг в сторону потребительских товаров, а объем сбережений в условиях локдауна и глобальной остановки экономической деятельности возрос. Глобальная рецессия и изменения в объеме поездок, потребления и торговли также увеличили экономические дисбалансы в мире. Сумма абсолютных дефицитов и профицитов всех стран увеличилась с 2,8% мирового ВВП в 2019 г. до 3,2% ВВП в 2020 году[305].

В начале кризиса COVID-19 ужесточение условий внешнего финансирования спровоцировало внезапный отток капитала и резкое снижение курса валюты во многих странах с формирующимся рынком и в развивающихся странах. Жесткие ответные меры налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, особенно в странах с развитой экономикой, способствовали оживлению настроений инвесторов в мире и некоторому восстановлению изначально резких изменений валютных курсов[306]. Резкие колебания уровней дефицита и профицита счета текущих операций в 2020 г. были обусловлены четырьмя основными тенденциями, вызванными пандемией.

- Снижение количества поездок. Пандемия привела к резкому сокращению туризма и числа поездок. Это оказало значительное негативное влияние на сальдо счетов стран, которые полагаются на доходы от туризма, например, Испании, Таиланда и Турции, и имело еще более серьезные последствия для малых стран, зависимых от туризма.

---

[304] International Monetary Fund. External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2020. August. 60 p.
[305] Ibidem.
[306] Кауфман М., Ли Д. Глобальные дисбалансы и кризис COVID-19 [Электронный ресурс] / М. Кауфман, Д. Ли. 2020. Режим доступа: https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2020/08/04/blog-global-rebalancing-and-the-covid19-crisis (дата обращения: 3 октября 2025).

- Падение спроса на нефть. Падение спроса на нефть и цен на энергоносители было относительно коротким, и во второй половине 2020 г. цены на нефть восстановились. Однако в странах – экспортерах нефти, например, в Саудовской Аравии и России, в 2020 г. резко снизилось сальдо счета текущих операций. В странах – импортерах нефти, соответственно, возросли нефтяные торговые балансы.
- Резкий рост торговли товарами медицинского назначения. Примерно на 30% взлетел спрос на товары медицинского назначения, средства индивидуальной защиты, а также ресурсы и материалы для их производства, что имело последствия для импортеров и экспортеров этих товаров.
- Изменение потребления домашних хозяйств. В условиях локдауна домашние хозяйства переключили потребление со сферы услуг на потребительские товары. В основном это происходило в странах с развитой экономикой, в которых отмечался рост покупок товаров длительного пользования, таких как электробытовые приборы, используемые для удаленной работы и виртуального обучения.

В дополнение к этим внешним факторам пандемия привела к огромным государственным заимствованиям для финансирования нужд системы здравоохранения и обеспечения экономической поддержки населения и компаний, вызывая значительные неравномерные последствия для торговых балансов.

В результате в некоторых странах произошло увеличение дефицита счета текущих операций, в иных – рост профицита счета текущих операций.

Пандемия COVID-19, несомненно, привела к временному сокращению глобальных экономических дисбалансов, таких как снижение дефицита текущего счета США и рост профицитов стран Азии. В 2020 г. дефицит текущего счета США сократился до 2,8% от ВВП (по сравнению с 3,5% в 2019 г.) на фоне снижения потребления и импорта товаров, в частности, потребительских товаров и услуг[307].

Однако в целом в период пандемии глобальные дисбалансы увеличились, в первую очередь из-за следующих факторов:

- Сохраняющихся и увеличивающихся профицитов в странах Азии, таких как Китай, и в Европе, таких как Германия. В 2020 г., несмотря на замедление внутреннего

[307] U.S. Bureau of Economic Analysis. U.S. International Transactions, 2020 / U.S. Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of Commerce, 2021. 45 p.

потребления, профицит текущего счета Китая продолжал расти. По данным МВФ, его профицит увеличился до 2,0% от ВВП в 2020 г. (по сравнению с 1,5% в 2019 г.). Это было связано с повышенным экспортом медицинской продукции, а также восстановлением промышленности в Китае после первых волн пандемии[308]. Китай увеличил свои валютные резервы в 2020 г. до USD 3,2 трлн, что являлось частью его политики накопления резервов для поддержания стабильности национальной валюты и финансирования внешнего долга[309]. В 2020 г. профицит текущего счета Германии составил 7,3% от ВВП, что на 0,3% больше, чем в 2019 г., что во многом было связано с сохранением спроса на немецкие машины, оборудование и фармацевтические товары[310].

- Рост внутреннего долга и дефицита США, несмотря на временное снижение дефицита в 2020 году. В 2020 г. США увеличили свои валютные резервы, выпустив облигации на суммы, превышающие USD 4 трлн, что в значительной степени способствовало увеличению долговых обязательств и ухудшению финансовых позиций[311].

Таким образом, пандемия ускорила уже существующие тенденции, увеличив неравномерность экономических потоков и углубив глобальные дисбалансы, несмотря на краткосрочные изменения, вызванные экономическим спадом и сокращением потребительского спроса. В то же время период постковидного восстановления снова наметил тенденцию к их сокращению. К 2025 г. дефицит счета текущих операций США составил USD 1133,6 млрд – около 3,9% ВВП страны, при этом профицит в Китае составил 2,3% ВВП[312].

К числу основных факторов, вызывающих чрезмерные внешние дисбалансы, относятся бюджетные дисбалансы, а также структурные искажения и нарушения конкурентоспособности. Счет текущих операций обобщает межвременные решения страны относительно сбережений, потребления и инвестиций, соответственно, одна из причин накопления глобальных финансовых дисбалансов состоит в накоплении

---

[308] IMF. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2021. 220 p.
People's Bank of China. China's Foreign Exchange Reserves in 2020 / People's Bank of China. Beijing : PBoC, 2021. 32 p.
[310] Bundesbank. Balance of Payments Statistics 2020 / Deutsche Bundesbank. Frankfurt am Main : Deutsche Bundesbank, 2021. 58 p.
[311] U.S. Treasury Department. U.S. Treasury Securities: Debt and Reserves, 2020 / U.S. Department of the Treasury. Washington, D.C. : U.S. Treasury, 2021. 24 p.
[312] International Monetary Fund. World Economic Outlook / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2025. 248 p.

диспропорций на уровне частного потребления: высокой склонности населения (домохозяйств) к потреблению в группе развитых стран и высокой склонностью к сбережениям – в странах «положительного полюса» глобальных дисбалансов.

Учитывая рекордно высокий объем внешних активов и обязательств, накопление глобальных дисбалансов потенциально повышает риски как для стран-должников, так и для стран-кредиторов. Являющиеся их следствием искажения условий торговли усиливают протекционистские настроения и провоцируют торговые конфликты, расшатывают систему глобального торгового регулирования и провоцируют тиражирование практики применения односторонних ограничительных мер (санкций). Чрезмерные дисбалансы, превышающие значения, обусловленные основными экономическими показателями и мерами экономической политики, могут нарушить равновесие в экономике стран за счет усиления торговых противоречий и увеличения вероятности дестабилизирующих корректировок цен на активы.

Риски для заемщиков состоят в следующем:

1) накопление долговых проблем и возрастающие сложности в обслуживании кредитов, особенно для стран со средним уровнем доходов и кредиторов частного сектора из стран с низким уровнем доходов;
2) повышение зависимости от «глобальных поставщиков капитала», прежде всего Китая, который сейчас стал крупнейшим кредитором мира (сумма обязательств его должников превышает все обязательства перед МВФ, Всемирным банком и 22 странами Парижского клуба, вместе взятыми)[313]. При этом он реализует свою стратегию через масштабные инфраструктурные проекты на условиях льготного финансирования, сопровождающегося экспортом технологий, управленческих решений, усилением контроля (в т.ч. киберконтроля) за стратегическими объектами (транспортными узлами, энергетическими объектами и проч.), обостряя риски «долговой ловушки», особенно для развивающихся стран.

Риски для потенциальных кредиторов связаны в большей степени с потенциальными альтернативными издержками относительно низкой доходности вложений во внешние рынки недостаточно эффективным балансом внутренних вложений (проблема недоинвестирования во внутренние источники роста) и высокой зависимостью

[313] International Monetary Fund. External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2020. August. 60 p.

от экономической ситуации в странах-должниках. Крупные профициты могут представлять проблемы, если они растут в условиях недостаточного совокупного спроса. Опасность для стран-кредиторов состоит в том, что многие из них имеют устойчивое активное сальдо счета текущих операций с США, которые благодаря долларовой монополии имеют уникальную возможность проводить внутреннюю макроэкономическую политику, независимую от состояния собственного платежного баланса, и покрывать дефициты двусторонних расчетов собственной национальной валютой, произвольно включая «печатный станок». Кредиторы США, по сути, с одной стороны, превращаются в «кредиторов поневоле»[314], усиливая проблему недоинвестирования в собственные рынки, с другой, несут повышенные риски зависимости от устойчивости доллара и состояния американской финансовой системы в целом.

В глобальном плане важен не только разрыв в уровнях дефицитов и профицитов счетов текущих операций. Для глобального развития немаловажное значение имеет чистое сальдо глобальных дисбалансов. Глобальный избыток сбережений, зафиксировавшийся в середине 2000-х гг. (в предкризисный период) и сохраняющийся по настоящее время, лежал в основе углубления кризисных процессов в мировой экономике, именно они являются источником продолжающейся рецессии[315]. Кроме того, сохранение глобальных дисбалансов и растущее ощущение неравных условий торговли усиливают протекционистские настроения, что приводит к повышению торговых противоречий, главным образом, между США и Китаем[316].

В ближайшие годы странам будет необходимо синхронно восстанавливать балансы, при этом заботясь о том, чтобы восстановление экономики строилось на прочной и надежной основе. Странам с чрезмерным дефицитом счета текущих операций следует, по возможности, стараться понизить дефицит бюджета в

---

[314] Смыслов Д.С. Глобальные дисбалансы и реформирование наднационального регулирования [Электронный ресурс] / Д.С. Смыслов // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[315] Хесин Е.С. Глобальные дисбалансы: причины и проблемы коррекции [Электронный ресурс] / Е.С. Хесин // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[316] Кауфман М., Ли Д. Глобальные дисбалансы и кризис COVID-19 [Электронный ресурс] / М. Кауфман, Д. Ли. 2020. Режим доступа: https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2020/08/04/blog-global-rebalancing-and-the-covid19-crisis (дата обращения: 3 октября 2025).

среднесрочной перспективе и провести реформы, способствующие повышению конкуренции, в том числе в сфере образования и инновационных мер. В странах, у которых имеется чрезмерный профицит счета текущих операций и остаются бюджетные возможности, меры должны быть направлены на поддержку восстановления и среднесрочного экономического роста, в том числе посредством увеличения государственных инвестиций.

Итак, проблема глобальных экономических дисбалансов находит отражение в академической литературе; особенно остро вопрос негативных последствий «поляризации» дисбалансов для развития глобальной экономики в целом стоял в 2000-х гг. – в преддверии и в период восстановления после Глобального финансового кризиса. В последующие годы острота вопроса существенно спала, что выразилось в существенно меньшем числе аналитических материалов, посвященных этой проблематике. На уровне ежегодных докладов международных организаций в последующие годы проблема глобальных дисбалансов также особенно не акцентировалась и рассматривалась опосредованно.

В то же время дискуссии о глобальных дисбалансах имеют существенные недостатки. Связаны они в первую очередь с тем, что по большей части ограничиваются обсуждением так называемых глобальных финансовых дисбалансов, связанных с состоянием государственных бюджетов, платежных (и уже – торговых) балансов, валютных курсов, долговых обязательств и проч. Как правило, накопление глобальных дисбалансов и финансовой поляризации мира объясняются со стороны предложения – дисбалансами производственных возможностей, соотношения экспортоориентированности и импортозамещения в моделях экономического роста государств, «изменениями в динамике и структуре реального капитала и неравномерностью распределения факторов производства по странам и регионам»[317]. Но факторы спроса в вопросах формирования глобальных дисбалансах остаются недооцененными.

Для восполнения этого академического пробела необходимо переходить от концепции «глобальных финансовых дисбалансов» к «глобальным потребительским

[317] Хесин Е.С. Глобальные дисбалансы: причины и проблемы коррекции [Электронный ресурс] / Е.С. Хесин // Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

дисбалансам», т.к. фактически глобальные потребительские дисбалансы – одна из первопричин формирования глобальных экономических и, в частности, финансовых, дисбалансов, их структурная основа. Глобальные потребительские дисбалансы выражаются в том, что в одних странах (главным образом в США) наблюдается устойчивая тенденция к избыточному потреблению на фоне дефицита сбережений, что ведет к формированию потребительского и ипотечного долга и последующему накоплению финансовых диспропорций. В иных государствах (преимущественно азиатских, выступающих объектом настоящего анализа), напротив, преобладает высокая склонность к сбережениям, ограниченное потребление, которые в значительной степени (параллельно к факторами предложения) стимулируют накопление избыточных резервов, закрепляя за этой группой стран статус нетто-экспортеров капитала.

Глобальные потребительские дисбалансы можно определить следующим образом:

– *это устойчивые, системные различия на уровне стран и регионов в уровне, структуре и моделях потребления домохозяйств, основанные на социально-экономических, институциональных, демографических, культурно-цивилизационных и поведенческих особенностях, формирующих асимметрии в тенденциях глобального спроса, сбережениях и, как следствие, долговой нагрузке и потоков капитала.*

Глобальные потребительские дисбалансы – это недооцененная, но концептуально важная категория, позволяющая объяснить феномен глобальных дисбалансов и устойчивые макроэкономические асимметрии с позиции совокупного спроса. Глобальные потребительские дисбалансы существенно отличаются от финансовых и экономических по объекту анализа и механизмам формирования, методам финансирования и экономическим последствиям, что позволяет рассматривать их как взаимосвязанные, но аналитически самостоятельные категории (см. Таблицу 4).

Таблица 4 – Концептуальные отличия категории «глобальные потребительские дисбалансы» от «глобальных финансовых» и в целом, «глобальных экономических дисбалансов

	Глобальные потребительские дисбалансы	Глобальные финансовые дисбалансы	Глобальные экономические дисбалансы
Объект анализа	Поведение потребителей, модели потребления и	Финансовые рынки, потоки капитала	Платежные балансы, счета текущих операций, внешняя

	Глобальные потребительские дисбалансы	Глобальные финансовые дисбалансы	Глобальные экономические дисбалансы
	сбережения домохозяйств		торговля, потоки капитала
Источник дисбаланса	Институциональные, культурные особенности потребительского поведения	Финансовые потоки	Торговые и инвестиционные потоки
Способ финансирования дефицитов	Кредиты, потребительская задолженность, бюджетные трансферты	Приток капитала, спекулятивные финансовые операции	Заимствования на внешних рынках
Последствия	Искажения/асимметрия глобального спроса, долговая нестабильность	Финансовые пузыри, финансовые (в т.ч. банковские) кризисы	Рост внешней задолженности, несбалансированность потоков капитала, неэффективное потребление

Источник: составлено автором.

Во-первых, различаются объекты анализа. Глобальные потребительские дисбалансы сосредоточены на поведении потребителей, моделях потребления и сбережениях домохозяйств. Глобальные финансовые дисбалансы в первую очередь связаны с функционированием финансовых рынков и международными потоками капитала. В то же время глобальные экономические дисбалансы охватывают более широкий макроэкономический контекст, включая платежные балансы, текущие счета, внешнюю торговлю и трансграничные потоки капитала.

Во-вторых, начительные различия наблюдаются в источниках дисбалансов. Институциональные и культурные характеристики поведения потребителей, определяющие склонность к потреблению и сбережению, играют ключевую роль в глобальных потребительских дисбалансах. Глобальные финансовые дисбалансы формируются в результате неравномерных финансовых потоков, в то время как глобальные экономические дисбалансы вызваны дисбалансами в торговых и инвестиционных потоках между странами.

Различаются также методы финансирования дефицитов. В контексте глобальных потребительских дисбалансов дефициты, как правило, финансируются за счет кредитов,

растущей потребительской задолженности и бюджетных трансферов. Глобальные финансовые дисбалансы опираются на приток капитала и спекулятивные финансовые операции, в то время как глобальные экономические дисбалансы финансируются в основном за счет заимствований на зарубежных рынках. Наконец, экономические последствия подобных дисбалансов также различны. Глобальные потребительские дисбалансы приводят к искажениям и асимметрии глобального спроса и увеличивают риски нестабильности долга. Глобальные финансовые дисбалансы проявляются в формировании финансовых пузырей и возникновении финансовых кризисов, включая банковские кризисы. Глобальные экономические дисбалансы, в свою очередь, сопровождаются ростом внешнего долга, дисбалансом потоков капитала и неэффективным распределением и потреблением ресурсов.

Интеграция самостоятельной категории «глобальные потребительские дисбалансы» в научный дискурс может существенно повысить объясняющую функцию анализа различных проявлений глобальных дисбалансов и предложить новые инструменты для координации экономической политики на уровне отдельных групп стран и объединений, снижения нестабильности и неравновесности мировой экономической системы. Именно глобальные потребительские дисбалансы являются первопричинным, поведенческим уровнем дисбалансов, который проявляется в различиях (1) паттернов поведения потребителей и их мотивации, (2) уровне доверия к институтам и гарантиям социальной устойчивости, (3) эффективности институтов социальной поддержки, формирующих платежеспособный спрос, (4) культурных аспектов потребительского поведения.

В контексте изучения глобальных потребительских дисбалансов крайне важно понимать различия в потребительских паттернах и моделях потребления домохозяйств, которые не сводятся исключительно к различиям в уровне дохода или стадий экономического роста, а определяются более широким спектром экономических факторов (детерминант), детально изученных и подкрепленных научными теориями в параграфах 1.1 и 1.2, а также внеэкономических параметров, в т.ч. культурно-цивилизационными установками и историческим опытом общества.

Понимание страновых особенностей и паттернов потребления домохозяйств (1) позволит более эффективно корректировать инструментарий и рекомендации и проведение экономической политики (как на страновом, так и на уровне международных

организаций) для смягчения общей проблемы глобальных экономических дисбалансов; (2) будет содействовать достижению более сбалансированной глобальной модели роста (отойти от чрезмерного полагания на западного потребителя в направлении стимулирования локального потребления домохозяйств в странах с избыточным профицитом и чрезмерной склонностью к сбережениям); (3) повысит эффективность прогнозирования темпов и драйверов роста, а также рисков экономических кризисов на национальном и глобальном уровнях (понимание потребительских паттернов позволит превентивно оценить риски перегрева экономики, чрезмерного дефляционного или инфляционного давления, чрезмерной закредитованности или недоверия к институтам управления).

Исследование глобальных потребительских дисбалансов, разработка аналитической рамки изучения паттернов потребления домохозяйств позволит перейти от сугубо макроэкономического анализа к институционально-поведенческому, осознать, что устойчивость и сбалансированность мировой экономики зависит не только от динамики торговых и инвестиционных потоков (и, соответственно, обострения борьбы за конкурентоспособность в этих отраслях, в т.ч. посредством неопртекционизма, торговых войн и политических манипуляций), но и от гармонизации потребительских стратегий на межгосударственном уровне.

1.4. Трансформация моделей экономического роста в Азии: ключевые исследования и подходы

Руководствуясь подходами, описанными выше, представители разных научных школ и исследовательских организаций предпринимали попытки классифицировать модели экономического роста в разных странах Азии в течение разных периодов времени. Стремительный рост развивающихся государств Восточной (Северо-Восточной и Юго-Восточной) Азии в 1980–1990-х гг. обусловил повышенный академический спрос к выявлению драйверов и определению моделей экономического роста.

Ряд исследований отождествляли наиболее успешные примеры экономического роста стран Азии исключительно с реализацией экспортоориентированной модели экономического роста, фактически говоря о существовании единой восточноазиатской

модели роста, основанной на экспорте, не выделяя каких-либо различий[318]. Такой подход основывался на анализе проводимой экономической и промышленной политики и декларируемых приоритетов развития без опоры на анализ статистических данных на основе декомпозиции роста ВВП или использования эконометрического инструментария для выявления драйверов роста стран региона.

Так называемую восточноазиатскую модель отличает достаточно высокая роль государства, состоящая в (1) сохранении государственного контроля над финансовой системой, что позволяло обеспечивать кредитными средствами предприятия приоритетных отраслей; (2) осуществлении прямой поддержки государственных предприятий в стратегически значимых (ориентированных на экспорт) секторах экономики (через механизмы субсидирования дотаций и государственных заказов); (3) осуществлении контроля за деятельностью профсоюзов, реализации централизованной продовольственной политики и развитии инфраструктурной сети. Восточноазиатская модель характеризовалась высоким уровнем сбережений и инвестиций, что позволило эффективно обеспечить проведение экспортоориентированной экономической политики.

Такая «универсализация» восточноазиатской модели во многом объяснялась попытками глобалистов и приверженцев принципам свободной торговли обосновать собственную экономическую позицию[319]. Феномен «азиатского чуда» вплоть до глобального финансового кризиса объяснялся приверженностью экспортоориентированному росту и экспертами международных организаций, в частности, МВФ[320] или Азиатского Банка развития. Последние предприняли попытку выявить различия моделей экономического роста стран региона, предложив собственное разделение моделей[321]:

1. Модель, движимая чистым экспортом (net export-led growth) – за счет устойчивого роста профицита торгового баланса.

---

[318]Bhagwati J.N. Export Promotion Trade Strategy: Issues and Evidence / J.N. Bhagwati // Export Promotion Strategies: Theory and Evidence from Developing Countries / Ed. by C.R. Milner. New York : New York University Press, 1990. P. 35–68.
Weiss J. Export Growth and Industrial Policy: Lessons from the East Asian Miracle Experience / J. Weiss. Discussion Paper 26. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2005. February. 28 p.
Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference On Business, Economics And Management WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.
[319]Stiglitz J. Globalization and Its Discontents / J. Stiglitz. New York : Norton, 2002. 304 p.
[320]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[321]Razmi A., Hernandez G. Can Asia Sustain an Export-Led Growth Strategy in the Aftermath of the Global Crisis? An Empirical Exploration / A. Razmi, G. Hernandez. ADBI Working Paper 329. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2011. 36 p.

2. Модель роста, движимая промышленным экспортом (manufactured export-led growth) – учитывает не просто динамику счета текущих операций, а наличие общих внешних экономических эффектов, связанных с процессом экспорта и развитием обрабатывающей промышленности.
3. Модель роста, движимая сектором внешней торговли (tradable sector-led growth) – учитывает все экспортоориентированные сектора экономики, а также эффекты субсидирования внешнеторгового производства.
4. Модель экспортоориентированного роста, обусловленного притоком ПИИ из развитых стран (industrialized country-centered export-led growth).

Несмотря на попытки диверсификации моделей, тем не менее опирались они на экспортоориеентированную основу, дифференцируя драйверы или секторальную структуру экспорта. Отождествлялась модель, главным образом, с государствами Восточной Азии (Японией, Республикой Корея и Китаем) и частично – с отдельными государствами Юго-Восточной Азии (Сингапуром и позднее Вьетнамом), которые отличались собственными моделями экономического развития. В отношении центральных государств Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) с середины XX в. применялась теория «догоняющего» индустриального развития, сопряженная впоследствии с теорией модернизации: по мере завершения процесса доиндустриализации и перехода к первой фазе модернизации экономики центральным элементом государственной политики становилось импортзамещение в сочетании с использованием инструментов протекционизма. Во второй фазе модернизации больше внимания уделялось специализации, что обусловило появление экспортных производственных зон[322] и постепенный переход к экспортоориентированной модели экономического роста. В то же время реализация модели происходила с разной скоростью и эффективностью: в Сингапуре и Малайзии процессы модернизации происходили более быстро и успешно, чем в Таиланде и Индонезии[323]. По мере трансформации моделей происходило и изменение отраслевой структуры экономик: аграрно-сырьевая экономика вытеснялась промышленностью, затем на первый план выдвигается сфера услуг. Соответственно, к 1990-м гг. модель догоняющего индустриального развития и одновременно ориентации на экспорт

[322] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 6.
[323] Там же. С. 7.

включала в себя также некоторые элементы постиндустриальных моделей[324], что обеспечивало взаимозависимость и одновременно взаимодополняемость развивающихся государств региона.

В то же время страны Восточной Азии в последние десятилетия стали локомотивом экономического роста развивающихся государств Юго-Восточной Азии: благодаря экспортоориенторованной модели развития и высокой норме сбережений они становились источником инвестиций и более высоких технологий для отдельных государств (в частности, Малайзии, Индонезии или Таиланда), что отчасти сопровождалось «экспортом» модели развития.

К концу 1990-х гг. ряд экспертов подразделяли развивающиеся экономики Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии на две группы[325]: «тигры» – Сингапур, Республику Корея, Гонконг, Тайвань и «драконы» – Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезию, позднее к этой группе стали причислять и Вьетнам[326].

Критика экспортоориентированной модели, а также осознание существенных различий как динамики, так и структуры экономического роста стран региона привели к отходу от принципа «универсализации» и более детализированному анализу национальных моделей роста, основанному на оценке вклада разных факторов в экономический рост (см. основные труды в Таблице 5).

---

[324] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. С. 11-12.

[325] Колотов В.Н., Ланьков А.Н. Особенности развития и проблемы стабильности стран АСЕАН: энергетические ресурсы, экономика и политика региона на современном этапе / В.Н. Колотов, А.Н. Ланьков // Нефть, газ, модернизация общества / Под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания. СПб. : Экономическая школа ; ГУ ВШЭ, 2008. С. 395–439.

Chow H. Asian Tigers' Choices: An Overview [Электронный ресурс] / H. Chow. ADBI Working Paper 238. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2010. Режим доступа: http://www.adbi.org/workingpaper/2010/08/09/4029.asian.tiger.economies (дата обращения: 3 октября 2025).

[326] Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания : [сборник] / Библиотека факультета глобальных процессов МГУ; авт. И.И. Абылгазиев, И.В. Ильин. М. : МАКС Пресс, 2008.

Таблица 5 – Модели экономического роста государств Азии в работах иностранных исследователей

			Страны Азии									
Исследование	**Методологический подход**	**Временной диапазон**	**Китай**	**Индия**	**Япония**	**РеспубликаКорея**	**Малайзия**	**Индонезия**	**Филиппины**	**Сингапур**	**Таиланд**	**Вьетнам**
Т. Пэлли (2012) [327]	Качественный анализ принципов экономической политики (контент-анализ; дискурс-анализ)	1950-2009	ELG (1990-2007)		ELG (1950-1970)	ELG (1970-1985)	ELG (1980-1997)	ELG (1980-1997)		ELG (1970-1985)	ELG (1980-1997)	
И. Данью, Й. и Н. Маасоглу (2014)[328]	Качественный анализ принципов экономической политики (контент-анализ; дискурс-анализ)	1970-1998	ELG			ELG	ELG	ELG	ELG	ELG	ELG	
Э. Эканаике (1999)[329]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста на основе cointegration and Error Correction Model (ECM)	1960-1997		BEG		BEG	ELG	BEG	BEG		BEG	
Дж. Фелип и Дж. Лим (2005)[330]	Декомпозиция ВВП: качественный анализ статистических данных	1973-2003	CELG	CELG		ELG			DDLG		ELG	
МВФ (2011)[331]	Качественный анализ темпов прироста экспорта и внутреннего спроса	2000-2010			ELG	ELG	ELG		ELG	ELG	ELG	
М. Ислама (1998)[332]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста на основе multivariate error-correction model			ELG		ELG	GLE	ELG			ELG	

[327]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.
[328]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.
[329]Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. 1999. Vol. 24. № 2. P. 415–425.
[330]Felipe J., Lim J. Export or Domestic-Led Growth in Asia? [Электронный ресурс] / J. Felipe, J. Lim ADB. ERD Working Paper № 69. 2005. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[331]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[332]Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied Economics. 1988. Vol. 30. P. 415–425.

М. Рахман и М. Мустафа (1997)[333]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста			GLE		BEG	BEG	GLE	ELG		ELG	
С. Насриин (2011) [334]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста на основе Bi-variate Model, Panel Cointegration, FMOLS	1975-2008		BEG			ELG	GLE	BEG		ELG	
Л. Баккаро и С. Хаджабдик (2023)[335]	Декомпозиция ВВП, скорректированная на импорт	1995-2008	BG	DDLG	Strongly ELG	CELG	Strongly ELG	Strongly CLG	Strongly CLG	Strongly ELG	Strongly ELG	Strongly ELG
		2009-2018	DDLG	Strongly CLG	Strongly ELG	BG	CLG	CLG	CLG	Strongly ELG	ELG	Strongly ELG
АБР (2010)[336]	Расширенная производственная функция Кобба-Дугласа	1980-е	CLLG	CLLG		CapLG	CapLG	CapLG	LLG	CLLG	CLLG	LTFPLG
		1990-е	CapLG	CapLG		CapLG	CapLG	CapLG	LLG	CapLG	CapLG	CapLG
		2000-е	CTFPLG	CapLG		CapLG	LTFPLG	LTFPLG	LTFPLG	LTFPLG	TFPLG	CapLG
Х. Ким (2017)[337]	Декомпозиция ВВП + наделенность факторами на основе регрессионного анализа	1970-1980				ELG				ELG		
		2012-2016	ILG	CLG	CLG	CLG		ILG		BG		ILG
К. Ханим (2009)[338]	Декомпозиция ВВП (регрессионный анализ)	1985-2002					DDLG	DDLG	DDLG			
Й. Саглам и Х. Эгели (2017)[339]	Декомпозиция ВВП (динамическая регрессионная модель)	1983-2015			ELG	DDLG				ELG		

[333]Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. 1998. Vol. 22. № 2. P. 81–95.

[334]Nasreen S. Export-growth linkages in selected Asian developing countries: Evidence from panel data analysis / S. Nasreen // Asian Journal of Empirical Research. 2011. Vol. 1. № 1. P. 1–13.

[335]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

[336]Lee J.-W., Hong K. Economic Growth in Asia: Determinants and Prospects [Электронный ресурс] / J.-W. Lee, K. Hong ADB Economics Working Paper Series № 220. 2010. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28424/economics-wp220.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[337] Kim Hae. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 2–8.

[338]Hanim K. Panel Data Analysis of Export-Led Growth Hypothesis in BIMP-EAGA Countries / K. Hanim. Munich Personal RePEc Archive, MPRA Paper 13264. 2009. February. 28 p.

[339]Sağlam Y., Egeli H.A. Empirical analysis of export-led growth and domestic demand-led growth hypotheses in East Asia [Электронный ресурс] / Y. Sağlam, H.A. Egeli // UİİİD IJEAS. 2017. Vol. 19. P. 211–226. DOI: 10.18092/ulikidince.309279. Режим доступа: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/312701 (дата обращения: 3 октября 2025).

Л. Арминто (2006)[340]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта / внутреннего потребления и экономического роста на основе Granger Causality test	1981-2004							ELG			
К. Кеонг, М. Юсуф и К. Лью (2005)[341]	Количественная оценка детерминант экономического роста на основе autoregressive distributed lag (ARDL) model	1960-2001					ELG					
Й. Лаи (2004)[342]	Декомпозиция ВВП с использованием Johansen co-integration test	1961-2000					DDLG					
М. Пиацолло (1996)[343]	Качественный анализ статистических данных	1965-1992						ELG				
К. Хае, С. Визхарат, В. Лан (2013)[344]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста на основе регрессионного анализа	2009		ELG								
Т. Малхотра и Д. Кумари (2016)[345]	Количественная оценка взаимосвязи экспорта и экономического роста на основе регрессионного анализа	1980-2012		ELG								

Источник: составлено автором.

Примечания: BEG обозначает двунаправленную причинно-следственную связь роста и экспорта (bi-directional causality of export and growth);
ELG – экспортоориентированный рост (export-led growth);
GLE – экспорт, обусловленный ростом (growth-led export);

[340]Amrinto L. A Semiparametric Assessment of Export-Led Growth in the Philippines / L. Amrinto. MS Thesis, Agricultural Economics and Agribusiness, Louisiana State University, 2006.
[341]Keong C.C., Yusop M., Liew K.S.V. Export-Led Hypothesis in Malaysia: An Investigation Using Bounds Test / C.C. Keong, M. Yusop, K.S.V. Liew // Sunway Academic Journal. 2005. Vol. 2. P. 13–22.
[342]Lai Y.W. The Role of Domestic Demand in the Economic Growth of Malaysia: A Cointegration Analysis / Y.W. Lai // International Economic Journal. 2004. Vol. 18. P. 337–352.
[343]Piazolo M. Determinants of Indonesian Economic Growth, 1965–1992 / M. Piazolo // Seoul Journal of Economics. 1996. Vol. 9. № 4. P. 269–298.
[344]Hye Q.M.A., Wizarat S., Lau W.-Y. Trade-led Growth Hypothesis: An Empirical Analysis of South Asian Countries / Q.M.A. Hye, S. Wizarat, W.-Y. Lau // Economic Modelling. 2013. Vol. 35(C). P. 654–660. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.07.040.
[345]Malhotra N., Kumari D. Revisiting Export-Led Growth Hypothesis: An Empirical Study on South Asia / N. Malhotra, D. Kumari // Applied Econometrics and International Development. 2016. Vol. 16. № 2. P. 157–168.

DDLG – рост, движимый внутренним спросом (domestic demand-led growth);
CLG – рост, движимый внутренним потреблением (consumption-led growth);
ILG – рост, стимулируемый внутренними сбережениями и инвестициями (investment-led growth);
BG – сбалансированный рост (balanced growth);
CELG – рост, движимый потреблением и экспортом (consumption and export-led growth);
CLLG – рост, обусловленный капиталом и рабочей силой (capital and labor-led growth);
CapLG – рост, обусловленный капиталом (capital-led growth)/
CTFPLG – рост, обусловленный капиталом и общей факторной производительностью (capital and total factor productivity-led growth);
LTFPLG – рост, обусловленный рабочей силой и общей факторной производительностью (labor and total factor productivity-led growth);
LLG – рост, обусловленный рабочей силой (labor-led growth);
TFPLG – рост, обусловленный общей факторной производительностью (total factor productivity-led growth).

Одним из наиболее поздних и значимых исследований в области выявления моделей экономического роста в исследуемых странах Азии является работа Л. Баккаро и С. Хаджабдика[346]. Исследование имеет ряд достоинств. Во-первых, основано на комплексном анализе структуры ВВП по расходам (принципе его декомпозиции), «очищенном» от импортного компонента и предполагает достаточно высокий уровень детализации различий моделей экономического роста. Во-вторых, объектами анализа стало большое число стран мира, в т.ч. государств Азии, что позволяет проводить страновые и региональные сравнения. В-третьих, исследование проведено для двух временных периодов: 1995–2008 и 2009–2018, что помимо прочего позволяет проследить трансформацию моделей экономического роста стран после Глобального финансового кризиса.

Направления трансформации моделей экономического роста стран Азии наглядно представлены на Рисунке 3.

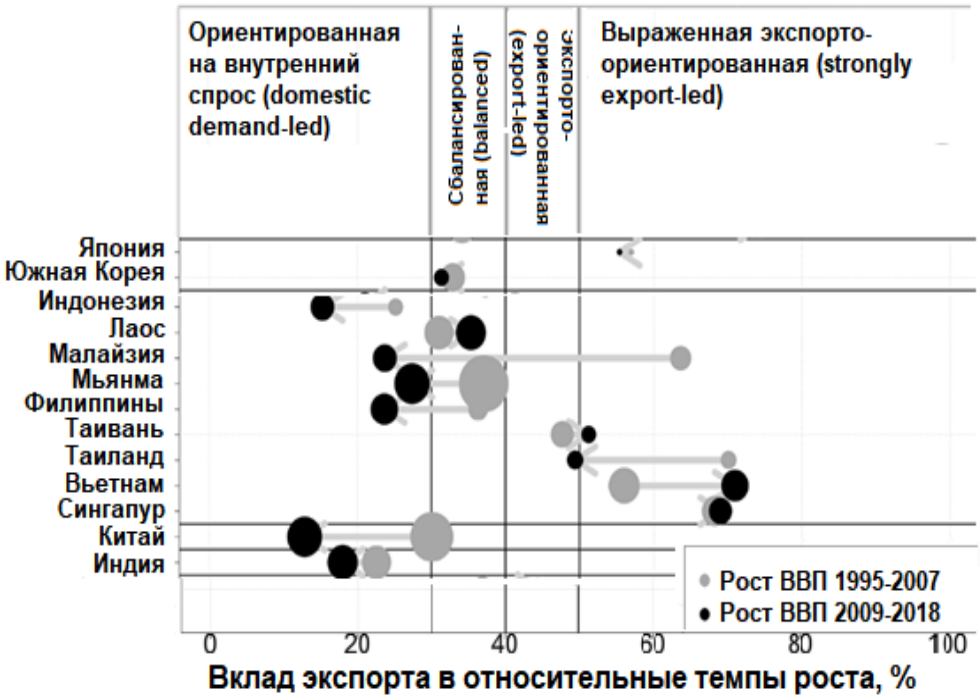

Рисунок 3 – Эволюция моделей экономического роста государств Азии

Источник: Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. https://doi.org/10.1007/s11135-023-01685-w.

[346]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

Япония на протяжении обоих периодов уверенно следовала экспортоориентированной модели роста, в то время как Республика Корея придерживалась сбалансированной модели, обусловленной равномерным вкладом экспорта и компонентов внутреннего спроса.

Страны Юго-Восточной Азии внутренне разнообразны. Экономики Сингапура, Таиланда и Вьетнама в течение обоих периодов сохраняли высокую ориентированность на экспорт, однако Вьетнаму удалось к 2009–2018 гг. увеличить зависимость экономического роста от экспорта, в то время как Таиланд начал уверенно двигаться в направлении сбалансированного роста и расширения вклада компонентов внутреннего спроса.

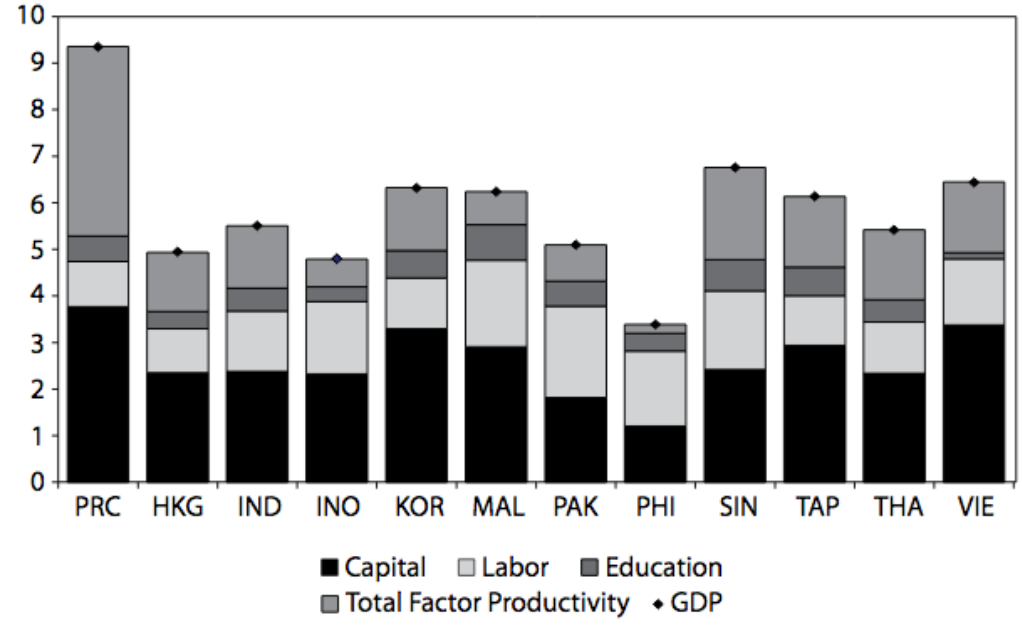
Индонезия в оба периода следовала модели роста, обусловленной внутренним спросом, еще больше нарастив вклад этих компонентов в экономический рост к 2009–2018 годам. Филиппины же перешли от сбалансированной модели к модели роста, движимого внутренним спросом.

Единственной страной, которая резко изменила свою модель роста между двумя периодами, является Малайзия, которая перешла от экспортоориентированной модели роста к росту, движимому внутренним спросом. Вопреки ожиданиям, экспортоориентированность модели роста Китая доказана не была. От сбалансированной модели Китай перешел к модели, движимой внутренним спросом, однако стоит учитывать, что данный переход был обеспечен не ростом интенсивности внутреннего потребления, а в большей степени расширением инвестиций, которые являются наиболее динамичным фактором спроса. Действительно, инвестиции на протяжении десятилетий были одним из основных драйверов роста, технологического прогресса и структурных изменений[347]. Согласно нашим выводам, внимание к инвестициям еще больше возросло с 2009 г. в ответ на Глобальный финансовый кризис. Индия же очевидно зависит от внутреннего спроса и потребления и демонстрирует укрепление модели роста, движимого внутренним спросом, в посткризисный период[348].

[347]Riedel J., Jin J., Gao J. How China Grows: Investment, Finance, and Reform / J. Riedel, J. Jin, J. Gao. Princeton : Princeton University Press, 2007.

[348]Nölke A., May C., Mertens D., Schedelik M. Elephant Limps, but Jaguar Stumbles: Unpacking the Divergence of State Capitalism in Brazil and India Through Theories of Capitalist Diversity / A. Nölke, C. May, D. Mertens, M. Schedelik // Competition and Change. 2022. Vol. 26. P. 311–333. DOI: 10.1177/10245294211015597.

Принципиально иного подхода к оценке моделей экономического роста в странах Азии придерживаются эксперты Азиатского Банка развития (2010)[349], объясняющие быстрые темпы роста стран Азиатского региона в предкризисный период с позиции расширенной версии неоклассической модели роста, инкорпорирующей помимо двух основных факторов производства – капитала и рабочей силы – роль человеческого фактора (через образование) и технологического развития (Рисунок 4)[350].

GDP = gross domestic product; PRC = People's Republic of China; HKG = Hong Kong, China; IND = India; INO = Indonesia; KOR = Republic of Korea; MAL = Malaysia; PAK = Pakistan; PHI = Philippines; SIN = Singapore; TAP = Taipei,China; THA = Thailand; VIE = Viet Nam.
Sources: Calculations from Heston, Summers, and Aten (2009); ILO (2010); Barro and Lee (2010).

Рисунок 4 – Вклад факторов производства в рост ВВП, 1981–2007 (процентные пункты)

Источник: Lee J.-W., Hong K. Economic Growth in Asia: Determinants and Prospects / J.-W. Lee, K. Hong // ADB Economics Working Paper Series № 220. 2010. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28424/economics-wp220.pdf.

Полученные результаты позволяют говорить о существенной трансформации природы экономического роста в странах Азии с точки зрения наделенности и эффективности использования факторов производства.

[349]Lee J.-W., Hong K. Economic Growth in Asia: Determinants and Prospects [Электронный ресурс] / J.-W. Lee, K. Hong. ADB Economics Working Paper Series № 220. 2010. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28424/economics-wp220.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[350]Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth / R. Barro, X. Sala-i-Martin. Massachusetts : The MIT Press, 2003.
Sachs J., Radelet S., Lee J.-W. Determinants and Prospects of Economic Growth in Asia / J. Sachs, S. Radelet, J.-W. Lee // International Economic Journal. 2001. Vol. 15. № 3. P. 1–29.

В Китае в 1980–90-е гг. капитал был основным источником роста ВВП, в то время как вклад труда в рост ВВП имел тенденцию к снижению. Коренной перелом был достигнут в 2000-х гг., когда более половины роста производства стало обеспечиваться общей факторной производительностью. В 1981–2007 гг. основной капитал на одного работника в Китае увеличивался в среднем на 7,8% в год. В Индии рост основного капитала оставался основным драйвером роста в 1980-е, 1990-е и 2000-е годы. В первый период рост рабочей силы и рост общей факторной производительности вносили примерно одинаковый вклад в рост ВВП – около 25% каждый. В 1990-х гг. вклад общей факторной производительности снизился примерно до 20%, что позволило труду обеспечить большую долю роста ВВП. В 2000-х гг. ситуация изменилась: рост СФП объяснял значительно большую долю роста ВВП (около 30%), чем рост рабочей силы (около 18%). Рост капитала на протяжении всего периода был основным драйвером экономического роста Республики Корея. В 1980-х гг. модель роста была относительно более сбалансированной: несмотря на некоторое доминирование капитала, существенный вклад в экономический рост принадлежал фактору рабочей силы и общей факторной производительности. В последующие же периоды на фоне общего падения темпов экономического роста именно капитал стал его основным драйвером.

В Сингапуре доля роста основного капитала в росте ВВП неуклонно снижалась на протяжении трех периодов роста, в то время как доля роста общей факторной производительности благодаря опережающему росту неуклонно увеличивалась. Доли труда и образования в целом оставались стабильными и составляли около 22–27% и 9–11%, соответственно. Для Малайзии труд и образование были относительно стабильными источниками роста в 1980-е и 1990-е годы. Доля рабочей силы колебалась между 27% и 35%, а доля образования колебалась от 11% до 14%. Рост основного капитала в течение трех десятилетий неуклонно вносил меньший вклад в рост ВВП, в то время как рост общей факторной производительности постепенно объяснял большую долю роста производства. Рост основного капитала объяснял более половины роста ВВП Индонезии в 1980-е и 1990-е годы. К 2000-м гг. капитал опустился на третье место по вкладу в экономический рост, пропустив вперед фактор труда и общей факторной производительности. Между тем рост затрат труда последовательно сохранял свое место в качестве второго по значимости фактора, способствующего росту ВВП. Из почти не вносившего вклада в 1980-е гг. образование превратилось в постоянный источник роста

ВВП, на долю которого приходилось более 10% общего роста в 1990-е и 2000-е годы. Рост ВВП в 1980–1990-е гг. на Филиппинах во многом объяснялся ростом рабочей силы и капитала. Образование также внесло положительный вклад, но его доля была относительно небольшой. При этом 1990-е гг. характеризовались ростом общей факторной производительности, в результате чего к 2000-м гг. она заняла первое место среди источников роста ВВП с долей около 45%. Рост рабочей силы по-прежнему был вторым, составляя 28% от общего показателя. Капитал занимал третье место с долей около 20%. Образование почти не внесло вклада в течение десятилетия.

Очевидной закономерности в тенденциях вклада факторов производства в рост ВВП Таиланда на протяжении 30 лет не наблюдалось. В 1980-е гг. на долю основного капитала, общей факторной производительности и рабочей силы приходилось от 26% до 38% общего роста. Доля образования составила всего около 6%. В 1990-е гг. рост основного капитала объяснял более трех четвертей роста ВВП. Доли труда и образования составляли около 11% каждая, тогда как рост общей факторной производительности оказался крайне низким, составив всего 2%. К 2000-м гг. произошло резкое изменение в ранжировании источников роста. Рост общей факторной производительности обеспечил более половины роста ВВП, в то время как доли капитала и труда находились на уровне 19% каждая. Доля образования осталась на уровне 11%. Во Вьетнаме рост общей факторной производительности вносил основной вклад в рост ВВП в 1980-х гг., его доля составляла около 52%. Рост основного капитала и рабочей силы был одинаковым – около 28–29%. В течение двух последующих десятилетий рост основного капитала был главным драйвером экономического развития страны. Доли труда и образования были одинаковыми в течение последних двух периодов – 19% и 8%, соответственно. Тем временем доля роста общей факторной производительности резко возросла с минимальных 4% в 1990-е гг. до 16% в 2000-е годы.

В процессе выявления моделей экономического роста стран Азии Х. Ким[351] отталкивается от сочетания принципа декомпозиции ВВП с анализом наделенности страны ресурсами. В результате были предложены шесть типов моделей экономического роста (периодом анализа стали 2012–2016 гг.):

[351]Kim H. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 2–8.
Kim H. An Analysis of Patterns of World Economy: Consumption and Economic Growth / H. Kim // Journal of Global Economics. 2021. Vol. 9. Issue 9.

1) рост, движимый потреблением (consumption-led growth) – в наибольшей степени этой модели роста в исследуемый период следовали Япония, Сингапур и Республика Корея, в наименьшей степени – Вьетнам;
2) экспортоориентированный спрос (export-led growth) – в наибольшей степени этой модели следуют Сингапур, в наименьшей – Япония и Индия;
3) рост, основанный на обеспеченности нефтью (oil-rich growth) – к этой категории в наибольшей степени был отнесен Китай;
4) рост, основанный на сбережениях и высокой занятости (savings-based growth/employment-based savings) – в наибольшей степени к этой модели относятся Китай и Сингапур;
5) рост, движимый государственными расходами (government/public spending-based growth) – в наибольшей степени к этой модели была отнесена Япония, в меньшей степени – Сингапур;
6) рост, движимый внутренними инвестициями (domestic investment-based growth) – в наибольшей степени в исследуемый период этой модели следовали Китай и Индонезия.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о высокой разнородности моделей экономического роста, которым следовали государства Азии в 2012–2016 гг. Однако, как отмечает Х. Ким, были и некоторые особенности, «уникальные» для азиатских экономик, которые отличают их от остального мира. Модель роста, ориентированного на потребление, является, по мнению эксперта, преобладающей в Азии. Было установлено, что как экономика, ориентированная на потребление, так и экономика, ориентированная на экспорт, оказывают существенное положительное влияние на экономический рост, в то время как нефтяные ресурсы, сбережения, основанные на занятости, государственные расходы и внутренние инвестиции – нет. В своей более поздней работе, в которой рамки исследования были расширены до 2012–2018 гг., Х. Ким исключил экспортоориентированную модель роста, а также рост, движимый внутренними инвестициями.

На объемы потребления существенно влияют экономика знаний, глобализация, глобальная конкурентоспособность, экономическая свобода / система свободного рынка, урбанизация, низкий уровень коррупции (высокая прозрачность в работе государственных институтов) и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). При

этом экономика знаний, основанная на инновациях, информации и технологиях, оказалась самой сильной в увеличении потребительских расходов[352].

Основными драйверами экономического роста Китая являются высокие объемы сбережений и внутренних инвестиций, которые в условиях высокой занятости постепенно стимулируют внутреннее потребление. Тем не менее модель экономического развития страны еще нельзя охарактеризовать в качестве движимой внутренним потреблением, хотя и экспортоориентированной она, в соответствии с полученными результатами исследования, не является. Корею и Индию в большей степени можно охарактеризовать в качестве моделей, движимых потреблением.

Наиболее парадоксальные результаты были получены по Японии. Япония, которая классифицировалась как модель роста, движимая потреблением, одновременно оказалась в группе стран, в наименьшей степени характеризующихся экспортоориентированным ростом. Несмотря на стагнацию внутреннего спроса, в условиях низких темпов экономического роста неблагоприятные условия торговли и высокое корпоративное налогообложение в период 2012–2016 гг., по мнению эксперта, превратили именно внутреннее потребление, поддерживаемое расширением государственных расходов, в ключевой драйвер роста.

Сингапур в исследуемый период демонстрировал сбалансированную модель экономического роста, одновременно движимую потреблением, экспортом и государственными расходами, а также сбережениями в условиях высокой занятости. Индонезия и в меньшей степени Вьетнам следовали модели роста, стимулируемой внутренними инвестициями.

Таким образом, несмотря на попытки диверсификации моделей, тем не менее опирались они на экспортоориентированную основу, дифференцируя исключительно драйверы или секторальную структуру экспорта. В методологических подходах к определению моделей экономического роста по-прежнему превалирует экспортоориентированная модель в качестве точки отсчета, в то время как реальность сегодняшнего дня (снижение глобального спроса и накопление потребительских дисбалансов) требует пересмотра подхода в направлении равновесной оценки всех типов моделей экономического роста. Кроме того, фундаментально-методологический аспект

[352]Kim H. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 7.

проблемы состоит в недостаточной концептуализации критериев для выявления моделей экономического роста (экспортоориентированный рост; инвестиционный рост; рост, движимый внутренним спросом или частным потреблением домохозяйств и проч.), включая страны Азии.

Как было показано выше, одни исследования связывают модели роста с теорией модернизации и институциональными факторами, опираются на качественный анализ экономической среды, стратегических документов и приоритетов экономического развития; другие отталкиваются от количественного сопоставления динамики различных компонентов ВВП, например, предлагают определять рост, обусловленный потреблением, по превышению темпов роста частного потребления над ВВП – в номинальном или реальном выражении.

Некоторые исследователи определяют модель по компоненту, обеспечивающему наибольший вклад в ВВП. Однако такие подходы имеют ограничения. Во-первых, вклад компонентов зачастую оценивается в структуре ВВП, а не в темпах его прироста. Во-вторых, анализ чистого экспорта не учитывает в отдельности динамику экспорта и импорта, что может привести к ошибочной классификации: например, страны с высоким уровнем протекционизма и снижением импорта могут быть отнесены к экспортоориентированным, а открытые экономики – к ориентированным на внутренний спрос несмотря на экспортный рост. Одновременно выявление моделей роста, основанных на принципе декомпозиции ВВП, поднимает вопрос взаимообусловленности общего роста и его компонентов. В этом случае эксперты тестируют причинно-следственные связи эконометрически, которые, однако, в большинстве случаев применяются не для классификации моделей, а для проверки гипотезы о следовании страной определенной модели роста, чаще всего – экспортоориентированной, где критерием является характер взаимосвязей между экспортом и экономическим ростом.

В то же время практический аспект проблемы состоит в том, что официально декларируемые на уровне документов стратегического развития приоритеты далеко не всегда трансформируются в синхронное реальное изменение соотношения драйверов в структуре экономического роста. Либо синхронизация может иметь место, однако присутствовать «отложенный эффект», разный для разных стран. При этом в условиях

замедления экономического роста и глобальной фрагментации[353] для Азии сейчас достаточно остро стоит вопрос об эффективной диверсификации источников экономического роста в направлении стимулирования расходов домохозяйств на конечное потребление и перехода к модели сбалансированного роста или роста, движимого внутренним потреблением. Успешность перехода предопределяет способность региона сохранить позиции лидеров по темпам экономического роста. Соответственно, возникает необходимость оценить «эффективность трансмиссии» официальных приоритетов в реальную перестройку экономической модели.

В таких условиях наиболее оптимальным считаем определение моделей экономического роста на основе двухмерного методологического подхода, который сочетает (1) принцип декомпозиции ВВП (равновесной оценки вклада всех компонентов ВВП в экономический рост) и (2) анализ стратегических документов. Первый позволяет определить количественно вклад компонентов и выявить фактическую модель развития страны, второй – официально декларируемые приоритетные модели роста. В Азии этот подход позволит оценить, насколько стимулирование частного потребления и переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, являются приоритетом экономической политики.

[353] International Monetary Fund. World Economic Outlook: A Critical Juncture amid Policy Shifts. Washington, DC. April, 2025.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РОЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДВУМЕРНОГО АНАЛИЗА

2.1. Эволюция модели экономического роста Китая

Китай представляет собой классическую «восточноазиатскую» модель развития, обеспечивавшую на протяжении нескольких десятилетий стране высокие темпы экономического роста. Характерными чертами данной модели являются[354]:

- активное участие государства в развитии экономики;
- ориентация экономики на экспорт;
- использование дешевой рабочей силы;
- привлечение иностранных инвестиций, сопряженное с активным импортом технологий;
- высокая доля инвестиций в ВВП;
- создание особых экономических зон.

При анализе структуры прироста ВВП страны на основе метода декомпозиции прослеживаются следующие тенденции (см. Рисунок 5 и Таблицу 6). В 1970-е гг. доминирующей была модель, движимая внутренним спросом, около 99% темпов прироста обеспечивались потребительскими расходами (частными и в значительной степени государственными), а также инвестициями. В 1980-е гг. эта модель сохранялась, однако произошла существенная ребалансировка вклада расходов на конечное потребление в пользу спроса со стороны домохозяйств и снижения вклада государственного потребления, а также стране удалось выйти на положительные значения чистого экспорта, постепенно заложив основу для последующего перехода к экспортоориентированной модели экономического роста. 1990-е гг. стали периодом перехода сначала к сбалансированной модели роста, а затем во второй половине десятилетия – к экспортоориентированной модели, когда отношение чистого экспорта к ВВП начало стремительно расти, а среднегодовой вклад чистого экспорта в прирост ВВП

[354] Гринин Л.Е. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире / Л.Е. Гринин // Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование стран БРИКС: Предварительные результаты. М. : Красанд, 2014. С. 246–276.

страны оказался максимальным. В 2000-е гг. происходило укрепление экспортоориентированной модели экономического роста, сопровождавшееся рекордным вкладом инвестиций в темпы экономического прироста. После Глобального финансового кризиса Китай начал возвращаться к модели, движимой внутренним спросом, однако происходило это не столько за счет расширения внутреннего спроса, сколько за счет резкого сокращения экспорта: вклад частного потребления подрос незначительно, при этом увеличилось потребление государственного сектора. В годы пандемии темпы прироста поддерживались инвестициями и резким сокращением импорта, которое позволило нарастить вклад чистого экспорта несмотря на общее снижение экспортных потоков.

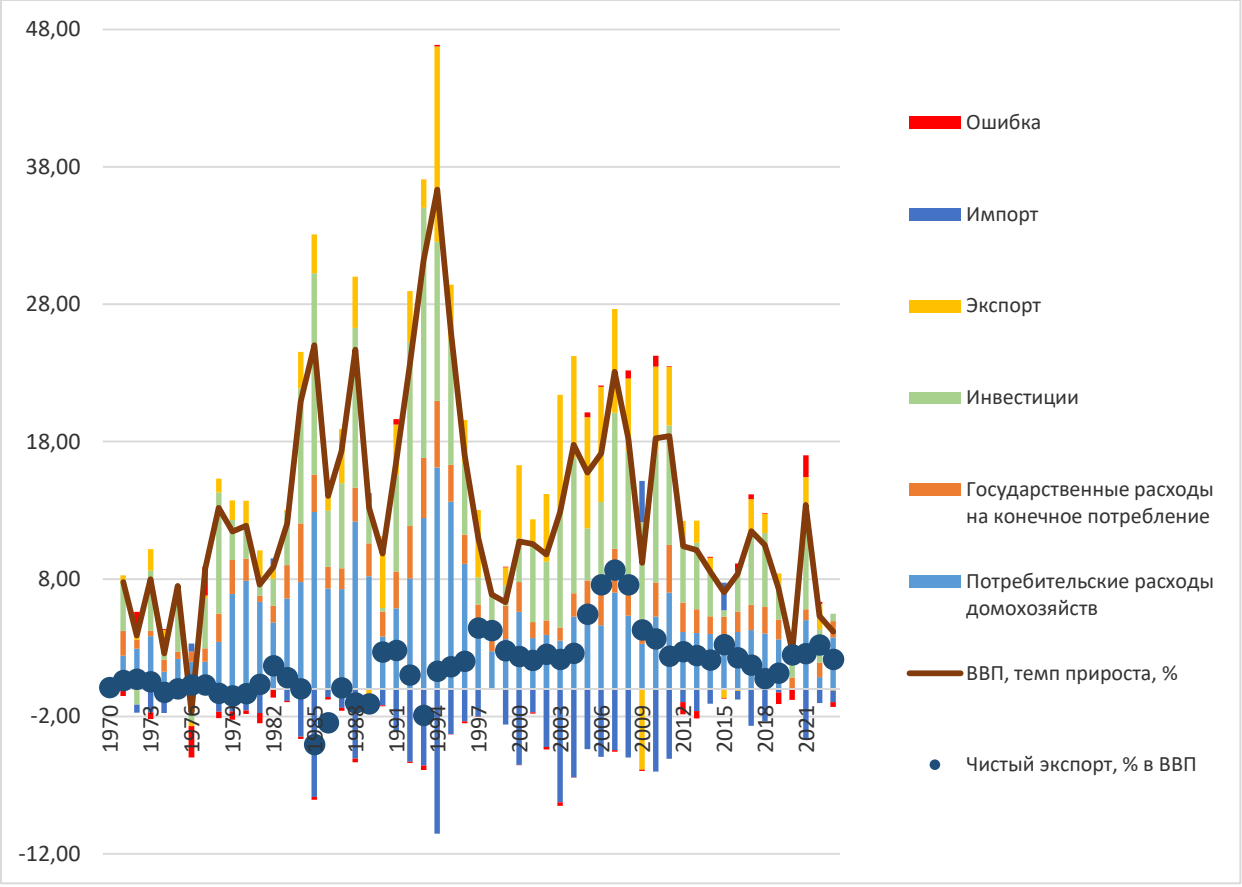

Рисунок 5 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Китая, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в китайских юанях для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 6 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Китая, %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	59,35	42,67	16,69	38,87	13,26	-16,36	4,87
1980-1989	68,57	55,37	13,20	32,73	12,72	-11,41	-2,62
1990-1999	61,20	43,69	17,51	33,24	26,18	-20,61	-0,02
2000-2009	46,98	33,44	13,54	45,43	42,46	-34,92	0,05
2010-2019	60,13	42,14	17,99	40,49	13,12	-12,68	-1,05
2020-2023	57,05	35,92	21,13	37,03	20,5835	-8,93	-5,72

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1976, 1998, 2009.
Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в китайских юанях для нивелирования курсовых колебаний).

1950-е – первая половина 1960-х гг. стали периодом «накопления промышленного потенциала», ознаменованного становлением и увеличением производственных мощностей крупных отраслей – угольной и нефтяной, цветной металлургии, транспортного, энергетического и сельскохозяйственного машиностроения, станкостроения, автомобилестроения, авиастроения. Первый пятилетний план (1953–1957) делал акцент на ускоренную индустриализацию – развитие тяжелой промышленности, строительство заводов и инфраструктуры, внедрение принципов коллективизации и наращивание производства в сельском хозяйстве, укрепление государственного сектора. Второй и третий пятилетние планы (1958–1962 и 1966–1970) продолжили курс на ускоренную индустриализацию и проведение аграрных реформ вокруг философии «большого скачка». Значительную роль в промышленном становлении Китая в этот период сыграла экономическая и технологическая поддержка со стороны СССР, что также послужило основой для последующего развития в конце 1960–1970-е гг. оборонной промышленности и смежных отраслей. Ключевым принципом в этот период была «опора на собственные силы», а главным драйвером роста – внутренний спрос, равномерно распределенный между суммарными расходами на конечное потребление и накоплением капитала посредством задействования механизма дефицитного финансирования масштабных капиталовложений (рост капиталовложений в основной

капитал предприятий государственного сектора). Объемы внешних займов в 1950-е гг. были ограничены, в 1960–1970-е гг. Китай от них полностью отказался[355].

Культурная революция, ставшая одним из ключевых принципов социально-экономического развития в рамках Третьего пятилетнего плана и имевшая весьма неоднозначные социально-экономические последствия, привела к необходимости пересмотра ключевых принципов экономической политики страны. Четвертый пятилетний план (1971–1975) ознаменовал начало постепенного перехода к рыночным реформам и модернизации экономики, в т.ч. посредством привлечения иностранных технологий. Именно постепенный («градуалистический») переход к рыночным преобразованиям был способен обеспечить должный уровень социальной стабильности и институциональной реорганизации[356]. Пятый пятилетний план (1976–1980) закрепил дальнейший переход от плановой экономики к рыночной, сосредоточившись на либерализации торговли, привлечении иностранных инвестиций с акцентом на создание особых экономических зон (ОЭЗ). Процесс реформирования состоял в одновременном функционировании плановой и рыночной экономики и был сосредоточен на распределении потоков от либерализации рыночных механизмов – индивидуальных фермерских хозяйств и государственных предприятий[357]. Период 1970-х гг. характеризовался рекордным приростом занятости в промышленности и строительстве. С 1952 по 1978 г. общий объем промышленного производства вырос в 15 раз, в т.ч. тяжелой промышленности – в 28 раз, было создано 350 тыс. крупных и мелких промышленных предприятий[358].

С начала 1980-х гг. политика «опоры на собственные силы» в условиях исчерпания внутреннего технологического ресурса и старения, в т.ч. морального, основных средств сменилась парадигмой опоры на иностранный капитал, технологии и ноу-хау, передовой управленческий опыт и знания, что сопровождалось проведением политики реформ и открытости. Глубокие рыночные реформы, в т.ч. переход от коллективных хозяйств к

---

[355]Гельбрас В., Кузнецова В. КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8. С. 119–128. DOI: 10.20542/0131-2227-2001-8-119-128.

[356] Wu J. China’s economic reform process. Beijing: China Encyclopedia Publishing House, 2018. P. 63–64.
Lin Y., Cai F., Li Z. On the Progressive Path of China’s Economic Reform // Economic Research. 1993. № 9. P. 3–11.
Цедилин Л.И. Современная модель социально-экономического развития Китая: идентификация и анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 126–136.

[357] Юй Ч. Исследование экономических реформ Китая с конца 1970-х до начала 1990-х годов с точки зрения неоинституционализма // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 5. С. 1309–1333. DOI: 10.18334/ce.18.5.12102.

[358] Xiao D. The Battle of Pathfinding China’s Economic Reform from 1978 to 1992. Beijing : Social Science Literature Press, 2019. P. 3, 7–8.

семейным подрядам и расширение внешнеэкономических связей с другими странами, заложенные в логику Шестого пятилетнего плана (1981–1985), превратили Китай в крупнейшего реципиента иностранных инвестиций среди группы развивающихся стран. Модель экономического роста по-прежнему обеспечивалась совокупным спросом, однако в отдельные годы начинало проявляться усиление вклада экспортного компонента, менялось соотношение внутреннего и внешнего источников накопления капитала, а привлечение иностранного капитала сопровождалось импортом технологий, которые стали одним из драйверов экономического развития страны и создали основу для технологического обновления и социальной модернизации, положенных в основу Седьмого пятилетнего плана страны (1986–1990). Эффект оказался двунаправленным. С одной стороны, широкомасштабное заимствование иностранных технологий обеспечило развитие транспорта, строительства, отрасли бытовой техники и электроники; введение в строй группы крупных современных предприятий энергетики, электроники, автомобилестроения, авиастроения, химической, пищевой, кормовой и других отраслей промышленности[359]. С другой стороны, высокий приток капитала, в т.ч. спекулятивного краткосрочного, стал причиной кризиса текущих платежей по внешнему долгу в середине 1980-х гг. и отчасти – падения темпов роста в ходе Азиатского финансового кризиса 1997 года.

С конца 1980-х гг. дальнейшую модель экономического роста страны предопределили две важные тенденции. Привлечение иностранного капитала привело к созданию экспортоориентированных производств, поскольку главным аспектом мотивации иностранных инвесторов для создания производств в Китае была экономия на издержках в производстве и/или сборке продукции, поставляемой на внешние рынки (за счет более дешевой рабочей силы). Одновременно с 1990–1991 гг. после открытия Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых бирж началось полноценное функционирование китайского фондового рынка. Развитие финансовой системы и рынка внутренних займов обеспечили крупные капиталовложения в инфраструктуру. В 1990-е гг. Китай уверенно вступил в фазу интенсивного экспортоориентированного роста, основанного на накоплении капитала: при сохранении сопоставимых с 1980-ми гг. показателей вклада накопления капитала в экономический рост, вклад экспорта

[359]Гельбрас В., Кузнецова В. КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8. С. 119–128. DOI: 10.20542/0131-2227-2001-8-119-128.

существенно увеличился, а укрепляющееся положительное сальдо торгового баланса способствовало накоплению международных резервов, с одной стороны, и дополнительному внутреннему инвестированию в расширение производственных мощностей, с другой. Восьмой пятилетний план (1991–1995) стал фактическим завершением процесса перехода к рыночной экономике с либерализацией цен, усилением частной собственности и доли частного сектора в экономике, зафиксировал курс на развитие научно-технологических инноваций, а также официально закрепил переход к экспортоориентированному росту.

Переход от экстенсивного расширения и диверсификации отраслевой структуры экономики к интенсивному (как капиталоемкой, так и наукоемкой) пути на основе сохранения высокой факторной производительности требовал существенной перестройки государственного сектора. По итогам XV съезда Коммунистической Партии Китая в 1997 г. ускоренными темпами начался процесс акционирования и «оптимизации» убыточных низкоэффективных государственных предприятий: выкупа их долгов, выпуска акций и их размещения на фондовом рынке. Реформа государственного сектора затронула и социальную сферу: в 1997 г. началась реформа пенсионной системы, процесс формирования систем социального страхования и социального обеспечения, предусматривающих материальную поддержку безработных, их профессиональную подготовку и переподготовку, обеспечение минимального прожиточного уровня горожан, базовое медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение по старости и инвалидности и распространяющихся на все группы населения, предприятия и организации разных форм собственности[360].

К началу 2000-х гг. правительством Цзян Цзэминя была объявлена Государственная стратегия «Выход за рубеж», в Девятом пятилетнем плане развития (1996–2000) ставка была сделана на извлечение максимальных выгод от глобализации, вступление во Всемирную торговую организацию и углубления интеграции в мировую экономику. Приоритетами внутреннего экономического развития стало решение проблем регионального неравенства и развитие новых секторов экономики, в т.ч. информационных и биотехнологий. Одновременно начало 2000-х гг. стало периодом бурного развития банковского сектора. Особенностью Десятого пятилетнего плана

[360] Гельбрас В., Кузнецова В. КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8. С. 119–128. DOI: 10.20542/0131-2227-2001-8-119-128.

(2001–2005)[361] помимо дальнейшего проведения реформ в области труда и занятости, а также увеличения инвестиций в НИОКР и развитие новых технологий стал курс на продвижение повестки в области экологической устойчивости (разработки системы экологических норм и стандартов). В 2000-х гг. происходило еще большее укрепление экспортоориентированной модели экономического роста страны на основе одновременной реорганизации товарной структуры выпуска в пользу более наукоемкой инновационной продукции. В то же время в основу Одиннадцатого пятилетнего плана (2006–2010)[362] помимо инерционных принципов модернизации производств и достижения экологической устойчивости были положены цели более сбалансированного развития на основе усиления социальной политики, наращивания социальных расходов, роста потребительского сектора и повышения качества жизни[363].

Вплоть до Глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. доминирующим принципом развития экономики Китая было следование экспортоориентированной модели «международной циркуляции»[364], основанной на преимуществах дешевой рабочей силы в глобальных производственных цепочках и расширении притока инвестиций. Однако неустойчивость внешнего спроса, флуктуации стоимости энергии и сырья, снижение отдачи от инвестиций, вынужденный переход к «актуализации» курса юаня, повлекшей за собой его ревальвацию, и постепенная утрата основного конкурентного преимущества в виде более дешевой рабочей силы выявили ограничения традиционной модели и исчерпание потенциала экспортоориентированного роста.

Осознание уязвимости чрезмерного полагания на внешний спрос привело к постепенному пересмотру Правительством Китая базовых принципов развития в направлении диверсификации источников экономического роста: ребалансировке экономики за счет повышения внутреннего спроса и потребления, получившей позднее название «внутренней циркуляции».

---

[361] Report on the Outline of the Tenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development, 2001–2005. Режим доступа: http://www.china.org.cn/english/8724.htm (дата обращения: 3 октября 2025).

[362] 11th Five-Year Plan (2006–2010) for National Economic and Social Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/11th%20Five-Year%20Plan%20%282006-2010%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[363] World Bank. China: Mid-Term Evaluation of China's Eleventh Five-Year Plan [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: http://hdl.handle.net/10986/3025 (дата обращения: 3 октября 2025).

Zhang Y. To Achieve the Goals of China’s 11th Five-Year Plan through Reforms [Электронный ресурс] / Y. Zhang. 2006. Режим доступа: https://www.nomurafoundation.or.jp/en/wordpress/wp-content/uploads/2014/09/2006120607_Zhang_Yongsheng.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[364] Термин введён китайским исследователем Ван Цянь (WangJian) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/a/202010/12/WS5f839118a31024ad0ba7df1e.html (дата обращения: 3 октября 2025).

Уже в начале 2010-х гг. Китай взял курс на проведение реформ с целью «стимулирования инноваций и повышения производительности, сдерживания нерациональных инвестиций и увеличения доходов домохозяйств и потребления»[365]. Пакет реформ, направленных на переориентацию экономической системы, будет включать в себя, в первую очередь, либерализацию системы регистрации домашних хозяйств («хукоу»), межбюджетную реформу, финансовую либерализацию и открытие сектора услуг Китая для конкуренции[366].

Уже на этапе принятия Двенадцатого пятилетнего плана развития страны (2011–2015)[367] стали очевидны новые тенденции экономической политики. Расширение внутреннего потребительского спроса и переход от внешнего спроса к внутреннему стало одним из приоритетов социально-экономического развития во время 12-й пятилетки[368]. Ключевые инструменты достижения заявленной цели – повышение качества жизни и ускоренная урбанизация. При этом Китай «относительно сокращал экспорт готовой продукции низкотехнологичных отраслей, одновременно осуществляя импортозамещение компонентной базы[369], что позволило повысить конкурентоспособность в средне- и высокотехнологичных секторах.

С 9 по 12 ноября 2013 г. в Пекине прошел третий пленум Центрального комитета Коммунистической Партии Китая 18-го созыва, на котором было принято Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ. В итоговом коммюнике в качестве одного из центральных направлений социальной политики было заявлено проведение комплексной реформы в сфере образования, совершенствование механизмов создания трудовых мест и повышения занятости, создание системы обоснованного и упорядоченного распределения доходов, более справедливой и устойчивой системы социальных гарантий и углубление реформы в сфере здравоохранения.

---

[365] Dollar D. Sino Shift / D. Dollar // Finance and Development. 2014. June. Vol. 51. № 2. P. 11.
[366] Ibid. P. 10–13.
[367] 12th Five-Year Plan (2011–2015) for National Economic and Social Development. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/12th%20Five-Year%20Plan%20%282011-2015%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[368] Юймин Л. Во время «12-й пятилетки» социально-экономическое развитие Китая выявит шесть новых изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2010-10/24/content_21187390.htm (дата обращения: 3 октября 2025).
[369] Балацкий Е.В. Китайская модель экономики будущего: развитие через перманентное саморазрушение / Е.В. Балацкий // Общество и экономика. 2011. № 8-9. С. 292–305.

Тринадцатый пятилетний план (2016–2020)[370] официально закрепил переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, акцентируя внимание на необходимости наращивать потребление, стимулировать рост «потребительского среднего класса» посредством повышения располагаемых доходов и улучшения социальных услуг. Одновременно в качестве параллельного приоритета подчеркивалось продолжение политики интеграции Китая в глобальную экономику и укрепление роли в мировой торговле.

Впоследствии фокусирование на экономике «двойной циркуляции», стимулировании внутреннего спроса и продвижении структурных реформ стало одним из центральных элементов Четырнадцатого пятилетнего плана экономического развития страны на 2021–2025 гг.[371], принятого на прошедших в марте 2021 г. «двух сессиях» Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК)[372], а также долгосрочного видения развития до 2035 года. Усиление фундаментальной роли потребления, стимулирование потребления и инвестиций для расширения масштабов внутреннего спроса, продвижение потребления высококачественных и экологически безопасных товаров и услуг, развитие новых технологий, способных снижать транзакционные издержки, в т.ч. с помощью повышения эффективности онлайн-торговли, были заявлены в качестве основных задач пятилетки с учетом долгосрочных целей развития до 2035 года[373].

В плане было обозначено, что к 2035 г. объем национального потребления и инвестиций поднимется на новый уровень, будет сформирована целостная система внутреннего спроса, запущен новый тип индустриализации, применения информационных технологий, будут реализованы урбанизация и модернизация сельского

---

[370] The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China, 2016–2020 / National Development and Reform Commission. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[371]The 14th Five-Year Plan of the People's Republic of China Fostering High-Quality Development / ADB. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/705886/14th-five-year-plan-high-quality-development-prc.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[372]**十四五期**间十四五规划 3 **篇** (Шисыу цицзянь шисыу гу й хуа 3 пянь; 3 главы 14-й пятилетки) [Электронный ресурс] / 2020. Режим доступа: https://www.520z-2.com/fanwen/1251283.html (дата обращения: 3 октября 2025).

[373]Кашин В.Б. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР [Электронный ресурс] / В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, В.А. Смирнова, А.А. Литвинов и др. 2021. Режим доступа: https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

хозяйства, а строительство более сильного внутреннего рынка достигнет существенного прогресса[374].

Что особенно важно, в 2022 г. был принят План реализации стратегии расширения внутреннего спроса на долгосрочную перспективу (2022–2035 гг.)[375]. В целях содействия реализации стратегии расширения внутреннего спроса сформулированы основные положения данного плана на период 2022–2035 гг.:

1) увеличение внутреннего спроса;
2) удовлетворение растущих потребностей людей в более высоком качестве жизни;
3) стимулирование потребления и инвестиций;
4) совершенствование рыночной системы;
5) формирование сильного внутреннего рынка;
6) повышение качества основных потребительских товаров;
7) содействие здоровому развитию домашнего потребления, поддержка разумных потребностей жителей;
8) продвижение национальных брендов;
9) расширение культурной и туристической индустрии;
10) адаптация к процессу старения населения;
11) углубление реформ системы здравоохранения;
12) повышение качества образовательных услуг;
13) популяризация массового спорта;
14) содействие развитию новых потребительских форматов, таких как экономика совместного потребления;
15) ускорение строительства информационной инфраструктуры;
16) содействие скоординированному развитию городских и сельских регионов;
17) совершенствование механизма перераспределения доходов.

Предложения к 15-му пятилетнему плану (2026–2030) также прямо указывают на стремление к увеличению доли потребления населения в ВВП страны и продолжение курса на укрепление внутреннего спроса как стратегического драйвера роста. При этом внимание акцентируется не только на росте потребления, а на его более справедливом

[374]Targets Set for Increasing Consumption [Электронный ресурс] / China International Import Expo. 2022. Режим доступа: https://www.ciie.org/zbh/en/news/exhibition/policies/20221215/35655.html (дата обращения: 3 октября 2025).
[375] Outline of the Plan for the Strategy to Expand Domestic Demand (2022-2035) [Электронный ресурс] / The Chinese Communist Party Central Committee & State Council. Режим доступа: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0499_domestic_demand_EN.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

распределении среди широких слоев населения, ориентированность на поддержку потребления среди низкодоходных групп населения, что призвано повысить как его устойчивость, так и качество.

На протяжении 2010-х гг. Китай продолжал активно работать над политиками, направленными на рост среднего класса, что напрямую связано с увеличением потребления. Дополнительным инструментом стимулирования частного потребления стала программа «Made in China 2025». Хотя основное внимание в ней уделяется технологическому развитию и инновациям, она также затрагивает важный аспект усиления внутреннего потребления через улучшение качества и доступности товаров и услуг для населения. «Made in China 2025» ставит цель повысить качество товаров, что должно стимулировать потребительский спрос на внутреннем рынке.

Таким образом, Китай на официальном уровне закрепил в качестве цели долгосрочного развития движение по пути диверсификации источников экономического роста и укрепления модели, движимой внутренним потреблением (наряду с признанием значения внешнего спроса).

После Глобального финансового кризиса Китай вступил в период устойчивого поступательного снижения темпов экономического роста, что было обусловлено исчерпанием потенциала традиционных конкурентных преимуществ для дальнейшего экстенсивного роста. Рост доходов населения фактически нивелировал традиционное преимущество дешевой рабочей силы, привел к утрате ценовой конкурентоспособности ключевых экспортных позиций и выводу части производств (в наибольшей степени сравнительно менее технологичных) за пределы страны в государства Южной и/или Юго-Восточной Азии. Регионы, выступавшие традиционно локомотивом экономического роста, попали в «ловушку среднего дохода», факторная производительность устойчиво снижалась, а дальнейшее расширение инвестирования в крупные инфраструктурные проекты более не обеспечивало привычное стимулирование занятости и расширение промышленного производства. Кроме того, масштабное инвестирование в строительство в предшествующие годы и бум на рынке ипотечного кредитования привели к взрывному росту кредитования и возникновению пузыря на рынке недвижимости[376]. В результате регуляторы столкнулись с проблемой балансирования между перспективами внутреннего

[376]Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / [коллектив] ; отв. ред. И. А. Макаров. М. : Международные отношения, 2015. 447 с.

долгового банковского кризиса и социального на фоне замедления темпов роста строительства – системообразующего сектора, обеспечивающего критическое число рабочих мест в экосистеме строительной и смежных отраслей.

Таким образом, обеспечение прежних темпов экономического роста оказалось невозможным, и единственным способом достижения устойчивого роста и привычных позиций страны в цепочках добавленной стоимости становится сочетание трех факторов: (1) совершение качественного скачка в развитии благодаря качеству и инновационности традиционных и возникновению новых технологичных отраслей; (2) расширение исходящих инвестиций и выхода китайского капитала за рубеж; (3) преодоление присущей для китайского населения высокой склонности к сбережению и задействование ресурса внутреннего спроса в качестве локомотива внутреннего развития. По сути, возврат к модели «опоры на собственные силы», но уже на качественно новом уровне.

Китай осуществляет масштабные инвестиции в НИОКР, преимущественно в сфере информационных и компьютерных технологий, добычи и обработки редкоземельных элементов, аэрокосмических и нанотехнологий. По итогам 2024 г. расходы на НИОКР превысили 3,6 трлн юаней (что составляет около USD 500 млрд и 2,68% ВВП страны), увеличившись на 8,3% в годовом выражении; опережающими темпами росли расходы на фундаментальные исследования; прирост числа выданных патентов на изобретения составил 16,3% в годовом исчислении – до 4,76 млн единиц (что выше 15,3% по итогам 2023 г.), преимущественно в области квантовых технологий, интегральных схем, искусственного интеллекта и биомедицины[377]. Одновременно продолжающаяся реализация Стратегии «Выход за рубеж» (Go Global) способствует расширению исходящих инвестиций[378].

Трансформация официального курса в некоторой степени выразилась и в изменении макроэкономических показателей. С 2010 по 2016 г. происходил устойчивый рост вклада потребительских расходов частных домохозяйств (с 2013 по 2018 г. совокупное потребление домохозяйств в стране выросло на 42%) и государственного сектора в прирост ВВП на фоне сокращения вклада инвестиций. О многом этому

---

[377] Китай потратил на НИОКР более 458 млрд // Ведомости. 2024. 6 марта. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd?from=copy_text (дата обращения: 3 октября 2025).

[378] Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России : коллективная монография / [Макаров И.А. и др.] ; отв. ред. И.А. Макаров. М. : Международные отношения, 2015. 447 с.

способствовало расширение среднего класса: с 2002 по 2018 г. преуспевающий средний класс быстро расширялся, в основном за счет роста в городских районах[379]. Однако после 2016 г. вклад потребления прервал тенденцию к росту, до докризисного уровня не восстановилась и доля потребления в структуре ВВП страны. На фоне принятия решения о структурной перестройке экономики модель экономического развития Китая приобрела характер движимой внутренним спросом, но не только благодаря частному потреблению (его вклад подрос по сравнению с 2000-ми гг. до 38–40% против в среднем 30%), но и за счет высокой доли инвестиций. В то же время в годы кризиса экономический рост (несмотря на его снижение) в большей степени поддерживается экспортом.

По оценкам экспертов, по состоянию на 2019 г. Китай еще не начал успешно перебалансироваться в сторону роста, основанного на потреблении домохозяйств[380]. Низкая склонность к потреблению зажиточного среднего класса Китая значительно ограничивает его способность быть двигателем совокупного роста потребления: несмотря на общий рост доходов, основным источником расширения частного потребления по оценкам экспертов становятся не более богатые категории населения, а класс с относительно более низким доходом[381].

Таким образом, проведенный анализ позволил установить, что официальное закрепление стремления Китая перейти к экспортоориентированному росту нашло отражение в среднесрочных планах к началу 1990-х гг., при этом реальный переход закрепился ко второй половине 1990-х гг., укрепился в начале 2000-х гг., а затем сменился ростом, движимым внутренним спросом на фоне официально закрепленного стремления к расширению вклада частного потребления. Полученные результаты в большей степени согласуются с наблюдениями Т. Пэлли[382], который определил экспортоориентированную модель в качестве доминирующей в 1990–2007 гг., и Л. Баккаро и С. Хаджабдика[383], характеризующих посткризисный период 2000–2018 гг. в качестве роста, движимого внутренним спросом. В то же время результаты вступают в противоречие с результатами

[379]Xiuna Yang, Terry Sicular, Björn Gustafsson. China's Prosperous Middle Class and Consumption-led Economic Growth: Lessons from Household Survey Data. The China Quarterly, 2024, № 258, с. 479–494. DOI: 10.1017/S0305741023001126.
[380] Ibidem.
[381]Ibidem.
[382]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.
[383]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

(1) тех же Л. Баккаро и С. Хаджабдика[384], которые в принципе отрицают достижение Китаем экспортоориентированного роста, определяя 1995–2008 гг. в качестве периода сбалансированного роста, и (2) И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[385] которые, напротив, лишь на основании качественного анализа экономической политики считают экспортоориентированный рост в качестве константы для почти тридцатилетнего периода с 1980 по 1998 год. Подход, основанный на двухмерном анализе структуры экономического прироста и стратегических документов, обладает большей аналитической чувствительностью. Кроме того, он позволил отказаться от универсализации единой модели роста для длительных временных интервалов, что позволяло выявлять последовательную трансформацию доминирующих моделей и фиксировать их изменения как между десятилетиями, так и в рамках отдельных десятилетних периодов.

2.2. Эволюция модели экономического роста Индии

Индия представляет собой особый тип модели экономического развития смешанного типа, что в значительной степени обусловлено сочетанием черт развитых капиталистических, социалистических и развивающихся стран, т.е. трех миров (третьего, второго и первого)[386].

Первый высокоразвитый мир проявляется в развитии частного сектора, преобладании в структуре экономики сферы услуг, особенно стремительном развитии финансовых услуг и рынка ценных бумаг, а также крупных высокотехнологичных производств и квалифицированных услуг (программистских, инжиниринговых, банковских, управленческих, бухгалтерских, юридических, лизинговых, консалтинговых, аудиторских и иных деловых и информационных услуг), обеспечивающих рост экспорта.

Второй мир проявляется в активной деятельности государства в области развития инфраструктуры и социального развития, поддержки малого и среднего

---

[384] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

[385] Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.

[386] Гринин Л.Е. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире / Л.Е. Гринин // Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование стран БРИКС: Предварительные результаты. М. : Красанд, 2014. С. 246–276.

предпринимательства, повышении уровня и качества жизни. Данный вектор трансформируется в инвестиционный и потребительский (на ближайшие 10–15 лет) драйверы экономического роста страны. При этом третий мир предполагает борьбу с бедностью, обеспечение доступа к базовым социальным услугам и долгосрочную реализацию уникального демографического потенциала страны, и трансформируется в большей степени в потребительский компонент экономического развития на горизонте 20–30 лет.

Главным рычагом индийской модернизации на протяжении всего периода независимого развития оставалось государство, причем если на этапе широкомасштабной индустриализации оно являлось непосредственным участником всех хозяйственных процессов, то с началом политики либерализации система государственного капитализма претерпела существенные изменения. Руководствуясь принципом «minimum Government, maximum governance», правительство сохранило за собой роль «включенного наблюдателя», призванного создавать подходящие условия для качественной деловой среды и обеспечивать все необходимые общественные блага и инфраструктуру для поддержания частной инициативы и конкуренции[387].

Данная особенность предопределяет и динамику, и структуру экономического роста страны. Индия никогда не следовала экспортоориентированной модели экономического роста, поскольку, с одной стороны, высокая численность населения на всех этапах развития обеспечивала существенный вклад частного потребления в темпы прироста ВВП, а с другой, в условиях расширения внешней торговли импортные потоки превышали экспортные поступления, что обеспечивало хронический дефицит торгового баланса. Важнейшим принципом экономической политики государства во все периоды оставалась ориентация на внутренний рынок и стимулирование потребительского спроса.

В 1970–1980-е гг. модель экономического развития страны опиралась исключительно на потребительский спрос со стороны домохозяйств: его вклад в общие темпы экономического прироста составлял в среднегодовом исчислении около 70% (см. Рисунок 6 и Таблицу 7). В 1990-е гг. рост, ориентированный на частное потребление, сопровождался ускоренным накоплением инвестиций, а модель тяготела к сбалансированной, движимой внутренним спросом. К 2000-м гг. сформировалась

[387] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. М. : МГИМО-Университет, 2024. 44 с.

сбалансированная модель внутреннего спроса на фоне расширения вклада инвестиций в темпы экономического прироста. Одновременно увеличивался вклад внешней торговли (экспорта) в экономический рост, однако опережающее нарастание импорта приводило к расширению отрицательного сальдо торгового баланса страны. После Глобального финансового кризиса сохранялась прежняя модель, движимая внутренним спросом с ростом частного потребления при сохранении высокого вклада капитала. Одновременно ключевыми факторами восстановления экономики страны после беспрецедентного падения в 2020 г. стали инвестиции и экспорт, хотя превалирующий импорт по-прежнему содействовал расширению дефицита торгового баланса.

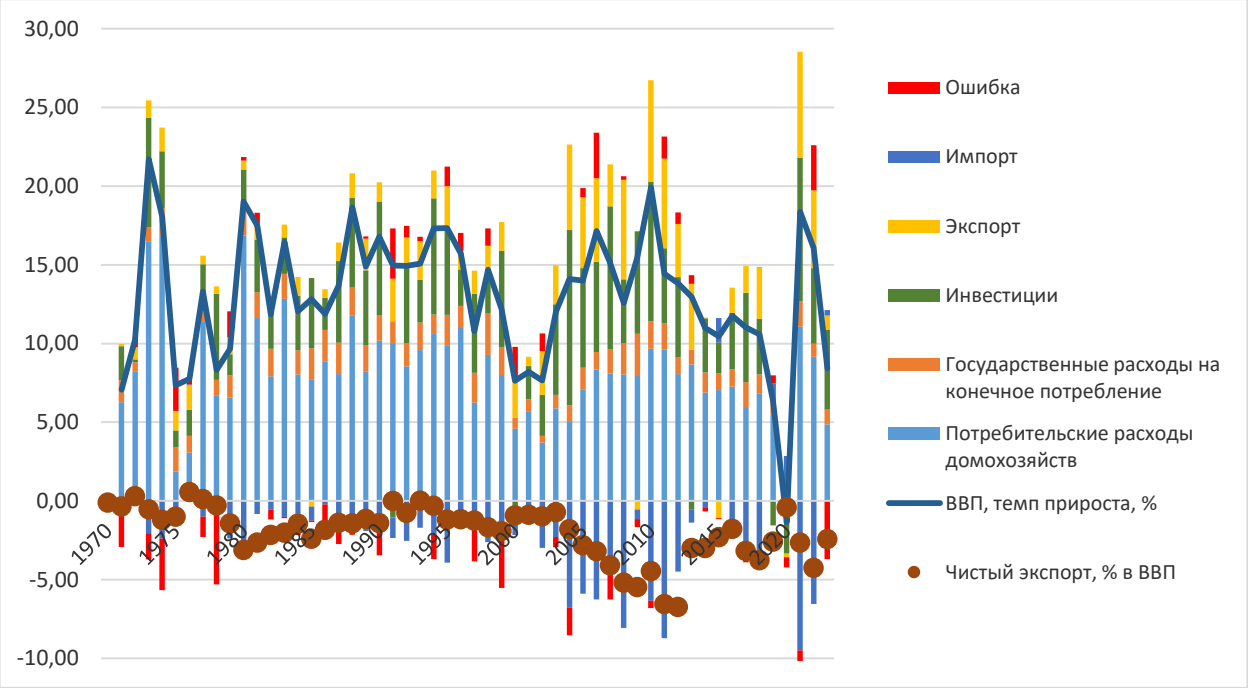

Рисунок 6 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Индии, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в индийских рупиях для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 7 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Индии, %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) Потребительские расходы домохозяйств; (3) Государственные расходы на конечное потребление; (4) Инвестиции; (5) Экспорт; (6) Импорт; (7) Ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	82,58	70,76	11,82	24,75	8,96	-9,56	-6,73

1980-1989	80,13	67,85	12,28	24,95	6,15	-7,52	-3,71
1990-1999	74,08	62,31	11,78	28,90	12,88	-14,30	-1,57
2000-2009	62,89	53,05	9,84	39,20	26,37	-30,89	2,43
2010-2019	74,32	63,63	10,69	25,15	17,74	-18,51	1,30
2020-2023	66,68	58,39	8,29	46,58	26,08	-29,44	-9,89

Примечание: * Для избежания искажений из расчета был исключен 2020 год беспрецедентного падения темпов экономического роста страны.
Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в индийских рупиях для нивелирования курсовых колебаний).

В 1950–1970-е гг. постколониальная Индия следовала модели импортозамещения, формирования системообразующих секторов промышленности и постепенного наращивания производительности труда. Первый пятилетний план (1951–1956) был нацелен на формирование первичного сектора экономики при активной роли государства, развитие сельского хозяйства и формирование базовой ирригационной и энергетической инфраструктуры. Второй пятилетний план (1956–1961) вместе с принятой в 1956 г. Резолюцией о промышленной политике заложили основу индустриализации страны, формированию крупных государственных предприятий в тяжелой и базовой промышленности (металлургия, энергетика), развитию железнодорожной и энергетической инфраструктуры. Третий пятилетний план экономического развития страны (1961–1966) реализовывался в условиях войн (с Китаем в 1962 г. и Пакистаном в 1965–1966 гг.) и проблем нехватки продовольствия, и акцент был сделан на дальнейшее развитие сельского хозяйства и оборонную промышленность. В результате к середине 1960-х гг. в Индии сформировалось структурное индустриальное ядро в виде тяжелого машиностроения и металлургии, производства строительных материалов, нефтехимии, сектора электроэнергетики и проч.

Центральным ядром последующих пятилетних планов экономического развития стало социальное и инфраструктурное развитие, акцент на достижение устойчивого экономического роста посредством решения проблем инфляции, рост производства в сельском хозяйстве, строительство инфраструктуры в сельских районах, внедрение программ по улучшению здравоохранения и образования.

К 1980-м гг. стратегия импортозамещения, характеризовавшаяся преобладанием госсектора, жестким регулированием и определенной степенью закрытости, постепенно исчерпала возможности для роста. Жесткая регламентация приводила к росту числа

убыточных предприятий, проблемам платежеспособности на уровне государственных банков, усугублению проблем бюджетного дефицита. Промышленная политика 1980 г. представляла собой первую попытку перехода к более либеральному режиму. Происходило сокращение масштабов лицензирования, а иностранным инвесторам был предоставлен доступ к 34 отраслям[388].

Политика активного стимулирования притока иностранных инвестиций (преимущественно от нерезидентов индийского происхождения) позволила частично профинансировать Шестой пятилетний план (1980–1985), добиться роста производства в промышленности и улучшения инфраструктуры. Седьмой пятилетний план (1985–1989) был нацелен на продолжение либерализации, развитие частного сектора и повышение эффективности государственного.

В начале 1990-х гг. страна осознала исчерпание закрытой и протекционистской экономической модели, нацеленной на импортозамещение и ускорила курс на частичную либерализацию, снятие ограничений в торговле и движении капитала, улучшение делового климата, защиту капитала и развитие финансового рынка (в первую очередь, банковской системы) для расширения потенциала малого и среднего бизнеса. В основу Восьмого пятилетнего плана (1992–1997) был положен переход к либерализации экономики, сокращению уровня государственного вмешательства, расширению программ приватизации, либерализации внешней торговли и движения капитала, в результате чего удалось достичь роста привлеченных в страну иностранных инвестиций.

Однако взятый курс на либерализацию – снятие ограничений для частного сектора, иностранных инвестиций и отмена политики жесткого лицензирования – не означал перехода к экспортоориентированной модели развития по типу стремительно растущих восточноазиатских экономик. Она предполагала поддержку экспортоориентированных производств без приоритизации роста, опирающегося на экспорт, достижение сбалансированного развития, с особым акцентом на решении социальных проблем, развитии инновационной сферы и включении страны в мировое хозяйство. Данная модель либерализации экономики получила название «Делийский консенсус»[389].

Его специфическими чертами стали[390]:

---

[388] Agrawal R. Business Environment (Second Edition). New Delhi : Excel Books, 2002. 196 с.

[389] Почему Индия не Китай? [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-indiya-ne-kitay/ (дата обращения: 3 октября 2025).

[390] Галищева Н.В. «Делийский консенсус»: индийская модель либерализации экономики / Н.В. Галищева // Азия и Африка сегодня. 2014. № 3. С. 2–8.

1) ориентация на ускоренное, но сбалансированное развитие на основе гармоничной внутриэкономической и внешнеэкономической либерализации;
2) решение комплекса социальных проблем, повышение образовательного уровня жизни и сокращение бедности, ликвидация безграмотности с целью развития человеческого потенциала и более эффективного использования трудового ресурса;
3) развитие инновационной сферы и наращивание объемов финансирования НИОКР;
4) активное включение в мировое хозяйство, усиление позиций в международном движении капитала и глобальной торговле;
5) сохранение значимой роли государства в экономической системе (в первую очередь финансовой системе).

Новая промышленная политика (1991) основывалась на следующих ключевых принципах[391]:

- отказ от системы лицензирования в промышленном секторе;
- уменьшение масштабов государственного сектора в экономике;
- ослабление антимонопольного законодательства;
- привлечение ПИИ и иностранных технологий;
- либерализация промышленной политики на местном уровне;
- ослабление валютного законодательства.

Адаптация государственных предприятий к новым рыночным условиям проводилась посредством деинвестирования, продажи правительством своих акций (до 20%), при этом переход государственных предприятий в частный сектор не являлся основной целью[392]. Одновременно на регулярной основе осуществлялось предоставление поддержки микропредприятиям для диверсификации структуры экономики, стимулирования внутренней конкуренции и сокращения масштабов неформального сектора. Особенностью Девятого пятилетнего плана (1997–2002) стало то, что помимо инерционного продолжения политики либерализации и приватизации в его основу была

[391]Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. М. : МГИМО-Университет, 2024. 44 с.
Statement on Industrial Policy 1991. Ministry of Industry, Government of India. July 4, 1991. Режим доступа: https://dpiit.gov.in/sites/default/files/IndustrialPolicyStatement_1991_15July2019.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[392] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. М. : МГИМО-Университет, 2024. 44 с.
Statement on Industrial Policy 1991. Ministry of Industry, Government of India. July 4, 1991. Режим доступа: https://dpiit.gov.in/sites/default/files/IndustrialPolicyStatement_1991_15July2019.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

положена диверсификация экономики, а также развитие сектора услуг и информационных технологий. В основе лежало сочетание социально ориентированной политики (направленной на поддержку социальной сферы и борьбы с нищетой) с нацеленостью на развитие высокотехнологичных производств через систему специальных планов действия (Special Action Plans, SAPs), в т.ч. социальной инфраструктуры, сельского хозяйства, информационных технологий и водной политики. Данная политика была в большей степени направлена на привлечение капиталов, укрепление импортозамещающего ресурса системообразующих базовых секторов экономики и экспортоориентированного потенциала высокотехнологичных отраслей. Именно этот период отличался опережающим ростом сектора информационных технологий, ускорением общих темпов экономического роста (после периода сокращения в 1990-х гг.) и снижения уровня бедности, что в числе прочего стимулировало потребительский спрос.

Начало 2000-х гг. вплоть до Глобального финансового кризиса 2007–2008 гг. можно считать периодом инвестиционно-ориентированного роста на фоне преобладающего торгового дефицита (в условиях общего расширения внешней торговли) и снижения вклада частного потребления в экономический прирост. Последующие пятилетние планы (вплоть до двенадцатого) в большей степени были социально ориентированными и направленными на реализацию неисчерпанного демографического дивиденда Индии[393]. Целеполагание Десятого и Одиннадцатого пятилетних планов (2002–2007 и 2007–2012)[394] было построено вокруг продолжения устойчивого роста экономики с акцентом на улучшение условий жизни, усиление борьбы с бедностью и безработицей, развитие инфраструктуры и социальной сферы. Ключевыми приоритетами стали также обеспечение занятости, расширение доступа к образованию, снижение регионального неравенства, а также обеспечение доступа домохозяйств к финансовым услугам. Плановые показатели экономического роста страны были зафиксированы на сравнительно более высоком уровне (7,6–7,8%) по сравнению с прошлыми периодами[395].

---

[393] Абрамов Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 5. С. 109–117. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117.

[394] India. Planning Commission. Eleventh five-year plan (2007/2012). Planning Commission, Government of India, 370 с. Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/11th_vol1.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
India. Planning Commission. Tenth five-year plan (2002/2007). Planning Commission, Government of India, 1190 с. Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/10th_vol2.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[395] Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. February 2018.

Одним из неотъемлемых элементов стало внедрение с 2004 г. Национальной пенсионной системы и дальнейшее стимулирование занятости через развитие программ кредитования микропредприятий численностью 1–3 человека. Одиннадцатый план делал акцент на расширение инвестиций, в т.ч. за счет внутренних источников через расширение сбережений. Был установлен целевой показатель в 34,8% ВВП для внутренних сбережений и 36,7% ВВП для инвестиций на фоне роста сбережений.

Посткризисный период можно охарактеризовать как возврат к полноценной модели сбалансированного роста, движимого внутренним спросом (одновременно инвестиционным и потребительским компонентами); в государственной политике упор делается на внутреннее потребление как на двигатель роста при поощрении экспорта, ограничении импорта и развитии импортозамещения[396] и одновременно – на ускоренную интеграцию Индии в мировое хозяйство. Несмотря на сохраняющийся курс на либерализацию Индия продолжает осуществлять политику временного протекционизма в целях как защиты внутреннего рынка, так и содействия экспорту (в том числе и посредством субсидирования и предоставления экспортерам налоговых льгот и проч.). Одновременно Правительство ориентировано на создание для индийских компаний благоприятных условий для получения и укрепления технологических преимуществ посредством более быстрого обновления технологий[397].

Двенадцатый пятилетний план (2012–2017)[398] ставил главной задачей противодействовать замедлению роста посредством стимулирования инвестиций, которого планировалось достичь через устранение ограничений в реализации инфраструктурных проектов (особенно в энергетике) и решение налоговых вопросов, негативно влиявших на инвестиционный климат. Правительствлом страны был установлен целевой ориентир: увеличить уровень фиксированных инвестиций до 35% ВВП к концу периода действия плана для возвращения экономики к 9%-му росту. Достижение индикатора предполагало реализацию комплекса мер по оживлению частных и стимулированию государственных инвестиций. Ключевым элементом стратегии было

---

[396] Гринин Л.Е. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире / Л.Е. Гринин // Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование стран БРИКС: Предварительные результаты. М. : Красанд, 2014. С. 246–276.

[397] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. М. : МГИМО-Университет, 2024. 44 с.

[398] India. Planning Commission Twelfth five-year plan (2012/2017) / Planning Commission, Government of India. 370 p. Available at: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/12fyp_vol1.pdf.
FIVE YEAR PLANS. India. Governmet of India. Ministry of Statistics and Programme Implementation. Available at: https://mospi.gov.in/sites/default/files/Statistical_year_book_india_chapters/ch7.pdf.

призвано стать преодоление совокупного ухудшения государственных и корпоративных сбережений.

Помимо задействования внутренних инвестиционных ресурсов Правительство делало ставку и на внешнеэкономическое сотрудничеество. Расширение возможностей технологической кооперации с США, Японией, Израилем, странами ЕС (как поставщиков капитала и передовых технологий) позволило ускорить процесс всесторонней модернизации экономики в рамках модели глобализации 2.0. С 2015 г. реализуется Digital India – инициатива по развитию цифровой инфраструктуры, государственных услуг через Интернет и расширению доступности Интернета для всех граждан, а также Программа Smart Cities – Инициатива по развитию умных городов с использованием современных технологий для улучшения качества жизни и устойчивого урбанистического роста.

Благодаря ускоренному развитию информационных технологий Индия стала первой страной, в которой начали предоставлять цифровые общественные блага: среди них крупнейшая в мире система биоидентификации граждан и резидентов (Aadhaar), национальная платежная система UPI (Unified Payments Interface), государственная торговая площадка GeM (Government e-market), всеиндийский электронный сельскохозяйственный торговый портал eNAM (National Agricultural Market) и многие другие сервисы и платформы[399]. Реализуемая Политика в области науки, технологий и инноваций 2013 г.[400] в качестве ключевых целей ставит расширение расходов на НИОКР, формирование сильной научной, исследовательской и инновационной системы на базе высоких технологий.

Ускоренными темпами идет процесс либерализации движения капитала (с условиями локализации производства). Правительство открыло иностранному капиталу доступ почти ко всем отраслям хозяйства; для ряда отраслей возможно автоматическое инвестирование без получения предварительного одобрения индийского правительства (согласно принятой с 2020 г. Консолидированной политике в области прямых иностранных инвестиций к их числу относятся инвестиционные компании и страхование, недвижимость, горнодобывающая промышленность, электронная коммерция)[401]. В 2014

[399] Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. М. : МГИМО-Университет, 2024. 44 с.

[400] Science, Technology, and Innovation Policy 2013. Ministry of Science & Technology, Government of India. Режим доступа: https://dst.gov.in/sites/default/files/STI%20Policy%202013-English.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[401] Consolidated FDI Policy 2020. Department for Promotion of Industry and Internal Trade, Ministry of Commerce & Industry. Government of India. Режим доступа: https://static.investindia.gov.in/2020-10/FDI-PolicyCircular-2020.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

г. стартовала реализация программы Make in India, направленной на повышение уровня развития производственного сектора и привлечение иностранных инвестиций для создания новых рабочих мест и улучшения экономической устойчивости. Параллельно с 2020 г. в процессе реализации находится Инициатива Atmanirbhar Bharat по стимулированию самодостаточности Индии через развитие внутреннего производства и снижение зависимости от импорта.

Тринадцатый пятилетний план (2017–2022) подчеркивал снижение темпов глобального роста и низкие «перспективы увеличения поглощения экспорта из менее развитых стран развитыми капиталистическими экономиками»[402], что вывело на передний план задачи, связанные с повышением эффективности и стимулирования внутреннего экономического ресурса. Ключевыми задачами стали преодоление дисбалансов в индийской фискальной системе, проявляющихся в механизме распределения ресурсов между центром и штатами; необходимость трансформации доходов; укрепление и модернизация производственных секторов экономики; расширение занятости в различных секторах с акцентом на создание рабочих мест для образованной молодежи; укрепление и модернизация государственного образования и здравоохранения; развитие сети мер социального обеспечения и реформ.

При этом цивилизационная особенность индийского общества проявляется в том, что «индийцы демонстрируют многие особенности поведения, характерные для среднего класса, несмотря на их гораздо более низкий уровень потребления и дохода»[403]. В отличие от других азиатских государств (в частности, Китая), страна обладает более высокой эластичностью потребления по доходам и диверсифицированной ее структуры. Новый индийский средний класс отличается существенно более низкой дневной нормой потребления (от 2–4 до 6–10 долларов в день)[404], при этом его верхние страты отличает хорошее высшее образование, соответственно, представители этой категории – инженеры, работники IT-индустрии, банковского и финансового секторов, образования, науки и здравоохранения, малый и средней бизнес. Опережающая динамика расширения

---

[402] India. Planning Commission. Thirteenth Five-Year Plan 2017-22. 259 с. Режим доступа: https://spb.kerala.gov.in/sites/default/files/2021-09/13PlanEng.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[403] Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries. Global Development Outlook. January 2010. 61 с.
[404] Abhijit V. Banerjee, Duflo Esther. What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? The Journal of Economic Perspectives, 2008, Spring, vol. 22, № 2, P. 3–28.

среднего класса в сельских районах по сравнению с городскими ведет к увеличению доли в новом среднем классе фермеров и строителей[405].

В рамках Четырнадцатого пятилетнего плана (2022–2027)[406] правительство продолжит приоритизировать развитие человеческого потенциала через систему социальных расходов (здравоохранение, образование и жилищное строительство), социального обеспечения, в т.ч. социальной и гендерной справедливости. Опорные конструкции плана – достижение высокого уровня (квалифицированной) занятости, высокой производительности и высокого уровня дохода. План также сосредоточен на развитии сектора информационных технологий как основного компонента экономики знаний, реализации ключевых инфраструктурных проектов в сфере энергетики, транспорта, дорог, портов и промышленных коридоров для ускорения экономического роста. Документ опирается на решение задач устойчивого и инклюзивного развития, включая проблемы изменения климата, борьбы со стихийными бедствиями, защиты прибрежных зон, развития биоразнообразия и сохранения окружающей среды. Особое внимание уделяется гендерным проблемам и потребностям в развитии представителей зарегистрированных каст и племен.

Таким образом, проведение социально ориентированной политики, стремительный рост нового среднего класса, сравнительно более высокая эластичность потребления по уровню дохода, помноженная на численность и преобладание молодого населения, обеспечивает стране колоссальный долгосрочный потребительский ресурс и возможность устойчивого перехода к модели роста, движимого частным потреблением.

Таким образом, настоящее исследование подчеркивает, что модель экономического развития Индии никогда не была экспортоориентированной, в отличие от результатов Дж. Фелипа и Дж. Лима[407], которые для всего тридцатилетнего периода 1973–2003 гг. универсальной моделью для Индии считали рост, движимый потреблением и экспортом, Т. Малхотра и Д. Кумари[408] или М. Ислама[409], которые пришли к выводу о

---

[405] Абрамов Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 5. С. 109–117. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117. С 114-115.

[406] India. Planning Commission. Fourteenth Five-Year Plan 2022-27. 338 с. Режим доступа: https://spb.kerala.gov.in/sites/default/files/inline-files/14th%20Five%20Year%20Plan%2022-27%20English.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[407]Felipe J., Lim J. Export or Domestic-Led Growth in Asia? / J. Felipe, J. Lim ADB. ERD Working Paper № 69. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[408]Malhotra N., Kumari D. Revisiting Export-Led Growth Hypothesis: An Empirical Study on South Asia / N. Malhotra, D. Kumari // Applied Econometrics and International Development. 2016. Vol. 16. № 2. P. 157–168.

[409]Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied

длительной экспортоориентированности лишь на основании доказанного значимого положительного влияния экспорта на экономический рост в стране. Полученные результаты в большей степени согласуются с выводами Х. Кима[410], писавшем о росте, движимом внутренним потреблением в 2012–2016 гг., и Л. Баккаро и С. Хаджабдика[411], которые в 1995–2008 гг. выделяли модель, движимую внутренним спросом с последующим укреплением модели, движимой внутренним потреблением (в 2009–2018 гг.).

2.3. Эволюция модели экономического роста Республики Корея

Республика Корея на протяжении почти всего исследуемого периода придерживалась экспортоориентированной модели экономического роста, хотя в последние десятилетия на фоне падения внешнего спроса, внутренних демографических проблем и снижения факторной эффективности, что стало причиной замедления темпов экономического роста страны, модель оказалась менее устойчивой.

Корейская модель экономического развития обусловлена сочетанием ряда внешних геополитических и внутренних факторов, связанных с особенностями проводимой экономической политики на разных временных отрезках, а также спецификой цивилизационного ресурса нации. Структура экономического роста страны по компонентам ВВП представлена на Рисунке 7 и в Таблице 8.

Economics. 1988. Vol. 30. P. 415–425.

[410] Kim Hae. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 2–8.

[411] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

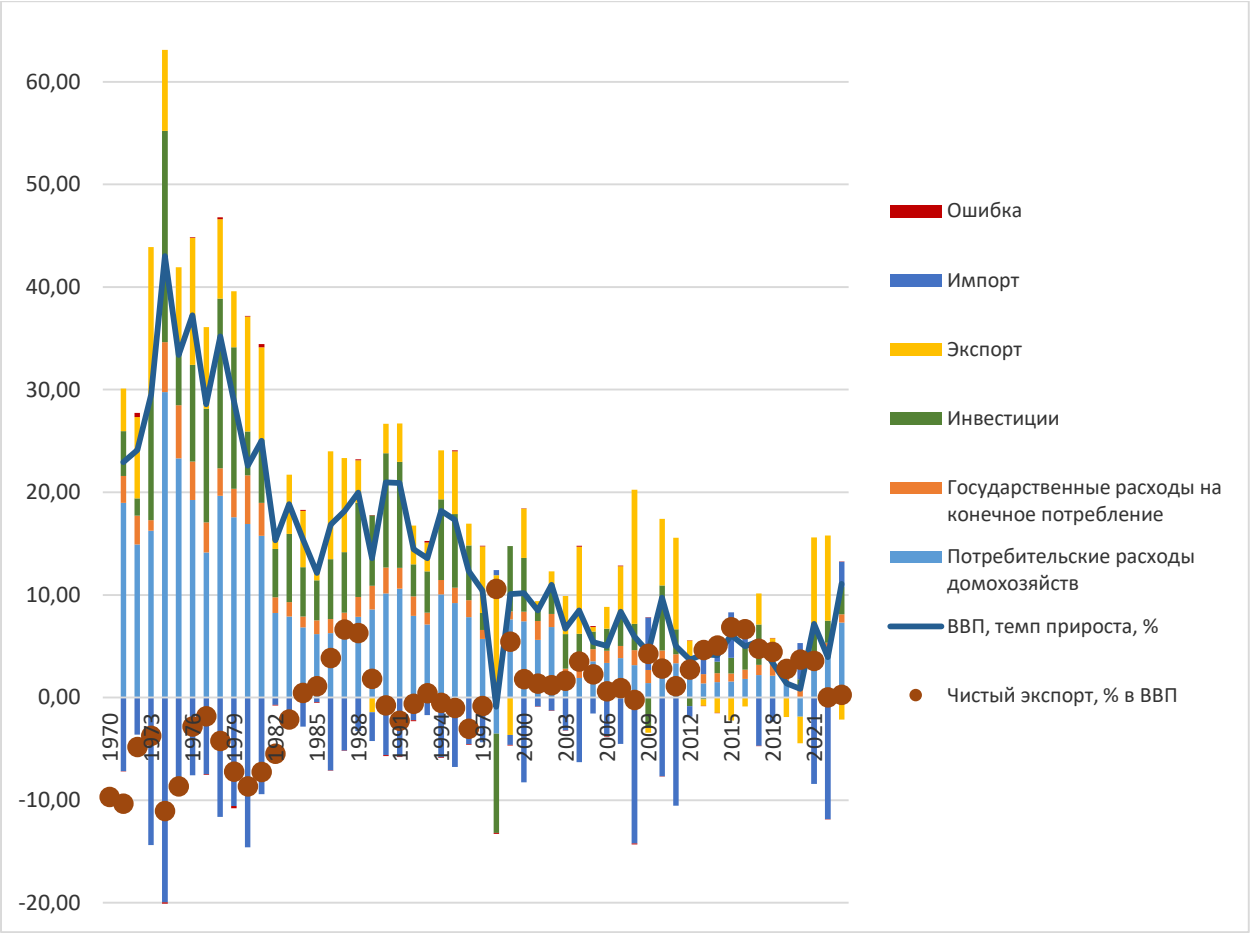

Рисунок 7 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Республики Корея, пп., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в южнокорейских вонах для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 8 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Республики Корея, %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	71,95	61,83	10,11	32,27	27,11	-31,45	0,12
1980-1989	61,82	50,57	11,25	33,63	29,55	-25,14	0,14
1990-1999	66,49	56,57	9,92	40,03	20,39	-26,82	-0,08
2000-2009	71,09	53,34	17,75	36,88	61,14	-47,79	0,06
2010-2019	75,15	48,24	26,91	29,33	19,81	-24,26	-0,03
2020-2023	89,86	69,40	20,46	39,12	103,50	-132,20	-0,28

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены 1998, 2009 и 2020 гг. беспрецедентного падения темпов экономического роста страны.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в южнокорейских вонах для нивелирования курсовых колебаний).

Формированию устойчивой экспортоориентированной модели роста предшествовали период импортозамещения (1954–1960), когда значимый вклад в развитие вносил фактор иностранной помощи. Этот период также был сопряжен с созданием инфраструктуры и накоплением физического и человеческого капитала. Начало 1960-х гг. стало периодом мощного институционального строительства и становления системы экономического планирования. Был создан Совет экономического планирования, функции которого состояли в разработке всеобъемлющих планов национального развития, управлении инфляцией и внешней экономической политикой. Важным шагом стало проведение бюджетной реформы, основанной на внедрении новой системы бюджетирования с применением компьютерных технологий.

Сильное государственное вмешательство в рамках экономического планирования, иерархичность структур и политическая стабильность обеспечили высокую эффективность государственной политики, ориентированной на индустриализацию, создав мощную промышленную основу для реализации экспортоориентированной модели экономического роста. Одновременно проводимая импортная политика была сосредоточена на импорте сырья и квалифицированной рабочей силы, способствующем технологическому переоснащению промышленного сектора.

Экономический рост по-прежнему в значительной степени зависел от иностранного капитала. Южнокорейская промышленость в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в значительной степени опиралась на государственные и коммерческие кредиты Франции, Италии и Германии. Основа экспортоориентированной модели роста фактически была заложена с момента реализации Первого пятилетнего плана (1962–1966), который был ориентирован на индустриализацию с акцентом на создание базы для тяжелой промышленности (развитие сталелитейной, судостроительной) и текстильной отраслей, строительство инфраструктуры, а также привлечение иностранных инвестиций и расширение экспорта. В результате сформировался экспортный сектор, способствовавший росту экономики страны. Второй пятилетний план (1967–1971) был нацелен на укрепление экспортного сектора, развитие промышленности (приоритетно машиностроения и химической промышленности), сельского хозяйства, энергетической

и транспортной инфраструктуры. Важной частью Третьего и Четвертого пятилетних планов (1972–1976 и 1977–1981) помимо продолжения индустриализации стало стимулирование технологического прогресса и повышения квалификации рабочей силы, что укрепляло экспортный потенциал страны, движимый крупными национальными промышленными компаниями.

В результате 1970–1980 гг. характеризовались быстрой индустриализацией, высокими темпами роста и постепенными социальными преобразованиями. К 1970-м гг. сформировались мощные сектора тяжелой и химической промышленности, на долю которых приходилось около половины экспорта страны[412]. Эти отрасли послужили основой развития более технологичных нефтехимической, судостроительной, автомобильной и электротехнической отраслей. Одновременно развивалось строительство скоростных дорог. Вследствие бурной индустриализации коэффициент финансовой самообеспеченности корейского правительства достиг 94% к 1970 году (менее 50% в 1950 г.), а процент налоговых поступлений увеличился до 75,1% в 1970 году[413]. Удержание заработных плат на низком уровне в сочетании с поддержанием реального валютного курса и государственными субсидиями обеспечили высокую ценовую конкурентоспособность южнокорейской продукции. Это, в свою очередь, привлекало дополнительные инвестиции и вело к ускорению накопления капитала, которые в конце 1970-х – 1980-х гг. обеспечивали до 40% экономического прироста страны (за исключением кризисного 1980 г.).

Индустриальная мощь страны основывалась на функционировании крупных компаний-конгломератов династийного типа – «чеболей». К числу четырех системообразующих чеболей корейской экономики относятся Hyundai Motor Company, SK Group, Samsung и LG. Эффективность чеболей во многом обеспечивалась государственной поддержкой (государственные кредиты, смягчение регулирования и налоговые льготы) и вливаниями внешних средств. Чеболи функционировали на основе патерналистской модели в тесном взаимодействии с государством, которое возлагало на них дополнительную социальную функцию: конгломераты занимались строительством транспортной и социальной инфраструктуры «в обмен» на выгодные контракты со стороны правительства. Позднее государство начало поощрять отраслевое разветвление

[412] Lajčiak M. South Korean Development Model // Journal of International Analytics. 2016. № 3. С. 74–84. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-3-.
[413] Ibidem.

компаний – формирование сети дочерних юридических лиц в иных отраслях (финансовых, телекоммуникационных и проч.).

К началу 1980-х гг. Республика Корея стала одной из ведущих новых индустриальных стран в Азии и постепенно начала переходить к снижению государственного вмешательства в экономику и поощрению развития конкурентного рынка. Происходил процесс отмены субсидирования и льготных кредитов, снятия импортных ограничений. Однако процесс либерализации импорта носил крайне осторожный и поступательный характер. Важным компонентом Пятого пятилетнего плана (1982–1986) стало включение стратегий повышения конкурентоспособности корейских товаров на международных рынках.

Конец 1980-х гг. ознаменовался переходом к демократической модели развития и сопряженным с ней ускорением процесса либерализации. Шестой пятилетний план (1987–1991) был сосредоточен на развитии сферы услуг, инновационных технологий и повышении квалификации рабочей силы, результатом чего стало повышение роли сектора услуг в экономике. Его основой стал курс на либерализацию внешней торговли и расширение инвестиций в образование и научные исследования. Укрепление профсоюзов, способствовавшее повышению заработных плат, привели к утрате ключевого фактора ценовой конкурентоспособности южнокорейской продукции на внешних рынках. В условиях стагнации экспорта и роста сырьевых цен состояние экономики становилось все более уязвимым.

В рамках продолжающегося курса на либерализацию и интеграцию в международные экономические структуры Седьмой пятилетний план (1992–1996) делал ставку на развитие новых технологий, в первую очередь информационных, а также повышение социальной мобильности. В начале 1990-х гг. темпы экономического роста замедлились, а потребление обеспечило больший вклад в экономический прирост. Дальнейшее накопление капитала (в т.ч. иностранного) к середине 1990-х гг. стабилизировало экономику, однако уязвимость усугублялась высоким уровнем долга, накопленного крупными конгломератами для финансирования их стремительного расширения и диверсификации в предшествующие годы. По оценкам экспертов, долг крупных компаний достиг более 500% по отношению к их активам[414]. Восьмой

[414] Lajčiak M. South Korean Development Model // Journal of International Analytics. 2016. № 3. С. 74–84. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-3-.

пятилетний план (1997–2001) закрепил Стратегию преодоления азиатского финансового кризиса 1997 г. и был сфокусирован на реструктуризации экономики, поддержке малого и среднего бизнеса и укреплении финансовой системы.

Новая корейская модель была сформирована на основе двух ключевых принципов: адаптации к тенденциям глобализации и ускоренной информатизации и технологического развития. Развитие информационно-коммуникационных технологий и внедрение инноваций дало новый толчок южнокорейской экономике, развитию высокотехнологичных технологий (полупроводников отрасли, беспроводной микроэлектроники и проч.), что поддержало экспортоориентированную модель роста нового, инновационного типа.

К 2000-м гг. Республика Корея стала крупнейшим в мире производителем полупроводников и смартфонов, вторым по величине в судостроении, пятым по производству автомобилей и шестым по производству стали. Инновации становятся движущей силой экономики: инвестиции в НИОКР составляют 4,3% ВВП, что является самым высоким показателем среди стран ОЭСР[415].

Начиная с Девятого пятилетнего плана (2002–2006), в философии экономического роста, движимого инновациями, начал укрепляться акцент на развитие «зеленых» технологий, создание устойчивой и экологически чистой экономики. Развитие общества знаний и технологий, устойчивое развитие, усиление инновационного потенциала фактически продолжало соседствовать с традиционной нацеленностью на интеграцию корейской экономики с мировыми рынками и высокое значение внешнего компонента в экономическом росте страны. В 2007 г. был принят Закон о содействии социальному предпринимательству, относивший к категории социального предпринимательства компании, предоставляющие услуги социального характера проблемным группам населения и способствующие повышению качества их жизни.

В период после Глобального кризиса был принят ряд программ, составляющих основу текущего стратегического экономического планирования в Республике Корея, в т.ч.:

[415] Lajčiak M. South Korean Development Model // Journal of International Analytics. 2016. № 3. С. 74–84. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-3-.

1. «План нового роста» (New Growth Engines Plan) – Программа, направленная на развитие новых индустриальных секторов, таких как биотехнологии, робототехника, искусственный интеллект и возобновляемая энергетика.
2. «План по укреплению инновационного потенциала» (Innovation-driven Growth Plan) – Стратегия, ориентированная на стимулирование роста через инновации, повышение технологической конкурентоспособности и развитие стартапов.
3. «Реализация политики зеленой экономики» – включает переход к экологически чистым технологиям и развитию устойчивых источников энергии, таких как солнечная и ветровая энергия.
4. «План для цифровой экономики» – нацелен на развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровой грамотности и внедрение технологий больших данных, искусственного интеллекта и интернета вещей (IoT).
5. «План поддержки индустрии 4.0» – программа модернизации производства с использованием передовых технологий, таких как роботизация, 3D-печать, искусственный интеллект и блокчейн.

В период 2013–2017 гг. правительство страны делало ставку на формирование новой экономической парадигмы, основанной на высоких технологиях и инновациях. Опорным элементом стал выпущенный в 2013 г. План по реализации креативной экономики, который опирался на три ключевые цели: стимулирование инноваций как инструмента создания новых рынков и рабочих мет; развитие «креативного» общества (интеллектуального капитала), продвижение страны как глобального инновационного центра. Одновременно был принят Базовый план по развитию науки и технологий (2013–2017 гг.), нацеленный на расширение финансирования НИОКР, стратегическое развитие передовых технологий, в т.ч. в сферах энергетики, здравоохранения, телекоммуникаций и «зеленых» технологий, а также развитие малого и среднего предпринимательства[416].

В 2015 г. была озвучена Дорожная карта по переходу к креативной экономике – Программа «Производство инноваций 3.0», опирающаяся на технологии Интернета вещей (IoT), развитие сетей 5G и создание производственной экосистемы, способной

[416] См.: Korea Federation of SMEs (KBIZ). Regulatory Reform Satisfaction Survey. 2015. Режим доступа: www.kbiz.or.kr/user/nd18095.do?pagest=contents&pagesv=%eb%b0%95%ea%b7%bc%ed%98%9c&page=2&pagesc=regdate&pageso=desc&dmltype=select&boardno (дата обращения: 3 октября 2025). Reliable Ministry of Government legislation. Framework Act on Small and Medium Enterprises. 2016. Режим доступа: http://law.go.kr/eng/englssc.do?menuid=1&query=framework+act+on+small+and+medium+enterprises&x=0&y=0#libgcolor11 (дата обращения: 3 октября 2025).

обеспечить выпуск новых продуктов – от автономных транспортных средств до медицинской робототехники[417]. Особое внимание в рамках реализации Программ уделялось развитию инфраструктуры поддержки инноваций через функционирование специализированных центров креативной экономики и инноваций, основанных на кооперации государства, крупного бизнеса и МСП.

Таким образом, в посткризисный период правительство Республики Корея делало ставку на экспортоориентированную модель роста, основанную на модернизации промышленности, инновациях и высоких технологиях, при этом важная роль в достижении заявленных целей отводилась малым и средним предприятиям для стимулирования новых точек роста внутри страны.

Инерционная ориентированность на внешние рынки, глубокая интеграция южнокорейской индустрии и сферы услуг в мирохозяйственные связи в условиях пандемии, ослабления внешнего спроса и срывов сроков поставок и выполнения договорных обязательств привели к резкому снижению темпов производственных процессов и устойчивости кооперационных отношений[418]. Правительство страны продолжило курс на поддержку развития высокотехнологичных отраслей. Ставка была сделана на развитие стартапов и поддержку венчурного капитала[419], а также системы социального предпринимательства. После 2020 г. помимо сохраняющегося экспортоориентированного курса, основанного на инновациях и поддержке МСП, правительство активизировало направление, связанное с совершенствованием социальной политики. Инерционный экспортоориентированный курс в приоритетах власти стал в большей степени балансироваться нацеленностью на укрепление социально-экономического потенциала общества внутри страны.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода в Республике Корея за экспортоориентированностью на уровне стратегических целей (1970–1990-е гг.) следовало реальное достижение модели экспортоориентированного роста (в конце 1990-х – 2000-х гг.) с последующим возвращением к сбалансированной модели. Такая

---

[417] Лешакова Н.П. Государственное регулирование инновационного развития Республики Корея // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7, № 2. С. 161–174. DOI: 10.18334/vinec.7.2.38114.

[418]Федоровский А.Н. Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 204–218. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12.

[419] Startups Offer a Different Future for South Korea’s Economy // The Economist. 2020, April 8. Режим доступа: https://www.economist.com/special-report/2020/04/08/startups-offer-a-different-future-forsouth-koreas-economy (дата обращения: 3 октября 2025).

динамика подтверждает ранее полученные выводы Т. Пэлли[420], И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[421] которые на основании качественного анализа принципов экономической политики делают выводы об экспортоориентированной модели в 1970–1985 гг., не учитывая, однако, при этом реальную структуру экономического роста. Реальная же экспортоориентированность в 2000-е гг. в полной мере подтверждается и исследованием МВФ[422] (2000–2010) и частично результатами расчетов Дж. Фелипа и Дж. Лима[423], которые, однако, как и в случае с иными странами экстраполируют модель в качестве универсальной для тридцатилетнего периода 1973–2003 гг., что, однако, нельзя считать корректным, учитывая значимые сдвиги и в принципах государственного планирования, и в структуре роста в течение этого периода. При этом наиболее близкими к данному исследованию оказались выводы Л. Баккаро и С. Хаджабдика[424], которые, во-первых, проводили соответствующий анализ для двух периодов, водоразделом которых выступил Глобальный финансовый кризис, а во-вторых, выявили важное изменение тренда с модели, движимой преимущественно экспортом (и частично потреблением в 1990-е гг.) в 1995–2008 гг. и в направлении сбалансированной модели роста – в 2009–2018 годах.

2.4. Эволюция модели экономического роста Японии

Японская модель стала уникальной моделью экономического развития, по сути представлявшей собой первый прототип восточноазиатской модели, заложившей основу для ее последующего тиражирования другими государствами региона. В 1960–1980-е гг. Япония создала специфическую экономическую модель с высокими темпами промышленного роста, оригинальным типом управления и системой организации производства. «Японское экономическое чудо» основывалось на уникальных механизмах государственного управления рыночной экономикой, сочетающей традиционную

[420]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.
[421]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.
[422]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[423]Felipe J., Lim J. Export or Domestic-Led Growth in Asia? / J. Felipe, J. Lim ADB. ERD Working Paper № 69. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
[424]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

систему организации хозяйств с политикой стимулирования государством инновационной активности корпораций[425].

Вплоть до середины 1980-х гг. Япония следовала сбалансированной модели роста, движимой внутренним спросом, – частным потреблением домохозяйств и инвестициями, – накапливая при этом профицит счета текущих операций. К концу 1980-х гг. вклад инвестиций в прирост существенно расширился, в то время как положительное сальдо начало сокращаться вследствие снижения темпов прироста экспорта страны. В период рецессии 1990-х гг. незначительные темпы прироста обеспечивались в наибольшей степени потреблением (на фоне инвестиционного оттока и неустойчивого экспорта), причем гораздо более существенная доля прироста обеспечивалась государственным потреблением. Небольшой рост в начале 2000-х гг. обеспечивался преимущественно расширением экспортного потенциала и переходом к экспортоориентированной модели, однако в результате Глобального финансового кризиса страна снова погрузилась в рецессию. После 2010 г. модель экономического роста отличалась высокой нестабильностью. Периоды относительно высокого вклада экспорта в структуру экономического прироста сопровождались приростом частного потребления и инвестиций, однако опережающий рост импорта не позволял перейти к сбалансированной модели, которая была достигнута только в период 2016–2018 гг., а общие темпы роста ВВП оставались низкими. В то же время в годы кризиса и посткризисного восстановления (и в 2009–2010-е, и в 2021–2022 гг.) наибольший вклад дает экспорт, а в 2022 г. еще и частный спрос на фоне эффекта низкой базы (см. Рисунок 8 и Таблицу 9).

[425] Агабеков С.И., Левина Е.А. Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // Экономика и социум. 2016. № 11. С. 141-158.

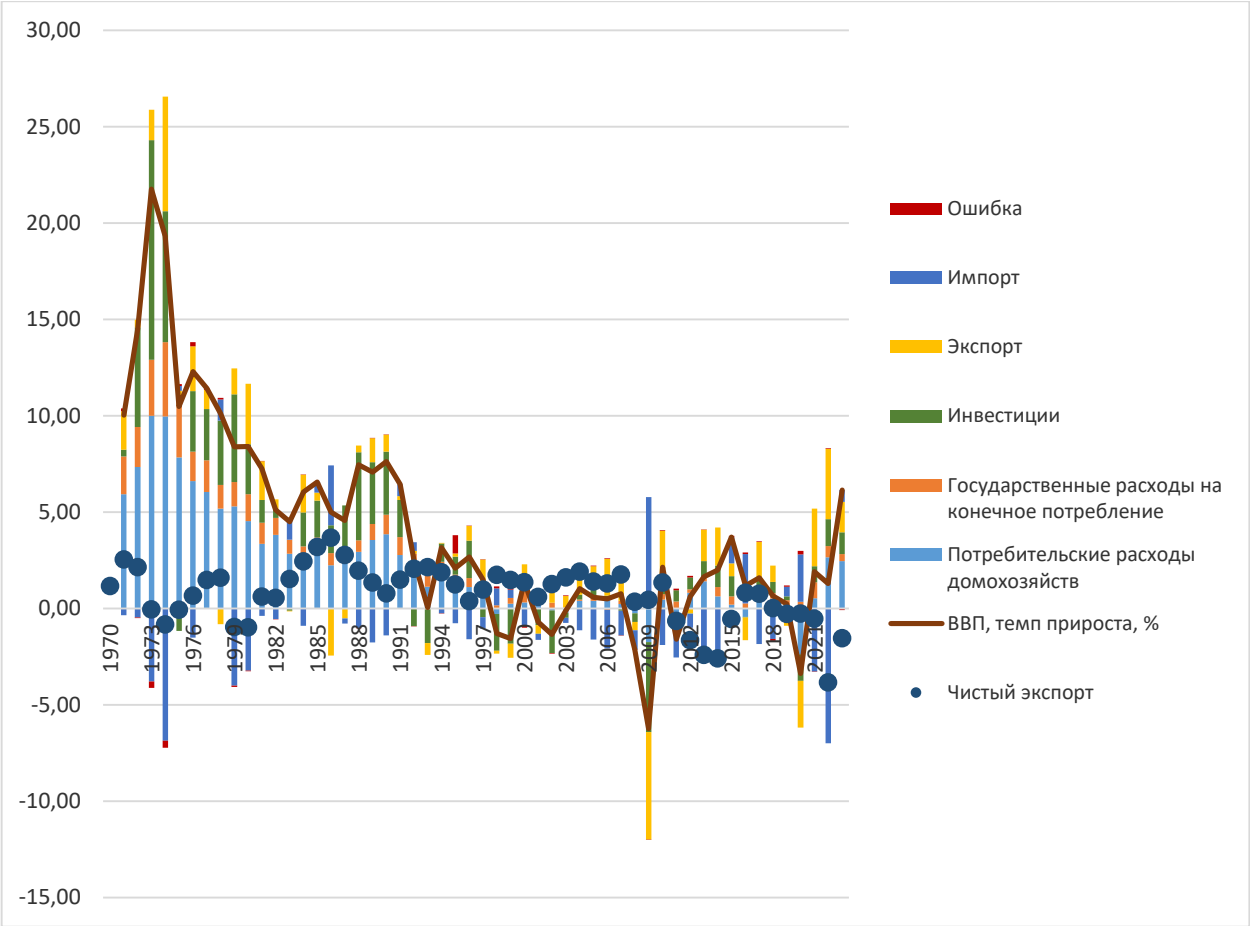

Рисунок 8 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Японии, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в японских йенах для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 9 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Японии, %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	68,69	53,55	15,15	32,87	12,03	-13,63	0,04
1980-1989	64,43	51,49	12,94	29,97	7,56	-1,93	-0,03
1990-1999	70,77	55,99	21,50	21,91	19,95	-19,35	6,72
2000-2009	67,23	51,74	15,79	36,12	200,29	-203,95	0,30
2010-2019	72,11	36,74	38,81	53,84	10,47	-39,85	3,43
2020-2023	107,62	85,68	20,84	52,65	133,91	-193,13	-1,05

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1975, 1993, 1998, 1999, 2001–2003, 2009, 2011, 2019.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в японских йенах для нивелирования курсовых колебаний).

Процесс послевоенного восстановления японской экономики в 1950–1960-х гг. был определен выбранным курсом на экспортоориентированнную индустриализацию, для которого важнейшим экспортным рынком и одновременно источником технологий и капитала стали США. Ключевыми опорами экономической политики в этот период были (1) широкая реализация человеческого потенциала с опорой на международный научно-технический и хозяйственный опыт и инновационные разработки, и (2) политика протекционизма отечественного производства.

Особенностью системы стратегического планирования Японии являлось параллельное осуществление общегосударственных планов социально-экономического развития страны, разрабатываемых на основе «общенационального согласия» (при участии бизнеса, академических кругов, исследовательских и потребительских организаций, общественных корпораций и профсоюзов) и учитывающих интересы всех слоев населения[426], а также долгосрочных государственных программ, утверждаемых на основе Закона о комплексном развитии территории страны (1950 г.) и носящих законодательный характер[427].

В основу Пятилетнего плана экономического самообеспечения (1956–1960 гг.) и Нового долгосрочного экономического плана (1958–1962 гг.) было положено стремление к достижению экономической независимости, максимизации экономического роста, повышению уровня жизниобеспечения и полной занятости. Государство использовало комплексный набор экономических инструментов для стимулирования инновационных разработок и их внедрения в промышленное производство – схемы льготного кредитования, налогового стимулирования, амортизационных льгот, премий, моральной и материальной заинтересованности менеджмента на предприятиях. В 1950-е гг. наиболее высокой производительностью труда и устойчивыми финансовыми показателями обладали компании, ориентированные на приобретение иностранных технологий. В

[426] Konichi T. Japan: Planning Through National Consensus // Work in Business United Nations University. Tokyo, 1987. Vol. 10, May. P. 7.

[427] Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии / В. Хлынов // Критика российских реформ отечественными и зарубежными экономистами. Проблемы теории и практики управления. 1997. № 2.

последующем на базе высших учебных заведений создавались лаборатории, научно-исследовательские сектора и техноцентры[428], ориентированные на совершенствование импортируемых инновационных продуктов и создание собственных технологий. Государство приоритизировало инновационную реорганизацию системообразующих отраслей (металлургической, химической, машиностроительной) при одновременном стимулировании формирования новых наукоемких индустрий (инновационной нефтехимии, электронной, электро- и радиотехнической, компьютерной и проч.).

1961 год стал началом реализации Плана удвоения национального дохода (1961–1970) с акцентом на тяжелую промышленность, машиностроение и энергетику, повышение производительности, развитие крупных промышленных предприятий и ускоренную урбанизацию. Параллельно реализуемый Среднесрочный пятилетний план (1964–1968) был сосредоточен на ликвидации диспропорций развития.

Экономическое планирование в 1970-е гг. (Новый план экономического и социального развития (1970–1975) и Экономический план на вторую половину 1970-х годов (1976–1980)) было ориентировано на обеспечение сбалансированного и устойчивого экономического роста. В области промышленного производства акцент был сделан на реализации стратегии «высоких технологий» и усиленное внимание к энергетической безопасности и промышленной модернизации, повышение качества продукции за счет внедрения новых технологий и расширение инфраструктуры для поддержания роста. Параллельно Базовый экономический и социальный план (1973–1978) был сосредоточен на расширении международного сотрудничества.

Специфика организации производства в стране состояла в «принципе коллективизма», основанного на синхронихзации и тесном взаимодействии правительственного аппарата и предпринимательского бизнеса при одновременном функционировании в рамках групповых объединений, получившей название «единого акционерного общества Японии». Корпоративная деятельность осуществлялась при оперативном участии государственной администрации, которая поощряла менеджмент дополнительными вознаграждениями за переход на производство конкурентоспособной продукции и осуществляла софинансирование перспективных разработок при условии достижения определенной доли рынка[429], что снижало риски для инвесторов и

[428] А. Фисун. Японская модель развития экономики // Экономика Украины. 2009. № 9. С. 79–87.
[429] А. Фисун. Японская модель развития экономики // Экономика Украины. 2009. № 9. С. 79–87.

способствовало расширению инвестирования даже в венчурные предприятия. Операционная система производства основывалась на трех ключевых составляющих[430]:

- комплексное управление качеством продукции,
- система экономии производственных ресурсов,
- гибкость технологического режима и использования рабочей силы.

Важно, что льготное корпоративное финансирование осуществлялось государством не напрямую, а через систему банковских структур: как со 100%-м государственным участием в капитале, так и со смешанным (Банк долгосрочного кредитования, Японский банк развития, государственные финансовые корпорации)[431]. Банки осуществляли финансирование не только крупного, но и среднего и мелкого бизнеса, стимулируя инновационное предпринимательство, и, что важно, именно государство несло основные риски, поскольку банки выдавали ссуды под гарантийные депозиты, застрахованные государством. Важную роль играла государственная политика софинансирования перспективных разработок при условии достижения определенной доли рынка[432].

Японии также удалось выстроить уникальную систему менеджмента производства, основанную на оригинальной системе оплаты труда, предполагавшей коллективную ответственность за производственные результаты[433], и цивилизационных особенностях менталитета. Гибкая система оплаты труда более чем на 50% состояла из компонентов оплаты за сверхурочные, премии и т.п., что не только стимулировало работников, но и позволяло снижать затраты в периоды кризисов[434]. Высокая производительность труда и качество произведенной продукции (низкая доля брака) являлись следствием исключительной лояльности работников корпораций по отношению к работодателю (ценность сохранения единого места работы на протяжении всей жизни) и внутренняя конкуренция работников – индивидуальное стремление к наилучшим результатам[435].

Campbell N. Sources of Competitive Rivalry in Japan // Journal of Product Innovation Management. 1985. Vol. 2. Iss. 4. P. 224–231. С. 228.

[430] Campbell N. Sources of Competitive Rivalry in Japan // Journal of Product Innovation Management. 1985. Vol. 2, Iss. 4. P. 224–231. С. 228.

[431] Агабеков С.И., Левина Е.А. Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // Экономика и социум. 2016. № 11. С. 151.

[432] Campbell N. Sources of Competitive Rivalry in Japan // Journal of Product Innovation Management. 1985. Vol. 2, Iss. 4. P. 224–231. С. 228.

[433] Фисун А. Японская модель развития экономики // Экономика Украины. 2009. № 9. С. 79–87.

[434] Агабеков С.И., Левина Е.А. Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // Экономика и социум. 2016. № 11. С. 151.

[435] Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура 1965–2000. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Цивилизационный фактор в сочетании с активным импортом технологий на начальных этапах обеспечил высокую инновационную активность корпораций: количество патентов, выданных в США японским гражданам, было сопоставимо с числом патентов, выданных гражданам ФРГ, Великобритании и Франции[436].

Таким образом, в результате сочетания данных институциональных и цивилизационных факторов и регламентирующей роли государства в рыночной экономике Японии удалось достичь высоких темпов экономического прироста на основе технологической трансформации отраслевой структуры производства и ориентации на экспорт. Плановые индикаторы достигались с существенным перевыполнением: темпы реального прироста промышленного производства составляли в 1958–1970 гг. 13,5–13,8% против запланированных 8,2–10,5%; прирост ВНП – 9,9–10,7% против плановых 6,5–7,2%.

Новый семилетний экономический и социальный план (1979–1985 гг.) в качестве приоритета заявлял постепенный переход на путь стабильного роста, улучшение качества жизни, увеличение вклада в развитие международного экономического сообщества. В целом, планирование в 1980-е гг. предполагало реформу финансовой системы, поддержку частного сектора и оптимизацию государственных расходов, а также стимулирование роста новых секторов экономики, в т.ч. информационных технологий.

В результате от сравнительно менее технологичного экспорта в начале 1960-х гг., где ключевую позицию (18,6%) составлял текстиль, к середине 1980-х гг. Япония перешла к экспорту высокотехнологичной продукции, на 39,4% обеспеченного экспортом автомобилей, транспортного и промышленного оборудования и на 28,1% –продукцией электроники[437].

Прорыв в производственной сфере был обеспечен внедрением сложных информационных систем с использованием новых достижений телекоммуникационных технологий. Основную долю экспорта (до 70%) обеспечивали крупные предприятия, однако увеличилась и сеть малых и средних предприятий, на долю которых приходилось 30% экспорта, 70% добавленной стоимости, 80% занятого населения[438].

---

[436] Campbell N. Sources of Competitive Rivalry in Japan // Journal of Product Innovation Management. 1985. Vol. 2, Iss. 4. P. 224–231. C. 227.

[437] The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс] / The MIT Media Lab Macro Connections group. Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/ (дата обращения 3.10.2025).

[438] Баскакова М. Японская экономическая модель // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 102–103.

Однако за периодом бурного экономического роста последовало десятилетие рецессии 1990-х годов. В результате экономические планы 1990-х гг. в своей основе закладывали преодоление последствий «пузыря» японской экономики, кризиса банковской системы и дефляции, улучшение макроэкономической стабильности, реструктуризацию финансового сектора и стимулирование внутреннего потребления. Новый экономический план (1988–1992) был нацелен на стимулирование внутреннего спроса в качестве альтернативного и потенциально более устойчивого источника экономического роста, а также сокращение значительного положительного сальдо платежного баланса, продвижение к самому высокому в мире уровню жизни, сбалансированное развитие провинции.

Предшествующий бурный экономический рост во многом основывался на спекулятивных сделках с недвижимостью и ценными бумагами[439], что привело к накоплению в финансовой системе значительных структурных диспропорций. Одновременно период конца 1980 – начала 1990-х гг. ознаменовался ослаблением государственного контроля во внешней политике и либерализацией кредитно-финансовой системы; в 1995 г. был принят Пятилетний план ослабления регламентации, направленный на либерализацию отдельных отраслей и сфер деятельности. Это еще в большей степени усилило финансовый кризис. В результате экономика страны столкнулась с серьезной проблемой снижения внутреннего спроса на продукцию, ростом безработицы и расходов на государственное управление и социальное обеспечение[440], происходило падение объемов частных инвестиций в оборудование и товарные запасы[441]. Накопление плохих долгов привело в 1990-е гг. к крупномасштабной санации банковской системы. В этот период ни традиционный экспорт, ни внутреннее частное потребление домохозяйств не выступали драйверами экономического роста, а среднегодовой прирост экономики страны в течение десятилетия не превышал 1%. В кризисные годы наблюдался резкий отток капитала, который и становился главной причиной отрицательного экономического прироста.

---

[439] Фабричников Д. Япония: кризис во время кризиса [Электронный ресурс] / Д. Фабричников // Мировое и национальное хозяйство. 2009. № 3–4 (10–11). Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/2009/2009-03-04/yaponiya-krizis-vo-vremya-krizisa (дата обращения: 4 октября 2025).

[440] Фисун А. Японская модель развития экономики // Экономика Украины. 2009. № 9. С. 79–87.

[441] Horioka C.Y. The causes of Japan's 'lost decade': The role of household consumption // Japan and the World Economy. 2006. Vol. 18, Iss. 4. P. 378–400.

Позднее японский исследователь Ч. Хориока[442] выделил несколько структурных причин рецессии в японской экономике:

- чрезмерное кредитование в периоды бурного роста, накопление невозвратных кредитов в банковской системе и введение Базельского стандарта на достаточность капитала, приведшие как следствие к резкому снижению банковского кредитования и финансовому кризису;
- ошибочная антикризисная политика правительства, заключавшаяся в выдаче неэффективных займов;
- рост неопределенности относительно перспектив японской экономики и системных рисков (подорвавшая доверие инвесторов);
- снижение стоимости активов (акций, земли и др.);
- жесткая денежная политика, которая привела к завышению курса йены[443] и, как следствие, снижению экспортных ценовых преимуществ.

2000-е гг. до ГФК были сравнительно более успешными: нулевой прирост был зафиксирован только в 2002 г. на фоне кризиса доткомов в США и отрицательного прироста инвестиций, однако среднегодовые значения темпов прироста были выше по сравнению с периодом 1990-х гг., хотя и несопоставимы с периодами экономического расцвета 1970–1980-х годов. Умеренный прирост снова обеспечивался в наибольшей степени экспортом, однако сдерживался низким внутренним спросом домохозяйств и относительно более высокой рентабельностью инвестиций за пределами страны[444], что приводило к оттоку капитала.

2000-е гг. стали периодом перехода к устойчивому росту, развитию цифровой экономики, экологически чистых технологий и стремления к усилению позиций Японии в мировой экономике как технологического лидера. В 2006 г. в Японии была принята Новая стратегия экономического роста[445], целью которой стало достижение устойчивого экономического развития в условиях устойчивого сокращения населения. Данная Стратегия стала основой экономической и промышленной политики страны и одной из

[442] Horioka C.Y. The causes of Japan's 'lost decade': The role of household consumption // Japan and the World Economy. 2006. Vol. 18, Iss. 4. P. 378–400.
[443] Hamada K., Okada Y. Monetary and international factors behind Japan's lost decade // Journal of The Japanese and International Economies. 2009. Vol. 23. P. 200–219. C. 218.
[444] Breton T.R. Human Capital and Growth in Japan: Converging to the Steady State in a 1% World / T.R. Breton // Journal of the Japanese and International Economies. 2015. Vol. 36. P. 73–89.
[445] Japan's 21st Century Vision / Ministry of Economy, Trade and Industry. 2007. Режим доступа: http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

опор дальнейшего экономического развития Японии наряду с Новой национальной энергетической стратегией (New National Energy Strategy) и Глобальной экономической стратегией (Global Economic Strategy). Ключевым элементом стратегий также стало развитие инноваций.

Основополагающими принципами новой экономической политики стали переход к рыночной конкуренции, расширение инновационного потенциала страны, сопряженное с развитием человеческих ресурсов. Стратегия приоритизировала превращение сектора услуг в один из двух «двигателей экономического развития страны» наряду с обрабатывающей промышленностью[446]. Основу инновационного развития составило дерегулирование и стимулирование НИОКР в тех сферах, где Япония обрела конкурентные преимущества к 2000-м гг., и развитие инновационной инфраструктуры. Приоритетными направлениями стало развитие информационных технологий, нацеленное на повышение производительности в обрабатывающей промышленности, сфере услуг и работе административных органов, производство батарей, бытовой электроники с использованием цифровых технологий, роботов следующего поколения, передового медицинского оборудования[447]. Развитие инновационной инфраструктуры в первую очередь базировалось на создании инновационных кластеров, содействующих формированию новых предприятий, и поощрение венчурных проектов. Развитие человеческих ресурсов предполагало диверсификацию каналов получения образования, усиление его практикоориентированности, развитие сотрудничества между промышленностью и академическим сектором.

Одновременно Глобальная экономическая стратегии была сосредоточена на повышении международной конкурентоспособности Японии. На первый план была выдвинута идея адаптации методов достижения глобальных экономических стандартов с учетом традиционных японских ценностей[448], призванная заложить основу для создания «виртуального цикла» инноваций и спроса и превращение страны в мировой инновационный центр на основе «экономики знаний» и более тесной интеграции со странами Азии как «центра роста XXI века». Азиатские страны были призваны играть

---

[446] New Economic Growth Strategy [Электронный ресурс] / Ministry of Economy, Trade and Industry. Japan. 2009. June. Режим доступа: https://www.sg.emb-japan.go.jp/jp_new_growth_stgy.pdf (дата обращения: 1 октября 2025). P. 13.
[447] Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее. М. : АИРО-XXI, 2008. С. 151–175.
[448] Там же. С. 168.

роль производственной базы, направления инвестиций и потребительского рынка для японских компаний.

Глобальный экономический кризис и падение ВВП страны в последующем 2009 г. почти на 5,7% еще раз продемонстрировали уязвимость экспортоориентированной модели экономического роста и издержки чрезмерно высокой зависимости японской экономики от экспорта в США и тенденций развития американской экономики. По оценкам экспертов, суммарный вклад экспорта в экономический рост оценивался в 50%, а 20% японского экспорта направлялось в США[449]. Дополнительное ограничение для японской экономики было связано еще и с ограниченностью внутреннего спроса (особенно частного спроса домохозяйств) и фактической невозможностью идти по пути диверсификации источников экономического роста в пользу расширения потребительского спроса. В результате обновленный вариант Новой экономической стратегии 2009 г. провозглашал «третий путь» развития – стратегию роста, создающую новый спрос, и занятость, опирающуюся на него. Рост был призван основываться на принципе сбалансированного сочетания стремления к расширению внутреннего спроса с трансформацией модели присутствия на внешних рынках в отраслевом и географическом плане.

Основным драйвером внутреннего спроса было заявлено развитие социальной инфраструктуры – здравоохранения, охраны окружающей среды, туризма и т.п. Дополнительным стимулом для развития бизнеса должны были стать новые формы государственно-частного партнерства, базирующиеся, однако (в отличие от периода 1970–1980-х гг.), на принципах дерегулирования и рыночной конкуренции.

Драйвером же экспортной составляющей роста японской экономики должны были стать продвижение на растущих рынках (главным образом посредством проведения политики открытости и участия в разного рода двусторонних и многосторонних интеграционных проектах) и расширение международной конкурентоспособности отраслей и производств «внутренней» экономики благодаря повышению качества человеческого капитала, привлечению высокотехнологичных видов деятельности из-за рубежа, поддержки инвестиций в стратегические сферы экономики и стимулирования

[449] New Economic Growth Strategy [Электронный ресурс] / Ministry of Economy, Trade and Industry. Japan. 2009. June. Режим доступа: https://www.sg.emb-japan.go.jp/jp_new_growth_stgy.pdf (дата обращения: 1 октября 2025). P. 10, 15, 39, 42–44.

интернационализации и выхода на внешние рынки малых и средних предприятий. Эти принципы были положены в основу The Industrial Structure Vision 2010.

Нацеленность на сочетание расширения внутреннего спроса с поиском внешних точек роста нашла отражение и в Стратегии, рассчитанной на период до 2020 года. Тремя основными магистральными направления Стратегии стали[450]:

– сферы роста, составляющие внутренний ресурс японской экономики (окружающая среда и энергетика, здравоохранение); страна нацеливалась на расширение экспорта товаров и услуг, связанных с охраной окружающей среды, здравоохранением, социальным обеспечением, а также реализацию совместных исследований и разработок в этих направлениях в первую очередь со странами Азии, также испытывающими экономическое бремя старения населения;

– сферы роста, ведомые «пионерскими» открытиями (Азия, туризм, возрождение регионов)[451] на основе эффективного задействования регионального ресурса и сети региональных торговых соглашений;

– платформы роста (наука и технологии, занятость, человеческие ресурсы); в этой части Стратегия предполагала нарастить расходы на научнотехническое развитие до 4% ВВП к 2020 г., что привело бы к превращению Японии в поставщика инноваций на международный рынок (главным образом инноваций в сфере экологии и социального обеспечения, информационно-коммуникационных услуг), изменив ее международную специализацию[452].

Таким образом, в последние полтора десятилетия правительство Японии определяет стратегическое направление развития экономики на основе занятости, окружающей среды, науки и технологии, детства и Азии[453]. Реформирование экономики в 2010-е гг. было связано с реализацией Стратегии «Абе-номика» (экономической политики премьер-министра Синдзо Абэ), направленной на улучшение внутренней среды через структурные реформы и внедрения политики «трех стрел» – денежной политики, фискальных стимулов и структурных реформ. Акцент был сделан на стимулирование

---

[450] Тимонина И.Л. Жизнь после кризиса: направления трансформации экономической модели Японии / И.Л. Тимонина // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 183–190. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-4-13-183-190.

[451] The New Growth Strategy (Basic Policies). Toward a Radiant Japan. 2009, December 30. P. 10, 15.

[452] Ibid. P. 39, 42–44.

[453] Japan. Emergency Economic Countermeasures for Future Growth and Security / Cabinet Secretariat Japan. 2009, December 8. P. 2. Режим доступа: http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html (дата обращения: 3 октября 2025).

роста через увеличение потребительских расходов и иностранных инвестиций, а также улучшение корпоративного управления.

Однако достичь расширения внутреннего спроса и превращения его в драйвер экономического роста стране не удается. Существенный вклад частного потребления в рост ВВП страны был достигнут только в 2011 и 2012 гг., в остальные периоды вклад был либо отрицательным (за счет общего падения спроса), либо минимальным. Незначительный рост обеспечивался в основном ростом государственного потребления, инвестиций или (в отдельные годы относительно более благоприятной конъюнктуры) экспортом. Падение реальных заработных плат является хронической проблемой японской экономики с конца 1990-х гг., что не позволяет оживить частное потребление и достичь целевого 2%-го уровня инфляции.

Рекордные с 2004 г. темпы роста в 2021 г. (после падения в результате начала пандемии COVID-19) обеспечивались преимущественно оживлением внешних рынков и расширением экспорта. В настоящее время правительство страны нацелено на преобразование экономики из экономики сокращения расходов, которая существовала в течение 30 лет, в экономику, ориентированную на рост, движимую устойчивым ростом заработной платы и активными инвестициями при сохранении опоры на инновации. В основу реализации Шестого базового плана развития НТИ положены три ключевых направления[454]: (1) укрепление базы знаний и согласованное развитие человеческих ресурсов, а также постоянное создание новых «знаний» как источника науки, технологий и инноваций; (2) стратегическое развитие НИОКР путем укрепления отраслевых стратегий и функций аналитических центров с целью укрепления самостоятельности в определении экономической структуры Японии и обеспечения преимуществ и незаменимости технологий; (3) стратегическое развитие передовой науки и технологий.

Главным ограничением остается проблема низкого внутреннего спроса, высокого уровня долга и сопутствующей дефляции, для преодоления которой приняты в 2023 г. Комплексные экономические меры для полного освобождения от дефляции: к новому этапу японской экономики[455]. Основу модели дальнейшего экономического развития

---

[454] Japan. Integrated Innovation Strategy 2022. Режим доступа: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/strategy_2022.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[455] Comprehensive Economic Measures to Foster the Safety and Security of Citizens and Sustained Growth – Increasing Current and Future Wages and Incomes for All Generations [Электронный ресурс] / Government of Japan. 22 November 2024. Режим доступа: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2024/1122_economic_measures_all.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

должны составить «смелая» денежно-кредитная политика, сопровождающаяся повышением заработных плат и, как следствие, стимулированием частного потребления, снижением уровня сбережений и достижением 2%-го показателя инфляции; гибкая фискальная политика; стратегия роста, нацеленная на стимулирование частных инвестиций. Оптимистичные прогнозы дальнейшего развития эксперты связывают с успешным развитием фондового рынка благодаря сильным корпоративным показателям, бурным ростом рынка жилья, внедрением новых инновационных разработок (Integrated Resort и Chuo Linear Shinkansen) и реализацией крупномасштабных проектов развития инфраструктуры, что обеспечит привлекательность японской экономики для иностранного капитала в ближайшие годы[456].

Результаты двухмерного анализа по Японии в целом согласуются с выводами предшествующих исследователей, в подавляющем большинстве выделявших в качестве доминирующей как на ранних этапах развития (в 1950–1970-х гг.), так и в течение 20–25 лет до пандемии экспортоориентированную модель роста: Т. Пэлли[457] (1950–1970), Ч. Джонсон[458], Л. Баккаро и С. Хаджабдик[459] (1995–2018), МВФ[460] (2000–2010) и др. Единственный дискуссионный момент состоит в том, можно ли в принципе модель экономического развития Японии в последние годы (после 2009 г.) считать «моделью роста», учитывая околонулевые значения прироста.

2.5. Эволюция модели экономического роста Малайзии

Анализируя модель экономического роста на основе принципа декомпозиции ВВП по расходам, можно проследить значительную трансформацию модели экономического роста Малайзии за последние 50 лет.

1970–1980-е гг. можно назвать периодом сбалансированного развития, когда все компоненты ВВП обеспечивали примерно равный вклад в темпы экономического роста.

---

[456] Japan’s Prospects Towards 2040 Japanese Market Ripe With Opportunity Over The Coming Decades [Электронный ресурс] / Savills. Режим доступа: https://pdf.savills.asia/asia-pacific-research/japan-research/japan-investment/jp-prospects-2040-spotlight.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[457] Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.

[458] Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975 / C.Johnson. Stanford University Press. 1982. 412 p.

[459] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

[460] Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.

При этом в 1980-е гг. вклад всех ключевых компонентов экономического роста увеличился, что во многом было связано с развитием внешней торговли при одновременном опережающем росте импорта, отрицательное воздействие которого на экономический рост компенсировалось расширением частного спроса и наращиванием инвестиций (см. Рисунок 9 и Таблицу 10). Для 1990-х гг. было характерно сохранение сбалансированной модели роста, но с резким нарастанием вклада экспорта при общем среднегодовым околонулевым сальдо торгового баланса, что заложило основу для последующего укрепления экспортоориентированного экономического роста. В 2000-е гг. модель развития, тяготеющая к экспортоориентированной благодаря значительному устойчивому профициту торгового баланса и снижению вклада импорта, одновременно сопровождалась сохранением на прежнем уровне вклада расходов на конечное потребление (преимущественно, частных расходов домохозяйств) на фоне сокращения вклада инвестиций. После Глобального экономического кризиса общее сокращение темпов экономического роста Малайзии было обусловлено преимущественно снижением внешней торговли и падением вклада экспорта (в условиях общего сохранения положительного сальдо торгового баланса). Это привело к закреплению модели, движимой внутренним спросом с ростом частного потребления при сохранении высокого вклада капитала. В то же время в годы восстановления экономики после пандемии рост поддерживался преимущественно экспортом, а снижение общих темпов экономического роста обеспечивалось сокращением вклада потребления.

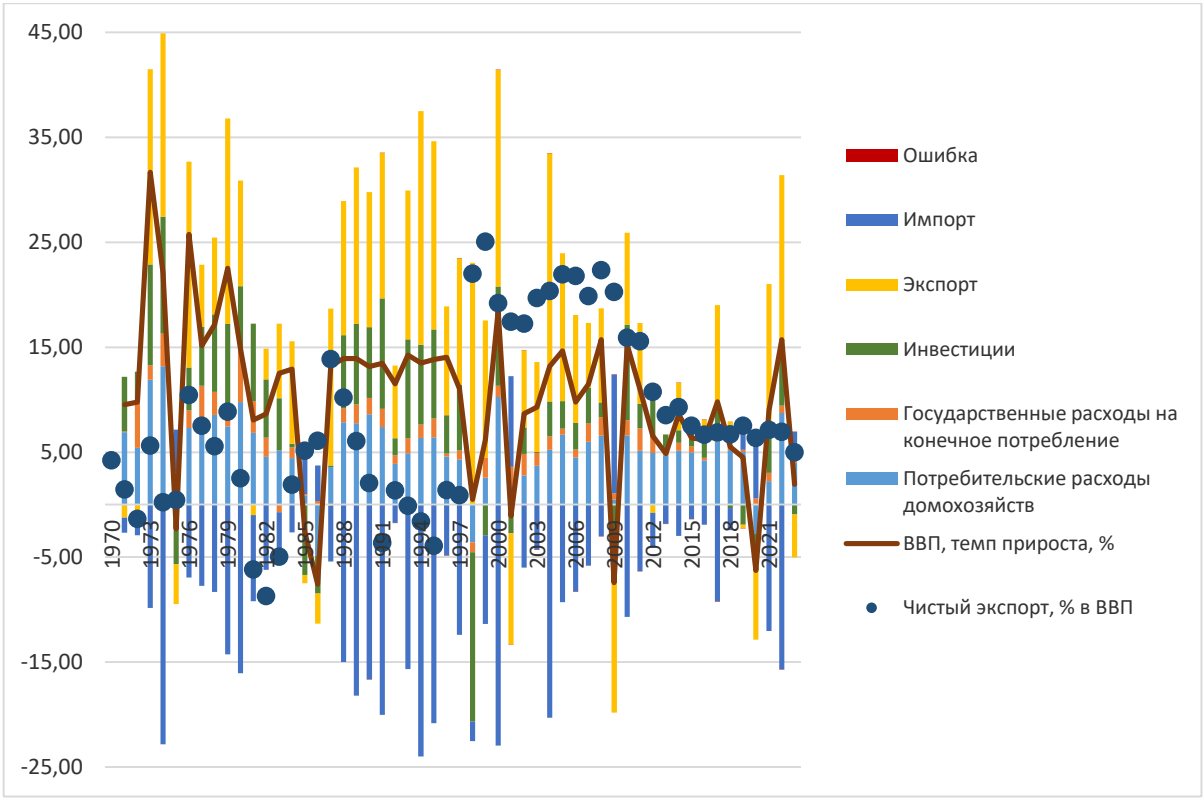

Рисунок 9 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Малайзии, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в малазийских ринггитах для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 10 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Малайзии, %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт					
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**
1971-1979	62,40	48,24	14,16	37,50	45,03	-44,93
1980-1989	66,85	52,31	14,54	43,08	66,66	-76,59
1990-1999	55,61	43,95	11,66	40,29	116,52	-112,41
2000-2009	55,35	44,09	11,26	23,61	97,39	-76,36
2010-2019	84,13	73,53	10,59	22,99	33,05	-40,17
2020-2023	92,73	82,90	9,84	19,61	40,68	-53,03

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1975, 1985, 1986, 1998, 2001, 2009.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в малазийских ринггитах для нивелирования курсовых колебаний).

Целеполагание Первого пятилетнего плана экономического развития Малайзии (1966–1970) строилось вокруг развития сельского хозяйства как основного сектора обеспечения занятости и развития инфраструктуры, главным образом транспортной, для создания основы дальнейшего расширения промышленного производства. Период 1970-х гг. ознаменовался началом проведения Новой экономической политики (1971–1990), ставящей своей первоочередной задачей сокращение уровня бедности и социального неравенства. Параллельно ключевыми принципами Второго пятилетнего плана (1971–1975) стали снижение зависимости от экспорта сырьевых товаров, развитие и диверсификация обрабатывающей промышленности (в т.ч. производство машин и электроники). Третий пятилетний план (1976–1980) помимо продолжения диверсификации экономики и укрепления обрабатывающей промышленности делал акцент на качество человеческого капитала: улучшение образования и повышение квалификации рабочей силы.

Оживление мировой экономики привело к росту спроса на новые товары, производимые Малайзией, в т.ч. продуктов питания, электротоваров, резинотехнических изделий, фанеры и химической продукции. В 1970–1980-е гг. происходило накопление капитала, формирование конгломератов и сложноиерархических корпоративных структур, вертикально интегрированных корпораций. Все большую роль в системе хозяйствования играл частный капитал. Эти процессы к началу 1980-х гг. и привели к условному закреплению статуса драйверов экономического роста за двумя ключевыми факторами (помимо частного потребления) – валовыми внутренними инвестициями и экспортом. В это время «экономическое развитие страны происходило на основе притока иностранных капиталовложений, интенсивность которого зависела от мировой конъюнктуры»[461]. При этом в случае Малайзии категории инвестиций и экспорта тесно взаимосвязаны, поскольку иностранные предприятия в большей степени, чем местные, были ориентированы на экспорт[462]. Привлечение иностранных инвестиций и продолжение политики либерализации, сопряженные с развитием высокотехнологичных отраслей, легли в основу Четвертого пятилетнего плана экономического развития (1981–1985), который должен был быть профинансирован на 46% за счет иностранных

[461] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 226, 227, 229, 238.
[462] Там же. С. 227.

заимствований, при этом 54% средств поступали из внутренних источников[463]. При этом Правительство большое значение уделяло и стимулированию внутреннего потребления по мере роста и накопления доходов населения.

Привлечение в страну прямых иностранных инвестиций и размещение собственных производств крупными транснациональными компаниями неизбежно на горизонте 3–5 лет способствовало резкому экспортному скачку. Эта тенденция находит отражение в статистике: до 1984 г. наибольший вклад в экономический прирост обеспечивал именно инвестиционный фактор, сочетавшийся с опережающим приростом импорта, а с 1984 по 1987 г. вложенные ПИИ начинают приносить отдачу в т.ч. в виде расширения экспорта, в результате чего в стране укрепляется сбалансированная модель экономического роста с растущим вкладом экспорта в прирост ВВП.

В конце 1980-х и 1990-е гг. уровень валовых внутренних инвестиций в Малайзии быстро рос, достигнув более 40% ВВП незадолго до Азиатского финансового кризиса 1997 года. Высоким показателям отношения частных инвестиций к ВВП способствовал Первый Индустриальный план (1986–1995), реализованный параллельно с Пятым и Шестым пятилетними планами (1986–1990 и 1991–1995), а также процессы либерализации и дерегулирования экономики[464]. Приоритетом стратегических документов стали создание сильной базы для высокотехнологичных и экологически чистых отраслей, поддержка развития человеческого капитала, улучшение инфраструктуры и общественных услуг. К моменту реализации Первого индустриального плана в Малайзии существовало 50 промышленных зон и 9 зон свободной торговли в полуостровной части страны. Либеральные режимы и конкурентоспособная стоимость труда на фоне его высокой квалификации привлекли транснациональные корпорации из США и Японии[465].

---

[463] Hua Wu Yin. Class and Communalism in Malaysia: Politics In a Dependent Capitalist State. London : Zed Books Ltd., 1983. 162 p.
Cole A.D. The Malaysian Vision 2020 National Development Plan Implementation Problems In Sabah / A.D. Cole. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://etheses.whiterose.ac.uk/10808/1/263663.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[464] Devadas S., Guzman J., Kim Y. E., Loayza N., et al. Malaysia's Economic Growth and Transition to High Income: An Application of the World Bank Long Term Growth Model (LTGM) [Электронный ресурс] / S. Devadas, J. Guzman, Y. E. Kim, N. Loayza, et al. // Policy Research Working Paper 9278. World Bank Group. June 2020. Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/844761592242576533/pdf/Malaysias-Economic-Growth-and-Transition-to-High-Income-An-Application-of-the-World-Bank-Long-Term-Growth-Model-LTGM.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

[465] Cole A.D. The Malaysian Vision 2020 National Development Plan Implementation Problems In Sabah / A.D. Cole. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://etheses.whiterose.ac.uk/10808/1/263663.pdf (дата обращения: 3.10.2025).

Реализация Новой экономической политики существенно стимулировала рост промышленного производства и процессы урбанизации, однако при этом усугубила проблемы неравенства сельского и городского населения[466]. Трансформация экономики от сельскохозяйственной к промышленной способствовала усугублению проблемы бедности в сельских районах и росту безработицы. На этом фоне ключевыми принципами Седьмого пятилетнего плана (1996–2000) стало помимо дальнейшей либерализации экономики и привлечения инвестиций (особенно технологические сектора и разработки) снижение уровня бедности, укрепление среднего класса и расширение доступа населения к образованию и здравоохранению. Одновременно продолжалась реализация принятой в 1991 г. долгосрочной стратегии развития Vision 2020 (1991–2020), опирающейся на превращение Малайзии к 2020 г. в высокоразвитую и высокотехнологичную индустриальную экономику, одновременно ориентированную на устойчивое развитие (защиту окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов) посредством поддержки малых и средних предприятий, улучшения предпринимательского климата, создания более либеральной и открытой экономики для иностранных инвестиций[467]. Одновременно социальным компонентом Стратегии было стимулирование развития человеческого капитала и создание инклюзивного общества в отсутствие социального неравенства. Vision 2020 представляла собой сдвиг в сторону либерального курса и сочетала западные либеральные политики, в частности приватизацию и открытость в торговле и движении потоков капитала с усилиями по развитию экономического потенциала потребительского спроса и созданию современного малазийского общества, объединенного общей приверженностью как экономическому прогрессу, так и исламским ценностям[468].

На протяжении 1980–1990-х гг. значительная часть ПИИ направлялась в машиностроение, при этом иностранный капитал привносил в экономику страны новые технологии, профессиональные кадры и технологическое оборудование, ТНК обеспечивали более высокие затраты на НИОКР. В рамках второго Индустриального плана (1995–2005) и Второй национальной политики развития науки и технологий (1995–

---

[466] Ariffin J. Poverty Amidst Plenty: Research Findings and the Gender Dimension in Malaysia / J. Ariffin. Pelanduk Publications, 1994. 234 c.

[467] Malaysian: The Way Forward (Vision 2020) / The Honourable Dato Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad. Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/vision%202020.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[468] Cole A. The Malaysian 'Vision 2020' National Development Plan: Implementation Problems in Sabah [Электронный ресурс] / A. Cole. 1998. Режим доступа: https://etheses.whiterose.ac.uk/10808/1/263663.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

2010) был декларирован курс на реализацию стратегии инновационного развития, перехода от индустриального развития и модернизации промышленности к модели «экономики знаний». Одновременно правительство принимало новые меры по стимулированию ТНК, поощряло заключение малазийскими компаниями стратегических альянсов и совместных предприятий, перенос штаб-квартир международных и региональных центров производства и сбыта из центра в менее экономически развитые регионы страны. В этот период значимая роль отводилась развитию новых и новейших технологий, био- и нанотехнологий, фотоники, лазерных технологий, производства композитных материалов, цифровых решений и проч., увеличились размеры государственных ассигнований на научно-исследовательские работы, начала создаваться сеть технологических парков и наукоемких кластеров, объединяющих научно-исследовательские и производственные центры, системы поставок, распределительные сети. Это позволило стране сформировать мощную капиталоемкую и наукоемкую электротехническую отрасль и превратиться в одного из лидеров по экспорту электроники. В этот период сформировались мощные нефтехимический, судостроительный, мебельный кластеры. Правительство разработало программу поддержки национального бренда для укрепления конкурентоспособности малазийских товаров и услуг в региональном и глобальном масштабах[469].

Сбалансированно-экспортоориентированная модель, обусловленная притоком иностранного капитала и одновременно постепенным накоплением внутреннего капитала (за счет высоких общих темпов экономического роста), сохранялась вплоть до 2004 года. Даже в 1998 г. (году, последовавшим за разразившимся в регионе Азиатским финансовым кризисом) именно фактор чистого экспорта стал балансирующим драйвером, который поддержал экономику страны, смягчив падение. В то же время в периоды экономического спада фактор внешних инвестиций становится наиболее уязвимым. Это проявилось в динамике основных компонентов ВВП в кризисные 1975 и 1985 гг., а также позднее при Азиатском финансовом кризисе, Глобальном финансовом кризисе и пандемии COVID-19.

Структура капитала постепенно менялась: если в 1980-е гг. основу притока прямых иностранных инвестиций в страну обеспечивали ТНК западных стран, то с середины

[469] Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 238.

1990-х гг. предпочтительными считались инвестиции из стран – региональных партнеров по АСЕАН и Восточной Азии, так как его значительная часть поступала на основе реинвестирования[470]. Кроме того, нарастали инвестиции из стран Восточной Азии (Китая и Республики Корея). Важным фактором в стимулировании внутрирегионального инвестиционного обмена стало интенсивное развитие региональной интеграции, в т.ч. подписание в 2000-х гг. серии региональных торговых соглашений между АСЕАН и Восточноазиатскими партнерами (Китаем, Республикой Корея и Японией). В 1996–2004 гг. ключевыми инвесторами в экономику Малайзии были США, Япония, Великобритания, Нидерланды, Сингапур. Одновременно правительство в качестве одной из стратегических задач поставило достижение соотношения местных и иностранных инвестиций 60:40, что было призвано дать новый толчок экономическому росту страны, поскольку по расчетам малазийских экспертов «увеличение местных инвестиций стимулировало расширение ВВП на 0,28%, в то время как для ПИИ прирост составлял 0,02%»[471].

В начале 2000-х гг. соотношение местных и иностранных инвестиций начало меняться в пользу национального компонента. Во многом это было обеспечено развитием финансового рынка (рынка ценных бумаг) в соответствии с Генеральным планом развития финансового сектора (2001–2010) и Генеральным планом развития рынка капитала (2001–2010), а также ставкой на развитие малого и среднего предпринимательства, ставшего одним из приоритетов в рамках Восьмого пятилетнего плана (2001–2005)[472]. Либерализация рынка операций с акциями расширила интеграцию финансовой системы Малайзии в глобальный рынок. Активно развивался рынок венчурного финансирования (через Малазийскую ассоциацию венчурного и частного акционерного капитала, созданную в 1995 г.), для поддержки главным образом инновационных проектов, малого и среднего бизнеса. К 2005 г. активы финансового сектора почти в 4 раза превышали ВВП.

Большая часть капитала теперь направлялась в развитие сферы услуг, активно финансировалось развитие инфраструктуры. Причем в 2000-е гг. Малайзия развивалась по пути перехода от традиционных видов услуг (торговля, финансовый сектор) к

---

[470] Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. С. 226.

[471] Third Industrial Master Plan (2006–2020). Malaysia Towards Global Competitiveness. Kuala Lumpur, 2006. 131 p.

[472] Eight Malaysia Plan, 2001–2005 / Ministry of Economy. Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/en/economic-developments/development-plans/rmk/eight-malaysia-plan-2001-2005 (дата обращения: 3 октября 2025).

современным (поставки электроэнергии, бизнес-услуги, в том числе ИКТ, корпоративные и профессиональные услуги в области образования, здравоохранения, логистики, туризма)[473]. Интенсивно развивался финансовый рынок (разные виды оффшорной деятельности) и ауторсинг услуг.

Одновременно уже с начала 1990-х гг. малазийские компании стали расширять инвестирование в зарубежные страны, что способствовало притоку необходимого для производства сырья, доступу к новым рынкам, передовым технологиям, современному менеджменту[474]. Отраслями приложения малазийского капитала стали нефтегазовая и обрабатывающая отрасли, строительство и сектор услуг, в т.ч. сектор информационно-коммуникационных технологий, операции с недвижимостью и гостиничное дело, банковские услуги и проч.

Однако уже с 2007 г. экономика Малайзии начала постепенно переходить сначала к сбалансированной модели роста (до Глобального финансового кризиса, выразившегося в статистике 2008–2009 гг.), а в отдельные годы – к модели роста, движимой внутренним спросом, где инвестиционный фактор продолжал играть значимую роль наряду с частным потреблением домохозяйств, однако его вклад в экономический рост снижался. В этот период на фоне дальнейшего индустриального развития и расширения сектора услуг все большее внимание уделялось устойчивому развитию и дальнейшему усилению социальной защиты при одновременном фокусировании на развитии знаний и технологий (Девятый – Одиннадцатый пятилетние планы)[475].

Начиная с 2013 г. показатель вклада частного потребления домохозяйств в темпы экономического прироста страны демонстрировал устойчивую восходящую тенденцию, а сама страна стремилась к модели роста, движимого внутренним потреблением. Рост частного потребления поддерживали благоприятные условия на рынке труда, низкая инфляция и денежная помощь со стороны правительства[476]. Трансформацию модели

---

[473] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 238.

[474] Там же. С. 229.

[475] Ninth Malaysia Plan 2006–2010 / The Economic Planning Unit, Prime Minister's Department Putrajaya, 2006. Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/sites/default/files/2021-05/Ninth%20Malaysia%20Plan%20Document.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
Tenth Malaysia Plan 2011–2015 / The Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department Putrajaya, 2010. Режим доступа: https://www.pmo.gov.my/dokumenattached/RMK/RMK10_Eds.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
Eleventh Malaysia Plan 2016–2020: Anchoring Growth on People. Режим доступа: https://www.pmo.gov.my/dokumenattached/RMK/RMKe-11Book.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[476] Twelfth Malaysia Plan 2021–2025 / Director General, Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department, Malaysia. Режим доступа: https://pulse.icdm.com.my/wp-content/uploads/2021/09/Twelfth-Plan-Document_compressed-1.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

экономического роста на горизонте последних 15 лет подтверждают и исследования Л. Баккаро и С. Хаджабдик (2023)[477], которые констатируют переход страны от модели устойчивого экспортоориентированного роста (1995–2008) к росту, движимому потреблением (2009–2018). В то же время это происходило на фоне общего снижения темпов экономического роста (за счет сокращения потенциала экспорта и инвестиционной ориентированности на внешние рынки), которое по прогнозам международных организаций будет сохраняться вплоть до 2050 года. Переориентации модели роста способствуют две тенденции. С одной стороны, расширяется потребительский спрос за счет:

- успешной реализации мер снижения бедности и стабильного темпа роста ВВП на душу населения на уровне 3,3% за последние 20 лет (до пандемии);
- налогово-бюджетной политики государства: низкий национальный подоходный налог, разветвленная система социальных пособий с прямым перечислением денежных средств, полное субсидирование здравоохранения со стороны государства;
- демографических тенденций: увеличения доли рабочей силы в структуре населения, в т.ч. высокого уровня участия женщин в рабочей силе (с 46% в 1990–2010 гг. до 55% к 2018 г.)[478].

С другой стороны, наблюдается снижение эффективности частных инвестиций, которое вносит наибольший вклад в снижение роста ВВП страны, в целом, и трансформацию модели роста[479], а также падение наукоемкости экономики: расходы на исследования и разработки снизились с 1,42% ВВП в 2016 г. до 0,95% к 2020 году. Долгосрочная и среднесрочная стратегии экономического роста Малайзии изложены в «Общем видении процветания» (Shared Prosperity Vision – SPV) до 2030 г. и Двенадцатом пятилетнем плане развития (2021–2025)[480]. Видение 2030 сосредоточено вокруг

[477]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

[478] Devadas S., Guzman J., Kim Y. E., Loayza N., et al. Malaysia's Economic Growth and Transition to High Income An Application of the World Bank Long Term Growth Model (LTGM) [Электронный ресурс] / S. Devadas, J. Guzman, Y. E. Kim, N. Loayza, et al. // Policy Research Working Paper 9278. 2020. Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/ar/844761592242576533/pdf/Malaysias-Economic-Growth-and-Transition-to-High-Income-An-Application-of-the-World-Bank-Long-Term-Growth-Model-LTGM.pdf (дата обращения: 3.10.2025).

[479] Ibidem.

[480] Shared Prosperity Vision Restructuring Malaysia's Development Priorities [Электронный ресурс] / Secretary General Ministry of Economic Affairs. 188 с. Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/sites/default/files/2020-02/Shared%20Prosperity%20Vision%202030.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

преодоления ключевых проблем экономического роста страны в последние годы, к числу которых относятся[481]:

1) замедление темпов экономического роста (отставание от темпов прироста экономик соседних государств Восточной Азии и АТР в целом);
2) сохранение зависимости от экспорта сырьевых товаров, которая увеличилась в последние десятилетия (с 6% в 1998 г. до 15,5% в 2018 г.);
3) низкие темпы внедрения технологий (хотя производство и услуги обеспечивают до 80% ВВП страны, лишь 37% производственных предприятий и 20% компаний сферы услуг внедряли новые технологии);
4) увеличение неравенства по уровню доходов (между городскими и сельскими районами, разными регионами страны, а также этническими группами).

Программа определяет и целевые индикаторы к достижению до 2030 г. в части развития человеческого капитала, структуры экономики, динамики уровня доходов и развития рынка труда, развития новых секторов (возобновляемых источников энергии, «зеленой» экономики, цифровой экономики, финансовых технологий для закрепления роли Малайзии в качестве Исламского финансового хаба нового поколения, «умного» сельского хозяйства), проведения Индустриальной революции 4.0 и проч. Ни один из документов не закрепляет в качестве приоритетной задачи переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, документы преследуют достижение сбалансированного «устойчивого роста в условиях справедливого и равноправного распределения дохода» и охватывают широкий спектр экономических прав и возможностей, экологической устойчивости, улучшения благосостояния людей и социальной сплоченности, на реализацию человеческого потенциала общества.

[481] Shared Prosperity Vision Restructuring Malaysia’s Development Priorities [Электронный ресурс] / Secretary General Ministry of Economic Affairs. 188 с. Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/sites/default/files/2020-02/Shared%20Prosperity%20Vision%202030.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

Хотя большинство имеющихся исследований (в т.ч. Т. Пэлли[482], Э. Эканаике[483], И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[484] МВФ[485], С. Насриина[486], К. Кеонга, М. Юсуфа и К. Лью[487]) в качестве единственной универсальной определяют для Малайзии экспортоориентированную модель развития, фактически ни одно из них не учитывает происходящие в стране трансформации ни в официальном целеполагании, ни в структуре экономического прироста по вкладу различных компонентов ВВП от десятилетия к десятилетию. Особняком стоит исследование Л. Баккаро и С. Хаджабдика[488], которые очень точно уловили радикальную трансформацию модели роста после 2009 г., выделив период ярко выраженного экспортоориентированного развития в 1995–2008 гг. (что в полной мере согласуется с результатами настоящего исследования) и резкую смену в 2009–2018 гг. модели на рост, движимый потреблением домохозяйств. При этом очень интересно, что на официальном уровне Малайзия никогда не ставила перед собой задачу достижения исключительно экспортоориентированного роста: официально декларируемые приоритеты всегда были сосредоточены вокруг достижения сбалансированного экономического роста страны.

2.6. Эволюция модели экономического роста Индонезии

Модель экономического развития Индонезии фактически никогда не была устойчиво экспортоориентированной. На протяжении всего исследуемого периода страна сохраняла приверженность модели экономического роста, движимого внутренним спросом: во все периоды подавляющая доля прироста ВВП страны приходилась на компоненты внутреннего спроса (в разных пропорциях) при сравнительно низком вкладе экспорта и неустойчивом торговом балансе страны (см. диаграммы и таблицу).

---

[482]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.

[483]Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. 1999. Vol. 24. № 2. P. 415–425.

[484]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.

[485]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.

[486]Nasreen S. Export-growth linkages in selected Asian developing countries: Evidence from panel data analysis / S. Nasreen // Asian Journal of Empirical Research. 2011. Vol. 1. № 1. P. 1–13.

[487]Keong C.C., Yusop M., Liew K.S.V. Export-Led Hypothesis in Malaysia: An Investigation Using Bounds Test / C.C. Keong, M. Yusop, K.S.V. Liew // Sunway Academic Journal. 2005. Vol. 2. P. 13–22.

[488]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. https://doi.org/10.1007/s11135-023-01685-w

Среднегодовые темпы прироста экспорта товаров и услуг были далеки от рекордных, а вклад экспорта в прирост ВВП был сравнительно невысок независимо от проводимого внешнеэкономического курса и модели экономического развития[489].

До конца 1970-х гг. модель была ориентирована на внутренний спрос с доминирующим вкладом в экономический прирост частного потребления домохозяйств. Позднее, в 1980-е гг. происходило укрепление модели, ориентированной на внутренний спрос, за счет роста вклада инвестиций и частного потребления при одновременном сокращении вклада экспорта (несмотря на положительное сальдо торгового баланса) (см. Рисунок 10 и Таблицу 11).

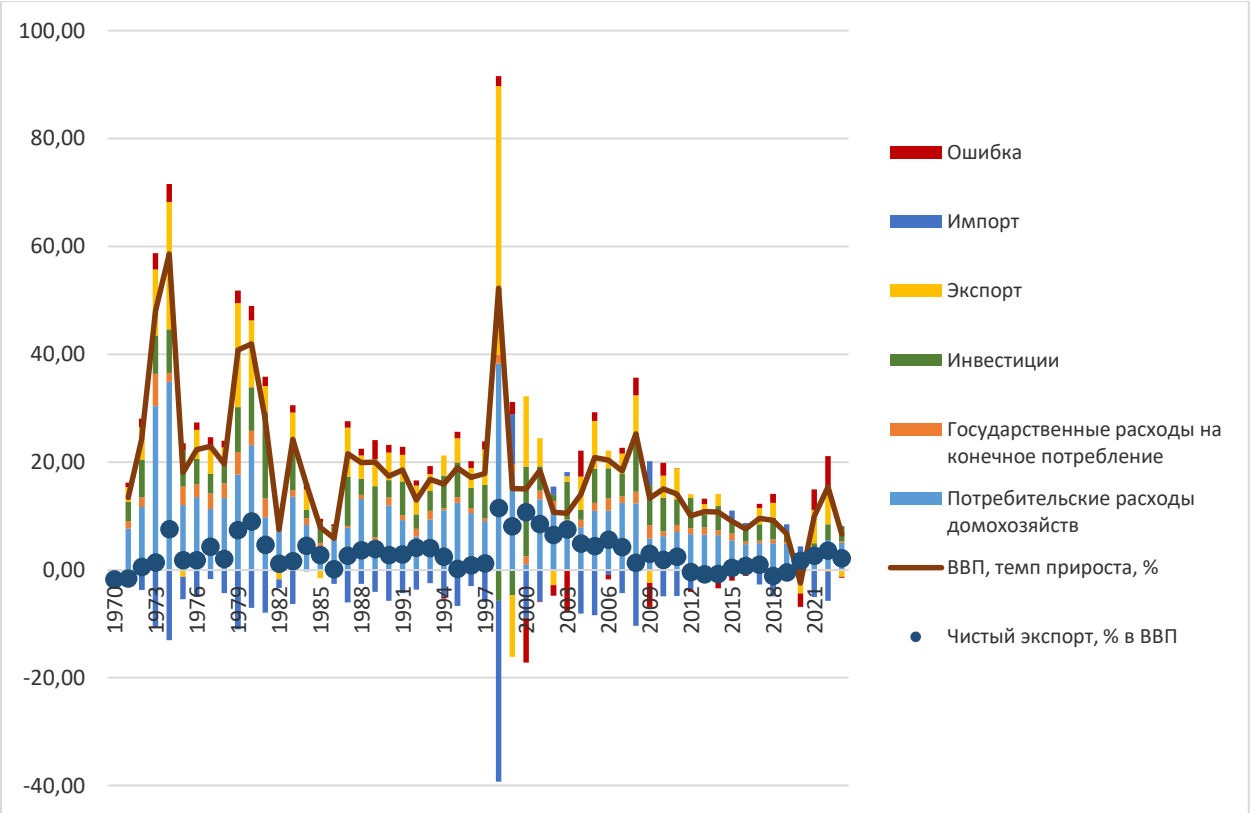

Рисунок 10 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Индонезии, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в индонезийский рупиях для нивелирования курсовых колебаний).

[489]Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.

Таблица 11 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Индонезии, 1971–2023 гг., %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	68,33	57,29	11,03	22,15	23,40	-20,26	6,38
1980-1989	71,66	62,55	9,12	28,02	10,72	-17,12	6,71
1990-1999	72,59	66,16	6,42	18,07	24,23	-21,96	7,06
2000-2009	74,61	65,71	8,90	24,20	22,23	-26,38	5,35
2010-2019	66,49	57,95	8,54	35,30	14,35	-16,88	0,74
2020-2023	46,82	44,59	2,23	27,76	29,17	-28,23	24,49

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы и годы с высокой долей ошибки в структуре компонентов ВВП: 1989, 2000, 2003, 2009, 2020.
Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в индонезийский рупиях для нивелирования курсовых колебаний).

В 1990-е гг. страна по-прежнему следовала модели, движимой внутренним спросом с доминирующим вкладом частного потребления. При этом происходило расширение вклада экспорта, хотя говорить о сбалансированной или тем более экспортоориентированной модели в этот период не приходится. В 2000-е гг. сохранение модели, движимой внутренним спросом с доминирующим частным потреблением, сопровождалось растущими инвестициями. Сальдо внешней торговли удерживало положительные значения, однако доля профицита к ВВП страны демонстрировала нисходящий тренд. После Глобального финансового кризиса Индонезия перешла к сбалансированному росту, движимому совокупным спросом, при перебалансировке в направлении расширения вклада инвестиций и сокращения вклада частного потребления. Одновременно в пандемийные годы происходил резкий рост вклада внешней торговли в 2021 и 2022 гг. за счет эффекта низкой базы по сравнению с 2020 г. при одновременно резком сокращении вклада частного потребления. Показатели вклада компонентов ВВП в экономический прирост страны в 2021–2022 гг. свидетельствуют о переходе к экспортоориентированной модели, хотя устойчивой ее считать преждевременно, речь идет исключительно о ребалансировке процесса восстановления после острой фазы пандемии; в 2023 г. на фоне общего падения вклад экспорта оказался отрицательным. Кроме того, при анализе моделей экономического роста важно учитывать особенность

предоставления индонезийской статистики: высокую величину ошибки (доли ВВП, не распределенной по компонентам роста), что может приводить к искажениям. В то же время, для снижения вероятности ошибки при проведении данного анализа расчеты были максимально очищены от влияния статистических ошибок.

1950–1957 гг. были периодом построения либеральной экономики, затем до 1965 г. – период «направляемой» экономики, а далее – переход к процессу формирования «экономической демократии»[490], основанного на принципе пятилетнего планирования. В 1960-х и 1970-х гг. Индонезия шла по пути перестройки структуры национального хозяйства в рамках концепции «импортозамещающей индустриализации»[491]. Первый пятилетний план (1969–1974) был нацелен на восстановление экономики после периода политической и социальной нестабильности, формирование системообразующих трудоемких отраслей промышленности (текстильной, пищевой, химической), первичное развитие инфраструктуры. Второй пятилетний план (1974–1979) был сосредоточен вокруг продолжения курса на индустриализацию, диверсификацию структуры экономики и производства и развитие энергетической инфраструктуры для обеспечения индустриализации. По завершении второго пятилетнего плана было объявлено о реализации Первой долгосрочной стратегии социально-экономического развития (1971–1995), начальными этапами которой они являлись. Следствием программ восстановления экономики страны стало оживление экономического роста (7% в 1970-е гг.) и промышленного производства (до 9% в среднегодовом исчислении). В 1970-е гг. более 80% экономического прироста обеспечивались внутренним спросом – частным потреблением и инвестициями, кроме того, около 15% среднегодового экономического прироста приносило государственное потребление. Вклад внешней торговли был крайне несбалансированным и сопровождался существенным дефицитом торгового баланса.

К 1980-м гг. капиталистические отношения значительно продвинулись, происходила концентрация капитала, появились и крупные обладатели капитала и собственности. Третий пятилетний план (1979–1984) строился вокруг стремления к сокращению зависимости от нефтяного экспорта, формирования более диверсифицированной структуры экономики, принятия комплекса мер для контроля

[490]Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106. С. 88-89.

[491] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 122.

инфляции и обеспечения макроэкономической стабильности. В свою очередь, уже начиная с Четвертого пятилетнего плана (1984–1989) был взят курс на постепенную либерализацию экономики, включая упрощение налоговой системы и администрирования, снижение барьеров во внешней торговле и привлечении инвестиций, развитие свободных экономических зон. На этом фоне происходило расширение вклада инвестиционного компонента в прирост ВВП в 1980–1990-е гг., объяснявшееся в т.ч. повышением среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности[492]. Это позволило переходить к решению отдельных проблем модернизации и совмещать импортозамещение с экспорториентированным производством[493]. В итоге, в 1980-е гг. торговый баланс складывался преимущественно с профицитом, а чистый экспорт в отдельные годы (1984, 1986–1988) был главным драйвером экономического роста.

Тем не менее вопрос о достижении сбалансированной модели экономического роста всегда стоял на повестке дня. По мере накопления и концентрации капитала и последовавшего за ним усиления социального неравенства все большую популярность стала набирать идея построения «народной экономической системы», или «народной экономики». Было издано Постановление правительства № 16 «О переходе к созданию «народной экономики», которую можно было охарактеризовать как «историческую коррекцию несбалансированного экономического развития, при котором один процент населения получал возможность обладать 60% национального достояния»[494].Основными принципами системы стали: отказ от практики преимущественного поощрения деятельности крупного капитала, стимулирование роста среднего класса за счет развития малого и среднего предпринимательства. Основная часть выделяемых правительством средств направлялась на оказание технической помощи и в форме субсидий для погашения кредитов и была предназначена для кооперации и малого предпринимательства. Это привело к существенному расширению вклада частного

[492]Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106. С. 97.

[493] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 123.

[494]Profil Industri Kecil dan Kerajinan Rumah Tangga [Электронный ресурс] / Badan Pusat Statistik. Jakarta, 2008. Режим доступа: https://jakarta.bps.go.id/id/publication/2008/12/17/b1435e45f81c326205928821/profil-industri-kecil-dan-kerajinan-rumahtangga-dki-jakarta-2008.html (дата обращения: 4 октября 2025). С. 15.

потребления в структуре экономического прироста страны и укреплению модели развития, движимого внутренним спросом.

Пятый пятилетний план (1989–1994) был нацелен на продолжение политики либерализации с акцентом на развитие частного сектора, усиление сельского хозяйства посредством внедрения новых технологий. В 1990-е гг. ключевой опорой роста экономики страны стало развитие исламского банкинга, выступившее стимулом формирования особого социального слоя в лице малых и средних предпринимателей и роста обрабатывающей промышленности, ориентированной на производство халяльной (halal) продукции[495]. Реализация этого комплекса экономических мер привело и к расширению вклада инвестиционного компонента в прирост ВВП в 1980–1990-е гг. благодаря повышению среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности[496].

В 1995 г. была разработана и принята Вторая стратегия долгосрочного социально-экономического развития, рассчитанная на период 1996–2020 гг., реализация которой, однако, была прервана Азиатским финансовым кризисом. В 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен курс на экономическое реформирование. Несмотря на различие установок, неизменной чертой экономической политики во все периоды оставалась главенствующая роль государства в экономике, без которого осуществление догоняющего развития вряд ли было бы возможным[497]. Последующие стратегические документы строились вокруг сочетания дальнейшей модернизации экономики и промышленного комплекса с развитием социальной сферы и борьбой с бедностью, проведением реформы государственной службы и уделением большего внимания охране окружающей среды и более устойчивому использованию природных ресурсов.

На рубеже XX и XXI вв. и особенно в последнее десятилетие все большее внимание в Индонезии уделялось структурной трансформации, диверсификации и модернизации национальной экономики, что уже дало заметные результаты[498]. Реформы 1990–2000-х гг.

---

[495] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

[496]Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106. С. 97.

[497] Там же.

[498]Шкваря Л. Экономика Индонезии: современные тенденции / Л. Шкваря // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 62–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-11-62-69. С. 62.

в целом способствовали улучшению инвестиционного климата, обеспечению прав собственности, активизации деятельности в стране ТНК и хуацяо (выходцев из Китая)[499] и обусловили рост доли валовых сбережений и притока ПИИ в ВВП, что привело к укреплению модели роста, движимого двумя компонентами внутреннего спроса – частным потреблением и инвестициями.

В 2000-е гг. (и последующие 2010-е гг.) иностранные инвестиции стали одним из факторов экономического роста Индонезии[500]. Акцент в проводимой экономической политике был сделан на либерализацию движения капитала. Правительство «единой Индонезии» последовательно проводило дальнейшую либерализацию инвестиционного климата. В 2006, 2007 и 2008 гг. были утверждены три программы, каждая из которых содержала пакет мер, направленных на улучшение инвестиционного климата. Главными из них были налаживание координации между центральным и региональным правительством, упрощение бюрократических процедур, создание гибкой системы налогообложения, введение системы «одного окна»[501]. Ограничения для участия иностранного капитала в промышленном секторе были небольшими, к числу закрытых отраслей относились, главным образом, сельское хозяйство, рыболовство, добыча кораллов. Это привело к перебалансировке компонентов внутреннего спроса: вклад частного потребления в прирост снизился, при этом инвестиционный компонент расширился, страна на этом этапе следовала в большей степени модели инвестиционного развития.

Укрепление инвестиционной составляющей создало мощный задел для расширения экспорта. В результате к 2005 г. стране удалось выйти на небольшой, но устойчивый профицит торгового баланса (по сравнению с нестабильной динамикой предыдущих десятилетий). Среднесрочный пятилетний план 2005–2010 гг. поставил три задачи: добиться высоких и устойчивых темпов роста на основе интенсивных капиталовложений и расширения экспорта; стимулировать развитие реального сектора, создавая рабочие места; содействовать модернизации сельских районов. Фактически

---

[499]Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянцев. М. : (издательство не указано), 1996. 304 с.
Мельянцев В.А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития / В.А. Мельянцев // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2013. № 2. С. 3–26.

[500]Шкваря Л. Экономика Индонезии: современные тенденции / Л. Шкваря // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 62–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-11-62-69. С. 67.

[501] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 141.

впервые в каком-либо документе стратегического планирования было четко названо стремление перейти к сбалансированной модели экономического роста.

В настоящее время Индонезия следует 20-летнему плану экономического развития (2005–2025)[502], также разделенному на пятилетние планы. Восьмой пятилетний план развития страны (2005–2009) можно считать социально ориентированным, поскольку он делал акцент на развитие человеческого капитала, социальное обеспечение, решение проблем бедности и неравенства при параллельной диверсификации экономики и развитии более технологичных отраслей – автомобилестроения и электроники. Программа реформирования экономики 2010–2014 гг. главными социальными задачами объявила сокращение разрыва между бедными и богатыми и укрепление социальной и политической стабильности. Одновременно был взят курс на диверсификацию товарной структуры промышленного производства, а ключевой задачей объявлено повышение эффективности производства и конкурентоспособности индонезийских товаров на мировом рынке[503]. В 2016 г. правительство страны объявило о 10-м пакете мер по дерегулированию экономики (Paket Kebijakan Ekonomi 10), направленном на либерализацию некоторых инвестиционных секторов и обеспечение дополнительной защиты малых и средних предприятий (МСП)[504].

Завершающий пятилетний этап долгосрочной программы направлен на дальнейшее укрепление экономики Индонезии за счет улучшения человеческого капитала страны и повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Основными принципами хозяйственной деятельности объявлено сочетание открытого рынка, государственного регулирования и социального контроля[505]. Торговая политика нацелена на достижение самообеспеченности экономики, инвестиционная политика сочетает в себе стремление к увеличению иностранных инвестиций для развития инфраструктуры и стимулирования занятости с растущим акцентом на ресурсном протекционизме.

---

[502] Law of the Republic of Indonesia Number 17 of 2007 on Long-Term National Development Plan of 2005-2025 / State Ministry of National Development Planning National Development Planning Agency (BAPPENAS). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/LONG-TERM%20NATIONAL%20DEVELOPMENT%20PLAN%20OF%202005-2025%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[503] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 142-143.

[504] Putra G.P., Gumay P.S. The Implementation of 10th Economic Policy Package Related Small Medium Enterprises Establishment in Indonesia Implementasi Paket Kebijakan Jilid Kesepuluh Terkait Pendirian Perusahaan Kecil Menengah di Indonesia / G.P. Putra, P.S. Gumay // Jurnal Ekonomi dan Pembangunan. 2019. Т. 27, № 2. С. 47–59.

[505] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 139.

Несколько секторов остаются полностью или частично закрытыми для иностранных инвестиций, действуют ограничения на работу иностранных специалистов в отдельных секторах экономики[506].

Устойчивая идея достижения сбалансированной модели роста привела к укреплению социального компонента экономических реформ. В 2009 г. было принято пять программ развития деятельности кооперации: развитие аграрного сектора; увеличение производства электроэнергии; строительство дешевого жилья; расширение пользования информационно-коммуникационной технологией. Деятельность правительства страны была нацелена на повышение социальных гарантий, уровня и качества жизни, что выразилось в дальнейшем повышении уровня частного потребления при сохранении высокого вклада инвестиций в экономический рост страны[507]. Приоритами стали развитие инфраструктуры и программ социальной помощи, связанных с образованием и здравоохранением.

В последние годы правительство страны предпринимало ряд мер по либерализации торговли путем заключения двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Наблюдалось улучшение чистых бартерных условий внешней торговли[508], а в рамках реализации плана развития до 2030 гг. крупным компаниям правительство дало установку – ускорить развитие с тем, чтобы не менее 30 из них к 2030 г. вошли в число 500 сильнейших компаний мира[509]. Одновременно в условиях 4-й промышленной революции и бурного развития технологий правительство Индонезии предпринимает меры по переориентации экономики из «ресурсной» в «экономику знаний»[510].

Таким образом, к 2010-м гг. был создан базис для перехода от устойчивой модели экономического роста, движимого внутренним спросом, к сбалансированной модели развития на основе равномерного вклада в экономический прирост всех компонентов

---

[506] Australia Government Department of Foreign Affairs and Trade. Indonesia: What's Happening in the Economy [Электронный ресурс] / Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: https://www.dfat.gov.au/geo/indonesia/indonesia-country-brief (дата обращения: 03.10.2025).

[507] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 137.

[508] Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106 – С. 103.

[509] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 143.

[510] Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106 – С. 93.

ВВП. Основными принципами хозяйственной деятельности объявлено сочетание открытого рынка, государственного регулирования и социального контроля[511].

Ключевыми преимуществами индонезийской экономики были: сохранение относительно дешевой рабочей силы, рост среднего класса и увеличение его покупательной способности[512], обширный внутренний рынок и стабильность банковского сектора[513], сравнительно высокий уровень инвестиций в физический и человеческий капитал, относительно умеренный уровень неравенства в доходах, политическая стабильность и динамичный рост внешнеэкономических связей (экспорт товаров и услуг, динамика ПИИ)[514]. Поддержка микро-, малых и средних предприятий (ММСП) выступает основным драйвером экономического роста страны. Одновременно реализуется политика модернизации/индустриализации и проведение прагматичных экономических реформ, начало которым было положено еще в эпоху президента Сухарто. Одновременно сдерживающими факторами остаются недостаточный уровень развития инфраструктуры и накопление внешнего долга (частного и государственного).

За 20 лет до начала пандемии Индонезия добилась огромных успехов в сокращении бедности, снизив его более чем вдвое с 1999 г. до менее 10% в 2019 году. В июле 2023 г. Индонезия вернула себе статус страны с уровнем дохода выше среднего (upper-middle group) в соответствии с классификацией доходов Всемирного банка после его утраты в 2020 г. в результате воздействия на экономику COVID-19[515].

В качестве основ будущего экономического роста правительство Индонезии видит реформы в образовании, обучении и исследованиях. Поскольку каждый третий житель страны моложе 18 лет, а половина населения моложе 30 лет, Индонезия стремится максимально использовать преимущества своего демографического дивиденда, в том числе за счет расширения доступа к образованию и обучению, востребованным на мировом уровне. Одновременно модернизируется ряд крупных секторов экономики Индонезии, включая здравоохранение, банковское дело и государственные услуги,

---

[511] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. – С. 139.

[512]Шкваря Л. Экономика Индонезии: современные тенденции / Л. Шкваря // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 62–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-11-62-69. С. 62.

[513] Там же. С. 63.

[514]Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106. С. 86.

[515] World Bank Group Country Classifications by Income Level for FY24 (July 1, 2023 – June 30, 2024) [Электронный ресурс] / World Bank Group. Режим доступа: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/new-world-bank-group-country-classifications-income-level-fy24 (дата обращения: 03.10.2025).

стимулируя изменения и потребность в инновационных решениях. Реформы дополняются быстрым ростом цифровой экономики и развитием крупных платформ электронной коммерции[516]. Согласно экономическому отчету Всемирного банка за октябрь 2023 г., экономический рост Индонезии подкреплен ростом частного потребления и положительными условиями торговли[517].

В отличие от работ Т. Пэлли[518], М. Пиацолло[519], И. Данью, Й. и Н. Маасоглу[520], которые причисляли Индонезию к категории экспортоориентированных, основываясь на качественном анализе принципов экономической политики, настоящий анализ доказывает, что по структуре экономического прироста экономическая модель Индонезии никогда не являлась таковой, хотя элементы экспортоориентированности в ее документах стратегического планирования в 1980–1990-е гг. безусловно присутствовали. Текущие результаты подтвердили в значительной степени выводы К. Ханима[521], определившего в качестве основной модель роста, движимого внутренним спросом, Л. Баккаро и С. Хаджабдика[522], которые подчеркивали, что и до Глобального финансового кризиса (1995–2008), и после него (2009–2018) модель роста опиралась на внутренний спрос и преимущественно частное потребление домохозяйств. При этом настоящее исследование дополнительно усиливает вывод экспертов, что в посткризисные годы на фоне сохранения модели, движимой внутренним спросом, вклад в нее частного потребления оказался несколько ниже.

---

[516] Australia Government Department of Foreign Affairs and Trade. Indonesia: What's Happening in the Economy [Электронный ресурс] / Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: https://www.dfat.gov.au/geo/indonesia/indonesia-country-brief (дата обращения: 03.10.2025).

[517] Firm Foundations of Growth World Bank East Asia and the Pacific Economic Update April 2024 [Электронный ресурс] / World Bank Group. Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/9bf0f0aa-bd08-4c91-b665-caee561fb5d3/content (дата обращения: 03.10.2025).

[518] Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.

[519] Piazolo M. Determinants of Indonesian Economic Growth, 1965–1992 / M. Piazolo // Seoul Journal of Economics. 1996. Vol. 9. № 4. P. 269–298.

[520] Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.

[521] Hanim K. Panel Data Analysis of Export-Led Growth Hypothesis in BIMP-EAGA Countries / K. Hanim. Munich Personal RePEc Archive, MPRA Paper 13264. 2009. February. 28 p.

[522] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

2.7. Эволюция модели экономического роста Филиппин

Филиппины, как и другие страны региона, развивались по традиционной траектории: на ранних этапах преобладали импортозамещение, активное участие государства и внешнеторговый протекционизм. В более поздние периоды ситуация изменилась на политику либерализации внешней торговли и либерализации счета движения капитала, что способствовало росту экспорта и притоку прямых иностранных инвестиций, а также привело к трансформации модели экономического развития в сторону усиления роли внешнего сектора в экономическом росте. В то же время либерализация не всегда была последовательной и комплексной: сохранялась высокая защита отдельных отраслей (сельское хозяйство, сектор услуг), жесткие ограничения по доступу ПИИ по секторам, валютный контроль за движением краткосрочного капитала, валютным операциям, отдельным видам инвестиций и проч.

В 1970-е гг. страна придерживалась сбалансированной модели роста, движимого совокупным спросом: значимый вклад в темпы экономического прироста обеспечивали частное потребление домохозяйств и инвестиции при значительно меньшем размере вклада внешней торговли (см. Рисунок 11 и Таблицу 12). В 1980-е гг. на фоне сокращения доли инвестиций модель была ориентирована на частное потребление домохозяйств при одновременном росте вклада внешнеторгового компонента. Модель, движимая частным потреблением, сохранялась и в 1990-начале 2000-х годов. Несмотря на существенный рост внешней торговли и расширение ее вклада в темпы экономического прироста страны, на Филиппинах происходило накопление дефицита торгового баланса, что не позволяет в полной мере считать модель экспортоориентированной. Устойчивое расширение экспорта привело к тому, что к середине 2000-х гг. модель тяготела к экспортоориентированной, которая и была достигнута в 2006 г., однако Глобальный финансовый кризис не позволил ей укрепиться. После 2010 г. происходило устойчивое наращивание дефицита внешней торговли, а отрицательный вклад импорта существенно превосходил стимулирование роста за счет экспортного компонента. Филиппины вернулись к модели экономического роста, движимого совокупным внутренним спросом: наибольший вклад обеспечивало частное потребление домохозяйств (при одновременном росте вклада государственного потребления), происходило также укрепление вклада инвестиционного компонента роста. В годы восстановления после масштабного локдауна

2020 г. экономический рост обеспечивался, главным образом, инвестициями и сравнительно устойчивым вкладом частного потребления. На фоне эффекта низкой базы происходило расширение вклада экспорта, однако дефицит торгового баланса продолжал нарастать.

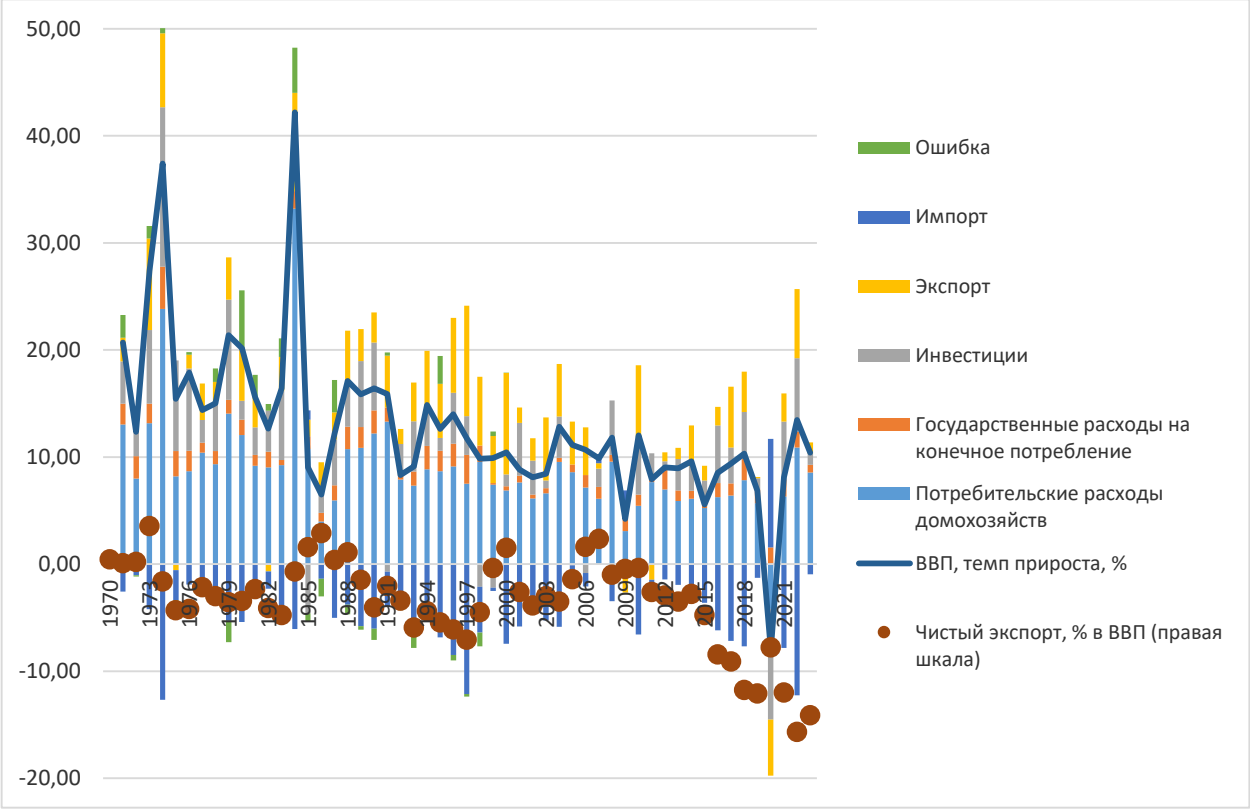

Рисунок 11 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Филиппин, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в филиппинских песо для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 12 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Филиппин, 1971–2023 г., %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	70,18	60,16	10,01	32,04	14,29	-17,42	0,91
1980-1989	71,95	63,00	8,95	24,43	21,10	-23,89	6,42
1990-1999	86,33	73,96	12,37	21,64	40,25	-46,35	-1,87
2000-2009	80,57	74,17	6,40	21,76	35,22	-37,58	0,03
2010-2019	88,56	74,32	14,24	31,86	24,07	-44,49	0,00

2020-2022	77,55	73,14	4,42	64,29	38,83	-30,68	0,00

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы и годы с высокой долей ошибки в структуре компонентов ВВП: 1985, 1998, 2009.
Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в филиппинских песо для нивелирования курсовых колебаний).

В то же время особенность экономического развития Филиппин заключалась в менее системном участии государства в хозяйственной жизни на ранних этапах, нежели в иных странах региона, и одновременно более медленной либерализации в последующие периоды. Для Филиппин была характерна более низкая степень открытости и более низкие (и неравномерные) темпы внутренних и иностранных инвестиций. С 1970-х гг. вплоть до середины 1990-х гг. экономическая структура Филиппин фактически не менялась: относительно небольшая доля рабочей силы была занята в капиталоемком и высокозащищенном секторе производства, в то время как большая доля населения обеспечивала менее технологичное и низко производительное сельское хозяйство и неформальные городские услуги[523].

В 1950-е гг. среднегодовые темпы экономического роста на Филиппинах были выше, чем у большинства стран региона: 6,5% против 5,7% в Таиланде, 5,4% в Сингапуре, 4% в Индонезии и 3,6 в Малайзии[524]. Наиболее комплексной и амбициозной стала Пятилетняя комплексная социально-экономическая программа для Филиппин (1961–1964), запущенная администрацией президента Диосдадо Макапагала. Программа развития опиралась на наращивание инвестиций (преимущественно из внутренних сбережений) и отмену валютного контроля, нацеленную на стимулирование притока прямых иностранных инвестиций. Приоритетом выступало развитие капиталоемких отраслей. При этом сохранялся относительно высокий уровень внешнеторгового протекционизма для защиты национальных отраслей от внешней конкуренции, связанной с притоком иностранного капитала. Импортозамещение сопровождалось системой налогово-бюджетных стимулов, в т.ч. выделением целевых кредитов.

Проводимая экономическая политика стимулировала экономический рост, однако одновременно вела к накоплению существенного внешнего долга, который увеличился в

[523]Yap J.T. Inflation and Economic Growth in the Philippines [Электронный ресурс] / J.T. Yap // Philippine Institute for Development Studies. Discussion Paper Series № 96-11. 1996. С. 5–8. Режим доступа: https://pidswebs.pids.gov.ph/CDN/PUBLICATIONS/pidsdps9611.pdf (дата обращения: 03.10.2025). P. 5.
[524] Данные ВБ World Bank Statistic Dataset.

1970-е годы. Пятилетняя программа развития для Филиппин на период 1970–1974 гг.[525] была нацелена на расширение инвестиционной составляющей экономического роста, накопление капитала и содержала интегрированную инвестиционную программу реализации проектов правительством и частным сектором при поддержке государства. Реализация программы была нацелена на стимулирование экономического роста, расширение среднего класса и обеспечение занятости стремительно растущего населения страны, а также содержала некоторые элементы экспортоориентированности, поскольку одной из задач правительства страны было сформулировано приятие мер для повышения качества и расширение экспорта. Параллельно правительством ежегодно принимались четырехлетние планы развития, устанавливавшие целевые показатели экономического роста на ближайшие 4 года и представляющие детальный анализ состояния экономики, финансов, внешней торговли, а также ключевых проблем экономического развития страны. В частности, Четырехлетний план развития (1971–1974) [526] фиксировал в качестве целевого индикатора среднегодовой темп реального прироста экономики на уровне 5,5%, реального роста доходов населения – на уровне 2%. Уже на следующий год в Четырехлетнем плане развития 1972–1975 эти показатели были скорректированы в направлении повышения до 6,9% и 3,7%[527], а в Плане на 1974–1977 гг. – до 7% и 4%, соответственно[528].

Основными приоритетами в рамках Плана 1972–1975 гг. по-прежнему выступали увеличение доходов на душу населения и более справедливое распределение доходов, повышение занятости, региональная индустриализация страны. Однако План содержал две отличительные характеристики: (1) новая стратегия развития опиралась на пересмотр рамок экономической политики – от протекционизма к либерализации; (2) для обоснования оценок и целевых индикаторов впервые в филиппинском планировании использовалась формально определенная макроэкономическая модель. Гибкость

[525] Five-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1970–1974 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
[526] Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1971–1974 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
[527] Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1972–1975 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
[528] Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1974–1977 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

заработной платы и процентных ставок сопровождалась снижением тарифов для открытия рынка для иностранной конкуренции и отменой строгих законов об иностранных инвестициях.

Все эти документы устанавливали и целевые показатели темпов прироста национальных инвестиций, а также целевые показатели доли накопления капитала в ВВП страны. В частности, в соответствии с Четырехлетним планом 1974–1977 гг. ожидаемый вклад в ВВП должен был вырасти с 19,4% до 21,3%[529].

Проводимая политика имела двоякий эффект. С одной стороны, 1970-е гг. стали периодом наиболее высоких темпов экономического роста, движимого частным потреблением и инвестициями, как внутренними, что стало следствием предшествующей политики 1960-х гг., так и внешними. С другой стороны, первые шаги по пути либерализации усугубили проблемы внешнего долга страны: период 1975–1979 гг. фактически стал периодом роста, движимого накоплением внешнего долга. Иностранный капитал дал импульс развитию импортозамещающих отраслей, общественной инфраструктуры и реализации энергетических программ, однако стал причиной краткосрочного кризиса внешнего долга. Одновременно фактор роста издержек за счет серьезной девальвации и внешнего шока цен на нефть привел к резкому росту инфляции и переходу от реализации в последующие годы программы развития к программе макроэкономической стабилизации.

С 1978 г. страна фактически перешла к трехуровневому планированию: установившиеся пятилетние планы реализовывались параллельно с десятилетними, при этом одновременно стратегические ориентиры развития были сформулированы в долгосрочном плане до 2000 года. Первый пятилетний план (1978–1982)[530] был ориентирован на формирование «Нового общества», достижение человеческого и социального прогресса (повышение уровня грамотности, расширение системы базовых услуг, реализация комплекса мер, направленных на обеспечение занятости). Вторым по значимости приоритетом была диверсификация структуры внешней торговли для

---

[529] Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1974–1977 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

[530] Five-Year Philippine Development Plan 1978–1982 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

Summary of the Five-Year Philippine Development Plan 1978–1982 Including the Ten-Year Development Plan 1978–1987 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

стабилизации торгового баланса, в т.ч. посредством мобилизации внутренних и иностранных финансовых ресурсов (сохранение курса на привлечение прямых иностранных инвестиций) и постепенное технологическое развитие. Одним из ключевых инструментов повышения уровня жизни стали (1) аграрная реформа (перераспределение земель и продление сроков ее аренды для фермеров) и (2) формирование базовых систем социального обеспечения (уровня минимальной заработной платы и социального пакета). Второй пятилетний план (1983–1987)[531] представлял собой программу экономической стабилизации и восстановления роста после кризиса 1983 г. и приоритизировал сбалансированный рост с акцентом на рост производительности и диверсификации промышленности, усиление внешней торговли и привлечение иностранных инвестиций.

Накопление внутренних структурных диспропорций в результате внешнего финансового бума предыдущего периода и последующего чрезмерного финансового левериджа государственных и частных компаний[532] и внешние шоки (второе повышение цен на нефть, резкий рост мировых процентных ставок, рецессия в промышленно развитых странах и дополнительный краткосрочный шок ссудного долга) привели к резкому замедлению темпов экономического роста в начале 1980-х гг. и обвалу экономики в 1984–1985 гг. в результате кризиса платежного баланса. Программа выхода из кризиса включала мораторий на погашение долга, сокращение государственных расходов и импорта[533]. Приход к власти нового правительства сопровождался реализацией программы быстрого восстановления посредством (1) выведения на первый план в качестве ключевого приоритета борьбы с бедностью, расширения текущих государственных расходов при сокращении государственных инвестиций; (2) проведения стратегии либерализации, в первую очередь внешнеторгового регулирования и валютных режимов. Количественные ограничения на импорт постепенно заменялись тарифными инструментами, структура тарифов была упрощена и рационализирована. Был принят новый, более либеральный Закон об иностранных инвестициях, происходила приватизация многих государственных корпораций.

---

[531] Five-Year Philippine Development Plan 1983–1987 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

[532] Yap J.T. Inflation and Economic Growth in the Philippines [Электронный ресурс] / J.T. Yap // Philippine Institute for Development Studies. Discussion Paper Series № 96-11. 1996. С. 5–8. Режим доступа: https://pidswebs.pids.gov.ph/CDN/PUBLICATIONS/pidsdps9611.pdf (дата обращения 3.10.2025). P. 7-8.

[533] Ibid. P. 8.

Возросший экспортный потенциал, расширение частного и государственного спроса способствовали восстановлению частных инвестиций, а реструктуризация долга и новые источники внешнего финансирования улучшили состояние платежного баланса. В результате к 1988 г. стране удалось выйти на предкризисные темпы роста (6,7%). Третий пятилетний план (1988–1992) был сфокусирован на проведении политики децентрализации, стимулировании роста частного сектора и диверсификации экономики. Важным аспектом плана было улучшение инфраструктуры и развитие социальных программ, а также дальнейшее проведение аграрной реформы[534].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось вторым кризисом платежного баланса на фоне ускоренного роста цен на нефть вследствие напряженности на Ближнем Востоке. Правительство Ф. Рамоса, пришедшее к власти в 1992 г., сохранило курс на либерализацию и провело ряд реформ, направленных на выведение экономики страны на путь быстрого устойчивого роста. Принципы политики либерализации, дерегулирования и глобализации были положены в основу Пятилетнего плана 1993–1998 годов[535]. Было снято большинство ограничений на операции с капиталом, принят новый Закон о Центральном банке, определивший контроль инфляции в качестве ключевой цели. План предполагал реализацию масштабной инвестиционной программы за счет средств внутренних сбережений населения и государственного сектора. Одновременно приток иностранного капитала в значительной степени способствовал переформатированию экономики страны, росту производительности капитала (на фоне снижения производительности труда). Курс на либерализацию, возросшая рыночная ориентированность экономики, реформы финансового сектора и укрепление институциональной среды привели к ускоренному росту отношения экспорта к ВВП страны, устойчивому росту внешней торговли, росту вклада внешнеторгового компонента в экономический рост. Важным источником роста стало развитие внутрирегиональных интеграционных процессов и создание АФТА.

В то же время относительно более низкий уровень открытости экономики Филиппин по сравнению с иными странами региона обусловил относительно более высокий уровень устойчивости в ходе Азиатского финансового кризиса 1997 года. В 1998

[534] Highlights of the Medium-Term Philippine Development Plan 1987–1992 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
[535] Medium-Term Philippine Development Plan 1993–1998 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

г. экономика страны просела только на 0,5%; предшествующая реструктуризация долга и относительно меньший приток краткосрочного капитала смягчили и масштабы оттока, и проблемы с его обслуживанием в период кризиса. В начале кризиса страна все еще находилась на начальных этапах экономического подъема, финансовый «пузырь», образовавшийся в течение двух предшествующих лет быстрого экономического роста и бума на рынке недвижимости и строительства (поддержанного крупными притоками капитала и быстрым банковским кредитованием) был относительно небольшим, а адаптация к оттоку иностранного капитала и сокращению внутренних инвестиций – менее болезненной.

Период посткризисного развития ознаменовался расширением экономической повестки и приоритизацией вопросов всестороннего развития человеческого потенциала и защиты уязвимых слоев населения. План 1999–2004 гг. декларировал переход к «устойчивому росту, опирающемуся на социальный капитал», значительное внимание уделялось модернизации сельского хозяйства и рыболовства, обеспечивавших большую долю занятости, реформе системы образования, включая базовое и высшее образование, улучшению финансовой системы и поддержке новых секторов экономики, таких как телекоммуникации, фармацевтика и другие высокотехнологичные индустрии[536].

Одновременно происходило сокращение дефицита счета текущих операций, при этом модернизация трудоемких отраслей привела к резкому росту в 2002–2007 гг. общей факторной производительности, в первую очередь росту вклада труда и трудоемкого сельского хозяйства в экономический рост (по сравнению с периодом 1993–2001 гг.) на фоне некоторого снижения производительности капитала и вклада промышленности и сферы услуг. Достижение роста и социальной стабильности в рамках Плана 2004–2010 гг. обеспечивалось дальнейшей децентрализацией, одним из ключевых двигателей развития была призвана стать внешняя торговля, однако экспортоориентированный рост не выступал приоритетом, а целевые индикаторы устанавливали опережающий рост импорта[537].

К 2008 г., как и в год Азиатского финансового кризиса, зависимость от внешних рынков оказалась не настолько высокой, чтобы обвалить экономику страны. В отличие

[536] Medium-Term Philippine Development Plan 1999–2004 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
[537] Medium-Term Philippine Development Plan 2004–2010 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

от других стран региона в 2009 г., когда негативные последствия кризиса нашли отражение в макроэкономической статистике, экономика Филиппин не ушла в минус и продемонстрировала рост на уровне 1,45%. Восстановление в 2010 г. обеспечивалось резким ростом внешнеторговых потоков и инвестиций, однако в посткризисные годы прежних показателей вклада чистого экспорта добиться не удалось: развитие и трансформация экономики сопровождались сопоставимым ростом импорта, а чистый экспорт оставался на околонулевом уровне в 2011 г. и показывал отрицательные значения в большинстве последующих лет.

В периоды 2002–2009 и 2010–2019 гг. Центральный Банк страны работал на принципах таргетирования инфляции; одновременно политика стимулирования доходов и человеческого развития привела к расширению вклада потребления (как частного, так и государственного) в экономический рост и накоплению инвестиций (как из внутренних, так и их внешних источников). В результате экономика Филиппин росла в 2012–2019 гг. темпами в среднем 6,5%. В эти годы произошла перебалансировка факторной производительности в пользу резкого роста производительности капитала (капиталоемких производств) и снижения вклада трудоемкого сельского хозяйства[538]. Очередной План развития на 2011–2016 гг.[539] фиксировал укрепление устойчивого инклюзивного роста с акцентом на дальнейшую экономическую диверсификацию, укрепление инновационных отраслей, повышение уровня образования, реализацию реформ в области государственного управления, здравоохранения и сельского хозяйства.

Обратной стороной высоких темпов роста и относительной зрелости экономики стало резкое падение экономики в 2020 году. Резкое сокращение внешней торговли и внутренних инвестиций, отток капитала и падение потребительского спроса привели к обвалу экономики на 9,5%. Восстановление же в 2021 и 2022 гг. обеспечила реанимация частного потребления и инвестиций, в то время как восстановление внешней торговли выразилось в большей степени в расширении импорта, что привело к увеличению дефицита счета текущих операций.

Стратегическая философия нового этапа планирования фактически остается неизменной: План развития Филиппин на 2023–2028 гг. предполагает глубокие

---

[538] Eloisa T. Glindro, Rosemarie A. Amodia. Decomposing Sources of Potential Growth in the Philippines. Bangko Sentral Review 2015. P. 1-18. https://www.bsp.gov.ph/Media_And_Research/Publications/BS2015_01.pdf

[539] Philippine Development Plan 2011–2016 Medium-Term Update [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).

экономические и социальные преобразования для активизации создания рабочих мест и ускорения сокращения бедности путем возвращения экономики на путь высоких темпов инклюзивного роста, опирающегося на повышение инновационной составляющей и конкурентоспособности на мировом уровне[540]. План основан на социально-экономической повестке дня президента Фердинанда Р. Маркоса-младшего из восьми пунктов, нацеленной на решение неотложных проблем – высокой инфляции, ограниченного фискального пространства, нехватки рабочих мест, в т.ч. «зеленых рабочих мест», сопряженных с реорганизацией производственных процессов и внедрением технологий, содействующих охране окружающей среды.

Пятилетние планы экономического развития страны после 2009 г. в большей степени нацеливались на достижение сбалансированного внутреннего спроса, нежели планы предшествующих лет. Philippine Development Plan (PDP) 2011–2016 в качестве одной из задач декларировал стимулирование экономического роста через развитие среднего класса и улучшение доступности товаров и услуг, а также развитие финансовой инфраструктуры для улучшения доступа домохозяйств к кредитованию. Philippine Development Plan 2017–2022 еще более четко был ориентирован на улучшение качества жизни граждан, увеличение доли внутреннего потребления в структуре ВВП и повышение доходов населения посредством (1) повышения доступности жилья, (2) качества образования и здравоохранения, (3) развития малого и среднего предпринимательства.

Долгосрочный национальный план правительства страны AmBisyon Natin 2040 декларирует превращение страны к 2040 г. в процветающее общество среднего класса, свободное от бедности, что предполагает фактически утроение дохода на душу населения в течение следующих двух десятилетий[541]. Такой подход даже без официального декларирования в качестве приоритетной цели перехода к модели экономического роста, движимого внутренним потреблением, неизбежно призван привести к существенной ребалансировке драйверов роста в пользу внутреннего спроса в целом и частного потребления в особенности.

---

[540] Philippine Development Plan 2023–2028 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/wp-content/uploads/2023/01/PDP-2023-2028.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
[541] AmBisyon Natin 2040. A Long-term Vision for the Philippines [Электронный ресурс] / AmBisyon Natin 2040. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cobp-phi-2021-2023-ld-03.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

Как показывает проведенный анализ, экономическая модель Филиппин никогда не была экспортоориентированной, хотя исследования И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[542] МВФ[543], М. Рахмана и М. Мустафы[544], Л. Арминто[545] причисляли ее к таковой. Доказанная в настоящем исследовании устойчивость модели экономического роста, движимой внутренним спросом, получила подтверждение в работе К. Ханима[546], а также в работе Л. Баккаро и С. Хаджабдика[547], которые сделали акцент на ослаблении фактора потребления домохозяйств после 2009 г. (на фоне общего сохранения роста, движимого внутренним спросом).

2.8. Эволюция модели экономического роста Сингапура

Сингапур – единственная высокоразвитая экономическая система среди стран Юго-Восточной Азии, с высоким уровнем дохода, занимающая первое место в мире по уровню развития человеческого капитала, построена на высоких показателях инвестиционного климата и крупных инвестициях в инфраструктуру, образование, здравоохранение и государственные услуги, обладает многоотраслевой высокодиверсифицированной промышленностью и сферой услуг (основу составляют производство бытовой электроники, информационные технологии, фармацевтика и финансовые услуги)[548], ориентированной на экспорт вследствие объективной узости внутреннего рынка. Особенность модели экономического роста страны заключается в построении высокоразвитой экономики на рыночных принципах в условиях

[542]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.
[543]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[544]Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. 1998. Vol. 22. № 2. P. 81–95.
[545]Amrinto L. A Semiparametric Assessment of Export-Led Growth in the Philippines / L. Amrinto. MS Thesis, Agricultural Economics and Agribusiness, Louisiana State University, 2006.
[546]Hanim K. Panel Data Analysis of Export-Led Growth Hypothesis in BIMP-EAGA Countries / K. Hanim. Munich Personal RePEc Archive, MPRA Paper 13264. 2009. February. 28 p.
[547]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.
[548] Особенности экономического развития Сингапура [Электронный ресурс] / Е.Р. Кирилина // Вестник Юго-Восточной Азии : актуальные проблемы развития. 2016. № 31. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-singapura (дата обращения: 03.10.2025).

сохраняющегося на протяжении многих лет авторитарного управления и прямого вмешательства государства в экономику[549].

Экономическая модель Сингапура претерпела в своем развитии несколько этапов, что проявилось в динамике вклада ключевых компонентов ВВП в экономический рост (см. Таблицу 13 и Рисунок 12). В первые годы с момента обретения независимости Сингапур сделал ставку на привлечение иностранного капитала, развитие трудоемких отраслей экономики для достижения полной занятости посредством высоких протекционистских барьеров. В результате к 1970-м гг. модель экономического развития Сингапура представляла собой сбалансированный рост, движимый экспортом, частным потреблением и накоплением капитала, которая к 1980-м гг. трансформировалась в классическую экспортоориентированную модель роста с рекордным вкладом экспорта в прирост ВВП на фоне расширения профицита торгового баланса.

В 1990-е гг. сохранение положительных значений чистого экспорта сопровождалось дальнейшим наращиванием вклада инвестиционного компонента в экономический рост, что способствовало укреплению модели роста, движимого экспортом и инвестициями. 2000-е гг. стали периодом исключительно высокого вклада чистого экспорта в темпы экономического роста страны (за исключением кризисных 2008–2009 гг.) и очевидного следования экспортоориентированной модели роста, которая сохранялась вплоть до пандемии COVID-19 и 2021–2022 гг.; в то же время в 2023 г. на фоне резкого сокращения внешней торговли произошло расширение вклада частного потребления в экономический рост (хотя устойчивой данную модель считать нельзя).

В 1960–1970-е гг. Сингапур шел по пути реализации концепции индустриального развития, государственная программа экономического роста ориентировалась на внешние рынки и существенно зависела от финансового капитала транснациональных корпораций. Ключевыми задачами было достижение полной занятости и недопущение накопления высокого государственного долга, в итоге правительство сделало ставку на привлечение иностранного финансирования (в форме прямых иностранных инвестиций) и развитие трудоемких отраслей экономики, переход от мелких промышленных предприятий к крупной индустрии.

---

[549] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

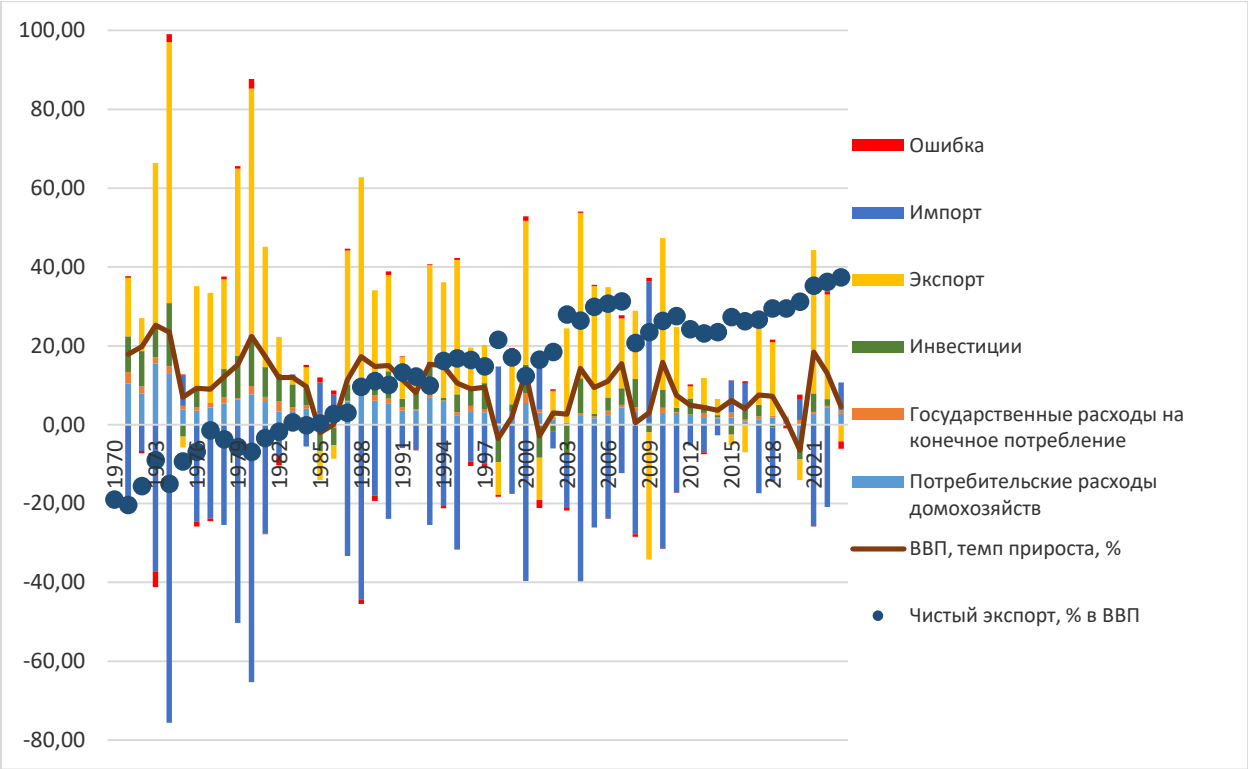

Рисунок 12 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Сингапура, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в сингапурских долларах для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 13 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Сингапура, 1971–2023 гг., %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	59,33	49,20	10,13	35,20	180,38	-172,98	-1,93
1980-1989	46,18	37,46	8,72	43,76	167,52	-154,70	-2,75
1990-1999	57,98	50,46	7,52	47,69	213,62	-223,21	3,92
2000-2009	14,22	10,57	3,65	16,98	346,93	-287,90	9,77
2010-2019	52,54	39,51	13,03	23,57	117,20	-87,76	-5,54
2020-2023	48,58	47,73	0,85	23,29	98,37	-56,54	-13,69

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1985, 1986, 1998, 2008, 2009.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858).

Первый пятилетний план экономического развития Сингапура (1961–1965)[550] опирался на создание производственной и социальной инфраструктуры и программу полномасштабной индустриализации. Становление отраслей импортзамещающей промышленности обеспечивалось ужесточением протекционистской политики, высоким уровнем таможенных пошлин на широкий спектр товаров: от алкогольных напитков и табачной продукции до нефтепродуктов[551].

В то же время правительство страны старалось сохранить традиционный для Сингапура реэкспортный потенциал, обеспеченный благоприятным географическим положением и высокими темпами нарождающейся индустриализации в соседних государствах. Для сегрегации и либерализации торговли реэкспортными товарами (к их числу относились каучук, олово, железная руда, копра, перец, древесина и проч.) в условиях протекционистского импортозамещения промышленному району Джуронгу и порту Сингапур был придан статус Зоны свободной торговли (или свободной экспортной зоны)[552].

Одновременно правительство обеспечивало льготные условия инвесторам для создания новых промышленных зон: по Закону 1959 г. в приоритетных отраслях иностранные и национальные предприниматели на 5 лет освобождались от подоходного налога, от импортных пошлин на сырье и оборудование, а также получали возможность ускоренной амортизации[553]. Высокие показатели инвестиционного климата государства и привлекательность его юрисдикции для частного иностранного капитала обеспечивались прозрачностью нормативно-правовой системы с незыблемостью принципа защиты прав собственности, а также реализацией с 1965 г. всесторонней антикоррупционной стратегии. Высокое участие государства в системе хозяйствования позволяло направлять инвестиции в приоритетные системообразующие сектора экономики, к числу которых на начальном этапе относились трудоемкие

---

[550] First Development Plan 1961–1964 [Электронный ресурс] / Singapore Ministry of Finance. Режим доступа: https://labordoc.ilo.org/discovery/fulldisplay?docid=alma992536243402676&context=L&vid=41ILO_INST:41ILO_V1&lang=en&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=Everything&query=sub,exact,East%20Asia%20 (дата обращения: 03.10.2025).

[551] Singapore Economic Planning Unit. First Development Plan 1961–1964: Review of Progress for the Three Years Ending 31st December 1963 / Singapore Economic Planning Unit. Singapore, 1964.

Van Elkan R. Singapore's Development Strategy [Электронный ресурс] / R. Van Elkan // International Monetary Fund. Режим доступа: https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781557754639/ch003.xml (дата обращения: 03.10.2025).

[552] Курзанов В.Н. Промышленное развитие Сингапура. М., 1978.

[553] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

нефтеперерабатывающая промышленность, судостроение и текстильное производство, что обеспечило рекордные темпы индустриализации.

В то же время узость внутреннего рынка предопределяла ограничения импортозамещающей модели экономического развития. В результате Второй пятилетний план Сингапура (1966–1970)[554], который придерживался первоначально прежних принципов следования политике импортозамещения на основе трудоемких производств, был пересмотрен. Приоритетом для правительства стал, с одной стороны, выход на внешние рынки, а с другой, постепенное создание инноваций на основе развития человеческого капитала[555] и построения государственной системы на принципе справедливого общества[556]. Была сделана ставка на грамотных людей и талантливых управленцев с хорошим образованием: не только за счет «импорта» кадров на уровне топ-менеджмента крупных оперировавших в стране ТНК, но и развитие собственной кадровой политики и системы образования. По мнению бывшего премьер-министра страны Ли Куан Ю, «талантливые люди являются наиболее ценным достоянием страны»[557].

В дополнение ко Второму пятилетнему плану была принята Программа ускоренного развития (1968–1973), декларировавшая курс не на импортозамещение, а на развитие экспортоориентированного производства в качестве ключевого драйвера роста. С 1973 г. был пересмотрен подход к финансированию промышленности: приоритет отдавался инвестиционным проектам в новейших отраслях с применением новых технологий – нефтехимии, точном станко- и машиностроении, электротехнической, электронной, судостроительной и судоремонтной промышленности[558]. Одновременно была разработана система льгот и привилегий для экспортоориентированных предприятий: срок освобождения от налогов экспортоориентированных предприятий

---

[554] Singapore Ministry of Finance Economic Planning Unit. Second Development Plan 1966–1970 [Электронный ресурс] / Singapore Ministry of Finance Economic Planning Unit. Режим доступа: https://www.sg101.gov.sg/economy/surviving-our-independence/1965-1970/ (дата обращения: 4 октября 2025).

[555] Кирилина Е.Р. Особенности инновационной модели Сингапура / Е.Р. Кирилина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Выпуск XXXI (№ 31). Режим доступа: https://sea.ivran.ru/f/26607057.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[556] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

[557] Ли Куан Ю. Из третьего мира в первый: История Сингапура (1965–2000) / Ю. Ли Куан. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 119 с.

Lee Kuan Yew From the Third World to the First: The Singapore Story 1965–2000 / Lee Kuan Yew. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 119 p.

[558] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

приоритетных секторов увеличивался от 3 до 5 лет. Иностранные инвесторы получали льготы – право на беспошлинный перевод прибылей и репатриацию капиталов, гарантии капиталовложений, освобождение от налога на проценты по банковским вкладам для иностранных граждан, освобождение от двойного налогообложения и ряд других[559]. Система поддержки экспорта и экспортеров включала страхование и упрощение административных процедур.

К началу 1970-х гг. Сингапур решил значительную часть острых социальных проблем и достиг полной занятости, первоначальное накопление капитала благодаря ускоренной индустриализации позволила перейти к сбалансированному финансированию (сочетание иностранных инвестиций с государственными и частными), а высокое присутствие на рынке транснациональных корпораций предопределило легкость перехода экономической модели Сингапура к ориентированности на внешние рынки. Высокое присутствие на сингапурском рынке в 1970-х гг. американских банков обеспечивало бизнес (преимущественно оперировавшие на рынке ТНК) дополнительным финансовым ресурсом. При этом важно, что государственные предприятия функционировали в рыночной среде наравне с частными без каких-либо дополнительных привилегий и льгот, что создало высококонкурентную среду.

В результате рост ВВП в Сингапуре был одним из самых высоких в мире, в среднем в период с 1961 по 1973 г. – более 11% в среднегодовом исчислении[560]. Третий пятилетний план (1971–1975) был нацелен на модернизацию и диверсификацию экономики страны, переход от трудоемких производств к более капиталоемким отраслям, включая высокотехнологичные. Ускоренная технологическая индустриализация и переориентация экономической стратегии на экспортоориентированность позволили достичь перестройки производства, нацеленной на получение более высокой добавленной стоимости, а также сформировать к 1970-м гг. стратегию преимущественного развития сферы услуг. Дальнейшая модернизация промышленности в сочетании с акцентом на развитие социальной сферы (форсированного строительства доступного жилья) нашли отражение в Четвертом пятилетнем плане развития страны на 1976–1980 годы.

[559] Курзанов В.Н Промышленное развитие Сингапура / В.Н Курзанов. М. : Наука, 1978. 134 с.
[560] Данные МВФ World Economic Outlook Statistic Database.

Параллельное развитие получили идеи превращения Сингапура в региональный, а затем и международный финансовый центр и крупнейший региональный узел международного авиасообщения и грузоперевозок благодаря ускоренным инвестициям в развитие инфраструктуры.

К началу 1980-х гг. в Сингапуре был создан экспортоориентированный многоотраслевой промышленный комплекс, опирающийся на высоко диверсифицированное технологичное машиностроение, нефтеперерабатывающий комплекс (несмотря на отсутствие собственных запасов нефти) и нефтехимическую промышленность[561]. Технологический толчок к развитию во многом обеспечили крупные американские ТНК. Ли Куан Ю отмечал, что «американские МНК принесли с собой высокие технологии, использовавшиеся в крупномасштабных производствах, …смогли обеспечить рабочим занятость и научить их техническим, инженерным и управленческим навыкам»[562].

Однако по мере развития промышленности, накопления капитала и улучшения социальных стандартов, уровня и качества жизни Сингапур начал утрачивать свое ключевое конкурентное преимущество – дешевую рабочую силу. Отдельные ТНК начали переносить производства в другие азиатские страны. Это требовало пересмотра стратегии конкурентоспособности страны: перехода от ценовых преимуществ к качественным и технологическим. С 1981 г. начался новый этап индустриализации – на основе совершенствования технологических процессов в промышленности, повышения производительности труда, подготовки квалифицированных кадров[563]. Для ее проведения был сделан акцент на развитии «ультрасовременной инфраструктуры мирового класса», включающей комплекс взаимосочетаемых и взаимодополняемых воздушных, морских, телекоммуникационных связей и эффективной логистики, в т.ч. для сохранения и развития реэкспортной торговли[564]. Параллельно с дальнейшей модернизацией производства и расширением сферы услуг приоритетом стало развитие собственной системы образования и «взращивания» кадров, а также инвестиции в инфраструктуру (см. Пятый пятилетний план развития на 1981–1985 гг.), что в последующем вылилось в

[561] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.
[562] Lee Kuan Yew From the Third World to the First: The Singapore Story 1965–2000 / Lee Kuan Yew. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 119 p.
[563] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.
[564] Там же.

стремление к трансформации и модернизации рынка труда и расширения инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, закрепленное в Шестом пятилетнем плане (1986–1990).

Седьмой и восьмой пятилетние планы (1991–1995 и 1996–2000) были сосредоточены на извлечении максимальных экономических выгод глобализации для национальной экономики: ставка делалась на расширение экономических связей с глобальными рынками, активное использование преимуществ открытой экономики, переориентацию конкурентных преимуществ на основе «экономики знаний». В 1991 г. был принят Национальный стратегический экономический план Сингапура, предусматривавший переход к 2010 г. от капиталоемкой к наукоемкой экономике с ведущей ролью высокотехнологичных производств и сферы услуг[565]. План предусматривал развитие торговли, транспорта, технологической и финансовой инфраструктуры, страхования, туризма, международных услуг, точного и тяжелого машиностроения, вспомогательных производств[566]. Был учрежден Национальный совет по делам науки и технологии (National Science and Technology Board) в качестве центра генерирования новой политики в области научно-технологического развития.

Накопление собственного капитала привело к запуску в 1993 г. сингапурской Программы развития деловой активности в регионе и стимулировало выход на внешние рынки: одним из приоритетов государственной политики 1990-х гг. стала поддержка сингапурских предпринимателей в расширении деятельности в иных странах Азиатского региона и за его пределами – через масштабный вывоз инвестиций и создание на территории третьих государств промышленных зон. На межгосударственном уровне была реализована идея создания совместно с Малайзией и Индонезией трехстороннего центра ускоренного экономического роста на индонезийском острове Батам[567].

В 1996 г. был принят второй Национальный план развития науки и технологии, предполагавший инвестиции в размере USD 4 млрд и обозначавший в качестве одной из

---

[565] Chia E. S. Analysis of Singapore's 1991 Strategic Economic Plan Using the Large-Scale Systems Engineering Framework / E. S. Chia // INCOSE International Symposium. 2007. Vol. 17. № 1. P. 1004–1014. DOI: 10.1002/j.2334-5837.2007.tb02928.x.

[566] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

Singapore. The Strategic Economic Plan: Towards a Developed Nation [Электронный ресурс] / Singapore. 1991. Режим доступа: https://www.nlb.gov.sg/main/Book-Detail-Page?cmsUuID=b37464f7-83ef-4fac-a098-cc1566548fee (дата обращения: 4 октября 2025).

[567] Костюнина Г.М. Свободные экономические зоны в Индонезии / Г.М. Костюнина // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 1–2. С. 23–41.

задач превращение Сингапура в центр информационных технологий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К концу 1990-х гг. стали развиваться предприятия, ориентированные на местные возможности технологических инноваций и, соответственно, начался процесс производства высокотехнологичной продукции[568]. В 1998 г. стартовало движение «Сингапур – XXI», параллельно с 1999 г. активно начала проводиться политика либерализации банковского сектора.

Девятый пятилетний план развития экономики на период 2002–2005 гг. официально закрепил переход к экономике, ориентированной на инновации, посредством развития интеллектуальной собственности, поддержки исследований и разработок, а также дальнейшее повышение роли Сингапура как финансового и логистического хаба.

Индикаторами успешного научно-технологического развития экономики Сингапура стало активное вовлечение страны в глобальный процесс интернационализации НИОКР, рост числа научных работников в структуре занятости и числа зарегистрированных научных патентов.

Основой «Новой экономической стратегии» стали две опорные конструкции:

1) экспансия сингапурского капитала и расширение рынков сбыта через стимулирование зарубежных инвестиций и ускоренное заключение сети двусторонних соглашений о создании зон свободной торговли, что содействовало дальнейшей либерализации торгово-инвестиционных связей;
2) превращение Сингапура в мировой центр передовых технологий, совершенствование структуры производства на основе достижений науки и информационных технологий. Активно шла отраслевая перестройка производственного комплекса в пользу высокотехнологичных отраслей – электронной, электротехнической, фармацевтической, производства средств информатики. К числу приоритетных были отнесены и новые направления, в частности, нанотехнологии, системы производства альтернативного топлива, перформаторных материалов[569]. В последние годы все больше внимания уделяется

[568] Кирилина Е.Р. Особенности инновационной модели Сингапура / Е.Р. Кирилина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XXXI (№ 31). С. 98–114. Режим доступа: https://sea.ivran.ru/f/26607057.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
[569] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

развитию «чистых» технологий, включая технологии защиты окружающей среды и обработки воды[570].

В развитие курса на построение инновационной экономики в Десятом пятилетнем плане (2006–2010) также был сделан акцент на снижение зависимости от традиционных отраслей в пользу высокотехнологичных секторов и финансовых услуг, а также закреплен курс на социальное развитие и достижение экологической устойчивости, которые впоследствии стали основой Одиннадцатого пятилетнего плана (2011–2015). Частью политики развития инноваций и человеческого ресурса стала политика создания образовательных учреждений (колледжей) в различных международных технологических центрах: в Силиконовой долине – для изучения высоких технологий, в Бостоне, Мумбае и Бангалоре – со специализацией по информационным технологиям[571].

Помимо Девятого пятилетнего плана переход к национальной инновационной модели развития был закреплен посредством нескольких шагов: принятие в 2008 г. Государственной программы развития инноваций, исследований и предпринимательства; развитие с 2010 г. системы стартапов (переход от исследований в области информационных технологий к таким направлениям, как биомедицина, экологически чистые технологии и биоинжиниринг); утверждение в 2011 г. Плана по развитию исследований, инновации и предпринимательства на 2011–2015 гг. и запуск в 2013 г. программы «Инновационный кластер»[572], а также «План развития исследований, инноваций и предпринимательства 2015», устанавливающий на 5 лет ключевые приоритеты и принципы Сингапура в области исследований и разработок для выполнения долгосрочной стратегии превращения в наукоемкую, инновационную и предпринимательскую экономику. Значимая роль в становлении модели по-прежнему отводится государству, которое через систему созданных институтов (в частности, Совет по исследованиям в сфере инноваций и предпринимательства) выделяет финансирование на реализацию приоритетных технологических проектов.

---

[570] Прусова В.И., Безновская В.В., Губжокова Д.Х. Особенности экономического развития Сингапура / В.И. Прусова, В.В. Безновская, Д.Х. Губжокова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 42–47. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-singapura (дата обращения: 03.10.2025).

[571] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с.

[572] Кирилина Е.Р. Особенности инновационной модели Сингапура / Е.Р. Кирилина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XXXI (№ 31). С. 98–114. Режим доступа: https://sea.ivran.ru/f/26607057.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

В начале 2016 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун представил новую концепцию развития инновационной экономики Сингапура – «Исследования, инновации, предпринимательство 2020»[573], которая была нацелена на поддержку предпринимательского сектора, а также университетов, научных и инновационных центров для реализации проектов в приоритетных отраслях – передовых производств и инжиниринга, биомедицины, цифровизации социальной инфраструктуры и проч. Реализуется проект по цифровизации страны «Умная нация»[574]. Параллельно продолжает развиваться система переобучения кадров: государство развивает системы непрерывного образования, подобные инициативе Skillsfuture[575]; оплачивает до 90% за обучение, переподготовку кадров и найм высококвалифицированных иностранных специалистов[576]. Двенадцатый пятилетний план (2016–2020) делал ставку на инклюзивный рост и достижение долгосрочной устойчивости через развитие социальной сферы, качества жизни и социальной мобильности.

Формирование модели инновационной экономики по-прежнему опирается на экспортоориентированный рост и развитие «внешнего контура» в качестве ключевого драйвера экономического роста. Переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, никогда не декларировался в качестве ключевой задачи, что объясняется традиционно малой емкостью рынка, с одной стороны, и неблагоприятными демографическими процессами в последние десятилетия, с другой. В стране сохраняется дружественная недискриминационная налоговая политика единого налога на доходы корпораций (18%); развитию предпринимательства содействуют упрощенные процедуры и низкая стоимость открытия бизнеса, а также программы льготного кредитования малого бизнеса.

Тринадцатый пятилетний план (2021–2025) нацелен главным образом на устойчивое постпандемийное развитие, поддержание курса на устойчивость и инклюзивность, укрепление позиций страны в области искусственного интеллекта,

---

[573] Research, Innovation and Enterprise 2020 [Электронный ресурс] / National Research Foundation Prime Minister’s Office Singapore. Режим доступа: http://www.nrf.gov.sg/research/rie2020 (дата обращения: 03.10.2025).

[574] Research, Innovation and Enterprise 2025 Plan [Электронный ресурс] // National Research Foundation Prime Minister’s Office Singapore. Режим доступа: https://www.nrf.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/rie_booklet_fa2021_pages.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[575] The World Bank in Singapore. Overview [Электронный ресурс]. 2024. Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/country/singapore/overview (дата обращения: 03.10.2025).

[576] Прусова В.И., Безновская В.В., Губжокова Д.Х. Особенности экономического развития Сингапура / В.И. Прусова, В.В. Безновская, Д.Х. Губжокова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 42–47. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-singapura (дата обращения: 03.10.2025).

робототехники и «зеленых» технологий. Долгосрочный план развития экономики Сингапура до 2030 г. Singapore Economy 2030 Vision опирается на четыре ключевых блока – торговля, предпринимательство, производство и услуги, – и приоритизирует закрепление за Сингапуром статуса глобального центра бизнеса, инноваций и талантов для передового производства[577]. План развития экономики Сингапура до 2030 г. устанавливает новые цели по увеличению экспорта как минимум до 1 трлн сингапурских долл. к 2030 г. (с 805 млрд в 2020 г.) и одновременному увеличению объема внешней торговли вдвое до 2 трлн сингапурских долларов. Одними из ключевых инструментов являются в последние годы улучшенная схема финансирования предприятий (EFS), в т.ч. продление увеличенной максимальной суммы торгового кредита EFS-Trade Loan (USD 15 млн) и EFS-Working Capital Loan (до USD 500 000), программа возвратного инвестиционного кредита (новый налоговый кредит с функцией возврата наличными), а также предоставление дополнительных (50%) скидок с налога на прибыль предприятий[578]. Сингапур остается ведущей страной по привлечению венчурного капитала[579]. Параллельно в 2021 г. Сингапур запустил «Зеленый план Сингапура 2030», нацеленный на продвижение устойчивой повестки.

Таким образом, отличительной чертой социально-экономической политики Сингапура все годы была высокая институциональная гибкость и способность своевременно и адекватно отвечать на вызовы индустриального и постиндустриального укладов. В отношении Сингапура настоящее исследование в полной мере согласуется с большинством предшествующих работ. Малая емкость внутреннего рынка фактически сделала экспортоориентированную модель единственно возможной для достижения высоких темпов развития на разных временных отрезках, что проявилось как в стратегических документах, так и в структуре прироста ВВП страны. Об устойчивой экспортоориентированности писали и эксперты, основывавшие свои выводы на качественном анализе стратегических документов и проводимой экономической

[577]Singapore Economy 2030: AI-generated image by MTI GROW OUR ECONOMY [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gobusiness.gov.sg/images/budget2024/MTI%20Business%20Budget%20Booklet%202024_21%20Mar.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[578] Ibidem.

[579] Жукова И.С. Анализ экономического развития Республики Беларусь в условиях глобализации [Электронный ресурс] / И.С. Жукова. Минск, 2019. С. 59–62. Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93778/1/Zhukova_59_62.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

политики (Т. Пэлли[580], И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[581] МВФ[582]), и те, кто оценивал динамику развития на основе декомпозиции ВВП (Х. Ким[583], Й. Саглам и Х. Эгели[584], Л. Баккаро и С. Хаджабдика[585]).

2.9. Эволюция модели экономического роста Таиланда

Модель экономического развития Таиланда также претерпела несколько этапов, которые нашли отражение как в ключевых положениях среднесрочных планов развития страны, так и в трансформации вклада различных компонентов ВВП в экономический прирост.

В Таиланде, как и почти во всех иных странах Азии, процесс экономического развития и модернизации во второй половине XX века начался с реализации политики импортозамещения и привлечения иностранного капитала. Правительство повышало протекционистские барьеры и лицензировало импорт, тем самым стимулируя развитие национальной промышленности. Исключение составлял импорт сырья и технологичного оборудования. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. устанавливались более льготные условия для частного национального и иностранного капитала, иностранным инвесторам предоставлялись налоговые каникулы на 3 года, разрешалось переводить прибыли за границу и проч.[586] Одновременно основной акцент первых двух среднесрочных планов был сделан на развитие инфраструктуры и укрепление сельского хозяйства, которое обеспечивало основную долю занятости и экономического роста, при одновременной нацеленности на переход к индустриальному росту. Модернизация аграрного сектора

[580]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.
[581]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.
[582]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[583] Kim Hae. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 2–8.
[584]Sağlam Y., Egeli H.A. Empirical analysis of export-led growth and domestic demand-led growth hypotheses in East Asia [Электронный ресурс] / Y. Sağlam, H.A. Egeli // UİİİD IJEAS. 2017. Vol. 19. P. 211–226. DOI: 10.18092/ulikidince.309279. Режим доступа: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/312701 (дата обращения: 3 октября 2025).
[585]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.
[586]Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 141.

происходила посредством развития ирригационных систем, наращивания вложений в строительство дорог, водоснабжения, коммуникационных сетей.

Позже, после начала реализации третьего пятилетнего плана (1972–1976), постепенно начала возрастать доля обрабатывающей промышленности в структуре экспорта страны. При этом обрабатывающая промышленность концентрировалась преимущественно вокруг аграрного сектора (в первую очередь это была пищевая промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции). Модель экономического развития в 1970-е гг. была преимущественно ориентированной на внутренний спрос, на который в совокупности приходилось более 70% темпов прироста в среднегодовом выражении. При этом наибольший вклад в темпы экономического прироста страны обеспечивало частное потребление домохозяйств (в среднем около 58%), одновременно расширение внешней торговли происходило в условиях устойчиво нарастающего дефицита счета текущих операций (см. Рисунок 13 и Таблицу 14).

Четвертый пятилетний план национального развития Таиланда (1977–1981) был направлен на достижение устойчивого экономического роста с целевым ростом ВВП не менее 7% за счет увеличения объемов сельскохозяйственного (не менее 5%) и промышленного производства (9,6%)[587]. Ключевыми приоритетами были экономическая реформа, направленная на либерализацию экономики, развитие человеческих ресурсов, эффективное использование ресурсов и охрана окружающей среды. План также уделял особое внимание укреплению финансовой системы, введению налога на добавленную стоимость (НДС) и совершенствованию торговой системы для снижения протекционизма и стимулирования экспорта. Фактически целеполагание в рамках четвертого плана заложило основу перехода к экспортоориентированному росту. В то же время реальный переход к модели с устойчивыми элементами экспортоориентированного роста занял почти 20 лет. Сохранение преимущественно аграрной структуры экономики и связанная с этим инерционная ориентированность стратегических планов на повышение эффективности сельского хозяйства замедляли процесс индустриализации и стимулирования экспорта широкой номенклатуры промышленных товаров.

---

[587] Thailand Consultative Group Meeting. 1977. World Bank. Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099940401132328799/pdf/IDU098a2c772067d60425d09a4d0cd3dde7b972b.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

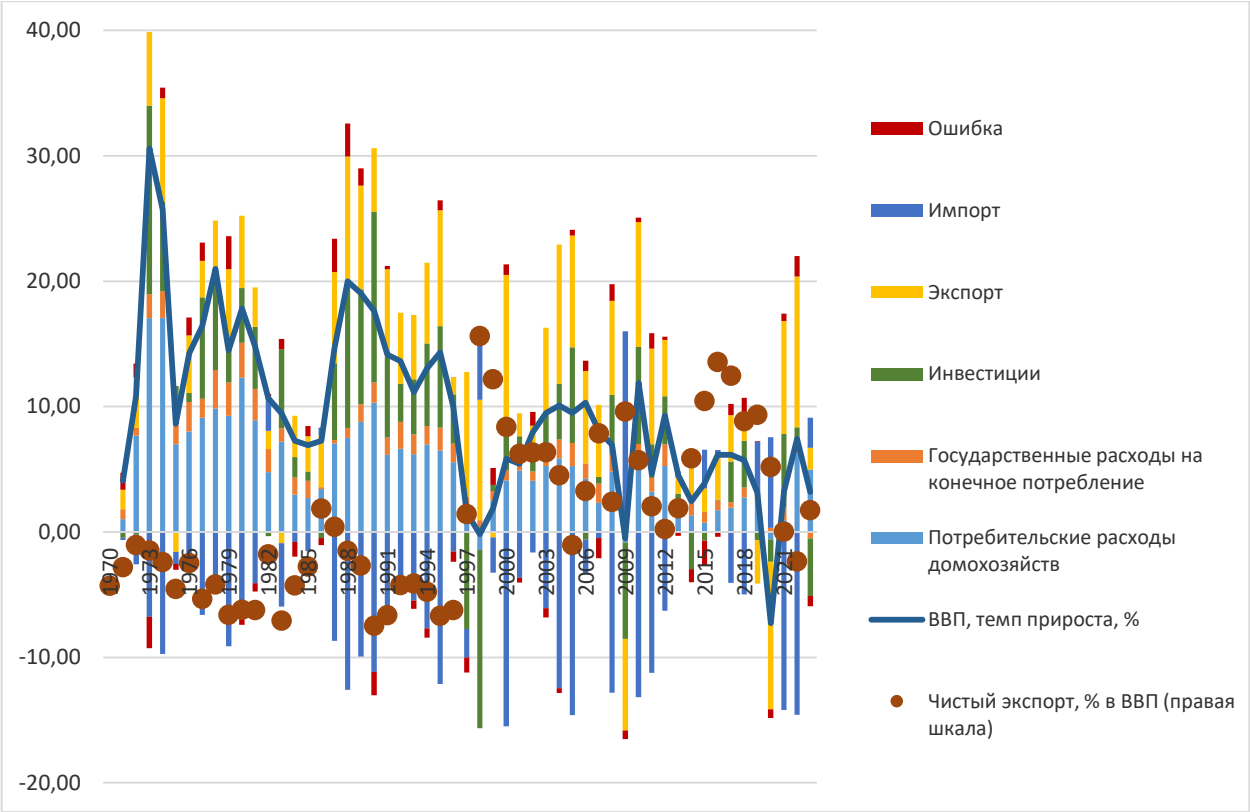

Рисунок 13 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Таиланда, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах в тайских батах для нивелирования курсовых колебаний).

Таблица 14 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Таиланда, 1971–2023 гг., %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	71,41	57,97	13,44	23,41	24,01	-26,51	7,69
1980-1989	62,38	50,93	11,46	29,46	34,54	-29,00	2,61
1990-1999	77,89	61,89	16,00	44,58	33,68	-62,29	6,14
2000-2009	72,36	57,82	14,54	38,08	88,44	-101,24	2,36
2010-2019	65,20	46,72	18,48	13,80	53,35	-29,15	-3,21
2020-2023	98,78	89,93	8,84	18,01	165,60	-187,05	4,67

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1997, 1998, 2009, 2020.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858).

Пятый пятилетний план Таиланда (1982–1986) делал акцент на либерализации, дерегулировании и децентрализации, при этом отдавал приоритет решению проблемы сельской бедности и неравенства доходов, содействию промышленной перестройке для преодоления неэффективности, вызванной протекционистской политикой, и переходу от экстенсивного к интенсивному развитию сельского хозяйства, ориентированному на повышение урожайности, а не на расширение посевных площадей[588]. В плане также подчеркивалось повышение качества инфраструктуры и решение проблем энергопотребления и развития посредством разработки политики и координации действий различных государственных органов. Однако реализации плана в значительной степени препятствовали нефтяной кризис и глобальная рецессия.

О чертах экспортной ориентированности модели экономического роста Таиланда в 1980-е гг. говорить было еще преждевременно. Период характеризовался сбалансированным ростом, движимым совокупным спросом с некоторым снижением вклада потребления домохозяйств (до 50%), но при этом нарастанием вклада инвестиций в темпы прироста. Вклад экспорта в экономический прирост страны достиг в среднем за десятилетие около 35%, однако при этом дефицит счета текущих операций сохранялся (профицит был достигнут только в 1987 г.). Накопление экспортных доходов и благоприятные показатели инвестиционного климата стимулировали приток в страну иностранного капитала. Главными инвесторами в экономику Таиланда стали сначала японские, а затем немецкие, британские и американские компании.

Шестой пятилетний план Таиланда (1987–1991) параллельно с необходимостью увеличить занятость и обеспечить рациональное распределение доходов был фактически основан на экспортоориентированной стратегии, стремлении к наращиванию экспорта продукции обрабатывающей промышленности и услуг, а также значительными прямыми иностранными инвестициями[589]. План активно поддерживал и поощрял частное предпринимательство, что было нацелено на расширение частных инвестиций, особенно в экспортоориентированные отрасли. Таиланд выиграл от увеличения прямых иностранных инвестиций, во многом обусловленных экономической реструктуризацией

[588] Thailand Executive Summary of Fifth Five Year Plan 1982–1986. Bangkok, 1982.
[589] Government of Thailand The Sixth National Economic and Social Development Plan (1987–1991) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of The Prime Minister Bangkok, Thailand. Режим доступа: https://data.thailand.opendevelopmentmekong.net/library_record/6-2530-2538/resource/0531e436-961e-4837-8fd0-de8210aeaabf (дата обращения: 03.10.2025).

в Японии и других странах Восточной Азии, что еще больше способствовало росту экспорта.

К началу 1990-х гг. сотни иностранных и совместных предприятий работали не только на экспорт, но и на внутренний рынок[590]. На рубеже 1980–1990 гг. Таиланд значимое внимание уделял строительству инфраструктуры, в т.ч. строительству морских и внутренних портов, развитию энергетики, нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, автосборочной промышленности (с привлечением преимущественно японского и немецкого капитала).

Седьмой пятилетний план Таиланда (1992–1996) подчеркивал двойной подход к росту, сочетающий экспортную ориентацию и внутренний спрос, со стратегическим акцентом на переход к производству товаров с более высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичных товаров посредством более глубокой интеграции с мировой экономикой. Хотя экспорт оставался важнейшим двигателем роста, план также был нацелен на укрепление внутреннего рынка и признавал растущую важность внутрирегиональной торговли и инвестиций.

В результате сбалансированного целеполагания в 1990-е гг. инвестиции стали одним из главных драйверов роста экономики Таиланда: вклад накопления капитала в экономический прирост достиг пика и составил в среднем почти 45% прироста (по сравнению с 23,4% и 29,5% в 1970-х и 1980-х гг., соответственно). Это стало закономерным следствием политики либерализации инвестиционного климата, которую проводило правительство страны в предшествующие годы. Кроме того, 1990-е гг. ознаменовались началом проведения политики либерализации банковской системы страны в рамках заявленной ранее цели ее превращения в региональный финансовый центр. Мобилизация внутренних финансовых ресурсов была нацелена на расширение возможностей кредитования и субсидирования новых отраслей и модернизации промышленности. Инвестиционный бум был сопряжен со стремительным расширением импорта и закреплением дефицитных торговых балансов, что обусловило высокую уязвимость экономики Таиланда в преддверии Азиатского финансового кризиса. Тем не менее в кризисные годы резкое сокращение импорта позволило стране вернуться к профициту торгового баланса. Именно экспорт обеспечил восстановление и дальнейшее

[590] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. С. 143.

развитие страны в посткризисный период, хотя расширение импорта поглощало значительную часть экспортных поступлений. Благодаря сильной финансовой и налогово-бюджетной политике Таиланд получил высокую кредитоспособность по международным стандартам. Более того, постоянные государственные инвестиции в базовую инфраструктуру и услуги социальной инфраструктуры привели к устойчивому росту доходов, уровня и качества жизни тайцев[591].

Восьмой национальный план экономического и социального развития Таиланда (1997–2001) был сосредоточен главным образом на движимом экспортом восстановлении после Азиатского финансового кризиса 1997 г., поскольку внутреннее потребление и инвестиции были ослаблены тяжелым бременем задолженности. При этом план был сосредоточен на комплексном, целостном подходе к развитию, переходе от традиционного секторального планирования к решению проблем социального неравенства, экономического неравенства и экологических проблем с целью превращения Таиланда в развитую страну к 2020 году. В качестве ключевых ориентиров план устанавливал поддержание стабильности экономики Таиланда путем сокращения дефицита текущего счета до 3,4% ВВП в последний год реализации Восьмого плана и контроль инфляции на уровне, не создающем чрезмерного бремени для потребителей, а также мобилизацию сбережений домохозяйств до уровня не менее 10% ВВП (в последний год реализации Восьмого плана)[592]. Девятый национальный план экономического и социального развития Таиланда (2002–2006) был направлен на сбалансированное развитие и представлял собой комплексную стратегию, нацеленную на повышение качества жизни, и включал в себя продвижение экономики достаточности и содействие устойчивому развитию[593]. Ключевыми приоритетами плана были развитие сельского хозяйства и сельских районов, здравоохранение, управление охраной окружающей среды и стимулирование туристического сектора. Стратегия плана включала повышение конкурентоспособности, укрепление отрасли ИКТ, развитие общества, основанного на знаниях, и содействие сбалансированному росту.

---

[591] Summary of The Eighth Development Plan (1997–2001) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ryt9.com/en/nesd/258 (дата обращения: 03.10.2025).

[592] Ibidem.

[593] Government of Thailand The Ninth National Economic and Social Development Plan (2002–2006) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database//The%20Ninth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

В 2000-е гг. наметилась тенденция к трансформации модели экономического роста Таиланда. Этот период ознаменовался как высоким ростом экспорта, особенно в последние годы, так и попытками стимулировать внутренний спрос посредством таких мер, как снижение акцизных налогов и косвенно развитие ИКТ для повышения конкурентоспособности и развития местных рынков. Модернизация экономики привела к расширению среднего класса. В результате Таиланд развивался в соответствии со сбалансированной моделью роста при беспрецедентно высоком вкладе экспорта (почти 90% ВВП в среднегодовом исчислении) и устойчивом профиците счета текущих операций. Во многом этому способствовало изменение отраслевой структуры промышленного производства. Большую часть экспортных позиций составили электротехническое и электронное оборудование, машины и компоненты, текстильная продукция, автомобили, оборудование и запчасти, изделия из пластика, продовольственные товары, изделия из каучука, ювелирные изделия, химическая продукция, черный металл, сталь и изделия из нее, и проч[594]. Экспортной ориентированности способствовала также реализация комплекса мер, направленных на поддержку товарных крестьянских хозяйств: трехлетний мораторий на выплату крестьянских долгов, образование фонда возмещения крестьянской задолженности, реструктуризация невыплаченных долгов, а также предоставление в кредит на льготных условиях высокотехнологичного сельхозоборудования, семян и саженцев[595]. Принятые правительством меры уже через 3 года к 2003 г. обеспечили небывало высокие для сельского хозяйства темпы роста – 6,8%, что было даже несколько выше, чем общие показатели для всего национального хозяйства. Положительным фактором было и то, что самые высокие темпы роста были присущи крупным предприятиям (8,2%), затем следовали средние (6,1%) и малые (5,5%)[596]. Параллельно важной движущей силой экономического роста в период до Глобального финансового кризиса стал внутренний спрос, главным образом частного потребления домохозяйств, который достиг 58% в показателях вклада в прирост ВВП. При этом вклад инвестиций сократился до 38% в среднегодовом исчислении.

---

[594] Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л.Ф. Пахомова. М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 256 с. – С. 163.
[595] Там же. С. 167-168.
[596] Там же. С. 170.

Десятый план экономического и социального развития Таиланда (2007–2011) был нацелен на решение актуальных проблем на основе дальнейшего развития концепции экономики достаточности[597]. Дебаты об изменении климата придали новую актуальность необходимости для планеты в определении подхода к развитию. Благодаря относительно открытому режиму иностранных инвестиций ПИИ в Таиланде продолжали оставаться важным источником роста и экспортоориентированной индустриализации. Одна из основных целей инвестиций – поддержание экономики, более основанной на знаниях[598].

В 2010-е гг. в стране укрепилась модель, движимая частным потреблением и экспортом, при этом произошло некоторое перераспределение: больший вклад в прирост ВВП начало играть государственное потребление на фоне общего снижения частного. Вклад накопления капитала резко упал, экспорт сохранился на высоком уровне, при этом Таиланд вновь обеспечил устойчивый профицит торгового баланса. Во многом этому способствовала дальнейшая модернизация экспортных производств и развития информационных и коммуникационных технологий в рамках двух генеральных планов предшествующих лет (2002–2006 и 2006–2010). Одиннадцатый Национальный план экономического и социального развития (2012–2016) был направлен на наращивание существующего потенциала и повышение устойчивости, основанной на социальном, экономическом, природно-ресурсном и экологическом капитале страны (без приоритизации экспортоориентированного роста)[599]. План был направлен на то, чтобы поставить человека в центр развития, одновременно способствуя сбалансированному развитию во всех аспектах. Двенадцатый национальный план экономического и социального развития Таиланда (2017–2021) был направлен на укрепление безопасности, процветания и устойчивого развития страны. Он соответствует 20-летней Национальной стратегии и политике Таиланда 4.0, направленной на создание экономики, основанной на ценностях и инновациях и не отдающей приоритета экспортоориентированному росту. Значительно большее внимание в Стратегии уделено развитию внутренних рынков и

---

[597] Thailand Tenth National Economic and Social Development Plan (2007–2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/national-documents/thailand-tenth-national-economic-and-social-development-plan-2007-2011 (дата обращения: 03.10.2025).

[598] Shaw S., Songsamphant B., Cosbey A., Baumüller H. Rapid Trade and Environment Assessment (RTEA) – National Report for Thailand / S. Shaw, B. Songsamphant, A. Cosbey, H. Baumüller. 2007. International Institute for Sustainable Development (IISD).

[599] The Eleventh National Economic and Social Development Plan (2012–2016) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database//THAILAND%29%20The%20Eleventh%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20%282012-2016%29.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

устойчивому развитию[600]. Ключевые инициативы Двенадцатого плана включают использование физической инфраструктуры для развития экономических коридоров, построение предпринимательского общества, содействие региональному развитию и усиление цифрового правительства, что направлено на преодоление ловушки среднего уровня дохода и достижение устойчивого развития[601]. Тринадцатый национальный план экономического и социального развития Таиланда (13-й план) рассчитан на 2022–2027 гг. и развивает прежнюю линию, направлен на поддержку развития высокодоходной, инклюзивной и устойчивой экономики и общества в соответствии с 20-летней Национальной стратегией. Ключевые приоритеты включают развитие «зеленой» и циклической экономики, расширение возможностей и обеспечение равенства, обеспечение устойчивого образа жизни и развитие факторов, способствующих трансформации, включая цифровую трансформацию и развитие человеческого капитала[602].

В Таиланде экспортоориентированность никогда не было устойчивой моделью экономического роста; нацеленность на расширение вклада внешней торговли в экономический рост была изложена в стратегических документах в 1990-е гг., однако экспорт фактически никогда не позиционировался как главный (или тем более единственный) драйвер роста экономики страны. Данный вывод опровергает тезисы ряда исследователей, причислявших Таиланд к категории экспортоориентированных экономик Азии, – Т. Пэлли[603], И. Данью, Й. и Н. Маасоглу,[604] Дж. Фелипа и Дж. Лима[605],

---

[600] The Kingdom of Thailand National Strategy 2018–2037 (Unofficial Translation) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/tha200834.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[601] The Twelfth National Economic and Social Development Plan (2017–2021) [Электронный ресурс] / Office of the National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database/THAILAND)%20The%20Twelfth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20(2017-2021).pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[602] GGGI Thailand Country Planning Framework (CPF) 2022–2026 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gggi.org/wp-content/uploads/2023/02/GGGI-Thailand-CPF_FIN-compressed.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[603]Palley T.I. The Rise and Fall of Export-Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. 2012. Vol. 71. № 280 (abril–junio). P. 141–161.

[604]Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference on Business, Economics and Management – WCBEM 2013. 2014. P. 231–238.

[605]Felipe J., Lim J. Export or Domestic-Led Growth in Asia? / J. Felipe, J. Lim ADB. ERD Working Paper № 69. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

МВФ[606], М. Ислама[607], М. Рахмана и М. Мустафы[608], С. Насриина[609]. В значительной степени такое противоречие связано с различиями в интерпретации характеристик торгового баланса: данное исследование к категории экспортоориентированных относит только те экономические модели, где высокий вклад экспорта в темп прироста ВВП сопряжен с профицитом торгового баланса, в то время как большинство исследований прошлых лет рассматривали экспорт, не анализируя при этом общую динамику внешней торговли. В то же время сделанные в настоящем исследовании выводы согласуются с позицией Э. Эканаике[610], который относил модель экономического роста Таиланда к категории сбалансированных.

2.10. Эволюция модели экономического роста Вьетнама

Показатели развития Вьетнама с начала 1990-х гг. были одними из самых высоких в мире, что стало результатом реализации предыдущих среднесрочных планов развития и введения программы экономических реформ Doi Moi («обновление»), провозглашенной на Шестом съезде партии в декабре 1986 года[611]. Реформы формально выдвинули экономику на новый путь от командной экономики к рыночной с социалистической ориентацией, включающий развитие сельского хозяйства, индустриализацию и повышение открытости для торговли и иностранных инвестиций, что по-прежнему является основой стратегии развития Вьетнама.

Второй пятилетний план Вьетнама (1976–1981) ставил перед собой амбициозные цели: ежегодный прирост промышленного производства на уровне 16–18%, национального дохода – на 13–14%. Приоритет отдавался внутреннему развитию, главным образом сельскому хозяйству, обеспечивающему наибольшую долю занятости, которое также было призвано выступить фундаментом последующей индустриализации. На тот момент правительство не ставило задачу достижения экспортоориентированного

---

[606]Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. Washington, D.C. : IMF, 2011. 140 p.
[607]Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied Economics. 1988. Vol. 30. P. 415–425.
[608]Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. 1998. Vol. 22. № 2. P. 81–95.
[609]Nasreen S. Export-growth linkages in selected Asian developing countries: Evidence from panel data analysis / S. Nasreen // Asian Journal of Empirical Research. 2011. Vol. 1. № 1. P. 1–13.
[610]Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. 1999. Vol. 24. № 2. P. 415–425.
[611] Мурашева Г.Ф. Политическая элита Вьетнама в начале эпохи обновления (дой мой) // Вьетнамские исследования. 2011. Т. 1, № 1. С. 59–89.

роста, план предусматривал интеграцию Севера и Юга, реконструкцию и социалистическую трансформацию экономики, опираясь на масштабную внешнюю помощь: при общем инвестиционном плане в USD 7,5 млрд внешняя поддержка от соцстран и Запада составила около USD 4–5,5 млрд, что не покрывало всех потребностей[612].

С точки зрения структуры ежегодного прироста ВВП страны доминировала в этот период модель, движимая внутренним спросом при доминировании расходов на конечное потребление домохозяйств, которые обеспечивали в среднегодовом исчислении почти 90% прироста ВВП (см. Рисунок 14 и Таблицу 15).

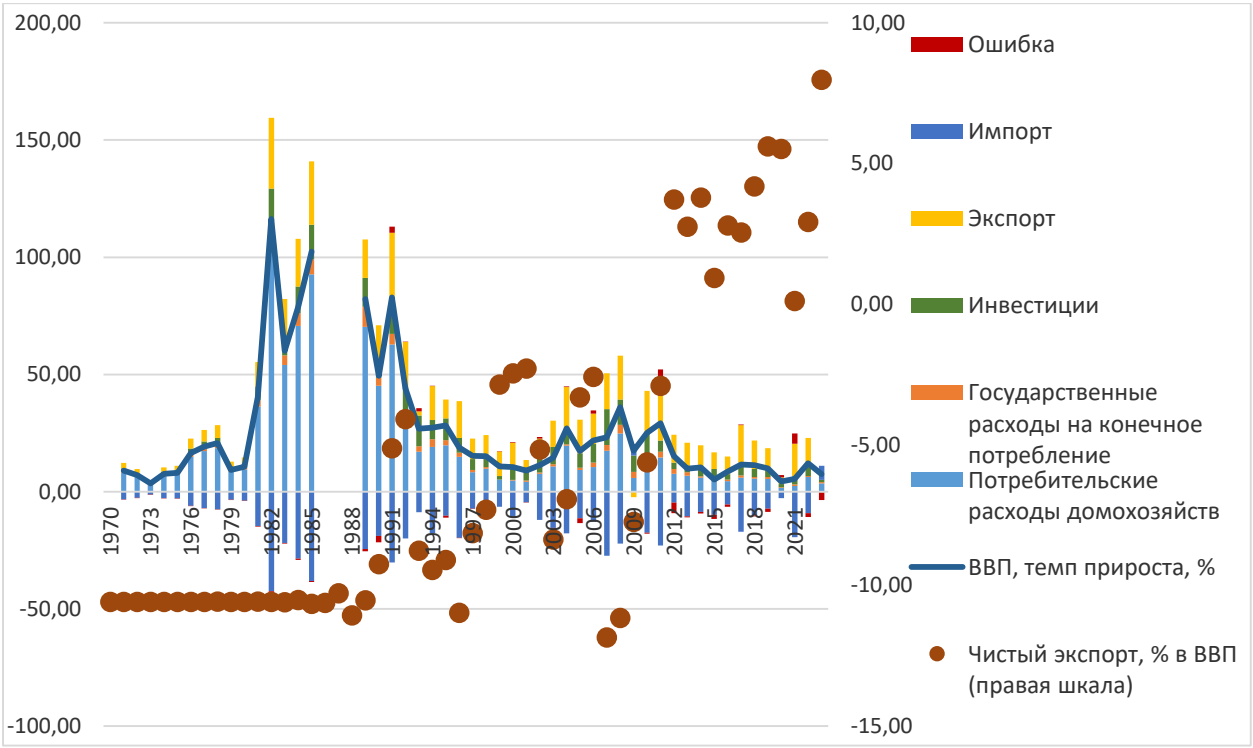

Рисунок 14 – Вклад компонентов ВВП (на основе метода декомпозиции) в темпы экономического прироста экономики Вьетнама, п. п., 1971–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858) (в основу расчетов положены данные ВВП по расходам в текущих ценах во вьетнамских донгах для нивелирования курсовых колебаний).

[612] Nguyen M., Ton N.B. Vietnam's Economic Transformation after 1986: From Central Planning to Market-oriented Economy // IRJEMS International Research Journal of Economics and Management Studies. 2024. Vol. 3, Issue 8. P. 118–129. DOI: 10.56472/25835238/IRJEMS-V3I8P115.

Таблица 15 – Среднегодовой вклад компонентов ВВП в темпы экономического роста Вьетнама, 1971–2023 гг., %

	(1) Расходы на конечное потребление; (2) потребительские расходы домохозяйств; (3) государственные расходы на конечное потребление; (4) инвестиции; (5) экспорт; (6) импорт; (7) ошибка						
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**	**(6)**	**(7)**
1971-1979	96,73	90,01	6,72	14,45	25,90	-36,48	-0,60
1980-1989	96,67	89,67	6,99	14,50	25,42	-35,97	-0,61
1990-1999	75,44	68,68	6,77	27,63	49,48	-52,32	-0,23
2000-2009	65,77	58,48	7,29	43,33	61,78	-71,02	0,14
2010-2019	69,24	58,68	10,55	31,95	100,71	-93,47	-8,43
2020-2023	52,66	45,12	7,54	34,52	105,24	-103,86	11,44

Примечание: * Для избежания искажений из расчета были исключены кризисные годы: 1997, 1998, 2009, 2020.
Источник: расчеты автора на основе данных ООН (https://unstats.un.org/UNSD/snaama/CountryProfile?ccode=858).

Вьетнам, во многом ориентировавшийся на опыт экономического развития Китая[613], с 1980-х гг. начал переход от (частично) централизованной плановой экономики к рыночной экономике, который позднее сопровождался и переходом от политики импортозамещающей индустриализации к более открытой и рыночной модели развития. Важным шагом стала отмена монополии центрального правительства на внешнюю торговлю, а в 1988 г. были введены тарифы, заменившие количественные ограничения на импорт. Вьетнамский донг был существенно девальвирован в 1987 г. до рыночного уровня. В 1980-е гг. сохранялась прежняя ориентированная на частное потребление модель экономического роста при хронически отрицательном сальдо торгового баланса и весьма сдержанном вкладе экспорта в темпы экономичского прироста страны.

В конце 1985 – начале 1986 г. экономика Вьетнама столкнулась со значительными трудностями из-за недостатков комплексной корректировки цен, заработной платы и валютного курса (сентябрь 1985 г.). Страна погрузилась в социально-экономический кризис, производство стагнировало, а все экономические показатели следующего пятилетнего плана (1981–1985) оказались недостижимыми. Тем не менее благодаря программе реформ к началу 1990-х гг. Вьетнам стабилизировал свою экономику, деколлективизировал сельское хозяйство, довел плановые цены до уровня рыночных и

[613] Wu J. Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform. Mason : Thomson, 2005.

перешел к более рыночной системе внешней торговли, сохраняя довольно высокий уровень импортного протекционизма[614].

Одновременно одной из опорных конструкций экономической стратегии Вьетнама с начала 1990-х гг. была быстрая интеграция в мировую экономику: диверсификация экспорта за счет расширения экспорта нефти, продукции обрабатывающей промышленности и сельскохозяйственных товаров, а также привлечение прямых иностранных инвестиций. Курс на открытость сочетался с успешным ростом сельского хозяйства и сохранением роли государственных предприятий (ГП), при одновременном стимулировании роста частного сектора. Как и Китай, Вьетнам быстро перешел к привлечению иностранных инвестиций: в 1988 г. был принят закон об иностранных инвестициях, к 1993 г. объем инвестиций достиг USD 1 млрд в год[615]. Основным стимулом привлечения в страну прямых иностранных инвестиций стало расширение экспорта нефти.

Пятый пятилетний план Вьетнама (1991–1996) был сосредоточен на двухвекторной промышленной политике, стимулирующей как экспортоориентированную, так и внутреннюю деятельность, ориентированную на спрос. В плане приоритетное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности для внутреннего рынка, такой как производство цемента и стали, а также стимулированию экспорта трудоемких промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. Этот двуединый подход был направлен на достижение быстрого экономического роста путем интеграции в мировую экономику и удовлетворения потребностей растущего населения.

Валовое накопление капитала происходило в основном за счет внутренних источников, несмотря на значительный приток прямых иностранных инвестиций. Показатель вырос с чуть более четверти ВВП в середине 1990-х гг. до более трети ВВП в начале 2000-х годов. Фактически 1990-е гг. стали периодом экономического роста, движимого внутренним спросом, наибольшая роль в котором была отведена инвестициям. Следуя «восточноазиатской» модели, Вьетнам медленно открывал свой внутренний рынок, одновременно поощряя рост экспорта. Вклад инвестиций и экспорта в прирост ВВП страны стремительно прирастал. При этом в силу сравнительно низкого

---

[614] Gainsborough M. Key Issues in the Political Economy of Post-Doi Moi Vietnam // McCargo M. (ed.) Rethinking Vietnam. London : Routledge Curzon, 2004.

[615] Viet Nam Statistical Yearbook [Электронный ресурс]. Hanoi : General Statistics Office. Режим доступа: www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=491 (дата обращения: 03.10.2025).

уровня промышленного развития несмотря на высокий уровень импортного протекционизма и нацеленность на расширение экспорта, торговый баланс складывался с дефицитом. Де-факто либерализация торговли происходила за счет неофициального импорта, который стал дополнительным источником предложения для сдерживания инфляции.

Шестой пятилетний план (1997–2001) делал акцент как на экспортоориентированных отраслях, так и на внутреннем спросе, что стало одним из следствий Азиатского финансового кризиса, который негативно повлиял на внешний спрос. Хотя общая стратегия оставалась ориентированной на экспорт, план был направлен на укрепление внутренних инвестиций и частного потребления для поддержания экономического роста, особенно в условиях замедления внешней конъюнктуры. Седьмой пятилетний план Вьетнама отдавал приоритет повышению экономической конкурентоспособности, расширению социальных услуг, сокращению бедности и неравенства, а также укреплению инфраструктуры для достижения устойчивого роста и интеграции в мировую экономику. Ключевыми направлениями работы стали развитие человеческого потенциала, здравоохранение, образование, гендерное равенство и улучшение доступа к ресурсам для уязвимых групп населения, а также проведение структурных реформ в финансовом секторе и секторе государственных предприятий. Страна готовилась вступить в ВТО.

Торговая реформа, накопление собственного капитала и приток прямых иностранных инвестиций позволили стране постепенно перейти к экспортоориентированной модели экономического роста. Акцент на рост, основанный на экспорте, сохранялся и в 2000-е годы. Доля товарного экспорта в валовом внутреннем продукте Вьетнама, которая составляла около 10% в 1980-е гг.[616], выросла до 47% в 2002 году[617]. Политика «открытых дверей», интеграция в мировую экономику и позиционирование страны в качестве «перекрестка» торговых потоков благодаря общей либерализации внешней торговли и одновременного вовлечения в большое число разнообразных торговых соглашений позволили стране к середине 2000-х гг. сформировать профицит счета текущих операций и укрепить экспортоориентированную

[616] Jenkins R.O. Vietnam in the Global Economy: Trade, Employment and Poverty // Journal of International Development. 2004. Vol. 16, Issue 1. P. 13–28.
[617] World Development Report [Электронный ресурс]. Washington, DC : World Bank. Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr (дата обращения: 03.10.2025).

модель роста. План социально-экономического развития на 2006–2010 гг. закреплял данную стратегию, прогнозируя ежегодное увеличение экспортного оборота на 16%[618]. Одним из направлений государственной политики стала реорганизация государственных предприятий, нацеленная на повышение их эффективности и конкурентоспособности. Несмотря на проделанную работу, их операционная эффективность, как отмечено в Плане развития экономики Вьетнама на 2006–2010 гг., все еще была низкой.

Экспорт Вьетнама в значительной степени был обусловлен притоком прямых иностранных инвестиций, преимущественно из стран – соседей по региону. Пятью крупнейшими инвесторами за период 1988–2006 гг. стали Тайвань, Республика Корея, Япония, Сингапур и Гонконг. На их долю пришлось 52% совокупного притока ПИИ. Одновременно Вьетнам являлся одним из крупнейших в мире получателей зарубежной помощи в целях развития (ОПР). К 2000-м гг. Вьетнам достиг сбалансированной модели роста, движимой экспортом, частным потреблением и инвестициями, при этом несбалансированность внешнеторговых потоков В разные годы обеспечивала то дефицит, то профицит торгового баланса.

Пятилетний план Вьетнама на 2011–2015 гг. был направлен на реструктуризацию экономики, повышение конкурентоспособности и переход к экспорту с более высокой добавленной стоимостью, при этом признавалась необходимость стимулирования внутреннего спроса для поддержки этих усилий. Ключевыми приоритетами были технологическое обновление, повышение качества продукции, диверсификация экспортных рынков и стимулирование внутреннего потребления для поддержки более широкого экономического роста и устойчивости.

В пятилетнем плане Вьетнама на 2016–2020 гг. особое внимание уделялось достижению баланса между ростом экспорта и внутренним спросом, в частности, повышению качества продукции, развитию национальных брендов и формированию благоприятной экосистемы для инноваций, способствующей торговле с более высокой добавленной стоимостью. Ключевыми приоритетами стали укрепление макроэкономической стабильности для привлечения высокотехнологичных прямых иностранных инвестиций, содействие промышленной кластеризации для повышения конкурентоспособности экспорта и укрепление сельскохозяйственного сектора за счет

[618] Dinh V.A. Vietnam Economy 2001-5 and Social Economic Development Plan 2006-2010 [Электронный ресурс]. Hanoi : Central Institute for Economic Management. Режим доступа: www.ciem.org.vn (дата обращения: 03.10.2025).

повышения производительности, развития технологий и снижения торговых барьеров. План также предусматривал обеспечение широкого распределения выгод от торговли посредством совершенствования управления, включая инициативы по борьбе с коррупцией для содействия устойчивому росту[619].

К посткризисному периоду Вьетнам достиг модели, движимой частным потреблением и экспортом с ярко выраженной экспортоориентированностью благодаря рекордному вкладу экспорта и профициту торгового баланса (на фоне снижения вклада инвестиций). Экспорт приносил почти 100% прироста ВВП страны, расходы на конечное потребление домохозяйств – 59%.

Таким образом, за одно поколение Вьетнам претерпел тройную трансформацию: от (1) централизованно планируемой экономики – к рыночной экономике, (2) импортозамещения и закрытой экономики – к ориентированной на экспорт и открытой экономике и (3) одной из беднейших стран мира – в страну с доходом ниже среднего[620]. Чтобы закрепить этот прогресс, правительство Вьетнама поставило цель достичь статуса страны с доходом выше среднего к 2030 г. и стать страной с высоким уровнем дохода к 2045 году. За прошедший период Вьетнам превратился из нетто-импортера риса в нетто-экспортера продуктов питания. В промышленности и сфере услуг реформа государственных предприятий сократила их количество с 12 000 в 1986 г. до примерно 500 в 2017 году[621]. Практически отсутствие частных предприятий в 1986 г., сменилось быстрым ростом их числа, достигнув 758 610 в 2019 году[622]. Вьетнам извлекает выгоду из своей открытой экономики и участия в многочисленных соглашениях о свободной торговле. Темпы прироста экспорта в среднем составляли 10,5% ежегодно в течение 2016–2020 гг., что привело к смещению торгового баланса с хронического дефицита на профицит.

---

[619] Socio-economic Development Plan for 2016–2020 Period [Электронный ресурс] / The National Assembly of the Socialist Republic of Viet Nam. Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2016-2020-period-12056315 (дата обращения: 03.10.2025).

[620] Asian Development Bank. Viet Nam, 2023–2026 Fostering Inclusive, Green, and Private Sector-Led Growth. Country Partnership Strategy [Электронный ресурс]. August 2022. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/819731/cps-viet-nam-2023-2026.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

[621] State Audit of Viet Nam. Report of the Committee for Enterprise Innovation and Reform (Báo cáo của Ban chỉ đạo đổi mới và phát triển doanh nghiệp, Kiểm toán Nhà nước). Ha Noi, 2018. 5 February.

[622] Ministry of Planning and Investment. Vietnamese Enterprises Whitebook (Sách trắng Doanh nghiệp Việt Nam) 2020. Ha Noi, 2020.

В последние годы Вьетнам стремится к поддержанию сбалансированной модели роста, обусловленный равномерным вкладом частного потребления, накопления капитала и чистого экспорта в прирост ВВП.

Основу экономического планирования составляют Национальный план развития на 2021–2030 гг. (Видение 2050) и Пятилетний план Вьетнама на 2021–2025 годы. Долгосрочный план ставит своей приоритетной задачей превращение Вьетнама в современную индустриальную страну, ориентированную на «зеленый» рост, экономическую реструктуризацию и усиление международной интеграции, обеспечивая баланс между внутренним спросом и ростом экспорта. Ключевые приоритеты включают развитие возобновляемых источников энергии и связанных с ними промышленных экосистем для удовлетворения как внутренних потребностей, так и региональных экспортных возможностей, привлечение инвестиций в глубокую переработку нефтехимической и другой продукции для внутреннего потребления и экспорта, а также укрепление инфраструктуры для обеспечения национальных и региональных связей.

Пятилетний план также ориентирован на экономический рост, цифровизацию и устойчивое развитие с целью стимулирования внутреннего спроса и укрепления связей между компаниями, получающими прямые иностранные инвестиции, и местными поставщиками для повышения производительности труда и увеличения доли экспорта высококачественных услуг и товаров. Ключевые приоритеты включают развитие экологичной инфраструктуры, совершенствование системы образования, расширение масштабов деятельности малых отечественных предприятий и достижение нулевого уровня выбросов к 2050 г., что подкрепляется эффективным управлением и финансовыми реформами[623].

Страна не формулирует в качестве стратегической задачи расширение частного потребления как такового, призванного замесить возможное исчерпание потенциала экспортоориентированной модели роста. Вьетнам сосредотачивается на направлениях социально-экономического развития, которые косвенно призваны способствовать расширению частного потребления в будущем: приоритет отдается преодолению социального неравенства, гендерного и этнического разрыва в уровне заработных плат, расширению программ социальной защиты, а также интенсивному процессу

[623] Socio-economic development plan for 2021–2025 [Электронный ресурс] / National Assembly. Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2021-2025-12056314 (дата обращения: 03.10.2025).

урбанизации. Около 80–90% новых проектов суверенных операций в рамках СПС будут сосредоточены на сокращении бедности и неравенства. При этом Вьетнам осознает, что к 2035 г. станет стареющей экономикой, что ляжет дополнительным бременем на социальную защиту, особенно на пенсионные фонды[624].

Вьетнам уделяет приоритетное внимание инвестициям для повышения эффективности экономики и перехода к росту, движимому развитием науки, технологий и инноваций, а также приоритизирует переход к «зеленой экономике», борьбу с изменением климата и повышение экологичности производства (Вьетнам преследует цель достичь нулевых выбросов углекислого газа к 2050 г.[625]). Таким образом, страна не декларирует отход от экспортоориентированной модели экономического роста, а стремится к сбалансированному развитию, основанному на расширении частного потребления за счет роста доходов, повышения эффективности капитала и дальнейшего стимулирования экспорта.

Таким образом, Вьетнам на протяжении 50 лет преодолел путь от модели, движимой внутренним спросом при доминировании потребительских расходов домохозяйств, к ярко выраженному экспортоориентированному росту, на фоне, однако, устойчивого спроса со стороны домохозяйств, что в условиях сравнительно слабой социальной политики и сохраняющихся относительно более низких доходов населения является скорее исключением, чем закономерностью для стран Азиатского региона. Исследований, посвященных экономическому развитию Вьетнама, сравнительно меньше в сравнении с иными странами региона, но полученные выводы частично согласуются с некоторыми из них, в частности, Л. Баккаро и С. Хаджабдика[626], которые также писали о ярко выраженной экспортоориентированности роста после Глобального финансового кризиса.

[624] World Bank and Ministry of Planning and Investment of Viet Nam. Viet Nam 2035: Toward Prosperity, Creativity, Equity, and Democracy. Ha Noi, 2016.
[625] Government of Viet Nam. Updated Nationally Determined Contribution (NDC). Ha Noi, 2020.
[626] Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

ГЛАВА 3. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПАТТЕРНОВ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ

3.1. Трансформация эффективности потребления домохозяйств в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в 1990–2023 гг.

Сохраняющиеся опережающие темпы экономического роста многих азиатских стран (главным образом, развивающихся) привели к расширению доходов, росту среднего класса и качества жизни, что обусловило переход к более широким дискреционным расходам, в т.ч. улучшению рациона питания, повышенному спросу на организацию комфорта быта, расходам на более качественные услуги образования, здравоохранения и связи, новые возможности для отдыха. То есть факторы внутреннего развития азиатских обществ ведут к изменению значения потребительских расходов домохозяйств в стимулировании экономического роста. Одновременно вступление мира в новый этап устойчивого замедления темпов экономического роста, которое становится «новой нормальностью» мирового экономического развития[627], кризис падения эффективности капитала, связанного с невозможностью расширения рынков[628], выступают внешними факторами, способствующими трансформации роли частного потребления в поддержании высоких темпов роста региона.

Растущий потребительский спрос азиатских стран и трансформация потребительского поведения и его структуры побуждают международные компании расширять инвестиционную деятельность в странах региона. При этом если раньше мотивы инвестирования заключались главным образом в стремлении к сокращению издержек производства (с последующей ориентации на внешние рынки), то сейчас иностранные инвесторы все больше ориентированы на доступ к азиатским рынкам, обладающим высоким и стремительно развивающимся потребительским потенциалом. Регион предлагает богатые и разнообразные возможности для онлайн-маркетинга, онлайн-рекламы, электронной и мобильной коммерции.

---

[627] World Economic Outlook: Steady but Slow – Resilience amid Divergence [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. Washington, 2024. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024 (дата обращения: 4 октября 2025).

[628] Хазин М.Л. Воспоминания о будущем: идеи современной экономики / М.Л. Хазин. М. : Рипол-Классик, 2022. 464 с.

В то же время ввиду различий в экономических моделях роста трансформация роли потребления домохозяйств в стимулировании экономического роста происходит неоднородно и выражается в существенных различиях вклада потребительских расходов как в ВВП в целом, так и в темпы его прироста. Причем для понимания природы и потенциала дальнейшего наращивания частного потребления и его способности стимулировать рост региональных экономик, эти два фактора необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимообусловленности.

На более ранних этапах экономического развития, когда доминирующим в экономической стратегии в исследуемых странах был курс на импортозамещение и индустриализацию, а период «первоначального накопления капитала» сочетался с относительно меньшей развитостью внешней торговли, средняя по региону доля расходов домохозяйств на конечное потребление в ВВП стран региона была относительно выше (см. Рисунок 15).

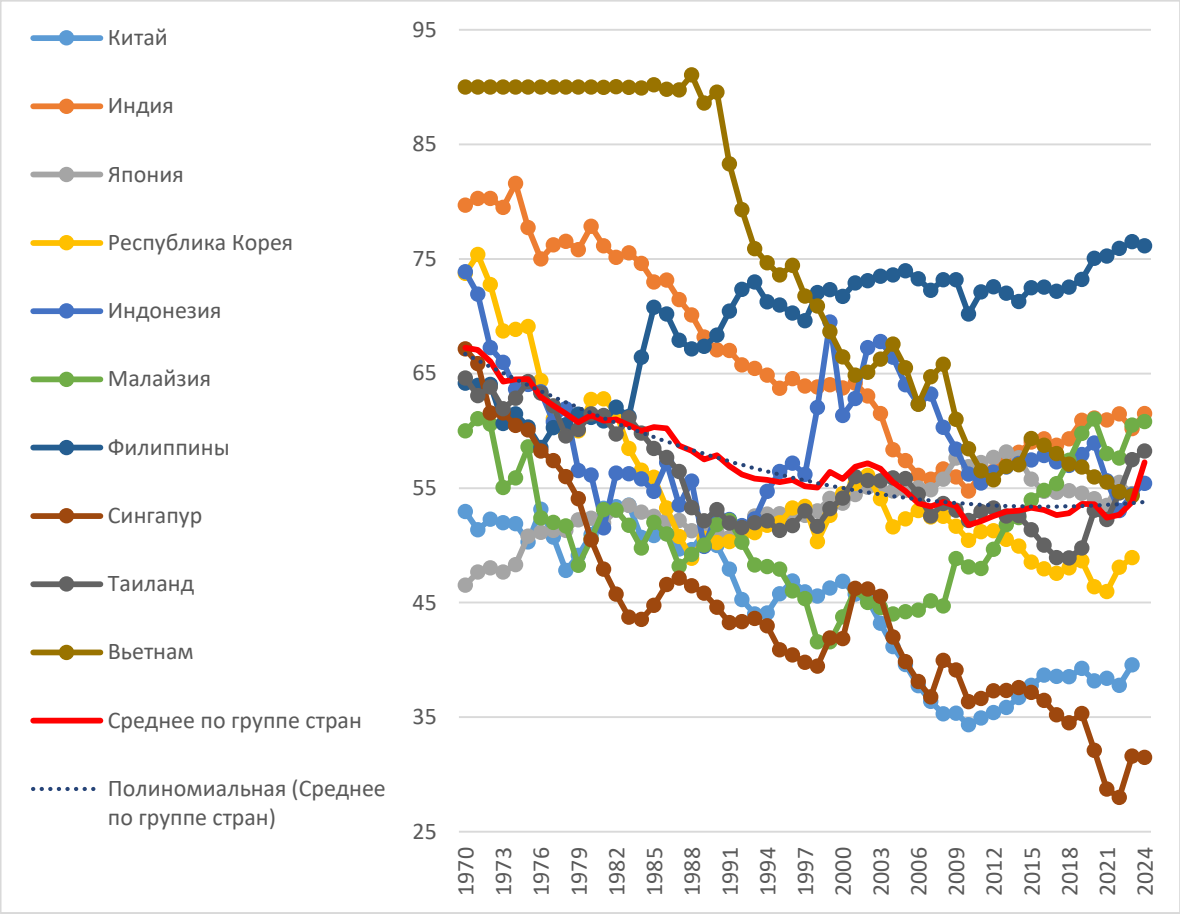

Рисунок 15 – Доля расходов на конечное потребление домохозяйств в ВВП стран Азии, 1970–2024 гг., %

Источник: построения автора на основе данных Всемирного Банка.

При этом региональные диспропорции были весьма высоки: рекордно низкие значения в Японии (на уровне 46,5% ВВП) сочетались с более чем 90% на Филиппинах (см. Таблицу 16).

Таблица 16 – Региональные дисбалансы расходов на конечное потребление домохозяйств в ВВП

	Диапазон колебаний, %	Разница максимального и минимального значений, пп.
1970	46,5-90	43,49348
1980	50,49-90	39,5037
1990	44,58-89,55	44,97319
1996	40,42-74,44	34,02032
2001	43,75-72,9	27,96351
2002	45,74-73,1	27,16246
2003	43,18-73,5	27,85489
2007	36,37-72,26	35,88692
2010	34,32-70,2	35,8662
2018	34,49-72,54	38,05448
2019	35,32-73,2	37,88218
2022	27,99-75,93	47,93502
2023	31,59-76,52	44,92978

Источник: рассчитано автором на основе данных Всемирного Банка.

На фоне расширения внешней торговли и инвестиционной составляющей роста в ряде стран региона нисходящий среднестрановой тренд сохранялся вплоть до 2009–2010 гг. с небольшим кратковременным ростом в период между Азиатским финансовым кризисом 1997 г. и кризисом доткомов на рынке США в 2001–2002 годах. Общий нисходящий тренд сопровождался постепенным сокращением региональных диспропорций, которые достигли минимума к началу 2000-х гг. за счет устойчивого сокращения относительного вклада потребления домохозяйств в ВВП стран, ориентированных на внутренний спрос при одновременном расширении потребительского спроса в ключевых экспортоориентированных экономиках. К моменту Глобального финансового кризиса региональные дисбалансы снова несколько расширились на фоне восстановления после кризиса доткомов и устойчивых темпов роста глобальной экономики. Процесс адаптации к новым внешним условиям – замедлению темпов глобального роста, внешнего спроса и необходимости диверсификации источников экономического роста – происходил в условиях сохранения примерно

неизменного диапазона колебаний вклада частного потребления в ВВП, катализатором же резкого расширения региональных диспропорций вклада стал период пандемии COVID-19, когда «разбег» вырос с 37,88% в 2019 г. до рекордных 47,94% в 2022 году.

Наиболее существенным и устойчивым в этот период оказалось снижение вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП Индии (сокращение с 79,68% в 1970 г. до 54,72% в 2010 г.); Сингапуре (с 67,14% до 36,34%) и Китае (с 52,94% до 34,33%) за аналогичный период. Во Вьетнаме вклад потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны сохранялся на уровне около 90% вплоть до конца 1980-х гг., за которым последовало стремительное сокращение до 55,7% в 2012 году.

В Японии тренд был обратным. На фоне рекордного прироста и переориентации на экспортоориентированные производства в более ранние периоды страна вышла на траекторию роста вклада потребительского спроса в ВВП страны уже с начала 1970-х гг.: этот показатель с 46,5% в 1970 г. вырос до 57,61% в 2009 году. Филиппины, которые, напротив, никогда фактически не являлись экспортоориентированной страной и придерживались умеренного вклада экспорта и инвестиций в темпы экономического прироста, также демонстрировали восходящую динамику с начала 1980-х гг. (с 60,86% в 1981 г. до 73,19% в 2009 г.). Для Малайзии переломным стал период Азиатского финансового кризиса: уверенное снижение доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП с 60% в 1970 г. до 41,56% в 1998 г. сменилось устойчивом ростом до 48,84% в 2009 г. с последующим возвращением к исходным значениям на уровне 61% в 2020 г. и 60,78% в 2024 году.

Индонезия, Таиланд и Республика Корея демонстрировали цикличный тренд: до начала 1990-х гг. вклад потребительских расходов домохозяйств в ВВП уверенно снижался, однако затем наметилась тенденция к росту, которая сохранялась вплоть до 2002–2003 гг., а затем сменилась нисходящим трендом, в результате доля потребительских расходов в ВВП во всех трех странах фактически вернулась к значениям, сопоставимым с началом 1990-х годов.

Глобальный финансовый кризис стал переломным для двух крупнейших региональных потребительских рынков – Китая и Индии, для которых сокращение вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП сменилось устойчивым ростом (с 34,33% до 39,57% для Китая и 54,72% до 60,19% для Индии с 2010 г. по 2023 г., соответственно). В Малайзии и на Филиппинах усилились тенденции к расширению вклада частного

потребления в ВВП (рост с 47,97% до 60,79% в Малайзии и с 70,19% до 76,15% для Филиппин с 2010 г. по 2024 г., соответственно). В Японии, напротив, восходящий тренд сменился снижением доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП, в Республике Корея и Сингапуре нисходящий тренд сохранился. Динамика вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП Индонезии, Таиланда и Вьетнама оказалась разнонаправленной, однако в целом период пандемии в большинстве стран региона способствовал росту относительного вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП на фоне повсеместных локдаунов и резкого падения внешнеторгового компонента.

Динамика вклада потребительских расходов домохозяйств в темпы прироста ВВП на разных этапах развития детально приведены в Главе 2, однако в качестве отправной точки для последующего анализа моделей и паттернов потребительского поведения домохозяйств необходимо сопоставить вклад в ВВП и вклад в темпы прироста ВВП, введя в анализ дополнительную категорию «эффективности» потребительских расходов домохозяйств.

В этом контексте эффективность потребительских расходов домохозяйств – это макроэкономический показатель, отражающий относительную результативность расходов на конечное потребление домохозяйств как компонента совокупного спроса и структурного элемента ВВП в формирование темпов экономического роста. Рассчитывается как отношение вклада потребительских расходов домохозяйств в темпы прироста ВВП к их удельному весу в структуре ВВП. Потребительские расходы домохозяйств можно считать эффективными, если их вклад в темпы экономического роста превышает их долю в ВВП страны, что может свидетельствовать о более высоком потенциале внутреннего спроса как источника экономического роста.

Таблица 17 – Сопоставление доли потребления домохозяйств в ВВП и его темпах прироста

		Средняя доля в ВВП	Средняя доля вклада в темпы прироста	Эффективность (цветовая интерпретация)
Китай	1970-е	51,15	42,67	
	1980-е	51,40	55,37	
	1990-1996	46,27	42,58	
	1998-2007	42,77	36,92	
	2009-2019	36,84	41,56	
	2020-2023	38,47	47,90	

		Средняя доля в ВВП	Средняя доля вклада в темпы прироста	Эффективность (цветовая интерпретация)
Япония	1970-е	49,49	56,44	
	1980-е	52,31	51,49	
	1990-1996	51,97	54,83	
	1998-2007	54,45	54,81	
	2009-2019	56,32	35,80	
	2020-2023	54,39	90,84	
Республика Корея	1970-е	67,37	61,83	
	1980-е	56,15	47,88	
	1990-1996	51,37	54,13	
	1998-2007	53,24	59,76	
	2009-2019	49,61	46,78	
	2020-2023	47,34	69,40	
Индия	1970-е	78,27	65,91	
	1980-е	73,52	67,85	
	1990-1996	65,48	62,33	
	1998-2007	60,78	54,39	
	2009-2019	57,85	62,51	
	2020-2023	60,93	58,39	
Малайзия	1970-е	55,55	36,33	
	1980-е	50,86	52,31	
	1990-1996	49,23	44,93	
	1998-2007	44,03	44,09	
	2009-2019	52,74	73,53	
	2020-2023	59,28	96,02	
Индонезия	1970-е	64,93	57,29	
	1980-е	54,69	58,43	
	1990-1996	53,90	59,84	
	1998-2007	64,67	67,74	
	2009-2019	57,08	56,69	
	2020-2023	55,51	44,59	
Сингапур	1970-е	60,24	49,20	
	1980-е	46,22	37,46	
	1990-1996	42,72	36,12	
	1998-2007	41,79	44,98	
	2009-2019	36,63	39,51	
	2020-2023	30,10	36,82	
Филиппины	1970-е	61,54	60,16	
	1980-е	65,51	61,03	
	1990-1996	70,95	73,83	
	1998-2007	72,87	73,50	
	2009-2019	72,21	74,23	
	2020-2023	75,69	80,23	

		Средняя доля в ВВП	Средняя доля вклада в темпы прироста	Эффективность (цветовая интерпретация)
Таиланд	1970-е	62,57	57,97	
	1980-е	58,14	50,93	
	1990-1996	51,96	51,62	
	1998-2007	54,50	64,98	
	2009-2019	51,42	46,72	
	2020-2023	54,33	89,93	
Вьетнам	1970-е	90,00	90,01	
	1980-е	89,94	89,31	
	1990-1996	78,68	74,22	
	1998-2007	66,23	59,55	
	2009-2019	57,77	58,68	
	2020-2023	55,12	48,06	

Зеленый цвет означает высокий вклад соответствующих параметров и/или эффективность (чем цвет темнее, тем вклад и эффективность выше)

Нейтральный вклад и эффективность

Оранжевый цвет означает низкий вклад соответствующих параметров и/или эффективность (чем цвет темнее, тем вклад и эффективность ниже)

Источник: составлено автором.

Таблица 18 – Соотношение доли вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП и их общей эффективности (в течение периода 2009–2019 гг.)

		Эффективность		
		Высокая	**Нейтральная**	**Низкая**
Доля вклада в ВВП	**>50%**	Малайзия (резкий рост эффективности, укрепившийся в период пандемии); Индия (рост эффективности)	Филиппины (пандемия стимулирует повышение эффективности); Индонезия; Вьетнам	Япония (резкое снижение эффективности, рост только на фоне пандемии)
	~50%			Республика Корея; Таиланд
	<50%	Китай (резкий переход от неэффективного потребления); Сингапур		

Источник: составлено автором.

Региональным лидером по величине вклада потребительских расходов домохозяйств являются Филиппины, для которых характерен и сопоставимый вклад в темпы прироста (нейтральная эффективность). При этом страна с 1990-х гг. уверенно наращивала и объемы сбережений вплоть до пандемии COVID-19, когда их доля резко сократилась (см. Таблицу 19). Сравнительно высокий вклад потребления на фоне нейтральной эффективности обеспечивают также Индонезия и Вьетнам, которые параллельно наращивают и объемы сбережений.

Таблица 19 – Отношение совокупных сбережений к ВВП стран Азии (в среднегодовом выражении, %)

	1970-е	1980-е	1990-1996	1998-2007	2009-2019	2020-2023
Китай		35,36882	39,52832	41,6543	46,56084	43,87515
Индия	15,05917	16,51605	24,32425	30,36109	33,37153	29,82437
Япония			33,42734	29,99705	27,06385	29,13582
Республика Корея	29,08432	32,4991	37,99148	33,89386	35,29825	35,3042
Индонезия		22,31761	26,09192	22,88715	31,11706	33,75858
Малайзия	26,75067	27,81341	33,15657	36,34286	29,67346	25,16182
Филиппины		24,03179	21,60827	35,24644	35,92277	23,70884
Сингапур	29,41671	39,59113	46,80511	44,69257	45,48908	41,44698
Таиланд	21,7278	25,04567	34,78917	29,61197	29,76572	26,83655
Вьетнам			21,1965	30,84992	31,40243	33,33089

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка.

Наиболее перспективными рынками, демонстрирующими не только высокий вклад частного потребления в ВВП, но и рост их эффективности, являются Малайзия (рекордная эффективность, укрепившаяся в т.ч. в период пандемии) и Индия, где потребление обеспечивает опережающий экономический прирост. При этом Малайзия одновременно развивается в условиях сокращения сбережений: в среднегодовом исчислении доля сбережений к ВВП страны сократилась с 36,4% в период перед ГФК до 29,67% в предпандемийные годы. Индия, напротив, даже в условиях растущей эффективности потребления продолжала аккумулировать объемы сбережений. Одновременный рост потребления и сбережений в Индии, Вьетнаме и Индонезии объясняется как ростом доходов населения (когда удовлетворение базовых потребностей позволяет часть прирастающих доходов направлять на сбережения), так и финансовой инклюзией.

Япония на фоне стагнации потребительских расходов, несмотря на сравнительно высокую долю в ВВП, характеризовалась резким падением их эффективности. Низкая эффективность потребительских расходов в условиях среднегодового вклада примерно на уровне 50% характерна для Таиланда и Республики Корея. Китай и Сингапур, выступающие лидерами антирейтинга по относительной величине вклада потребительских расходов домохозяйств в ВВП, тем не менее демонстрируют высокую эффективность (на фоне снижения вклада прочих компонентов в экономической рост). Обе страны сохраняют позиции лидеров по величине совокупных сбережений по отношению к ВВП, причем в обоих случаях расширение показателя происходило несмотря на рост эффективности потребительского спроса.

С учетом выявленных тенденций наиболее высокий потенциал укрепления модели роста, движимого внутренним потреблением, наблюдается у Малайзии и Индии, умеренно высокий потенциал – у Индонезии, Вьетнама и Филиппин (при условии проведения в стране структурных реформ, стимулирующих рост доходов и производительности). Низким потенциалом ожидаемо обладает Япония, ограниченным – Республика Корея и Сингапур, в которых ориентированность на внешние рынки по-прежнему остается более значимым драйвером экономического роста, а также Таиланд, где для стимулирования частного потребления требуются дополнительные стимулирующие меры и ускоренный рост доходов населения. Несмотря на низкую долю потребления домохозяйств в Китае, его растущая эффективность и огромный емкий внутренний рынок определяют его высокий структурный потенциал к укреплению частного потребления в качестве ключевого драйвера экономического роста, в особенности при продолжении структурных реформ, нацеленных на стимулирование потребительского спроса. В то же время именно эффект низкой базы обусловливает значительно более продолжительный переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, чем в иных государствах региона.

3.2. **Факторы роста регионального потребления: современные тенденции**

Частное потребление азиатских стран становится одним из главных драйверов глобального и регионального роста. Ожидается, что потребление будет расширяться и определять будущее по мере роста доходов. При этом быстрые демографические и

технологические изменения предопределят серьезные качественные сдвиги в поведении потребителей.

Тенденции частных потреблений домохозяйств определяются несколькими группами факторов:

1) экономические (уровень дохода на душу населения, уровень располагаемого дохода, темп прироста доходов на душу населения, уровень благосостояния или накопленного дохода, уровень процентных ставок. Уровень налогообложения);
2) социальные (уровень инфляции, уровень безработицы, социальная политика, доступ к услугам образования и здравоохранения);
3) демографические (численность населения, темп прироста численности населения, половозрастная структура населения, доля людей в трудоспособном возрасте);
4) технологические (интенсивность внедрения трудосберегающих технологий, уровень развития инфраструктуры, доступ к Интернету);
5) цивилизационные (культурные, исторические, религиозные особенности, определяющие образ потребления).

Данные факторы определяют не только масштабы и интенсивность частного потребления домохозяйств, но и его отраслевую структуру, каналы потребления, а также тенденции регионального распределения частного потребления в Азии.

Общей тенденцией, присущей большинству развивающихся стран Азиатского региона, является рост среднего уровня благосостояния азиатского населения, постепенное укрепление среднего класса, расширение программ социальной поддержки населения (а в ряде стран и поддержки бизнеса, способствующей укреплению занятости и социальной стабильности). Это формирует определенные сдвиги в структуре частного потребительского спроса домохозяйств.

Всемирный Банк по уровню доходов делит все экономики на четыре типа: с низким доходом, с доходом ниже среднего, с доходом выше среднего и с высоким доходом. В основе классификации лежат значения валового национального дохода на душу населения в долларах США, конвертированные из местной валюты с использованием метода Атласа Всемирного банка, который применяется к плавному обменному курсу. В 2024 г. экономики с низким уровнем дохода определяются в диапазоне USD 1135 или менее по состоянию на 2022 г.; доход ниже среднего – от USD 1136 до USD 4465; выше

среднего – от USD 4466 до USD 13 845; экономика с высоким уровнем дохода – в размере USD 13 846 или более.

Распределение 10 азиатских стран по категориям и уровню дохода представлено в Таблице 20. Приведенная статистика позволяет наглядно ранжировать страны по интенсивности роста доходов на душу населения, которая предопределяет их страновой потребительский потенциал.

Из трех стран с высоким уровнем дохода фактически только Сингапур продолжает демонстрировать устойчивую восходящую динамику в области доходов. В Японии пандемия стала катализатором его резкого сокращения: по состоянию на 2024 г. размер среднедушевого дохода вернулся к отметке 25-летней давности, демонстрируя общий нисходящий тренд и по отношению к 2015 г., и по отношению к 2010 году. В Республике Корея восходящий доходный тренд сохраняется, однако в 2023 г. уровень рассчитанного дохода оказался меньше 2022 года. Четыре государства – Китай, Индонезия, Малайзия и Таиланд – имеют статус стран с уровнем дохода выше среднего, при этом опережающими темпами растут доходы в Китае, далее следуют Индонезия и Таиланд; Малайзия, которая значительно раньше достигла данного статуса, растет относительно более медленным темпом. Филиппины и Вьетнам по состоянию на текущий момент классифицируются как страны с доходом ниже среднего, однако данные за 2024 г. свидетельствуют о том, что они обе уже преодолели водораздел между двумя категориями и уже через 2 года официально будут зачислены в группу стран с уровнем дохода выше среднего. При этом Вьетнам в последние 15 лет прирастал рекордными темпами в сравнении с остальными исследуемыми странами региона. Единственной страной, которая, как ожидается, еще долгое время будет сохранять статус страны с доходом ниже среднего, остается Индия. В то же время в последние десятилетия динамика доходов демонстрирует устойчивый рост и быстрое восстановление после краткосрочного падения в 2020 году.

Таблица 20 – Динамика валового национального дохода на душу населения в 10 странах Азии и их статус в области доходов, USD

	Категория дохода	**1990**	**2000**	**2010**	**2015**	**2016**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**Прирост**		
													2024 к 2015	2024 к 2010	2024 к 2000
Китай	Выше среднего	330	950	4410	8040	8360	10510	10740	12220	13170	13730	13660	69,90	209,75	1337,9
Индия	Ниже среднего	390	440	1210	1580	1670	2070	1900	2170	2390	2580	2650	67,72	119,01	502,27
Индонезия	Выше среднего	560	570	2490	3390	3370	4020	3850	4130	4520	4810	4910	44,84	97,19	761,40
Япония	Высокий	28390	36810	43910	39380	38460	41970	40930	43710	42640	39360	36030	-8,51	-17,95	-2,12
Республика Корея	Высокий	6450	11030	22280	28720	29330	33830	33040	35180	36160	35490	-	23,57*	59,29*	221,8*
Малайзия	Выше среднего	2420	3490	8130	10350	9800	10750	10110	10520	11610	11710	11670	12,75	43,54	234,38
Филиппины	Ниже среднего	820	1150	2310	3280	3350	3760	3350	3570	4010	4320	4470	36,28	93,51	288,70
Сингапур	Высокий	11450	23680	44930	53160	53470	58430	55780	65010	66910	69850	74750	40,61	66,37	215,67
Таиланд	Выше среднего	1540	1980	4490	5560	5550	7060	6900	7090	7210	7190	7120	28,06	58,57	259,60
Вьетнам	Ниже среднего	130	390	1370	2460	2560	3290	3400	3540	3980	4150	4490	82,52	227,74	1051,3

Источник: данные Всемирного Банка, World Bank Open Data (https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD).
Примечание: * рассчитано по отношению к 2023 году.

Массовая урбанизация стимулировала основной рост потребления. Ожидается, что к 2030 г. около 80% роста потребления в Азии придется на городские районы. Две трети этого роста приходится на 250 крупнейших городов региона, но из них быстрее всего растет потребление не в топ-50, а в следующих 200 городах, опережая топ-50 на 2 процентных пункта в год. Сегодня в Азии примерно такое же количество городских домохозяйств с более высокими доходами, как и в США; к 2030 г. их число удвоится. К 2030 г. может быть более 20 городов с более чем 1 миллионом домохозяйств с высоким доходом в каждом, в основном в Китае, Индии и Японии[629].

Нормы внутренних сбережений в Азиатском регионе продолжают оставаться на весьма высоком уровне, однако при анализе их страновой эволюции в группе из 10 рассматриваемых страны можно выявить два важных тренда. Во-первых, устойчивая восходящая динамика сбережений (в процентном выражении к ВВП), сохранявшаяся вплоть до Глобального финансового кризиса, сменилась небольшим снижением в посткризисный период. Наиболее очевидно это проявилось в Китае, Малайзии, Сингапуре, в меньшей степени – Индии. Во-вторых, при сохранении существенных различий в нормах сбережений между региональными экономиками масштабы региональных дисбалансов в последние 15 лет начали снижаться. Связано это было главным образом с сокращением нормы сбережений в странах-лидерах, с одной стороны, и расширением сбережений в группе стран с относительно более низкой нормой сбережений (Вьетнам, Филиппины, Индонезия), с другой.

Влияние финансового развития на сбережения зависит от стадии развития. В относительно менее развитых странах этой выборки финансовое развитие, в т.ч. уровень банковского кредитования и развития фондового рынка, находилось на ранних стадиях и оказало положительное влияние на нормы сбережений. В относительно более развитой группе стран интенсивное развитие финансового сектора обеспечило доступность частного кредитования, что оказало негативное влияние на норму внутренних сбережений.

Динамика и структура потребительских расходов во многом определяется демографической структурой населения, степенью поколенческого разрыва и долей тех или иных групп в структуре населения страны (см. Вставку 1).

---

[629]Meet your Future Asian Consumer [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/meet-your-future-asian-consumer (дата обращения: 4 октября 2025).

Вставка 1. Поколения потребителей

Поколение X (рожденные в 1966–1978 гг.)

Большинство детей из поколения X воспитывались либо в семьях с двойным доходом, либо в семьях с одним родителем из-за увеличения числа разводов. Их восприятие сформировали энергетический и экономический кризисы, проблемы безработицы и окончание холодной войны.

Представители поколения X прагматичны, консервативны и лишены организационной лояльности. Они самостоятельны, скептичны, целеустремленны и нацелены на самореализацию в работе, однако это поколение стремится сохранять баланс между работой и семьей. Структура потребления людей этого поколения сбалансирована с точки зрения средств производства, отдыха и расходов на семью. При этом весьма непросто изменить их мнение, а значит, и их лояльность к тем или иным брендам. Они не будут рисковать своими деньгами, чтобы опробовать новый бренд, склонны сохранять привычную структуру потребления. При выборе еды и напитков отдают предпочтение быстрым, удобным, интернациональным блюдам.

Поколение Y (рожденные в 1977–1994 гг.)

Поколение, сформированное технологиями и движимое новыми возможностями. Миллениумы, широко известные как поколение Y, более позитивно смотрят на жизнь, поскольку большая часть их жизни и карьеры сформировалась в период экономического подъема. В отличие от своих предшественников, они более терпимы и эмпатичны, у них высокая мораль и большое чувство гражданского долга. Среднее время, в течение которого они остаются на работе, составляет менее 2 лет, и в конечном итоге они мотивированы на создание стартапа. Они работают, чтобы сохранить баланс между работой, семьей и участием в жизни общества. Также это поколение больше внимания уделяет уходу за собой. Они требуют гибкого графика, смены работы и творческих отпусков. Они менее консервативны из-за большого количества альтернатив, доступных им через Интернет или социальные сети. Более того, им свойственно экспериментировать и пробовать новые бренды. Еда в ресторане, ужин вне дома, еда на вынос – это новая тенденция для поколения Y. Взрослые поколения Y отдают предпочтение органическим и экологически чистым продуктам, предпочитают здоровую, хорошо сбалансированную пищу. Поколение Y имеет более сильную покупательную способность, чем их предшественники, они больше склонны к

экспериментам и инновационности, нежели поколение X, однако в некоторых категориях, таких как косметика, лизинговые фирмы, недвижимость, даже миллениумы будут более привержены потреблению продукции и услуг привычных брендов.

Поколение Z (рожденные в 1995–2012 гг.)

Поколение Z широко известно как пост-миллениалы, или GenWii. Они пережили различные политические и финансовые потрясения и склонны к более раннему взрослению. Поколение Z тяготеет к раннему началу карьеры, в особенности предпринимательской. Технически, это «первое племя настоящих цифровых аборигенов» или «экранизаторов». Они осознают важность образования, прагматично относятся к деньгам. Представители этого поколения – «информированные потребители», они часто изучают и взвешивают варианты, прежде чем принять решение о покупке. Они, как правило, гораздо меньше привязаны к конкретным брендам, вместо этого предпочитая искать лучшее предложение; придают большое значение этике бренда и корпоративной ответственности (больше, чем миллениалы). Из всех поколений они чаще всего совершают покупки через социальные сети. Они не так ориентированы на цену, как предыдущие поколения. Продукты и бренды должны демонстрировать сочетание ценности, качества и этических норм, которые становятся главными факторами, определяющими потребительские предпочтения поколения Z.

Чем выше в стране доля населения в более старшем возрасте (поколения X и старше), тем более консервативным является общество, тем выше его приверженность традиционным брендам, более традиционной и менее гибкой является отраслевая структура потребления. Возрастная структура населения азиатских стран представлена в Таблице 21.

Таблица 21 – Возрастная структура стран Азии, 2022, %

Страна	Старше 58 лет (до 1966)	Поколение X (47-57 лет) (1966-1978)	Поколение У (30-46 лет) (1977-1994)	Поколение Z (11-29 лет) (1994-2012)	Молодежь (до 10 лет) с 2013
Китай	22,1	18,6	25,1	22,3	11,9
Индия	11,8	11,8	24,2	34,7	17.5
Япония	39,4	15,7	19,4	18,1	7,4
Республика Корея	26,1	17,1	25,7	22,6	8,5

Страна	Старше 58 лет (до 1966)	Поколение X (47-57 лет) (1966-1978)	Поколение У (30-46 лет) (1977-1994)	Поколение Z (11-29 лет) (1994-2012)	Молодежь (до 10 лет) с 2013
Сингапур	26,7	16,1	25,3	21,4	10,5
Малайзия	7,7	8	26	33,3	25
Таиланд	20,3	16,2	26,3	26,3	10,9
Индонезия	13,3	13,4	24,8	32,9	15,6
Филиппины	13,8	9,8	22,7	34,6	19,1
Вьетнам	13,2	12,8	27,4	31,6	15

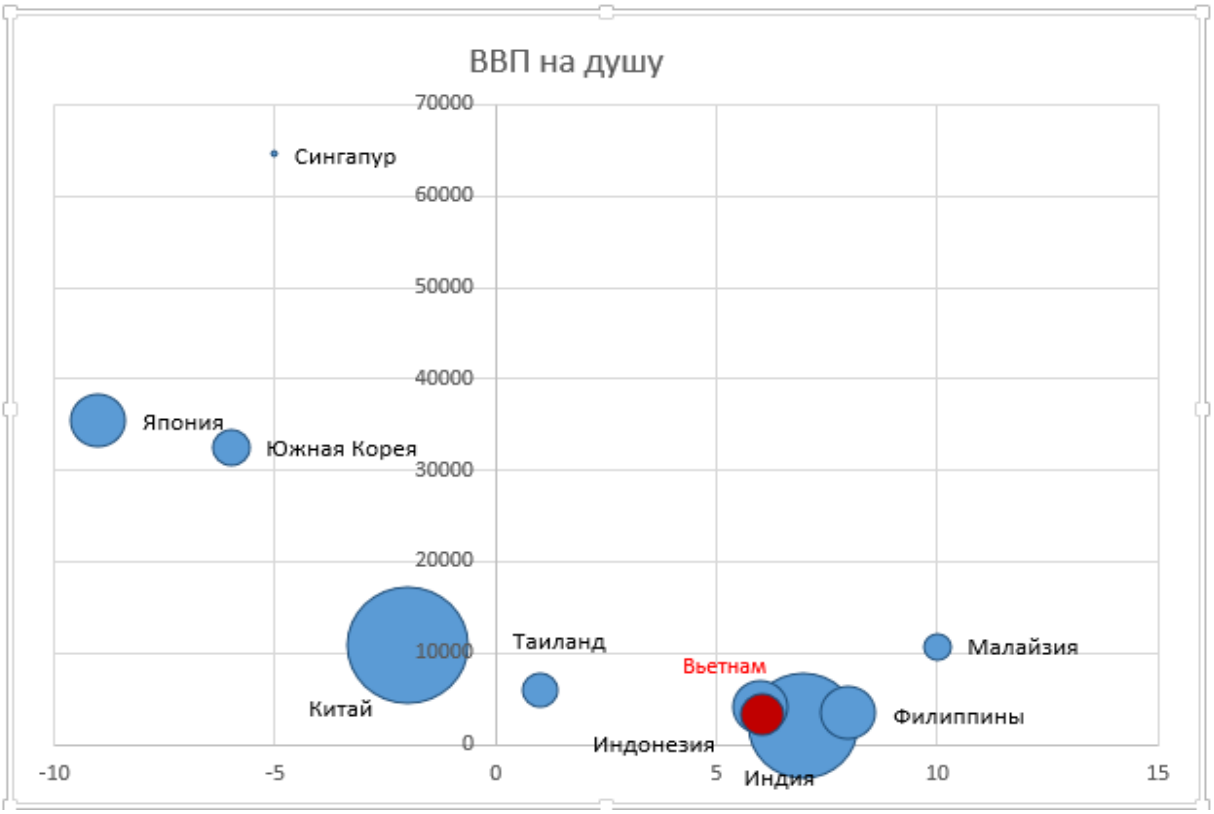

Рисунок 16 – Соотношение инновационности потребительского спроса, определяемого возрастной структурой населения, и уровня доходов

Источник: построено на основе данных Всемирного Банка и оценок автора.
* Значения по оси X означает рейтинг по шкале потребительского поведения от -10 до +10 (консерватизм vs инновационность и лояльность к новым брендам).
Диаметр круга определяется численностью населения страны.

Тип потребления во многом определяется соотношением возрастной структуры и уровня среднедушевого дохода (см. Рисунок 16). По этим двум критериям условно десятку исследуемых стран можно разделить на четыре группы.

К **первой** относятся страны с наиболее высоким уровнем доходов – Сингапур, Япония и Республика Корея, которые в силу высокой доходности и возрастной структуры находятся на пределе исчерпания ресурса собственного потребительского потенциала. В особенности это касается Японии – страны с самым возрастным населением (средний возраст в 2022 г. составлял 49,2 года), где высокие темпы старения населения сопровождаются неблагоприятными тенденциями в уровне доходов. В Японии средний скорректированный чистый доход семьи после уплаты налогов на душу населения составляет USD 28 872 в год, что ниже среднего показателя по ОЭСР (USD 30 490 в год). Существует значительный разрыв между самыми богатыми и самыми бедными: 20% самых богатых людей зарабатывают более чем в 6 раз больше, чем 20% самых бедных. Страна страдает от неравенства, особенно между полами[630].

Ко **второй** группе можно отнести исключительно Китай – страну с самым мощным потребительским потенциалом и устойчивым ростом доходов, но сохраняющейся чрезмерной склонностью населения к потреблению и сравнительно более низкой эластичностью потребления по уровню дохода. В этой связи переход к модели роста, движимого внутренним потреблением, эксперты прогнозируют не ранее, чем к середине 2030-х годов[631]. Потребители в Китае по-прежнему ориентируются на цену и функциональность при принятии решения о покупке. Однако по мере того, как их уровень жизни и определение стоимости расширяются, люди все больше внимания уделяют качеству продукции, индивидуальности бренда и покупательскому опыту. Тем не менее эластичность потребления китайского населения по доходу существенно ниже, чем в других странах Азии. Хотя все больше населения Китая быстро перемещается в группы с более высокими доходами, потребление некоторых категорий «массовых» потребительских товаров остается недооцененным в сравнении с долей Китая в мировом ВВП. Это касается широкого спектра потребительских товаров (средств по уходу за домом, а также массовых товаров для красоты, личной гигиены и проч.), расходов на образование и отдых, а также транспортные средств и коммуникационные услуги.

[630]Meet your Future Asian Consumer [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/meet-your-future-asian-consumer (дата обращения: 4 октября 2025).
[631]Keely L., Anderson B. Sold in China: Transitioning to a Consumer-led Economy / L. Keely, B. Anderson. Demand Institute Paper, 2015. С. 1–29.

Несколько выше эластичность спрос на одежду и обувь, где китайские потребители отдают предпочтение более дорогим брендам, и услуги здравоохранения[632].

Своего рода антиподом Китаю выступает Малайзия (**третья группа**). При сопоставимом среднем уровне доходов на душу населения, рекордно высокая доля молодежи предопределяет принципиально иные потребительские тенденции. Более половины малазийцев (57,2%) от общей численности населения Малайзии – моложе 30 лет. Подавляющая часть малазийского населения представляет собой поколение Z, являющееся самым быстрорастущим сегментом, который вносит свой вклад в рабочую силу страны и предопределяет опережающий рост частного потребления.

Главным локомотивом регионального потребления в кратко- и среднесрочной перспективах (до 2030 г.) выступит **четвертая** группа стран, включающая Индию, Индонезию, Вьетнам, Филиппины, а также (в меньшей степени) Таиланд. Объясняется это эффектом низкой базы, высокой долей молодежи в структуре населения, устойчивыми темпами цифровизации экономики и потребительской инфраструктуры и сравнительно более высокой эффективностью стимулирующих мер. Эластичность потребительских расходов по уровню доходов выше (Вьетнам и Таиланд) или равна единице (Индия, Индонезия и Филиппины)[633].

Вследствие новых демографических тенденцией по всей Азии происходит сокращение среднего размера домохозяйств. В большинстве стран за последние 20 лет наблюдался спад. В Индонезии средний размер домохозяйства сократился на 10%, в Индии – на 15%, во Вьетнаме – более чем на 20%, а в Китае – почти на 30% с 3,6 человека в 1999 г. до 2,6 человека в 2020 году. Треть домохозяйств в Японии и Республике Корея и более 15% в Китае состоят из одного человека[634].

---

[632]EIU. The Chinese Consumer in 2030 [Электронный ресурс] / Economist Intelligence Unit. 2022. Режим доступа: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Chineseconsumer2030 (дата обращения: 4 октября 2025).

[633]Арапова Е.Я. Азия: на пути к обществу потребления / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 45–53.

[634]Meet your Future Asian Consumer [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/meet-your-future-asian-consumer (дата обращения: 4 октября 2025).

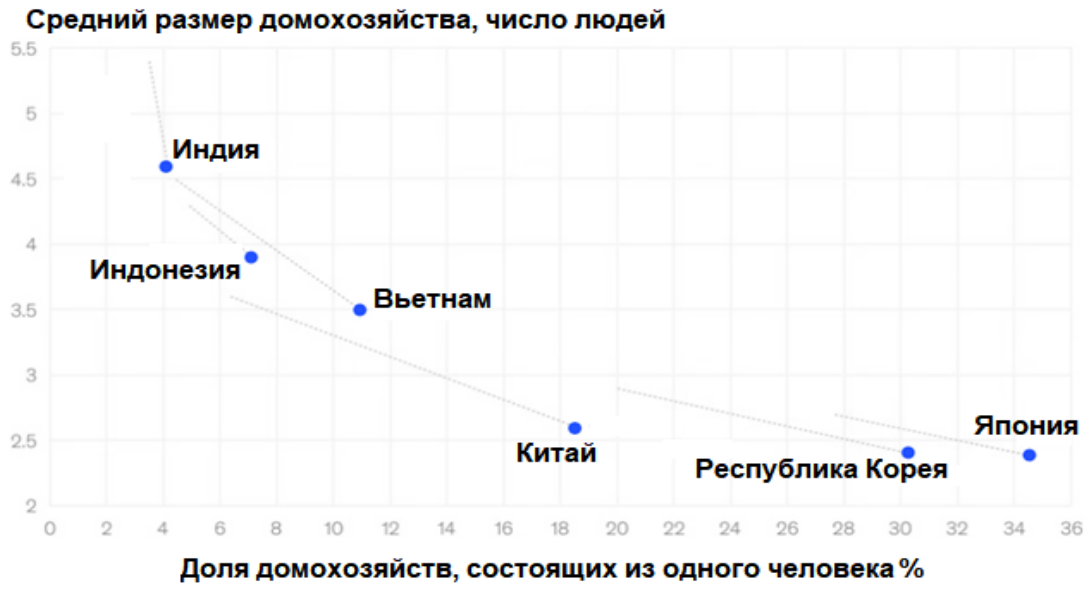

Рисунок 17 – Средний размер домохозяйств в странах Азии, чел.

Источник: Meet your Future Asian Consumer / McKinsey & Company. 2021. https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/meet-your-future-asian-consumer.

Этот значительный демографический сдвиг меняет структуру спроса. Например, новые формы общения – это растущий рынок. Рост числа одиноких людей привел, например, к резкому увеличению числа владельцев домашних животных по всей Азии. За последние 5 лет количество домашних животных в Китае, Сингапуре и Таиланде увеличилось на 114%, 12% и 23%, соответственно. Чат-боты, управляемые искусственным интеллектом, становятся все более популярными среди сотен миллионов пользователей, многие из которых одиноки.

Одиноким домохозяйствам требуются разные продукты, в том числе продукты с доставкой на дом и меньшие порции упакованных продуктов; в Японии в период с 2012 по 2019 г. средний вес нетто нескольких товаров повседневного спроса снизился на 8% в случае сливочного масла и 25% в случае растворимого кофе. Рост числа одиноких домохозяйств может даже привести к изменению моделей урбанизации по мере увеличения спроса на индивидуальное жилье.

Азиатские потребители всех возрастных групп все чаще выходят в онлайн: от представителей поколения Z, потребляющих видеоконтент, до более чем 90% пожилых людей в Японии и Республике Корея, которые, как ожидается, будут онлайн к 2030 году. Азиатские платформы становятся все более популярными. Цифровое поколение Азии, как правило, использует неазиатские платформы социальных сетей, но в основном

следует за местными влиятельными лицами в социальных сетях. Они используют азиатские платформы электронной коммерции и местных поставщиков цифровых платежей. Однако китайские потребители в основном используют местные платформы, в то время как австралийские потребители, как правило, используют неазиатские.

Рост электронной коммерции, ускоренный пандемией COVID-19, стал одним из главных потребительских трендов последних лет. Цифровые продажи трансформируют традиционное потребление и становятся ключевым фактором розничной торговли. По оценкам, объем рынка электронной коммерции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2024 г. составит приблизительно USD 4,28 трлн, а к 2033 г. может вырасти до USD 11,19 трлн благодаря увеличению проникновения Интернета, мобильной коммерции и цифровых платежей[635]. Китай лидирует как по интенсивности, так и по уровню проникновения онлайн-торговли. На электронную коммерцию приходится около 47% от общего объема розничных продаж в Китае, что делает его крупнейшим рынком по уровню проникновения онлайн-торговли среди всех стран мира. Доминирующие платформы (Alibaba, Pinduoduo и др.) активно расширяют спектр своих услуг, включая цифровые кошельки и онлайн-торговлю, что стимулирует участие домохозяйств в онлайн-покупках и повышает удобство потребления. Китайские покупатели также демонстрируют один из самых высоких уровней цифровой активности: примерно 63% онлайн-покупателей в регионе – это китайские потребители, при этом частота онлайн-транзакций увеличилась с начала пандемии. Республика Корея и Индонезия также демонстрируют значительные масштабы электронной коммерции. В Республике Корея доля электронной коммерции в розничных продажах оценивается примерно в 30%, а доля онлайн-покупателей превышает 80% населения, что отражает развитую цифровую инфраструктуру и высокий уровень доверия к онлайн-транзакциям. Индонезия, крупнейший рынок Юго-Восточной Азии по численности населения, имеет один из самых высоких темпов роста электронной коммерции: онлайн-продажи выросли примерно на 20% в 2023 г., и сам рынок занимает значительную долю в общем региональном росте. В этом контексте Филиппины выделяются как самый быстрорастущий рынок электронной коммерции в мире по темпам роста: 24,1% в 2023 г., опережая своих соседей. Это отражает как быстрый рост проникновения Интернета и

[635] Asia Pacific E-Commerce Market Report [Электронный ресурс] / Market Data Forecast. Режим доступа: https://www.marketdataforecast.com/market-reports/asia-pacific-e-commerce-market (дата обращения: 10 сентября 2025).

смартфонов, так и изменение потребительских привычек, когда все больше домохозяйств переходят к цифровой розничной торговле и бесконтактным покупкам. Малайзия и Таиланд, с темпами роста примерно в 16–18%, также демонстрируют значительный рост онлайн-торговли. По сравнению с лидерами роста, Япония и Сингапур являются более зрелыми рынками: они растут не так быстро, но уже имеют стабильную и высокую базу электронной коммерции. В Японии доля онлайн-торговли в розничных продажах оценивается в 13–14%, что отражает стабильно высокий уровень цифровой активности, но более медленный рост по сравнению с развивающимися рынками региона. Аналогичная картина наблюдается в Сингапуре, где высокая степень проникновения Интернета и развитая логистика обеспечивают стабильную электронную коммерцию, но не такие быстрые темпы роста, как в странах Юго-Восточной Азии.

Глубокое проникновение онлайн-торговли коррелирует с цифровой инфраструктурой, уровнем доверия к цифровым платежам и мобильным платформам, а также с усилиями платформ, направленными на удержание и вовлечение клиентов. Пандемия COVID-19 ускорила существующие тенденции, превратив электронную коммерцию из необязательного канала продаж в основной способ потребления для домохозяйств во многих азиатских странах.

В таких условиях к числу общих региональных тенденций можно отнести следующие[636].

На всех азиатских рынках потребители все чаще рассматривают предметы роскоши как нишевые бренды, о которых мало кто знает, но которые предлагают великолепный стиль и качество. Наибольший рост потребительского интереса к нишевым брендам в годовом исчислении наблюдается в Китае (+34%), Тайване (+31%) и Японии (+31%).

Бывшие в употреблении товары также начинают пользоваться повышенным спросом благодаря ежегодному увеличению открытости потребителей на всех рынках, во главе с Японией (+22%) и Тайванем (+26%). Между тем, спрос на впечатления от бренда (через мероприятия, технологии, развлечения, игры), т.е. формирование сопутствующей культуры потребления и восприятия потребляемых благ, продолжает расти, при этом самый высокий годовой рост потребительского интереса наблюдается в Японии (+27%)

[636]Market Insights by Bluebell. Asia Lifestyle Consumer Profile 2022: Tracking lifestyle consumption drivers & trends in the world’s most dynamic consumer markets July 2022 [Электронный ресурс] / Bluebell Group. 2022. Режим доступа: https://bluebellgroup.com/wp-content/uploads/2022/07/Bluebell-Group-2022-Asia-Lifestyle-Consumer-Profile-2.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

и Гонконге (+8%). Более неравномерно – в Азии, мы видим рост интереса к домашнему отдыху и спа в Японии (+7% в годовом исчислении), но спад – в Республике Корея (-11%) и Юго-Восточной Азии (-8%). Наконец, интерес к продуктам, связанным со здоровым/активным образом жизни, в целом снижается, при этом наибольшее снижение интереса в годовом исчислении наблюдается в Республике Корея (-8%) и Тайване (-6%).

Тем не менее на фоне выявления общих трендов более очевидными становятся и страновые различия в отраслевой структуре и культуре потребления, обусловленные как особенностями социально-экономического развития и проводимой государственной политикой той или иной страны, так и культурно-цивилизационными особенностями государств и их половозрастной структурой.

3.3. Паттерны потребления домохозяйств в странах Азии: качественный анализ тенденций, отраслевой структуры и поведенческих особенностей

3.3.1. Качественные характеристики паттерна потребления в Китае

Экономика Китая вступает в новый этап, когда высокая скорость развития предыдущих десятилетий сменяется более устойчивыми темпами: основное внимание уделяется качеству экономического роста, а не количественному увеличению. Параллельно с переходом экономики к новой, более устойчивой норме, китайский потребитель эволюционирует, средства расходуются более обдуманно.

Из всех развивающихся стран Азии Китай обладает наименьшей склонностью населения к потреблению и относительно высокой нормой сбережения. Данный феномен выступает объектом исследования многих ученых, которые пытаются эмпирически определить причины и факторы, определяющие столь низкую норму сбережения китайского населения. Одновременно в условиях стремительной трансформации китайской экономики наметился целый ряд тенденций, способствующих росту потребительских расходов и трансформации их структуры.

Современные тенденции потребительского класса Китая (последнего десятилетия) сводятся к следующему[637]:

[637] BBVA Research. Overview China Digital Banking Report 2017 [Электронный ресурс] / BBVA Research. 2017. Режим доступа: https://www.bbvaresearch.com/wp-content/uploads/2017/03/2017-China-Consumption-Trends-1.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

- стремительная трансформация социальной структуры из общества с доминирующей долей населения с уровнем доходов ниже среднего – в общество, движимого средним классом, населением с уровнем дохода выше среднего;
- увеличение располагаемого дохода домохозяйств с высоким уровнем дохода, стимулирующее спрос на дорогие товары: смещение акцентов в товарной структуре спроса с товаров массового потребления к товарам премиум-класса;
- опережающие темпы роста потребления городского населения, рост спроса на услуги (туристические, услуги связи, отдыха и развлечений), а также товары длительного пользования (жилье, транспортные средства и проч.);
- рост числа интернет-пользователей, в первую очередь, в городах (более 700 млн человек по состоянию на 2017 г.);
- резкий рост использования смартфонов для совершения покупок через Интернет и осуществления платежей в течение 5 лет;
- розничная торговля через Интернет формирует все еще относительно незначительную долю сектора электронной коммерции в Китае, в котором доминирует business to business (B2B).

Таким образом, потребительский потенциал экономики Китая представляет собой комплекс стимулов и противовесов, действующих разнонаправленно.

Фактор доходов населения. Доля населения с уровнем доходов ниже среднего стремительно сокращается, а средний и зажиточный класс уверенно прирастает. В Китае растет уровень располагаемого дохода, хотя темп прироста в последние годы замедляется на фоне трансформации экономической политики и коллапса модели экспортоориентированного роста, снижения внешнего спроса, оттока капитала, проблем ликвидности и негативных тенденций на фондовом рынке, усиливаемых растущей напряженностью и торговыми войнами Китая и США. Потребители с доходом выше среднего уровня обеспечат наибольшую долю роста в Китае в течение следующего десятилетия. По прогнозам, к 2030 г. в нем может проживать около 400 млн домохозяйств с доходом выше среднего и выше – примерно столько же, сколько в Европе и США вместе взятых. 60% городского потребления будет приходиться на потребителей с доходом выше среднего (с годовым доходом домохозяйства в диапазоне от 160 000 юаней / USD 25 200 до 345 000 юаней / USD 54 400 в реальном выражении 2020 г.) по сравнению с 35% в 2022 году. Еще 20% потребления может приходиться на сегмент выше них, поскольку

«потребители с высоким доходом» (с годовым доходом домохозяйства 345 000 юаней / USD 54 400 или более) удваивают свою нынешнюю 10%-ю долю[638].

Негативное влияние на объемы и динамику потребления в Китае традиционно оказывал низкий уровень урбанизации. Тем не менее в последние годы в экономике Китая преобладает ряд тенденций, способствующих расширению его потребительского потенциала и наращиванию частных расходов домохозяйств. Во-первых, в социальной структуре работающего населения доля городского населения составляет около 50%. Во-вторых, городской средний класс достигает 20% всего работающего населения страны (11% всего населения страны).

Крупномасштабная урбанизация Китая резко увеличила потребление в стране, но еще больший рост остается на горизонте. По состоянию на конец 2024 г. почти 65% постоянных жителей Китая были городскими жителями[639]. Разрыв в уровнях доходов сельского и городского населения продолжает сохраняться, но коэффициент Джинни в посткризисный период снижался, способствуя и сокращению разрыва в объемах потребительских расходов сельских и городских домохозяйств. В последние годы темп прироста потребительских расходов сельского населения опережал темпы прироста расходов городского населения.

Тенденцией последнего десятилетия в Китае является устойчивое старение населения. Наибольшую долю в возрастной структуре населения составляют лица, рожденные в 1960-х и 1970-х гг.; суммарно на представителей поколения X и лиц более старшего возраста приходится более 40%, вместе с рожденными до 1995 г. – более 65%. В то же время, по оценкам экспертов, склонность к сбережениям у относительно более возрастной группы населения существенно выше[640]. Кроме того, реализуемая на протяжении многих лет политика одного ребенка повлекла за собой диспропорции не только в возрастной, но и в гендерной структуре населения. Доля рожденных мальчиков оказалась значительно выше доли девочек, а по оценкам экспертов семьи, воспитывающие сыновей склонны в большей степени сберегать нежели потреблять, для

---

[638] Campos G. China’s Biggest, Sustainable 2022 Consumer Trends [Электронный ресурс] / G. Campos // China Briefing. 2022. Режим доступа: https://www.china-briefing.com/news/biggest-consumer-trends-china-in-2022-and-the-foreseeable-future/ (дата обращения: 4 октября 2025).

[639] Данные Всемирного Банка.

[640] Chamon M.D., Prasad E.S. Why Are Saving Rates of Urban Households in China Rising? / M.D. Chamon, E.S. Prasad // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2. № 1. P. 93–130.

того, чтобы обеспечить сыновьям более высокий уровень благосостояния к моменту женитьбы[641].

Сдерживают потребление и риски повышения напряженности на рынке труда. Национальное Бюро статистики Китая фиксирует сравнительно невысокий и достаточно устойчивый общий уровень безработицы (ежегодно на уровне примерно 4%). Однако многие эксперты обращают внимание на непрозрачность методики расчета показателей в сфере занятости и значительные расхождения между данными официальной статистики и реальной ситуацией на рынке труда. В частности, по оценкам NBER, в 2001–2009 гг. реальный уровень безработицы в Китае в 2,5–2,7 раза превышал данные официальной статистики, составляя в среднем 10,9% в год[642]. По оценкам же экспертов Bloomberg, в 2016 г. реальный уровень безработицы в Китае втрое превышал официальные значения, достигая 12,9%[643]. Даже официальная статистика признаёт ухудшение ситуации с безработицей в последние годы, к 2023 г. рекордного уровня достигла безработица среди молодежи (20,4% по официальным данным, что почти в 4 раза выше общего уровня безработицы), по состоянию на середину 2025 г. этот показатель составил 17,1%.

Высокая склонность к сбережению объясняется и относительно высокой стоимостью образования и услуг здравоохранения, а также неопределенностью относительно будущих расходов в этих областях[644]. По итогам эмпирических исследований многие эксперты склоняются к тому, что увеличение государственных расходов на реализацию программ образования и здравоохранения может привести к снижению нормы сбережений и стимулировать потребление домохозяйств[645].

Превращение трудоемких отраслей в капиталоемкие ведет к нарушению баланса между низкоквалифицированной рабочей силой и занятыми с более высоким уровнем

---

[641] Wei S.J., Zhang X. The Competitive Saving Motive: Evidence From Rising Sex Ratios And Savings Rates In China / S.J. Wei, X. Zhang // National Bureau of Economic Research. 2009. Working Paper. DOI: 10.3386/w15093.

[642] Ernst D. Advanced Manufacturing and China's Future for Jobs / D. Ernst // East-West Center Working Papers. 2016. № 8. С. 1–32.

Feng S., Hu Y., Moffitt R. Long Run Trends in Unemployment and Labor Force Participation in China / S. Feng, Y. Hu, R. Moffitt // NBER Working Paper. 2015. № 21460. С. 1–44.

[643] Durden T. China's Real Unemployment Rate Is Three Times Higher Than The Official Number [Электронный ресурс] / T. Durden. 2016. Режим доступа: http://www.zerohedge.com/news/2016-06-06/china-real-unemployment-rate-three-times-higher-offical-number (дата обращения: 10.05.2017).

[644] Chamon M.D., Prasad E.S. Why Are Saving Rates of Urban Households in China Rising? / M.D. Chamon, E.S. Prasad // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2, № 1. С. 93–130.

[645] Baldacci E., Callegari G., et al. Public Expenditures on Social Programs and Household Consumption in China / E. Baldacci, G. Callegari, et al. // IMF Working Paper. 2010. WP/10/69.

Feng J., He L., et al. Public Pension and Household Saving: Evidence from Urban China / J. Feng, L. He, et al. // Journal of Comparative Economics. 2011.

квалификации. В сегменте более квалифицированной рабочей силы, необходимой для сферы услуг и наукоемких производств, может сформироваться превышение спроса над предложением. В свою очередь, в сегменте низкоквалифицированной рабочей силы предложение будет значительно превышать спрос. При этом процесс «перетока» работников из одного сегмента в другой (благодаря повышению расходов на образование и реализации программ профессиональной переподготовки кадров) занимает больше времени, чем это необходимо для сбалансированного развития экономики и снижения социальной напряженности. К тому же избыток низкоквалифицированной рабочей силы может существенно превысить дефицит более квалифицированной, особенно в случае осуществляемого вместе с технологиями, капиталами и инновационными производствами «импорта» квалифицированного менеджмента из-за рубежа. В результате даже при успешной образовательной политике «чистый избыток» сравнительно менее квалифицированной рабочей силы может стать источником социальной напряженности внутри страны[646].

Высокую склонность к сбережениям до недавнего времени определял и ограниченный доступ к финансовым ресурсам (заемным банковским средствам)[647]. Реформы финансового сектора, отраженные в «Дорожной карте», по итогам третьего пленума ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) 18-го созыва, состоявшегося в Пекине 9–12 ноября 2013 г., и усиление конкуренции между государственными, частными и иностранными банками ставили своей целью обеспечить доступ к финансовым услугам для частных домохозяйств и малых и средних предприятий, направить инвестиции и крупные сбережения в более продуктивные инвестиционные проекты. В результате проводимых реформ индекс финансового развития страны вырос с 0,42 до 0,52, а прошедшая в 2024 г. крупнейшая банковская консолидация одной из главных целей помимо расширения доступа к банковским услугам для населения ставила «оздоровление» банковской системы страны.

Помимо объективных социальных и экономических факторов, которые определяют склонность населения Китая к потреблению, многие исследователи

---

[646] Арапова Е.Я. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 6. С. 77–85. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85.

[647] Hung J.H., Qian R. Why Is China's Saving Rate So High / J.H. Hung, R. Qian. Working Paper Series, Congressional Budget Office, Washington, D.C., 2010. 63 p.

Yang D.T., Zhang J., et al. Why Are Saving Rates So High in China? / D.T. Yang, J. Zhang, et al. NBER Working Paper № 16771, National Bureau of Economic Research, 2011.

склоняются к тому, что динамику частного потребления определяет еще и так называемый цивилизационный ресурс китайской экономики, а именно культурная, ментальная особенность китайской нации в более интенсивном наращивании сбережений по сравнению с потреблением, «привычке сберегать»[648]. Многие исследователи вводили в модели оценки детерминант частного потребления/сбережений фиктивную переменную, описывающую цивилизационный ресурс китайской экономики, доказывая его значимость[649].

Значимое влияние на динамику потребительского спроса оказывает проводимая денежно-кредитная и налогово-бюджетная политики. С момента официального декларирования курса на развитие «двойной циркуляции» и стимулирование внутреннего спроса в качестве ключевого драйвера будущего роста страны правительство и Народный банк Китая активно задействовали прямые и косвенные инструменты стимулирования внутреннего потребления домохозяйств.

В период с 2010 по 2024 г. Китай принимал разные меры стимулирования частного потребления в ответ на экономические вызовы и необходимость переориентации экономики с экспортоориентированного роста на внутреннее потребление. Это время ознаменовалось экономическими реформами, направленными на увеличение потребления домохозяйств, что стало важной частью китайской экономической стратегии, особенно в условиях замедления темпов роста экономики и торговых напряжений с другими странами.

---

[648] Арапова Е.Я. Страновые особенности потребительского поведения в Азии: количественный анализ / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 11. С. 35–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-35-45.

Кребников И., Злобин Е., Краснов Г. Как конфуцианские ценности влияют на китайских потребителей? / И. Кребников, Е. Злобин, Г. Краснов // Журнал общества и государства. 2021. Т. 2, № 9.

Karebnikov I., Zlobin E., Krasnov G. How Confucian Values Affect Chinese Consumers [Электронный ресурс] / I. Karebnikov, E. Zlobin, G. Krasnov // Journal of Society and State. 2021. Vol. 2, № 9. Режим доступа: https://sgpjournal.mgimo.ru/2021/2021-9/how-confucian-values-affect-chinese-consumers#:~:text=The%20key%20point%20to%20be,and%20trust%20in%20the%20suppliers (дата обращения: 30.04.2025).

Lin L., Xi D., Lueptow R.M. Public Face and Private Thrift in Chinese Consumer Behavior / L. Lin, D. Xi, R.M. Lueptow // International Journal of Consumer Studies. 2013. Vol. 37, № 5. C. 538–545. DOI: 10.1111/ijcs.12023.

Zhang S.S., van Doorn J., Leeflang P.S.H. Does the Importance of Value, Brand and Relationship Equity for Customer Loyalty Differ between Eastern and Western Cultures? / S.S. Zhang, J. van Doorn, P.S.H. Leeflang // International Business Review. 2014. Vol. 23, № 1. C. 284–292.

[649] Hung J. H., Qian R. Why Is China's Saving Rate So High / J.H. Hung, R. Qian. Working Paper Series, Congressional Budget Office, Washington, D.C., 2010. 63 p.

Chamon M.D., Prasad E.S. Why Are Saving Rates of Urban Households in China Rising? / M.D. Chamon, E.S. Prasad // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2, № 1. P. 93–130.

Реализация комплексной программы стимулирования частного потребления осуществляется через несколько ключевых каналов:

1) политику в области доходов (прямые и косвенные инструменты наращивания располагаемых доходов населения), в т.ч. поддержку сельских потребителей;
2) развитие финансового рынка и доступности потребительских кредитов;
3) развитие электронной коммерции.

С 2010 г. китайское правительство значительно увеличило расходы на социальное обеспечение, что имело прямое влияние на увеличение доходов населения и, как следствие, на потребление. В частности, программа расширения системы социального обеспечения включала улучшение медицинского обслуживания, увеличение пенсионных выплат и расширение страхования для сельского населения. В последние годы были введены налоговые льготы для среднеклассовых семей, что повышало их покупательную способность. Повышение минимальной заработной платы и улучшение условий труда в городах и сельской местности также способствовали росту располагаемых доходов[650].

Одновременно китайское правительство использовало разные формы субсидирования потребления товаров и услуг, особенно в секторах, связанных с потребительскими товарами, такими как автомобили и бытовая электроника. В 2010-е гг. были введены субсидии и налоговые льготы для покупателей автомобилей, что стимулировало рост продаж в этом секторе[651]. В ответ на глобальные экологические вызовы Китай стимулировал потребление экологически чистых автомобилей и бытовой техники через налоговые льготы и субсидии. Это в значительной степени поддерживало спрос на новые товары среди китайских домохозяйств. В ответ на экономический спад в 2012 г. были введены субсидии для стимулирования покупок бытовой электроники, таких как телевизоры, холодильники и другие товары долгосрочного использования. Например, в 2012 г. было выделено 15 млрд юаней на субсидирование покупки бытовой электроники для семей с низким доходом, что стимулировало потребление в этой категории товаров. В 2014 г. китайское правительство предоставило субсидии в размере около 10 млрд юаней для стимулирования продаж электромобилей и гибридных автомобилей.

---

650 China Social Security Scheme [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/china/2011-07/11/content_12871249.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

651 China’s Car Subsidy Policy [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2009-06/01/content_7955381.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

В ответ на экономический спад и необходимость поддержания потребления правительство Китая снижало процентные ставки по ипотечным кредитам, что сделало жилье более доступным для широких слоев населения. В 2015 г., в рамках программы жилищной реформы, ставка по ипотечным кредитам была снижена до 4,35%, что сделало жилье доступным для большего числа граждан. Это позволило увеличить покупательскую способность и стимулировать потребление в секторе недвижимости. В рамках программы поддержки нового жилья для молодых семей и сельских жителей были введены специальные субсидии и налоговые льготы[652].

Для стимулирования частного потребления Китай активно развивал рынок потребительского кредитования, что способствовало росту долговой нагрузки, но также сделало товары и услуги более доступными для домохозяйств. В 2010–2020 гг. китайские банки значительно увеличили объем потребительских кредитов, включая кредиты на покупку автомобилей, жилья и бытовой техники. В 2020 г. объем потребительского кредитования в Китае составил более 6 трлн юаней. Это позволило стимулировать спрос на товары и услуги в секторах, таких как автомобили, техника и недвижимость. Развитие финансовых технологий (FinTech) и платформ P2P-кредитования (например, AntGroup) значительно расширило доступ населения к финансированию потребительских расходов.

Китай все последние годы уверенно шел по пути смягчения денежно-кредитной политики, достигнув к 2024 г. исторического минимума процентной ставки (3,1%). Такая политика позволила рекордными темпами нарастить объемы банковского кредитования. Кредиты банкам в Китае увеличились до рекордных 252,274 млрд юаней в октябре 2024 г. с рекордного минимума в 41,341 млрд юаней в январе 2010 года[653].

---

[652] China’s Housing Policy Reform [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/01/10/chinas-housing-reform (дата обращения: 1 октября 2025).

[653] Trading Economics: Loans to Banks China [Электронный ресурс] / People’s Bank of China. Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/china/loans-to-banks (дата обращения: 1 октября 2025).

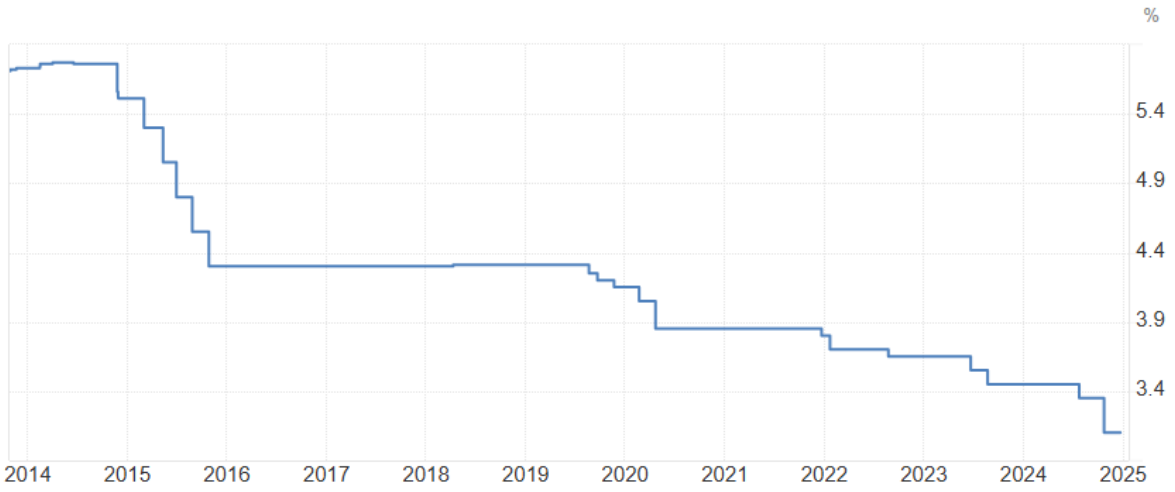

Рисунок 18 – Динамика ключевой ставки в Китае

Источник: People’s Bank of China

Тем не менее особенность китайской экономики состоит в сравнительно более низкой эластичности выданных кредитов по уровню процентной ставки. Несмотря на агрессивные меры денежного стимулирования со стороны Народного банка Китая в конце 2024 г., нацеленные на замедление спада на рынке недвижимости и роста долгов местных органов власти, объемы выданных кредитов снижались, усугубив общий фон низкого спроса на кредиты в Китае. В свою очередь, общий объем социального финансирования (широкий показатель кредита и ликвидности в экономике) снизился к концу 2024 г. до 2,34 трлн юаней с 2,46 трлн юаней в 2023 г.[654].

Китай стал мировым лидером в электронной коммерции, что увеличило потребление товаров и услуг, особенно среди молодежи. Программы по поддержке онлайн-продаж, включая субсидии для малых и средних предприятий, а также упрощение процессов интернет-торговли, значительно стимулировали внутреннее потребление. В 2020 г. объем онлайн-торговли в Китае составил более USD 2,1 трлн, что сделало его крупнейшим рынком электронной коммерции в мире.

Китай активно внедрял разнообразные меры для стимулирования потребления в 2010–2024 гг., включая субсидии на товары и автомобили, улучшение социальной защиты, развитие финансовых технологий и потребительского кредитования, а также поддержку туризма и электронной коммерции. Эти меры, наряду с увеличением расходов

[654] Trading Economics: Banks Balance Sheet China [Электронный ресурс] / People’s Bank of China. Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/china/banks-balance-sheet (дата обращения: 1 октября 2025).

на здравоохранение и улучшением доходов населения, способствовали росту потребления и помогли экономике Китая справляться с внутренними и внешними вызовами. Тем не менее высокая склонность населения к сбережениям остается одним из центральных долгосрочных вызовов экономического развития страны.

С ростом доходов и расходов на конечное потребление менялась и структура потребительских расходов. На фоне сокращения доли товаров первой необходимости – одежды и продуктов питания, увеличилась доля расходов на жилье, медицинское обслуживание, транспортные средства, транспортные и телекоммуникационные услуги. Опережающими темпами рос спрос городского населения на транспортные средства, туристические и рекреационные услуги, а также образовательные услуги, в то время как доля расходов на отдых и развлечения в потребительской корзине сельских домохозяйств снизилась по сравнению с предкризисным периодом. Среднегодовой темп прироста потребления автомобилей городским населением в последнее десятилетие составил 24%, а наиболее высокие темпы прироста были характерны для менее состоятельных домохозяйств, где приобретение транспортного средства зачастую компенсировалось снижением расходов на туристические услуги, связь и развлечения.

Важно, что параллельно с изменением социально-экономической конъюнктуры меняется и система ценностных ориентиров китайского общества, которая, в свою очередь, в долгосрочной перспективе влияет и на уровень экономического развития страны, и на интенсивность, и структуру частного потребления. Когда в 2012 г. компания Accenture инициировала свою программу изучения потребительского спроса в Китае, эксперты выступали за изучение китайского потребительского рынка с четырех сторон: развитие технологий, урбанизация, межпоколенческие сдвиги и социальная ценность. В начале 2020-х гг. исследователи по-прежнему придерживались многомерной точки зрения, пытаясь понять изменения в образе жизни людей, потребительском мышлении и поведении, движущие силы этих изменений и будущие тенденции. Сравнивая результаты Глобального опроса потребителей Accenture 2021, эксперты пришли к выводу, что китайские потребители разработали глобальные, многомерные перспективы, смещая свое внимание с мгновенного удовлетворения на долгосрочное счастье и ценность[655].

[655] Accenture. Chinese Consumer Insights [Электронный ресурс] / Accenture. 2022. Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-174/Accenture-Chinese-Consumer-Insights-2022.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

Потребители в Китае по-прежнему ориентируются на цену и функциональность при принятии решений о покупке. Однако по мере того как их уровень жизни и определение стоимости расширяются, люди все больше внимания уделяют качеству продукции, индивидуальности бренда и покупательскому опыту.

Пандемия заставила людей переосмыслить свое потребительское поведение, коренным образом изменила философию потребления китайских потребителей, сделав их более сдержанными и прагматичными. Согласно данным опроса потребителей Accenture China Consumer Survey в 2021 г., более высокая доля респондентов планирует увеличить свои вклады в сбережения и инвестиции в управление капиталом, медицинское обслуживание, образование и фитнес по сравнению с 2017 г., при этом наблюдается снижение доли респондентов, которые, как ожидается, увеличат свои расходы на продукты питания и напитки, отдых и развлечения, а также туризм[656].

Доля расходов на еду, напитки и лекарственные средства, сохраняя наиболее высокие позиции в структуре потребительской корзины, продолжает неуклонно снижаться, при этом опережающими темпами росли расходы на услуги транспорта и связи, а также мебель и бытовую технику (в условиях роста доступности жилья и расширения рынка ипотечного кредитования), что приводило к постепенному наращиванию доли соответствующих позиций в общей структуре потребления (см. Таблицу 22 и Рисунок 19).

Таблица 22 – Эволюция отраслевой структуры потребления домохозяйств в Китае. 1990–2023 г., % в среднегодовом исчислении

	1990	1991-2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Еда, напитки, табак, лекарственные средства	43,32	41,71	39,10	34,55	29,00	30,83
Одежда и обувь	7,14	7,81	8,87	8,77	6,62	6,08
Коммуникации и транспорт	7,71	9,19	11,56	13,14	13,52	12,69
Образование, отдых и культурный досуг	13,72	13,20	12,88	10,92	11,37	10,85
Мебель и бытовая техника	3,94	4,46	5,26	6,25	6,07	5,78
Здравоохранение	7,67	7,46	7,13	7,02	8,21	8,68
Прочее	16,49	16,17	15,20	19,34	25,20	25,11

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных National Bureau of Statistics of China (Households' Income and Consumption Expenditure и Statistical Yearbooks).

[656] Accenture. Chinese Consumer Insights [Электронный ресурс] / Accenture. 2022. Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-174/Accenture-Chinese-Consumer-Insights-2022.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

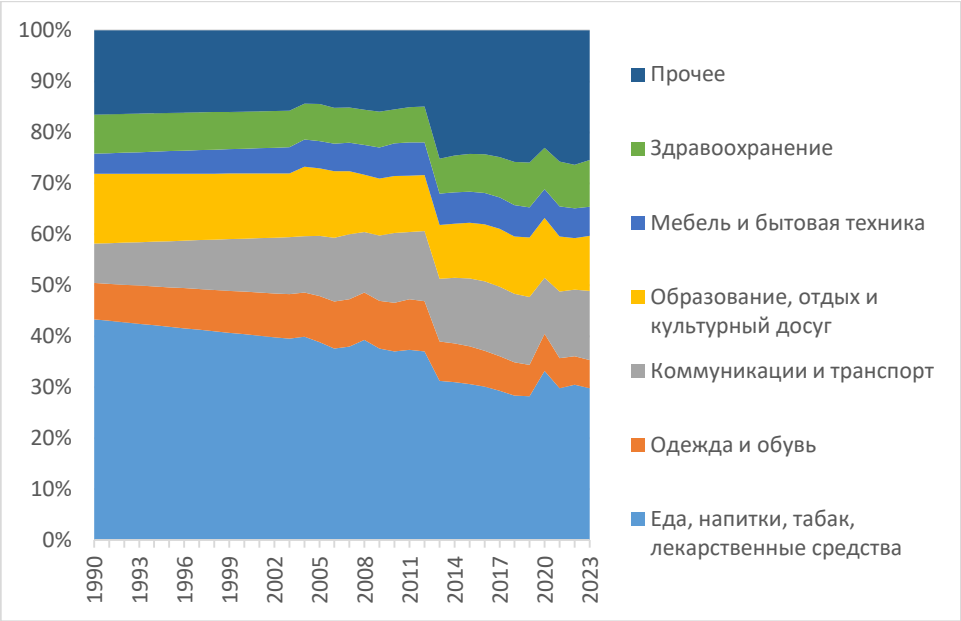

Рисунок 19 – Эволюция отраслевой структуры потребления домохозяйств в Китае, 1990–2023 гг.

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных National Bureau of Statistics of China (Households' Income and Consumption Expenditure и Statistical Yearbooks).

Краткосрочные сдвиги в структуре потребления спровоцировала пандемия, когда на фоне сокращения расходов на поездки расширилась доля расходов на базовые потребительские товары, а также ожидаемо возросли расходы на услуги здравоохранения. В 2021 г. национальные расходы на потребление продуктов питания, табака и алкоголя на душу населения составили 7 178 юаней, увеличившись на 12,2%, что составляет 29,8% расходов на потребление на душу населения; расходы на потребление одежды на душу населения составили 1419 юаней, увеличившись на 14,6% (5,9% расходов на потребление на душу населения); потребительские расходы на душу населения составили 5641 юань, увеличившись на 8,2% (до 23,4% потребительских расходов); потребление товаров и услуг на душу населения – 1423 юаня, увеличившись на 13% (5,9%); расходы на транспорт и связь составили 13,1% расходов на потребление на душу населения (прирост 14,3%); образование, культура и развлечения – 10,8% расходов на потребление на душу населения (рекордный прирост более 29% в условиях эффекта низкой базы); расходы на здравоохранение – 8,8% (прирост 14,8%)[657].

[657] National Bureau of Statistics of China. Households' Income and Consumption Expenditure in 2021 [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220118_1826649.html (дата обращения: 1 октября 2025).

По сравнению с 2019 г. средний темп роста восьми категорий потребительских расходов жителей Китая на душу населения за 2 года составил: продукты питания, табак и алкоголь увеличились на 8,6%, одежда увеличилась на 3%, жилье – на 5,6%, предметы первой необходимости и услуги – на 5,4%, транспорт и связь – на 5%, образование, культура и развлечения – на 1,7%, медицинское обслуживание – на 5,4%.

Стремительно растет приобретение мобильных телефонов. Уровень проникновения смартфонов достиг почти 72% к 2022 г., с прогнозом роста до 83% к 2027 г., при этом именно мобильные телефоны используются наиболее активно для получения доступа к интернет-услугам по сравнению с планшетами или портативными компьютерами.

На фоне ускоренного внедрения электронной коммерции стремительно растет спрос на услуги через Интернет. Стремительно растет число китайских граждан, использующих Интернет в качестве инструмента шопинга и проведения платежей, бронирования туристических поездок. Относительно менее популярными являются получение банковских услуг через Интернет (за исключением платежей) и торговля ценными бумагами. Расширение доступа китайского населения к Интернету повлекло за собой резкое изменение структуры потребления по способам приобретения продуктов питания, средств связи и товаров повседневного использования. Китай демонстрирует высокую структуру потребления в таких областях, как мода, аксессуары, бытовая электроника и электромобили (EV), пропорционально его доле в национальном ВВП. Особое внимание уделяется электромобилям, что отчасти связано с государственной поддержкой покупки этих транспортных средств посредством предоставления субсидий, планов платежей и т.д. На долю Китая приходится 40% мировых расходов на электромобили, и инвестиции в эти продукты продолжают расти (темпы роста более чем в 7 раз превышают среднемировые). Это бесспорный лидер по покупке электромобилей[658].

Китай является основным рынком сбыта других товаров, ориентированных на потребителей со средним и высоким доходом и ведущих роскошный образ жизни, например, предметов роскоши, косметики премиум-класса и средств личной гигиены, а также дорогих автомобилей. Чем выше уровень их доходов, тем охотнее потребители

[658] Campos G. China’s Biggest, Sustainable 2022 Consumer Trends [Электронный ресурс] / G. Campos // China Briefing. Режим доступа: https://www.china-briefing.com/news/biggest-consumer-trends-china-in-2022-and-the-foreseeable-future/ (дата обращения: 1 октября 2025).

готовы переплачивать за товары, подчеркивающие их социальный статус. Любопытно, что другие услуги с добавленной стоимостью или услуги высокого класса еще не востребованы этой категорией китайских потребителей, например, управление капиталом и круизные услуги – Китай покупает меньше, чем в среднем по миру, а доля его сектора в мировом ВВП составляет менее 10% от указанного среднего. Это означает, что существует потенциал роста рынка, которую необходимо изучить. Часть этого потенциала в последние годы начинает реализовываться в случае управления активами и финансовых услуг. Эта категория растет в Китае на 9% в год, что в 3 раза быстрее, чем в мире, а финансовые услуги были названы центральным и местным правительством Китая одним из приоритетных направлений развития страны.

Хотя все больше населения Китая быстро перемещается в группы с более высокими доходами, потребление некоторых категорий «массовых» потребительских товаров в упаковке (CPG) остается недооцененным по сравнению с долей Китая в мировом ВВП. Например, ВВП этой страны составляет от 10% до 15 % от общего потребления упакованных продуктов питания, средств по уходу за домом, а также массовых товаров для красоты, личной гигиены и других товаров для здоровья.

По сравнению с 2017 г. больше потребителей чаще пробуют новые бренды. В ответ на растущий спрос на персонализированный потребительский опыт бренды ускорили обновление своих продуктов за последние два-три года. Международные бренды запустили персонализированные продукты для китайского рынка, в то время как известные отечественные бренды трансформировались, чтобы вернуть доверие и внимание публики. Даже новым брендам пришлось отреагировать, выпустив самые продаваемые предложения, отвечающие потребностям конкретных потребительских сегментов. Появились новые бренды и продукты – от косметики и одежды до продуктов питания и напитков, что значительно расширило список вариантов продуктов. Быстро развивающиеся платформы электронной коммерции и контента в Китае не только позволяют быстрее предлагать продукты потребителям, но и облегчают потребителям сравнение и выбор между брендами и платформами. Как результат, брендам становится все труднее поддерживать лояльность потребителей.

В то время как ряд китайских потребителей предпочитают отечественные бренды, международные бренды по-прежнему доминируют в большинстве категорий. Это особенно заметно в категориях красоты и ухода за кожей и цифровых устройств 3C

(компьютеров, средств связи и бытовой электроники), в которых более 60% респондентов предпочитают международные бренды. Единственная категория, в которой преобладают отечественные бренды, – продукты питания и напитки.

Китайские потребители все больше осознают влияние своего индивидуального поведения на общество и окружающую среду, а также важность устойчивого развития. Защита окружающей среды сейчас становится популярным и «модным» трендом, в т.ч. в структуре потребления, и люди готовы тратить энергию и деньги на выполнение своих обещаний устойчивого развития.

3.3.2. Качественные характеристики паттерна потребления в Индии

Индийская модель экономического роста представляет собой сбалансированную модель, движимую внутренним спросом при доминировании частного потребления домохозяйств. Доля частного потребления в ВВП страны составляла в предковидный период около 59% (при вкладе этого компонента в экономический прирост на уровне 62%). История экономического роста Индии в течение последних трех десятилетий после экономической либерализации во многом определялась потреблением, что ознаменовало появление новой индийской экономики, которая перешла от экономики с ограниченным предложением к экономике с ограниченным спросом[659].

При этом в кризисные годы именно частное потребление росло опережающими темпами, что обеспечивало рост его вклада в прирост ВВП страны. Среди группы развивающихся стран Азии Индия обладает одним из самых мощных потребительских потенциалов. Объяснить это можно несколькими факторами. Во-первых, население Индии составляет 1,441 млрд чел., что составляет более 17% населения планеты[660]. Во-вторых, среднегодовые темпы прироста населения в 2010–2024 гг. составляли 1,1% в год, и даже несмотря на прогнозируемое снижение до 0,83% в среднегодовом исчислении в 2025–2030 гг. это один из наиболее высоких показателей в группе азиатских стран[661]. В-третьих, в Индии доминируют позитивные демографические тенденции: около 70%

[659] Ghosh I., Bhowmick S. Boosting Consumption to Lift Growth in India [Электронный ресурс] / I. Ghosh, S. Bhowmick // Observer Research Foundation. 2022. Режим доступа: https://www.orfonline.org/research/boosting-consumption-to-lift-growth-in-india (дата обращения: 1 октября 2025).
[660] Worldometer. India Population [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.worldometers.info/world-population/india-population/ (дата обращения: 1 октября 2025).
[661] IMF World Economic Outlook Statistics Database.

населения страны моложе 34 лет.

В 2016 г. доля так называемого «транзитного класса»[662], стремительно трансформирующегося в «средний класс», в Индии оценивалась до 70%[663]. По оценкам на 2024 г. «средний класс» составляет 31% и продолжает прирастать, выступая основным двигателем национального потребления.

Одной из ключевых особенностей индийской экономики является ее диверсифицированность и неоднородность развития разных групп населения. Это проявляется и в уровне доходов, и в структуре и динамике потребления. При оценке уровня потребления имеет смысл классифицировать индийских потребителей в зависимости от уровня и источников получения доходов. Из всего занятого населения в сельской местности лишь одна треть обеспечена доходом на уровне среднего по стране за счет владения сельскохозяйственными землями, что обеспечивает им относительно меньшую зависимость от программ государственной поддержки сельского хозяйства, хотя и повышает зависимость от урожайности и ценовых тенденций на рынке продовольствия. Остальная же доля населения, занятого в сельском хозяйстве, – это относительно низкоквалифицированная рабочая сила (местное население и мигранты) с низким уровнем дохода, высокой зависимостью от трансфертных программ правительства и социальных выплат, низкодиверсифицированной структурой частного потребления и почти полным отсутствием сбережений. Уровень доходов городского населения существенно выше среднего по стране, однако его доля на сегодняшний день значительно ниже. На долю городского населения приходится лишь 30% всей рабочей силы страны, из которой лишь 5–6% составляет городской средний класс.

Перспективы расширения среднего уровня доходов населения Индии могут объясняться следующими тенденциями:

1) рост доходов сельского населения двух нижних категорий за счет реализации государственных программ повышения доходов сельского населения, реализации масштабных инфраструктурных проектов и развития финансового сектора, способствующих облегчению доступа домохозяйств к заемным средствам;
2) постепенный переток части сельского населения двух нижних категорий в город,

[662] OECD Food and Agricultural Reviews. Agricultural Policy Review of India [Электронный ресурс] / OECD. 2018. Режим доступа: http://icrier.org/pdf/Agriculture-India-OECD-ICRIER.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
[663] Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2016: Nurturing Productivity for Inclusive Growth and Sustainable Development / UNESCAP. 2016.

пополнение категории «urban blue collar»;

3) высокая доля молодого населения в сочетании с относительно высоким уровнем образования. Это может привести к тому, что молодые люди, пополняющие рынок труда в ближайшие годы, в большей степени будут приходиться на категорию «educated urban mass». В свою очередь, часть этой социальной группы будет постепенно перемещаться в направлении среднего городского класса, представленного в большей степени занятыми в сфере услуг – телекоммуникаций и информационных технологий.

Тем не менее ИТ-сектор хоть и является растущим и высокодоходным с учетом высокой скорости проникновения мобильной связи и Интернета во все регионы страны, а также распространения электронной торговли, не способен обеспечить рабочими местами и относительно более квалифицированную рабочую силу из числа молодых выпускников вузов, и относительно более опытных представителей «educated urban шass». Значительная доля выпускников колледжей и вузов имеют инженерное и техническое образование. К 2025 г. по официальным данным доля производственного сектора в рабочей силе страны составляет 15–16%, что ниже поставленных ранее целей правительства.

В условиях колоссального потребительского потенциала и преобладающей доли частного потребления в структуре ВВП страны и темпах экономического прироста, в экономической системе сохраняются две структурные проблемы, препятствующие полноценной реализации имеющегося в стране потребительского потенциала и переходу к модели роста, движимого внутренним потреблением. Первая состоит в сохраняющемся высоком неравенстве доходов в Индии. Вторая – в недостаточной системности государственной политики, направленной на стимулирование частного спроса. Нынешний рост, обусловленный потреблением, который, по сути, будет способствовать увеличению производственного потенциала внутренней экономики, можно рассматривать как развертывание «скрытого спроса». На его стимулирование должна быть направлена государственная политика для достижения максимально возможных темпов роста. Ключевым приоритетом должно стать стимулирование роста доходов среди наиболее бедных масс населения, поскольку именно группы с более низкими доходами способны в большей степени стимулировать канал потребления в экономике, нежели рост доходов среди групп с более высокими доходами. Текущая же политика в

большей степени нацелена на регулирование предложения, а не на стимулирование факторов спроса.

В последние десятилетия правительство Индии предприняло несколько шагов в направлении стимулирования внутреннего спроса, хотя это не всегда было зафиксировано в официальных документах как стратегическая цель. Вместо этого стимулирование потребления становилось частью более широкой стратегии экономического развития. В 12-м пятилетнем плане (2012–2017) акцент был сделан на «инклюзивном росте» и социальном развитии, что косвенно включает в себя увеличение потребления через повышение уровня жизни населения и борьбу с бедностью. Однако в плане не была зафиксирована явная ориентация на потребление как основной фактор роста. 13-й пятилетний план (2017–2022) акцентировал стимулирование экономики через потребление и инвестиции в инфраструктуру. Меры, направленные на улучшение уровня жизни и повышение потребительских расходов, стали важной частью плана.

Индия традиционно является страной с одной из самых слабых социальных политик в выборке (расходы на социальную защиту составляют не более 1,5% ВВП), однако в последние 10 лет был достигнут определенный прогресс. Для снижения издержек и повышения производительности национальных сельхозпроизводителей разработана схема льготного кредитования домохозяйств, направленная на облегчение доступа сельхозпроизводителей к заемным средствам. В повышении доступности банковских услуг для бедного и сельского населения были достигнуты беспрецедентные результаты: по состоянию на 2016 г. были открыты около 212 млн новых банковских счетов с целью прямого перевода субсидий (на потребление керосина, удобрений, продовольственных субсидий и т.д.)[664].

Реализуются масштабные инфраструктурные проекты, с 2006 г. реализуется национальная программа микроирригации, нацеленная на повышение рациональности использования водных ресурсов и эффективности сельхозпроизводства. С 2014 г. реализуется программа по механизации сельского хозяйства. Активно развивается программа «Доступное жилье для всех», а в рамках проекта «Цифровая Индия» обеспечивается повсеместное подключение к сети Интернет.

Реализуется масштабная программа повышения благосостояния населения и

[664] Торговое представительство Российской Федерации в Республике Индии. Путеводитель для бизнеса по Индии [Электронный ресурс] / Торговое представительство РФ. 2018. Режим доступа: https://kamexport41.ru/upload/iblock/48c/Putevoditel_dlya_biznesa_po_Indii.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

помощи фермерам, главным образом сельского, которая предполагает в числе прочего создание банковских счетов домохозяйств с низким уровнем доходов, на которые будут поступать трансфертные платежи для удовлетворения базовых потребностей. Пакет реформ анонсирован в 2014 году.

Программа включает в себя несколько направлений:

1. Софинансирование расходов на продовольствие (бедным домохозяйствам предоставляется по 5 кг злаковых культур на человека по сниженной стоимости за счет программы субсидирования издержек).

2. Субсидирование производителей удобрений, ведущее к наращиванию производства удобрений, повышению объемов их производства и обеспеченности фермеров необходимыми объемами по более низкой стоимости.

3. Обеспечение занятости беднейшего сельского населения ежегодно сроком на 100 дней.

4. Субсидирование производителей газа для бытовых нужд (для приготовления пищи), обеспечивающих поставки по сниженным ценам 160 млн домохозяйств.

5. Реализация системы государственных закупок керосина с последующей продажей домохозяйствам по сниженным ценам на базе магазинов, управляемых государством.

Эффективность программы затрудняется задержками в перечислении средств, отсроченном покрытии долгов предыдущих периодов в последующих периодах. Кроме того, реализации инициативы влечет за собой увеличение дефицита государственного бюджета, что повышает неопределенность в ее дальнейшей реализации. Важным инструментом обеспечения социальных гарантий, повышения благосостояния и выравнивания доходов разных групп населения Индии является Схема гарантирования сельской занятости Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Scheme (MGNREGS), которая представляет собой крупнейшую в мире программу обеспечения занятости. В стране реализуется Национальная миссия сельского здравоохранения, а также планы совершенствования системы аграрного кредитования.

Программа Make in India, запущенная в 2014 г., фокусировалась на стимулировании производства в стране и создании рабочих мест. Хотя она в основном была ориентирована на повышение производства и экспорт, создание новых рабочих мест также могло повлиять на рост внутреннего потребления, так как повышенные доходы от новых рабочих мест стимулируют потребление.

Правительство Индии также внедрило меры, направленные на повышение минимальной заработной платы и создание рабочих мест, что напрямую способствовало росту потребительских расходов. Это привело к росту потребительского спроса, особенно в среднезажиточных и бедных слоях населения.

Важным инструментом стимулирования частного потребления стала программа Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana (PMJDY), в которой были предприняты усилия для улучшения финансовой инклюзии населения, что могло способствовать росту потребления, так как увеличение финансовой доступности для бедных слоев населения способствовало росту их потребительской активности. Целью программы стало обеспечение доступа к финансовым услугам для всех граждан, включая банковские счета, кредиты и страхование, а открытие более 300 млн банковских счетов для бедных слоев населения увеличило доступность финансовых ресурсов для стимулирования потребления[665].

Важную роль в стимулировании частного потребления в Индии, особенно в сельской местности, играют программы субсидирования и льготного кредитования домохозяйств, которые являются частью более широкой государственной стратегии по сокращению бедности и улучшению экономической ситуации в сельских районах. К их числу относятся:

1. Pradhan Mantri Awas Yojana (PMAY) – программа субсидирования жилья, предполагающая предоставление субсидий на строительство или реконструкцию собственного жилья. По данным на 2025 г., в рамках сельской программы было построено около 7 млн домов, соответственно, программа реализована примерно на 85–90%[666], в рамках городской программы – около 9 млн (из 12 млн). В качестве сопутствующего эффекта это стимулировало внутренний спрос на мебель, бытовую технику и строительные материалы.

2. Pradhan Mantri Kisan Samman Nidhi (PM KISAN) – программа денежной помощи фермерам, предоставляющая прямые денежные переводы в размере ₹6000 (примерно USD 80) в год на каждого зарегистрированного фермера. Программа охватывает порядка 10% населения Индии и в числе прочего стимулирует спрос на удобрения и сельхозтехнику.

---

[665] Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pmjdy.gov.in (дата обращения: 1 октября 2025).

[666] Министерство жилищного строительства Индии.

3. Kisan Credit Card (KCC) – льготные кредитные карты (по сниженным процентным ставкам) для фермеров, используемые для покупки сельскохозяйственных материалов, семян, удобрений и других нужд, а также для погашения долгов. По состоянию на 2024 г. в Индии выдано более 130 млн льготных кредитных карт, что способствовало выдаче льготных кредитов на общую сумму более ₹13–15 трлн (примерно USD 160–190 млрд)[667].

4. Interest Subvention Scheme и Modified Interest Subvention Scheme (MISS) – программы субсидирования процентных ставок по кредитам для фермеров, направленных на покупку сельхозтехники, средств производства и для других сельскохозяйственных нужд. Программы позволяют фермерам получать кредиты по ставке до 4%, что делает приобретение сельскохозяйственной техники и других товаров более доступным.

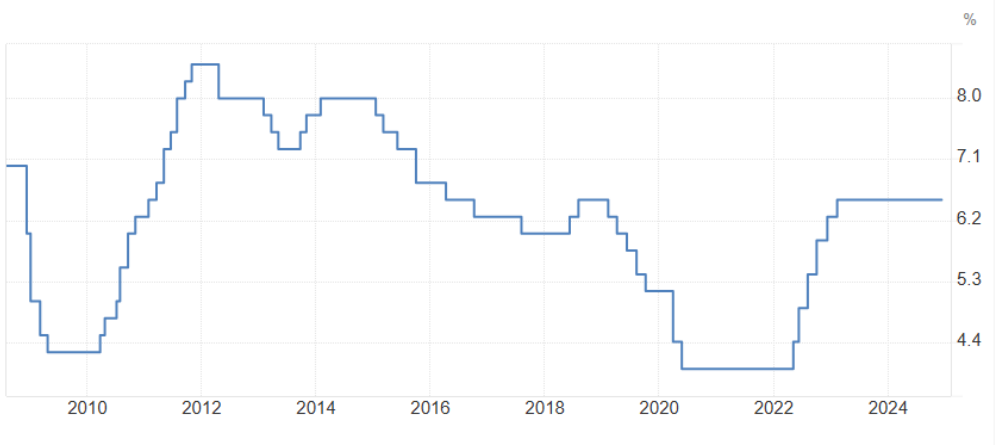

Рисунок 20 – Динамика ключевой ставки в Индии

Источник: Банк Индии.

В 2014 г. основной целью денежно-кредитной политики стало обеспечение стабильности цен, уделялось меньше внимания кредитованию правительства, стабильности обменного курса рупии и необходимости защиты экспорта. В феврале 2015 г. правительство и Центральный банк согласовали установление целевого уровня потребительской инфляции на уровне 4% с диапазоном плюс-минус 2 п. п., начиная с финансового года, оканчивающегося в марте 2017 года. Относительное снижение

[667] По данным NABARD (Национальный банк сельского хозяйства и районов) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nabard.org (дата обращения: 1 октября 2025).

инфляции с конца 2014 по конец 2019 г. (в среднегодовом исчислении на уровне 4,5–5% против примерно 9% в 2012–2013 гг.) позволило на протяжении нескольких лет идти по пути снижения процентных ставок, стимулируя потребительские расходы и банковское кредитование (в 2017–2018 гг.). Однако увеличившееся давление на цены с конца 2021 г. привело к серии повышений процентных ставок.

Даже несмотря на то, что за последние 2 года правительство прибегло к введению нескольких пакетов бюджетных стимулов, произошло фактическое снижение темпов роста государственных расходов на конечное потребление в реальном выражении с 7,9% в 2019–2020 гг. до 2,9% в 2020–2021 годах[668]. Несколько малых и средних пакетов мер по решению проблем цепочки поставок в годы пандемии были, однако, реализованы без стимулирования потребительского спроса за счет снижения прямых налогов.

Достижение целевого ориентира по занятости сопряжено с успешностью реализации программы «Make in lndia», притоком иностранных инвестиций в промышленный сектор, а также сопутствующим развитием инфраструктуры. Соответственно, эффекта можно ожидать не ранее чем через 5 лет. По оценкам экспертов ОЭСР, благодаря государственным интервенциям стоимость товаров, оплаченных индийскими потребителями, составляет приблизительно 25% их рыночной стоимости, что увеличивает реальный доход домохозяйств, позволяя приобретать больший объем и набор товаров, и стимулирует внутреннее потребление.

Однако во многом благодаря цивилизационным особенностям индийского населения, значительной доле молодого населения, относительно высокого уровня образования, распространения мобильной связи, Интернета и услуг электронной торговли в средне- и долгосрочной перспективах при росте уровня дохода можно ожидать не только роста потребительских расходов в абсолютном выражении, но и повышения их эластичности по доходу.

За последние 30 лет отраслевая структура потребления Индии претерпела существенные изменения. Долгосрочные тенденции потребления в Индии постепенно отражают рост благосостояния, демографические и цивилизационные особенности страны.

---

[668] Ghosh I., Bhowmick S. Boosting Consumption to Lift Growth in India [Электронный ресурс] / I. Ghosh, S. Bhowmick // Observer Research Foundation. 2022. Режим доступа: https://www.orfonline.org/research/boosting-consumption-to-lift-growth-in-india (дата обращения: 1 октября 2025).

Индия является одной из самых быстрорастущих экономик в мире. К 2030 г. она останется одной из самых молодых наций на планете, и в ней будет проживать более миллиарда пользователей Интернета. Новый индийский потребитель будет богаче и охотнее тратить деньги, и в отличие от своих предшественников у него будут очень специфические предпочтения. По мере роста доходов и реализации правительством социальных программ (в т.ч. поддержки сельского населения) произошло резкое сокращение доли расходов на продукты питания (с 48% в среднем в 1990-е гг. до 28% в 2016–2019 гг., незначительно увеличившись на фоне пандемии и сокращения потребительских расходов на иные категории). Одновременно существенно выросли расходы на образование (с 2% до 8%), услуги здравоохранения (с 3,55% до 6,1%) и приобретение транспортных средств (за исключением периода после начала пандемии) (см. Рисунок 21 и Таблицу 23).

Таблица 23 – Эволюция отраслевой структуры потребления домохозяйств в Индии, 1990–2023 г., % в среднегодовом исчислении

	1990	1991-2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	1,38	1,79	2,01	2,05	2,18	2,06
Одежда и обувь	9,12	6,75	5,83	6,81	6,02	5,59
Коммуникации	0,70	1,11	1,99	2,03	2,24	2,45
Образование	2,12	2,04	2,36	4,76	7,45	8,27
Еда и безалкогольные напитки	48,45	48,15	36,90	30,48	27,85	31,04
Мебель и бытовая техника	3,76	2,99	3,20	3,31	2,81	2,36
Здравоохранение	2,34	3,55	5,38	4,38	5,36	6,09
Коммунальные платежи, вода, энергия	15,94	13,45	14,09	14,76	13,24	12,99
Разнообразные товары и услуги	3,52	5,56	9,22	13,53	14,08	14,14
Отдых и культурный досуг	1,09	1,18	1,30	1,09	0,89	0,84
Отели и рестораны	1,04	1,26	2,01	2,12	1,93	1,12
Транспорт	10,55	12,16	15,71	14,31	15,45	12,63

Источник: рассчитано автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

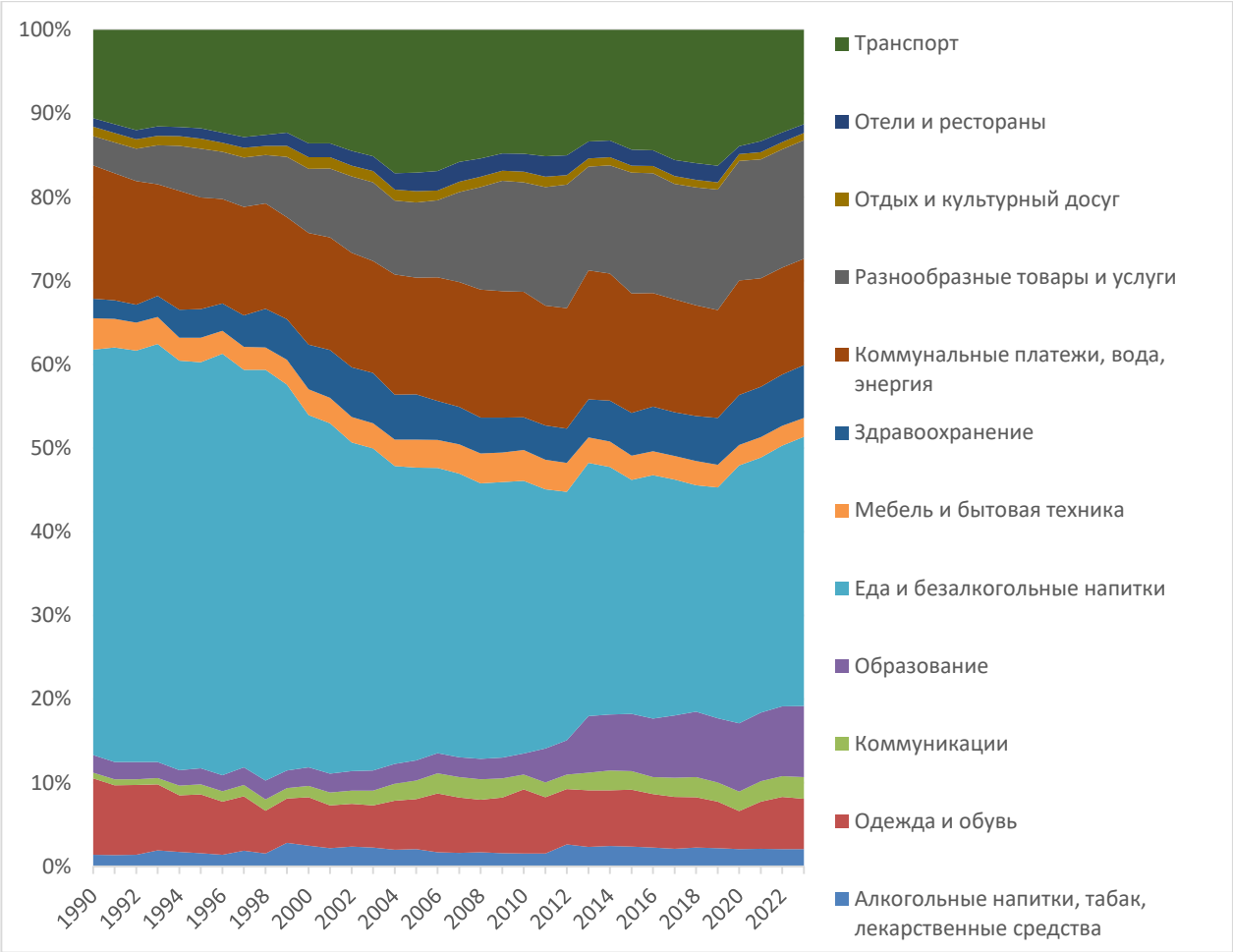

Рисунок 21 – Эволюция отраслевой структуры потребления домохозяйств в Индии, 1990–2023 г., %

Источник: построение автора на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

К 2030 г. индийский средний класс превратится в главную движущую силу экономического развития и потребления. По оценкам экспертов ВЭФ, к 2030 г. на средний класс будет приходиться 75% потребительских расходов. Повышение мобильности доходов будет стимулировать рост во всех категориях потребления. По мере того как 140 млн домохозяйств переходят в категорию среднего класса, и еще 20 млн – в группу с высоким доходом, они будут тратить в 2–2,5 раза больше на основные категории (еда, напитки, одежда, средства личной гигиены, гаджеты, транспортные средства и жилье) и в 3–4 раза больше на услуги (здравоохранение, образование, развлечения и уход за домом). Участники с доходом выше среднего и высоким будут способствовать увеличению владения товарами длительного пользования (стиральные машины, холодильники, телевизоры и личные автомобили) на 15–20%.

Дополнительные потребительские расходы к 2030 г. будут распределяться между двумя направлениями: (1) премиумизация прежних товарных категорий (переориентация в направлении более качественных и дорогих брендов); (2) расширение номенклатуры потребляемых товаров, что повлечет за собой рост дополнительных расходов на еду (еда и напитки дома и в ресторанах), на предметы личной гигиены и одежду, средства связи и информационные продукты (мобильные телефоны, пакеты данных и гаджеты).

Высокие темпы цифровизации экономики способствуют как росту доходов населения, так и расширению каналов потребления, что ведет к диверсификации структуры потребительской корзины домохозяйств. По оценкам Redseer Strategy Consultants цифровая экосистема Индии уже соответствует золотому стандарту: более 350 млн активных пользователей цифровых платежей, более 50 млн продавцов, использующих цифровые технологии, и более 50% доли цифровой рекламы.

Сравнительно более низкий уровень физической инфраструктуры (транспортной сети, электроэнергии, организованной розничной торговли и финансовых услуг) сдерживает выравнивание уровня доходов сельского и городского населения, однако развитие цифровой инфраструктуры (Интернет и смартфоны) значительно сократили информационный разрыв между потребителями в городских и сельских районах Индии и в ближайшее десятилетие будут способствовать постепенному выравниванию уровня и качества жизни.

Более половины населения страны составляют потребители так называемого поколения Z, а вместе с людьми среднего возраста – поколения Y, они составляют около ¾ всего населения страны. Это высокомобильные потребители, в большей степени подключенные к цифровым медиа- и онлайн-платформам, лояльные к освоению новых брендов, стремящиеся к приобретению товаров длительного пользования и уделяющие значительно больше внимания качеству потребляемых товаров и услуг.

Индийские потребители будут готовы выбирать бренды с хорошим соотношением цены и качества. Значительной частью расходов на еду и напитки станут обеды вне дома, увеличатся расходы на развлечения, в перспективе – туристические услуги и отдых. Индийцы традиционно пользовались услугами общественного транспорта, а не собственными автомобилями, и обставляли дома недорогой подержанной мебелью. По мере роста доходов и цифровых платформ будут расти покупки новой мебели, техники, автомобилей.

С учетом относительно низкого уровня доходов большей части населения, в средне- и долгосрочной перспективе по мере роста доходов в наибольшей степени можно ожидать инерционного роста спроса на еду, одежду и жилье. По прогнозам Goldman Sachs по мере роста доходов будут расти расходы на продовольствие, в особенности на товары более высокой стадии переработки (полуфабрикаты), средства наземного транспорта (скутеры), ювелирные изделия и детские товары (благодаря высокой доле молодого населения и традиций празднования свадеб)[669].

3.3.3. Качественные характеристики паттерна потребления в Республике Корея

Паттерн потребительского поведения южнокорейских домохозяйств в полной мере соответствует социально-экономической структуре общества, характеризующегося высоким уровнем образования, дохода и качества жизни при одновременно быстром старении населения и критически низкой рождаемости. Средний возраст составляет 44,8 года, при этом доля людей старше 65 лет по состоянию на 2024 г. достигает более 17% населения страны и лишь менее 15% населения моложе 18 лет[670]. К 2020 г. только 13% населения составляли дети в возрасте до 14 лет. По прогнозам национальных служб и международных организаций к 2040 г. численность пожилых людей в стране достигнет 17 миллионов, что связано одновременно со снижением рождаемости и смертности[671]. Одними из главных причин низкой рождаемости в стране остается дорогостоящая и высококонкурентная система образования и сравнительная профессиональная незащищенность женщин (сложности выхода на работу после родов и значительный разрыв в уровне заработных плат). В результате аналогично другим странам региона в Республике Корея в последние годы доминируют домохозяйства с малой численностью населения: средний размер составляет 2,4 чел., при этом доля одиночных домохозяйств составляет 27%.

---

[669] Goldman Sachs. The Asian Consumer: India Consumer Close-Up Tapping the Spending Power of a Young, Connected Urban Mass [Электронный ресурс] / Goldman Sachs. 2016. Режим доступа: https://www.goldmansachs.com/pdfs/insights/pages/macroeconomic-insights-folder/rise-of-the-india-consumer/report.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[670] Santander. South Korea: Reaching the Consumer. Consumer Profile 2025 [Электронный ресурс] / Santander. 2025. Режим доступа: https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/south-korea/reaching-the-consumers (дата обращения: 1 октября 2025).

[671] Daxue Consulting. Korea Consumer Trends Report September 2022 [Электронный ресурс] / Daxue Consulting. 2022. 106 с. Режим доступа: https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2022/09/South-Korea-Consumer-Trends-Report-by-daxue-consulting.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

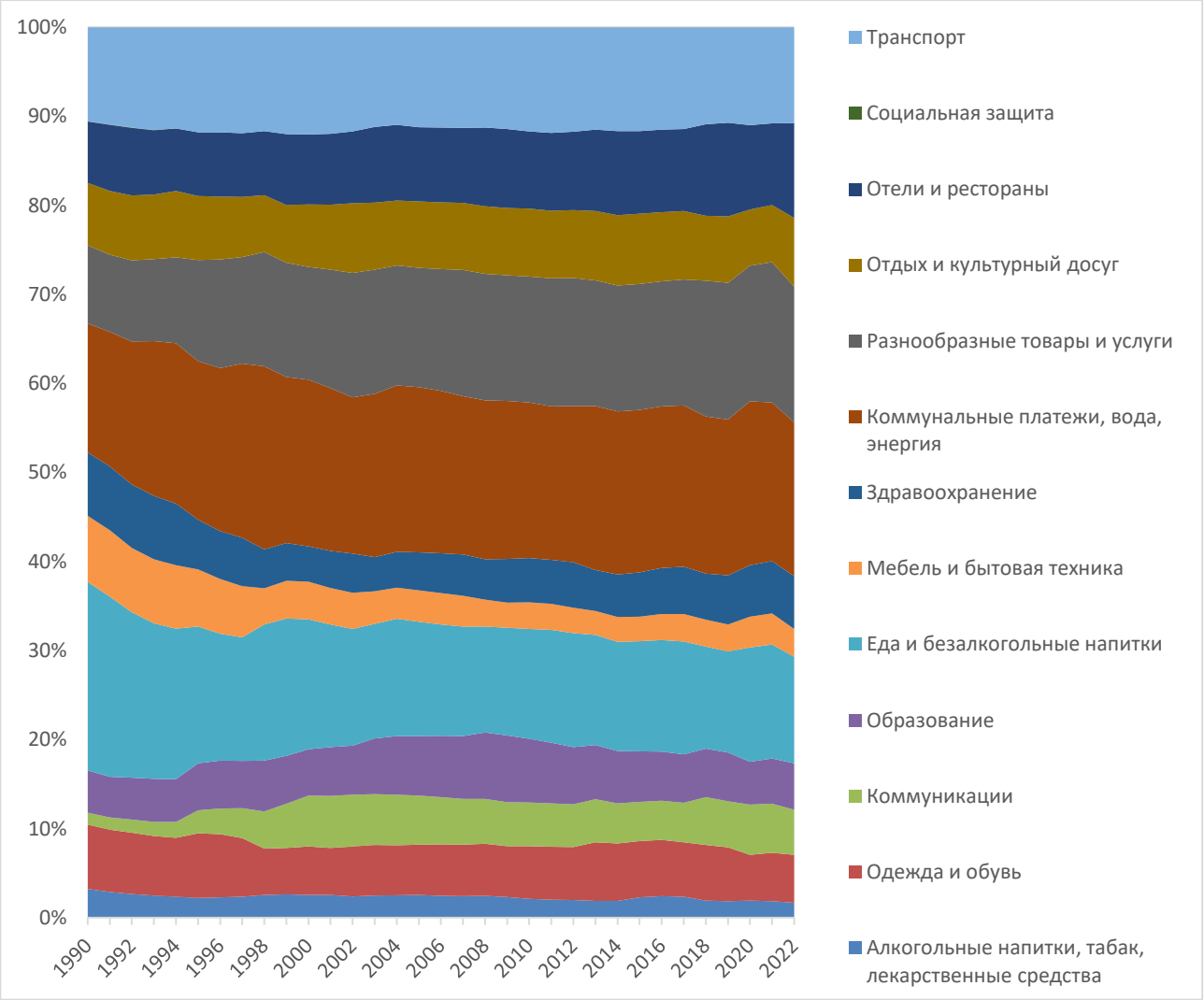

Рисунок 22 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Республике Корея, 1990–2022 гг.

Источник: построено автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Таблица 24 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Республике Корея, 1990–2022 гг.

	1990-1996	1999-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2022
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	2,59	2,51	2,08	2,14	1,83
Одежда и обувь	6,97	5,55	6,12	6,18	5,32
Коммуникации	1,86	5,53	4,76	4,86	5,42
Образование	4,90	6,11	6,50	5,46	5,02
Еда и безалкогольные напитки	17,71	13,40	12,41	12,01	12,53

Мебель и бытовая техника	7,00	3,81	2,83	3,02	3,36
Здравоохранение	6,62	4,22	4,90	5,29	5,85
Коммунальные платежи, вода, энергия	16,74	18,31	17,86	17,85	17,84
Разнообразные товары и услуги	9,85	13,49	14,20	14,70	15,40
Отдых и культурный досуг	7,21	7,33	7,71	7,55	6,83
Отели и рестораны	7,22	8,23	8,99	9,83	9,75
Транспорт	11,30	11,50	11,64	11,12	10,84

Источник: рассчитано автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

В целом, трансформация отраслевой структуры населения в полной мере соответствует тренду, определяемому ростом доходов: доля расходов на продукты питания, одежду и обувь сокращается (совокупно она снизилась за 30 лет с 27,3% до примерно 19,5%), так же как и на мебель и бытовую технику. Доля последних категорий, как ожидается, будет постепенно сокращаться и в будущем, что, с одной стороны, связано с высоким старением населения и относительно меньшей предрасположенностью пожилого населения к переездам и обновлению обстановки, а с другой стороны, с накоплением «плохих долгов» в банковской системе и замедлением роста ипотечного кредитования.

На фоне сокращения доли затрат на базовые категории растет доля потребляемых услуг, в первую очередь ресторанного и гостиничного бизнеса, а также информационных и телекоммуникационных услуг в совокупности (с 9,1% в начале 1990-х гг. до почти 15,2% к началу 2020-х гг.).

В отличие от ряда прочих азиатских экономик с высокой интенсивностью старения населения, в Республике Корея снижается доля расходов, направляемых на отдых и культурный досуг (за 30 лет с 7,2% до 6,8%) и приобретение транспортных средств. Первое является следствием относительно низкой эластичности расходов на отдых по уровню доходов: готовность населения расходовать средства на поездки и развлечения увеличивается менее интенсивно по сравнению с ростом доходов. Интересным образом в обществе снижается интерес к домашнему отдыху и спа (-11%), а также продуктам, связанным со здоровым/активным образом жизни (-8%). Снижение доли расходов на транспортные средства можно объяснить главным образом высокой конкурентоспособностью южнокорейской автомобильной отрасли и насыщенностью рынка (высокой обеспеченностью национальных домохозяйств транспортными

средствами). Это обусловливает как отсутствие задела к расширению покупок (только обновлением моделей на временном горизонте), так и сравнительное затоваривание рынка, определяющее низкий рост цен. Расходы на коммунальные и социальные услуги – образование и здравоохранение – остаются примерно на одном уровне (28,2 – 28,7% в общей структуре расходов).

Южнокорейское общество отличается высоким уровнем образования: 89% взрослого населения имеет завершенное среднее образование, а около 70% в структуре молодежи в возрасте от 25 до 34 лет имеют высшее образование, что является одним из самых высоких показателей в мире. Обеспеченность образованием сопровождается высоким уровнем доходов. ВВП по паритету покупательной способности в стране составляет более USD 45 тыс., а средняя заработная плата – USD 2530 в месяц (по состоянию на 2022 г.)[672]. На фоне значительного неравенства доходов в целом по стране высокий уровень урбанизации является сглаживающим фактором, поскольку в среде городского населения разрыв в уровне доходов сравнительно ниже. Тем не менее одним из факторов, сдерживающих частное потребление в стране, является достаточно высокий разрыв в уровне доходов, определяемый гендерной принадлежностью: разрыв в заработной плате мужчин и женщин остается самым высоким в группе стран ОЭСР (31,5%), при этом если уровень занятости среди мужчин составляет 75%, то среди женщин лишь 57%[673].

Высокий уровень развития финансовой системы в Республике Корея также определяет динамику частного потребления домохозяйств. С одной стороны, высокий безналичный оборот (при доле операций наличными лишь 20%) и доступность кредитов на определенном этапе стимулировали частное потребление домохозяйств. Однако накопление высокой задолженности домохозяйств на сегодняшний день является одним из тревожных сигналов, подрывающих устойчивость национальной финансовой системы, вызывающей обеспокоенность Центрального банка и одновременно сдерживающих дальнейший рост потребления.

---

[672] Daxue Consulting. Korea Consumer Trends Report September 2022 [Электронный ресурс] / Daxue Consulting. 2022. 106 с. Режим доступа: https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2022/09/South-Korea-Consumer-Trends-Report-by-daxue-consulting.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[673] Santander. South Korea: Reaching the Consumer. Consumer Profile 2025 [Электронный ресурс] / Santander. 2025. Режим доступа: https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/south-korea/reaching-the-consumers (дата обращения: 1 октября 2025).

Рост доходов определяет и «статусность» приобретаемых товаров. Несмотря на замедление темпов экономического роста и накопление долгов в финансовой системе устойчивым остается интерес к известным брендам и люксовым товарам. Общество высоко обеспечено доступностью Интернета (до 98%), большинство потребителей технологически ориентированы, более 85% имеют смартфоны, а более 90% осуществляют покупки через Интернет. В выборе товаров и услуг важную роль играют социальные сети, в т.ч. международные (не национальные), что зачастую обусловливает интерес к иностранным брендам в ущерб национальным.

После пандемии взгляд на вопросы, связанные со здоровьем и красотой, значительно изменился: от «мучительных» диет потребители женского пола начинают переходить к формированию здорового ума, тела и образа жизни с помощью приятных и комфортных средств[674]. С течением времени все сильнее проявляется лояльность потребителей к защите окружающей среды, что выражается в росте интереса к экологически чистым, органическим и «зеленым» продуктам, особенно в среде молодежи. Среднегодовые темпы роста рынка органических продуктов в последние годы составляют 10%, повышенным спросом пользуются безалкогольные напитки и так называемые «функциональные продукты» – витамины, биологически активные добавки и продукты с высоким содержанием витаминов и микроэлементов[675].

Расширяется рынок товаров, бывших в употреблении (в т.ч. через национальную платформу Karrot). Все большую популярность набирает совместное потребление, при котором потребители делятся доступом к товарам и услугам (совместные подписки, каршеринг, ко-ливинг, лизинг техники и проч.). Важной особенностью южнокорейского общества является его этническая монолитность (где только 3,4% составляют иностранцы), что также определяет специфику национального потребления и каналы получения информации для принятия решений о будущих покупках.

Главными источниками рекламной информации для национальных потребителей выступают телевидение и Интернет. В отличие от некоторых других азиатских обществ телевидение не вытесняется Интернетом из повседневной жизни: более 80% населения

---

[674] Daxue Consulting. Korea Consumer Trends Report September 2022 [Электронный ресурс] / Daxue Consulting. 2022. 106 с. Режим доступа: https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2022/09/South-Korea-Consumer-Trends-Report-by-daxue-consulting.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[675] Sicilia E. F2F Project. Connecting with South Korea Market and Consumer Trends [Электронный ресурс] / E. Sicilia. 2024. Режим доступа: https://f2f-project.eu/wp-content/uploads/2024/07/ppt_Connecting-with-South-Korea_Opera-GB.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

страны смотрят кабельное и спутниковое ТВ. При этом Республика Корея остается одним из лидеров по использованию Интернета, что предопределяет стремительный рост цифровой рекламы. Газеты при этом стремительно теряют популярность и уже почти не используются в качества канала продвижения информации о товарах и услугах.

В последние годы существенной трансформации подверглась и общегосударственная политика в области стимулирования частного потребления: от традиционного подхода к защите потребителей наблюдается переход к современной модели потребительского суверенитета и защиты прав потребителей. В последнее десятилетие в Республике Корея был пересмотрен ряд законодательных актов в области защиты прав потребителей, в т.ч. Consumer Protection Act и Framework Act on Consumers, определяющих механизмы информирования о вредных товарах, отзывах потребителей и механизмах получения потребителями компенсаций за причиненный ущерб. В стране регулярно принимаются трехлетние Master Plan for Consumer Policy (последний был принят в марте 2024 г.), частью которого выступает также E-Commerce Act. Вопросы стимулирования частного потребления в стране решаются в т.ч. косвенно через инструменты поддержки рождаемости, например, выплата ежемесячного пособия на ребенка до года в размере USD 250.

В рамках национальных стратегий и пятилетних планов, а также в ответ на экономические вызовы правительство Республики Корея внедрило меры, направленные на повышение внутреннего спроса и стимулирование потребительских расходов. Пятилетний план развития Республики Корея (2010–2015) не фиксировал прямого перехода к модели роста, ориентированной исключительно на внутреннее потребление, однако правительство в нем акцентировало внимание на снижении зависимости от внешней торговли и экспорта, а также на улучшении качества жизни граждан и повышении уровня потребительских расходов. Одновременно в ответ на замедление роста экономики и высокие уровни сбережений в стране был принят «План экономической реструктуризации и стимуляции потребления» (2014–2017), который предусматривал меры, направленные на стимулирование внутреннего спроса и улучшение социальной защиты:

- введение налоговых льгот для домохозяйств;
- повышение социальных выплат для граждан, включая пенсионеров и низкодоходные группы населения;

- снижение налогов на потребление, особенно для товаров массового спроса, таких как продукты питания и бытовая техника.

В ответ на экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, правительство Республики Корея представило ряд мер для стимулирования потребления и поддержания экономической активности. В рамках программы правительства были осуществлены выплаты для поддержки домашних хозяйств и стимулирования потребления. Например, каждому гражданину было выплачено до 1 млн вон (около USD 800) в 2020 году. Программы поддержки малого бизнеса состояли в расширении субсидий и налоговых льгот для малого бизнеса и предприятий сферы услуг, что должно было стимулировать спрос в этих секторах. Программы оказали положительное влияние на потребление в краткосрочной перспективе. Например, после введения прямых выплат и стимулирующих программ потребление в 2020 г. выросло на 3,3% в сравнении с 2019 годом.

В рамках стратегий «Новая экономика» и «Четвертая промышленная революция» (2017–2022) правительство Республики Корея сфокусировалось на модернизации экономики, включая развитие технологий и инноваций. Одним из элементов программы стало повышение доходов населения и стимулирование потребления через создание новых рабочих мест и улучшение условий для бизнес-активности. Были реализованы: программы поддержки среднего класса и улучшения условий для молодежи; программы налоговых льгот для технологичных и инновационных предприятий, что стимулировало потребление новых товаров и услуг. Под руководством президента Мун Чже Ина была разработана «Экономика радости» (2020–2024), которая включает в себя меры, направленные на повышение доходов населения, снижение неравенства и увеличение потребления. Эта стратегия также затрагивает вопросы снижения долговой нагрузки домохозяйств и увеличение социальной защиты. Основными мерами стали:

- повышение минимальной заработной платы, что должно было повысить покупательскую способность граждан;
- расширение программ социальной защиты и субсидий для бедных слоев населения, что стимулировало потребительские расходы;
- включение налоговых льгот для домохозяйств среднего класса.

Республика Корея в последние десятилетия предприняла ряд шагов для стимулирования внутреннего потребления, особенно в ответ на экономические и

демографические вызовы. Однако, в отличие от Китая, Республика Корея не формулировала стратегию роста, ориентированную исключительно на потребление. Вместо этого были приняты меры, направленные на улучшение доходов населения, увеличение социальных выплат и поддержку сектора потребительских услуг. Эти меры привели к краткосрочным позитивным результатам, однако для устойчивого роста потребления необходимы более глубинные структурные реформы, такие как повышение занятости и решение проблемы старения населения.

Относительно низким потенциалом стимулирования частного потребления обладает и денежно-кредитная политика. За 8 лет снижения объем кредитования частного сектора вырос всего на 57%, что с учетом зрелости финансового сектора существенно ниже, чем в иных государствах региона. Кроме того, период устойчивого снижения процентных ставок, начавшийся в 2012 г., завершился в середине 2022 г., после чего банк Кореи провел серию повышений до уровня 2009 г., фактически нейтрализовав стимулирующее действие процентной ставки за все прошедшие годы.

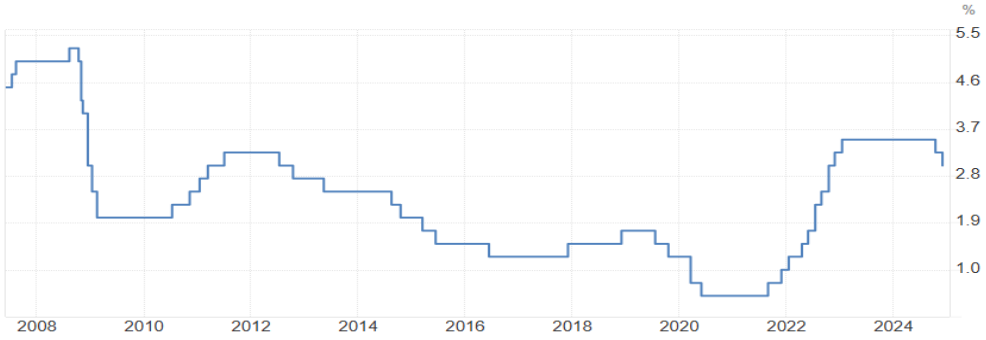

Рисунок 23 – Динамика ключевой ставки в Республике Корея

Источник: Банк Кореи.

Таким образом, ключевыми ограничениями, определяющими низкую интенсивность частного потребления на ближайшую перспективу, являются неблагоприятные демографические тенденции и высокий уровень задолженности домохозяйств. Согласно отчету за 2024 г. в среднем на обслуживание долгов население страны тратит более 40% своего располагаемого дохода, при этом около 68% банковских кредитов имеют плавающие ставки, что делает заемщиков (в особенности семьи с невысокими доходами и значительными объемами необеспеченных кредитов) еще более

уязвимыми и чувствительными к изменениям денежно-кредитной политики[676]. Одновременно стабильный рынок труда и высокий уровень занятости может выступить существенным «поддерживающим потребление» фактором, однако в виду сохраняющегося гендерного разрыва в уровне заработных плат данная стабильность вряд ли может стать фактором стимулирования и расширения потребления домохозяйств в будущем. Накопленные в период пандемии избыточные сбережения (от 4,7% до 6% ВВП) могут частично компенсировать падение покупательной способности и обеспечить всплеск частного потребления, однако исключительно на краткосрочном горизонте (1–2 года). Стимулирующее влияние на потребительское поведение домохозяйств в ближайшей перспективе могут оказать стабилизация цен на жилье и ожидаемое смягчение денежно-кредитной политики, однако эти краткосрочные положительные сдвиги не способны на долгосрочном горизонте сбалансировать негативные тенденции к сокращению частного потребления, будучи обусловлены демографическими факторами, высокими рисками локальных кризисов ликвидности и вопросов, связанных с финансированием строительных проектов[677].

3.3.4. Качественные характеристики паттерна потребления в Японии

Частное потребление в Японии на протяжении последних десятилетий демонстрирует такую же стагнирующую динамику, как и экономический рост страны в целом. Связано это с действием нескольких факторов, главным образом – слабым ростом доходов, пессимистическими ожиданиями относительно общих темпов экономического развития, относительно низкой готовностью населения к риску (предпочтение определенности и стабильности в сбережениях) в сочетании с неопределенностью относительно будущих перспектив и старением населения[678].

Важным фактором стагнации потребления является старение населения. Согласно оценкам экспертов, рост доли населения в преклонном возрасте повышает восприимчивость потребления к шокам доходов, поскольку горизонт планирования

[676] OECD Economic Surveys: Korea 2024 [Электронный ресурс] / OECD. 2024. DOI: 10.1787/c243e16a-en. Режим доступа: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/07/oecd-economic-surveys-korea-2024_9343c046/c243e16a-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
[677] Ibidem.
[678] Vihriälä E. Household Consumption in Japan – Role of Income and Asset Developments / E. Vihriälä // IMF Working Paper. 2017. WP/17/23. 33 c. DOI: 10.5089/9781475573084.001.

среднего домохозяйства сокращается[679]. Более того, по мере старения населения связь между ростом располагаемого дохода и потреблением ослабевает[680]: влияние роста доходов от заработных плат снижается, а рост реальной стоимости активов и процентных ставок тоже не генерирует пропорционального увеличения частного потребления[681]. То есть потребление становится менее чувствительным к изменениям дохода и еще менее чувствительным к движению рынка активов[682].

Население Японии является самым старым в мире, его средний возраст в 2025 г. составляет около 49 лет. Около 60% домохозяйств составляют пары с детьми или без детей. Количество домохозяйств, состоящих из одного человека, увеличивается и составляет почти 35%. 51,2% населения Японии составляют женщины и 48,8% – мужчины[683]. Япония – одна из самых густонаселенных стран, и 92% ее населения проживает в городах.

Япония является обществом с высоким уровнем доходов, но если посмотреть на среднегодовую заработную плату стран-членов в 2021 г., опубликованную ОЭСР, Япония заняла 24-е место с USD 40 849, что ниже среднего показателя по всем странам ОЭСР, который составлял USD 52 436. В Японии средний скорректированный чистый доход семьи после уплаты налогов на душу населения составляет USD 28 872 в год, что ниже среднего показателя по ОЭСР (USD 30 490 в год). Существует значительный разрыв между самыми богатыми и самыми бедными: 20% самых богатых людей зарабатывают более чем в 6 раз больше, чем 20% самых бедных. Страна страдает от неравенства, особенно между полами (к началу пандемии коэффициент Джинни в стране вырос до 33 против 30,7 в 2015 г.). Для стимулирования частного потребления правительство и монетарные власти реализуют комплекс мер прямой и косвенной поддержки. С приходом Синдзо Абэ на пост премьер-министра Японии в 2012 г. экономическая программа (так называемая «Абэномика») включала три направления, призванных стимулировать частный потребительский спрос: агрессивная монетарная политика, фискальные стимулы

---

[679] Saito I. Fading Ricardian Equivalence in Ageing Japan / I. Saito // IMF Working Paper. 2016. № 194. 18 c. DOI: 10.5089/9781475541649.001. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Fading-Ricardian-Equivalence-in-Ageing-Japan-44302 (дата обращения: 1 октября 2025).

[680] Vihriälä E. Household Consumption in Japan – Role of Income and Asset Developments / E. Vihriälä // IMF Working Paper. 2017. WP/17/23. 33 c. DOI: 10.5089/9781475573084.001.

[681] Muellbauer J. Consumption, Land Prices and the Monetary Transmission Mechanism in Japan [Электронный ресурс] / J. Muellbauer, K. Murata. CEPR Discussion Paper 7269. C.E.P.R. Discussion Papers, 2009. Режим доступа: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=7269 (дата обращения: 1 октября 2025).

[682] Vihriälä E. Household Consumption in Japan – Role of Income and Asset Developments / E. Vihriälä // IMF Working Paper. 2017. WP/17/23. 33 c. DOI: 10.5089/9781475573084.001.

[683] Данные Всемирного Банка (Population, female, % of total population).

и структурные реформы. Основной целью было восстановление экономического роста и преодоление дефляции. Одним из основных документов стал Десятилетний план развития внутреннего рынка (2011–2020), который был направлен на стимулирование внутреннего потребления и развитие отечественного спроса. Он включал в себя меры по расширению доступности товаров и услуг для широких слоев населения, а также улучшение условий для сбережений и потребления.

Центральный банк Японии (BoJ) значительно снизил процентные ставки (до отрицательных значений с 2016 по 2024 г.) и запустил программу количественного смягчения, что стимулировало потребление через доступность кредитов. Были задействованы и фискальные меры: увеличение государственных расходов, включая субсидии для домохозяйств и налоговые льготы для поддержания потребительского спроса. Одновременно в 2014 г. правительство Японии повысило налог на потребление с 5% до 8%, что вызвало падение потребительских расходов. Однако были введены программы компенсации для смягчения воздействия повышения.

В ответ на замедление роста и продолжающуюся дефляцию, в 2015 г. Япония представила План по стимулированию потребления и повышения доходов. Этот план был направлен на стимулирование частного потребления, в том числе через повышение доходов домохозяйств и увеличение социальных расходов. План включал налоговые льготы для стимулирования потребления, повышение социальных выплат для пенсионеров и расширение программ по социальной защите. Одной из мер стала поддержка сегмента рынка товаров и услуг, ориентированных на старшее поколение, что также стимулировало потребление.

Япония также приняла ряд мер для стимулирования роста потребления в долгосрочной перспективе через решение демографической проблемы. Это включало стимулирование рождаемости и улучшение условий жизни для старшего поколения. Программа «Киото 2020» сосредоточена на стимулировании внутренних инвестиций и потребления через развитие экологически чистых технологий и переход к устойчивому потреблению. Одной из задач этой программы является стимулирование потребления через улучшение доступности экологичных товаров и услуг для широких слоев населения[684].

---

[684] Kyoto Landslide Commitment 2020 [Электронный ресурс] / International Consortium on Landslides (ICL) // Landslides Journal. 2020. Режим доступа: https://www.landslides.org/wp-content/uploads/2021/10/00.-Kyoto-Landslide-Commitment-2020-2019.9.11-Final.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

«План 2020» был также нацелен на достижение устойчивого экономического роста через стимулирование внутреннего спроса. Этот план был направлен на поддержку долгосрочного роста с упором на потребление и внутренние рынки, с целью укрепления экономики через потребительские расходы.

В ответ на экономический спад, вызванный пандемией COVID-19, правительство Японии запустило несколько стимулирующих мер, включая прямые выплаты гражданам, чтобы поддержать потребительский спрос (программа Cash Handouts). В апреле 2020 г. правительство объявило о выплатах в размере 100 000 иен (около USD 900) для каждого гражданина страны в рамках экономической программы помощи. Правительство предложило субсидии и другие финансовые меры для малых и средних предприятий с целью стимулирования спроса на товары и услуги. Согласно статистике Министерства внутренних дел и связи Японии, в 2020 г. потребление товаров и услуг выросло на 2,1% в годовом выражении, что, несмотря на пандемию, свидетельствовало о поддержке потребительского спроса. Для стимулирования потребления в сферах туризма и ресторанного бизнеса, которые сильно пострадали от пандемии, были введены: программа GoToTravel (субсидии на внутренний туризм, позволяющие гражданам Японии путешествовать по стране с большими скидками на билеты и жилье) и GoToEat (программа скидок и ваучеров для потребления в ресторанах и кафе).

Потенциал стимулирования частного потребления через денежно-кредитный механизм снижения процентной ставки в Японии фактически полностью исчерпан. Внутренний спрос в условиях неблагоприятной демографической структуры населения почти неэластичен по уровню процентных ставок, а учитывая, что с января 2016 г. ставка держалась на отрицательном уровне -0,1%, возможности ее дальнейшего снижения фактически отсутствуют.

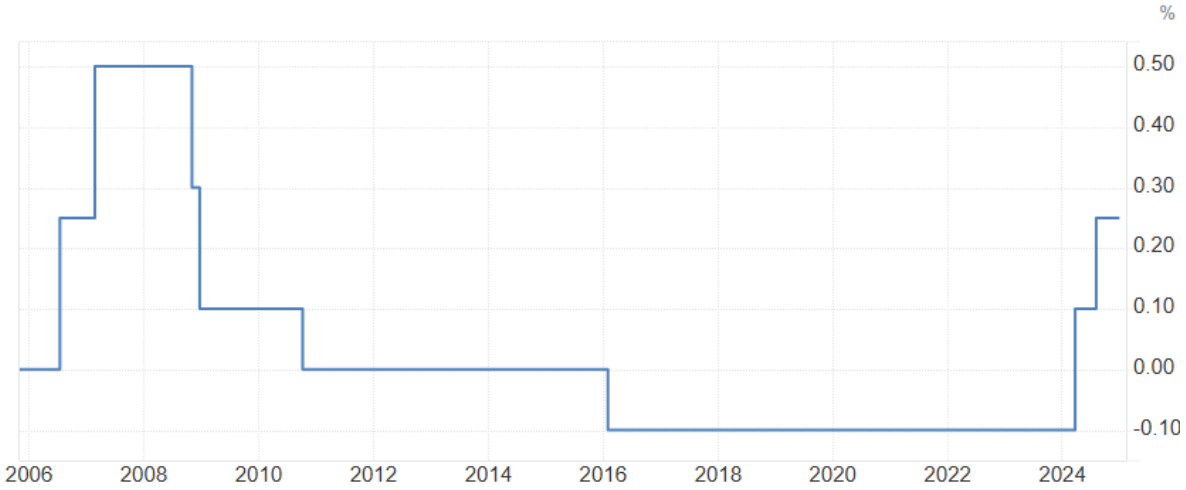

Рисунок 24 – Динамика ключевой ставки в Японии

Источник: Банк Японии.

Более того, в 2024 г. японский монетарный регулятор впервые с 2007 г. дважды поднимал ставку до 0,25%, завершив политику отрицательных ставок. Отказ от беспрецедентно мягкой денежно-кредитной политики произошел на фоне достижения 2%-го уровня «базовой инфляции».

Несмотря на сохранение почти неизменным среднего уровня потребления на душу населения в доковидный период прослеживался медленный рост отношения потребления к уровню доходов, т.е. несмотря на замедление темпов прироста доходов население сохраняло привычную структуру потребления.

Наибольшую долю в структуре потребления составляют расходы на коммунальные услуги, содержание домов и земельных участков. Несмотря на диверсификацию структуры потребительской корзины в последние 30 лет, связанную с ростом доходов, доля соответствующей категории устойчиво росла (в среднем с 21,7% в 1990-е до 25,7% в среднегодовом исчислении в 2020–2022 гг.). Доля расходов на услуги образования и здравоохранения, отдых и культурный досуг снижается, так же как и на приобретение транспортных средств, мебели, бытовой техники (вследствие «перенасыщения» потребительской корзины), одежды и обуви. Растет при этом спрос на гостиничные услуги и рестораны, информационные услуги (см. Рисунок 25 и Таблицу 25).

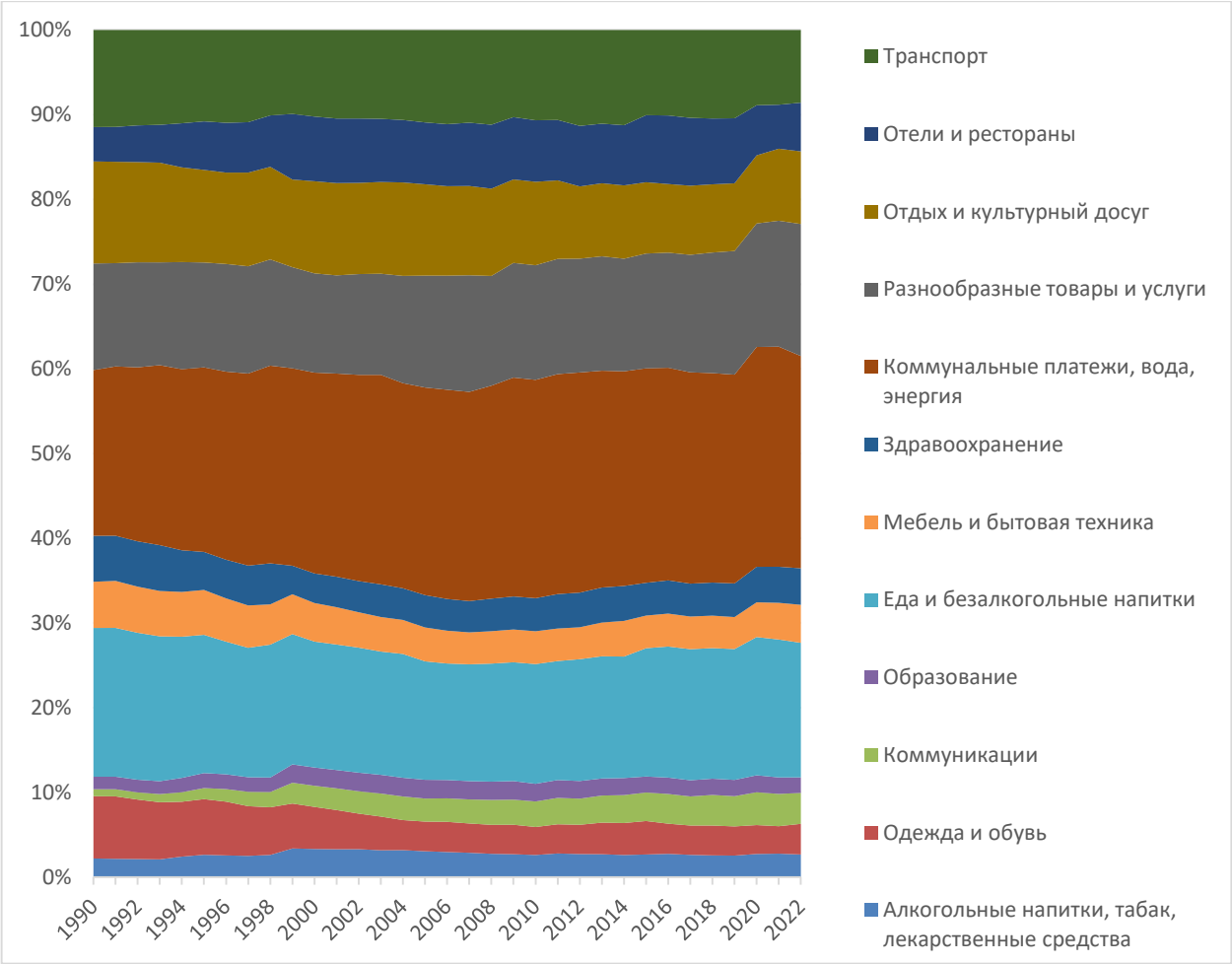

Рисунок 25 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Японии, 1990–2022 г., %

Источник: построено автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Таблица 25 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Японии, 1990–2022 г., % в среднегодовом исчислении

	1990	1991-2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2022
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	2,19	2,58	3,11	2,68	2,61	2,72
Одежда и обувь	7,36	6,23	3,84	3,59	3,50	3,43
Коммуникации	0,82	1,50	2,72	3,15	3,53	3,78
Образование	1,48	1,75	2,19	2,06	1,92	1,93
Еда и безалкогольные напитки	17,56	16,19	14,33	14,36	15,45	16,16
Мебель и бытовая техника	5,45	5,11	4,05	3,92	3,84	4,31
Здравоохранение	5,43	4,65	3,73	4,01	3,92	4,25
Коммунальные платежи, вода, энергия	19,56	22,02	24,46	25,69	24,86	25,66

Разнообразные товары и услуги	12,59	12,33	12,65	13,49	14,07	15,01
Отдых и культурный досуг	12,05	11,17	10,77	9,03	8,07	8,37
Отели и рестораны	4,05	5,71	7,45	7,28	7,89	5,62
Транспорт	11,46	10,77	10,71	10,75	10,33	8,76

Источник: рассчитано автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

При этом в снижение реального роста потребления домохозяйств, начало которого пришлось на период 1995–2002 гг., наибольший вклад внесла категория «транспорт» (31,18%), далее следуют «разные товары и услуги», «одежда и обувь», «продукты питания и безалкогольные напитки», «мебель, бытовая техника и бытовые услуги», «отдых и культура», «жилье, электроэнергия, газ и водоснабжение», «образование» и «алкогольные напитки и табак». При этом происходило расширение расходов домохозяйств на услуги ресторанного и гостиничного бизнеса, здравоохранения и связи[685].

Большое значение для изменения структуры потребления имеет ценовой фактор в сочетании с различиями в ценовой эластичности спроса на те или иные товары и услуги. Отрицательные средние годовые темпы инфляции на информационные и коммуникационные услуги в условиях эластичного спроса вели к расширению расходов в структуре потребления домохозяйств, в то время как рост цен на образование повлек за собой сокращение спроса и, как следствие, сокращение расходов на образование в структуре потребления. Снижению спроса на образование способствовали и демографические процессы – сокращение доли молодых людей, в то время как резкое увеличение продолжительности жизни и доли населения в более старшем возрасте расширили спрос на услуги здравоохранение, которые одновременно стали более доступными.

В силу высокой зрелости и диверсифицированности структуры потребления постепенно меняются и общие потребительские предпочтения общества. Японские потребители уже давно склонны отдавать предпочтение качественному потреблению, а не массовому. Однако экономический спад заставил некоторых потребителей искать более низкие цены, сопряженные с более низким качеством продукции. После

[685] Horioka C. Y. The Causes of Japan's 'Lost Decade': The Role of Household Consumption / C. Y. Horioka // NBER Working Paper. 2006. № 12142. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w12142/w12142.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

экономического кризиса японцы переходят на потребление по более низким ценам. Часть населения теперь предпочитает готовить дома, а не питаться в ресторане. Кроме того, в то время как население проводит большую часть времени вне дома, даже с небольшими домами и продолжительным рабочим днем, увеличивается время, проводимое дома. Интересно также то, что в условиях общей тенденции в Азии, в целом, к росту спроса на товары, бывшие в употреблении, именно в Японии такой спрос растет рекордными темпами.

Что касается окружающей среды, то больше половины населения интересуется ею больше, чем ранее, однако очень немногие готовы платить больше за потребление экологически чистых продуктов.

Дискаунтеры и товары под собственными торговыми марками, которые когда-то с трудом пробивались на японский рынок, завоевали долю рынка. Стандарты качества и ожидания в отношении обслуживания (процесс продажи, доставка, упаковка, послепродажное обслуживание и т.д.) в Японии высоки. Средняя корзина в Японии, относительно высокая по сравнению с западными странами, снизилась из-за изменения способов потребления (в частности, более дешевых продуктов). Японские потребители очень открыты для покупки товаров повседневного спроса международных брендов, и их обычно привлекают товары, импортируемые из стран, которые считаются «специализированными», такие как швейцарские часы и французские вина. Япония является третьим по величине рынком предметов роскоши в мире после США и Китая.

Потребители в Японии, как правило, очень лояльны к бренду, однако пожилое население в большей степени, чем молодое поколение. Существует сильное желание новых продуктов, и, как правило, потребители принимают инновации бренда, хотя лояльность снижается.

3.3.5. Качественные характеристики паттерна потребления в Малайзии

Население Малайзии растет, средний возраст составляет около 28 лет. Более половины малазийцев (57,2%) от общей численности населения Малайзии моложе 30 лет. Подавляющая часть малазийского населения представляет собой поколение Z, являющееся самым быстрорастущим сегментом, который вносит свой вклад в рабочую силу страны.

11-й пятилетний план, принятый в 2015 г. на период 2016–2020 гг., стал фактически первым, в котором был сделан акцент на необходимости диверсификации экономики и источников роста, а также была официально подчеркнута необходимость укрепления внутреннего потребления как одного из важнейших факторов устойчивого экономического роста. В предыдущих пятилетних планах Малайзия традиционно ориентировалась на экспорт и индустриализацию как основные двигатели экономического роста. В 12-м пятилетнем плане на 2021–2025 гг. значимое внимание также было уделено созданию более сбалансированной экономики, в которой внутренний спрос призван играть ключевую роль.

Увеличение вклада внутреннего потребления в экономический рост должно быть достигнуто через развитие среднего класса, образования, здравоохранения и расширение доступа к финансовым услугам. Как и в иных государствах Юго-Восточной Азии, в Малайзии реализуется ряд социальных программ, нацеленных на поддержку наиболее уязвимых слоев населения. К их числу относятся:

1. Программа BR1M (Bantuan Rakyat 1 Malaysia – Программа помощи населению Малайзии) была введена в 2012 г. и направлена на предоставление финансовой помощи домохозяйствам с низким и средним доходом.
2. Программа стимулирования потребительских кредитов посредством различных инициатив, в т.ч. поддержка малых и средних предприятий и предоставление субсидий на жилье. Эти меры стимулировали потребительские расходы, главным образом на покупку жилья и автомобилей, однако обострили проблемы потребительской задолженности и снижения устойчивости банковской системы.

В прошедшие годы Малайзия фактически не задействовала денежно-кредитный ресурс для стимулирования частного потребления. С середины 2011 г. процентная ставка сохранялась в диапазоне 3–3,25% и была снижена только в 2020 г. для поддержания спроса в условиях пандемии, вернувшись к традиционной отметке в 3% к середине 2023 г.

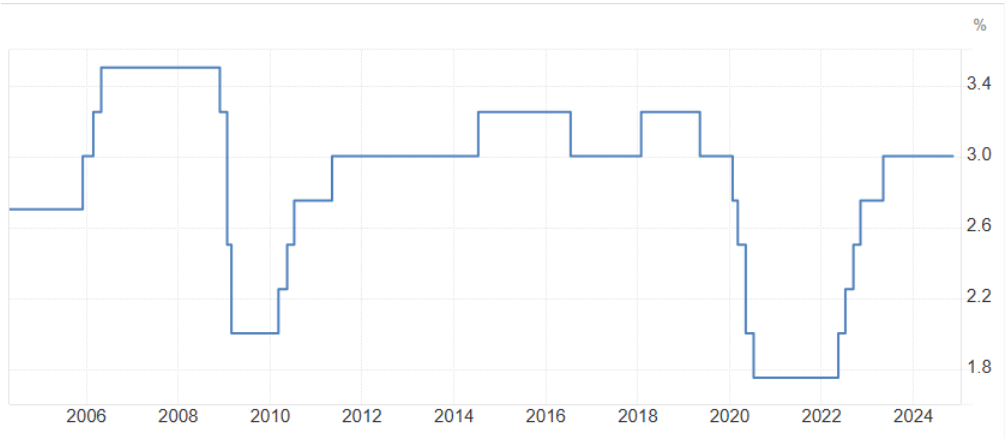

Рисунок 26 – Динамика ключевой ставки в Малайзии

Источник: Центральный Банк Малайзии.

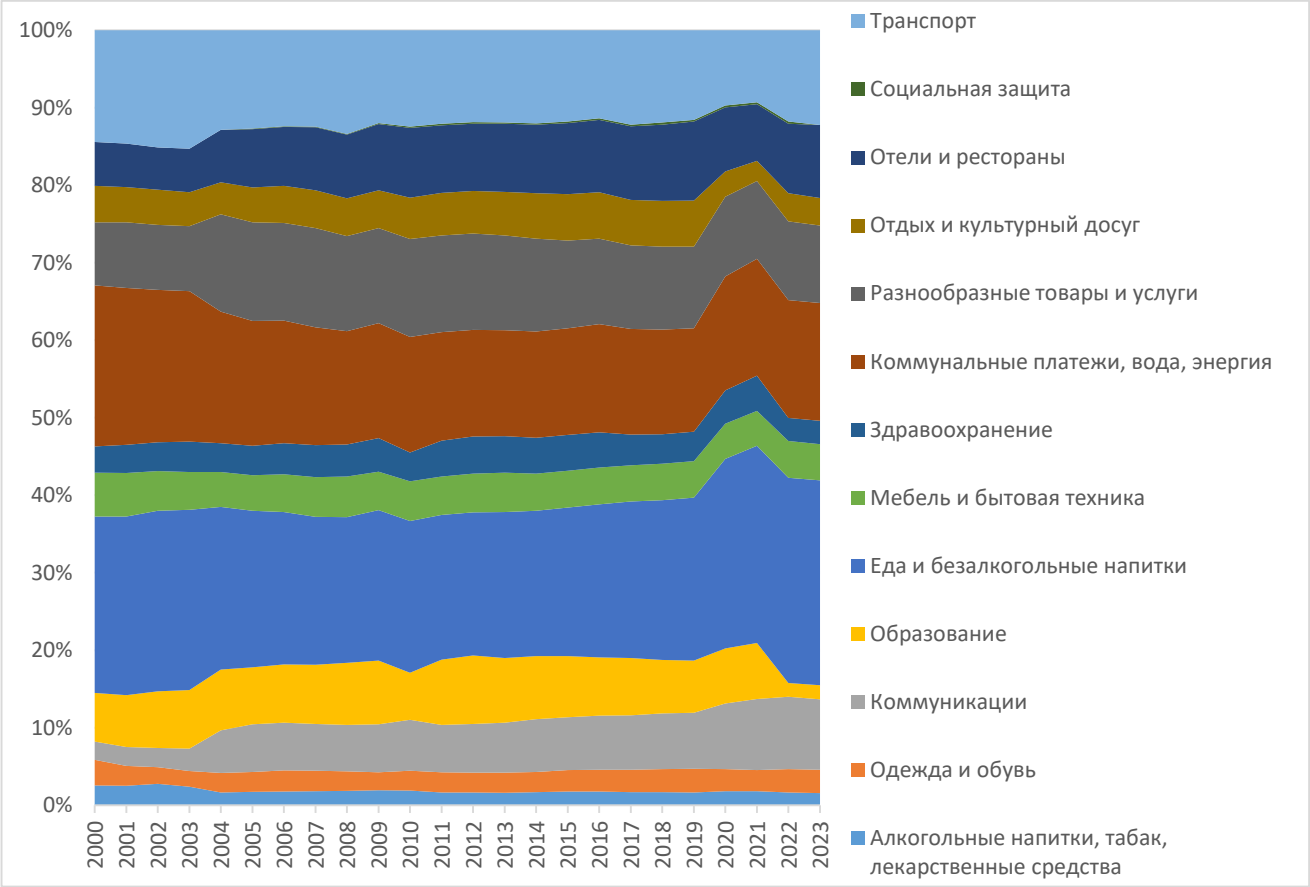
В 2015 г. была введена налоговая реформа с внедрением НДС (налога на товары и услуги), который позднее был заменен на Систему налога на потребление (SST) в 2018 г., что также в некоторой степени стимулировало рост внутреннего потребления. В ответ на пандемию COVID-19 правительство Малайзии запустило несколько экстренных мер для стимулирования потребления, включая денежные трансферты, налоговые льготы и субсидии на потребление товаров и услуг. Меры помогли смягчить негативные последствия экономического спада, вызванного пандемией, однако рост потребления оказался краткосрочным. В долгосрочной перспективе потребительские расходы не восстановились до уровня до пандемии из-за неопределенности и проблем с занятостью.

Потребительский сектор Малайзии охватывает широкий спектр отраслей, включая розничную торговлю, продукты питания и напитки, здравоохранение и туризм. Движущей силой этого сектора является растущий средний класс с увеличением располагаемого дохода, а также рост населения и урбанизация.

Доля расходов на питание составляет в среднем около 20%, увеличившись на фоне общего нисходящего тренда в последние годы на фоне пандемии (до 25,5% в среднем за 2020–2022 гг. по сравнению с 19% в 2009м2015 гг.). Устойчиво снижался и вклад в частное потребление расходов домохозяйств на алкогольные напитки и табак, коммунальные платежи (с 20,8% в 2000 г. до 13,6% в предпандемийный период) и транспорт (с 14,4% в 2000 г. до 10,3% в годы пандемии); меньше расходов приходилось на приобретение мебели и бытовой техники (сокращение с 5,7% до 4,6% за 23 года). При этом рекордными темпами за последние 20 лет росли расходы на средства связи и информационные услуги (с 2,3% в структуре частного потребления в 2000 г. до 9% в

2020–2023 гг.). Устойчиво росли расходы на услуги ресторанного и гостиничного бизнеса, отдыха и культурного досуга (за исключением пандемийных лет). Интересную динамику демонстрируют показатели доли расходов на услуги образования и здравоохранения: пик роста расходов в относительном выражении приходился на посткризисный период 2009–2015 гг., после чего наблюдалась нисходящая динамика (см. Рисунок 27 и Таблицу 26).

Рацион питания малазийцев становится все более диверсифицированным и сбалансированным. Наиболее употребимыми растительными источниками белка являются соя, пшеница, орехи, бобовые и водоросли[686]. При этом увеличивается потребление мяса (в подавляющем большинстве куриного). В Малайзии среднее количество потребляемого мяса на душу населения в 2016 г. составило 68,3 кг, что включает 6,6 кг говядины, 1,2 кг баранины, 6,8 кг свинины и 53,7 кг курятины[687].

[686] Xin Yi Tan, Shi-Hui Cheng Understanding Malaysian Consumers Perception and Acceptability of Plant-Based Alternatives to Chicken: Do Texture, Taste, and Environmental Impact Matter? / X.Y. Tan, S.-H. Cheng // Food and Humanity. 2024. № 2.

[687] Zayadi R.A. Current Outlook of Livestock Industry in Malaysia and Ways Towards Sustainability / R.A. Zayadi // Journal of Sustainable Natural Resources. 2021. Vol. 2, № 2. C. 1–11. DOI: 10.30880/jsunr.2021.12.02.001.

Рисунок 27 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Малайзии, 1990–2023 г., %

Источник: построено автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Таблица 26 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Малайзии, 1990–2023 г., % в среднегодовом исчислении

	2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	2,54	2,09	1,73	1,69	1,70
Одежда и обувь	3,33	2,44	2,58	2,93	2,90
Коммуникации	2,33	4,53	6,47	7,12	9,02
Образование	6,28	7,42	7,99	7,13	4,48
Еда и безалкогольные напитки	22,76	21,36	18,99	20,39	25,71
Мебель и бытовая техника	5,67	4,96	4,94	4,71	4,61
Здравоохранение	3,36	3,83	4,49	4,02	3,70
Коммунальные платежи, вода, энергия	20,80	17,62	14,09	13,60	15,05
Разнообразные товары и услуги	8,14	10,86	12,19	10,77	10,12
Отдых и культурный досуг	4,71	4,54	5,52	5,91	3,25
Отели и рестораны	5,66	6,66	8,82	9,73	8,49
Социальная защита	0,00	0,04	0,17	0,22	0,19
Транспорт	14,42	13,65	12,03	11,76	10,77

Источник: рассчитано автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Малазийцы высоко ценят репутацию потребляемых брендов, однако в последние годы наметился постепенный тренд на переход от потребления предметов роскоши к расширению закупок товаров первой необходимости и повышенному интересу к смешанной продукции премиальных и массовых брендов. В последние годы происходит смещение приоритетов потребителей в сторону основных потребностей и долгосрочных инвестиций.

Результаты социологических опросов в 2023–2024 гг. демонстрируют сохраняющуюся неопределенность относительно будущих перспектив экономического развития и социальных гарантий; население страны в целом старается проявлять бо́льшую финансовую осмотрительность посредством сокращения ненужных расходов и наращивания сбережений по мере увеличения дохода. Наиболее скептичны в отношении

будущих социально-экономических перспектив люди в возрасте от 36 до 45 лет, в то время как молодое население 18–25 лет настроены более оптимистично. При этом тренд на сокращение ненужных расходов наиболее распространен среди возрастных групп 18–25 и 46–55 лет[688].

В условиях бюджетных ограничений наиболее востребованными снова становятся товарные категории, необходимые для обеспечения базовых потребностей населения. Основными товарами, которые люди планируют приобрести на краткосрочном горизонте (по итогам опросов в 2024 г.), являются электроника, транспортные средства и недвижимость. Причем в силу различий в уровне дохода молодые люди (18–25 лет) будут расширять покупку электроники, а население в возрасте 26–55 лет отдает предпочтение недвижимости. Старшее поколение склоняется к туристическим пакетам и товарам для здоровья[689]. Растет спрос на страховые услуги, услуги здравоохранения и оздоровления, а также специальные, сопряженные со здоровым питанием, продукты и напитки. Энтузиазм в отношении здорового образа жизни и занятий спортом растет, что стимулирует спрос на сопутствующие товары и услуги.

В условиях сокращения потребительских расходов спрос на транспортные услуги, питание вне дома и ресторанное обслуживание, покупка предметов роскоши, развлечения и досуг, онлайн-заказы и доставку еды в общей структуре потребительских расходов сокращается. На путешествиях и услугах, связанных с туризмом, малазийское население старается экономить. Однако одновременно по мере восстановления экономики после пандемии спрос на поездки и туристические услуги восстанавливается. Причем наибольшую заинтересованность проявляют молодые люди, планирующие совершение 1–2 поездок в год, однако в силу финансовых ограничений и высокой доли людей, получающих высшее образования, в этой категории приобщающим остается спрос на внутренние перемещения, в то время как люди более зрелого возраста планируют заграничные поездки; предпочтительными направлениями являются Япония, Индонезия и Таиланд.

Пандемия COVID-19 значительно изменила приоритеты населения в области работы. Малайцы все больше ценят достижение баланса работы и личной жизни,

[688] Standard Insights Consumer Report Malaysia / Standard Insights. 2024. 24 p. P. 6-8.
[689] Standard Insights Consumer Report Malaysia / Standard Insights. 2024. 24 p. P. 13-14.

наблюдается заметный сдвиг в сторону более автономных и гибких условий труда. Это дополнительно стимулирует спрос на отдых и связанные с ним услуги.

Определенное влияние на качество потребления оказывает озабоченность населения проблемами экологической безопасности. Быстрый рост населения Малайзии, а также быстрые темпы индустриализации и урбанизации привели к серьезным экологическим проблемам, в итоге Малайзия приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., где одним из приоритетов выступает более ответственное отношение на этапах производства и потребления[690]. Устойчивый образ жизни приобретает все большую значимость, особенно в среде молодых людей от 18 до 35 лет. Женщины склонны отдавать приоритет устойчивому образу жизни как «чрезвычайно важному» больше, чем мужчины. В частности, у женщин повышенной популярностью пользуется натуральная косметика без содержания химических соединений[691]. Сравнительно более «устойчивыми» являются географически северные районы.

На сегодняшнй день население находится в процессе перехода, когда общая заинтересованность в достижении «устойчивости» образа жизни медленно трансформируется в «устойчивое потребление»[692] вследствие бюджетных ограничений («зеленые» товары относятся к категории более дорогих[693]) и относительно низкой осведомленности населения о соответствующих категориях продуктов[694] (отсутствие системных стратегий продвижения «зеленых» продуктов производителями и торговыми сетями). Однако обеспокоенность состоянием окружающей среды является одним из наиболее значимых факторов, которые будут в долгосрочной перспективе определять потребительские предпочтения населения.

---

[690] Ghazali I., Abdul-Rashid S.H., Dawal S.Z.M., Aoyama H., et al. Green Product Preferences Considering Cultural Influences: a Comparison Study between Malaysia and Indonesia / I. Ghazali, S.H. Abdul-Rashid, S.Z.M. Dawal, H. Aoyama, et al. // Management of Environmental Quality: An International Journal. 2021.

[691] Wei L.S., Chin T.A., Masod A., Mohamad N.S. The Role of Pricing and Product Knowledge on Malaysian Consumers' Green Purchase Intention / L.S. Wei, T.A. Chin, A. Masod, N.S. Mohamad // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2022. Vol. 12, № 7. С. 1698-1732.

[692] Lee J. Managing a Tightrope [Электронный ресурс] / J. Lee. 2022. Режим доступа: https://www.thestar.com.my/business/business-news/2022/02/26/managing-atightrope (дата обращения: 1 октября 2025).

[693] Aschemann S., Zielke S. Can't Buy Me Green? A Review of Consumer Perceptions of and Behavior Toward the Price of Organic Food / S. Aschemann, S. Zielke // Journal of Consumer Affairs. 2017. Vol. 51, № 1. С. 211-251.

[694] Latip M.S.A., Newaz F.T., Latip S.N.N.A., May R.Y.Y., et al. The Sustainable Purchase Intention in a New Normal of COVID-19: An Empirical Study in Malaysia / M.S.A. Latip, F.T. Newaz, S.N.N.A. Latip, R.Y.Y. May, et al. // The Journal of Asian Finance, Economics and Business. 2021. Vol. 8, № 5. С. 951-959.

Wei L.S., Chin T.A., Masod A., Mohamad N.S. The Role of Pricing and Product Knowledge on Malaysian Consumers' Green Purchase Intention / L.S. Wei, T.A. Chin, A. Masod, N.S. Mohamad // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2022. Vol. 12, № 7. С. 1698-1732.

Социальные сети становятся наиболее предпочтительным источником новостей и информации, а соответственно, и наиболее востребованными и эффективными каналами продвижения товаров и услуг. За ними следуют телевидение и онлайн-сайты.

3.3.6. Качественные характеристики паттерна потребления в Индонезии

Индонезия является 4-й по численности населения страной мира, 7-й экономикой по объему ВВП (по ППС) и одновременно самым быстрорастущим потребительским рынком в мире после Индии и Китая с населением в 283,5 млн человек по состоянию на 2024 год. Частное потребление составляет в последние годы от 53% до 57% ВВП, и стимулируется ростом ВВП на душу населения и быстро растущим средним классом, стремящимся к современному международному уровню жизни, что ведет к изменениям в моделях потребительских расходов. Растущий потребительский класс способствует формированию новых рынков, расширению потребления финансовых и телекоммуникационных услуг. Благодаря стабильному росту ВВП и растущему среднему классу страна балансирует между традиционными экономическими факторами и бурно развивающимися цифровыми инновациями. Молодое и производительное население Индонезии является важнейшим фактором роста. 69% жителей страны находятся в трудоспособном возрасте, что обеспечивает низкий коэффициент демографической нагрузки (0,6 на одного работника). Урбанизация, которая, по прогнозам, достигнет 60% к 2025 г., меняет модели потребления и повышает спрос на современные товары и услуги[695].

Можно назвать несколько причин, по которым Индонезия будет процветать в следующем десятилетии[696]:

- значительная численность рабочей силы трудоспособного возраста сочетается с низким уровнем демографической нагрузки;
- внутренние и международные поездки продолжают расти;
- стабильные деловые настроения и рост инвестиций;

[695] Cimigo. Indonesia Consumer Trends 2024 [Электронный ресурс] / Cimigo. 2024. Режим доступа: https://www.cimigo.com/en/trends/indonesia-consumer-trends-2024/ (дата обращения: 1 октября 2025).
[696] Ibidem.

- инфляция остается управляемой, поскольку розничная торговля уверенно восстанавливается;
- достаток домохозяйств продолжает расти;
- продолжается цифровой рост;
- государственные инициативы по экономическому развитию.

Долгосрочная стратегия Vision 2045 отводит значимую роль частному потреблению в качестве одного из драйверов экономического роста, при этом, однако, стимулирование частного потребления не выступает главной целью экономической политики, а скорее сопутствующим эффектом комплекса мер, направленных на снижение уровня бедности. Основными приоритетами стратегии являются создание устойчивого среднего класса, улучшение доступности финансовых услуг для широких масс населения.

Одним из ключевых социальных инструментов расширения среднего класса является программа Program Keluarga Harapan (PKH) – программа трансфертов для беднейших слоев населения, направленная на стимулирование потребления среди наиболее уязвимых групп. В результате реализации программы (которая была запущена в 2007 г. и включает ряд более узких и точечных подпрограмм) удалось достичь некоторого сокращения уровня бедности в стране с 11,66% в 2012 г. до 9,36% в 2023 году[697].

В 2016 г. PKH была третьей по величине программой прямых денежных выплат в мире, с большим и быстрым расширением охвата с 3,5 млн домохозяйств в 2015 г. до 6 млн домохозяйств к концу 2016 г. и 10 млн домохозяйств в 2018 году. Каждое домохозяйство – бенефициар PKH получает фиксированный ежемесячный денежный перевод в размере 550 000 рупий (USD 39), а члены домохозяйства имеют дополнительные пособия в зависимости от образования и состояния здоровья своих детей. Субсидии предоставляются максимум четырем человекам в одной семье, а общая сумма грантов по состоянию на 2022 г. достигала 7 350 000 рупий (USD 525) в год или около 612 500 рупий (USD 44) в месяц[698]. Адресная поддержка уязвимых слоев оказывает

[697] Aeni N.S., Oktariyana G., Puspita A.L., Naila A., Awdovi Y.A. Implementation of Program Keluarga Harapan (PKH) in Serang City [Электронный ресурс] / N.S. Aeni, G. Oktariyana, A.L. Puspita, A. Naila, Y.A. Awdovi // Volume. 2024. Vol. 7. № 1.

[698] Ministry of Social Affairs. About PKH [Электронный ресурс] / Ministry of Social Affairs. Режим доступа: https://pkh.kemensos.go.id/?pg=tentangpkh-1 (дата обращения: 1 октября 2025).

положительное влияние и на стимулирование внутреннего потребления[699], главным образом, потребления продовольствия[700]. По оценкам экспертов, РКН может увеличить расходы своих бенефициаров на 4,8% в месяц[701].

Еще одним инструментом поддержки беднейших слоев, в т.ч. их текущего потребления, стала программа Bantuan Langsung Tunai (BLT), которая была нацелена на дополнительное потребление для бедных домохозяйств, столкнувшихся с беспрецедентным ростом цен[702]. Программа наиболее активно была задействована в годы кризисов, сопровождавшихся ростом цен, – 2005 и 2008 годы. В ответ на пандемию COVID-19 правительство Индонезии расширило программу BLT: в 2020 г. было выделено около 3,6 трлн рупий (приблизительно USD 245 млн) для помощи 12,8 млн семей, что помогло смягчить экономический спад и стимулировать потребление. Одновременно в последние годы Индонезия также проводила налоговые реформы, включая снижение налогов на товары первой необходимости (продукты питания, лекарства). Эти меры повысили доступность базовых товаров и способствовали некоторому стимулированию потребления среди широких слоев населения. Однако для устойчивого стимулирования потребления на более широком уровне необходимо продолжать развивать средний класс и снижать уровень неравенства.

Еще одним вектором стимулирования частного потребления домохозяйств стали программы, нацеленные на улучшение финансовой инклюзивности, в частности, Layanan Keuangan Tanpa Kantor. Ее реализация позволила значительно увеличить доступность финансовых услуг для широких слоев населения, стимулировало кредитование, расширяя одновременно потребительские расходы.

Доступность кредитов определялась и движением ключевой ставки, однако по-прежнему одним из ключевых ограничений является высокая инфляция (отчасти импортируемая, отчасти обусловленная расширением денежной массы в обращении в результате широкомасштабных программ прямых социальных выплат), которая

---

[699] Hadna A.H., Askar M. The Impact of Conditional Cash Transfers on Low-Income Individuals in Indonesia / A.H. Hadna, M. Askar // Adv SE Asian Stud. 2022. Vol. 15, № 1. C. 23–41.

[700] Costella C., McCord A., van Aalst M., Holmes R., et al. Social Protection Approaches to COVID-19: Expert Advice Social Protection and Climate Change: Scaling Up Ambition / C. Costella, et al. 2021. № 39.

[701] Tutor M.V. The Impact of Philippines' Conditional Cash Transfer Program on Consumption / M.V. Tutor // UPSE Discussion Paper. 2014. № 2014-05.

[702] World Bank. BLT Temporary Unconditional Cash Transfer Social Assistance Program and Public Expenditure Review 2 [Электронный ресурс] / World Bank. 2012. 51 с. Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/652291468039239723/pdf/Bantuan-Langsung-Tunai-BLT-temporary-unconditional-cash-transfer.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

вынуждает монетарный регулятор прибегать к ужесточению денежно-кредитной политики в ущерб частному потреблению в ответ на рост цен.

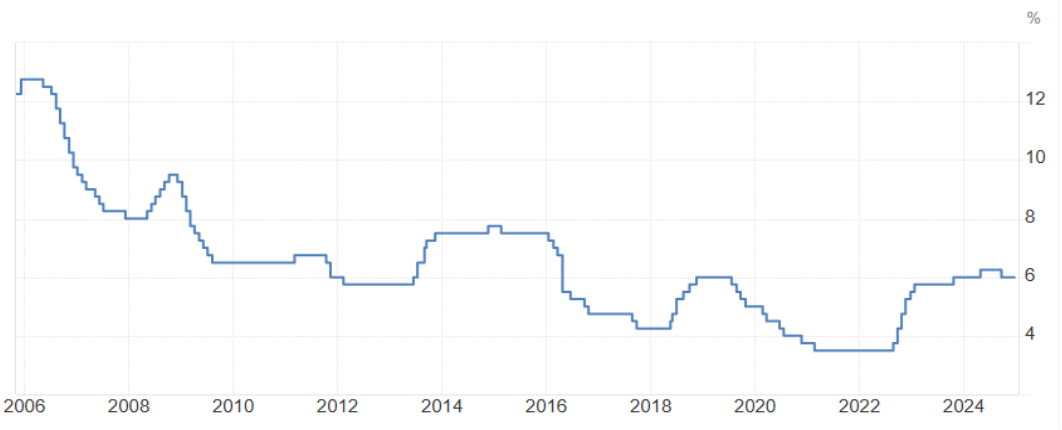

Рисунок 28 – Динамика ключевой ставки в Индонезии

Источник: Банк Индонезии.

Ожидается, что индонезийские потребители к 2030 г. будут тратить дополнительно USD 1 трлн в год[703]. Динамика и структура потребительских расходов населения определяется социальными, экономическими и демографическими факторами. Одним из таких факторов являются процессы урбанизации. По оценкам McKinsey, доля населения, проживающего в городах, к 2030 г. может достичь 71%, что означает ускоренный рост потребления и постепенную трансформацию его структуры. На каждый доллар, потраченный сельским жителем, городской житель тратит около USD 1,60. Потребительские корзины в городах смещены в сторону непродовольственных товаров (54% от общей суммы расходов), в то время как 56,3% от общей суммы расходов в потребительских корзинах в сельской местности тратятся на продукты питания.

Данные относительно структуры частного потребления в Индонезии весьма ограничены. База ООН представлена коротким периодом 2010–2015 гг., анализ которого позволяет сделать вывод о постепенной диверсификации услуг в потребительской корзине индонезийцев, в т.ч. росте расходов на услуги гостиничного и ресторанного бизнеса.

[703]Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. Indonesia. What's Happening in This Economy / Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. October 2019. 3 p.

Таблица 27 – Отраслевая структура потребления домохозяйств в Малайзии, 1990–2023 гг., %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2019	2020	2021	2022	2023
Одежда и обувь	4,07	4,13	3,92	3,82	3,76	3,70	3,66	3,64	3,59	3,55	3,53
Еда, напитки, табак и лекарственные средства	38,50	38,47	38,89	38,52	38,01	38,20	37,77	37,87	37,59	37,23	37,13
Здравоохранение	6,74	6,83	6,87	6,76	6,69	6,78	7,72	7,83	7,87	7,92	8,00
Жилье и коммунальные услуги	13,64	13,37	13,36	13,26	13,20	13,44	14,59	14,43	14,52	14,57	14,62
Прочие товары и услуги	4,51	4,85	4,89	4,83	4,84	4,93	1,91	1,97	2,25	2,34	2,36
Отели и рестораны	8,91	9,04	9,29	9,38	9,56	9,56	10,73	10,82	10,68	10,93	11,06
Транспорт	23,64	23,32	22,77	23,43	23,95	23,38	23,61	23,44	23,50	23,47	23,31

Источник: UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302 (2010–2015) и Statista Market Insights (2019–2023).

Доля общих потребительских расходов домохозяйств, выделяемая на продукты питания, имеет тенденцию к снижению по мере роста доходов, поскольку модели потребления смещаются в сторону непродовольственных корзин, таких как жилье и бытовые услуги, а также товары и услуги. Общее снижение доли продуктов питания в структуре потребительских расходов индонезийцев во многом объясняется ростом доходов, который ведет к изменению рациона питания и сдвигам в моделях потребления после удовлетворения базовых потребностей. В то же время диверсификация структуры потребления происходит медленнее, чем в иных государствах Азии; переход к белковой диете в Индонезии проявляется слабо.

В категории «продукты питания» индонезийцы тратили больше всего на готовую еду и напитки (12,8%), злаки (8,9%), сигареты и табак (5,3%). За период 2010–2018 гг. в продовольственной корзине доля расходов на большинство продуктов питания снизилась, причем лидером стали злаки, снизившись на 2,9 п. п. При этом увеличилась доля расходов на три продукта питания: фрукты (+0,3 п. п.), мясо (+0,2 п. п.), сигареты и табак (+0,7 п. п.). Продукты питания и предметы домашнего обихода по-прежнему занимают центральное место. Лапша быстрого приготовления, печенье и растительное масло являются одними из главных категорий, стимулирующих рост продуктов питания в Индонезии.

В корзине животного белка индонезийцы потратили больше всего на рыбу (31,3% от общих расходов на животный белок), молоко (18,8%) и курятину (16,4%) в 2018 году. Из них рост расходов на курятину является самым быстрым. Птица остается одним из крупнейших потребляемых индонезийцами животных белков. Расходы на птицу увеличились с 14,8% до 16,4% в период с 2010 по 2018 год. Классы с низким и средним доходом являются основными потребителями птицы в Индонезии и представляют собой основные движущие факторы роста потребления птицы. Причем, по оценкам экспертов, к 2030 г. вряд ли можно ожидать существенного увеличения доли расходов на белковые продукты. На потребительское поведение домохозяйств в наибольшей степени влияют два фактора: (1) ежегодное повышение минимальной заработной платы и (2) цены на основные сырьевые товары (кокос, СРО, каучук, какао, кофе и уголь). Эти пять ключевых сельскохозяйственных товаров показали сильную корреляцию с доходом домохозяйств в Индонезии.

В категории «непродовольственные товары» индонезийцы тратили больше всего на «транспорт» (куда относится как приобретение всех видов транспортных средств, так и оплата услуг по перемещению), доля которого устойчиво сохранялась примерно на уровне 23,3–23,6%; жилье и коммунальные услуги (14,6% в 2023 г.). Урбанизация и развитие сферы услуг способствовали расширению доли расходов на услуги ресторанного и гостиничного бизнеса (с 8,9% в 2010 г. до 11,6% в 2023 г.). Закономерным образом опережающими темпами растут расходы на услуги здравоохранения, в результате чего доля соответствующей категории в структуре потребительской корзины растет.

По прогнозам экспертов, к 2030 г. расходы на продукты питания и одежду сократятся примерно до менее чем трети от средних ежемесячных расходов (29,3%). Это соответствует тенденциям, наблюдаемым в таких странах, как Китай, Таиланд и Малайзия, хотя и в разной степени. При этом будет отмечаться диверсификация структуры потребительской корзины в пользу роста готовых продуктов, полуфабрикатов и услуг кафе и ресторанов[704]. Одновременно будет расти спрос на товары для здоровья и гигиены: увеличится потребление витаминов и добавок, а также товаров личной гигиены. По результатам социологических опросов 54% респондентов заявили, что продолжат потреблять больше витаминов и добавок, а 87% продолжат уделять больше внимания

[704] Standard Insights. Consumer Report Indonesia 2025 / Standard Insights. 2025.

гигиене даже после пандемии. Существует также потенциал роста в сфере профилактических медицинских товаров и услуг с упором на повышение иммунитета или оздоровление[705]. В 2023–2025 гг. наблюдается заметная тенденция к увеличению расходов на развлекательные и досуговые услуги (49,4% в 2024 г.) и страховые услуги (55,2% в 2024 г.).

С учетом текущих и будущих тенденций наиболее важными направлениями выхода или расширения присутствия производителей (в т.ч. иностранных) на индонезийском рынке являются[706]:

1. Для производителей и изготовителей продуктов питания – расширение линейки полуфабрикатов и готовых к употреблению упакованных товаров, услуг онлайн-доставки еды, в т.ч. разработка и внедрение приложений – агрегаторов еды. Важно учитывать, что после COVID-19 предпочтение онлайн-приложений для покупок продуктов питания выросло на 700% и этот сегмент будет расти опережающими темпами ввиду относительно низкого проникновения.
2. Для торговых сетей, специализирующихся на непродовольственных товарах, важно также активно действовать через электронные приложения, расширяя спектр онлайн-услуг и функций торговых приложений, например посредством инструментов виртуальной примерки.

Несмотря на общий рост доходов с постковидный период, индонезийские потребители стали более внимательно относиться к структуре и динамике своих расходов. 74% индонезийских потребителей обеспокоены своим личным финансовым положением и стремятся к экономии средств. 63% индонезийских потребителей сокращают свои необязательные расходы, увеличивая сбережения на непредвиденные обстоятельства в будущем[707]. По итогам проведенных опросов, три главных приоритета расходов для индонезийских потребителей – это физическое благополучие (70%), за

[705]NielsenIQ. Navigating the Shifts in Consumer Behavior in Indonesia [Электронный ресурс] / NielsenIQ. 22 May 2023. Режим доступа: https://nielseniq.com/global/en/insights/analysis/2023/navigating-the-shifts-in-consumer-behavior-in-indonesia/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[706] Badan Pusat Statistik. Consumption Expenditure of Population of Indonesia, March 2024 [Электронный ресурс] / Badan Pusat Statistik. 2024. Режим доступа: https://www.bps.go.id/en/publication/2024/10/18/b392b2e96c87c090a6f8d9c2/consumption-expenditure-of-population-of-indonesia-march-2024.html (дата обращения: 1 октября 2025).

[707]PwC. Indonesia GCIS 2023 Placemat [Электронный ресурс] / PwC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/id/en/consumer-industrial-products-services/indonesia-gcis-2023-placemat.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

которым следуют планирование будущего (64%) и психическое благополучие (60%)[708]. Средний класс преобладает в обществе и все больше ориентируется на выгодные покупки, поскольку экономическая неопределенность сокращает расходы на предметы роскоши. Главные финансовые цели на 2024 г. включают накопление на случай непредвиденных обстоятельств и сокращение ненужных расходов.

На фоне общей тенденции к экономии индонезийские потребители готовы больше тратить на определенные типы продуктов, в частности, переработанные, устойчивые или экологически чистые материалы. Одновременно население перестраивает свои потребительские стратегии и более активно ищет «выгодные предложения». 53% потребителей переходят на покупку продуктов в Интернете; 35% осуществляют покупки через веб-сайты социальных сетей[709].

Онлайн-торговля (электронная коммерция) стала важной частью розничной торговли в Индонезии, поскольку все больше людей совершают покупки в Интернете. По итогам социологических опросов 66% индонезийских потребителей указали электронную коммерцию как свой главный выбор канала для покупки непродовольственных товаров по сравнению с 24% до COVID-19[710]. После COVID-19 предпочтение онлайн-приложений для покупок продуктов питания выросло на 700%. При этом проникновение онлайн-покупок продуктов питания все еще относительно низкое и составляет 21%, то есть развитие этого сегмента будет идти в последующие годы наиболее быстрыми темпами[711].

Это явление обусловлено (1) более низкими ценами, (2) удобством, (3) меньшими затратами времени, (4) большим выбором продуктов и продавцов, (5) большим количеством пользователей Интернета или смартфонов. Ожидается, что в ближайшие годы электронная коммерция окажет самое преобразующее влияние на тенденции частного потребления в Индонезии. Поскольку около половины населения Индонезии моложе 30 лет, растет спрос на потребительские товары, целевое образование и обучение, инновационные услуги и технологии, основанные на знаниях, что сочетается с высоким

---

[708]NielsenIQ. Navigating the Shifts in Consumer Behavior in Indonesia [Электронный ресурс] / NielsenIQ. 2023. Режим доступа: https://nielseniq.com/global/en/insights/analysis/2023/navigating-the-shifts-in-consumer-behavior-in-indonesia/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[709]PwC. Indonesia GCIS 2023 Placemat [Электронный ресурс] / PwC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/id/en/consumer-industrial-products-services/indonesia-gcis-2023-placemat.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[710]DBS. 5 Emerging Opportunities for Indonesia’s Consumer Market [Электронный ресурс] / DBS. Режим доступа: https://www.dbs.com.cn/corporate/research-and-insights/business-insights/5-emerging-opportunities-for-indonesia-s-consumer-market (дата обращения: 1 октября 2025).

[711]Ibidem.

уровнем лояльности к использованию цифровых каналов совершения покупок. Такие платформы, как Shopee, доминируют в онлайн-торговле, а на цифровые кошельки приходится 39% всех транзакций в электронной торговле. Сервисы «Купи сейчас, заплати позже» (BNPL) также набирают популярность, позволяя потребителям управлять своими финансами в условиях роста цен.

При принятии решений о покупках индонезийские потребители делают акцент на развитии технологий, удобстве проживания и транспортных возможностях. Люди стремятся быть в курсе последних тенденций в области электронных гаджетов, улучшать бытовую технику и обновлять транспортные средства. Эти предпочтения соответствуют современному образу жизни, ориентированному на связь, комфорт и мобильность[712].

3.3.7. Качественные характеристики паттерна потребления на Филиппинах

Растущий потребительский спрос и модели потребления домохозяйств на Филиппинах определяются ключевыми социально-экономическими изменениями, формирующими современный рынок страны.

Экономический рост Филиппин в последние годы стал ключевым фактором трансформации потребительского спроса. С 2022 г. ВВП страны демонстрирует устойчивый положительный рост, сопровождающийся ростом располагаемых доходов домохозяйств. Это расширяет потребительскую корзину, позволяя все большему числу граждан приобретать не только товары первой необходимости, но и товары, ориентированные на комфорт и качество жизни, – от бытовой техники до цифровых устройств и услуг, связанных с отдыхом и питанием вне дома.

Одним из наиболее заметных последствий этих экономических изменений стало формирование среднего класса. По состоянию на 2021 г. 39,8% филиппинцев принадлежали к домохозяйствам с ежемесячным доходом от 25 000 до 145 000 филиппинских песо, что позволяет отнести их к среднему классу. В 1991 г. этот показатель составлял всего 28,5%. К 2023 г. доля среднего класса в общей численности населения приблизилась к 40%, а среди семей – к 47,4%.

Однако рост среднего класса на Филиппинах происходит медленнее, чем в других странах региона. Основными причинами этой тенденции считаются:

[712] Standard Insights. Consumer Report Indonesia 2024 / Standard Insights. 2024.

- экономическая и политическая нестабильность в 1980-х и начале 1990-х гг.[713];
- высокая степень неравенства, несмотря на рост экономики;
- ограниченный прогресс в развитии высокопроизводительных отраслей (низкий уровень структурной трансформации экономики)[714].

Ключевые характеристики и уязвимости филиппинского среднего класса[715]:

1. Средний класс преимущественно сосредоточен в городах: в 2021 г. 60,6% городских жителей относились к среднему классу, тогда как в сельской местности – лишь 33,8%. Это объясняется более широкими возможностями занятости, доступом к образованию и развитой инфраструктурой.
2. Средний класс демонстрирует значительно более высокий уровень образования. В 2021 г. 40,6% его представителей в возрасте 15 лет и старше имели высшее образование, тогда как среди малообеспеченных граждан этот показатель составлял только 14,5%[716].
3. Около 80% представителей среднего класса работают на постоянной основе, преимущественно в формальном секторе – в сферах услуг и промышленности, а не в сельском хозяйстве. Тем не менее в стране сохраняются проблемы обеспечения занятости, возможности карьерного роста и повышения дохода ограничены, а рынок труда слабо адаптирован к изменениям, связанным с автоматизацией и цифровыми технологиями.
4. Среднестатистическое домохозяйство среднего класса включает в себя 4,2 чел. (против 5,3 у малоимущих), с более низким коэффициентом иждивенчества. Это позволяет эффективнее распределять ресурсы внутри семьи.
5. Средний класс имеет более широкий доступ к таким важным компонентам качества жизни, как централизованное водоснабжение, электричество, надлежащее санитарное обеспечение.

---

[713] Punongbayan J.C. False Nostalgia: The Marcos “Golden Age” Myths and How to Debunk Them / J.C. Punongbayan. Quezon City : Ateneo de Manila University Press, 2023.

[714] Balaoing-Pelkmans A.O., Mendoza A.R. Structural Change and Industrial Upgrading in the Philippines: Stylized Facts and Routes towards Sophisticated Economic Diversification / A.O. Balaoing-Pelkmans, A.R. Mendoza // UPSE Discussion Paper. 2024. № 2024-05. Режим доступа: https://econ.upd.edu.ph/dp/index.php/dp/article/view/1558 (дата обращения: 1 октября 2025).

[715] Albert J.R.G. The Middle Class in the Philippines: Growing but Vulnerable / J.R.G. Albert. 2024. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cobp-phi-2021-2023-ld-03.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[716] Ibidem.

Несмотря на общий рост среднего класса и повышение качества потребительского спроса, социально-экономическая нестабильность в стране ограничивает его потребительские ресурсы.

Во-первых, несмотря на формальное улучшение финансового положения, значительная часть среднего класса остается уязвимой к экономическим потрясениям: ухудшение макроэкономических и социальных условий, потеря работы и сокращение заработков в сочетании с относительно низким уровнем сбережений могут быстро привести к общему снижению доходов и, как следствие, ограничить потребление в краткосрочной перспективе. COVID-19 стал ярким примером этой негативной динамики: кризис снизил численность среднего класса ниже уровня 2018 г. (снижение на 3,7 п. п.).

Во-вторых, филиппинские домохозяйства в значительной степени зависят от денежных переводов из других стран и, следовательно, уязвимы к макроэкономической ситуации в странах – отправителях денежных переводов. Около 13% домохозяйств среднего класса имеют членов семьи, работающих за границей. Их благосостояние сильно зависит от стабильности международных рынков труда и миграционной политики других стран. Это делает доходы этих домохозяйств нестабильными и зависимыми от внешних факторов. В-третьих, в обществе растет обеспокоенность качеством образования и будущими изменениями на рынке труда. Хотя представители среднего класса традиционно инвестируют в образование, растет обеспокоенность качеством и актуальностью учебных программ. Значительная часть населения страны считает, что существующая система зачастую не готовит молодых людей к требованиям цифровой экономики и новым профессиям, что ограничивает их долгосрочные перспективы трудоустройства.

Слабая социальная политика, неопределенность и уязвимость перед внешними факторами порождают у многих представителей среднего класса чувство экономической незащищенности, что отражается в их отношении к государству, социальным институтам и общественным процессам. В то же время, несмотря на растущее влияние, средний класс не всегда поддерживает инклюзивные реформы, что углубляет социальное расслоение.

В период с 2010 по 2024 г. на Филиппинах реализовывался ряд мер и программ, направленных на стимулирование внутреннего потребления. Крупнейшей программой социальной защиты населения в стране стала Pantawid Pamilyang Pilipino Program (4Ps), которая была реализована для борьбы с бедностью и стимулирования потребительских

расходов среди наиболее уязвимых слоев населения и включает механизм денежных трансфертов для домохозяйств с детьми, повышения их доступа к услугам здравоохранения и образования. По оценкам экспертов, реализация программы Pantawid Pamilyang Pilipino увеличивает потребительские расходы населения страны на 3% в месяц[717].

Стимулирование потребления происходило и через налоговую реформу: в 2018 г. правительство Филиппин приняло Налоговую реформу для ускоренного и всеобъемлющего роста (TRAIN), которая снизила налоги на основные товары и услуги для домохозяйств, включая продукты питания, транспорт и энергоносители, что позволило повысить доступность потребительских товаров для большинства граждан, особенно для низших слоев населения.

Основным инструментом поддержки малого и среднего предпринимательства стала программа KABALIKAT SA PAG-UNLAD (Партнеры для прогресса), использующая в качестве мер поддержки систему финансовых субсидий и налоговых льгот. Одновременно в последние годы на фоне пандемии правительство Филиппин активно поддерживает развитие электронной коммерции и цифровых платформ, реализует меры поддержки малых и средних предприятий для выхода на онлайн-рынки и обеспечение доступности интернет-услуг.

Курс на ослабление денежно-кредитной политики, взятый с конца 2009 г., расширил объемы кредитования частного сектора за 4 года с середины 2014 г. по конец 2018 г. более чем в 2 раза. Однако существенное инфляционное давление и накопление внутри банковской системы «плохих долгов» вынуждает монетарные власти прибегать к повышению ставок, замедляя темпы прироста кредитования частного сектора и сдерживая внутреннее потребление.

[717] Tutor M.V. The Impact of Philippines' Conditional Cash Transfer Program on Consumption / M.V. Tutor // UPSE Discussion Paper. 2014. № 2014–05.

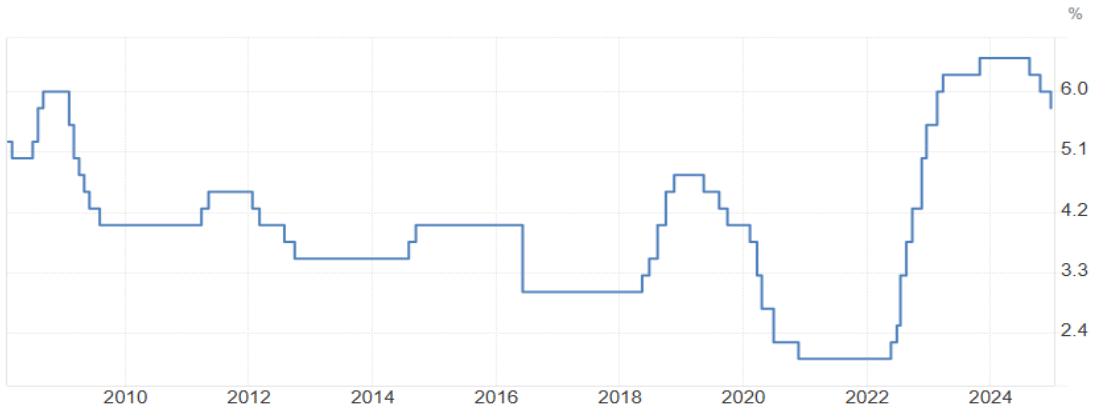

Рисунок 29 – Динамика ключевой ставки на Филиппинах

Источник: Центральный Банк Филиппин.

Филиппины стремятся к 2040 г. стать обществом с преобладанием среднего класса[718]. При этом будущее среднего класса и его способность стать устойчивым драйвером национального потребления на средне- и долгосрочном горизонтах будут определять следующие процессы:

Изменение климата. Филиппины крайне уязвимы к последствиям изменения климата[719], включая повышение уровня моря, более частые и интенсивные стихийные бедствия и изменение погодных условий. Эти последствия могут непропорционально сильно повлиять на средний класс, нанося ущерб активам, нарушая источники дохода и увеличивая расходы на адаптацию и обеспечение устойчивости. Инвестиции в климатически устойчивую инфраструктуру, содействие устойчивому развитию городов и поддержка перехода к низкоуглеродной экономике будут иметь решающее значение для защиты активов и источников дохода среднего класса.

Демографические процессы. Филиппины переживают демографические изменения, включая старение населения и продолжающуюся урбанизацию. Эти изменения влияют на потребности в здравоохранении, социальных услугах и городской инфраструктуре. Политика, поддерживающая здоровое старение, непрерывное обучение и устойчивое развитие городов, будет иметь решающее значение для сохранения и расширения среднего класса по мере старения и урбанизации населения.

---

[718] The Philippine government’s visioning exercise called “Ambisyon 2040” [Электронный ресурс] / National Economic and Development Authority. Режим доступа: https://2040.neda.gov.ph/about-ambisyon-natin-2040/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[719] ADB. Climate Risk Country Profile: Philippines [Электронный ресурс] / ADB. 2021. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/722241/climate-risk-country-profilephilippines.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

Глобальная и региональная экономическая интеграция. Филиппины, как страна со средним уровнем дохода и значительным количеством иностранной рабочей силы, глубоко интегрированы в мировую экономику. Хотя эта интеграция открывает возможности для торговли, инвестиций и денежных переводов, она также подвергает страну внешним экономическим потрясениям. Укрепление отечественной промышленности, диверсификация экономики и повышение квалификации и конкурентоспособности рабочей силы будут играть ключевую роль.

Неравенство и социальная мобильность. Несмотря на рост среднего класса, неравенство остается серьезной проблемой на Филиппинах. Устранение барьеров для социальной мобильности, таких как неравный доступ к качественному образованию и здравоохранению, будет иметь решающее значение.

Урбанизация на Филиппинах также играет значительную роль в формировании потребительского спроса. Города, прежде всего Манильский мегаполис, Себу и Давао, становятся центрами внутренней миграции. Люди переезжают в поисках лучшей работы, доступа к услугам и качеству жизни. Это приводит к быстрому росту плотности населения, что, в свою очередь, стимулирует спрос на современные торговые центры, рестораны, учебные заведения и другие городские объекты.

Особенно быстро развиваются инфраструктурные и технологические проекты, в том числе благодаря инициативам «умного города» и созданию IT-центров. Эти изменения формируют новый облик городской среды и повышают спрос на товары для жизни – от брендовой одежды до мобильных приложений и высокотехнологичных услуг. Средний класс, сосредоточенный преимущественно в городах, становится все более требовательным к качеству, репутации бренда и удобству. Компании, ориентированные на эту аудиторию, вынуждены адаптировать свои продукты и услуги, делая акцент на ценности, дизайне, функциональности и персонализированном подходе.

Цифровая трансформация также стала ключевым фактором изменения потребительского поведения на Филиппинах. 83,8% проникновения Интернета и 78% использования социальных сетей в 2025 г. подчеркивают важность онлайн-каналов в принятии потребительских решений. В насыщенной медиасреде 90% филиппинцев ежедневно пользуются Интернетом, а 82% – социальными сетями, демонстрируя сильную цифровую вовлеченность разных поколений. Чтобы выделиться из общей массы, бренды должны уделять первостепенное внимание качеству взаимодействия как на цифровых,

так и на традиционных платформах, обеспечивая при этом ценность своего присутствия[720]. Стремительные темпы технологических изменений и цифровизации создают как возможности, так и риски для среднего класса. Цифровые технологии могут создавать новые экономические возможности и улучшать доступ к услугам, но также несут в себе риск потери рабочих мест и расширения цифрового неравенства. Стремительное распространение смартфонов, усовершенствованный мобильный Интернет и цифровые платформы коренным образом изменили способы, которыми филиппинцы совершают покупки, принимают решения и взаимодействуют с брендами. Платформы электронной коммерции, такие как Lazada, Shopee и Zalora, добились огромного успеха. Только Shopee привлекла более 25 млн пользователей по всему миру за 2022–2023 годы. Онлайн-шопинг стал нормой для миллионов филиппинцев, особенно среди молодежи и жителей городов.

Социальные сети – Facebook, Instagram, TikTok – превратились из простых каналов коммуникации в полноценные платформы социальной коммерции. Они проводят не только маркетинговые кампании, но и реальные продажи, часто инициированные блогерами и инфлюенсерами. Это существенно влияет на модели потребления: филиппинцы становятся более восприимчивыми к визуальному контенту, историям брендов и рекомендациям инфлюенсеров.

Цифровая финансовая инфраструктура также стремительно развивается. Электронные кошельки, такие как GCash и Maya, стали неотъемлемой частью потребительского опыта. Они обеспечивают быстрые и безопасные транзакции, снижая зависимость от наличных и облегчая доступ к финансовым услугам даже в отдаленных районах.

Цифровизация повышает прозрачность, расширяет потребительский выбор и способствует повышению осведомленности. Однако она также создает риски: цифровое неравенство, киберугрозы и технологическая безработица – все это потенциальные проблемы, требующие внимания правительства и бизнеса.

Поведение потребителей на Филиппинах является результатом сложного взаимодействия экономического роста, урбанизации и цифровой трансформации.

---

[720] Dentsu. 2025 Consumer and Media Trends Report: Filipino Consumers Are More Empowered and Values-Driven Than Ever Before [Электронный ресурс] / Dentsu. Режим доступа: https://www.dentsu.com/sg/en/our-news/dentsu-philippines-2025-consumer-and-media-trends-report-filipino-consumers-are-more-empowered-and-values-driven-than-ever-before (дата обращения: 1 октября 2025).

Несмотря на рост, формирующийся средний класс остается уязвимым, и будущее потребительского рынка во многом будет зависеть от устойчивости социальных и инфраструктурных реформ. В условиях ускоряющейся урбанизации и цифровизации компании и политики должны учитывать специфику филиппинского контекста для построения более инклюзивной и устойчивой модели развития. Несмотря на численный рост, филиппинский средний класс остается хрупким и значительно подверженным рискам. Для устойчивого развития внутреннего рынка и стабильного потребления важно не только поддерживать экономический рост, но и устранять структурные ограничения, препятствующие укреплению среднего класса. Это включает в себя реформы в сфере образования, здравоохранения, политики в сфере труда и социальной защиты.

Социально-экономические тенденции также обусловили значительные изменения в потреблении филиппинских домохозяйств.

Таблица 28 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств на Филиппинах, 1990–2023 гг., %

	среднее 1991-2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	2,40	2,00	1,73	1,90	2,10
Одежда и обувь	3,25	2,56	1,88	1,55	1,84
Коммуникации	0,36	2,53	3,23	2,74	2,91
Образование	0,54	2,88	4,38	4,70	4,90
Еда и безалкогольные напитки	52,37	39,58	39,03	37,98	37,91
Мебель и бытовая техника	12,57	7,40	3,77	3,30	3,51
Здравоохранение	0,35	1,92	2,97	3,48	4,14
Коммунальные платежи, вода, энергия	5,39	9,89	12,12	11,63	12,40
Разнообразные товары и услуги	16,43	15,55	12,25	12,80	13,61
Отдых и культурный досуг	0,36	1,58	2,07	2,02	1,46
Отели и рестораны	0,76	4,25	5,74	6,79	6,32
Транспорт	5,22	9,85	10,81	11,09	8,91

Источник: рассчитано автором на основе данных UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

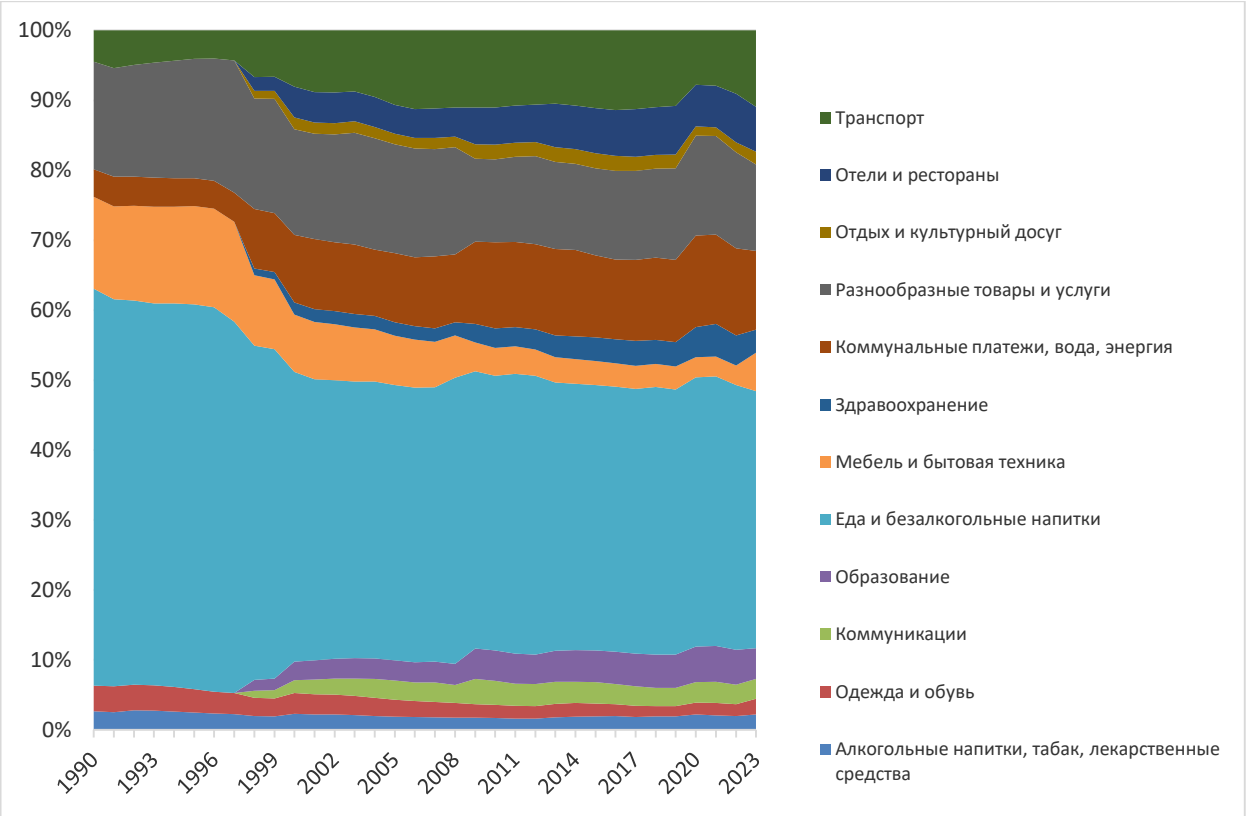

Рисунок 30 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств на Филиппинах, 1990–2023 гг., %

Источник: построено автором на основе UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

В целом отраслевая структура потребительской корзины филиппинских домохозяйств претерпевает те же трансформационные тенденции, что и в иных странах региона: происходит постепенное сокращение доли расходов на базовые категории – продукты питания, одежду и обувь на фоне общей диверсификации структуры потребительской корзины. В то же время доля базовых категорий в структуре потребления филиппинских домохозяйств существенно выше, нежели в других развивающихся странах региона (около 40%). При этом относительно низкий уровень среднего значения доходов, инфляционные тенденции и нестабильность рынка труда создают дополнительные ограничения расширению потребления товаров длительного пользования. Дефицит доступного жилья, который в стране продолжает нарастать, с одной стороны, создает возможности для строительства и инвестиций (в особенности со стороны иностранцев), однако платежеспособный спрос остается ограниченным, что сопряжено в числе прочего со снижением доли расходов на мебель и бытовую технику.

При этом по мере роста доходов населения структура потребляемых продуктов питания становится более диверсифицированной. Наблюдается явная тенденция к росту потребительского предпочтения более здоровых вариантов, включая низкокалорийные блюда, напитки без сахара и функциональные продукты, способствующие хорошему самочувствию. Параллельно население большую долю бюджета расходует на питание вне дома (растет доля расходов на услуги отелей и ресторанов).

Ускоренными темпами, как и в иных странах региона, растут расходы на образование и здравоохранение, что ведет к росту доли соответствующих расходов в общих расходах домохозяйств. Дополнительным катализатором этого процесса выступила пандемия: к периоду 2020–2023 гг. доля расходов на здравоохранение и образование достигли 4,14% и 4,9% против 0,35% и 0,54% в 1991–2000 гг., соответственно.

Современное потребительское поведение на Филиппинах претерпевает значительные изменения, обусловленные целым рядом факторов – экономической нестабильностью, цифровизацией, экологическими проблемами и сдвигами в демографической и культурной структуре общества. В центре этих преобразований находится новый тип филиппинского потребителя – осознанный, прагматичный, ценностно ориентированный, но при этом открытый к экспериментам и инновациям.

Чувствительность к цене остается ключевым ориентиром при принятии решений о покупке. Однако ценность для филиппинских покупателей все чаще определяется не только низкой ценой, но и качеством, удобством, семейным использованием и, в некоторых случаях, социальным воздействием бренда. В 2024 г. только 18% филиппинцев признались в частых импульсивных покупках – по сравнению с 25% годом ранее, что свидетельствует о растущем внимании к экономической эффективности. Покупатели переходят на более «разумный» подход, выбирая бюджетные бренды на таких платформах, как Shopee, или ища скидки на бытовую технику на Lazada. Одной из самых ярких тенденций последних лет стал растущий интерес к здоровью. Более половины филиппинцев верят в улучшение своего самочувствия в ближайшие годы, что отражается в быстрорастущем спросе на продукты для здорового питания, фитнеса и поддержания психического благополучия. Популярностью пользуются продукты с высоким содержанием клетчатки и растительные альтернативы, домашние тренажеры и добавки, улучшающие состояние кожи и пищеварения. Интерес к медитации и

приложениям для эмоциональной поддержки особенно высок среди молодого поколения. На фоне сохраняющегося инфляционного давления и все большей перегруженности медиаэкосистем потребители перегружены выбором, скептически относятся к брендам и все бережнее относятся к своему времени, деньгам и данным. Брендам теперь необходимо завоевывать внимание и доверие, поскольку простого присутствия на рынке уже недостаточно[721].

Филиппинские потребители балансируют между радостью чрезмерного потребления и привлекательностью осознанной жизни. По данным Dentsu CCS, 77% филиппинцев считают важным быть богатым и иметь дорогие вещи, при этом 48% стараются вести минималистичный образ жизни и избегать ненужных покупок. Бренды должны соответствовать обоим типам мышления, предлагая одновременно роскошь и практичность, не противореча друг другу[722].

В то же время цифровизация потребительской инфраструктуры радикально меняет повседневные модели покупок. К 2025 г. проникновение Интернета на Филиппинах достигнет почти 84%, а использование социальных сетей – 78%. Электронная коммерция стала неотъемлемой частью жизни: филиппинцы совершают трансграничные покупки, все чаще обращаясь к платформам с персонализированными рекомендациями, будь то TikTok Shop для вирусных продуктов или Shopee для повседневных товаров первой необходимости. Потребительское поведение все больше формируется алгоритмами, отзывами и рекомендациями в социальных сетях. Около 42% потребителей признаются, что совершают покупки после просмотра трансляций и обзоров в Facebook и TikTok. На этом фоне растет значение персонализации: 72% жителей Азиатско-Тихоокеанского региона ожидают, что бренды будут предугадывать их потребности, а компании, инвестирующие в технологии ИИ, отмечают резкий рост эффективности маркетинга.

В то же время растет внимание к устойчивому потреблению и проблемам окружающей среды. Более половины потребителей региона стремятся поддерживать бренды, которые сокращают свой углеродный след и минимизируют использование упаковки. На Филиппинах экологическая сознательность проявляется как в выборе перерабатываемой или многоразовой упаковки, так и в высокой оценке местных

---

[721] Dentsu. 2025 Consumer and Media Trends Report: Filipino Consumers Are More Empowered and Values-Driven Than Ever Before [Электронный ресурс] / Dentsu. Режим доступа: https://www.dentsu.com/sg/en/our-news/dentsu-philippines-2025-consumer-and-media-trends-report-filipino-consumers-are-more-empowered-and-values-driven-than-ever-before (дата обращения: 1 октября 2025).

[722] Ibidem.

компаний, проявляющих социальную ответственность. Ярким примером служит популярность хлеба в многоразовых сумках от Lesaffre Philippines и инициативы по сокращению пищевых отходов. Покупка местных продуктов, особенно тех, которые производятся с заботой об окружающей среде, становится выражением гражданской активности и социальной солидарности.

В то же время потребительское поведение сильно различается по демографическим показателям. Поколение Z отдает приоритет инклюзивности, яркой идентичности брендов и взаимодействию с онлайн-сообществами. Миллениалы ищут товары и услуги, соответствующие их интересам и образу жизни – от цифровых фитнес-приложений до одежды из переработанных материалов. Старшее поколение – поколение X и бэби-бумеры – по-прежнему ориентировано на функциональность, качество и удобство и склонно совершать покупки на благо всей семьи. Примечательно, что филиппинцы, независимо от возраста, придают большое значение мнению близких и своего сообщества: семья играет ключевую роль в принятии решений, особенно когда речь идет о крупных покупках, а «сарафанное радио» остается весьма влиятельным.

Семейные и общественные ценности глубоко укоренены в культуре потребления. Люди чаще отдают предпочтение товарам, которые улучшают повседневную жизнь семьи, создают возможности для совместного отдыха или повышают уровень жизни. Товары, укрепляющие семейные связи, особенно популярны в категориях «домашний уют», «путешествия» и «здоровье». Социальное одобрение и рекомендации друзей, соседей и инфлюенсеров в социальных сетях часто становятся решающими факторами при выборе бренда.

Примечательно, что даже несмотря на инфляционное давление, растет так называемая «премиализация» потребления. Все больше представителей растущего среднего класса готовы платить за товары, связанные с самовыражением, инновациями и технологиями. Примером этого служит тот факт, что 43% потребителей доверяют генеративному ИИ как источнику рекомендаций и информации о продуктах. Это свидетельствует о высоком уровне технологической интеграции в повседневную жизнь потребителей и готовности инвестировать в более интеллектуальные решения, включая бытовую технику, гаджеты и персонализированные услуги.

Эти изменения также влияют на покупательский опыт. Традиционный шопинг постепенно отходит на второй план, уступая место мобильным приложениям,

бесконтактным платежам и интеграции онлайн- и офлайн-форматов. Рынок адаптируется к быстрорастущей популярности мобильного шопинга: потребители все чаще совершают покупки со смартфонов, ожидая быстрой доставки, легкого возврата и максимального удобства. Поддержание высоких стандартов обслуживания становится обязательным условием для брендов, стремящихся выжить в условиях высокой конкуренции.

Таким образом, потребительское поведение на Филиппинах сегодня представляет собой динамичную систему, в которой традиционные семейные и культурные ценности гармонично сосуществуют с глобальными тенденциями цифровизации, устойчивого развития и индивидуализации. Бренды, которые адаптируются к этим реалиям, предлагая не просто продукты, но и значимый опыт, высокое качество, устойчивое развитие и социальную активность, завоюют лояльность потребителей, готовых идти в ногу с ними в быстро меняющемся мире.

3.3.8. Качественные характеристики паттерна потребления в Сингапуре

Сингапур представляет собой высокоразвитый рынок с требовательной, технологически грамотной и оснащенной и одновременно быстро адаптирующейся аудиторией. Потребительское поведение, как и в иных странах региона, определяется рядом факторов – устойчивостью доходов населения и их структурой, демографическими процессами, темпами и направлениями цифровизации потребительской среды.

Хотя в исследуемой выборке Сингапур обладает наиболее высокими значениями ВВП и расходов домохозяйств на конечное потребление в расчете на душу населения, страна характеризуется достаточно высокой склонностью к сбережениям. Кроме того, в Сингапуре – одна из самых низких долей трудовых доходов в составе национального дохода среди развитых стран. Значительная часть экономики управляется корпоративным сектором (в т.ч. иностранным капиталом), что ограничивает объем ресурсов, непосредственно доступных для населения. Кроме того, несмотря на сравнительно низкую волатильность ВВП страны на агрегированном уровне, сохраняется значительная неопределенность, связанная с распределением доходов, особенно в сегментах с нестабильной занятостью[723], что усиливает мотивацию населения к сбережениям.

[723]The Ongoing Evolution of Singapore’s Household Consumption, Part 1 [Электронний ресурс] / JCECons101. 2025. Режим доступа: https://jcecons101.sg/2025/06/03/the-ongoing-evolution-of-singapores-household-consumption-part-1/ (дата обращения: 1 октября 2025).

Сингапур серьезно зависит от иностранных факторов производства, а значительная часть ВВП страны «утекает» из страны в виде оплаты труда иностранных работников и доходов инвесторов.

В последние годы потребление в стране оставалось сравнительно вялым и на фоне пандемии, что отражало не только влияние ограничений, но и сохраняющееся давление на потребительские настроения, в т.ч. из-за опасений за здоровье и стабильность будущих доходов. В целом, это характерная реакция на глобальные кризисы: в частности, после Глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. восстановление потребления в стране происходило существенно медленнее, чем восстановление общего валового внутреннего продукта.

Еще одним важным сдерживающим фактором становится демографическая ситуация в стране. Сингапур, как и Китай, является страной с наиболее быстро стареющим населением. Это усиливает мотивацию к сбережениям и ограничивает потребление, поскольку, с одной стороны, население в более преклонном возрасте тратит меньше, ограничиваясь менее диверсифицированной структурой потребляемых товаров и услуг, а с другой стороны, сравнительно более молодое население предпочитает больше откладывать на период нетрудоспособности.

Сингапур остается одним из самых технологически развитых рынков Азии, характеризующихся высоким уровнем цифровизации потребительской среды и развитием онлайн-торговли, дополнительным драйвером к развитию которой выступала пандемия. Онлайн-платформы в сегментах товаров повседневного спроса (FMCG) и электроники вышли на первый план. Крупные розничные сети, такие как NTUC FairPrice, Sheng Siong, RedMart и Shopee, активно расширяют свои платформы электронной коммерции. Цифровые платежи становятся повседневной реальностью. В Сингапуре более 210 000 торговых точек уже принимают SGQR – единый QR-код, совместимый с различными кошельками и банковскими приложениями. Жители Сингапура активно используют PayNow, PayLah! и международные платформы, такие как DSGPay.

Особенности потребительского паттерна Сингапура формируются в некоторой степени и под влиянием институциональных факторов, таких как тенденции денежно-кредитной и налогово-бюджетной политик, в т.ч. государственной политики в области транспорта и жилья.

Несмотря на традиционную ориентированность на экспорт и индустриализацию Сингапура, ряд документов стратегического развития последних лет декларирует необходимость перехода к более сбалансированному экономическому росту, опирающемуся в т.ч. на внутреннее потребление и социальное благосостояние. При этом Видение экономики Сингапура до 2030 г. опирается на четыре основных столпа – торговлю, предпринимательство, производство и услуги[724] и не декларирует развитие частного потребления в качестве самостоятельной приоритетной цели, а исключительно как сопутствующий эффект в результате дальнейшего развития инновационной экономики, торговли и промышленности. Более того, большинство прогнозов дальнейшего развития экономики Сингапура в большей степени ориентированы на анализ динамики внешнего спроса, поддерживающие экспортоориентированную составляющую экономического роста.

Правительство страны активно поддерживает малый и средний бизнес, для увеличения занятости и заработных плат реализует комплекс мер поддержки домохозяйств и стимулирования частного потребления, способствующий увеличению потребительских расходов в сфере жилья и бытовых товаров[725]:

- Housing and Development Board (HDB) – программы по субсидированию жилья и улучшению доступности жилищных кредитов. В частности, программа Build-to-Order (BTO) помогает молодым семьям приобретать жилье по доступным ценам, что стимулирует внутренний спрос;
- программы Workfare Income Supplement (WIS) (Программа поддержки пожилых граждан и работников с низким доходом) и программы для пенсионеров Silver Support Scheme. Учитывая демографическую ситуацию в Сингапуре и высокую долю людей пожилого возраста в общей численности населения, программа играет важную роль в стимулировании частного спроса и повышении качества жизни более уязвимых слоев населения.

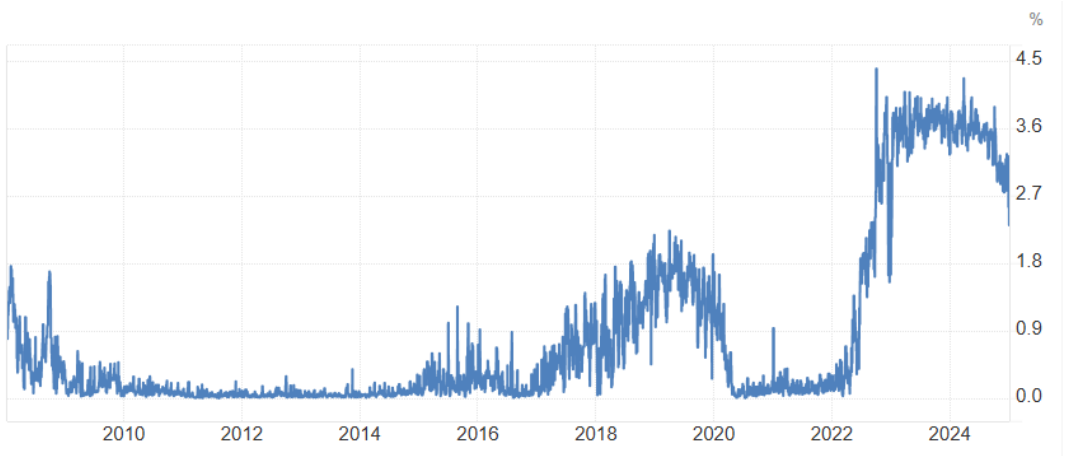
Правительство Сингапура также активно практикует механизмы налоговых льгот и субсидий для поддержки частного потребления домохозяйств. В 2011 г. были ведены субсидии на потребительские товары, такие как продукты питания и бытовая техника, для

[724] Singapore. Singapore Economy 2030 [Электронный ресурс] / Ministry of Trade and Industry (Singapore). Режим доступа: https://www.mti.gov.sg/COS-2023/Committee-of-Supply-2023/Singapore-Economy-2030 (дата обращения: 1 октября 2025).
[725] Housing and Development Board (HDB) [Электронний ресурс]. Режим доступа: https://www.hdb.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025).

домохозяйств с низким доходом. В рамках программы GST Voucher гражданам с низким доходом предоставляются налоговые льготы, что помогает стимулировать потребление[726].

В ответ на замедление темпов экономического роста правительство Сингапура прибегло к политике стимулирования рынка потребительских кредитов. В 2013 г. была введена программа DebtRelief для облегчения долговой нагрузки граждан через механизмы субсидирования процентных ставок для домохозяйств с низкими доходами[727]. В ответ на экономические последствия пандемии COVID-19 правительство Сингапура предприняло ряд экстренных мер, направленных на поддержку потребительских расходов и защиты занятости, в т.ч. программу Solidarity Payment – экстренную программу выплат для всех граждан и постоянных жителей страны – и программу Digital Resilience Bonus, нацеленную на стимулирование онлайн-торговли и, как следствие, поддерживающую внутренний спрос в условиях пандемии.

На протяжении многих лет после Глобального финансового кризиса монетарный регулятор поддерживал низкие процентные ставки, что, с одной стороны, обеспечивало относительную конкурентоспособность экспорта страны, а с другой, стимулировало частное потребление. Важно учитывать, что основной задачей монетарного регулятора страны является не контроль денежной системы, а управление курсом сингапурского доллара (SGD) в отношении корзины взвешенных по объему валют основных торговых партнеров Сингапура.

[726] GST Voucher Scheme [Электронний ресурс]. Режим доступа: https://www.gstvoucher.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025).
[727] Monetary Authority of Singapore [Электронний ресурс]. Режим доступа: https://www.mas.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025).

Рисунок 31 – Средняя ставка по краткосрочным кредитам в Сингапуре (SORA)

Источник: денежно-кредитные власти Сингапура.

Политика низких процентных ставок привела к двукратному росту кредитования частного сектора с конца 2009 по конец 2013 г., однако последующее инфляционное давление и влияние на курс сингапурского доллара вынудило монетарные власти прибегнуть к повышению ставок, что оказало сдерживающее влияние и на объемы кредитования, и на темпы прироста частного потребления. Возврат к политике низких процентных ставок стал одним из инструментов поддержания спроса и предпринимательской активности в условиях пандемии, однако уже с середины 2022 г. власти вернулись к политике повышения процентных ставок для поддержки номинального эффективного валютного курса.

В среднесрочной перспективе возврата к политике низких процентных ставок не ожидается, по прогнозам аналитиков средняя процентная ставка в Сингапуре будет колебаться около 2,40% в 2025 г. и 2,20% в 2026 г.[728].

Высокий уровень доходов при сохраняющейся неустойчивости будущих ожиданий доходности, демографические тенденции и развитие цифровизации определяют некоторые важные изменения в культуре потребительского поведения.

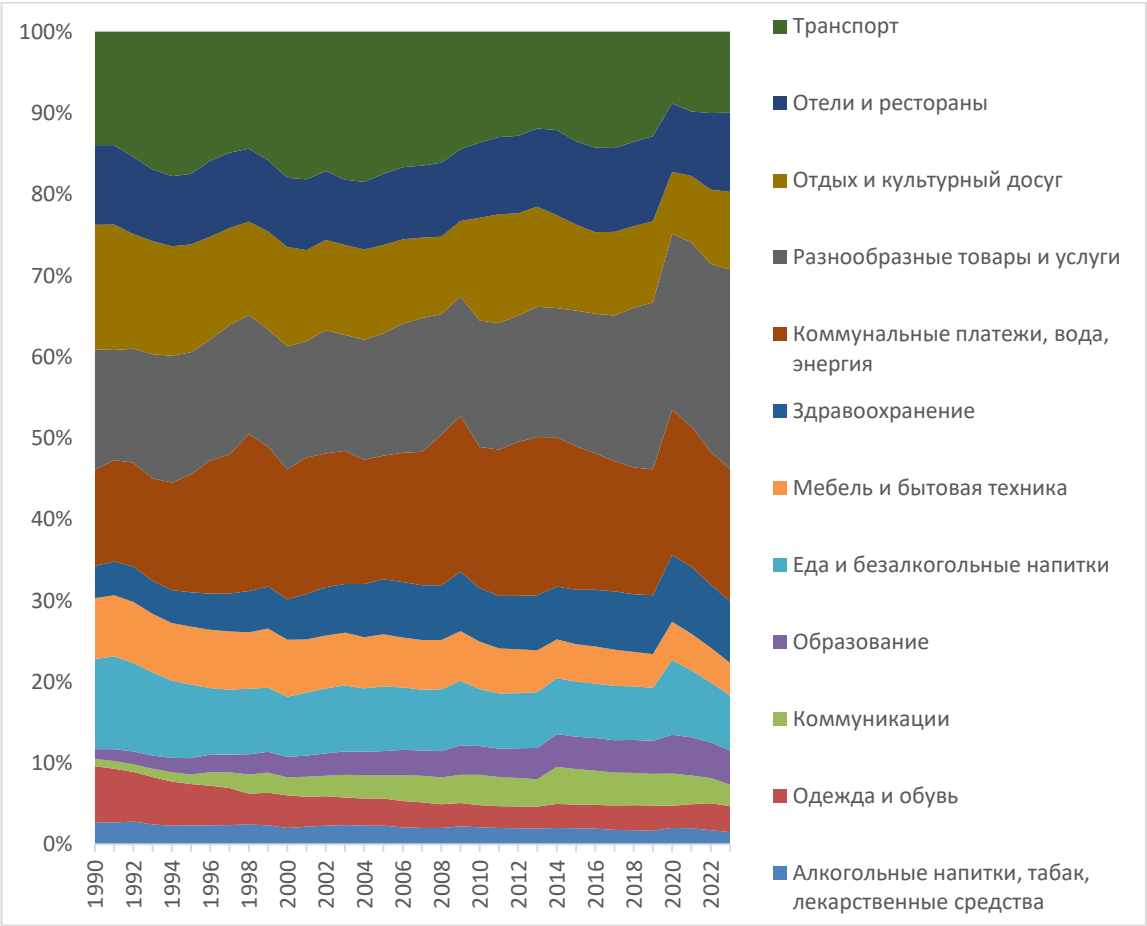
Во-первых, одной из главных тенденций последних лет становится т.н. осознанное потребление, когда на фоне глобальных инфляционных процессов и геополитического напряжения расходы на «второстепенные» категории расходов (такие как путешествия, развлечения и отдых) начинают сокращаться, а ставка делается на «базовые нужды», в результате чего даже в условиях относительно высоких доходов повышается значение не только качества товаров, но и разумности их стоимости. Потребители начинают больше ценить прозрачность ценообразования, наличие программ лояльности, скидок и проч.

Во-вторых, сингапурские потребители становятся все более требовательными к качеству обслуживания и прозрачности технологий, используемых при обслуживании клиентов. 76% потребителей рассчитывают на немедленное взаимодействие с клиентом при обращении в компанию, при этом, согласно недавнему отчету Salesforce, 87% клиентов в Сингапуре отметили, что им важно понимать, общаются они с искусственным

[728] Interest Rate Singapore [Электронный ресурс] / Trading Economics. Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/singapore/interest-rate (дата обращения: 1 октября 2025).

интеллектом (ИИ) или с человеком. Поэтому брендам и владельцам бизнеса важно укреплять доверие потребителей, открыто рассказывая об использовании ИИ в своих процессах, чтобы клиенты чувствовали себя комфортно и в безопасности[729]. Особую «настороженность» внедрение искусственного интеллекта в системы обслуживания клиентов вызывает у потребителей более старшего возраста, в то время как миллениалы и представители поколения Z относятся к технологическим новациям с большим энтузиазмом.

В-третьих, в условиях пандемии и в период восстановления в Сингапуре резко вырос интерес к физическому и ментальному здоровью, что сопряжено с расширением «инвестиций в себя» – ростом расходов на услуги фитнеса и оздоровительных центров, диетологию и здоровое питание, витамины и биодобавки и в более общем виде – к «устойчивому», экологически чистому потреблению. Под действием данных процессов в последние годы структура потребления домохозяйств в Сингапур показывает важные сдвиги (см. Рисунок 32 и Таблицу 29).

[729] Businesses Adopting AI Risk a 'Trust Gap' with Customers – Salesforce Report [Электронный ресурс] / News & Insights. 29 августа 2023. Режим доступа: https://www.salesforce.com/news/stories/customer-engagement-research-2023/ (дата обращения: 1 октября 2025).

Рисунок 32 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств в Сингапуре, 1990–2023 гг., %

Источник: построено автором на основе UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Таблица 29 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств в Таиланде, 1990–2023 гг., %

	среднее 1991-2000	2001-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Еда и напитки	11,69	10,06	9,05	8,43	9,72
Одежда и обувь	5,20	3,39	2,79	3,03	3,03
Коммуникации	1,53	2,86	3,80	4,03	3,33
Образование	1,95	2,90	3,73	4,02	4,52
Мебель и бытовая техника	7,24	6,35	5,36	4,34	4,38
Здравоохранение	4,46	6,35	6,69	7,13	7,96
Коммунальные платежи, вода, энергия	14,87	16,07	18,43	15,97	16,93
Отдых и культурный досуг	13,27	10,81	11,76	10,08	8,62
Отели и рестораны	9,10	8,58	9,64	10,40	8,88
Транспорт	15,84	17,50	13,03	13,72	9,63
Прочие товары и услуги	14,85	15,13	15,71	18,84	23,02

Источник: UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Основную долю потребительского бюджета домохозяйств составляют расходы на жилье и коммунальные услуги, питание (включая питание вне дома) и транспорт. Доля расходов на еду в общей структуре потребления устойчиво снижается, несмотря на рост цен. При этом доля питания вне дома (входящая в категорию «отели и рестораны») оставалась на примерно неизменном уровне в процентном отношении. В категории «расходы на жилье и коммунальные услуги» основную долю составляют именно коммунальные платежи. Несмотря на высокую стоимость жилья, государственная политика в области недвижимости обеспечила проживание в субсидируемом государственном жилье более 80% жителей, в результате чего потребность в аренде сведена к минимуму[730]. В то же время плата за т.н. пользование собственным жильем

[730] Toh N. The Ongoing Evolution of Singapore’s Household Consumption (Part 1) [Электронный ресурс] / N. Toh // JC Econs 101. June 3, 2025. Режим доступа: https://jcecons101.sg/2025/06/03/the-ongoing-evolution-of-singapores-household-consumption-part-1/ (дата обращения: 19 сентября 2025).

составляет почти 70% расходов по этой категории. Снижение соответствующих затрат в относительном выражении в 2016–2019 гг. и их рост в 2021–2023 гг. в значительной степени объясняются динамикой цен на недвижимость, которые в последние годы на фоне постковидного восстановления существенно выросли. С течением времени сокращаются расходы на мебель и бытовую технику, что обусловлено сравнительно меньшим ростом стоимости данных категорий и отнесением их к категории «вторичных».

Доля расходов на транспорт устойчиво сокращалась на протяжении всего исследуемого периода. Проводимая государственная политика направлена на сокращение личного автотранспорта, что проявляется и в его высокой стоимости, в значительной степени обусловленной необходимостью приобретения CEO (сертификата владения транспортным средством). В качестве альтернативы поддерживается развитие качества и доступности системы общественного транспорта. Расходы на одежду и обувь также устойчиво сокращаются, чему в значительной степени способствуют рост популярности онлайн-покупок и связанное с ним усиление конкуренции маркетплейсов, оказывающее давление на цены. Наиболее резкий рост расходов зафиксирован в категориях социальных услуг: образования – с 1,95% в 1990–2000 гг. до 4,52% к 2023 г. и здравоохранения – с 4,46% до 7,96%, соответственно, чему в значительной степени в последние годы способствовала пандемия. Согласно данным национальной статистики, рост на услуги здравоохранения был равномерным как по амбулаторным, так и по стационарным услугам. Особенно выделяется почти трехкратное увеличение расходов на медицинское страхование, что отражает как рост цен, так и изменение ожиданий в отношении медицинских издержек[731].

Наиболее резкое же сокращение было отмечено в категории «расходы на отдых и культурный досуг»: устойчивый нисходящий тренд был зафиксирован после Глобального финансового кризиса, а дополнительным катализатором этого процесса выступила пандемия. В совокупности эти сдвиги указывают на значимую трансформацию потребительского поведения в Сингапуре, обусловленную как внешними факторами, так и внутренними социально-экономическими процессами и проводимой государственной политикой.

[731] Toh N. The Ongoing Evolution of Singapore’s Household Consumption (Part 1) [Электронный ресурс] / N. Toh // JC Econs 101. June 3, 2025. Режим доступа: https://jcecons101.sg/2025/06/03/the-ongoing-evolution-of-singapores-household-consumption-part-1/ (дата обращения: 19 сентября 2025).

3.3.9. Качественные характеристики паттерна потребления в Таиланде

Таиланд представляет собой страну с общей численностью населения около 70 млн человек (вторая по величине экономика Юго-Восточной Азии), что определяет его высокий и в значительной степени нереализованный потребительский потенциал. Переход страны из категории государства с низким уровнем доходов к стране со средним уровнем доходов сопровождался существенным ростом уровня жизни и частного потребления. За более чем три десятилетия (с 1990 по 2023 г.) частное потребление в реальном выражении (постоянных ценах) выросло почти в 2,5 раза – с USD 1456 до USD 3761 в расчете на душу населения[732]. К 2023 г. частное потребление домохозяйств достигло 57,6% ВВП страны, что, однако, ниже среднемирового уровня в 62,9%. По прогнозам исследователей, к 2030 г. потребительские расходы тайских домохозяйств вырастут по сравнению с 2020 г. почти на 50%[733]. Согласно прогнозным оценкам, объемы покупок в Таиланде к 2030 г. могут вырасти до USD 410 млрд в годовом исчислении, а 90% населения сможет позволить себе не только базовые нужды, но и более диверсифицированный набор качественных и дорогостоящих продуктов, что предопределяет высокую привлекательность рынка Таиланда в среднесрочной перспективе[734].

Высокий потребительский потенциал страны обусловлен рядом факторов: ростом располагаемых доходов (составившим около USD 4700 на душу населения в 2024 г.), стремительно развивающейся цифровизацией сферы услуг и электронной коммерции. В 2023–2024 гг. дополнительным стимулом к расширению потребления стало восстановление экономической активности после пандемии, сопровождающееся восстановлением доходов домохозяйств, испытавшим их сокращение в 2020–2021 годах.

На динамику частного потребления оказывает влияние ряд экономических, демографических, культурных и технологических факторов. Ключевым драйвером частного потребления выступает рост доходов населения, хотя в условиях

---

[732] Данные Всемирного Банка. World Bank Statistic Database.

[733] Fengler H. Kharas. 2021. Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/future-development/2021/05/20/a-long-term-view-of-covid-19s-impact-on-the-rise-of-the-global-consumer-class/#:~:text=The%20global%20consumer%20class%20is,before%20COVID%2D19%20hit%20everyone (дата обращения: 1 октября 2025).

[734] McKinsey Global Institute. The Emergence of New Consumer Segments and Implications for Companies in Asia and Thailand [Электронный ресурс] / McKinsey Global Institute. October 7, 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/mgi/overview/in-the-news/the-emergence-of-new-consumer-segments-and-implications-for-companies-in-asia-and-thailand (дата обращения: 1 октября 2025).

восстановления экономики страны после пандемии многие потребители, опасаясь экономической неопределенности (54% потребителей) и роста уровня цен (53% потребителей согласно результатам социологических опросов), воздерживаются от ускоренного расходования средств на текущее потребление[735]. Процессы урбанизации также содействуют изменению потребительских предпочтений: рост доли городского населения ведет к расширению использования онлайн-сервисов и диверсификации структуры потребительской корзины.

Ни один из ключевых документов стратегического планирования Таиланда не декларирует в качестве приоритетной задачи переход к модели роста, движимого внутренним потреблением. Тем не менее 12-й пятилетний план развития Таиланда (2017–2021) уделяет внимание расширению внутреннего спроса как источника экономического роста отдельных отраслей и национальных производств, одновременно делая акцент на важности «устойчивого» потребления, улучшения уровня жизни граждан, повышения доходов населения и доступности социальных услуг. В 13-м пятилетнем плане развития (2022–2026) акцент сделан на внутренних источниках роста в контексте устойчивого развития и «зеленой» экономики.

Одновременно с пятилетними планами правительство Таиланда реализует 20-летнюю национальную стратегию (2017–2036) посредством дорожной карты, состоящей из шести основных стратегий. Политика Таиланда 4.0 направлена на реформирование экономического и социального секторов в направлении устойчивости[736].

Основными инструментами достижения целей долгосрочной стратегии в части стимулирования доходов и социальной поддержки граждан, ведущих к расширению потребительского потенциала страны, являются:

Программа Pracha Rat (Public Benefit Program) – введена в 2017 г. и предполагает поддержку доходов населения через субсидии, снижение налогов на потребительские товары и стимулирование спроса на продукты питания, жилье и транспорт. Реализация программы на краткосрочном горизонте способствовала росту потребления в секторе товаров народного потребления.

---

[735] PWC. Voice of the Consumer Survey 2024: Asia Pacific – Thailand Snapshot [Электронный ресурс] / PWC. 2024. Режим доступа: https://www.pwc.com/th/en/asia-pacific/2024/voice-of-the-consumer-survey-2024/asset/voice-of-the-consumer-survey-2024-asia-pacific-thailand-snapshot-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[736] Government of Thailand. THAILAND4.0 The Next Revolution [Электронный ресурс] / Government of Thailand. Режим доступа: https://www.industry.go.th/web-upload/1xff0d34e409a13ef56eea54c52a291126/m_magazine/12668/373/file_download/b29e16008a87c72b354efebef853a428.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

В 2019 г. правительство Таиланда внедрило программу субсидий для стимулирования потребления среди низших слоев населения. В рамках этой программы было предусмотрено снижение налога на товары первой необходимости и продуктов питания, что помогло увеличить покупательную способность домохозяйств и стимулировать потребление. В 2020 г. в рамках экономического пакета правительственных мер в ответ на пандемию COVID-19 была запущена серия программ для поддержки малого и среднего бизнеса, что также сыграло роль в стимулировании внутреннего потребления. Включение субсидий и налоговых льгот для предприятий позволило не только сохранить рабочие места, но и способствовало росту потребительских расходов, поскольку малые и средние предприятия поддерживали покупательную способность населения.

Важным инструментом одновременного стимулирования и развития финансовых услуг и их доступности для населения, и наращивания потребительских расходов стала одобренная в 2024 г. правительством краткосрочная программа раздачи цифровых кошельков на сумму 500 млрд тайских бат (USD 13,5 млрд). В рамках этой инициативы 50 млн граждан Таиланда (70% от общей численности населения) получают по 10 000 тайских бат (USD 270) на расходы в местных сообществах в течение шести месяцев. Программа нацелена на взрослых, которые зарабатывают не более 70 000 тайских бат (USD 1890) в месяц и имеют на своих банковских счетах менее 500 000 тайских бат (USD 13 500). Полученные средства могут быть использованы для покупки продуктов питания и других потребительских товаров в зарегистрированных магазинах своего района. В то же время эта мера является, главным образом, инструментом краткосрочного реагирования на вялые темпы роста в предшествующие периоды, нацелена на поддержку розничной торговли и вряд ли может считаться устойчивым инструментом долгосрочной политики стимулирования внутреннего спроса.

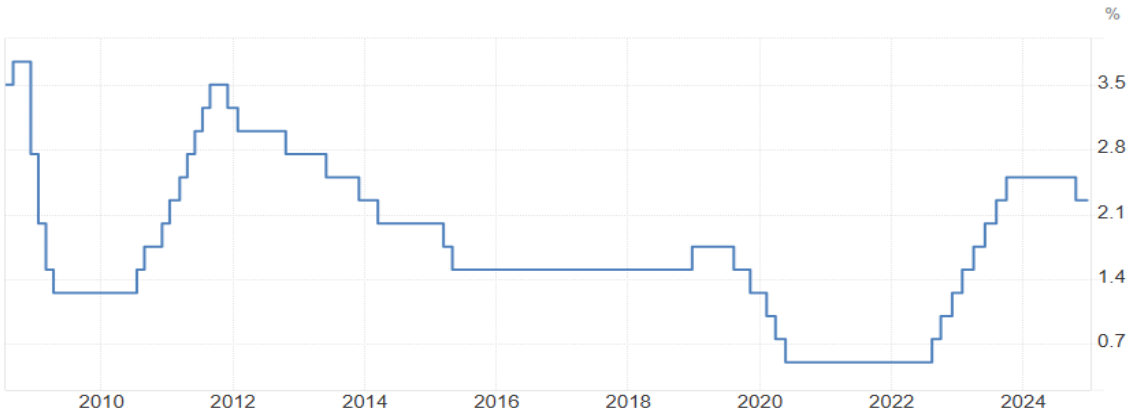

Рисунок 33 – Динамика ключевой ставки в Таиланде

Источник: Bank of Thailand.

Относительно низкие процентные ставки обеспечивали устойчивый рост банковского кредитования частному сектору в период с 2011 по середину 2019 г., стимулируя потребительский спрос домохозяйств. В то же время ускорение инфляции заставило монетарный регулятор по аналогии с другими странами региона поднять процентную ставку несколько раз в 2023 г. до 2,5% к началу 2024 г. В то же время можно ожидать, что стабилизация цен будет трансформироваться в послабление денежно-кредитной политики с целью стимулирования внутреннего спроса, предпринимательской активности и поддержания темпов роста экономики страны.

Сравнительно благоприятная демографическая структура также способствует расширению потребительского спроса: более половины населения страны составляют лица до 30 лет, что формирует повышенный спрос на цифровые решения, интернет-услуги и электронную коммерцию. Стремительно развивается сегмент quick commerce, ежегодный прирост которого в последние годы в среднем составляет 20–30%[737]. Уверенный рост демонстрирует рынок электронной коммерции в целом: до конца 2025 г. его объем может достичь 3,5–4 трлн бат при среднегодовых темпах прироста более 11%[738]. Одновременно постепенно наметилась тенденция на некоторое сокращение размеров домохозяйств, главным образом, за счет роста доли семей с одним родителем. Все более значимую роль в принятии решений о покупках играют женщины, демонстрирующие рост уровня образования, занятости, а соответственно, и доходов. Их

[737] Intellify Global. Thailand Consumer Trends 2025 [Электронный ресурс] / Intellify. 2025. Режим доступа: https://www.intellifyglobal.com/thailand-consumer-trends-2025/ (дата обращения: 1 октября 2025).
[738] Ibidem.

влияние на структуру спроса делает женскую аудиторию стратегически важной для маркетологов и производителей.

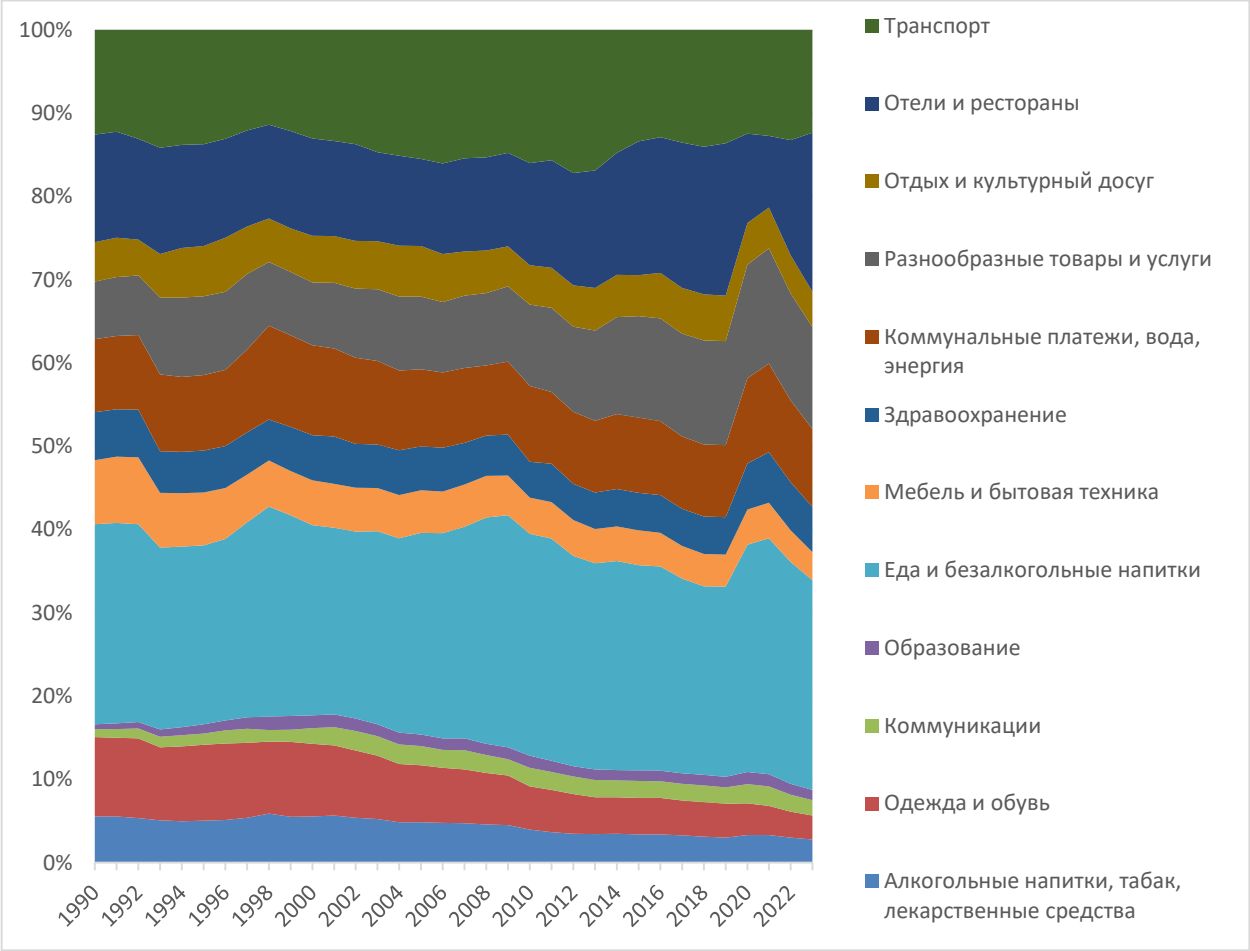

Рисунок 34 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств в Таиланде, 1990–2023 гг., %

Источник: построено автором на основе UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Таблица 30 – Товарная структура потребительских расходов домохозяйств в Таиланде, 1990–2023 гг., %

	1990-1996	1999-2007	2009-2015	2016-2019	2020-2023
Алкогольные напитки, табак, лекарственные средства	5,23	5,16	3,69	3,20	3,09
Одежда и обувь	9,24	7,64	4,89	4,20	3,33
Коммуникации	1,24	2,15	2,08	1,98	2,13
Образование	0,89	1,47	1,32	1,27	1,36
Еда и безалкогольные напитки	22,67	23,62	25,85	23,35	26,88

Мебель и бытовая техника	7,01	5,20	4,32	3,91	3,92
Здравоохранение	5,32	5,32	4,51	4,50	5,70
Коммунальные платежи, вода, энергия	9,00	9,96	8,83	8,73	10,01
Разнообразные товары и услуги	8,39	8,30	10,55	12,41	13,15
Отдых и культурный досуг	5,36	5,69	4,91	5,50	4,68
Отели и рестораны	12,43	11,16	13,53	17,44	13,06
Транспорт	13,23	14,33	15,52	13,51	12,70

Источник: UN Data Individual Consumption Expenditures of Households (https://data.un.org/Data.aspx?q=Individual+consumption+expenditure+of+households&d=SNA&f=group_code%3a302).

Несмотря на общий рост доходов, доля базовых товарных категорий – еда, напитки, лекарственные средства – в структуре потребления домохозяйств на протяжении исследуемого периода в Таиланде оставалась почти неизменной, на уровне 26–28%. Относительный рост был зафиксирован в 2020–2023 гг. на фоне пандемии, что, однако, было обусловлено не ростом расходов на продукты питания в абсолютном выражении, а сокращением расходов на иные категории, главным образом услуги – туристические, ресторанного и гостиничного бизнеса. Спрос на социальные услуги – образования и здравоохранения – напротив, в период пандемии ожидаемо вырос, что трансформировалось в прирост доли соответствующих расходов в структуре потребительской корзины в относительном выражении. Стоит отметить, что вплоть до 2019 г. доля расходов на эти категории умеренно сокращалась, особенно в здравоохранении. Сегодня нацеленность на улучшение состояния здоровья велика, особенно среди возрастной группы 46–55 лет. Важной частью жизни является физическая активность, растет спрос на посещение фитнес-залов, при этом наиболее популярными видами физической активности остаются ходьба, бег и велоспорт[739].

В то же время значительно меньшую долю в структуре частного потребления стали составлять расходы на одежду и обувь, а также мебель и бытовую технику: сокращение в относительном выражении составило за 30 лет с 9,2% и 7% до 3,3% и 3,9%, соответственно. Нисходящая динамика расходов на обустройство квартир определяется в значительной степени тенденциями на рынках жилья и ипотечного кредитования. С одной стороны, высокие процентные ставки снижают возможности приобретения жилья,

[739] Standard Insights. Consumer Report Thailand 2024 [Электронный ресурс] / Standard Insights. 2024. Режим доступа: https://standard-insights.com/wp-content/uploads/2024/05/Consumer-Report-Thailand-2024.pdf?utm_source=brevo&utm_campaign=Consumer%20Report%20Thailand%202024&utm_medium=email (дата обращения: 1 октября 2025).

а накопление долгов (по состоянию на конец 2024 г. общий долг домохозяйств составил почти 90% ВВП страны)[740] и сложности с их обслуживанием еще больше ограничивают возможности семей в приобретении товаров длительного пользования. Сравнительно благоприятной тенденции тридцатилетнего периода можно считать постепенное сокращение доли расходов на оплату коммунальных нужд, воды и энергии. Рост цен на коммунальные услуги в стране оставался сравнительно ниже иных товарных категорий, что позволило расширить возможности для диверсификации потребительской корзины.

По результатам социологических опросов в условиях сохраняющейся социальной неопределенности и роста долгового бремени основные цели домохозяйств при оптимизации собственных бюджетов сводятся к (1) сокращению второстепенных расходов (26,7% респондентов), оплате долгов (17,1%), росту сбережений для приобретения жилья или автомобилей в будущем (16,1%)[741].

Несмотря на стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий и одновременно рост спроса на них, главным образом со стороны молодежи, доля соответствующих расходов в структуре частного потребления оставалась без резкой восходящей динамики. После стремительного роста расходов до Глобального финансового кризиса (в среднем до 2,15% в структуре бюджетов домохозяйств) началось снижение до 1,98% в предпандемийный период. Объяснить данную тенденцию можно несколькими факторами. С одной стороны, в стране сохраняется высокий цифровой разрыв между различными регионами и социальными группами. Семьи с низким доходом, живущие в отдаленных районах, не могут позволить себе покупку современных электронных устройств и стабильный доступ к Интернету. Кроме того, на фоне относительной социальной неопределенности, инфляционных ожиданий и нестабильности рынка труда лишь менее 20% потребителей готовы наращивать расходы на цифровые и коммуникационные услуги, предпочитая отдавать приоритет удовлетворению основных потребностей[742]. Одновременно высокая конкуренция и насыщенность рынка цифровых услуг (опережение предложения над спросом)

[740] Reuters. Thai cabinet approves measures to ease household debt [Электронный ресурс] / Reuters. 2024. Режим доступа: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/thai-cabinet-approves-measures-ease-household-debt-2024-12-11/ (дата обращения: 1 октября 2025).
[741] Consumer Report. Thailand. Standard Insights. 2024.
[742] Bangkok Post. Thai consumer spending shifts: experiences and investments soar [Электронный ресурс] / Bangkok Post. 2024. Режим доступа: https://www.bangkokpost.com/thailand/pr/2893096/thai-consumer-spending-shifts-experiences-and-investments-soar (дата обращения: 1 октября 2025).

предопределяют дефляционные тенденции, которые в итоге ведут к снижению доли соответствующих расходов в структуре потребления.

Рост доли расходов на транспортные средства был особенно заметным к началу 2010-х гг. – до 15,5% против 13,2% в начале 1990-х гг., что было связано с ростом автомобилизации и развитием инфраструктуры, однако потом последовал спад. Нисходящий тренд можно объяснить, главным образом, ростом долговой нагрузки домохозяйств, а также ростом спроса на экологически чистые транспортные средства в ущерб традиционным (заинтересованность в переориентации на «зеленый» транспорт согласно результатам социологических исследований демонстрируют 79% респондентов)[743]. Кроме того, многие тайские потребители при принятии решения о расходовании полученных доходов отдают предпочтение «опыту и инвестициям», а не материальным приобретениям, расширяя расходы на путешествия, развлечения, рестораны. В условиях восстановления после пандемии большинство респондентов (38,5%) планируют 1–2 поездки, предпочитая местные направления, что содействует развитию внутреннего туризма, 15,5% – от 3 до 5 и 12,6% – более 5 поездок в год. При этом подавляющее большинство поездок (41,8%) приходится на внутренний туризм, из числа заграничных поездок наиболее популярными направлениями являются Япония, Республика Корея, материковый Китай, Сингапур и Австралия[744]. Уровень интереса к путешествиям также варьируется по регионам, с акцентом на местные поездки[745]. В результате к 2024 г. продажи автомобилей в Таиланде достигли 14-летнего минимума[746], что одновременно находит отражение и в сокращении доли расходов.

Из этого следует, что общество на сегодняшний день достигло той отметки, когда рост доходов и стремительное развитие финансовой и торговой среды позволяет накапливать доходы и диверсифицировать структуру потребления, однако сохраняющаяся социальная неопределенность и прочие ограничения предопределяют отсроченный характер потребления. Несмотря на рост доходов, покупательная

---

[743] PwC. Voice of the Consumer Survey 2024: Asia Pacific Thailand Snapshot [Электронный ресурс] / PwC. 2024. Режим доступа: https://www.pwc.com/th/en/asia-pacific/2024/voice-of-the-consumer-survey-2024/asset/voice-of-the-consumer-survey-2024-asia-pacific-thailand-snapshot-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[744] Standard Insights. Consumer Report Thailand 2024 [Электронный ресурс] / Standard Insights. 2024. Режим доступа: https://standard-insights.com/wp-content/uploads/2024/05/Consumer-Report-Thailand-2024.pdf?utm_source=brevo&utm_campaign=Consumer%20Report%20Thailand%202024&utm_medium=email (дата обращения: 1 октября 2025).

[745] Ibidem.

[746] Reuters. Thai cabinet approves measures to ease household debt [Электронный ресурс] / Reuters. 2024. Режим доступа: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/thai-cabinet-approves-measures-ease-household-debt-2024-12-11/ (дата обращения: 1 октября 2025).

способность населения в Таиланде все еще остается ниже, чем в иных странах Восточной и Юго-Восточной Азии, что предопределяет более осторожное отношение к крупным покупкам и акцент на соотношение цены и качества.

Значимую роль в принятии решений о покупке играют рекомендации авторитетных лиц, знаменитостей и звезд социальных сетей. Согласно результатам социологических исследований «89% потребителей принимают решения о покупке на основе контента из Facebook, Instagram и TikTok»[747], и 82% получили информацию о новых брендах именно через социальные сети, которые становятся важнейшим каналом продвижения новых товаров несмотря на обеспокоенность граждан вопросами конфиденциальности данных (77%)[748]. Технологические изменения, в т.ч. внедрение технологий искусственного интеллекта, использование автоматизированных сервисов круглосуточного обслуживания и подбора товаров, делают потребление все менее традиционным и все более персонифицированным. 51% тайцев готовы расширять расходы на путешествия, 50% – на улучшение жилищных условий и 46% – на одежду. В ближайшее время они планируют сосредоточиться на необходимых расходах, таких как продукты питания (69% ожидают роста расходов), а также на здоровье и красоте (60%)[749].

Таким образом, в краткосрочной перспективе можно ожидать сохранения стабильной доли базовых товаров в структуре потребительской корзины, однако их номенклатура будет постепенно диверсифицироваться, а доля относительно более качественных товаров и продуктов (в т.ч. в рационе питания) – увеличиваться. Основными желаемыми приобретениями на ближайшем горизонте для тайских семей являются покупка автомобилей (18,1%), обновление электроники (17,8%) и приобретение недвижимости (11,8%)[750].

Ожидается, что в ближайшие годы будут также расти расходы на здравоохранение и образование, а с развитием технологий и ростом числа пользователей Интернета увеличится доля расходов на электронную коммерцию и услуги. Развитие цифровых технологий существенно ускоряет онлайн-потребление. 75% населения страны имеют постоянный доступ к Интернету, проводя в нем более 9 часов в день; прирост рынка

---

[747] Intellify Global. Thailand Consumer Trends 2025 [Электронный ресурс] / Intellify. 2025. Режим доступа: https://www.intellifyglobal.com/thailand-consumer-trends-2025/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[748] PwC. Voice of the Consumer Survey 2024: Asia Pacific Thailand Snapshot [Электронный ресурс] / PwC. 2024. Режим доступа: https://www.pwc.com/th/en/asia-pacific/2024/voice-of-the-consumer-survey-2024/asset/voice-of-the-consumer-survey-2024-asia-pacific-thailand-snapshot-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[749] Ibidem.

[750] Consumer Report. Thailand. Standard Insights. 2024.

электронной коммерции в среднегодовом выражении составляет более 9%, мобильной коммерции – около 12%[751].

Развитие цифровых технологий усилило онлайн-потребление. В стране насчитывается более 48,6 млн интернет-пользователей, 75% населения имеют постоянный доступ к Сети, проводя в ней в среднем 9 часов в день. Рынок электронной коммерции в Таиланде растет на 9,2% ежегодно, а мобильная коммерция – на 12%, достигая USD 25 млрд. Даже уличные торговцы предлагают безналичную оплату. Популярность мгновенных услуг, особенно доставки, резко возросла после пандемии.

На динамику и особенности потребительского поведения значимое влияние оказывают и культурно-цивилизационные факторы. На фоне роста доходов религиозные особенности – приверженность буддизму как основной религии страны – все-таки выступают сдерживающим фактором (по сравнению с иными экономиками региона) в наращивании потребления дорогих люксовых товаров[752]. При этом тайское население демонстрирует высокую лояльность к любимым брендам, подкрепляя ее готовностью увеличивать расходы на продукцию привычных марок. В отличие от многих соседних региональных государств, где главным факторам в принятии решения о покупке остается ее стоимость, тайские потребители готовы платить больше за продукцию привычных брендов, подтвердивших свою репутацию. Таким образом, брендовый капитал становится одним из главных активов производителей. Кроме того, в последние годы растет интерес к социально ориентированным продуктам и продукции, произведенной сельскими жителями, отражающим особенности национальной идентичности и передающим культурный контекст. В целом, потребители готовы платить больше за качественную продукцию местных уникальных брендов.

В последние годы более ярко стал проявляться тренд на расширение устойчивого потребления и экологичного образа жизни, во многом росту спроса на более экологичную и функциональную продукцию способствовала пандемия COVID-19[753]. 58% потребителей в стране предпочитают экологически чистые товары, а 65% готовы платить

---

[751]Spotlight on Thailand. Understanding the Consumer Perspective on Data Privacy in Southeast Asia [Электронный ресурс] / Spotlight on Thailand. 2024. Режим доступа: https://iabseaindia.com/wp-content/uploads/2024/08/IABSEAIndiaConsumerPrivacyResearchReportThailand.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[752] McAleer M., Mao N. Theravada Buddhism and Thai Luxury Fashion Consumption / M. McAleer, N. Mao // Journal of Reviews on Global Economics. 2017. Vol. 6. P. 58–67. DOI: 10.6000/1929-7092.2017.06.05.

[753] KPMG International. Consumers and the New Reality: Preparing for Changing Customer Needs, Behaviors and Expectations [Электронный ресурс] / KPMG International. 2020. Режим доступа: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/06/consumers-and-the-new-reality.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

за них больше – в среднем до 11,7%. Около 91% тайцев считают экологические вопросы приоритетными, 79% проявляют интерес к приобретению экологичных транспортных средств, таких как электромобили[754]. Молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет чаще считают устойчивое потребление с акцентом на «зеленые продукты» крайне важным.

3.3.10. Качественные характеристики паттерна потребления во Вьетнаме

Вьетнам имеет высокий потенциал выступить в качестве одного из центральных локомотивов потребления в Азии. В 2000 г. менее 10% процентов населения Вьетнама представляли собой потребительский класс с расходом не менее USD 11 в день по паритету покупательной способности (ППС), к 2021 г. этот показатель вырос до 40%. За 10 лет с 2012 по 2022 г. уровень потребительских расходов на душу населения во Вьетнаме вырос почти на 60% в постоянных ценах[755] и почти на 80% в текущих ценах[756]. К 2030 г. численность среднего класса может приблизиться к 75%[757].

Расширение потребительского класса обусловлена не только приростом численности населения, но в первую очередь ростом доходов. Два высших уровня потребительского класса (те, кто тратит USD 30 или более в день) растут наиболее высокими темпами и могут составить 20% населения Вьетнама к 2030 году.

Важным фактором роста доходов является урбанизация. Доля городского населения увеличится с 37% в 2020 г. до 44% к 2030 году. Основным источником дополнительного прироста городского потребления станут относительно малые города, такие как Кантхо, Дананг и Хайфон, где ожидается рост среднего класса.

Потребительские тенденции определяются и демографической ситуацией. Вьетнам остается в целом молодой страной, со средним возрастом 32 года (по состоянию на 2020 г.). Но при этом вследствие повышения уровня и качества жизни, а также быстрого роста

---

[754] Intellify Global. Thailand Consumer Trends 2025 [Электронный ресурс] / Intellify. 2025. Режим доступа: https://www.intellifyglobal.com/thailand-consumer-trends-2025/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[755] Statista. Household Consumption Expenditure per Capita in Vietnam from 1994 to 2023 [Электронный ресурс] / Statista. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/233163/consumer-spending-in-vietnam-per-capita/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[756] Statista. Average Monthly Household Expenditure per Capita among Urban and Rural Areas in Vietnam from 2012 to 2022 [Электронный ресурс] / Statista. Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1401299/vietnam-average-monthly-expenditure-per-capita-among-urban-and-rural-areas/ (дата обращения: 1 октября 2025).

[757] Delteil B., Francois M., Mai D., Seong J. The New Faces of the Vietnamese Consumer [Электронный ресурс] / B. Delteil, M. Francois, D. Mai, J. Seong. McKinsey, 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/the-new-faces-of-the-vietnamese-consumer (дата обращения: 1 октября 2025).

инвестиций в здравоохранение увеличивается число людей в возрасте 60 лет и старше: по прогнозам к 2030 г. пожилые люди могут составить более 17% населения страны[758].

В результате демографических процессов и урбанизации во Вьетнаме, как и по Азии в целом, происходит сокращение размера домохозяйств. Размер среднего вьетнамского домохозяйства сократился примерно на 20% за последние 20 лет, с 4,5 человек на домохозяйство в 1999 г. до 3,5 человек на домохозяйство в 2019 году[759].

Стратегия социально-экономического развития Вьетнама на 2011–2020 годы, которая являлась ключевым документом стратегического планирования страны в посткризисные годы, по-прежнему в большей степени была нацелена на извлечение максимальных выгод из экспортоориентированной модели экономического роста, ускоренное стимулирование экспорта и расширение внешних рынков. При этом стратегия уделяла важное внимание росту доходов населения, развитию финансового сектора для улучшения доступа населения к кредитам и инвестициям, а также развитию социальной инфраструктуры и улучшению условий для бизнеса, что косвенно призвано расширить потребительский потенциал страны и сбалансировать источники экономического роста.

Действующий пятилетний План социально-экономического развития[760], а также принятый в 2013 г. План экономической перестройки (Master plan on economic restructuring) на период 2013–2020 гг.[761] в части укрепления потребительского потенциала делает два важных акцента: во-первых, подчеркивается значение диверсификации рынков (как внутренних за счет развития ресурса внутреннего частного и государственного потребления, так и внешних, связанных с диверсификацией внешнеэкономических партнеров); во-вторых, в качестве приоритета выделяется «импортозамещение» частного потребления – переориентация вьетнамского потребителя на товары, сделанные во Вьетнаме. При этом развитие частного потребления рассматривается как один из драйверов сбалансированного роста наряду со стимулированием экспорта, сбережений и инвестиций. В то же время в качестве

---

[758] Delteil B., Francois M., Mai D., Seong J. The New Faces of the Vietnamese Consumer [Электронный ресурс] / B. Delteil, M. Francois, D. Mai, J. Seong. McKinsey, 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/the-new-faces-of-the-vietnamese-consumer (дата обращения: 1 октября 2025).

[759] General Statistics Office (Vietnam). Preliminary Results: The 2019 Population and Housing Census / General Statistics Office. 2019. Режим доступа: https://gso.gov.vn (дата обращения: 1 октября 2025).

[760] Vietnam Government. Socio-Economic Development Plan for 2021-2025 [Электронный ресурс] / Vietnam Government. Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2021-2025-12056314 (дата обращения: 1 октября 2025).

[761] Vietnam Government. Master Plan on Economic Restructuring (2011-2020) [Электронный ресурс] / Vietnam Government. Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/period-20112020/master-plan-on-economic-restructuring-10052090 (дата обращения: 1 октября 2025).

самостоятельного документа был принят Национальный план действий в области устойчивого потребления и производства на период 2021–2030 годов[762].

На фоне пандемии COVID-19 правительство Вьетнама внедрило несколько комплексов стимулирующих мер, направленных на поддержку частного потребления. Первый экономический пакет содержал меры на сумму около 62,3 трлн вьетнамских донгов (около 2,7% ВВП), включая субсидии для малого и среднего бизнеса, помощь домохозяйствам через налоговые льготы и программы социальной защиты. Пакет 2022–2023 гг., оцениваемый в 350 трлн вьетнамских донгов (около USD 15,4 млрд), был сосредоточен на развитии здравоохранения, социального обеспечения, занятости и предприятий, пострадавших от COVID-19. Поддерживающие меры включали сокращение налога на добавленную стоимость на 2 п. п. в 2022 г. (с уровня в 10%), снижение процентных ставок по кредитам на 0,5–1 п. п. в 2022 и 2023 гг. (посредством субсидирования процентных ставок по кредитам для предприятий на сумму около USD 44 млрд или ~10% от общего объема непогашенных кредитов Вьетнама)[763] и увеличение инвестиций в инфраструктуру, что были призвано поддержать экономический рост и стимулировать частное потребление не только в краткосрочной, но и в средне- и долгосрочной перспективах. Дополнительно было выделено USD 500 млн прямой поддержки арендной платы и процентных платежей для работников с низким доходом, особенно тех, кто работает в промышленных парках, и в иных приоритетных секторах экономики. Еще около USD 1,8 млрд было выделено Вьетнамскому банку социальной политики (VBSP) в качестве базы кредитной поддержки через инструменты микрофинансирования наиболее бедным слоям населения в сельских районах.

На конец 2024–2025 гг. был также запланирован комплекс мер по стимулированию потребления посредством налоговой и социальной политики, в т.ч. снижение ставки подоходного налога с физических лиц и снижение НДС на более длительный период.

Вьетнам был одной из наиболее последовательных стран в реализации смягчения денежно-кредитной политики за последние 12 лет. После скачка базовой процентной ставки до 15% к началу 2012 г. денежно-кредитный регулятор устойчиво шел по пути ее

---

[762] Switch Asia. National Action Plan on Sustainable Consumption and Production in Vietnam [Электронный ресурс] / Switch Asia. Режим доступа: https://www.switch-asia.eu/site/assets/files/2533/national_action_plan_on_scp_vietnam_pdf_pdf.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[763] VinaCapital Insights. Fiscal Stimulus Package to Support GDP Growth in 2022 [Электронный ресурс] / VinaCapital. 2022. Режим доступа: https://www.vinacapital.com/wp-content/uploads/2022/08/VinaCapital-Insights-Fiscal-Stimulus-Package-to-Support-GDP-Growth-in-2022.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

снижения (за исключением незначительного краткосрочного повышения в 2023 г.), достигнув уровня в 4,5% к концу 2024 г., чему во многом способствовала умеренная инфляция (около 4% в среднегодовом исчислении). Это стало одним из факторов роста частного потребления в последние годы и относительно быстрого восстановления спроса в условиях пандемии.

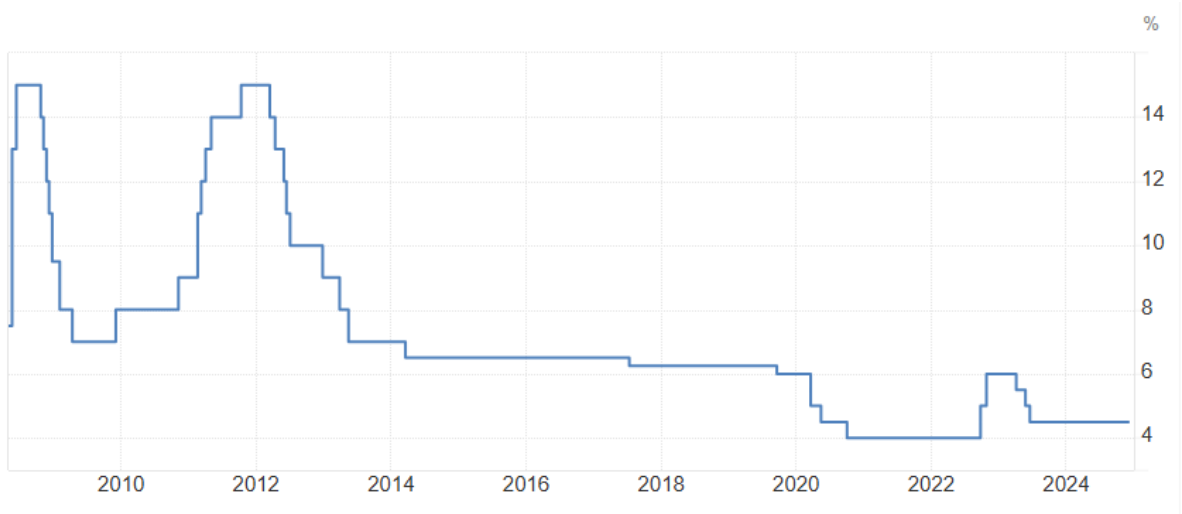

Рисунок 35 – Динамика ключевой ставки во Вьетнаме

Источник: Государственный Банк Вьетнама.

Еще одним определяющим трендом является ускоренная цифровизация как общества в целом и систем управления, так и потребительского поведения, в т.ч. каналов приобретения товаров и услуг. В силу сложившихся демографических особенностей так называемые цифровые аборигены, родившиеся в период с 1980 по 2012 г., включая представителей поколения Z и миллениалов, будут составлять около 40% потребления Вьетнама к 2030 году. Быстрая цифровизация способствует развитию электронной коммерции, меняет каналы коммуникации, приводит к активизации региональных игроков, таких как Shopee и Lazada, и местных, подобных Tiki.

Эксперты выделяют несколько ключевых сдвигов в предпочтениях и поведении потребителей, обусловленных демографическими изменениями и проникновением цифровых технологий[764]:

- влияние цифровизации на каналы распределения (многоканальный шопинг);

[764] Delteil B., Francois M., Mai D., Seong J. The New Faces of the Vietnamese Consumer [Электронный ресурс] / B. Delteil, M. Francois, D. Mai, J. Seong. December 7, 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/the-new-faces-of-the-vietnamese-consumer (дата обращения: 1 октября 2025).

- более широкое использование экосистем, ориентированных на потребителя;
- растущее предпочтение отечественных брендов;
- больший интерес к продуктам «сознательного образа жизни», их качества и «ценности»;
- уменьшение географической дифференциации.

Цифровая трансформация потребительской среды определяется двумя трендами. Во-первых, происходит стремительное развитие электронной коммерции: до конца 2025 г. по оценкам Euromonitor International электронная коммерция во Вьетнаме может достичь масштабов, сопоставимых с объемами офлайн продуктовой розничной торговли по итогам 2020 года[765]. Во-вторых, традиционная торговля также быстро «оцифровывается», когда традиционные офлайн-магазины, в т.ч. рынка продуктов питания и товаров повседневного спроса (например, Telio и Vinshop), предлагают торговым точкам цифровые заказы и цифровые платежи.

Увеличение емкости платформ электронной коммерции сопряжено с разработкой удобных веб-сайтов и мобильных приложений для упрощения онлайн-покупок, расширением использования каналов социальных сетей в качестве платформ для обеспечения прямых продаж. По оценкам PWC, 64% вьетнамских потребителей планируют чаще совершать покупки онлайн[766].

Расширяется спрос на товары более высокого качества, luxury-категории, формируются модели социально ответственного потребления товаров, произведенных с соблюдением экологических стандартов. Спрос на «полноценное питание и теплую одежду» трансформировался в спрос на «вкусную еду и красивую одежду»[767]. Данная тенденция сопровождается переходом к премиальным брендам, потреблению доступных вариантов класса люкс (премиальных продуктов по конкурентоспособным ценам). Вьетнамские потребители начинают уделять больше внимания качеству, гигиене и безопасности приобретаемых ими продуктов[768]. Ожидается, что потребительский доход

---

[765] По оценкам Euromonitor International.

[766] PWC. Vietnam Global Consumer Insight Survey 2023 [Электронный ресурс] / PWC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/pwc-vietnam-global-consumer-insight-survey.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[767] Nguyen Thi Minh Ngoc, Kopytova A. Changing Vietnamese Consumer Culture Today: Issues for the Sustainable Development of Vietnamese Enterprises / N.T.M. Ngoc, A. Kopytova // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 164. Article 11002. DOI: 10.1051/e3sconf/202016411002.

[768] UOB Group. VN Focus Q2 2018 [Электронный ресурс] / UOB Group. 2018. Режим доступа: https://www.uobgroup.com/assets/pdfs/research/VN-Focus_2q18.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

Вьетнама к 2040 г. увеличится более чем вдвое, чему будет способствовать устойчивый экономический рост. Покупательная способность будет в основном сосредоточена в руках молодых поколений. Ожидается, что поколения Y и Z будут формировать тенденции расходов на предметы роскоши.

Одними из ключевых в Стратегии социально-экономического развития Вьетнама на период 2011–2020 гг.[769] являлись аспекты потребления, связанные с охраной окружающей среды, что можно рассматривать как аспект устойчивого потребления. Это нашло отражение и в характере потребительского поведения. По оценкам экспертов, 46% потребителей во Вьетнаме отдают предпочтение продуктам или услугам на основе их экологических характеристик[770], расширяется потребление продукции «зеленых брендов». Около 70% жителей Вьетнама уделяют значимое внимание ингредиентам потребляемых ими продуктов и напитков[771]. По оценкам PWC, 96% вьетнамских респондентов готовы доплачивать за продукцию компаний, имеющих репутацию «этичных практик» (занимающихся благотворительностью, реализующих социальные программы и проч.)[772]. Потребительские решения определяются сочетанием четырех ключевых факторов: (1) удобство, (2) безопасность для здоровья, (3) доверие к бренду, (4) ценовая привлекательность. Причем в последние годы наметился тренд к снижению значимости последнего фактора: чувствительность к цене все еще проявляется в принятии текущих потребительских решений, но уже не обусловливает намерения потребителей при будущих покупках[773]. Более того, несмотря на сравнительно более низкий уровень доходов, вьетнамские потребители легче расстаются с деньгами, в меньшей степени обеспокоены личным финансовым положением и склонны

[769] World Bank. Vietnam Socio-Economic Development Strategy 2011-2020 [Электронный resource] / World Bank. 2011. Режим доступа: https://pubdocs.worldbank.org/en/347151477448693952/pdf/Vietnam-SEDS-2011-2020.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
[770] Kadence. The Evolution of the Vietnamese Consumer in 2024 [Электронный resource] / Kadence. 2024. Режим доступа: https://www.kadence.com/the-evolution-of-the-vietnamese-consumer-in-2024/ (дата обращения: 1 октября 2025).
[771] Vuong N.T.T., Thuy N.T.T., Van N.N., Lan H. Research on Vietnamese Consumer Behaviour Towards Organic Products at Mini Supermarkets [Электронный ресурс] / N.T.T. Vuong, N.T.T. Thuy, N.N. Van, H. Lan. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/368487021_Research_on_Vietnamese_Consumer_Behaviour_Towards_Organic_Products_at_Mini_Supermarkets (дата обращения: 1 октября 2025).
[772] PWC. Vietnam Global Consumer Insight Survey 2023 [Электронный ресурс] / PWC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/pwc-vietnam-global-consumer-insight-survey.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
[773] Vuong N.T.T., Thuy N.T.T., Van N.N., Lan H. Research on Vietnamese Consumer Behaviour Towards Organic Products at Mini Supermarkets [Электронный ресурс] / N.T.T. Vuong, N.T.T. Thuy, N.N. Van, H. Lan. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/368487021_Research_on_Vietnamese_Consumer_Behaviour_Towards_Organic_Products_at_Mini_Supermarkets (дата обращения: 1 октября 2025).

ограничивать свои необязательные расходы по сравнению с Юго-Восточной Азией и миром[774].

Лояльность по отношению к иностранным брендам снижается: большее предпочтение отдается отечественным брендам (рост доходов азиатских брендов почти вдвое выше по сравнению с доходами глобальных неазиатских брендов)[775]. При выборе продуктов питания вьетнамские потребители склонны выбирать местные продукты вместо импортных того же типа, потому что вьетнамские продукты в большей степени отвечают национальным вкусам и доступнее с точки зрения финансового положения большинства вьетнамцев. Продуктом с наиболее высокой долей импортного потребления являются фрукты (27,5%); молоко и кондитерские изделия – на второй позиции (22,4% и 22,5%, соответственно). Некоторые импортные товары низкого качества (обычно китайского производства) не пользуются популярностью у потребителей. Вьетнамские потребители в настоящее время придают большое значение качеству и происхождению продукции.

Вьетнам все еще находится на ранней стадии экономического роста, поэтому структура потребления его населения значительно отличается от других развивающихся или развитых стран. При этом анализ структуры потребления и ее трансформации в значительной степени затрудняется отсутствием или низкой сопоставимостью данных из разных источников на разных временных отрезках. Тем не менее некоторые общие закономерности выявить все-таки удается.

По состоянию на 2019 г. 53% расходов домохозяйств во Вьетнаме шло на основные продукты питания и напитки, что значительно больше, нежели в других странах Азии (около 40% на Филиппинах, 31% в Индии, 28% в Таиланде, 22% в Малайзии, около 14% в Республике Корея). Вторую и третью позиции занимают транспортные расходы и расходы на потребление энергии (8–10%), далее следуют расходы на жилье (7–8%), образование (около 5–6%), одежду и обувь (около 5%), здравоохранение и информационные и телекоммуникационные услуги.

---

[774] PWC. Vietnam Global Consumer Insight Survey 2023 [Электронный ресурс] / PWC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/pwc-vietnam-global-consumer-insight-survey.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[775] Delteil B., Francois M., Mai D., Seong J. The New Faces of the Vietnamese Consumer [Электронный ресурс] / B. Delteil, M. Francois, D. Mai, J. Seong. McKinsey, 2021. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/the-new-faces-of-the-vietnamese-consumer (дата обращения: 1 октября 2025).

Таблица 31 – Структура потребительских расходов домохозяйств, 2019 и 2025* гг.

	Доля категории в % от общих расходов, 2019	Расходы, USD, 2025*	Доля категории в % от общих расходов, 2025*
Еда и напитки (все категории)	52,00		
Еда и безалкогольные напитки		983,54	38,24
Жилье, коммунальные платежи, вода, энергия	13,50	339,08	13,18
Отели и рестораны		288,69	11,22
Транспорт	7,00	182,18	7,08
Коммуникации	2,80	118,25	4,60
Мебель и бытовая техника		102,66	3,99
Одежда и обувь	5,00	94,98	3,69
Здравоохранение	3,20	113,15	4,40
прочие категории	11,30	349,47	13,59
Образование	5,20		
Итого	**100**	**2572**	**100**

Источник: Premia Partners (2019) и Statista (2025).
Примечание: * Прогнозные данные Statista (2025).

При этом по мере роста доходов населения стремительно снижается доля расходов на напитки и еду, растут расходы на образование, здравоохранение и финансовые услуги, а также диверсифицируется структура товарной потребительской корзины в направлении сокращения доли продуктов питания и роста расходов на одежду, обувь, жилье и транспортные средства. Расходы на транспорт будут расти быстрее всего, но продукты питания и безалкогольные напитки останутся самой существенной статьей. В целом, ситуация с благосостоянием должна улучшиться, но останется зависимой от глобальных экономических факторов.

В то же время в случае ухудшения экономической конъюнктуры к числу наименее устойчивых категорий, расходы на которые вьетнамские потребители будут сокращать в первую очередь, относятся продукты luxury-сегмента, путешествия и потребительская электроника, расходы на более дорогую одежду и аксессуары, улучшение бытовых условий и широкой палитры категорий отдыха[776].

В структуре продуктов питания преобладают (в абсолютном количественном выражении потребленных продуктов) хлеб и зерновые продукты (34% по состоянию на

[776] PWC. Vietnam Global Consumer Insight Survey 2023 [Электронный ресурс] / PWC. 2023. Режим доступа: https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/pwc-vietnam-global-consumer-insight-survey.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

2023 г.), овощи (25%), яйца и молочные продукты (10%), фрукты и орехи (10%), по 5% – мясо и полуфабрикаты (см. Рисунок 36).

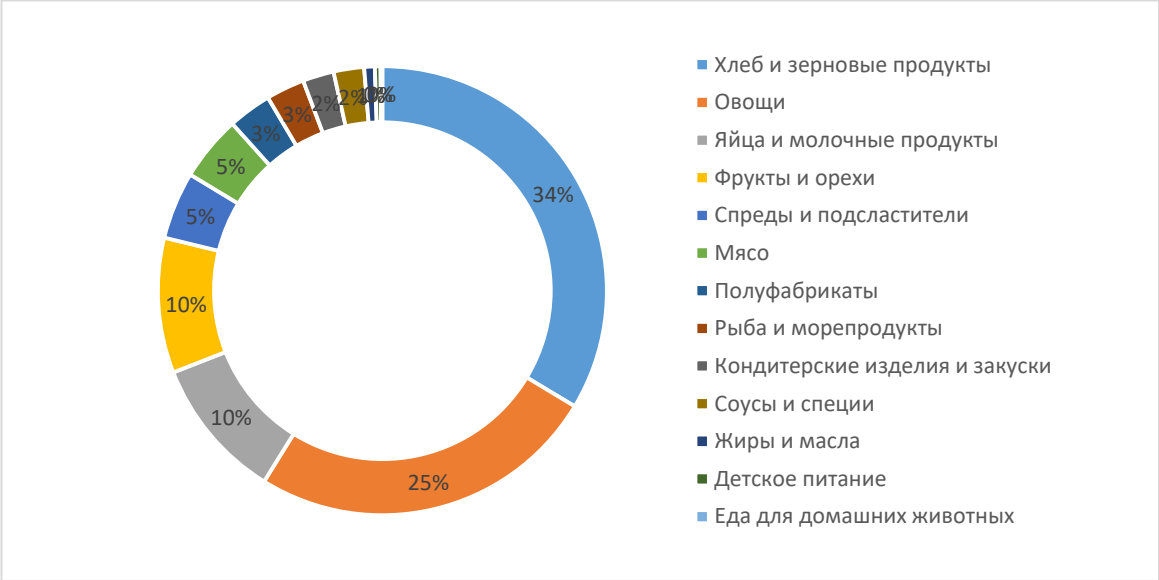

Рисунок 36 – Отраслевая структура потребление домохозяйств во Вьетнаме, 2023 г. Источник: Statista, 2023.

Потребление молочных продуктов на душу населения во Вьетнаме составило 19 кг в 2018 г., что ниже, чем в Малайзии (26,7 кг), Таиланде (31,7 кг) и Республике Корея (40,1 кг), в которых потребление свежего молока было аналогичным показателям других стран, тогда как потребление готового к употреблению йогурта было намного ниже. В то же время, по оценкам экспертов, рынок молочных продуктов во Вьетнаме – один из самых быстрорастущих рынков в мире, поскольку правительство инициирует программу по потребления молока в школах по всей стране и кампании по укреплению здоровья костей[777]. Расширяется номенклатура товаров, ориентированных на подростков и взрослых, (сегмент, который в настоящее время недостаточно обслуживается): ароматизированные протеиновые напитки, пробиотические напитки и проч. Одновременно в стране рекордными темпами растет выручка компаний, реализующих полуфабрикаты и закуски, включая выпечку, кондитерские изделия и мороженое – также весьма перспективные рынки[778].

[777] Premia Partners. Consumption Story of Vietnam [Электронный ресурс] / Premia Partners. August 26, 2019. Режим доступа: https://www.premia-partners.com/kr/insight/consumption-story-of-vietnam (дата обращения: 1 октября 2025).
[778] Premia Partners. Consumption Story of Vietnam [Электронный ресурс] / Premia Partners. August 26, 2019. Режим доступа: https://www.premia-partners.com/kr/insight/consumption-story-of-vietnam (дата обращения: 1 октября 2025).

ГЛАВА 4. КОЛИЧЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СТРАНАХ АЗИИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

4.1. Сравнительный анализ детерминант частного потребления: глобальный и азиатский контексты

Одной из ключевых характеристик паттернов частного потребления домохозяйств являются межстрановые различия в степени влияния детерминант, подтвержденных теориями потребительского поведения, на динамику частного потребления домохозяйств. Первым исследованием по сопоставлению эластичности расходов для разных стран – развитых и развивающихся стала работа Х. Хаутаккера, который доказал различия в эластичности спроса не только в разных категориях товаров, но и между странами, что свидетельствует об экономических социальных и культурных различиях, определяющих потребительское поведение[779]. Эластичность потребления по доходу выше в странах с низким и высоким доходом по сравнению со странами со средним доходом[780]. Низкий уровень дохода определяет его почти полное расходование на потребление, в то время как высокий уровень дохода увеличивает потребление за счет большей доступности ресурсов для покрытия крупных инвестиций. Предельная склонность к потреблению в значительной степени определяется и показателями социального неравенства: в странах с высоким уровнем неравенства она в 2 раза выше, нежели в странах с низким уровнем неравенства[781]. Также домохозяйства в странах с низким уровнем доходов более чувствительны как к изменению дохода, так и к уровню цен на продукты питания, нежели сраны с более высоким уровнем доходов[782].

UOB Group. VN Focus Q2 2018 [Электронный ресурс] / UOB Group. 2018. Режим доступа: https://www.uobgroup.com/assets/pdfs/research/VN-Focus_2q18.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[779]Houthakker H.S. An International Comparison of Household Expenditure Patterns, Commemorating the Centenary of Engle's Law / H.S. Houthakker // Econometrica. 1957. Vol. 25. P. 532–551.

[780] Diacona P.-E., Maha L.-G. The Relationship between Income, Consumption and GDP: A Time Series, Cross-Country Analysis / P.-E. Diacona, L.-G. Maha // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 23. P. 1535–1543. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00374-3.

[781]Rhee D.E., Kim H. Does Income Inequality Increase Marginal Propensity to Consume? / D.E. Rhee, H. Kim // Applied Economics Letters. 2017. Vol. 25, № 17. P. 1218–1221. DOI: 10.1080/13504851.2017.1412067.

[782]Muhammad A., Seale J.L. Jr., Meade B., Regmi A. International Evidence on Food Consumption Patterns: An Update Using 2005 International Comparison Program Data / A. Muhammad, J.L. Seale Jr., B. Meade, A. Regmi. U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service. TB-1929, 2011.

Таким образом, для выявления паттернов потребления в исследуемых государствах Азии необходимо провести двухуровневый количественный анализ. На первом уровне будут тестироваться региональные отличия в эластичности частного потребления домохозяйств 10 исследуемых стран по ключевым детерминантам от эластичности частного потребления в глобальном масштабе на основе более обширной выборки стран. На втором уровне будет предпринята попытка оценить индивидуальные страновые особенности потребительского поведения.

На первом этапе будет тестироваться единая модель детерминант частного потребления домохозяйств для двух выборок стран: совокупности государств, представляющих разные регионы и группы из 10 стран Азии, выступающих объектом настоящего исследования. Выбор индикаторов модели определялся на основе ключевых теорий частного потребления, подробно описанных в Главе 1.

Основываясь на ключевых теориях частного потребления, был сформирован перечень его ключевых детерминант (см. Таблицу 32).

Таблица 32 – Факторы регрессионной модели с источниками статистических данных

	Обозначение в модели	Источник данных	Наиболее значимые и цитируемые поддерживающие теории / эмпирические исследования	Ожидаемое влияние
Расходы на конечное потребление домохозяйств на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD) Зависимая переменная	HFCE	Households and NPISHs Final consumption expenditure per capita (constant 2015 USD) World Development Indicators (WDI) World Bank		
ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD)	GDP	GDP per capita (constant 2015 USD) World Development Indicators	Теория абсолютного дохода Дж. Кейнса (1936)[783]	Положительное

[783] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

	Обозначение в модели	Источник данных	Наиболее значимые и цитируемые поддерживающие теории / эмпирические исследования	Ожидаемое влияние
		(WDI) World Bank		
ВВП на душу населения, в среднегодовом выражении за 5 предшествующих лет (в постоянных ценах 2015 г., USD)	GDP5	GDP per capita, 5-year average (constant 2015 USD) Рассчитано на основе World Development Indicators (WDI) World Bank	Теория постоянного дохода М. Фридмана (1957)[784]; Исследование Дж. Кэмпбэла и М. Мэнкью (1991)[785]	Положительное
Городское население (% от общей численности населения)	Urban	Urban population (% of total population) World Development Indicators (WDI) World Bank	Эмпирические исследования С. Розенталя и У. Штранге (2004)[786]	Положительное
Население в возрасте 15–64 лет (% от общей численности населения)	Pop15_64	Population ages 15–64 (% of total population) World Development Indicators (WDI) World Bank	Теория жизненного цикла Ф. Модильяни (1966)[787]; Ф. Модильяни и А. Андо (1957)[788]	Положительное
Население, женщины (% от общей численности населения)	Female	Population, female (% of total population) World Development Indicators	Эмпирические исследования А. Мориссон и А. Мориссон (2007)[789]; Д. Мэлган и Х. Своминатан (2021)[790]	Нейтральное

[784] Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton University Press, 1957.
[785] Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income. A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. № 35. P. 723–767.
[786] Rosenthal S.S., Strange W.C. Evidence on the Nature and Sources of Agglomeration Economies / S.S. Rosenthal, W.C. Strange // Handbook of Regional and Urban Economics. Vol. 4. Elsevier, 2004.
[787] Modigliani F. The Life Cycle Hypothesis of Saving, the Demand for Wealth and the Supply of Capital / F. Modigliani // Social Research. 1966. Vol. 33, № 2. P. 160–217.
[788] Modigliani F., Ando A. Tests of The Life Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions / F. Modigliani, A. Ando // Oxford Bulletin of Economics & Statistics. 1957. Vol. 19, № 2. P. 99–124. DOI: 10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x.
[789] Morrison A., Morrison A.R. Gender Equality, Poverty and Economic Growth / A. Morrison, A.R. Morrison // World Bank Policy Research Working Paper. 2007. № 4349.
[790] Malghan D., Swaminathan H. Global Trends in Intra-Household Gender Inequality / D. Malghan, H. Swaminathan // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. № 189. P. 515–546.

	Обозначение в модели	Источник данных	Наиболее значимые и цитируемые поддерживающие теории / эмпирические исследования	Ожидаемое влияние
		(WDI) World Bank		
Инфляция, потребительские цены (%)	Inflation	Inflation, consumer prices (annual %) World Development Indicators (WDI) World Bank	Эмпирические исследования Х. Лиланда (1968)[791]; М. Депке и М. Шнайдера (2006)[792], Э. Энгена и Дж. Грубера (2001)[793]	Обратное
Услуги, добавленная стоимость (% от ВВП)	Services	Services, value added (% of GDP) World Development Indicators (WDI) World Bank	Эмпирические исследования Дж. Франсуа и Б. Хекмана (2010)[794]	Положительное
Торговля (% от ВВП)	Trade	Trade (% of GDP) World Development Indicators (WDI) World Bank	Эмпирические исследования Дж. Франсуа и Б. Хекмана (2010)[795]; Л. Занга и Б. Ту (2017)[796]; Г. Порто (2006)[797]	Нейтральное
Индекс финансового развития	FDI	Financial Development Index International Monetary Fund	Эмпирические исследования Б. Бернанке и М. Гертлера (1995)[798]; П. Бачетта и С. Герлах (1997)[799]	Положительное

Источник: составлено автором.

[791] Leland H.E. Saving and Uncertainty: The Precautionary Demand for Saving / H.E. Leland // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82, № 3. P. 465–473.
[792] Doepke M., Schneider M. Inflation and the Redistribution of Nominal Wealth / M. Doepke, M. Schneider // Journal of Political Economy. 2006. Vol. 114, № 6. P. 1069–1097.
[793] Engen E.M., Gruber J. Unemployment Insurance and Precautionary Saving / E.M. Engen, J. Gruber // Journal of Monetary Economics. 2001. Vol. 47, № 3. P. 545–579.
[794] Francois J., Hoekman B. Services Trade and Policy / J. Francois, B. Hoekman // Journal of Economic Literature. 2010. Vol. 48, № 3. P. 642–692.
[795] Ibidem.
[796] Zhang L., Tu B. Differential Impact of Internet Finance on Urban and Rural Consumption in China - From the Functional Perspective of Consumer Finance / L. Zhang, B. Tu // Finance and Trade Research. 2017. № 8. P. 70–83.
[797] Porto G. Using Survey Data to Assess the Distributional Effects of Trade Policy / G. Porto // Journal of International Economics. 2006. Vol. 70, № 1. P. 140–160.
[798] Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission / B.S. Bernanke, M. Gertler // Journal of Economic Perspectives. 1995. № 9. P. 27–48.
[799] Bacchetta P., Gerlach S. Consumption and Credit Constraints: International Evidence / P. Bacchetta, S. Gerlach // Journal of Monetary Economics. 1997. Vol. 40, № 2. P. 207–238.

Для целей исследования был собран массив панельных данных для группы 143 стран за период с 1990 по 2023 гг. – совокупно 4862 наблюдения (см. список в Приложении 1). На этапе работы с данными массив был очищен от экстремальных значений; пропуски, составившие в совокупности около 4% общей выборки, были заполнены методами линейной интерполяции, в отдельных случаях – методом ближайших соседей (KNN)[800].

Для оценки надежности модели и выявления мультиколлинеарности были рассчитаны парные коэффициенты корреляции и vif (см. Таблицу 33).

Таблица 33.

Тестирование мультиколлинеарности

	Корреляционная матрица									VIF (Variance Inflation Factor)	
	(1) GDP (2) GDP5 (3) Urban (4) Pop15_64 (5) Female (6) Inflation (7) Services (8) Trade (9) FDI										
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)		
GDP	1,00									6,73	
GDP5	0,99	0,99									6,57
Urban	0,79	0,79	1,00							3,08	3,10
Pop15_64	0,74	0,73	0,69	1,00						2,61	2,59
Female	-0,15	-0,16	-0,12	-0,15	1,00					1,17	1,18
Inflation	-0,05	-0,04	-0,02	-0,03	0,04	1,00				1,10	1,10
Services	0,61	0,61	0,53	0,48	0,16	-0,09	1,00			1,75	1,75
Trade	0,35	0,35	0,29	0,38	-0,04	-0,02	0,30	1		1,25	1,25
FDI	0,81	0,81	0,64	0,62	-0,02	-0,06	0,62	0,26	1	3,87	3,82

Источник: рассчитано автором.

Ввиду высокой корреляции между факторами текущего и постоянного дохода было принято решение тестировать две разные спецификации со стандартным набором прочих влияющих переменных. Для приведения модели к линейной форме расходы на конечное потребление домохозяйств и показатели текущего и постоянного дохода логарифмируются. Одновременно для поиска наилучшей спецификации были проведены

[800] Alwateer M., Atlam E.-S., Abd El-Raouf M.M., et al. Missing Data Imputation: A Comprehensive Review / M. Alwateer, E.-S. Atlam, M.M. Abd El-Raouf, et al. // Journal of Computer and Communications. 2024. Vol. 12. P. 53–75. DOI: 10.4236/jcc.2024.1211004.
Enders C.K. Applied Missing Data Analysis / C.K. Enders. Guilford Publications, 2022.

расчеты четырех параметров – коэффициента детерминации (R2), скорректированного коэффициента детерминации (AdjR2), критерия Акаике, критерия Шварца (см. Таблицу 34).

Таблица 34 – Статистические критерии выявления наилучшей спецификации регрессионной модели

	Спецификация регрессионной модели	**R2**	**AdjR2**	**AIC**	**BIC**
	Текущий доход				
1	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + u_{it}$	0,9311	0,9311	3940,474	3966,431
2	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + u_{it}$	0,9329	0,9329	3812,946	3845,392
3	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + u_{it}$	0,9332	0,9331	3797,839	3836,774
4	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + u_{it}$	0,9394	0,9393	3326,456	3371,881
5	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + \beta_7 * LnTrade_{it} + u_{it}$	0,9408	0,9407	3215,507	3267,421
6	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP_{it-1} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + \beta_7 * LnTrade_{it} + \beta_8 * Ln(1 + FDI_{it}) + u_{it}$	0,9415	0,9414	3157,88	3216,283
	Постоянный доход				

	Спецификация регрессионной модели	R2	AdjR2	AIC	BIC
7	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + u_{it}$	0,9252	0,9251	4344,883	4370,84
8	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + u_{it}$	0,9275	0,9274	4192,094	4224,54
9	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + u_{it}$	0,9283	0,9282	4143,282	4182,217
10	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + u_{it}$	0,9345	0,9344	3704,462	3749,887
11	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + \beta_7 * LnTrade_{it} + u_{it}$	0,9355	0,9354	3633,123	3685,037
12	$LnHFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LnGDP5_{it} + \beta_2 * LnUrban_{it} + \beta_3 * LnPop15_64_{it} + \beta_4 * LnFemale_{it} + \beta_5 * Ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 * LnServices_{it} + \beta_7 * LnTrade_{it} + \beta_8 * Ln(1 + FDI_{it}) + u_{it}$	0,9368	0,9367	3529,919	3588,322

Источник: расчеты автора.

На основе полученных результатов наилучшими могут считаться следующие спецификации регрессионной модели:

$$\ln HFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 \ln GDP_{it-1} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} + \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} + \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + u_{it} \quad (1)$$

$$\ln HFCE_{it} = \beta_0 + \beta_1 \ln GDP5_{it} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} + \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} + \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + u_{it}\ , \quad (2)$$

где где i и t – порядковые номера страны и года, соответственно; β_0 – константа модели (обозначенная в таблицах расчетов как *cons*); $\beta_{1–8}$ – коэффициенты при соответствующих детерминантах, приведенных в табл. 1; u_{it} – величина ошибки модели регрессии.

Как в случае текущего, так и в случае постоянного дохода коэффициенты детерминации для данных спецификаций оказались наибольшими, а критерии Акаике и Шварца – наименьшими.

На следующем этапе мы подвергли панельный набор данных тестированию с использованием трех методов – простых наименьших квадратов (OLS), модели с фиксированными эффектами и модели со случайными эффектами. Тест Вальда показал, что результаты OLS были смещены, что потребовало выбора модели, которая включает индивидуальные эффекты. Чтобы выбрать между моделями с фиксированными и случайными эффектами, мы использовали тест спецификации Хаусмана и тест Бройша – Пагана для случайных эффектов. Выявленная проблема эндогенности, обусловленная обратной причинностью, риск которой возникает в отношении показателя инфляции (поскольку не только рост уровня цен предопределяет потребительское поведение домохозяйств, но и расширение потребительского спроса провоцирует инфляционные тенденции), была решена посредством лагирования инфляционной переменной.

Результаты этих тестов показали, что в обоих случаях (и для текущего, и для постоянного дохода) модель с фиксированными эффектами оказалась оптимальной. Одновременно для диагностики гетероскедастичности был использован статистический тест Уайта, подтвердивший ее наличие. Для корректировки стандартных ошибок была применена функция robust.

Таким образом, на этапе предварительного тестирования регрессионных моделей были устранены все возможные статистические проблемы, что позволяет говорить о высокой надежности последующих результатов моделирования. Данные спецификации регрессионных моделей были протестированы для двух выборок стран – для указанной группы 143 стран за период с 1990 по 2023 гг. и для группы 10 стран Азии за аналогичный период. Результаты проведенных расчетов представлены в Таблице 35.

Таблица 35 – Детерминанты частных расходов домохозяйств на глобальном и региональном уровнях

	Текущий доход 143 стран	**Текущий доход 10 стран Азии**	**Постоянный доход 143 стран**	**Постоянный доход 10 стран**
	Number of obs = 4,719	*Number of obs = 330*	*Number of obs = 4,719*	*Number of obs = 330*
	Number of groups = 33	*Number of groups = 33*	*Number of groups = 33*	*Number of groups = 33*
	F (8,32)=50599,01 Prob> F=0		*F (8,32)=37052,14 Prob> F=0*	
R-sq: Obs per group:	*within=0.9489*	*within=0.9888*	*within=0.9466*	*within=0.9888*
	between=0.9804	*between=0.9954*	*between=0.9782*	*between=0.9947*
	overall=0.9494	*overall=0.9893*	*overall=0.9473*	*overall=0.9892*
LnGDP(-1)/ LnGDP5	0,79139*** (0,01479)	0,659822*** (0,019064)	0,774181***(0,015713)	0,685671*** (0,018165)
LnPop_Urban	0,080463** (0,033682)	0,559581*** (0,02873)	0,0831**(0,036952)	0,492938*** (0,027538)
LnPop15_64	0,209556*** (0,054691)	-0,10319 (0,105888)	0,36124***(0,045819)	0,012949 (0,093242)
LnFemale	0,498245*** (0,079468)	4,06008*** (0,304756)	0,604555***(0,091463)	3,575258*** (0,303996)
Ln(1+Inflation(-1))	-0,08885*** (0,02528)	0,554257*** (0,149592)	-0,15281***(0,026375)	0,454025** (0,184613)
LnServices	0,407885*** (0,03003)	0,699735*** (0,048902)	0,387534***(0,025985)	0,623928*** (0,046175)
LnTrade	-0,08978*** (0,0044)	-0,01465* (0,008443)	-0,07914***(0,00493)	-0,01942**(0,007982)
Ln(1+FDI)	0,325003*** (0,063999)	0,172378** (0,085993)	0,409566***(0,070377)	0,084912 (0,089281)
_cons	-3,15209*** (0,370323)	-18,0605*** (1,564384)	-4,01476***(0,371642)	-16,207*** (1,564668)
Wald	Chi2(8)=88489,7 Prob>chi2=0	Chi2(8)=29736,2 Prob>chi2=0	Chi2(8)=84777,56 Prob>chi2=0	Chi2(8)=31036,85 Prob>chi2=0
Hausman	Chi2(8)=65,89 Prob>chi2=0	Chi2(8)=4,16 Prob>chi2=0,8422	Chi2(8)=57,38 Prob>chi2=0	Chi2(8)=6,08 Prob>chi2=0,6378
Breusch and Pagan Lagrangian Multiplier Test	Chibar2(01)=0 Prob>chibar2=1	Chibar2(01)=0 Prob>chibar2=1	Chibar2(01)=0 Prob>chibar2=1	Chibar2(01)=0 Prob>chibar2=1

Источник: расчеты автора. Примечание: *, **, *** – уровень значимости 10%, 5% и 1%, соответственно.

Проведенные эконометрические расчеты позволяют говорить о высокой прогностической способности регрессионной модели: модель с параметром текущего дохода объясняет 94,9% наблюдений для группы 143 стран и 98,9% для государств Азии, в то время как модель с постоянным доходом объясняет 94,7% и 98,9% значений, соответственно. Коэффициенты при большинстве ключевых факторов регрессионной модели подтвердили свою значимость и направление влияния, соответствующее положениям теорий потребительского поведения домохозяйств.

При этом проведенные расчеты позволили выявить ряд специфических особенностей реакции частного потребления домохозяйств стран Азии на ключевые экономические параметры по сравнению с общемировыми трендами.

Во-первых, население 10 исследуемых азиатских стран значительно в меньшей степени реагирует на изменение уровня доходов по сравнению с общемировым трендом. Если по миру в целом 1%-й рост текущего дохода обеспечивает прирост частного потребления в подушевом выражении на 0,8%, то для группы 10 азиатских стран он составит лишь 0,66%. По уровню постоянного дохода – 0,69% для Азии против 0,77% для всей совокупности стран. Примечательно, что азиатское потребление в относительно большей степени реагирует на рост постоянного дохода по сравнению с текущим, т.е. готовность наращивать уровень текущего потребления в большей степени обеспечивается стабильностью получаемого дохода на пятилетнем горизонте. Азиатские потребители действуют более осторожно и склонны в большей степени планировать потребление с учетом долгосрочных ожиданий дохода, а не его единовременного увеличения. Соответственно, при условии роста экономической стабильности расширение потребительского спроса будет происходить интенсивнее, одновременно сравнительно более низкая эластичность по уровню текущего дохода может сдерживать всплеск потребления при краткосрочном росте доходов.

Во-вторых, процессы урбанизации являются значимым стимулирующим фактором расширения потребления в странах Азии: на фоне общей значимости коэффициенты для группы стран Азии оказались в 5–6 раз выше, чем для общей выборки. Концентрация в городах субъектов рыночной деятельности облегчает их взаимодействие друг с другом, приносит выгоды и им самим, и местному сообществу в целом, обусловливая сдвиги в

отраслевой структуре экономики[801]. Рост доли азиатского населения, проживающего в городах, на 1% влечет за собой расширение частного потребления домохозяйств на 0,56% и 0,49% в моделях текущего и постоянного дохода, соответственно, т.е. потенциал урбанизационных процессов в стимулировании спроса азиатских домохозяйств существенно выше и может в средне- и даже долгосрочной перспективах выступать одним из ключевых драйверов достижения модели, движимой внутренним потреблением. В азиатском регионе урбанизация предполагает не просто увеличение доли городских жителей, а глубокий структурный сдвиг, связанный с переходом от аграрной экономики к промышленной и сервисной. Одновременно более стремительный рост городов, сопряженный с ускоренной цифровизацией городской инфраструктуры, обеспечивает расширение качества и доступность диверсифицированной номенклатуры товаров и услуг, формируя новые потребительские привычки. С учетом текущего уровня урбанизации и темпов прироста доли населения, проживающего в городах, в наибольшей степени их стимулирующее влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств в кратко- и среднесрочной перспективах будет проявляться в Китае, Малайзии, Индонезии, Таиланде, в более отсроченной перспективе – в Индии и Вьетнаме.

В-третьих, противоположное влияние на динамику частного потребления оказывает рост цен. В то время как для всей совокупности 143 стран инфляционный фактор оказался значимым, но влияние отрицательное, для массива данных 10 азиатских государств было подтверждено прямое значимое влияние инфляции на уровень потребления домохозяйств (как в модели текущего, так и постоянного дохода). Рост цен стимулирует текущее потребление, а инфляционные ожидания сдерживают отложенное потребление. Особенно ярко в обозримой перспективе это может проявиться на Филиппинах. Рост цен формирует у азиатских потребителей дополнительные инфляционные ожидания, подталкивая их совершать покупки «до дальнейшего повышения цен». В условиях относительно более низкой финансовой защищенности в отдельных развивающихся государствах азиатской выборки и ограниченности доступа к страхованию и кредитным ресурсам инфляция воспринимается как угроза реальным доходам, стимулируя текущие расходы. При этом в условиях роста текущего дохода эта

[801] Мозиас П.М. Урбанизация в Китае: прошлое и настоящее (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 121–155. С. 124.

тенденция проявляется сильнее: при росте цен домохозяйства в большей степени готовы краткосрочный скачок доходов направить на дополнительное потребление.

В-четвертых, обратное влияние внешнеторговой открытости было подтверждено во всех спецификациях регрессионной модели. Для азиатских стран обратная зависимость объясняется в первую очередь высокой экспортоориентированностью крупнейших экономик выборки (Китая, Малайзии, Республики Корея и др.)[802], поскольку экспортная ориентация на определенном этапе может стимулировать экономический рост, однако увеличивает нормы сбережений, тем самым сдерживая расширение частного потребления[803]. Экономики с инерционной экспортоориентированностью нацелены в большей степени на аккумулирование капитала с целью поддержания конкурентоспособности на внешних рынках.

В-пятых, важную стимулирующую потребление функцию выполняет развитие сферы услуг. Во всех спецификациях этот фактор оказался значимым и подтвердил прямое влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств, однако в Азии эластичность потребления по уровню развития сферы услуг оказалась почти вдвое выше: 0,7% против 0,41% в модели текущего дохода и 0,62% против 0,39% в модели постоянного дохода, соответственно, при росте доли сферы услуг на 1%. С учетом динамики развития сферы услуг и ее доли в ВВП страны наиболее интенсивно этот фактор в среднесрочной перспективе может стимулировать рост потребительского спроса в Китае, Малайзии, Республика Корея, а в средне- и долгосрочной перспективе – на Филиппинах и в Таиланде.

В-шестых, важной отличительной особенностью потребительского поведения данной выборки из 10 азиатских государств стала значимость индекса финансового развития только в модели текущего дохода. Для всей совокупности стран финансовый фактор является третьим по значимости в стимулировании частного потребления домохозяйств, способствуя его расширению на 0,32% и 0,41% в моделях текущего и постоянного дохода, соответственно, при увеличении индекса финансового развития на 1%. Тем не менее этот результат не должен вводить в заблуждение относительно важности развития финансового рынка с точки зрения стимулирования потребительских расходов. Особенность исследуемой выборки состоит в том, что она включает себя

---

[802] Athukorala P.-C., Suanin W. Economic Growth and Savings Transition in Asia: Unity in Diversity / P.-C. Athukorala, W. Suanin // Working Papers in Trade and Development. 2025. № 2025/03. P. 1–41.
[803] Ibidem.

региональные экономики, существенно различающиеся по уровню финансового развития. Данную совокупность фактически можно разделить на три группы: (1) Япония, Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд для которых диапазон Индекса финансового развития составляет от 0,704 до 0,888; (2) Китай и Индия – 0,634 и 0,534; группа наименее развитых в финансовом отношении стран – Индонезия (0,364), Филиппины (0,379) и Вьетнам (0.382)[804], где финансовый сектор еще не достиг того уровня зрелости, который был бы способен оказать симулирующее воздействие на частное потребление. Последние три государства имеют относительно низкий уровень развития финансовых рынков и инфраструктуры по сравнению с иными, относительно более развитыми странами (особенно в сельской местности и среди низко- и среднеобеспеченных домохозяйств). Именно этим дисбалансом объясняется незначимость Индекса финансового развития в обоих азиатских спецификациях регрессионной модели.

Для выявления реального влияния уровня развития финансовых рынков на динамику частного потребления на ключевых азиатских рынках, выборка была поэтапно очищена от значений трех наименее развитых в финансовом отношении стран Азии (см. Таблицу 36).

Таблица 36 – Детерминанты частных расходов домохозяйств в модели текущего дохода для семи стран Азии (без Индонезии, Филиппин и Вьетнама)

	Модель текущего дохода	*Модель постоянного дохода*
	Number of obs = 231	*Number of obs = 231*
	Number of groups = 33	*Number of groups = 33*
	within=0,9924	*within=0.9931*
	between=0,9898	*between=0,9882*
R-sq: Obs per group:	*overall=0,9861*	*overall=0,9866*
LnGDP1/ LnGDP1	0,563013*** (0,028628)	0,594105*** (0,02755)
LnPop_Urban	0,440848*** (0,073252)	0,39753*** (0,07382)
LnPop15_64	0,385403*** (0,119702)	0,470917*** (0,106241)
LnFemale	-0,35663 (0,569368)	-0,54969 (0,540104)
Ln(1+Inflation1)	0,911274* (0,536054)	1,007598* (0,526601)
LnServices	1,170928*** (0,091516)	1,042475*** (0,099021)
LnTrade	-0,07449*** (0,012318)	-0,07782*** (0,010891)
Ln(1+FDI)	2,278968*** (0,180255)	2,138756*** (0,174699)
_cons	-4,20076* (2,262344)	-3,28092 (2,206956)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** уровень значимости 10%, 5% и 1%.

[804] Данные МВФ World Economic Outlook Statitstic Database, April 2025.

По мере исключения менее развитых стран из массива панельных данных значимость финансового фактора, равно как и значение коэффициента, стремительно возрастали. В результате для групп из семи стран на фоне сохраняющейся значимости его значение достигло рекордного значения 2,35, подтвердив крайне высокую эластичность потребительских расходов азиатских домохозяйств по уровню развития национальных финансовых систем.

Интересное влияние на характер частного потребления оказывает гендерный состав населения. Во всех обществах женщины выступают драйвером потребительского спроса, однако в Азии этот фактор проявляется значительно сильнее. При том, что коэффициенты во всех четырех моделях подтвердили прямое значимое влияние, их значение для выборки из десяти стран Азии в обоих случаях (и в модели текущего, и в модели постоянного дохода) оказались в 6–10 раз выше. Особенно ярко эта тенденция проявляется в группе относительно менее развитых стран выборки – Индонезии, Вьетнаме и на Филиппинах – поскольку коэффициенты в выборках с включением соответствующих стран существенно выше, нежели в последнем случае, рассчитанном исключительно для семи более развитых государств региона, где этот фактор оказался незначимым.

4.2. Влияние цивилизационных факторов на уровень и динамику потребления в странах Азии

Развивающиеся государства Азии по-прежнему сохраняют позиции драйвера стагнирующего глобального роста, однако открытым остается вопрос об их дальнейшем потенциале оставаться локомотивом глобального развития. В условиях «кризиса падения эффективности капитала, связанного с невозможностью расширения рынков»[805] и, соответственно, снижением предельной эффективности экспортоориентированной модели роста (присущей большинству стран региона), потенциал их дальнейшего роста напрямую определяется способностью к диверсификации источников экономического роста и их балансирования за счет расширения частного потребления и его вклада как в общий ВВП, так и в темпы его прироста.

[805]Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики / М. Хазин. М. : Рипол-Классик, 2022.

Азиатский феномен высокой склонности населения к сбережениям на протяжении последних десятилетий является предметом исследования как экономистов, так и социологов. Наиболее ярко интерес к данному предметному полю проявился в начале 2000-х гг. в свете дискуссий о формировании глобальных дисбалансов[806] – диспропорций балансов текущих операций: чрезмерного потребления в США, в ряде других развитых стран, сопровождающегося превышением импортных закупок и выплаченных дивидендов над привлеченными средствами, при одновременном формировании «положительного» полюса в лице Китая и других развивающихся стран Азии в результате превышения сбережений над инвестированием, сопровождающегося относительно низкой долговой нагрузкой на экономику и превращающей эту группу стран в источник международных займов[807].

Отчасти этот феномен объясняется длительной стратегией экспортоориентированного роста таких государств, как Китай, Республика Корея, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Вьетнам, поскольку экспортная ориентация способствует росту нормы сбережений[808] в результате смещения распределения доходов в пользу экспортоориентированных предприятий, чья склонность к сбережению может быть выше[809]. Отчасти причины высокой нормы валовых сбережений кроются в слабой социальной политике – в частности, в странах с наиболее низким уровнем расходов на социальную защиту и охвата социальных программ. Низким доступом к базовым услугам и высоким уровнем неформальной занятости отличаются Индия, Индонезия; на

---

[806]Roubini N., Setser B. The US as a Net Debtor: The Sustainability of the US External Imbalances / N. Roubini, B. Setser. New York University, 2004.
Bergsten F., Williamson J. Dollar Adjustment: How Far? Against What? / F. Bergsten, J. Williamson. Washington, D.C. : Institute for International Economics, 2004. 124 p.
Eichengreen B. Global Imbalances: The New Economy, the Dark Matter, the Savvy Investor, and the Standard Analysis / B. Eichengreen // Journal of Policy Modeling. 2006. Vol. 28. Issue 6. P. 645–652. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2006.06.001.
Adams C., Park D. Causes and Consequences of Global Imbalances: Perspective from Developing Asia / C. Adams, D. Park. ADB Economics Working Paper Series, № 157. 2009. 45 p.
Lane P.R., Milesi-Ferretti G.M. Examining Global Imbalances [Электронный ресурс] / P.R. Lane, G.M. Milesi-Ferretti // Finance and Development. 2006. Vol. 43, № 1. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2006/03/lane.htm (дата обращения: 1 октября 2025).
[807]Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. М. : Ин-т Европы РАН ; Рус. сувенир, 2013. 128 с.
IMF. Global Imbalances [Электронный ресурс] / IMF Staff Note. 2019. Режим доступа: https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2019/060519b.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
Холопов А. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов / А. Холопов // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 9. С. 19–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-19-28.
[808]Athukorala P.-C., Suanin W. Economic Growth and Savings Transition in Asia: Unity in Diversity / P.-C. Athukorala, W. Suanin // Working Papers in Trade and Development. 2025. № 2025/03.
[809] Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour / W.A. Lewis // Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. Vol. 22, № 2. P. 139–191.

Филиппинах – сбережения домашних хозяйств относительно высоки, несмотря на низкие доходы. Аналогично высокий уровень личных сбережений многие годы сохранялся в Китае, несмотря на одновременную слабую социальную защиту населения (особенно пожидых людей). В то же время даже в условиях высокой социальной защиты и развитых пенсионных систем в таких странах. как Сингапур, Республика Корея или Япония, культура сбережений была не менее сильна. Это можно объяснить с позиции теории культурных измерений, действием неэкономических, социокультурных особенностей азиатских обществ, их менталитетом, мировоззренческими установками, которые при прочих равных экономических условиях сдерживают рост частного потребления.

Родоначальником теории культурных измерений является Г. Хофстеде, который типизировал культурные ценности в пяти измерениях, а именно: стремление к избеганию неопределенности, краткосрочная и долгосрочная ориентация, дистанция власти, женственность/мужественность, индивидуализм/коллективизм[810]. Разнообразие обществ с точки зрения приверженности тем или иным ценностным категориям определяет в числе прочего и особенности частного потребления. Предшествующие исследования взаимосвязей культуры и потребления[811] в значительной степени определили культурные ценности как важные факторы, определяющие потребительское поведение людей.

Культура формирует общие цели потребителей[812], реакцию на изменение уровня цен[813], способна оказывать влияние на выбор и восприятие потребителями типов специализированных продуктов[814], определяя тем самым различия в отношении, вкусах и

---

[810]Hofstede G. Hierarchical Power Distance in Forty Countries / G. Hofstede // In: Lammers C., Hickson D. (Eds.) Organizations Alike and Unlike. London : Routledge, 1979. P. 115–138.
Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2, № 1. Article 8. DOI: 10.9707/2307-0919.1014.

[811] Schouten J.W., McAlexander J.H. Subcultures of Consumption: An Ethnography of the New Bikers / J.W. Schouten, J.H. McAlexander // Journal of Consumer Research. 1995. Vol. 22. P. 43–61.
Shaw D.S., Clarke I. Culture, Consumption and Choice: Towards a Conceptual Relationship / D.S. Shaw, I. Clarke // Journal of Consumer Studies and Home Economics. 1998. Vol. 22, № 3. P. 163–168.
Thompson C.J., Tambyah S.K. Rethinking Theories of “Consumer Culture” through Postmodern Analyses of Consumption and the Production of Hybrid Cultural Forms / C.J. Thompson, S.K. Tambyah // In: Alba J.W., Hutchinson J.W. (Eds.) Advances in Consumer Research. Vol. 25. Provo, UT : Association for Consumer Research, 1998. P. 58–59.

[812]Yang H., Stamatogiannakis A., Chattopadhyay A. Pursuing Attainment versus Maintenance Goals: The Interplay of Self-Construal and Goal Type on Consumer Motivation / H. Yang, A. Stamatogiannakis, A. Chattopadhyay // Journal of Consumer Research. 2015. Vol. 42, № 1. P. 93–108.

[813]Bolton L.E., Keh H.T., Alba J.W. How Do Price Fairness Perceptions Differ Across Culture? / L.E. Bolton, H.T. Keh, J.W. Alba // Journal of Marketing Research. 2010. Vol. 47, № 3. P. 564–576.
Lalwani A.K., Shavitt S. You Get What You Pay For? Self-Construal Influences Price-Quality Judgments / A.K. Lalwani, S. Shavitt // Journal of Consumer Research. 2013. Vol. 40, № 2. P. 255–267.

[814]Rajagopal. Consumer Culture and Purchase Intentions toward Fashion Apparel in Mexico / Rajagopal // Journal of Database Marketing and Customer Strategy Management. 2011. Vol. 18, № 4. P. 286–307. DOI: 10.1057/dbm.2011.33.

намерениях потребителей[815]. Важнейшими аспектами культуры, предопределяющими потребительское поведение, являются религиозность и религия, определяющие поведение потребителей в соответствии с ценностями и законами конкретной религии[816]. Доказана значимая связь между религиозностью и решением потребителя о покупке[817].

Высокорелигиозные потребители с меньшей вероятностью будут искать новые и незнакомые товары, чем менее религиозные потребители[818]. Они больше беспокоятся о цене и качестве продуктов и менее склонны принимать импульсивные решения о покупке[819]. При этом тип религии тоже определяет интенсивность и культуру потребления. Например, конфуцианские ценности во многом определяют поведенческие модели китайцев[820] – бережливость[821] и избегание неопределенности, сочетающиеся с ориентированностью на долгосрочную перспективу получения выгод в будущем[822], что объясняет отложенное потребление.

В этих условиях в рамках выявления специфических паттернов потребления 10 исследуемых стран региона важно попытаться количественно оценить влияние неколичественных страновых параметров – ценностных, поведенческих, социокультурных особенностей, определяющих потребительское поведение, – на динамику частного потребления домохозяйств, ранжировать страны с учетом возможности реализации имеющегося потребительского потенциала в средне- и долгосрочной перспективах. Важно также, что культура не является константой, а

[815]Zhong Q., Liang S., Cui L., Chan H.K., Qiu Y. Using Online Reviews to Explore Consumer Purchasing Behaviour in Different Cultural Settings / Q. Zhong, S. Liang, L. Cui, H.K. Chan, Y. Qiu // Kybernetes. 2019. Vol. 48, № 6. P. 1242–1263. DOI: 10.1108/K-03-2018-0117.

[816]Mathras D., Cohen A.B., Mandel N., Mick D.G. The Effects of Religion on Consumer Behavior: A Conceptual Framework and Research Agenda / D. Mathras, A.B. Cohen, N. Mandel, D.G. Mick // Journal of Consumer Psychology. 2015. P. 1–14.

[817] Al-Hyari K., Alnsour M., Al-Weshah G., Haffar M. Religious Beliefs and Consumer Behaviour: From Loyalty to Boycotts / K. Al-Hyari, M. Alnsour, G. Al-Weshah, M. Haffar // Journal of Islamic Marketing. 2012. Vol. 3, № 2. P. 155–174.

[818] Choi Y., Paulraj A., Shin J. Religion or Religiosity: Which Is the Culprit for Consumer Switching Behavior? / Y. Choi, A. Paulraj, J. Shin // Journal of International Consumer Marketing. 2013. Vol. 25. P. 262–280.

[819]Mokhlis S., Sparks L. Consumer Religiosity and Shopping Behaviour in Malaysia / S. Mokhlis, L. Sparks // Malaysian Management Journal. 2007. Vol. 11, № 1&2. P. 87–101.

[820]Karabelnikov I., Zlobin E., Krasnov G. How Do Confucian Values Affect Chinese Consumers? [Электронный ресурс] / I. Karabelnikov, E. Zlobin, G. Krasnov // Journal of Society and the State. 2021. № 2(9). Режим доступа: https://sgpjournal.mgimo.ru/2021/2021-9/how-confucian-values-affect-chinese-consumers (дата обращения: 1 октября 2025).

[821]Lin L., Xi D., Lueptow R.M. Public Face and Private Thrift in Chinese Consumer Behaviour / L. Lin, D. Xi, R.M. Lueptow // International Journal of Consumer Studies. 2013. Vol. 37, № 5. P. 538–545.

[822]Zhang S.S., van Doorn J., Leeflang P.S.H. Does the Importance of Value, Brand and Relationship Equity for Customer Loyalty Differ Between Eastern and Western Cultures? / S.S. Zhang, J. van Doorn, P.S.H. Leeflang // International Business Review. 2014. Vol. 23, № 1. P. 284–292.

способна меняться с течением времени[823]. В этой связи важно попытаться не только оценить страновые различия в степени влияния внеэкономических факторов на интенсивность частного потребления домохозяйства, но также отследить эволюцию, динамику изменения этих особенностей с 1990 по 2023 год.

Сформулированная цель выдвигает на первый план непростой вопрос о выборе оптимального методологического подхода, позволяющего количественно оценить влияние неколичественных страновых параметров на интенсивность частного потребления. В качестве наилучшего варианта был выбран регрессионный анализ на основе прежней спецификации, представленной в параграфе 4.1, с введением в состав модели серии бинарных переменных для каждой из 10 азиатских государств.

Таким образом, тестировались следующие спецификации регрессионной модели[824]:

$$\begin{aligned}\ln HFCE_{it} = {} & \beta_0 + \beta_1 \ln GDP_{it-1} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} \\ & + \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} \\ & + \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + \sum_{k=1}^{10} \gamma_k Country_{it} + u_{it}\end{aligned} \quad (1)$$

$$\begin{aligned}\ln HFCE_{it} = {} & \beta_0 + \beta_1 \ln GDP5_{it} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} + \\ & \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} + \\ & \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + \sum_{k=1}^{10} \gamma_k Country_{it} + u_{it}\ ,\end{aligned} \quad (2)$$

где i и t – порядковые номера страны и года, соответственно; β_0 – константа модели; $\beta_{1–8}$ – коэффициенты при соответствующих детерминантах;

---

[823]de Mooij M., Beniflah J. Measuring Cross-Cultural Differences of Ethnic Groups Within Nations: Convergence or Divergence of Cultural Values? The Case of the United States / M. de Mooij, J. Beniflah // Journal of International Consumer Marketing. 2016. Vol. 29, № 1. P. 2–10. DOI: 10.1080/08961530.2016.1227758.
de Mooij M., Hofstede G. Convergence and Divergence in Consumer Behavior: Implications for International Retailing / M. de Mooij, G. Hofstede // Journal of Retailing. 2002. Vol. 78. P. 61–69. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mariekedemooij.com/articles/demooij_2002_journal_retailing.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

[824] Для поиска наилучшей спецификации предварительно были протестированы несколько спецификаций с разным набором контрольных переменных. Результаты расчетов коэффициента детерминации (R2), скорректированного коэффициента детерминации (AdjR2), критерия Акаике, критерия Шварца подтвердили выбор данных спецификаций. Как в случае текущего, так и в случае постоянного дохода коэффициенты детерминации для данных спецификаций оказались наибольшими, а критерии Акаике и Шварца – наименьшими.

γ_k – коэффициенты при бинарных страновых переменных; u_{it} – величина ошибки модели регрессии.

При этом соответствующие спецификации были протестированы для нескольких временных диапазонов: 1990–1996; 1999–2007; 2010–2019; 2010–2023, а также для всего периода 1990–2023 годов.

Проведенные эконометрические расчеты позволяют говорить о высокой прогностической способности регрессионной модели: модель с параметром текущего дохода объясняет 94,3% наблюдений (см. столбец 5 Таблицы 37), в то время как модель с постоянным доходом объясняет 94% значений (см. столбец 5 Таблицы 38).

Таблица 37 – Динамика изменения коэффициентов модели с текущим доходом (спецификация 1) во времени

	1991-1996	**1999-2007**	**2010-2019**	**2010-2023**	**1991-2023**
	(1)	**(2)**	**(3)**	**(4)**	**(5)**
	Number of obs = 858	*Number of obs* = 1.287	*Number of obs* = 1.430	*Number of obs* = 2.002	*Number of obs* = 4.719
	Number of groups = 6	*Number of groups* = 9	*Number of groups* = 10	*Number of groups* = 14	*Number of groups* = 33
	Prob > F = 0	Prob > *F*=0	*Prob* > F = 0	*Prob > F*=0	*F(18,32)=285317,9* *Prob > F* = 0
R-sq[3]*:*	*within* = 0,8966	*within* = 0,9593	*within* = 0,9801	*within* = 0,9791	*within* = 0,951
Obs per	*between* = 0,8695	*between* = 0,9914	*between* = 0,9723	*between* = 0,7813	*between* = 0,9849
group:	*overall* = 0,8964	*overall* = 0,9592	*overall* = 0,9801	*overall* = 0,9787	*overall* = 0,9517
LnGDP(-1)	0,574123*** (0,010732)	0,772303*** (0,020531)	0,793382*** (0,006467)	0,815181*** (0,009282)	0,753532*** (0,017337)
LnUrban	0,362465*** (0,014538)	0,033714 (0,044936)	-0,04503*** (0,008068)	-0,06578*** (0,010183)	0,071045** (0,033921)
LnPop15_64	1,242291*** (0,222153)	0,195628*** (0,01814)	0,416627*** (0,040736)	0,381773*** (0,032599)	0,474358*** (0,069434)
LnFemale	-0,61247* (0,259458)	0,092131 (0,075591)	0,758794*** (0,068808)	0,760326*** (0,05687)	0,418303*** (0,095574)
Ln(1+Inflation(-1))	-0,15847** (0,04907)	-0,04676 (0,047254)	-0,28838** (0,089786)	0,163873 (0,109776)	-0,10259*** (0,026391)
LnServices	0,176508* (0,072717)	0,459753*** (0,031537)	0,432969*** (0,022947)	0,429958*** (0,022031)	0,357935*** (0,031264)
LnTrade	-0,10925*** (0,010449)	-0,07979*** (0,012905)	-0,08483*** (0,007524)	-0,08478*** (0,006801)	-0,09012*** (0,004742)
Ln(1+FDI)	1,400665*** (0,13935)	0,519692*** (0,102373)	0,469087*** (0,03946)	0,395351*** (0,053351)	0,624855*** (0,077841)
Китай	-1,07324*** (0,058122)	-0,60582*** (0,016768)	-0,53914*** (0,018756)	-0,51487*** (0,015951)	-0,64539*** (0,032729)
Япония	-0,15225*** (0,032336)	-0,08579*** (0,01419)	-0,07215*** (0,007475)	-0,06868*** (0,005826)	-0,09361*** (0,006899)
Респ. Корея	-0,25348*** (0,043654)	0,000706 (0,012268)	-0,09563*** (0,019151)	-0,10146*** (0,013352)	-0,07353*** (0,01473)
Индия	-0,66561*** (0,019963)	-0,36807*** (0,015357)	-0,32739*** (0,01141)	-0,31161*** (0,015734)	-0,36845*** (0,019952)
Индонезия	-0,36784*** (0,038804)	-0,06484*** (0,009486)	-0,14793*** (0,011262)	-0,1417*** (0,008872)	-0,1766*** (0,023612)
Малайзия	-0,34293*** (0,026567)	-0,26017*** (0,058945)	-0,04963** (0,019107)	-0,0046 (0,025004)	-0,185*** (0,034609)
Филиппины	-0,19802*** (0,014515)	0,014402 (0,022494)	-0,02693*** (0,007015)	-0,02386*** (0,00681)	-0,01884* (0,010434)
Сингапур	-0,22522*** (0,015227)	-0,02001 (0,037407)	-0,18577*** (0,022035)	-0,20506*** (0,019586)	-0,13234*** (0,017251)

	1991-1996	1999-2007	2010-2019	2010-2023	1991-2023
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Таиланд	-0,36322*** (0,049964)	-0,21019*** (0,01609)	-0,32702*** (0,026466)	-0,28784*** (0,026826)	-0,29311*** (0,017408)
Вьетнам	-0,16762 (0,08793)	-0,16064*** (0,013907)	-0,1153*** (0,017375)	-0,10112*** (0,016116)	-0,14374*** (0,017867)
cons	-1,56319 (1,373744)	-1,43976*** (0,361312)	-4,66616*** (0,298753)	-4,61861*** (0,276931)	-3,43553*** (0,409987)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** уровень значимости 10%, 5% и 1%, соответственно.

Таблица 38 – Динамика изменения коэффициентов модели с постоянным доходом (спецификация 2) во времени

	1991-1996	1999-2007	2010-2019	2010-2023	1991-2023
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
	Number of obs = 858	*Number of obs* = 1,287	*Number of obs* = 1,430	*Number of obs* = 2,002	*Number of obs* = 4,719
	Number of groups = 6	*Number of groups* = 9	*Number of groups* = 10	*Number of groups* = 14	*Number of groups* = 33
	Prob > F = 0	*Prob > F* = 0	*Prob > F* = 0	*Prob > F* = 0	*F(18,32)=204005 Prob > F* = 0
R–sq[3]*:*	*within* = 0,894	*within* = 0,9573	*within* = 0,9792	*within* = 0,9778	*within* = 0,9485
Obs per	*between* = 0,9351	*between* = 0,995	*between* = 0,9449	*between* = 0,8545	*between* = 0,9842
group:	*overall* = 0,894	*overall* = 0,9571	*overall* = 0,9791	*overall* = 0,9776	*overall* = 0,9494
LnGDP5	0,551989*** (0,007013)	0,754366*** (0,021713)	0,779562*** (0,006663)	0,803911*** (0,010211)	0,736438*** (0,018167)
LnUrban	0,383433*** (0,017058)	0,041176 (0,047966)	-0,0638*** (0,00857)	-0,08828*** (0,011411)	0,076237** (0,037405)
LnPop15_64	1,270945*** (0,196146)	0,383822*** (0,045276)	0,586359*** (0,04479)	0,528827*** (0,039641)	0,607452*** (0,057217)
LnFemale	-0,83336** (0,209348)	0,325728** (0,103333)	0,926946*** (0,071626)	0,918242*** (0,061551)	0,517059*** (0,110777)
Ln(1+Inflation (-1))	-0,19286** (0,049761)	-0,09906* (0,045032)	-0,4804*** (0,102482)	0,032079 (0,124691)	-0,1629*** (0,027504)
LnServices	0,201302** (0,070289)	0,404098*** (0,025665)	0,416455*** (0,028444)	0,403473*** (0,023697)	0,342004*** (0,026942)

	1991-1996	1999-2007	2010-2019	2010-2023	1991-2023
LnTrade	-0,10192*** (0,01094)	-0,05543*** (0,012981)	-0,07816*** (0,009024)	-0,07826*** (0,007848)	-0,07794*** (0,0056)
Ln(1+FDI)	1,575967*** (0,115249)	0,600228*** (0,122543)	0,515469*** (0,048036)	0,462835*** (0,050859)	0,704799*** (0,083209)
Китай	-1,02036*** (0,056776)	-0,56742*** (0,017765)	-0,47081*** (0,017685)	-0,45031*** (0,01467)	-0,58601*** (0,033286)
Япония	-0,14815*** (0,023808)	-0,08469*** (0,011835)	-0,05946*** (0,011744)	-0,06182*** (0,008907)	-0,09319*** (0,007155)
Респ. Корея	-0,22397*** (0,033613)	0,002951 (0,018193)	-0,08869*** (0,026416)	-0,09831*** (0,01933)	-0,05894*** (0,013146)
Индия	-0,68367*** (0,0141)	-0,35856*** (0,018369)	-0,2933*** (0,010431)	-0,29012*** (0,011198)	-0,35684*** (0,021473)
Индонезия	-0,33689*** (0,037003)	-0,12192*** (0,012463)	-0,12321*** (0,012174)	-0,12219*** (0,008979)	-0,173*** (0,019162)
Малайзия	-0,32639*** (0,031413)	-0,31382*** (0,068439)	-0,03909* (0,018327)	-0,0028 (0,021329)	-0,19103*** (0,035445)
Филиппины	-0,23142*** (0,023636)	-0,00809 (0,029289)	0,000472*** (0,009233)	-0,00317 (0,007984)	-0,02155 (0,013683)
Сингапур	-0,22177*** (0,021358)	-0,0698 (0,042668)	-0,17349*** (0,024656)	-0,18973*** (0,020585)	-0,13846*** (0,015799)
Таиланд	-0,32637*** (0,046509)	-0,26959*** (0,028129)	-0,35455*** (0,031245)	-0,32185*** (0,027224)	-0,31306*** (0,016253)
Вьетнам	-0,13587 (0,092623)	-0,1827*** (0,011799)	-0,10956*** (0,020569)	-0,09424*** (0,01896)	-0,13343*** (0,017557)
Cons	-0,86421 (1,207867)	-2,87211*** (0,576024)	-5,78062*** (0,325297)	-5,57578*** (0,298223)	-4,22779*** (0,419609)

Источник: расчеты автора.

Примечание: *, **, *** уровень значимости 10%, 5% и 1%, соответственно.

Коэффициенты практически при всех ключевых факторах регрессионной модели подтвердили свою значимость и направление влияния, соответствующее положениям теорий потребительского поведения домохозяйств. Основным фактором, стимулирующим рост потребительских расходов домохозяйств, выступает рост доходов: 1%-й рост текущего дохода ведет к расширению частного потребления на 0,75%, устойчивый рост постоянного дохода стимулирует частное потребление чуть меньше – на 0,74%. Второй по значимости детерминантой регрессионной модели выступает уровень развития финансового рынка: рост индекса финансового развития на 1% ведет к расширению частного потребления на душу населения на 0,62 и 0,7% для двух моделей, соответственно. Значимым является и фактор развития сектора услуг: увеличение его доли в структуре ВВП на 1% стимулирует частное потребление в расчете на душу населения на 0,34–0,36%. Значимость также подтвердили факторы, характеризующие демографическую структуру населения. Рост доли трудоспособного населения в общей численности на 1% дает приращение частного потребления в среднем на 0.47% (в модели текущего дохода), при учете постоянного дохода – на 0,61%. Одновременно чем выше в обществе доля женского населения, тем выше темпы прироста частного потребления: значимость фактора подтверждена в обеих моделях. Влияние урбанизации (доли населения, проживающего в городах) оказалось положительным и значимым в обеих спецификациях, в то время как коэффициент при инфляции подтвердил обратную значимость в обеих спецификациях.

Проведенные расчеты свидетельствуют о существовании некоторой взаимосвязи между уровнем экономического развития страны (значениями ВВП на душу населения) и страновой предрасположенностью к потреблению: для наиболее богатых стран региона сдерживающие коэффициенты оказались ниже, однако, во-первых, эта взаимосвязь не является линейной, а во-вторых, в группе относительно мене развитых стран эта закономерность фактически не работает.

Лидером антирейтинга является Китай: в этой стране при прочих равных экономических условиях темпы прироста частного потребления домохозяйств отстают от среднестрановых по выборке на 0,59–0,64% в зависимости от спецификации регрессионной модели. Далее следуют Индия (при отставании на 0,36–0,37%) и Таиланд (0,29–0,31%). Значимость отрицательных значений коэффициентов подтверждена для Индонезии (0,17–0,18%), Малайзии (0,18-0,19%), Вьетнама (0,13–0,14%), Сингапура

(0,13–0,14%), Японии (0,09%) и Республики Корея (0,08–0,06%). Значимость коэффициента для Филиппин подтвердилась только в модели текущего дохода при относительно более низком уровне значимости в 1%. Для большей наглядности результаты проведенных расчетов представлены на Рисунке 37.

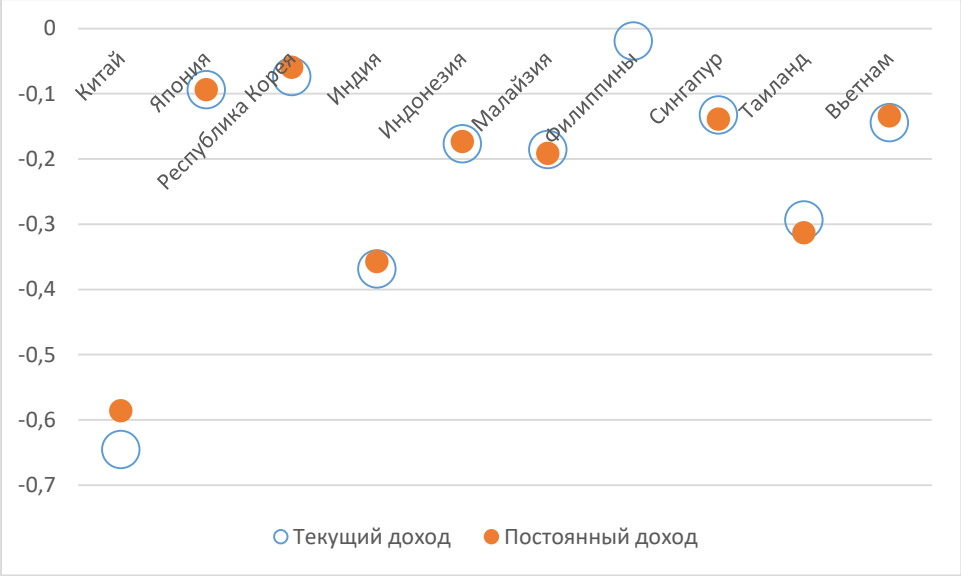

Рисунок 37 – Страновые коэффициенты влияния социокультурных параметров на частное потребление домохозяйств для моделей текущего и постоянного дохода, рассчитанные за период 1990–2023 гг.

Источник: Построено автором на основе проведенных расчетов.

Одновременно результаты расчетов для нескольких временны*х* интервалов позволяют выявить динамику изменения индивидуальных страновых особенностей, сдерживающих рост частного потребления домохозяйств в исследуемых странах Азии. Во-первых, доказано, что с годами качество предложенных спецификаций регрессионной модели повышается: если в 1990–1996 гг. модель объясняла 89% наблюдений, то к 2010–2019 гг. ее объясняющая способность приблизилась к 98%. То есть по мере улучшения показателей экономического развития и уровня благосостояния общества потребительское поведение домохозяйств определяется более ограниченной совокупностью экономических детерминант, включенных в модель. Уровни дохода и финансового развития играют все более важную роль, снижая детерминистский ресурс прочих факторов. Во-вторых, с точки зрения цивилизационной предрасположенности к сдерживанию частного потребительского спроса регион становится существенно более

монолитным. В 1990–1996 гг. разброс значений страновых коэффициентов составлял от -1,07 для Китая до -0,29 для Филиппин и -0,15 для Японии в модели текущего дохода (Таблица 37). К 2010–2023 гг. значения коэффициентов варьировали от -0,51 до -0,06 и -0,02 (у тех же Китая, Японии и Филиппин, соответственно), и все значимые страновые коэффициенты оказались отрицательными.

Хотя Китай действительно остается лидером антирейтинга, на протяжении 34 лет прослеживается устойчивый тренд к снижению предрасположенности китайского населения к сбережению. Отрицательные значения устойчиво снижаются, особенно значимый прогресс был достигнут после глобального финансового кризиса, когда сдерживающий ресурс снизился с 0,61–0,57% от темпов прироста частного потребления домохозяйств до 0,54–0,47%, соответственно. Таким образом, сохраняющаяся рекордная склонность китайского населения к сбережениям по сравнению с другими странами региона в большей степени объясняется эффектом низкой базы, отчасти – старением и сокращением населения в трудоспособном возрасте, а также неизменным преобладанием доли мужчин, что дополнительно усугубляет проблемы чрезмерных сбережений. При этом проводимая политика «двойной циркуляции» определенно способствует постепенному преодолению этой цивилизационной особенности китайской нации, хотя и значительно медленнее, чем в иных странах региона. Подтверждением рациональности целенаправленной стимулирующей политики китайского руководства является сочетание нескольких тенденций. Эластичность регионального потребления по уровню дохода устойчиво растет, при этом отрицательное влияние странового фактора снижается, что подтверждается результатами проведенных расчетов. Это ведет и к постепенному увеличению потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны, и, что особенно важно, к опережающему вкладу в темпы его прироста: при средней доле в ВВП в 2020–2022 гг. на уровне 37,8% частное потребление обеспечивало более 40% роста. Для сравнения: в 1998–2007 гг. ситуация была обратной; при доле в ВВП в 42,8% частное потребление приносило лишь 36,8% в темпы экономического роста страны[825].

В Индии цивилизационные особенности нации также всегда выступали фактором, сдерживающим рост частного потребления, при этом в 1990-х гг. в условиях низких доходов и слабо диверсифицированной структуры потребительской корзины

[825] World Economic Outlook Databases [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases (дата обращения: 30 апреля 2025).

сдерживающий потребление страновой ресурс проявлялся в большей степени, чем в последующие периоды.

Таиланд в противовес Китаю демонстрирует обратную динамику: по мере накопления дохода в посткризисный период страновые особенности, усиливающие сберегающий ресурс нации, возросли, абсолютные значения отрицательного коэффициента в обеих спецификациях регрессионной модели оказались существенно выше периода 1999–2007 гг. (-0,36 и -0,33 против -0,21 и -0,27). Небольшое исключение составляет период с 2020 по 2023 г., когда в условиях пандемии склонность населения к потреблению несколько расширилась, что привело к некоторому абсолютному снижению соответствующего коэффициента в модели 2010–2023 гг. по сравнению с моделью 2010–2019 годов.

Интересна динамика коэффициента Вьетнама, который выявил резкое падение склонности к потреблению в 1999–2007 гг., после чего наметился тренд на снижение предрасположенности к сбережению, однако потребление по-прежнему сдерживается национальными особенностями. Индонезия, напротив, несмотря на традиционное недопотребление домохозяйств, была в относительно большей степени предрасположена к потреблению в начале 2000-х гг., после чего сдерживающие особенности национального поведения усилились. В Малайзии наблюдается устойчивое снижение цивилизационной склонности к сбережению по годам, в Японии снижение стагнирует с конца 1990-х гг., в Республике Корея тенденции весьма неоднородны. Национальные особенности последних двух стран на фоне более высоких доходов в меньшей степени сдерживают частное потребление, нежели в Китае, Индии или Таиланде, однако говорить об устойчивом снижении национальной склонности к сбережениям, что могло бы способствовать диверсификации источников экономического роста, не приходится.

4.3. Оценка реализации потребительского потенциала в странах Азии в условиях глобальных дисбалансов: концептуальный подход и количественный анализ

Как уже было доказано выше, совокупность внеэкономических параметров определяет различия эластичности частного потребления домохозяйств к изменению его ключевых детерминант. То есть при прочих равных экономических условиях, на 92–95% объясняющих динамику частного потребления, величина и динамика потребления

домохозяйств на душу населения в разных странах и регионах может существенно отличаться. Соответственно, эти различия определяют эффективность государственной политики, надбавленной на стимулирование частного потребления домохозяйств и, как следствие, перспективы трансформации моделей экономического роста государств Азии в направлении движимых потреблением.

Для количественной оценки этих различий в эффективности воздействия базового набора детерминант на частное потребления домохозяйств был разработан и предложен новый авторский подход расчета Индекса реализации потребительского потенциала (ИРПП).

Индекс реализации потребительского потенциала – показатель, характеризующий степень отклонения реального значения расходов домохозяйств на душу населения для отдельной страны в тот или иной год, от потенциально возможного (прогнозного) значения, рассчитанного на основе разработанной модели оценки детерминант частного потребления.

$$\text{ИРПП}_{it} = \frac{HFCE_{it}}{HFCEproj_{it}},$$

где ИРПП_{it} – индекс реализации потребительского потенциала страны i в год t;

$HFCE_{it}$ – текущее значение потребительских расходов домохозяйств на душу населения i в год t;

$HFCE\ proj_{it}$ – прогнозное значение потребительских расходов домохозяйств на душу населения i в год t, рассчитанное на основе спецификации модели (1) в параграфе 4.1.

Индекс ниже 1 означает, что страна не реализует полностью имеющийся потребительский потенциал. Косвенно этот показатель говорит об относительно низкой эффективности экономической политики, направленной на стимулирование частного потребления домохозяйств, по сравнению со среднемировым трендом, и/или о недоиспользовании инфраструктурных возможностей, и/или о действии внеэкономических (культурно-цивилизационных) факторов, сдерживающих частное потребление. Индекс выше 1 означает превышение фактического объема потребления домохозяйств на душу населения над потенциально возможными, прогнозными значениями и косвенно свидетельствует об относительно более высокой эффективности государственной политики и склонности населения к потреблению. В основу расчета авторского Индекса реализации потребительского потенциала была положена спецификация регрессионной модели (1) (параграф 4.1) по текущему доходу.

Экономический смысл индекса состоит в том, что он фактически позволяет оценить дисбалансы в эффективности детерминант модели и их способности обеспечивать симметричный рост потребительских расходов домохозяйства в разных странах и группах стран. Такой подход имеет два ключевых достоинства. Во-первых, он позволяет потенциально определить не только текущий разрыв в уровне потребительских расходов домохозяйств между разными группами стран и регионов (например, между группами развитых, развивающихся и наименее развитых стран или внутри исследуемой группы 10 стран Азиатского региона), но и потенциальный разрыв на средне- и долгосрочную перспективу. Во-вторых, он позволяет сделать выводы о динамике изменения ИРПП во времени, а соответственно, может выступать дополнительным параметром оценки как масштабов глобальных потребительских дисбалансов, так и косвенно перспектив перехода страны к модели эконмического роста, движимого внутренним потреблением, в средне- и долгосрочной перспективах.

Результаты проведенных расчетов ИРПП представлены в Таблице 39 и наглядно отражены на Рисунке 38.

Таблица 39 – Динамка Индекса реализации потребительского потенциала в 10 государствах Азии

	(1) Китай (2) Индия (3) Япония (4) Республика Корея (5) Индонезия (6) Малайзия (7) Филиппины (8) Сингапур (9) Таиланд (10) Вьетнам									
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
1991	0,44	0,78	0,94	1,13	0,86	0,89	0,98	0,99	0,82	1,02
1992	0,49	0,81	0,93	1,09	0,83	0,84	1,01	0,98	0,81	0,96
1993	0,53	0,80	0,92	1,09	0,80	0,82	1,02	1,03	0,81	0,92
1994	0,55	0,80	0,94	1,12	0,82	0,84	1,03	1,00	0,83	0,90
1995	0,58	0,81	0,96	1,17	0,88	0,85	1,02	0,97	0,86	0,89
1996	0,59	0,81	0,96	1,15	0,89	0,85	1,01	0,95	0,86	0,92
1997	0,56	0,77	0,93	1,13	0,89	0,80	0,99	0,93	0,79	0,91
1998	0,54	0,78	0,92	0,95	0,87	0,68	0,99	0,85	0,73	0,89
1999	0,54	0,78	0,91	1,09	1,02	0,74	1,01	0,96	0,81	0,89
2000	0,57	0,75	0,93	1,08	1,05	0,80	1,05	1,05	0,84	0,90
2001	0,56	0,75	0,93	1,04	0,97	0,74	1,05	1,01	0,84	0,88
2002	0,57	0,75	0,93	1,08	0,95	0,77	1,08	1,06	0,87	0,89
2003	0,57	0,76	0,93	1,02	0,94	0,80	1,09	1,07	0,89	0,93
2004	0,58	0,77	0,94	1,02	0,95	0,85	1,10	1,08	0,90	0,95
2005	0,59	0,78	0,93	1,01	0,96	0,88	1,09	1,03	0,91	0,90
2006	0,59	0,77	0,94	1,02	0,94	0,89	1,08	1,00	0,91	0,91
2007	0,59	0,78	0,94	1,02	0,93	0,92	1,06	0,97	0,88	0,94

2008	0,58	0,76	0,92	1,01	0,94	0,95	1,05	0,91	0,86	0,95
2009	0,57	0,76	0,89	0,98	0,94	0,87	1,02	0,91	0,82	0,91
2010	0,59	0,77	0,97	1,03	0,91	0,93	1,04	0,96	0,87	0,94
2011	0,63	0,79	0,94	1,01	0,91	0,94	1,02	0,88	0,84	0,99
2012	0,62	0,79	0,96	0,99	0,91	0,96	1,03	0,87	0,88	0,99
2013	0,62	0,81	0,98	0,98	0,90	0,97	1,01	0,86	0,83	0,98
2014	0,63	0,79	0,97	0,96	0,90	0,99	1,02	0,86	0,80	0,97
2015	0,62	0,79	0,97	0,95	0,88	0,98	1,02	0,86	0,80	1,00
2016	0,62	0,80	0,94	0,94	0,88	0,99	1,03	0,86	0,78	1,00
2017	0,65	0,79	0,95	0,96	0,88	1,02	1,03	0,87	0,79	1,03
2018	0,66	0,80	0,95	0,96	0,90	1,05	1,04	0,88	0,79	1,04
2019	0,66	0,78	0,93	0,94	0,89	1,07	1,04	0,87	0,79	1,06
2020	0,61	0,71	0,88	0,88	0,82	0,96	0,88	0,75	0,75	1,00
2021	0,69	0,85	0,95	0,93	0,87	1,06	1,00	0,88	0,82	1,01
2022	0,64	0,84	0,95	0,93	0,91	1,16	1,05	0,82	0,87	1,05
2023	0,59	0,82	0,93	0,92	0,89	1,09	1,03	0,80	0,89	1,00

Источник: расчеты автора.

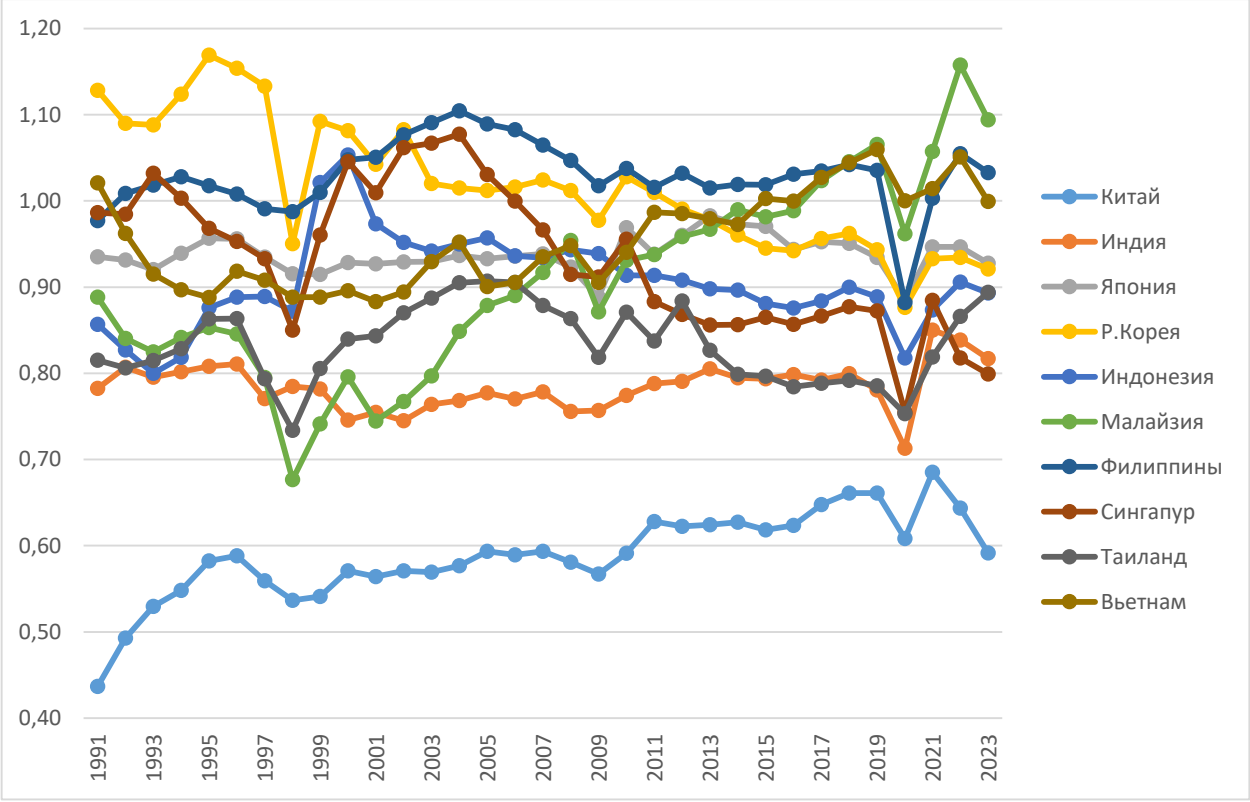

Рисунок 38 – Динамика Индекса реализации потребительского потенциала в 10 государствах Азии

Источник: построено автором на основе проведенных расчетов.

Расчетные значения ИРПП и его динамика позволяет сделать ряд выводов о страновых особенностях потребительского поведения государств Азии. Китай является той страной среди исследуемой группы стран, которая хронически недореализовывает свой потребительский потенциал. Значения ИРПП для страны оказались наименьшими и не превышали 0,65 в течение исследуемого периода. При этом на протяжении исследуемого тридцатилетнего периода Китай демонстрирует восходящий тренд, т.е. постепенно приближается к повышению эффективности воздействия экономических детерминант на уровень частного потребления домохозяйств. В этом случае динамика ИРПП подтверждает выводы, сделанные в п. 4.2. на основе оценки изменения коэффициентов при бинарных страновых переменных в разные периоды времени.

Проведенные расчеты позволяют сгруппировать 10 исследуемых сран Азии по двум критериям (см. Таблицу 40):

- среднее значение ИРПП в течение последнего десятилетия (после Глобального финансового кризиса и истощения потенциала экспортоориентированного роста);
- динамика ИРПП в течение последнего десятилетия.

Таблица 40 – Классификация 10 стран Азии по уровню и динамике ИРПП

		Значение ИРПП (после 2010 г.)	
		Недореализация	**Избыточная реализация**
Долгосрочный тренд	**Восходящий**	Китай	Малайзия, Вьетнам
	Нейтральный	Индия, Индонезия, Таиланд	Филиппины
	Нисходящий	Япония, Республика Корея, Сингапур	

Источник: составлено автором на основе проведенных расчетов.

В регионе четко обозначились два государства, которым после Глобального финансового кризиса удалось выйти на траекторию опережающего роста частного потребления, – Малайзия и Вьетнам. Отправной точкой для этих стран стали 2010–2011 гг., когда хроническое докризисное недопотребление сменилось опережающей динамикой значений частного потребления на душу населения по сравнению с прогнозными значениями.

Диаметрально противоположную динамику демонстрируют ИРПП Сингапура и Республики Корея. Устойчиво сохранявшиеся до Глобального финансового кризиса значения индексов на уровне выше 1 после 2010–2011 гг. сменились недореализацией

потребительского потенциала. Особняком в этой категории стоит Япония: ИРПП демонстрирует аналогичный нисходящий тренд при достижении значений существенно ниже потенциально возможных (при прочих равных экономических условиях), однако ИРПП Японии (в отличие от Сингапура или Республики Корея) в целом за весь период демонстрирует нейтральный тренд.

Индия, Индонезия и Таиланд устойчиво недопотребляют, причем в Индии разрыв между текущим и потенциально возможным уровнем потребления значительно выше. При этом (в отличие от Китая) в Индии на всем временноом горизонте не прослеживается устойчивой восходящей динамики, которая позволила бы говорить о постепенном повышении степени реализации потребительского потенциала национальных домохозяйств. Восходящий тренд весьма умеренный и наметился исключительно в последние 15 лет. Динамика для всех трех государств остается нейтральной, равно как и для Филиппин, которые, однако, балансируют на уровне единицы.

Очень интересной оказалась реакция потребительского поведения исследуемой группы азиатских стран на локдауны в период пандемии COVID-19. На фоне рекордного спада экономической активности в 2020 г. домохозяйства почти всех государств сократили потребление даже в большей степени, чем это было обусловлено снижением их экономических возможностей. В результате в большинстве стран региона (за исключением Таиланда) произошло сокращение не только объемов потребительских расходов домохозяйств в абсолютном выражении, но и падение ИРПП. При этом в периоды последующего восстановления экономической активности в 2021–2022 гг. значения ИРПП также росли ускоренными темпами, т.е. восстановление потребительских расходов происходило быстрее, чем общая стабилизация экономических параметров.

4.4. Сравнительный анализ эластичности потребления по категориям товаров и услуг в странах Азии

Важным элементом настоящего исследования является тестирование различий в степени влияния ключевых детерминант на потребление разных категорий товаров и услуг в государствах Азии.

В основу соответствующей количественной оценки были положены те же спецификации регрессионной модели, которые использовались для выявления

специфики паттерна потребления в 10 исследуемых государствах Азии на основе различий влияния ключевых детерминант от общемировых трендов (см. Главу 4.1):

$$\begin{aligned}\ln HFCE_{it} = {} & \beta_0 + \beta_1 \ln GDP_{it-1} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} \\ & + \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} \\ & + \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + u_{it}\end{aligned} \quad (1)$$

$$\begin{aligned}\ln HFCE_{it} = {} & \beta_0 + \beta_1 \ln GDP5_{it} + \beta_2 \ln Urban_{it} + \beta_3 \ln Pop15_64_{it} \\ & + \beta_4 \ln Female_{it} + \beta_5 \ln(1 + Inflation_{it-1}) + \beta_6 \ln Services_{it} \\ & + \beta_7 \ln Trade_{it} + \beta_8 \ln(1 + FDI_{it}) + u_{it}\end{aligned} \quad (2)$$

Зависимыми переменными при тестировании данных спецификаций стали расходы на конечное потребление домохозяйств на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD) по каждой из восьми категорий товаров и услуг:

1. Все товары
2. Еда, напитки и лекарственные средства
3. Одежда и обувь
4. Мебель и бытовая техника
5. Транспорт и связь
6. Образование
7. Здравоохранение
8. Прочие категории

Расходы на конечное потребление по каждой категории товаров были рассчитаны по формуле:

$$HFCE_{ijt} = HFCE_{it} * Share_{ijt},$$

где $HFCE_{ijt}$ – расходы на конечное потребление домохозяйств на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD) в стране i на товарную категорию j в год t;

$HFCE_{it}$ – общие расходы на конечное потребление домохозяйств на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD) в стране i в год t;

$Share_{ijt}$ – доля расходов на конечное потребление домохозяйств на душу населения (в постоянных ценах 2015 г., USD) в стране i на товарную категорию j в структуре общих расходов в год t.

Для каждой из восьми товарных категорий были протестированы обе спецификации регрессионной модели. Во всех случаях на основе результатов теста спецификации Хаусмана и теста множителя Лагранжа Бройша – Пагана для случайных эффектов была выбрана в качестве оптимальной модель с фиксированными (временными) эффектами, для корректировки стандартных ошибок и решения проблемы гетероскедастичности была применена функция robust.

Одним из наиболее серьезных вызовов для проведения соответствующего анализа стал сбор статистических данных для расчета размеров потребительских расходов домохозяйств на душу населения по разным категориям товаров. Источником данных по общему объему потребительских расходов, как и в предыдущих параграфах диссертационного исследования, были данные Всемирного банка – Households and NPISHs Final consumption expenditure per capita (constant 2015 USD): World Development Indicators. В то же время источником данных о доле каждой из товарных групп в общем объеме потребительских расходов стали данные ООН – Individual consumption expenditure of households[826], которые предоставляют страновую информацию об объемах потребления каждой категории в национальных валютах, что позволило рассчитать соответствующие доли. В то же время ввиду отсутствия данных ООН для Вьетнама и ограниченности временного диапазона для Индонезии (периодом 2010–2015 гг., что недостаточно для проведения моделирования и получения сопоставимых оценок) эти государства были исключены из массива панельных данных. База ООН также не содержит информацию об отраслевой структуре потребительских расходов домохозяйств в Китае, однако для надежных оценок было стратегически важно включить данные по Китаю (как ключевой наиболее масштабной экономики в группе 10 стран) в эту выборку. Таким образом, доля соответствующих товарных групп в общей структуре расходов на конечное потребление домохозяйств была рассчитана на основе данных статистических ресурсов, в т.ч. ежегодных отчетов (Households' Income and Consumption Expenditure[827] и Yearbooks[828]) Национального комитета статистики Китая.

---

[826] Data.un.org. SNA Group Code 302 [Электронный ресурс] / Data.un.org. Режим доступа: https://data.un.org/Data.aspx?d=SNA&f=group_code%3A302 (дата обращения: 1 октября 2025).

[827] National Bureau of Statistics of China. Press Release, January 2025 [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250124_1958443.html (дата обращения: 1 октября 2025).

[828] National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/ (дата обращения: 1 октября 2025).

Категоризация восьми товарных групп была предложена для обеспечения сопоставимости данных, поскольку позволила универсальным образом объединить разрозненные и неоднородные группы товаров и услуг, содержащиеся в базе ООН и статистических ресурсах Китая.

На этапе работы с данными массив был очищен от экстремальных значений, пропуски, составившие в совокупности не более 5% общей выборки, были заполнены методами линейной интерполяции, в отдельных случаях – методом ближайших соседей (KNN)[829]. В итоге был сформирован уникальный массив панельных данных для восьми исследуемых государств региона, не имеющий аналогов ни в одной из статистических баз международных организаций или исследовательских институтов.

Как уже было отмечено, ключевым фактором, определяющим динамику расходов на конечное потребление домохозяйств, является уровень дохода – текущего и/или постоянного. При этом эластичность разных товарных групп по уровню доходов весьма различна (см. Таблицы 41, 42 и Рисунок 39).

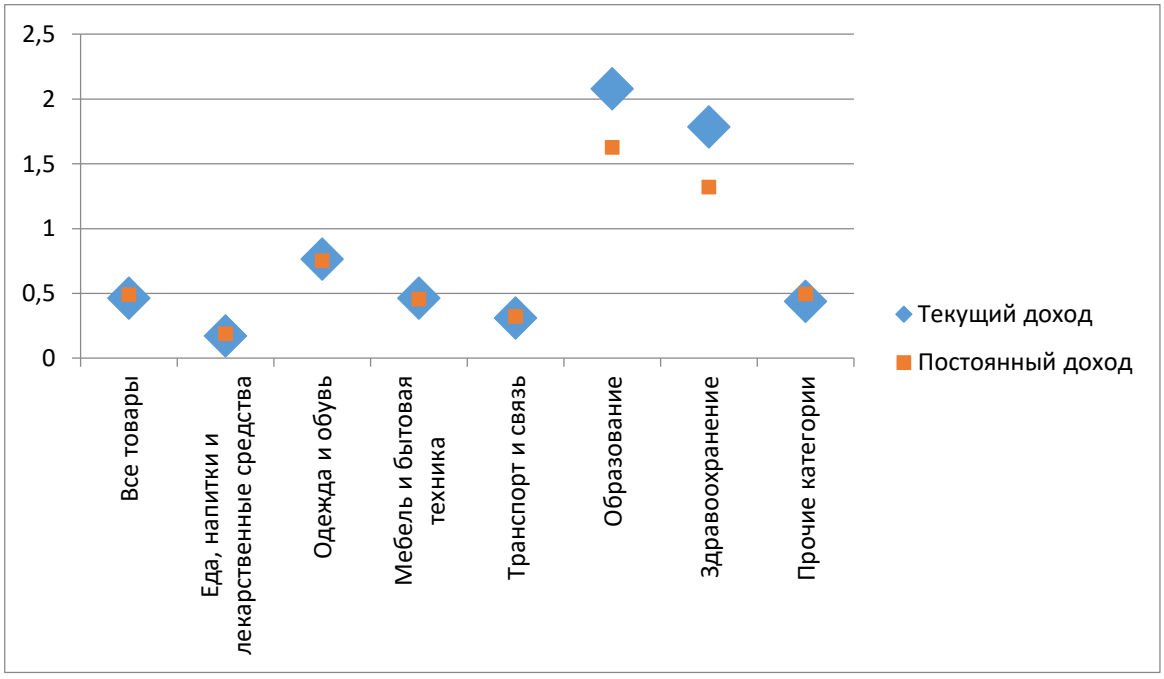

Рисунок 39 – Зависимость потребления разных категорий товаров от динамики текущего и постоянного дохода

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

[829]Alwateer M., Atlam E.-S., Abd El-Raouf M.M., et al. Missing Data Imputation: A Comprehensive Review / M. Alwateer, E.-S. Atlam, M.M. Abd El-Raouf, et al. // Journal of Computer and Communications. 2024. Vol. 12. P. 53–75. DOI: 10.4236/jcc.2024.1211004.
Enders C.K. Applied Missing Data Analysis / C.K. Enders. Guilford Publications, 2022.

Ожидаемо, динамика потребления базовых товарных категорий – продуктов питания, напитков и лекарственных средств – сравнительно менее эластична по уровню доходов: 1%-й рост текущего и постоянного дохода стимулируют прирост расходов на эту товарную категорию в восьми исследуемых странах Азии на 0,17% и 0,19%, соответственно, т.е. устойчивость роста доходов в предшествующие 5 лет в большей степени стимулирует расширение спроса на продукты питания и диверсификацию их товарной номенклатуры. Относительно менее эластичным по доходу остается спрос на транспортные средства, а также услуги транспорта и связи, расходы на которые прирастают в среднем на 0,31% и 0,32% при росте текущих и постоянных доходов на 1%. Расходы на мебель и бытовую технику – следующая по эластичности категория: 1%-й прирост текущего и постоянного доходов трансформируется в увеличение расходов на 0,46%. К числу базовых категорий относится «одежда и обувь», однако их качество и стоимость в большей степени зависят от получаемого дохода; с ростом доходов на 1% азиатские потребители готовы тратить больше на 0,75–0,76%.

Интересная тенденция наблюдается в части влияния доходов на потребительские расходы, связанные с услугами образования и здравоохранения. В этих категориях фиксируется существенный разрыв между влиянием постоянного и текущего доходов, при этом рост текущих доходов в значительно большей степени стимулирует расходы на услуги образования и здравоохранения, нежели постоянные доходы, т.е. рост доходов почти без временного лага трансформируется в приобретение дополнительных социальных услуг, способствующих развитию человеческого капитала. Однопроцентный рост текущих доходов расширяет расходы на образование на рекордные 2,08%, расходы на услуги здравоохранения увеличивает на 1,78%. Рекордно высокая эластичность расходов на образование и здравоохранение от изменения текущего дохода указывает на важные институциональные и поведенческие механизмы, определяющие особенность паттернов потребления в исследуемых государствах Азии. Расходы на образование и здоровье воспринимаются населением как стратегически важное капиталовложение. Существующие исследования свидетельствуют о том, что в странах с растущим доходом, но при этом не достигшим предельного уровня, способного обеспечить достаточную диверсифицированность и «насыщенность» потребительской корзины, дополнительный прирост доходов обеспечивает опережающий прирост потребления более качественных товаров и услуг, в первую очередь социальных, таких как платная медицина и более

качественное образование[830]. То есть при временном увеличении доходов даже относительно менее богатые семьи готовы больше тратить на платные медицинские и образовательные услуги. Эластичность расходов на образование и здравоохранение по доходу выше именно в группе развивающихся государств со средним и быстрорастущим уровнем доходов, чем в развитых государствах с высоким уровнем доходов[831]. Соответственно, на данном этапе группа развивающихся стран Азии становится эпицентром расширения спроса на социальные услуги и опережающего роста качестве человеческого капитала. В странах Азии опережающий прирост расходов на образование и здравоохранение по мере роста дохода (в особенности, текущего) обусловлен еще и культурно-цивилизационной составляющей, а в некоторых странах – государственной политикой. Преобладающие семейные ценности, в т.ч. образование детей и забота о здоровье являются приоритетами при перераспределении прирастающих доходов даже при кратковременном увеличении заработка. При этом в таких странах, как Сингапур или Республика Корея, государство традиционно дополнительно стимулирует средний класс к расходам на развитие человеческого капитала. В последнее десятилетие (особенно на фоне пандемии COVID-19) аналогичная тенденция проявляется в Китае, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах.

Таким образом, устойчивые вложения в человеческий капитал будут в средне- и долгосрочной перспективах обеспечивать опережающие темпы экономического роста исследуемых азиатских государств (главным образом, в развивающихся со стремительно увеличивающимися доходами). Расходы на образование оказывают как немедленное, так и отсроченное воздействие на образовательный капитал. Около двух третей прямого эффекта реализуется в течение первых 5 лет, а оставшаяся часть – в течение следующих 5 лет. По оценкам экспертов МВФ, по миру в целом прямой эффект увеличения расходов на образование на 1 процентный пункт. ВВП связан с увеличением совокупного показателя охвата образованием на 6 п. п. в течение 5-летнего периода и еще на 3 п. п. –

---

[830] Baldacci E., Clements B., Cui Q., Gupta S. What Does It Take to Help the Poor [Электронный ресурс] / E. Baldacci, B. Clements, Q. Cui, S. Gupta // Finance and Development. 2005. June. Vol. 42, № 2. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/06/baldacci.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

[831] Chen R. Study on the Elasticity Difference of Rural Household Education Expenditure in Zhejiang Province / R. Chen // Statistical Research. 2018. Vol. 35, № 5. P. 96–103.

Farag M., NandaKumar A.K., Wallack S., Hodgkin D., et al. The Income Elasticity of Health Care Spending in Developing and Developed Countries / M. Farag, A.K. NandaKumar, S. Wallack, D. Hodgkin, et al. // International Journal of Health Care Finance and Economics. 2012. Vol. 12, № 2. P. 145–162. DOI: 10.1007/s10754-012-9108-z.

в течение следующего 5-летнего периода[832]. В свою очередь, более высокий уровень доходов и больший человеческий капитал усиливают друг друга и способствуют благоприятному циклу роста и более высокому человеческому капиталу.

[832] Baldacci E., Clements B., Cui Q., Gupta S. What Does It Take to Help the Poor [Электронный ресурс] / E. Baldacci, B. Clements, Q. Cui, S. Gupta // Finance and Development. 2005. June. Vol. 42, № 2. Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/06/baldacci.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

Таблица 41 – Детерминанты потребления домохозяйствами разных категорий товаров и услуг в рамках модели текущего дохода

	Все товары	Еда, напитки и лекарственные средства	Одежда и обувь	Мебель и бытовая техника
Number of obs = 264				
Number of groups = 33				
Prob> F=0				
R-sq: Obs per group:				
within=	0,9913	0,9677	0,9641	0,9666
between=	0,99	0,9849	0,9088	0,9274
overall=	0,9897	0,9658	0,9326	0,9491
LnGDP(-1)	0,462127*** (0,023296)	0,171626*** (0,033669)	0,764949*** (0,113131)	0,462135*** (0,040256)
LnUrban	0,851616*** (0,03663)	1,218073*** (0,085337)	-0,44873** (0,188814)	1,414798*** (0,074233)
LnPop15_64	0,443913*** (0,111629)	-0,03715 (0,138222)	3,119257*** (0,375621)	0,125088 (0,207296)
LnFemale	1,871798*** (0,416437)	8,083092*** (0,694174)	1,438825 (1,009805)	6,110891*** (1,022757)
Ln(1+Inflation(-1))	1,366257*** (0,416389)	0,22205 (0,693588)	2,258412* (1,131924)	1,019749 (0,95342)
LnServices	1,42275*** (0,086367)	0,585383*** (0,123003)	0,487438 (0,306987)	1,009081*** (0,158638)
LnTrade	-0,07164*** (0,011424)	-0,14581*** (0,009407)	-0,29243*** (0,016684)	0,091323*** (0,015607)
Ln(1+FDI)	0,966517*** (0,105167)	-0,35287*** (0,108037)	2,695244*** (0,255741)	-0,83565*** (0,21164)
_cons	-14,2829*** (1,691644)	-32,4983*** (2,604885)	-20,5383*** (5,479221)	-33,0229*** (4,747456)

	Транспорт и связь	Образование	Здравоохранение	Прочие категории
Number of obs = 264				
Number of groups = 33				
Prob> F=0				
R-sq: Obs per group:				
within=	0,9657	0,551	0,5499	0,9772
between=	0,9637	0,8647	0,8935	0,9892

overall=	0,9628	0,6069	0,5942	0,9749
LnGDP(-1)	0,30982*** (0,062966)	2,079531*** (0,560558)	1,783938*** (0,515074)	0,438723*** (0,043254)
LnUrban	0,654185*** (0,136049)	-3,36755*** (1,186289)	-4,1148*** (1,054621)	0,854109*** (0,076783)
LnPop15_64	1,199712*** (0,251555)	5,192102*** (1,641091)	7,110457*** (1,820485)	-0,42539 (0,261077)
LnFemale	-3,16299*** (1,03044)	-25,6584*** (7,405702)	-28,5219*** (7,15454)	0,95317* (0,562192)
Ln(1+Inflation1)	-0,3673 (0,633238)	-17,5215** (8,11069)	-16,3922** (7,597861)	1,841971** (0,726773)
LnServices	2,209569*** (0,171239)	0,629947 (0,940694)	1,98881** (0,893629)	2,602557*** (0,112871)
LnTrade	-0,01309 (0,02493)	-0,42274*** (0,08928)	-0,48878*** (0,105762)	0,002632 (0,021006)
Ln(1+FDI)	2,978188*** (0,254379)	0,848207 (1,5568)	2,887924* (1,515824)	2,42562*** (0,179733)
_cons	-1,87107 (3,440649)	78,37308*** (26,20449)	80,33469*** (24,2771)	-13,6792*** (2,627033)

Источник: расчеты автора.

Таблица 42 – Детерминанты потребления домохозяйствами разных категорий товаров и услуг в рамках модели текущего дохода

	Все товары	Еда, напитки и лекарственные средства	Одежда и обувь	Мебель и бытовая техника
Number of obs = 264				
Number of groups = 33				
Prob> F=0				
R-sq: Obs per group:				
within=	0,9919	0,9681	0,9632	0,9663
between=	0,9889	0,9863	0,9	0,9228
overall=	0,9902	0,9659	0,93	0,9483
LnGDP5	0,490588*** (0,021161)	0,190078*** (0,03039)	0,751034*** (0,118609)	0,456528*** (0,030517)
LnUrban	0,805967*** (0,029094)	1,187736*** (0,082011)	-0,42068** (0,193093)	1,42699*** (0,056119)
LnPop15_64	0,521366*** (0,100741)	-0,02863 (0,125745)	3,404208*** (0,380606)	0,290048 (0,200307)
LnFemale	1,658171*** (0,397601)	7,982139*** (0,682326)	1,252547 (1,036208)	5,990678*** (1,02323)
Ln(1+Inflation(-1))	1,389608*** (0,397035)	0,239558 (0,683203)	2,228668** (1,069968)	1,004917 (0,912785)

LnServices	1,322792*** (0,091888)	0,534996*** (0,127975)	0,424665 (0,328461)	0,966447*** (0,159915)
LnTrade	-0,07501*** (0,010252)	-0,14661*** (0,008875)	-0,3015*** (0,01783)	0,086004*** (0,016223)
Ln(1+FDI)	0,837537*** (0,120268)	-0,42158*** (0,115601)	2,642835*** (0,28518)	-0,8747*** (0,220447)
_cons	-13,3397*** (1,593391)	-31,934*** (2,627974)	-20,6341*** (5,808295)	-33,0047*** (4,738984)
	Транспорт и связь	Образование	Здравоохранение	Прочие категории
Number of obs = 264				
Number of groups = 33				
Prob> F=0				
R-sq: Obs per group:				
within=	0,9658	0,5654	0,5406	0,9781
between=	0,9623	0,8814	0,9071	0,9882
overall=	0,9627	0,6013	0,5893	0,9759
LnGDP5	0,321751*** (0,062247)	1,627291*** (0,518913)	1,321101** (0,493367)	0,494908*** (0,034688)
LnUrban	0,635719*** (0,124538)	-2,58772** (1,054387)	-3,31869*** (0,949192)	0,761254*** (0,061529)
LnPop15_64	1,27*** (0,257291)	7,031163*** (1,942255)	8,880438*** (2,106979)	-0,42677* (0,246229)
LnFemale	-3,28661*** (1,004103)	-25,0285*** (7,073081)	-27,7762*** (6,792185)	0,670387 (0,541337)
Ln(1+Inflation(-1))	-0,35966 (0,626896)	-18,0668** (8,383266)	-16,944** (7,86044)	1,896829** (0,727258)
LnServices	2,154584*** (0,196999)	1,156618 (1,04712)	2,566618** (1,010408)	2,458584*** (0,109613)
LnTrade	-0,01576 (0,024425)	-0,47109*** (0,091887)	-0,53453*** (0,108979)	0,001098 (0,020291)
Ln(1+FDI)	2,910588*** (0,282017)	1,79966 (1,824328)	3,901799** (1,797612)	2,226181*** (0,175967)
_cons	-1,4328 (3,168548)	66,85929*** (22,95869)	68,4241*** (21,17193)	-11,9917*** (2,384004)

Источник: расчеты автора.

Весьма разнонаправленное влияние на потребление разных категорий товаров и услуг оказывают прочие детерминанты частного потребления.

Несмотря на низкую эластичность спроса на главные базовые категории – **продукты питания, напитки и лекарства** – по всем детерминантам потребительских расходов домохозяйств, ключевым его драйвером помимо доходов и урбанизации, также сопряженной с ростом доходов, является половая структура населения. Чем выше в стране доля женского населения, тем активнее расширяется спрос на более качественные продукты питания: именно женщины стимулируют диверсификацию продовольственной корзины и переход к сбалансированному питанию и белковой диете, насыщенной витаминами и микроэлементами. Прирост доли женского населения на 1 п. п. ведет к расширению расходов на продукты питания, напитки и лекарственные средства в среднем на 7,98–8,08% в зависимости от тенденций текущего или постоянного дохода. Следующим по значимости является развитие сферы услуг, стимулирующее рост расходов на 0,53–0,59%. При этом инфляция не оказывает значимого влияния на потребление этой базовой товарной категории. Развитие финансового рынка является сдерживающим фактором в наращивании расходов на базовые товарные группы, однако необходимо понимать, что это происходит не столько из-за сокращения потребления в количественном выражении, сколько в стоимостном, поскольку повышенный спрос на продукты питания, обусловленный ростом доходов и ликвидности за счет развития финансового рынка, сдерживает потребительскую инфляцию.

Что касается **расходов на одежду и обувь**, женский фактор здесь оказался незначимым, при этом ключевыми драйверами выступают (1) рост доли населения в трудоспособном возрасте, которая как раз и уделяет больше внимания стоимости, качеству и разнообразию приобретаемой одежды и обуви, и (2) развитие финансового рынка и сферы услуг, в целом (через расширение торгового посредничества и стремительный рост маркетплейсов и онлайн-торговли, которые существенно упрощают процесс покупок, особенно этой категории товаров). Значимость урбанизации объясняется как приростом доходов, так и «трудовой культурой». Важно учитывать, что в странах с высокой конкуренцией на рынке труда (в частности, Японии, Республике Корея, Сингапуре, а в перспективе и в Китае) одежда и обувь становятся более важной составляющей делового и социального имиджа, а рост расходов в стоимостном выражении обусловлен не только и не столько увеличением количества покупок, сколько

акцентом в направлении более качественных и дорогих, в т.ч. брендовых моделей. В итоге молодые профессионалы и представители «нового среднего класса» б*о*льшую часть располагаемого бюджета расходуют на одежду и обувь с целью соответствовать корпоративным и культурным стандартам и повысить собственную конкурентоспособность на рынке труда. Рост Индекса финансового развития на 1 п. п. ведет к расширению расходов на одежду и обувь на 2,64–2,69% (см. Таблицы 45, 46); расширение же доли сферы услуг в ВВП страны на 1 п. п. стимулирует соответствующие расходы в среднем на 0,42–0,49%. Важным стимулирующим фактором является и рост цен: в условиях инфляции азиатское население склонно совершать покупки «здесь и сейчас», сокращая отложенное потребление.

Женский фактор помимо расходов на продукты питания значимо проявляется в стимулировании **расходов на мебель и бытовую технику**, что вполне ожидаемо, учитывая, что именно женщины «инвестируют» в создание комфортного и технологичного домашнего пространства и принимают решения, связанные с обустройством быта. В частности, в Китае женщины составляют почти 60% покупателей бытовой техники; рост платежеспособности и экономической независимости делает их главными покупателями крупногабаритной техники и мебели. Увеличение числа женщин, проживающих отдельно и формирующих самостоятельные домохозяйства[833], еще больше содействует росту спроса на технику, бытовую электронику, мебель и предметы интерьера. В результате в исследуемой группе азиатских стран рост доли женского населения в общей численности на 1 п. п. расширяет спрос на соответствующую товарную категорию на 5,99–6,11%. Спрос на мебель и бытовую технику подогревают урбанизация и развитие сферы услуг. Одновременно интересным результатом исследования стало значимое противоположно направленное влияние развития финансового рынка: расширение Индекса финансового развития страны на 1 п. п. ведет к сокращению роста расходов домохозяйств на мебель и бытовую технику на 0,83–0,87%. Объяснить это можно особенностями осуществления покупок. Более развитые финансовые системы и доступ к кредитам и «рассрочкам» при осуществлении крупных покупок позволяет осуществлять крупные покупки постепенно и рассредоточено, с меньшими «всплесками» расходов, сглаживая дорогостоящие одноразовые покупки. Рост

[833] Euromonitor International. The Impact of Women as the Driving Force of Shopping [Электронный ресурс] / Euromonitor International. 2019. Режим доступа: https://www.euromonitor.com/article/the-impact-of-women-as-the-driving-force-of-shopping (дата обращения: 1 октября 2025).

финансово-инклюзивных механизмов активизирует потребление регулярных товаров и услуг, рассредоточивая и, соответственно, снижая регулярные размеры выплат по единовременным товарам[834]. Таким образом, развитие финансовой системы содействует более устойчивому сбалансированному потреблению, стимулируя регулярные покупки и одновременно снижая краткосрочные всплески расходов на единоразовые приобретения, такие как мебель и бытовая техника.

Развитие финансового рынка и сферы услуг выступают основными детерминантами, определяющими интенсивность потребительских расходов азиатских домохозяйств **на транспорт и связь**. Оба фактора оказались значимыми, при этом финансовое развитие значительно сильнее стимулирует рост спроса на соответствующие категории товаров и услуг: увлечение Индекса финансового развития на 1 п. п. ведет к росту потребительских расходов на 2,91–2,98%. Уровень цен фактически не оказывает влияния, соответствующий коэффициент в регрессионной модели оказался незначимым. Между долей населения в трудоспособном возрасте и динамикой спроса на услуги связи, путешествия и транспортные средства была выявлена значимая положительная взаимосвязь. Соответственно, старение население и сокращение доли населения в возрасте от 15 до 64 лет в общей численности ведет к снижению спроса на соответствующую категорию: снижение доли населения на 1 п. п. уменьшает спрос на 1,2–1,27%. Женский фактор ожидаемо оказывает обратное действие: чем больше доля женского населения в общей структуре азиатских стран, тем ниже спрос на соответствующие позиции.

Расходы на образование и здравоохранение, которые в первую очередь определяются приростом текущего дохода, также существенно зависят от уровня развития финансового рынка и сферы услуг, демографических факторов, а также уровня цен.

Развитие финансового рынка особенно сильно проявляется в стимулировании расходов на услуги здравоохранения. Расширение доступа к банковскому кредитованию и возможностей инвестирования в фондовый рынок почти мгновенно, без отсроченного эффекта трансформируется в рост расходов на образование и в особенности на

[834] Li J., Wu Y., Xiao J. J. The impact of digital finance on household consumption: Evidence from China / J. Li, Y. Wu, J. J. Xiao // Economic Modelling. 2020. Vol. 86. P. 317-326. DOI: 10.1016/j.econmod.2019.09.027.

здравоохранение. Прирост Индекса финансового развития на 1 п.п. расширяет расходы на услуги здравоохранения на 2,89–3,9%.

Инфляция оказывает именно на потребление социальных услуг наиболее сильное негативное влияние: рост на 1 п. п. приводит к сокращению расходов на услуги образования на 18%, на услуги здравоохранения – на 16–17% (см. Таблицы 45, 46). При этом колоссальное значение имеет половозрастная структура населения: чем выше доля женского населения в стране, тем меньше расходы на услуги образования и здравоохранения в расчете на душу населения. Рост доли женского населения в стране на 1 п. п. ведет к снижению расходов на образование на 25–26%, на здравоохранение – на 28%. Одновременно рост населения в трудоспособном возрасте на 1 п. п. стимулирует расходы на образование на 5,2–7,03%, на здравоохранение – на 7,1–8,9%.

С демографической точки зрения наиболее благоприятные тенденции в части стимулирования человеческого развития за счет расширения потребления социальных услуг на текущий момент демонстрируют:

1. Индия – где стремительный рост демонстрирует доля населения в трудоспособном возрасте (в среднем на 0,35 п. п. в год), которая сопровождается устойчивой и почти неизменной долей женского населения (в среднем на уровне 48,3%);
2. Малайзия – где на фоне устойчивого роста населения в трудоспособном возрасте одновременно происходит некоторое снижение доли женского населения (с 49% в 1990 г. до 47,6% к 2023 г.).

Одновременно наиболее уязвимыми с точки зрения расширения расходов на потребление социальных услуг и, как следствие, роста качества человеческого капитала, являются:

1. Япония – в которой в последние десятилетия наблюдается как устойчивое снижение доли населения в трудоспособном возрасте, так и увеличение доли женского населения, которое превалирует над мужским;
2. Таиланд – в котором, несмотря на существенно более высокую долю населения в трудоспособном возрасте (в среднем 71% в последнее десятилетие по сравнению, например, с 59% для Японии), доля прекратила прирастать, при этом доля женского населения демонстрирует рост;
3. Республика Корея – где также наблюдается стагнация прироста доли населения в трудоспособном возрасте на фоне увеличения доли женщин, хотя негативные

эффекты в Республике Корея в условиях относительно более благоприятных стартовых условий (средняя доля трудоспособного населения – 72%, а женское перешло за отметку 50% только в последние 5 лет) будут иметь отсроченный эффект и более ощутимое влияние на снижение расходов окажут в перспективе 7–15 лет.

Китай, несмотря на очевидное в последние годы старение населения, выражающееся в сокращении доли граждан в трудоспособном возрасте, одновременно сохраняет устойчивую и почти не растущую долю женского населения (примерно на уровне 48,9%). Т.е. несмотря на сложности перехода страны к полноценной модели роста, движимого внутренним потреблением, спрос на услуги образования и здравоохранения в стране будет расти опережающими темпами, стимулируя показатели человеческого развития и инновационный потенциал населения.

ГЛАВА 5. СТРАНОВЫЕ МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЛЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА В АЗИИ

5.1. Модели потребления домохозяйств по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления

С учетом рассчитанного в параграфе 4.1 влияния ключевых детерминант на динамику потребительских расходов домохозяйств можно определить характерные модели потребления в каждой их 10 стран Азии. В большинстве стран региона доминирующим является доходно-ориентированная модель, при этом набор сопутствующих моделей позволяет выявить важные страновые различия.

В Китае пик темпов прироста потребительских расходов пришелся на 2011 г., в 2012–2017 гг. расходы домохозяйств устойчиво росли в среднем на 8,5–9%, затем прирост пошел на спад, демонстрируя высокий прирост только в 2021 г. на фоне частичного восстановления после падения в 2020 г. в условиях пандемии (см. Рисунок 40).

Обусловлен этот рост в период пика был в первую очередь ростом доходов, сопряженным с рекордными темпами приращения городского населения и развитием сферы услуг, включая финансовый сектор. Определенную положительную роль сыграло и сокращение вклада внешней торговли в ВВП. Однако уже с 2017–2018 гг. потенциал всех ключевых драйверов роста потребительского спроса начал исчерпываться, что выразилось в сокращении темпов роста. Темпы прироста доходов снижались (как и приращение городского населения), расширение сектора услуг замедлилось, динамика индекса финансового развития демонстрировала нисходящий или нейтральный тренд. Ситуация усугублялась сохраняющимся (как и в прошлые годы) снижением доли населения в трудоспособном возрасте за счет старения населения. Единственным стабильно поддерживающим потребление фактором стал опережающий рост доли женского населения после 2014 г., хотя его вклад в темпы прироста оказался мизерным. Помимо доходно-ориентированной Китай в последние годы следовал структурно-урбанизационной модели потребления домохозяйств, поскольку суммарно вклад урбанизации и роста сферы услуг в стимулировании потребления домохозяйств в среднегодовом выражении колебался от 25% до 30%.

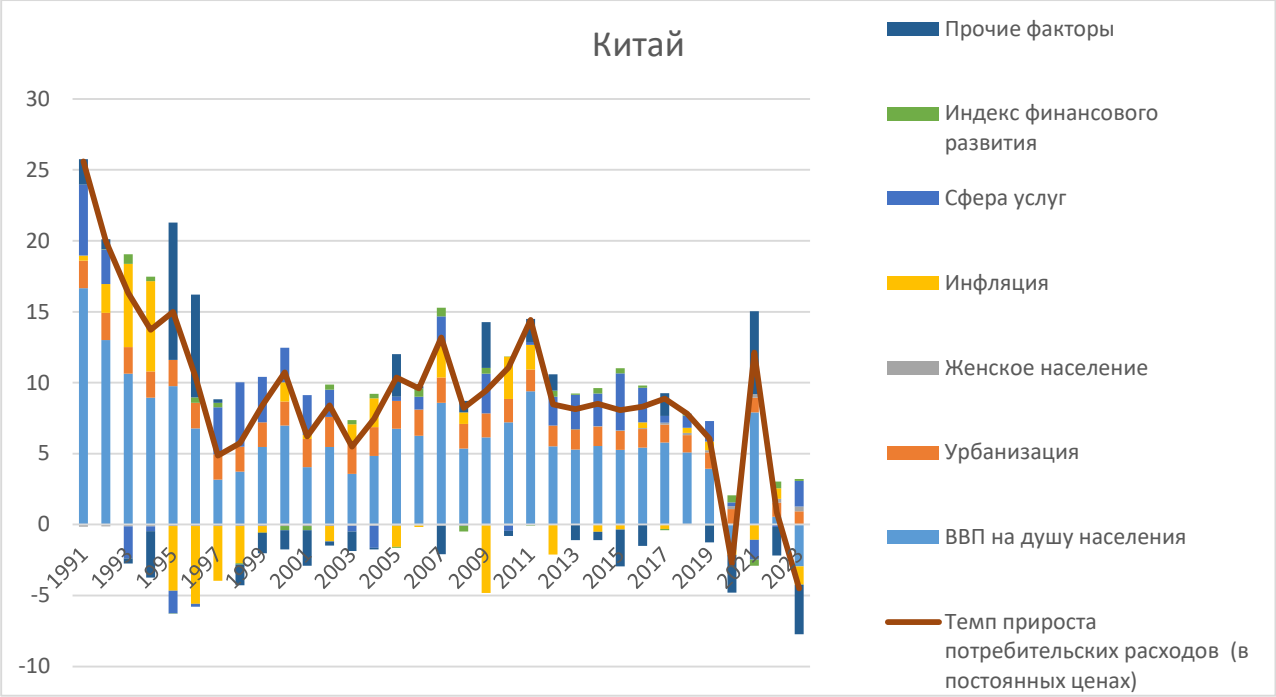

Рисунок 40 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Китае и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

В Японии, которая никогда не была страной, ориентированной на внутреннее потребление, устойчивый ежегодный прирост потребления наблюдался в начале 2000-х гг., хотя даже тогда темпы прироста существенно отставали от средних по региону.

Динамика последнего десятилетия была крайне нестабильной: рост 2012–2013 гг. сменялся отрицательным приростом в 2014–2016 гг., за которым снова последовал положительный всплеск 2017–2018 гг. и падения на фоне начала пандемии (см. Рисунок 41).

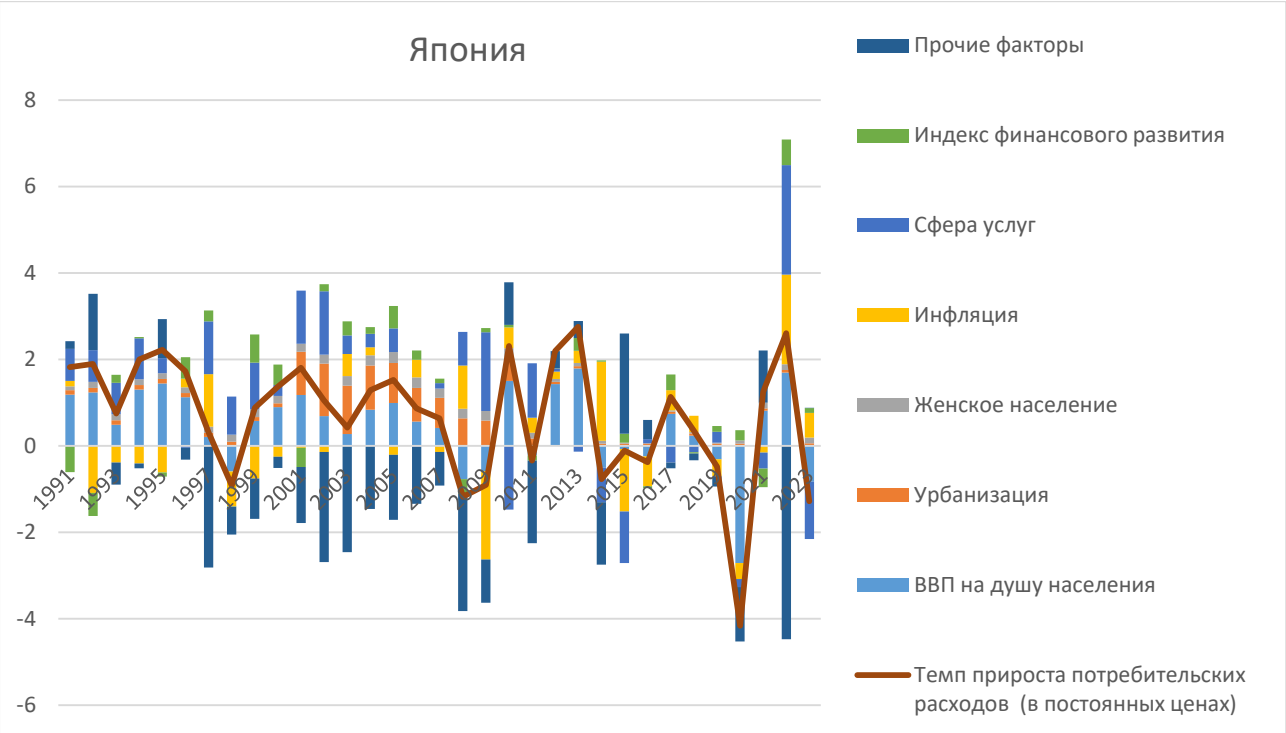

Рисунок 41 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Японии и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

Стабилизирующую роль играют доходы и рост доли городского населения, в то же время старение населения, сопряженное с сокращением доли в трудоспособном возрасте, по-прежнему – один из главных сдерживающих факторов. Потенциал дальнейшего расширения сферы услуг в стимулировании частного потребительского спроса также исчерпан: пик роста пришелся на начало 2000-х гг., за которым следовало устойчивое сокращение доли услуг в ВВП страны. В некоторой степени поддерживающим фактором является дальнейшее развитие финансового рынка, индустрии fintech и информационно-коммуникационных технологий, которые даже в условиях пандемии поддерживали внутренний спрос. В условиях нестабильной динамики реальных доходов Япония фактически является единственной страной, потребительскую модель которой нельзя назвать доходно-ориентированной. Неустойчивый рост потребительских расходов в отдельные годы обеспечивается развитием финансового рынка и также весьма неустойчиво инфляционными ожиданиями и развитием сферы услуг, т.е. страна характеризуется институционально-финансовой моделью в сочетании с инфляционно-адаптивной.

Республика Корея сохраняет устойчивые положительные темпы прироста расходов домохозяйств на конечное потребление, и главным их драйвером выступает устойчивый рост доходов (см. Рисунок 42).

Рисунок 42 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Республике Корея и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

При этом развитие сферы услуг и финансового рынка еще сохраняет потенциал дальнейшего роста и стимулирующий ресурс на горизонте 5–7 лет, однако в дальнейшем существует риск их исчерпания, что в сочетании с тревожными демографическими тенденциями (старением населения и, как следствие, устойчивым сокращением доли населения в трудоспособном возрасте) и сохраняющимся отрицательным приростом доли городского населения приведет в дальнейшем к истощению потребительского ресурса страны. Одновременно 20–25% роста потребительских расходов домохозяйств приходятся на демографический компонент – увеличение доли женщин в структуре населения страны. Соответственно, при доминирующей доходно-ориентированной модели в качестве сопутствующих выступают социально-демографическая и институционально-финансовая модели.

Индию фактически уже сегодня можно назвать главным центром регионального потребления, хотя потенциал страны еще не в полной мере реализован. Темпы прироста

потребительских расходов домохозяйств в реальном выражении были не просто положительными, но демонстрировали устойчивый восходящий тренд в предпандемийные десятилетия (см. Рисунок 43).

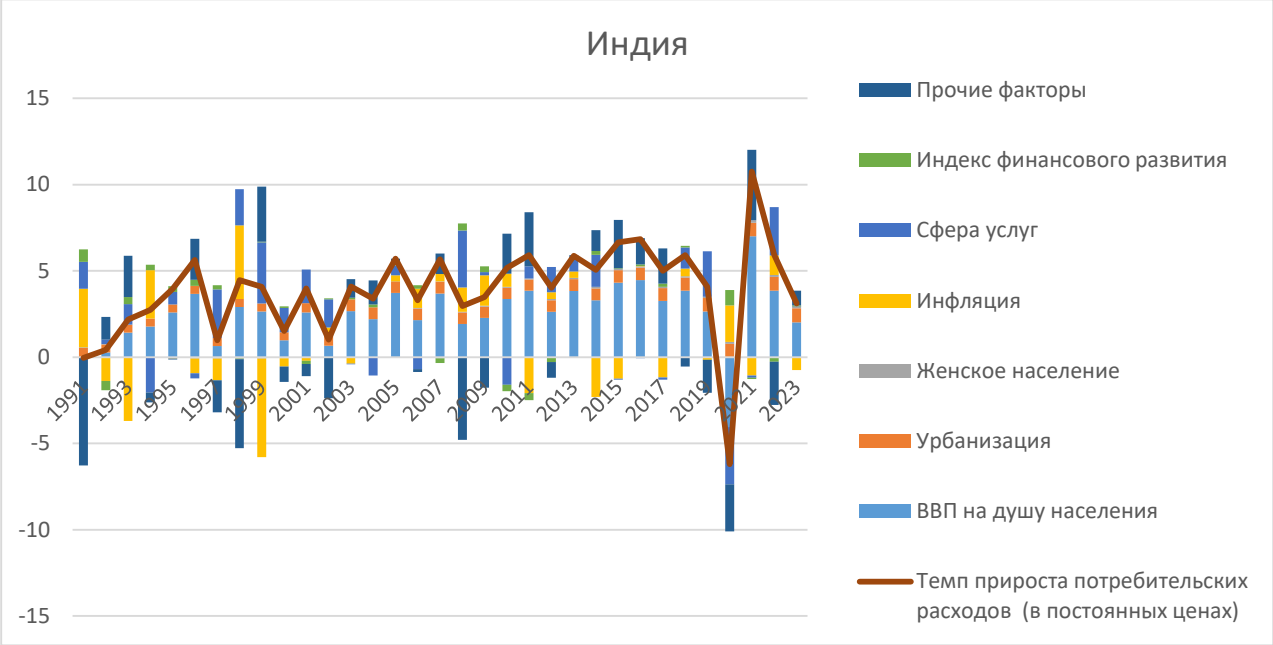

Рисунок 43 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Индии и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

В кратко- и среднесрочной перспективах дополнительный прирост расходов домохозяйств на конечное потребление будет обеспечиваться ускоренным ростом доходов и доли городского населения, которое даже в условиях пандемии прирастало опережающими темпами по сравнению с 2010–2018 годами. Сохраняющийся продолжительный прирост доли населения в возрасте от 15 до 64 лет и опережающий прирост доли женского населения также будут продолжать поддерживать спрос, хотя необходимо учитывать замедляющиеся темпы прироста населения в трудоспособном возрасте, что в долгосрочной перспективе может сдерживать расширение потребительских расходов индийских домохозяйств. Важно также, что колоссальным, фактически не используемым сегодня источником роста потребительского спроса является развитие сферы услуг и финансового рынка. Доминирующей потребительской моделью выступает доходно-ориентированная, сопутствующей – структурно-урбанизационная модель.

Очень похожая на Индию ситуация складывается в Индонезии, хотя и при относительно более умеренных темпах роста потребительских расходов домохозяйств. Устойчивый рост доходов, урбанизация и положительный прирост трудоспособного населения будут выступать на горизонте 10–15 лет ключевыми драйверами частного спроса (см. Рисунок 44).

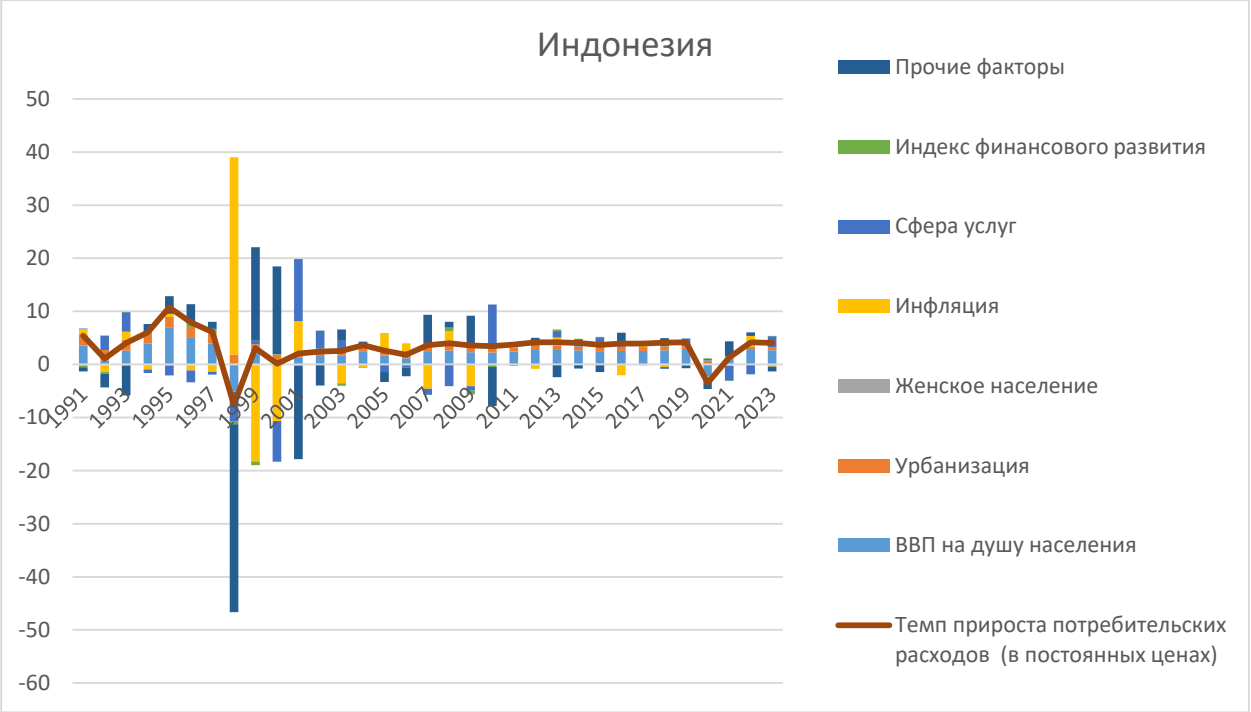

Рисунок 44 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Индонезии и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

На фоне пандемии наметился также необычный для страны тренд к увеличению доли женского населения. В случае укрепления этого тренда он также в некоторой степени способен поддержать потребительский спрос. По аналогии с Индией за счет относительной неразвитости сферы услуг и финансового рынка их стимулирующий ресурс остается фактически не задействованным. Именно эти факторы в случае успешной политики развития финансовой инфраструктуры, инклюзии и повышения доверия к финансовым институтам могут на ближайшие 15–20 лет обеспечить устойчивый рост частного потребления как в Индии, так и в Индонезии. Индонезия также следует доходно-ориентированной модели потребления домохозяйств в сочетании со структурно-урбанизационной.

Малайзия является одной из тех стран региона, которая сегодня находится на пике реализации собственного потребительского потенциала, сохраняя наиболее высокие темпы прироста потребительских расходов домохозяйств в реальном выражении в условиях устойчивых текущих и постоянных доходов (см. Рисунок 45).

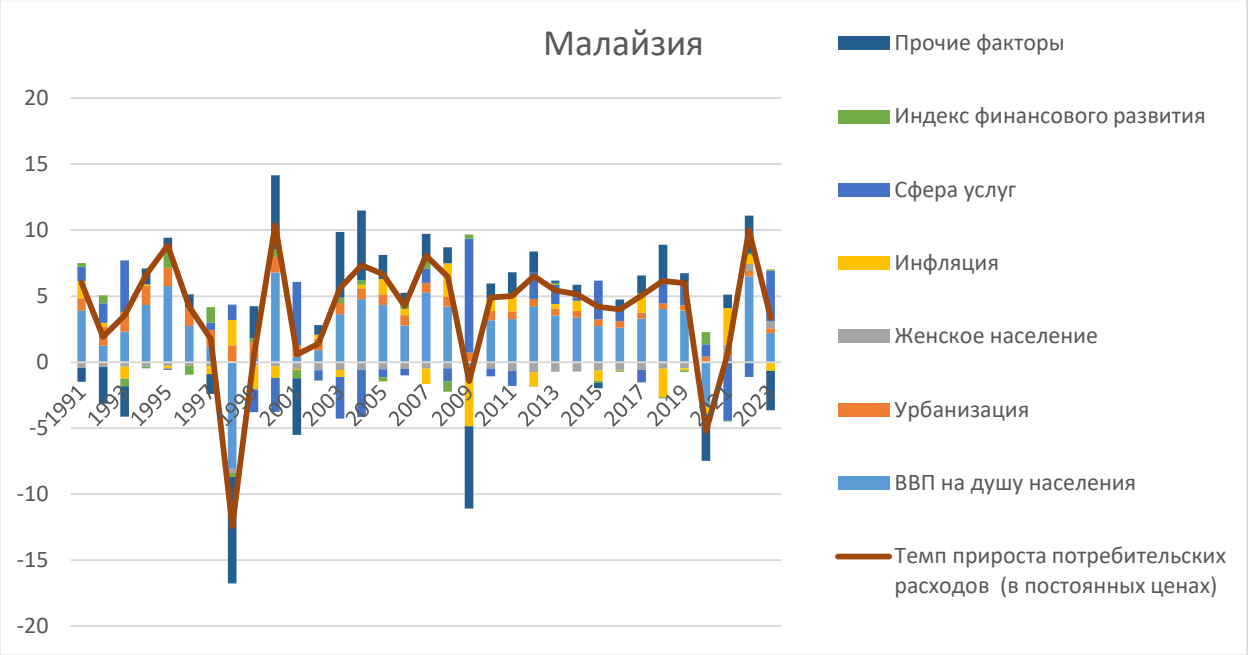

Рисунок 45 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Малайзии и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

Потребительский спрос домохозяйств поддерживает и устойчивый рост доли городского населения, а также сохраняющиеся положительные темпы прироста доли населения в трудоспособном возрасте, ускорившиеся в период восстановления после пандемии. 2020 г. стал переломным и в части динамики гендерной структуры населения страны: в условиях коронакризиса устойчивое, традиционное для страны снижение доли женского населения сменилось ее ростом, что также стимулирует рост потребительских расходов в расчете на душу населения. Положительное влияние оказывают также рост сферы услуг и финансового рынка (вклад которого, однако, на текущий момент крайне низок). Потенциал их положительного воздействия на потребительский спрос может сохраняться и на горизонте 7–10 лет. Как и Индонезия, Малайзия следует доходно-ориентированной модели потребления домохозяйств в сочетании со структурно-урбанизационной. При этом в средне- и долгосрочной перспективах на фоне

постковидной гендерной ребалансировки (резкого роста доли женского населения) может усилиться значение социально-демографической модели.

Филиппины – также один из наиболее быстро растущих потребительских рынков, потенциал которого при благоприятной динамике ключевых детерминант может раскрыться в долгосрочной перспективе 15–20 лет. Реальные доходы населения растут, причем опережающими темпами до пандемии прирастали не только текущие, но и постоянные доходы, что способно сильнее стимулировать потребительский спрос. Набирают скорость процессы урбанизации, соответственно, при сохраняющейся динамике прирост доли городского населения будет выступать драйвером частного потребления в ближайшие минимум 10–15 лет. Развитию потребительского потенциала содействует и благоприятная демографическая структура: рост доли населения в трудоспособном возрасте (ускорившийся в 2021–2023 гг. на фоне пандемии) и устойчивый положительный прирост после 2015 г. доли женского населения (см. Рисунок 46).

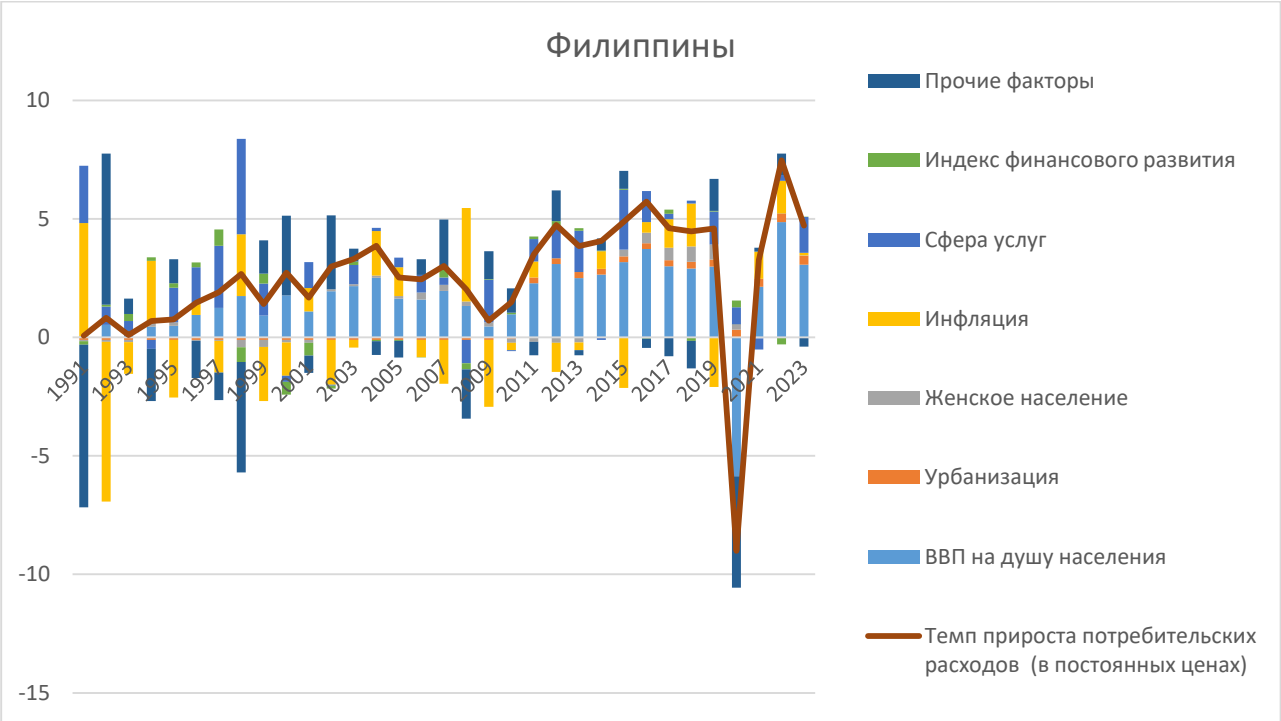

Рисунок 46 – Динамика потребительских расходов домохозяйств на Филиппинах и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

Стремительный рост сферы услуг также выполняет и будет продолжать выполнять стимулирующую функцию в расширении потребительских расходов домохозяйств, а вот потенциал развития финансового рынка, как и в Индонезии, остается нереализованным за счет существенного отставания от прочих региональных экономик. Именно развитие финансовых институтов и технологий способно в долгосрочной перспективе выступить дополнительным драйвером частного спроса. Доходно-ориентированная модель сопровождается структурно-урбанизационной, хотя последняя проявляется недостаточно устойчиво. В отдельные годы (2013, 2015) суммарный вклад урбанизации и расширения сферы услуг приносили до 30% прироста потребительских расходов домохозяйств, однако в иные периоды большим оказывался вклад инфляционных ожиданий и/или роста доли женского населения.

Сингапур сохраняет положительные темпы прироста расходов домохозяйств на конечное потребление, хотя необходимо понимать, что потенциал дальнейшего роста постепенно исчерпывается. Пик роста ключевых детерминант частного потребления – текущих и постоянных доходов, а также развития сферы услуг и финансового рынка пришелся на период 1999–2007 годов (см. Рисунок 47).

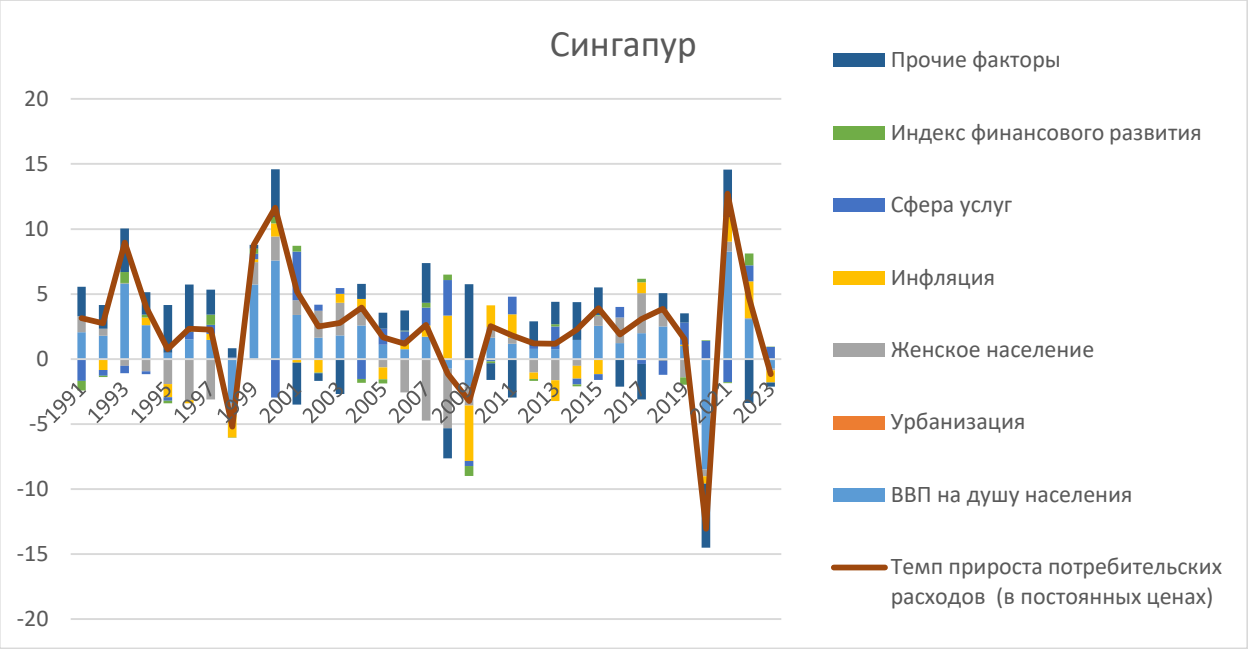

Рисунок 47 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Сингапуре и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

Ситуация усугубляется и устойчивым старением населения, что будет в среднесрочной перспективе сдерживать потребительский спрос. В этих условиях среднесрочный потребительский ресурс сингапурского общества фактически зависит от динамики развития финансового сектора, fintech-индустрии[835] и проводимой социальной политики, определяющей прирост реальных доходов социально уязвимых групп населения. Доходно-ориентированная модель сочетается в Сингапуре с социально-демографической, причем в условиях сдержанного роста реальных доходов в отдельные годы вклад прироста доли женского населения в рост потребления домохозяйств оказывался даже выше вклада доходного фактора.

Таиланд также относится к числу перспективных потребительских рынков. Высокие положительные темпы прироста потребительских расходов обусловлены устойчивым ростом текущих и постоянных доходов, при этом опережающий рост текущих доходов создает прочную основу для последующего опережающего роста потребления на горизонте ближайших 5–10 лет. Период после Глобального финансового кризиса заложил основу интенсивного развития сферы услуг и финансового сектора, которые сохраняют устойчивые темпы роста, формируя долгосрочный задел в реализации страной собственного потребительского потенциала (см. Рисунок 48).

В то же время тревожной тенденцией является закрепившееся с 2014 г. и стремительно прогрессирующее сокращение доли населения в трудоспособном возрасте, которое, однако, сопровождается ростом доли женского населения, что способно смягчить негативное влияние фактора старения населения. По аналогии с иными странами АСЕАН (в частности, Малайзией и Индонезией) Таиланд следует доходно-ориентированной модели потребления домохозяйств в сочетании со структурно-урбанизационной, хотя в отдельные периоды последних лет проявлялись также социально-демографическая модель (в 2020 г. на фоне существенно более высокой смертности среди мужского населения) и инфляционно-адаптивная (в 2021–2022 гг.).

[835] Заболоцкая В.В. Сингапур и Гонконг – лидеры Азии в развитии индустрии Fintech и ИКТ / В.В. Заболоцкая // Азия и Африка сегодня. 2025. № 1. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0321507525010036.

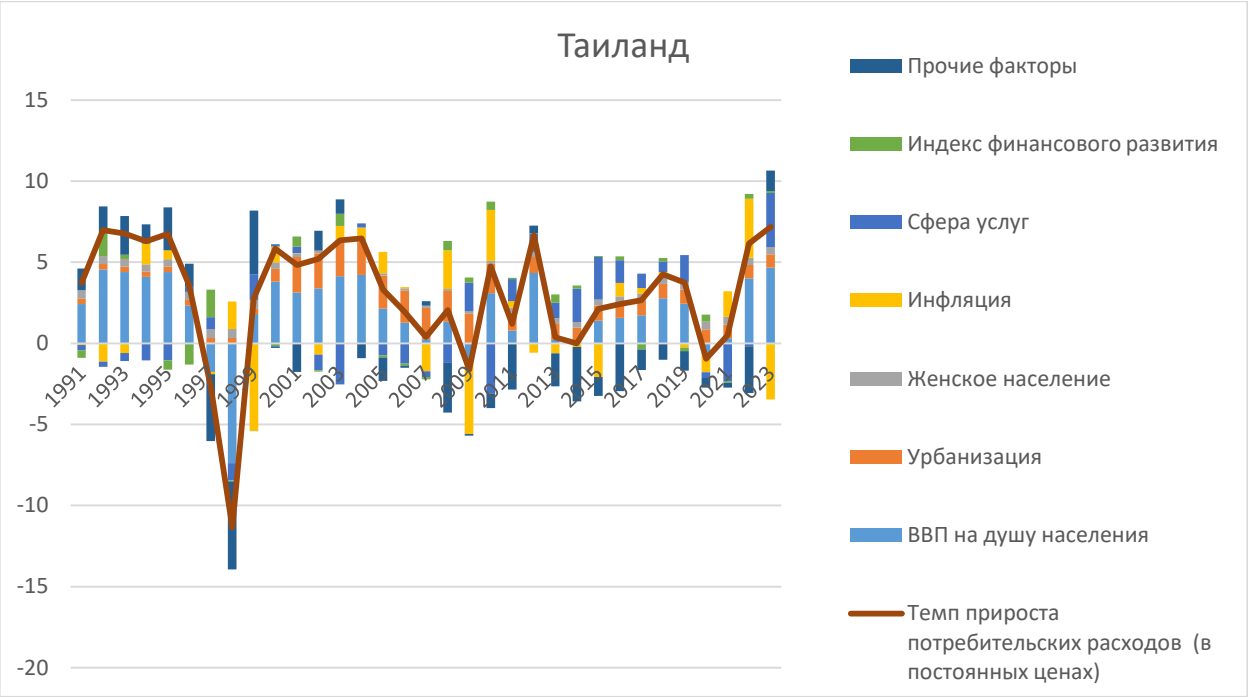

Рисунок 48 – Динамика потребительских расходов домохозяйств в Таиланде и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

Вьетнам сохраняет позиции регионального лидера по темпам прироста потребительских расходов домохозяйств в расчете на душу населения. Основными факторами выступают рост текущих доходов, способный предопределить долгосрочную устойчивость частного потребления на горизонте 10–15 лет, и стремительные ускоряющиеся в последние годы процессы урбанизации (см. Рисунок 49).

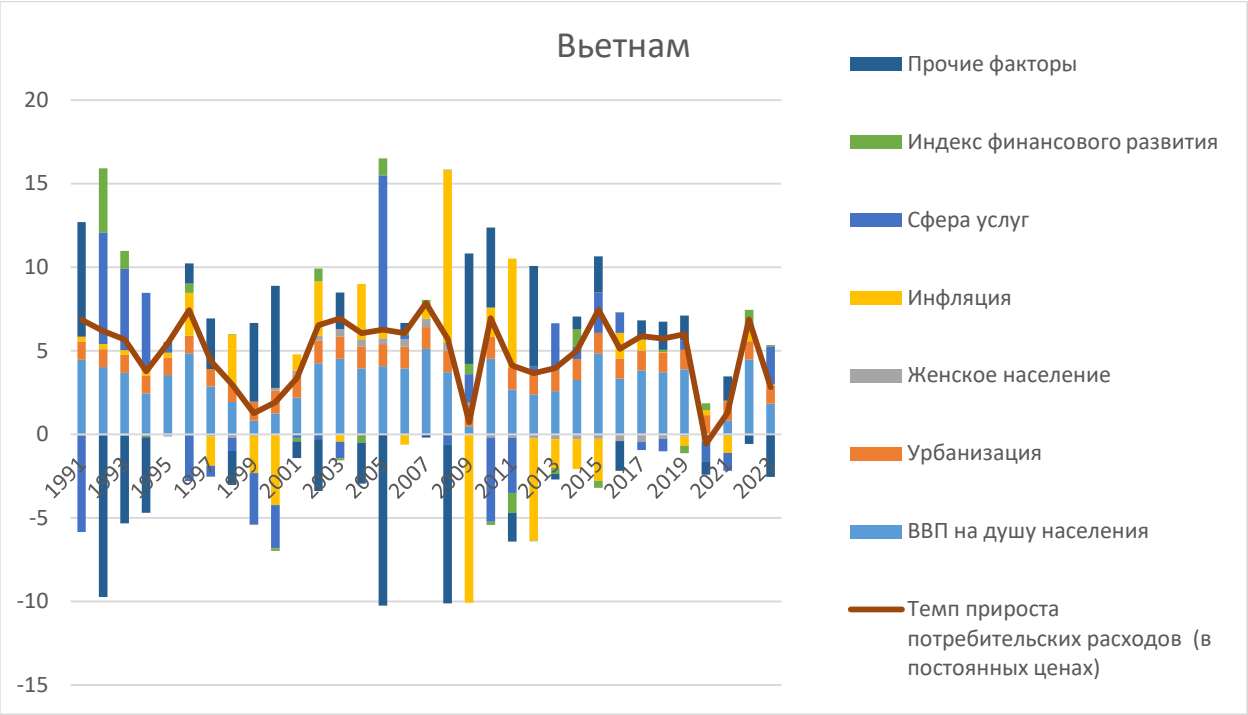

Рисунок 49 – Динамика потребительских расходов домохозяйств во Вьетнаме и вклад ключевых компонентов, %

Источник: построения автора на основе проведенных расчетов.

По сравнению с иными странами региона развитие сферы услуг и финансового рынка во Вьетнаме фактически остается на начальном уровне, что, с одной стороны, сдерживает текущее потребление, а с другой, способно создать задел для расширения потребительского спроса в будущем. Как и в Таиланде, во Вьетнаме в последние годы наметились некоторые неблагоприятные демографические тенденции, несмотря на общую достаточно высокую по региональным меркам долю населения в возрасте от 15 до 64 лет и превалирование женского населения. После 2012 г. доля обеих категорий в половозрастной структуре населения сокращается, что сдерживает рост расходов домохозяйств на конечное потребление. Одновременно с доходно-ориентированной моделью фигурирует структурно-урбанизационная, тяготеющая, однако, в перспективе 5–10 лет смениться институционально-финансовой.

Выявленные по итогам анализа модели потребления домохозяйств в Азии можно наглядно представить в виде Таблицы 43.

Таблица 43 – Модели потребления домохозяйств в Азии по ключевым социально-экономическим детерминантам

№	Страна	Основная модель	Дополнительные сопутствующие модели	Профиль модели потребления
1	**Китай**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная	Рост потребления обусловлен доходами, урбанизацией и стремительным расширением сферы услуг
2	**Индия**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная	Урбанизация активно меняет потребление, хотя сектор услуг развивается неравномерно
3	**Япония**	Институционально-финансовая	Инфляционно-адаптивная	Снижение доходов, слабый спрос. Потребление частично поддерживается развитием финансового рынка
4	**Республика Корея**	Доходно-ориентированная Социально-демографическая	Институционально-финансовая	Рост потребления через расширение доли и участия женщин в экономике, а также развитие сферы услуг
5	**Индонезия**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная	Урбанизация – ключевой фактор. Сфера услуг пока влияет слабее, но набирает силу
6	**Малайзия**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная. Социально-демографическая (неустойчиво на фоне COVID-19)	Рост потребления за счет урбанизации и услуг. Гендерная структура пока нестабильна
7	**Филиппины**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная	Многофакторная модель: урбанизация, рост доли женского населения. Сфера услуг пока нестабильна
8	**Сингапур**	Доходно-ориентированная. Социально-демографическая	-	Зрелая структура: женское население и услуги – ключевые трансмиссионные каналы
9	**Таиланд**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная	Рост потребления опирается на городскую среду, сферу услуг и участие женщин
10	**Вьетнам**	Доходно-ориентированная	Структурно-урбанизационная.	Устойчивый рост через урбанизацию и улучшение доступа к финансовому

№	Страна	Основная модель	Дополнительные сопутствующие модели	Профиль модели потребления
			Институционально-финансовая (в перспективе)	рынку. Сфера услуг – в процессе роста

Источник: составлено автором.

Доминирующими моделями являются доходно-ориентированная и структурно-урбанизационная. С учетом текущего уровня урбанизации и темпов прироста доли населения, проживающего в городах, в наибольшей степени их стимулирующее влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств в кратко- и среднесрочной перспективах будет проявляться в Китае, Малайзия, Индонезия, Таиланде, в более отсроченной перспективе – в Индии и Вьетнаме. Развитие сферы услуг в среднесрочной перспективе может стимулировать рост потребительского спроса в Китае, Малайзии, Республика Корея, а в средне- и долгосрочной перспективе – на Филиппинах и в Таиланде. Женский фактор, а именно прирост доли женского населения, стимулирует потребительский спрос домохозяйств в Республике Корея и Сингапуре, в меньшей степени – на Филиппинах и в Таиланде, на фоне COVID-19 в краткосрочной перспективе гендерный реверс проявился в Малайзии. В Японии потенциал дальнейшего развития потребительского рынка фактически отсутствует; в среднесрочной перспективе (до 2030 г.) можно ожидать исчерпания ресурса развития потребительских рынков Сингапура и Республики Корея. При этом центрами интенсивного роста потребительского спроса в 2025–2035 гг. будут выступать Малайзия, Таиланд и Индия; в 2030–2040 гг. – Индонезия, Вьетнам и Филиппины.

5.2. Модели потребления домохозяйств в зависимости от категории дохода

Оценка индивидуальных страновых особенностей, определяющих паттерны потребительского поведения, основана на выявлении влияния детерминант на уровне отдельных государств. Такой подход предполагает работу не с массивом панельных данных, как в случае оценки глобальных и региональных трендов (параграфы 4.1 и 4.2), а с временными рядами.

В основу количественного анализа зависимости потребительских расходов домохозяйств от предложенного набора факторов на уровне отдельной страны был

положен тест причинности Грейнджера (Granger causality test), основанный на измерении способности предсказывать будущие значения одного параметра, основываясь на значениях другого. Использование теста Грейнджера позволяет одновременно достичь нескольких целей:

- определить значимость взаимного влияния двух факторов и характер их взаимосвязи;
- отследить отсроченный эффект взаимного влияния факторов и временной лаг, на котором соответствующие детерминанты оказывают влияние на показатели потребления;
- определить степень влияния этого фактора, в т.ч. сделать выводы о характере модели потребления (наибольшем вкладе тех или иных факторов в его рост), сопоставив соответствующие коэффициенты;
- отследить как изолированное влияние каждого фактора, так и одновременное влияние группы детерминант на показатель потребления на разных временных горизонтах.

Как уже описано в Главе 1, классические теории потребления опираются на фактор дохода в качестве ключевого в стимулировании внутреннего спроса: абсолютного дохода[836] или постоянного[837]. Развивая теории классиков, А. Бхадури и С. Марглин[838] предложили разграничение режима спроса, ориентированного на заработную плату, а также режима спроса, ориентированного на прибыль. Увеличение заработной платы (при заданных производительности труда и доходе) может оказывать стимулирующий эффект на потребление (поскольку у работников обычно будет более высокая предельная склонность к потреблению), но это может иметь негативные последствия для инвестиций (поскольку норма прибыли сокращается) и на чистый экспорт (поскольку более высокие зарплаты негативно влияют на конкурентоспособность). Сумма этих эффектов будет определять, будет ли спрос обусловлен заработной платой или прибылью.

---

[836]Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / J.M. Keynes. London : Macmillan, 1936.

[837]Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. Princeton University Press, 1957.

Hall R., Mishkin F. The Sensitivity of Consumption to Transitory Income: Estimates from Panel Data on Households / R. Hall, F. Mishkin // Econometrica. 1982. Vol. 50, Issue 2. P. 461–481.

Campbell J., Mankiw N.G. Permanent Income, Current Income, and Consumption / J. Campbell, N.G. Mankiw // Journal of Business & Economic Statistics. 1990. Vol. 8, Issue 3. P. 265–279.

[838]Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. 1990. № 14. P. 375–393.

Посткейнсианские исследования макроэкономики финансиализации или капитализма с доминированием финансов породили понятие «режимы спроса и роста в условиях финансиализации». Были выведены два крайних и противоположных режима – режим «бум частного спроса, ведомый долгами» и «меркантилистский режим, ведомый экспортом». Первый опирается на финансируемый за счет долга частный (потребительский) спрос как основной источник спроса и роста, второй опирается на внешний спрос и приводит к росту задолженности иностранных секторов[839].

Ключевой детерминантой расходов на конечное потребление остается доход, и экономическая политика также воздействует на потребительское поведение домохозяйств через доходный канал. Доминирующий доходно-ориентированный паттерн потребления домохозяйств необходимо рассматривать более детально, выделяя внутри него модели, опирающиеся на разные категории дохода. На основе анализа литературы, в т.ч. детерминант частного потребления и выделяемых моделей потребления домохозяйств, предлагаем выделить пять моделей потребления домохозяйств в зависимости от категории дохода:

1) движимого доходами в целом (текущий и постоянный доход) (income-driven consumption model) – модель, в которой расходы домохозяйств напрямую зависят от уровня их общего располагаемого дохода, включая текущий или ожидаемый (постоянный) доход;
2) движимого заработной платой (wage-driven consumption model) – модель, в которой расходы домохозяйств напрямую зависят от узкой категории трудовых доходов в виде заработной платы, а соответственно, их динамика напрямую определяется государственной политикой в области занятости и установленного минимального размера оплаты труда;
3) движимого общими доходами работников (earnings-driven consumption model) – модель, в которой ключевой детерминантой расходов на конечное потребление выступают совокупные трудовые доходы работников, включая как основную заработную плату, так и премии, надбавки, компенсации, оплату сверхурочных и иные формы денежного и неденежного вознаграждения в рамках трудовой деятельности. Эта модель по сравнению с предыдущей более чувствительна к

[839] Hein E. Financialisation and Tendencies Towards Stagnation: The Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and After the Financial and Economic Crisis 2007–09 / E. Hein // Cambridge Journal of Economics. 2019. Vol. 43. № 4. P. 975–999.

изменениям на рынке труда – уровню безработицы, росту минимальной заработной платы, регулированию условий труда и проч.;

4) потребление, определяемое динамикой цен (модель с ценовой чувствительностью) (price-sensitive consumption model) – модель, в которой решения о потреблении в значительной степени определяются уровнем текущих и/или ожидаемых цен;
5) движимого долгами (debt-driven consumption model) – модель, в которой расходы на потребление домохозяйств стимулируются благодаря росту заимствований, закредитованности, расширения доступа домохозяйств к кредитным ресурсам).

Возможно достижение смешанного типа за счет комбинации факторов.

Метод декомпозиции факторов дохода (от общего ВНД на душу населения к оценке влияния общего уровня доходов работников и более узко – заработных плат) позволяет дифференцировать эти драйверы частного спроса и, соответственно, прийти к прикладным выводам о направлениях корректировки государственной политики в области доходов (например, определить, что произойдет с совокупным спросом, если функциональное распределение дохода между заработной платой и иными дополнительными выплатами изменится в пользу заработной платы[840] или насколько более эффективной может оказаться гибкая корпоративная политика в области доходов, где б*о*льшую часть составляют категории сдельных надбавок, доплат, премий и проч.). Потребительский режим может определяться одним из факторов или их сочетанием.

В качестве зависимых были выбраны две категории переменных – темпы прироста расходов на конечного потребление домохозяйств на душу населения и доля частного потребления домохозяйств в структуре ВВП. Набор тестируемых факторов соответствует предложенной типологизации потребительских режимов и включает показатели текущего дохода (прирост ВНД на душу населения), постоянного дохода (среднегодовой прироста ВНД на душу населения за 5 лет), прироста доходов и заработных плат работников, динамику объема кредитования частного сектора (для оценки долгового фактора в стимулировании потребления) и динамику индекса потребительских цен. Источники и период доступности данных представлены в Таблице 44.

[840] Hein E. Financialisation and Tendencies Towards Stagnation: The Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and After the Financial and Economic Crisis 2007–09 / E. Hein // Cambridge Journal of Economics. 2019. Vol. 43. № 4. P. 975–999.

Таблица 44 – Категории дохода для оценки моделей потребления домохозяйств в Азии

Наименование индикатора		Период данных	Условное обозначение	Источник данных
Темпы прироста расходов домохозяйств на конечное потребление на душу населения (в постоянных ценах 2015 г.), %	Households and NPISHs Final consumption expenditure per capita (constant 2015 USD) growth rate	1971-2023	HFCE_growth	World Bank Databank https://databank.worldbank.org/
Доля расходов домохозяйств на конечное потребление в ВВП	Households and NPISHs final consumption expenditure (% of GDP)	1971-2023	HFCE_share	World Bank Databank https://databank.worldbank.org/
Темп прироста валового внутреннего дохода на душу населения (в постоянных ценах 2015 г.), %	GNI per capita (constant 2015 USD) growth rate	1995-2023	GNI_growth	World Bank Databank https://databank.worldbank.org/
Среднегодовой темп прироста валового внутреннего дохода на душу населения за 5 лет, %	5-year average GNI per capita growth rate	1996-2023	GNI_5_growth	World Bank Databank https://databank.worldbank.org/
Темп прироста внутреннего кредитования частного сектора, %	Domestic credit to private sector growth rate	1986-2023	Credit_growth	World Bank Databank https://databank.worldbank.org/
Темп прироста среднемесячных доходов работников, %	Average monthly earnings of employees growth rate	1971-2022	Earning_growth	International Labour Organization Statistics https://ilostat.ilo.org/
Темп прироста индекса недельного дохода, %	Wages, Weekly Earnings Index Growth Rate	1982-2016	Wage_growth	International Labour Organization Statistics https://ilostat.ilo.org/
Темп прироста индекса потребительских цен	Consumer Price Index Growth Rate	1986-2023	CPI_growth	International Monetary Fund https://data.imf.org/

Источник: составлено автором.

Все временные ряды были проверены на стационарность с применением расширенного теста Дики – Фуллера (augmented Dickey – Fuller (ADF) test). Стационарность была подтверждена во всех случаях.

При проведении количественного анализа крайне важно оценивать влияние факторов в два этапа: (1) самостоятельное влияние каждого фактора на уровень частного потребления домохозяйств, (2) влияние всех исследуемых факторов в совокупности с учетом их взаимного влияния друг на друга. Например, накопление капитала также может осуществляться за счет заработной платы или прибыли в зависимости от того, какие инвестиции в большей степени реагируют на расширение спроса или на долю прибыли. На производительность труда также влияют сдвиги в функциональном распределении доходов, и она может определяться заработной платой или прибылью[841]. Аналогичным образом расширение кредитования предопределяет сдвиги в структуре доходов, соответственно, может оказывать как прямое влияние на уровень текущего потребления, так и косвенное – через фактор совокупного дохода.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты.

Китай. Особенностью китайской экономики и потребительского поведения страны остается сравнительно низкая эластичность по уровню дохода (Таблица 45). Несмотря на значимое влияние прироста ВНД на душу населения на темпы прироста частного потребления (также оцененного на душу населения), соответствующий коэффициент меньше единицы. При этом на среднесрочном горизонте соответствующий эффект выше: если через 2 года 1%-й рост ВНД на душу населения обеспечивает прирост частного потребления лишь на 0,6%, то через 4 года такой прирост в годовом исчислении составит 0,82%, что в целом соответствует ранее подтвержденной в параграфе 4.1 более высокой эластичности потребительских расходов домохозяйств по уровню постоянного дохода. При этом важно, что прирост ВНД на душу населения обеспечивает не только значимый положительный прирост частного потребления в абсолютном выражении, но и увеличение его доли в структуре ВВП. То есть рост доходов населения в разной степени определяет динамику и иных компонентов ВВП, однако на потребление он влияет в относительно большей степени, за счет чего доля частного потребления в ВВП постепенно прирастает: на 0,12% на 2-летнем горизонте и на 0,3% - на 4-летнем горизонте (в среднегодовом исчислении).

[841]Storm S., Naastepad C.W. Macroeconomics Beyond the NAIRU / S. Storm, C.W. Naastepad. Cambridge : Harvard University Press, 2012. 342 p.

Таблица 45 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Китае

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	0,60341*(2) 0,820375** (4)	0,123572* (2)
GNI_5_growth	–	0,296776** (4)
Credit_growth	–	–
Earning_growth	–	-0,02387* (2)
Wage_growth	–	0,066828* (3) 0,082346** (4)
CPI_growth	–	0,109425* (3) 0,136459* (4)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Это важный результат, свидетельствующий о том, что политика в области стимулирования потребления может способствовать расширению частного потребления, в т.ч. в структуре ВВП, однако в Китае этот процесс происходит существенно более медленно, нежели в других странах региона, а стимулирующий эффект роста доходов растягивается фактически на 8–9 лет.

Одновременно немаловажно влияние на динамику доли частного потребления в ВВП оказывают факторы разных категорий дохода – заработных плат и общих доходов работников организаций. Прослеживается очень интересная тенденция: прямого влияния на темпы прироста и объемы частного потребления эти категории дохода не оказывают, т.е. при росте заработных плат (так же, как и общих доходов) значимого расширения потребления не происходит, однако оно наблюдается в части изменения доли частного потребления в структуре ВВП. Рост зарплат способствует постепенному увеличению доли потребления в ВВП: на 0,07% и 0,08% через 2 и 4 года, соответственно. А вот рост общих доходов работает иначе: дополнительный прирост доходов работников в большей степени стимулирует сбережения и инвестиции, нежели частное потребление, что в итоге выражается в снижении доли потребления в структуре ВВП на 0,02% через 2 года. Фактически это означает, что дополнительный доход, полученный в виде премий, доплат, социальных выплат китайские домохозяйства склонны направлять не на текущее потребление, а на накопления с возможностью дальнейшего инвестирования. То есть

политика в области доходов имеет крайне противоречивый эффект: она определенно стимулирует общий экономический рост страны, однако действует не только и не столько через потребительский канал, сколько через инвестиции.

Косвенное влияние на прирост частного потребления оказывает и инфляция. На фоне отсутствия значимого прямого влияния, рост уровня цен негативно сказывается на прочих компонентах в структуре ВВП, в то время как частное потребление остается менее чувствительным, в результате чего его доля в среднесрочной перспективе постепенно растет: на 0,11% и 0, 14% через 3 и 4 года, соответственно.

Исследование совокупного влияния группы детерминант выявило значимое влияние на прирост частного потребления трех факторов – прироста ВПД на душу населения (прямое влияние), роста кредитования (прямое влияние), уровня цен (обратное влияние) (см. Таблицу 46).

Таблица 46 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Китае

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	0,842489* (2)	0,299647*** (2)
GNI_5_growth	–	–
Credit_growth	0,80233* (3)	0,0593* (2)
Earning_growth	–	0,074205** (1)
Wage_growth	–	0,079703* (3)
CPI_growth	-1,02173** (1)	-0,3154*** (1)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

При этом влияние прослеживается на разных временных горизонтах, из чего можно проследить оптимальную среднесрочную схему стимулирования частного потребления. Для достижения максимального потребительского эффекта на горизонте 3–4 лет в стране должны быть обеспечены следующие условия: за расширением доступа к кредитованию должен последовать общий рост дохода на душу населения, сопровождающийся снижении инфляции. То есть тратить на текущее потребление население готово тогда, когда может позволить себе доступные кредиты (главным образом, ипотечные и потребительские), гарантии их комфортного обслуживания за счет устойчивого прироста

доходов и стабильных цен, позволяющих нарастить доходы не только в номинальном, но и в реальном выражении. Такое же сочетание факторов (вместе с ростом всех категорий доходов) обеспечит и общий положительный прирост доли частного потребления домохозяйств в структуре ВВП страны.

Таким образом, при определении модели потребления Китая можно определить ее как зависимую в равной мере от текущего дохода, кредитования и уровня цен.

Индия. Несмотря на существенно более низкий уровень дохода в Индии по сравнению с Китаем, характер зависимости частного потребления от дохода является иным. На краткосрочном горизонте 2 года 1%-й прирост текущего дохода расширяет частное потребление лишь на 0,46%, однако устойчивый постоянный доход предопределяет опережающий прирост частного потребления по сравнению с приростом постоянного дохода на средне- и долгосрочном горизонте – на 1,33% на фоне устойчивого прироста дохода за 3–8 лет до текущего момента. Аналогичным образом расширение доходов влияет и на рост доли частного потребления в структуре ВВП: если 1%-е увеличение текущего дохода в годовом исчислении через 3 года увеличивает долю потребления на 0,13% (что сопоставимо с результатами по Китаю), то стабильный доход в течение 5 лет добавляет 0,47% через 6 лет (см. Таблицу 47).

Таблица 47 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Индии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	0,4646728* (2)	0,130782* (3)
GNI_5_growth	1,329351** (3)	0,4722485*(1)
Credit_growth	–	–
Earning_growth	–	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	0,1928779** (3)	0,0984287*** (3) 0,0683382* (5)

Источник: расчеты автора.

Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Ни рост заработных плат, ни рост общих доходов работников не оказывают значимого влияния на уровень текущего частного потребления на исследуемом среднесрочном горизонте.

Хроническая проблема индийской экономики – инфляция – предопределила принципиально иные ожидания населения и характер потребительского поведения в условиях роста цен. Если китайцы на фоне роста уровня цен начинают сокращать текущее потребление, расширяя сбережения и ожидая стабилизации цен в будущие периоды, то индийцы действуют принципиально иначе: осознавая ценовую неустойчивость и при этом имея более низкую склонность к сбережениям, они стремятся приобрести больше в текущем периоде, опасаясь еще большего сокращения реальных доходов за счет инфляционного компонента в будущем. Именно поэтому в случае китайской экономики влияние инфляции на частное потребление домохозяйств отрицательное, а в случае с индийским населением – положительное и более значимо на краткосрочном горизонте (3 года), нежели среднесрочном (до 5 лет).

Совокупное влияние всех исследуемых факторов подтверждает ранее полученные результаты: рост текущего дохода предопределяется темпами прироста постоянного дохода (до 8 лет) и динамикой уровня цен на среднесрочном горизонте (прямое влияние). При этом в условиях совместного влияния подтверждается значимость расширения доступа к кредитованию. Как показали результаты расчетов, рост доступности кредитов через 4 года дает прирост текущего потребления на 0,17% и увеличение частного потребления домохозяйств в структуре ВВП на 0,1% на среднесрочном трехлетнем горизонте. Это существенно ниже, чем в Китае; соответственно, модель частного потребления Индии вряд ли можно назвать «долговой», однако его значимость в условиях взаимного влияния факторов статистически подтверждена (см. Таблицу 48).

Таблица 48 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Индии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	–	–
GNI_5_growth	0,50759*(2) 1,529025** (3)	–
Credit_growth	0,1739442* (4)	0,10057** (3)
Earning_growth	–	–
Wage_growth	–	–

	HFCE_growth	*HFCE_share*
CPI_growth	0.253355** (3)	–

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Учитывая, что прирост заработных плат и общих доходов работников по-прежнему остается незначимым, можно допустить, что влияние кредитного канала осуществляется через воздействие на малый и средний бизнес. Это косвенно подтверждается и результатами теста Грейнджера, проведенного для пар влияющих факторов: на аналогичном среднесрочном горизонте (4 года) расширение кредитования ведет к повышению уровня текущего дохода на душу населения на 0,17% (на уровне значимости 10%).

Таким образом, при определении модели потребления Индии можно определить ее как стимулируемую постоянным доходом и уровнем цен.

Республика Корея. Южнокорейская модель потребления – типичная модель, движимая уровнем дохода. Устойчивый рост доходов на пятилетнем горизонте обеспечивает прирост частного потребления на душу населения на 0,6% на шестом году, и 1,12% – на восьмом и девятом. В незначительной степени (на 0,15% через 5 лет) этот прирост обеспечивается приростом общих доходов работников (см. Таблицу 49).

Таблица 49 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Республике Корея

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	–	–
GNI_5_growth	0,601465*** (1) 1,118832* (3) 1,118747* (4)	–
Credit_growth	–	–
Earning_growth	-0,1188462** (3) 0,1516408** (5)	0,0556275* (1) 0,0602417** (3) 0,0615013* (4)
Wage_growth	–	–
CPI_growth	–	0,0857463** (1)

	HFCE_growth	*HFCE_share*
		0,1024703** (3)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

При этом примечательно, что на фоне расширения темпов прироста ВНД на душу населения, влияние на долю частного потребления в структуре ВВП страны не прослеживается. Это может говорить о существенно более сложном воздействии роста постоянного дохода на все компоненты ВВП – не только на частное потребление, но и на государственные расходы, объемы инвестиций и соотношение внешнеторговых потоков. В свою очередь рост доходов работников обеспечивает главным образом увеличение доли в структуре ВВП (в среднем на 0,06% ежегодно при 1%-м расширении доходов). При этом влияние роста общего дохода неоднородно: стимулирующий эффект проявляется в более отсроченной перспективе, на среднесрочном же горизонте домохозяйства склонны принимать решения в пользу расширения сбережений, что еще ярче проявляется при совокупном влиянии всех факторов.

При совокупном влиянии кумулятивная роль доходных факторов в приросте частного потребления увеличивается в разы. Во-первых, проявляется значимое влияние не только постоянного, но и текущего дохода. На среднесрочном 4-летнем горизонте 1%-й прирост ВНД на душу стимулирует прирост потребления более чем на 2% (см. Таблицу 50).

Таблица 50 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Республике Корея

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	2,028477*** (4)	–
GNI_5_growth	4,780034*** (4)	0,5665344* (4)
Credit_growth	0,4984276*** (4)	–
Earning_growth	-0,2275074*** (3) -0,2393684*** (4)	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	0,8181004*** (4)	–

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Постоянный доход на горизонте 4–9 лет дает прирост потребления на 4,8% – самый высокий показатель эластичности потребления по уровню постоянного дохода в регионе. Одновременно значимость демонстрируют фактор кредитования и уровня цен: расширение кредитования на 1% дает через 4 года прирост потребления на 0,5%, при этом рост цен также стимулирует население к наращиванию потребительских расходов в среднесрочной перспективе. И так же как и в случае двухфакторного взаимовлияния, расширение потребление не ведет к значимому изменению его доли в структуре ВВП страны. Этому способствует только уровень постоянного дохода (на горизонте фактически 9 лет), но в существенно меньшей степени, нежели влияние на непосредственные темпы прироста. То есть в целом модель можно характеризовать как движимую постоянными доходами и кредитованием.

Япония. Японская модель потребления является уникальной для Азиатского региона. Это страна, где подтверждена значимая обратная зависимость между уровнем валового национального дохода и частного потребления на душу населения (как в абсолютном выражении, так и по темпам прироста). Увеличение ВНД на 1% приводит к сокращению частного потребления домохозяйств на среднесрочном горизонте: на 0,63% через 4 года, на 0,56% через 5 лет. Кроме того, сокращение устойчивого роста доходов на 5-летнем горизонте приводит к еще большему сокращению потребления на 6-й год – на 0,73%. Рост постоянного дохода выражается и в сокращении доли частного потребления в структуре ВВП страны (хоть и в относительно меньшей степени – на 0,41% на 6-й год, поскольку ведет к сокращению и иных компонентов ВВП) (см. Таблицу 51).

Таблица 51 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Японии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	-0,6270383**(4) -0,5590765*(5)	–
GNI_5_growth	-0,7301908*(1)	-0,412903*(1)
Credit_growth	–	-0,0258989* (1)

Earning_growth	–	–
Wage_growth	0,0950098*(1)	-0,1016289*(2)
CPI_growth	0,2384102**(2) 0,3472649***(4)	–

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

При этом при совокупном влиянии всех исследуемых факторов постоянный доход оказывается единственным значимым, подтверждая высокую обратную зависимость частного потребления от темпов прироста ВНД на душу населения (см. Таблицу 52).

Таблица 52 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Японии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	–	-0,1762804***(1)
GNI_5_growth	-1,118504*(1)	-0.4081736***(1)
Credit_growth	–	0,3021584***(1)
Earning_growth	–	-0,0047441***(1)
Wage_growth	–	1,701527***(1)
CPI_growth	–	-1,094639***(1)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

В качестве основных причин данной обратной зависимости можно назвать демографическую структуру населения – его неуклонное старение и связанные с ним особенности национальной пенсионной системы и потребительского поведения возрастного населения, заключающееся в высокой склонности к сбережениям. Это косвенно подтверждает тот факт, что между ростом заработных плат и темпами роста частного потребления сохраняется значимая положительная взаимосвязь с временным лагом в 1 год. При этом эластичность изменения потребления по уровню заработных плат столь небольшая, что, несмотря на рост, ведет к сокращению доли частного потребления

в структуре ВВП за счет более сильного влияния роста заработных плат на прочие компоненты ВВП страны.

Одновременно весьма интересно, что была установлена обратная связь между долей потребления в ВВП и ростом кредитования на фоне отсутствия значимого влияние непосредственно на темпы прироста частного потребления домохозяйств. Это свидетельствует о том, что расширение кредитования ведет к положительному росту иных компонентов ВВП, расширяя, главным образом, объемы инвестиций и оказывая влияние на внешнеторговые потоки, за счет чего происходит их относительный рост в структуре ВВП страны. Рост же уровня цен на кратко- и среднесрочном горизонтах стимулирует японское население к расширению текущего потребления. Таким образом, Япония характеризуется моделью, сдерживаемой постоянными доходами и движимой кредитованием.

Индонезия. В Индонезии, как и в Японии, рост постоянного дохода имеет обратное влияние на темпы прироста частного потребления, при этом эффект достигается на горизонте 8 лет: через 3 года после устойчивого 5-летнего тренда к повышению уровня ВНД на душу населения на 1% частное потребление снижается на 1,26%. Это можно объяснить нацеленностью населения на расширение сбережений по мере роста постоянного дохода. При этом рост доходов работников в моменте (однолетнем горизонте) обеспечивает прирост частного потребления, а далее зависимость становится обратной (-0,19% в 3-летней перспективе по темпам прироста и на 1,63 и 2,66 через 3 и 4 года, соответственно, в абсолютном выражении) (см. Таблицу 53).

Таблица 53 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Индонезии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP_growth	–	-0,2985437*** (1) 0,3830754*** (2) -0,198818* (3) -0,2755435** (4)
GDP _5_growth	-1,259211* (3)	0,9259717** (2)
Credit_growth	0,0771595*(5)	-0,0907185*** (3)
Earning_growth	0,1001769*(1) -0,1877008**(3)	0,0631258**(3)
Wage_growth	–	–
CPI_growth	–	0,0947362** (1) -0,0817699**(2)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Аналогичная зависимость подтверждается и при совокупном действии всех исследуемых факторов: положительное значимое влияние роста ВНД на душу населения в первый год сменяется отрицательным в последующие годы, хотя при этом влияние общего роста доходов работников остается положительным. А вот постоянный доход при совокупном влиянии всех факторов на горизонте 6 и 7 лет оказывает положительное значимое влияние на рост частного потребления (см. Таблицу 54).

Таблица 54 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Индонезии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP _growth	1,569745**(1) -2,723268**(2) -8,716184***(3)	–
GDP _5_growth	1,628178**(2) 1,962542***(3)	-0,5856915*(1) -0,9006217*(3)
Credit_growth	0,1305509*(1) 0,2560335***(2) 0,8522999***(3)	-0,1011362* (1)
Earning_growth	0,2070113***(2) 0,3667453***(3)	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	0,4880264**(2) 2,498358*(3)	-0,4331047**(3)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Соответственно, процесс диверсификации потребительской корзины и перехода к потреблению более дорогих и разнообразных товаров протекает значительно медленнее, нежели в других странах. По достижении определенного «базового» уровня потребления его темпы прироста замедляются. При этом рост абсолютного дохода ведет к сокращению доли частного потребления в структуре ВВП на горизонте 1, 3 и 4 лет, поскольку стимулирует иные компоненты роста ВВП.

Частное потребление частично стимулируется ростом кредитования – наращиванием долговой зависимости населения (0,08% на горизонте 6 лет), однако в 3-летней перспективе расширение кредитования в большей степени стимулирует внешнюю торговлю и инвестиции, что ведет к сокращению доли частного потребления в ВВП. При совокупном влиянии положительное значимое влияние подтверждается через 1, 2 и 3 года, причем степень влияния с течением лет увеличивается.

Таким образом, модель частного потребления в Индонезии опирается на постоянный доход и расширение кредитования, однако носит весьма неустойчивый, сложно управляемый характер. Стимулирование частного потребления может быть достигнуто только при реализации комплексного подхода, нацеленного на стимулирование постоянных доходов населения и развития финансовой сферы.

Малайзия. Результаты проведенных расчетов для Малайзии оказались весьма нестандартными и противоречивыми. Модель потребления тяготеет к ситуации Японии, когда рост доходов демотивирует частные домохозяйства от расширения потребительского спроса.

Значимость всех трех ключевых факторов, обеспечивающих рост доходов домохозяйств, была подтверждена как при их совокупном влиянии, так и в отдельности. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев влияние оказалось обратным. Прирост текущего дохода обеспечивает сокращение потребления в абсолютном выражении на горизонте 2, 4 и 5 лет (см. Таблицу 55).

Таблица 55 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Малайзии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP_growth	–	0,129933*(1) -0,1752295** (2)
GDP _5_growth	-0,9989505**(1) -2,025205***(4)	5,447392*(1)
Credit_growth	-0,1097143*(1)	-0,0697141***(1) -0,0449548**(3)
Earning_growth	–	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	–	-0,365674***(2) -0,2379932*(4)

Источник: расчеты автора.

Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Причем в более отсроченной перспективе влияние оказывается значительнее: соответствующий коэффициент по абсолютной величине на 5-летнем горизонте выше, чем в перспективе 2 или 4 лет, а в случае постоянного дохода, где эффект фактически фиксируется для 6-летнего тренда, он выше, нежели через 5 лет (34,15 против 23,67 с обратным влиянием, соответственно). На 2-летнем горизонте рост доходов ведет и к сокращению доли частного потребления домохозяйств в структуре ВВП страны. 1%-й рост постоянного дохода на горизонте 6 лет дает сопоставимое сокращение частного потребления домохозяйств (примерно на 1%), а на долгосрочном горизонте 9 лет эластичность оказывается существенно выше – сокращение достигает более 2% при росте расходов на 1%.

Расширение кредитования оказывает аналогичное влияние, выражаясь в сокращении частных доходов домохозяйств как в абсолютном выражении, так и в темпах прироста и доле в структуре ВВП. Однако накопительный эффект кредитования ниже, нежели накопительный эффект влияния доходов (проявляется исключительно в краткосрочной перспективе). При этом интересно, что влияние общего роста доходов работников и заработных плат не подтвердилось ни в одной модели.

Влияние инфляции на частное потребление аналогично тому, что мы наблюдаем в Китае: рост цен ведет к сокращению текущего потребления в абсолютном выражении через 3 года и на 2- и 4-летнем горизонте предопределяет сокращение частного потребления в структуре ВВП сраны.

Кумулятивное влияние всех рассматриваемых факторов закрепляет прежнюю тенденцию: при этом при совокупном влиянии обратная зависимость частного потребления от доходов проявляется сильнее (см. Таблицу 56).

Таблица 56 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Малайзии

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP _growth	–	–
GDP _5_growth	-1,199803**(1)	

	-2,651591**(4) -2,065959*(5)	
Credit_growth	–	-0,0630901**(1)
Earning_growth	–	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	-0,9990987*(3) -1,027725*(5)	–

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Эту особенность малазийской модели потребления можно объяснить в первую очередь высокой склонностью населения к инвестированию. Формирующиеся возможности в виде роста доходов или расширения доступа к кредитным средствам домохозяйства рассматривают в первую очередь как дополнительный источник инвестиционных средств, а устойчивость доходной тенденции мотивирует их к расширению вложений не только в размере дополнительного дохода, но и части бюджета, которая ранее направлялась на текущее потребление. В свою очередь негативный фактор в виде роста цен также предопределяет их выбор в пользу накопления и/или инвестирования. Модель потребления домохозяйств можно обозначить как сдерживаемую доходами и обратно реагирующую на изменение уровня цен.

Филиппины. Драйверами частного потребления на Филиппинах является постепенное расширение доступа к кредитованию и рост текущих доходов. Увеличение уровня ВВП на душу населения почти сразу (уже на следующий год) трансформируется в дополнительный прирост частного потребления домохозяйств. При этом эластичность потребления по доходу остается достаточно низкой: 1%-й рост доходов стимулирует расширение потребления на 0,22%. В то же время рост доходов не дает значимого увеличения доли частного потребления домохозяйств в структуре ВВП страны, поскольку примерно в равной мере стимулирует прирост всех компонентов ВВП (см. Таблицу 57).

Таблица 57 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные на Филиппинах

	HFCE_growth	*HFCE_share*

GNI_growth	0,2155778* (1)	Ряды нестационарны
GNI_5_growth	–	
Credit_growth	0,0562561* (1)	
Earning_growth	–	
Wage_growth	–	
CPI_growth	-0,075832** (1)	

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Примечательно, что значимость влияния текущего дохода на уровень потребления в абсолютном выражении не подтверждена, однако при этом проведенные расчеты выявили значимое обратное влияние: расширение потребления на 3-летнем горизонте стимулирует прирост ВВП на душу населения.

Влияние роста уровня цен оказалось значимым и демонстрирует обратную зависимость: рост цен является сдерживающим фактором для расширения потребления. Этот эффект проявляется как в абсолютном выражении, так и в относительном, приводя к сокращению темпов прироста потребления домохозяйств в перспективе 1 года.

При совокупном влиянии факторы роста дохода усиливают друг друга. Наиболее значимый положительный эффект достигается на горизонте 3 лет и определяет ускорение темпов прироста частного потребления домохозяйств. Устойчивый 1%-й рост постоянного дохода на горизонте 3 лет (фактически 8-летнего цикла) стимулирует рост потребления на 2,86%, в то время как текущий доход приносит домохозяйствам дополнительные 2,1% прироста через 3 года. При этом рост доходов работников трансформируется в значимое, но существенно более низкое влияние на уровне 0,18% к темпам прироста потребления при 1%-м росте (см. Таблицу 58).

Таблица 58 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные на Филиппинах

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GNI_growth	2,140988* (3)	–
GNI_5_growth	2,863412* (3)	–
Credit_growth	–	–
Earning_growth	0,1868122* (3)	–
Wage_growth	–	–

CPI_growth	-0,5790317* (3)	–

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Негативное влияние роста цен при кумулятивном влиянии всех исследуемых факторов усиливается и существенно компенсирует прирост в результате расширения доходов населения. 1%-й прирост индекса потребительских цен, который в исследовании используется в качестве наиболее чувствительного прокси для измерения ценовой динамики, дает снижение потребления на душу населения в размере 0,58% и почти USD 14. То есть модель потребления страны определяется постоянными доходами и незначительно – доступностью кредитных ресурсов.

Сингапур. В потребительской модели Сингапура единственным фактором, подтвердившим значимое влияние на динамику частного потребления домохозяйств, стал постоянный доход. При этом проявился он в отношении доли частного потребления в структуре ВВП: 1%-й устойчивый прирост доходов в течение 5 лет еще через 3 года ведет к повышению доли на 0,48%, а через 3 года – на 0,41% (см. Таблицу 59).

Таблица 59 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния факторов на зависимые переменные в Сингапуре

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP_growth (влияние одного фактора)	–	–
GDP _5_growth (влияние одного фактора)	–	0,4823602**(3) 0,4131989*(4)
Credit_growth (влияние одного фактора)	–	–
Earning_growth (влияние одного фактора)	Ряд нестационарный	
Wage_growth (влияние одного фактора)	–	–
CPI_growth (влияние одного фактора)	–	–
GDP _5_growth (совокупное влияние)	–	0.8869424**(4)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Влияние всех остальных категорий дохода – текущего дохода, уровня доходов работников и их уровня заработных плат – оказалось незначимым. Это говорит в первую очередь о сравнительно низком потенциале расширения потребительского спроса домохозяйств посредством стимулирования доходов.

В то же время весьма интересные результаты были получены при анализе обратного влияния. Оказалось, что на горизонте 1 года снижение темпов прироста частного потребления на 1% стимулирует рост ВВП на 0,4%. Объяснить подобную обратную зависимость можно тем, что «недопотребляемый» доход, идущий на инвестиционные цели в большей степени, стимулирует экономический рост страны. Одновременно аналогичная связь была установлена между темпами прироста частного потребления домохозяйств и темпами прироста кредитования. Хотя расширение частного потребление не стимулируется фактором повышения долговой зависимости домохозяйств, расширение потребительского спроса оказывает значимое прямое влияние на темпы прироста кредитования. Иными словами, расширение потребления ведет к увеличению долгового бремени и закредитованности экономики. Соответственно, в случае Сингапура были выявлены две важные тенденции: (1) стране выгоднее направлять дополнительные доходы не на расширение частного потребления, а на инвестирование, что в значительно большей степени стимулирует экономический рост; (2) частный спрос выступает не столько драйвером экономического роста, сколько повышает риски попадания населения в «долговую ловушку» и повышает уязвимость банковского сектора. Сингапур – яркий пример модели роста, движимой постоянными доходами.

Таиланд. Потребительская модель Таиланда относится к числу движимых уровнем текущего дохода: этот фактор подтвердил значимость влияния на уровень частного потребления домохозяйств в расчете на душу населения. При этом эластичность потребления домохозяйств по уровню доходов относительно невысока, 1%-й прирост доходов трансформируется в прирост частного потребления лишь на 0,42%. Это средний показатель по группе исследуемых стран: он ниже показателей, подтвержденных для Китая, но одновременно выше чем, например, на Филиппинах (см. Таблицу 60). Важно, что эффект проявляется в краткосрочной перспективе, уже в год, следующий за годом увеличения доходов.

Таблица 60 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные в Таиланде

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP_growth	0,411918*(1)	–
GDP _5_growth	–	–
Credit_growth	–	-0,0357742*(1)
Earning_growth	Ряд нестационарный	
Wage_growth	–	–
CPI_growth	–	0,1006969**(1)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

При оценке кумулятивного влияния всей группы исследуемых факторов вклад текущего дохода усиливается до 0,56% (тоже на горизонте 1 года), при этом в сочетании с иными факторами на среднесрочном горизонте (5 лет) проявляется и значимое положительное влияние расширения кредитования на уровень потребления. То есть на среднесрочном горизонте есть риск укоренения модели потребления, движимой накоплением долгов (см. Таблицу 61).

Таблица 61 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные в Таиланде

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP _growth	0,5580688**(1)	–
GDP _5_growth	–	–
Credit_growth	0,3169632**(5)	–
Wage_growth	–	–
CPI_growth	–	0,1811977**(3)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Прочие категории доходов, включая постоянный доход, уровень доходов работников и уровень заработных плат, не подтвердили значимого влияния в отношении ни одной из трех зависимых переменных.

Влияние инфляционного фактора оказалось весьма противоречивым: в отношении прироста потребления в абсолютном выражении была доказана значимая обратная связь, когда рост уровня цен ведет к сокращению потребления на горизонте 1 года (1 и 3 года в случае совокупного влияния всех факторов). Влияние же на показатель доли частного потребления домохозяйств в структуре ВВП страны оказалось прямым: рост уровня цен в значительно меньшей степени ложится на прочие компоненты ВВП (рассчитанного по расходам), что приводит к росту доли частного потребления домохозяйств в ВВП в относительном выражении.

Вьетнам. Потребительскую модель Вьетнама можно охарактеризовать как движимую долгами и ростом цен: именно эти два параметра демонстрируют значимое прямое влияние на темпы прироста частного потребления домохозяйств. Проявляется это влияние через 3 и 2 года, соответственно. При этом влияние обоих факторов на показатель доли частного потребления домохозяйств в структуре ВВП оказалось обратным: расширение кредитования в значительно большей степени стимулирует рост прочих компонентов ВВП (инвестирования и/или объемов внешней торговли), что приводит к сокращению доли потребления домохозяйств. Аналогичным образом рост уровня цен хоть и подстегивает темпы прироста потребления в краткосрочной перспективе, однако в меньшей степени, что приводит к росту инвестирования или чистого экспорта в стоимостном выражении, в результате чего доля потребления сокращается (см. Таблицу 62).

Таблица 62 – Результаты теста Грейнджера при расчете изолированного влияния каждого фактора на зависимые переменные во Вьетнаме

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP_growth (влияние одного фактора)	–	–
GDP _5_growth (влияние одного фактора)	–	1,387584**(2) 2,443239**(5)
Credit_growth (влияние одного фактора)	0,1312361***(3)	-0,0538991**(2)
Earning_growth (влияние одного фактора)	Ряд нестационарный	
Wage_growth (влияние одного фактора)	–	–
CPI_growth (влияние одного фактора)	0,2646624**(2)	-0,1075479*(1)

Источник: расчеты автора.

Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

Влияние фактора доходов оказалось противоречивым: уровни доходов и заработных плат работников, как показали проведенные расчеты, не оказывают значимого влияния ни на темпы прироста потребления домохозяйств, ни на его долю в ВВП. А вот влияние текущего и постоянного дохода на объемы потребления в абсолютном выражении оказалось обратным (см. Таблицу 63). Рост доходов ведет к сокращению потребления, хотя влияние оказалось цикличным, и в определенные годы рост доходов может давать увеличение доли потребления домохозяйств в ВВП страны.

Таблица 63 – Результаты теста Грейнджера при расчете совокупного влияния всех факторов на зависимые переменные во Вьетнаме

	HFCE_growth	*HFCE_share*
GDP _growth (совокупное влияние)	-3,752896*(4)	1,067561*(2)
GDP _5_growth (совокупное влияние)	-1,657379*(1) -8,343709*(3) -18,34679***(4)	3,520285**(2)
Credit_growth (совокупное влияние)	0,1614245***(3) 0,1262478**(4)	-0,0614629**(2)
Wage_growth (совокупное влияние)	–	–
CPI_growth (совокупное влияние)	–	-0,1155645*(1)

Источник: расчеты автора.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.
Значение в скобках рядом с коэффициентом отражает временной лаг (в количестве лет), с которым соответствующий фактор влияет на показатель частных потребительских расходов домохозяйств.

В случае совокупного влияния всех факторов направление воздействия оказалось аналогичным: рост дохода (как текущего, так и постоянного) ведет к снижению темпов прироста и частного потребления в абсолютном выражении, сопровождаясь, однако, прирастанием доли потребления в ВВП; а влияние кредитования – прямое на горизонте 3 и 4 лет для темпов прироста потребления домохозяйств и обратное через 2 года для доли потребления в ВВП страны. Модель потребления фактически сдерживается ростом доходов и стимулируется развитием финансового рынка.

5.3. Модели потребления домохозяйств по характеру влияния экономической политики

Третьим критерием выделения моделей потребления домохозяйств является значимость и степень реагирования на изменение условий денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Методологический подход опирается на тот же тест причинности Грэйнджера, в качестве детерминант для оценки моделей по этому признаку были выбраны: темпы прироста общих государственных расходов и доходов страны (в качестве характеристик налогово-бюджетной политики), а также процентные ставки по депозитам и денежная масса, представляющая собой сумму всех ликвидных финансовых инструментов, находящихся в распоряжении секторов, хранящих деньги, которые широко принимаются в экономике в качестве средства обмена, а также тех, которые могут быть конвертированы в средство обмена в короткие сроки по полной или близкой к номинальной стоимости (в качестве характеристик проводимой денежно-кредитной политик).

Китай представляет собой в большей степени модель потребления домохозяйств, стимулируемого денежно-кредитными инструментами, поскольку только денежно-кредитные детерминанты оказывают непосредственное значимое влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств. Расширение денежной массы ведет к быстрому, ощутимому уже на горизонте 1 года приросту частного потребления домохозяйств. При этом рост процентных ставок имеет чуть более отсроченный прямой эффект на динамику потребительских расходов: стимулирование накоплений в моменте в Китае трансформируется в отложенный спрос через 2 года, что подтверждается положительным значимым значением коэффициента. Снижение процентных ставок, напротив, через 2 года может в некоторой степени сдерживать потребление домохозяйств. Это влияние проявляется при одновременном воздействии всех рассматриваемых факторов (см. Таблицу 64).

Таблица 64 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Китае

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	–

General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates		0,4038762(5)***
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	0,0960042(1)* 0,2018703(2)*** 0,1028926(3)**
General government revenue	–	-0,1142443(1)** -0,23967(2)*** -0,1341323(3)*
Broad money	0,5151336 (1)**	0,0828729(2)** 0,079905(3)**
Deposit rates	0,2593087(2)*	0,0435202(2)***

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Аналогичное направление влияния характерно для доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны: опережающий прироста потребления в условиях расширения ликвидности ведет к наращиванию доли потребления домохозяйств в ВВП страны на горизонте 2 и 3 лет. При этом расширение доходов (главным образом, налоговых поступлений) ведет к сокращению доли потребления в ВВП страны, в свою очередь рост государственных расходов стимулирует их рост.

Япония являет собой пример смешенной модели, где при совокупном влиянии значимыми оказываются как денежно-кредитные, так и налогово-бюджетные детерминанты. Наибольшее значимое влияние оказывает государственная политика в области доходов: расширение налогов и сборов в бюджет сдерживает потребительские расходы домохозяйств, что подтверждается отрицательными значениями коэффициентов на горизонте 1 и 3 лет. В то же время инструменты налогово-бюджетной политики воздействуют более существенно на иные компоненты ВВП – сбережения и инвестиции, что может вести в относительном выражении к росту доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны.

Рост процентных ставок ожидаемо сдерживает потребительский спрос, значимая обратная зависимость проявляется на горизонте 3 лет, при этом именно потребление реагирует на изменение процентных ставок более чувствительно, в результате чего обратное влияние проявляется и в динамике их доли в ВВП страны. Соответственно,

смягчение денежно-кредитной политики способно в некоторой степени стимулировать рост потребительских расходов.

Таблица 65 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Японии

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates	–	–
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	0,1277293(1)** 0,2134887(3)**
General government revenue	-0,397435(1)** -0,2363675(3)*	0,1814664(1)** 0,2035456(3)***
Broad money	–	-0,1403945(1)** -0,1289708(3)***
Deposit rates	-0,0131863(3)*	-0,0067242(2)**

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Значимого влияния расширения государственных расходов на динамику потребительских расходов домохозяйств в Японии не выявлено, однако через влияние на иные компоненты ВВП оно косвенно проявляется в прямом влиянии на долю потребления в ВВП: рост государственных расходов ведет к расширению доли потребления домохозяйств.

В Республике Корея ярко проявляются характеристики смешанной модели при более значимом влиянии денежно-кредитных факторов. Смягчение денежно-кредитной политики, сопровождающееся ростом ликвидности, способно стимулировать потребительский спрос, причем даже в большей степени, чем иные компоненты ВВП, что в итоге проявляется в прямом влиянии как на темпы прироста потребительских расходов домохозяйств, так и на их долю в ВВП страны. Данные выводы подтверждаются как при изолированном, так и при совокупном влиянии всех исследуемых факторов (см. Таблицу

66). Влияние процентах ставок проявляется исключительно в динамике доли в ВВП: ужесточение денежно-кредитной политики, выражающееся в росте процентных ставок, ведет к сжатию иных компонентов ВВП (главным образом, инвестиций), что косвенно трансформируется в рост потребления домохозяйств в относительном выражении (в % к ВВП).

Расширение государственных расходов вопреки ожиданиям в кратко- и среднесрочной перспективах сдерживает потребительский спрос (значения коэффициентов отрицательны), в то время как рост бюджетных доходов оказывает стимулирующее влияние.

Сдерживающий эффект государственных расходов можно отчасти объяснить тем, что государственные расходы идут преимущественно не на трансферты домохозяйствам, а на капитальные инвестиции, что может вытеснять частные инициативы в экономике (в т.ч. потребительские расходы). Одновременно при активной фискальной политике рост государственных доходов связан с продолжающейся индустриализацией, ростом экспорта, занятости и доходов населения (и, как следствие, расширением налогооблагаемой базы), и в этом случае с отсрочкой в 1–2 года потребление может следовать за ростом доходов государства, обосновывая прямую взаимосвязь этих параметров. Соответственно, связь между налогово-бюджетными параметрами и динамикой потребительских расходов домохозяйств в большей степени объясняется общими тенденциями экономического роста страны, чем детерминистской природой.

Таблица 66 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Республике Корея

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	0,3086625(1)** 0,2323511(2)*	0,0912859(1)*** 0,112225(2)*** 0,0691332(3)**
Broad money	0,1227355(1)**	0,0285402(1)**
Deposit rates	–	0,0087509(1)*
Совокупное влияние		
General government total expenditure	-0,6375045(1)*** -0,6661638(2)***	–

	-1,81845(4)***	
General government revenue	0,3240702(1)** 0,3574123(3)* 0,5962939(4)***	0,0683281(1)***
Broad money	0,1545405(1)** 0,207473(2)*** 0,8520825(4)***	0,0511106(1)***
Deposit rates	–	0,0118028(1)**

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Индия являет собой уникальный пример незначимого влияния почти всех из исследуемых параметров. Отчасти это можно объяснить ограничением имеющихся статистических данных. Однако, несмотря на них, проведенные расчеты позволили установить, что в рамках предложенной классификации Индия в большей степени тяготеет к модели, зависимой от фискальных стимулов. Устойчивой эту модель считать нельзя, проявляется она только в отношении подтвержденной значимой связи влияния государственных доходов на расходы на конечное потребление домохозяйств. При этом подтверждено прямое слияние на горизонте 1 года: т.е. расширение государственных доходов через год трансформируется в рост расходов на конечное потребление домохозяйств. Объяснить это можно, главным образом, общим ростом экономики страны и корпоративной прибыли, что на краткосрочном горизонте трансформируется в прирост потребления домохозяйств.

Таблица 67 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Индии

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	0,1591137(1)*	–
Broad money	–	–
Deposit rates	Ряд нестационарный	
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates	–	–

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Модель Малайзии на основе проведенных оценок можно считать смешанной при доминировании денежно-кредитного инструментария. Значимое влияние на динамику потребительских расходов домохозяйств оказывают как индикаторы фискальной политики, так и параметры процентных ставок и прирост денежной массы. Зависимость от денежно-кредитных параметров в полной мере соответствует общим законам экономической теории: ужесточение денежно-кредитной политики посредством повышения процентных ставок может вести к сдерживанию потребительских расходов домохозяйств, причем обратная взаимосвязь проявляется как при изолированном, так и при совокупном влиянии факторов на горизонте 1 и 3 лет (см. Таблицу 68). То есть отсроченный эффект влияния денежно-кредитной политики фактически минимален.

Таблица 68 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Малайзии

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	0,1273684(1)** -0,5203677(3)* 0,587193(4)**
General government revenue	-0,222298(2)**	0,0400282(1)*
Broad money	0,3120423(4)*** 0,2200909(5)***	–
Deposit rates	-0,0856057(1)* -0,1411577(3)***	–
Совокупное влияние		
General government total expenditure	-0,081417(3)***	0,106239(1)**
General government revenue	0,7390172(2)*** 0,6811042(3)*** 0,3011684(4)*	–
Broad money	0,4660965(2)**	0,1288266(4)**
Deposit rates	-0,081417(1)* -0,2423053(3)***	–

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Расширение денежной массы, напротив, стимулирует потребление на кратко- и среднесрочном горизонтах, приводя при совокупном влиянии всех факторов еще и к росту доли расходов на конечное потреблении домохозяйств в структуре ВВП. То есть смягчение денежно-кредитной политики в Малайзии может не просто способствовать расширению внутреннего спроса, но и вести к постепенному достижению и укреплению модели роста, движимого потреблением домохозяйств.

Одновременно характер влияния фискальных параметров отражает интенсивный экономический рост страны, на фоне которого рост государственных доходов за счет налогооблагаемой базы при совокупном влиянии факторов трансформируется на горизонте 2–4 лет в положительный прирост потребительских расходов. Однако, как и в случае иных стран, где подтверждена прямая связь, надо правильно интерпретировать данный результат: учитывая, что тест Грейнджера выявляет статистическую предсказуемость, а не строгую экономическую причинно-следственную связь, нельзя говорить о том, что ужесточение налоговой политики может стимулировать потребительский спрос. С этой точки зрения показателен результат оценки изолированного влияния, доказывающей, что только смягчение налоговой политики может вести к росту потребительских расходов домохозяйств. Значимая зависимость проявляется на горизонте 2 лет.

Индонезия также характеризуется смешанной моделью. Смягчение денежно-кредитной политики и сопряженное с ней снижение процентных ставок по депозитам стимулирует потребительский спрос, однако при этом способствует сокращению доли потребления домохозяйств в структуре ВВП страны (см. Таблицу 69). Объяснить это можно главным образом тем, что динамика ставок по депозитам тесно связана с динамикой роста по кредитам, а в условиях фактического «эффекта низкой базы» и бурной индустриализации денежно-кредитное смягчение способно стимулировать рост промышленных производств даже сильнее, чем потребления домохозяйств. В свою очередь, рост денежной массы стимулирует потребительский спрос на горизонте 1 и 3 лет.

Таблица 69 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Индонезии

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	0,3900068(2)*	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	-0,2108428(1)**
Deposit rates	–	0,2651033(1)*** -0,2002771(2)*** 0,1365013(3)* -0,4360824(4)***
Совокупное влияние		
General government total expenditure	0,1888583(4)**	0,1159653(1)***
General government revenue	0,2137199(1)*** -0,2166412(2)** -0,1977123(4)***	-0,1053822(1)*** 0,1556346(3)**
Broad money	0,3018702 (1)* 0,382347(3)***	-0,2272643(1)***
Deposit rates	-0,0495175(3)**	0,0463342(1)*** 0,0308691(1)*

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Социальные расходы в Индонезии занимают значительное место в бюджете, особенно через субсидии и программы базовой помощи. В результате расширение общих государственных расходов стимулирует потребительский спрос и ведет к расширению доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны. Одновременно влияние доходов в бюджет страны на потребительский спрос разнонаправленно: положительно на горизонте 1 года (на фоне быстрых общих темпов экономического роста и расширения налогооблагаемой базы) и отрицательно в более отсроченной перспективе 2 и 4 лет. Объяснить неустойчивость влияния можно в значительной степени особенностью экономического устройства страны: сохранением «разрыва» между потенциальной налоговой выручкой и реально собираемой (особенно по НДС и корпоративному подоходному налогу) и ярко выраженной склонностью правительства к реформам и увеличению налоговых доходов за счет их вывода из «тени».

Незначимое влияние большинства исследуемых параметров как при изолированном, так и при совокупном влиянии на Филиппинах (см. Таблицу 70) объясняется спецификой экономики и бюджетной политики Филиппин.

Таблица 70 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные на Филиппинах

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	-0,0675831*(1) -0,0981373*(2) -0,0940076(3)** 0,1145396(4)*
General government revenue	–	–
Broad money	–	-0,055638(1)***
Deposit rates	–	0,0119012(1)**
Совокупное влияние		
General government total expenditure	-0,1322693(3)**	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	-0,0540347(1)**
Deposit rates	–	–

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Негативное влияние государственных расходов объясняется тем, что их доля традиционно направляется на административные расходы, субсидии и трансферты без прямого мультипликативного эффекта, инфраструктурные проекты с большим отставанием в окупаемости, а также на силовую бюрократию и неэффективность расходов. Такие расходы не затрагивают напрямую интересы потребителей или возникают в периоды экономического спада, что может искажать тенденции в сфере здравоохранения. В результате отрицательное слияние проявляется не только в отношении темпов прироста расходов, но и в отношении доли потребительских расходов домохозяйств в ВВП страны. Стимулирующего эффекта удается добиться исключительно на горизонте 4 лет и только по доле в ВВП страны.

При этом Филиппины остаются страной с относительно ограниченным финансовым рынком и низким уровнем финансовой инклюзии, что и объясняет

незначимость влияния процентных ставок на потребительские расходы домохозяйств. Страна обладает высоким государственным долгом и слабой налогово-бюджетной системой, которая фактически не является перераспределительной (что объясняет незначимость влияния государственных доходов). Кроме того, на потребление домохозяйств на Филиппинах существенно влияют внешние факторы, в частности, денежные переводы от трудовых мигрантов, не учитываемые в модели, что снижает значимость внутренних фискальных индикаторов.

Сингапур также характеризуется моделью, определяемой проводимой денежно-кредитной политикой. Единственным значимым фактором является динамика процентных ставок по депозитам, рост которых в краткосрочной перспективе (в течение первого года) существенно сдерживает потребительский спрос (см. Таблицу 71). Соответственно, смягчение денежно-кредитной политики может стать значимым инструментом для стимулирования потребительского спроса и наращивания доли частного потребления в структуре ВВП страны. Значимость этого фактора можно объяснить в первую очередь высокой финансовой инклюзией: в Сингапуре почти все население страны активно участвует в финансовой системе (через банковские депозиты, ипотеку, потребительское кредитование, инвестиционные счета и проч.).

Таблица 71 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Сингапуре

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	-0,0211226(1)* -0,0385631(2)***
General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates	-0,0655445(1)**	-0,0225523(2)*
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	-0,0754333(1)*
Deposit rates	–	–

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

При этом роль фискального перераспределения ограничена: государственные доходы и расходы не являются драйверами частного потребления, соответственно, их влияние на темпы прироста незначимо.

В Таиланде наблюдается ситуация, очень схожая с Сингапуром: единственным значимым фактором стимулирования частных потребительских расходов выступает денежно-кредитное смягчение. Доказана обратная связь между двумя параметрами, однако, несмотря на обратное влияние процентных ставок на темпы прироста расходов на конечное потребление домохозяйств, влияние на динамику их доли в ВВП страны оказалось незначимым. То есть денежно-кредитное смягчение способно стимулировать потребительский спрос, однако не ведет к укреплению модели роста, движимого внутренним потреблением.

Таблица 72 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные в Таиланде

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP Ряд нестационарный
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates	-0,0376455(3)*** -0,0538078(5)***	–
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	–
Deposit rates	–	–

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Модель потребления во Вьетнаме аналогичным образом определяется преимущественно тенденциями денежно-кредитной политики. Как при изолированном, так и при совокупном влиянии факторов была подтверждена значимая обратная

зависимость темпов прироста потребительских расходов домохозяйств от динамики процентных ставок по депозитам, которая проявляется как на горизонте 1 года, так и в среднесрочной перспективе 3 и 4 лет (см. Таблицу 73). Соответственно, смягчение денежно-кредитной политики способно обеспечить не только увеличение темпов прироста потребительских расходов домохозяйств, но и их доли в ВВП страны, способствуя укреплению модели роста, движимого внутренним спросом.

Таблица 73 – Результаты теста Грейнджера при расчете влияния индикаторов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на зависимые переменные во Вьетнаме

	HFCE growth, %	HFCE share in GDP
Изолированное влияние		
General government total expenditure	–	-0,0670902(1)* -0,3026122(3)** -0,2983221(4)** -0,1569533(5)**
General government revenue	0,2510474(2)**	–
Broad money	–	0,1424011(2)**
Deposit rates	-0,0477301(1)** -0,0503181(4)*	0,0224104(1)**
Совокупное влияние		
General government total expenditure	–	–
General government revenue	–	–
Broad money	–	0,2050479(1)* 0,1467012(2)**
Deposit rates	-0,0959612(3)*	0,0263428(1)*

Источник: расчеты автора на основе данных Всемирного Банка и МВФ.
Примечание: *, **, *** подтверждают значимость влияния на уровне 10%, 5% и 1%, соответственно.

Значимое влияние подтвердил и фактор накопления государственных доходов, который, однако, прямо пропорционально влияет на динамику потребительских расходов, а соответственно, в большей степени обусловлен общими высокими темпами роста экономического развития страны, нежели непосредственным стимулирующим ресурсом снижения налоговых поступлений в бюджет страны. Таким образом, преобладающей в государствах Азии является модель потребления, зависящего от проводимой в стране денежно-кредитной политики. В свою очередь, увеличение

денежной массы при отсутствии значимого влияния на темпы прироста потребительских расходов домохозяйств тем не менее может приводить к росту их доли в ВВП страны.

5.4. Стратегические перспективы России на азиатских рынках в условиях трансформации паттернов потребления

Кризис в отношениях с Западом после госпереворота 2014 г. на Украине привел к фундаментальному сдвигу в сторону Китая и Азии в целом, усилению идей евразийства, антиамериканизма, антизападничества, приоритета национальных интересов[842]. Все большее значение стало придаваться институционализации сотрудничества с Востоком.

«Поворот на Восток» был закреплен в ряде официальных документов и международных соглашений. В мае 2015 г. Россия и Китай подписали совместное заявление о координации строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути. В том же году было заключено соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом, ставшее первым между ЕАЭС с партнером вне региона. В 2019 г. было подписано соглашение о ЗСТ с Сингапуром. В 2018 г. Россия и Китай подписали соглашение о торгово-экономических отношениях, предусматривающее постепенную институционализацию связей. В июле 2025 г. ЕАЭС и Индонезия официально объявили о завершении всех раундов переговоров с намерением подписать соглашение до конца 2025 года. 26 ноября 2025 г. Индия официально запустила процесс переговоров с ЕАЭС, на стадии активного обсуждения находится вопрос подготовки к началу официальных переговоров с Таиландом. Эти шаги стали частью более эффективной стратегии экономического и политического развития России в Азиатском регионе.

С началом Специальной военной операции в 2022 г. поворот на Восток приобрел новое звучание и политическую направленность. Центральной темой Петербургского международного экономического форума 2022 г. стало развитие связей с дружественными странами – странами Восточной Азии. В этой связи повышенное внимание уделялось формированию БРИКС и БРИКС+, что вновь осуществлялось в

[842] Федоровский А. Россия и вызовы Восточной Азии / А. Федоровский // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 58–71.
Voskressenskiy A.D. China’s Relations With Russia / A.D. Voskressenskiy // In: Shambaugh D. (ed.) China and the World. Oxford : Oxford University Press, 2020. P. 11–(уточни страницу конца, если есть). DOI: 10.1093/oso/9780190062316.003.0011.

рамках повестки дня Шанхайской организации активного сотрудничества. Ведется работа по переходу на расчеты в национальных валютах, финансовые и логистические системы. В условиях переориентации экспортных потоков, прежде всего в дружественную нам часть Азии (Китай, Индия, Вьетнам, Малайзия, Пакистан, Шри-Ланка и др.), доля региона во внешней торговле России продолжает устойчиво расти.

Тем не менее, несмотря на очевидный политико-дипломатический и логистический шаг, практические результаты поворота на Восток выглядят неоднозначно. Эксперты отмечают, что хотя процесс перехода, скорее всего, необратим, темпы и глубина этого сдвига отстают от первоначальных ожиданий; признают все еще слабую интегрированность страны в региональные производственные сети[843], неустойчивость «восточного вектора» в российских инвестиционных связях[844], отсутствие содержательного наполнения крупных трансрегиональных проектов[845], недостаточность экономических и политических рычагов, позволяющих быстро утвердиться на Востоке[846]. В то же время в середине 2010-х гг. «процесс определенно начался и, по всей видимости, необратим, хотя сдвиг происходит не столь быстро, как хотелось бы, и иногда сталкивается с трудностями»[847]. Наибольшие успехи достигнуты в сотрудничестве с КНР, хотя «односторонняя ориентация экономических потоков на Китай чревата риском повышения зависимости от китайского рынка и усиления стратегической уязвимости российской экономики, соответственно, диверсификация географии азиатских партнеров приобретает стратегическую значимость»[848].

Односторонняя ориентация потока на Китай, несмотря на все достигнутые успехи, создает риски зависимости от китайского рынка и требует диверсификации партнеров на азиатском направлении. Это ограничение особенно заметно в торговле промышленными товарами. Несмотря на имеющийся потенциал расширения взаимной торговли, за 10 лет до 2022 г. наблюдалось снижение экономической активности в таких странах-лидерах,

---

[843] Koldunova E. Russia’s Involvement in Regional Cooperation in East Asia: Opportunities and Limitations of Constructive Engagement / E. Koldunova // Asian Survey. 2016. Vol. 56, № 3. P. 532–554.

[844] Кузнецова О. “Восточный вектор” инвестиционных связей России / О. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 47-56.

[845] Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции / В.Л. Ларин // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 12. С. 69-81.

[846] Малышева Д. Российская стратегия «Поворот на Восток» / Д. Малышева. Запад – Восток – Россия, 2020. С. 43-46.

[847] Lukin A. Russia’s Pivot to Asia: Myth or Reality? / A. Lukin // Strategic Analysis. 2016. Vol. 40, № 6. P. 573–589. DOI: 10.1080/09700161.2016.1224065.

[848] Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов, Е.В. Колдунова // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8-21.

как Индия, Индонезия, Республика Корея, Таиланд, Камбоджа и Китай, особенно в сфере поставок продукции с более высокой добавленной стоимостью. Вместо активного продвижения этих крупных и емких рынков Россия более эффективно реализовывала потенциал торговли с относительно небольшими государствами, в том числе с теми, которые стали недружественными после 2022 г. (Сингапур, Япония)[849].

О существенном прогрессе торговли со странами региона свидетельствуют данные внешнеторговой статистики: если в 2014 г. доля двух крупнейших партнеров – Китая и Индии – в российском экспорте составляла 8,4%, а к 2019 г. выросла до 15,2%[850], то в 2022 г. соответствующий показатель вырос до 25–26,5%, а в 2023 и 2024 гг. достиг 43,5–45%[851]. В целом, несмотря на общий рост, торговое взаимодействие с Азией остается узкоспециализированным и по объему экономики ориентировано на сырьевой сектор. Поставки нефти, газа, угля и другой продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в Китай и Индию продолжались, однако это не приводило к качественной перестройке товарной структуры экспорта. Меняющаяся модель роста в КНР, ориентированная на высокотехнологичное и инновационное развитие, углубляет дисбаланс в торговле и закрепляет за страной статус поставщика сырья и товаров с низкой добавленной стоимостью.

Ограниченными остаются и успехи в торговле с Индией, где российский экспорт не отвечает ни емкости, ни потребностям одного из крупнейших рынков региона. Это особенно заметно на фоне упущенных возможностей на более зрелых и технологически насыщенных рынках – Японии, Республики Корея, Сингапура, где санкции и политические барьеры стали серьезным ограничением. Таким образом, хотя институциональный и геополитический поворот на Восток в целом состоялся, его экономическое содержание остается недостаточным.

Анализ растущего потребительского и импортного спроса в 10 ключевых странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии – Китае, Индии, Японии, Республике Корея, Малайзии, Индонезии, Филиппинах, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме – является важным инструментом выявления перспективных ниш для российских экспортеров.

---

[849] Арапова Е. Торговый поворот на восток: куда в действительности разворачивается Россия? / Е. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 41-51. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-41-51.

[850] Данные Trade Map ITC Statistics. https://www.trademap.org.

[851] В условиях отсутствия официальной статистики эти оценки строятся на зеркальной статистике по импорту Китая и Индии из Trade Map ITC Statistics и данных об общих объёмах российского экспорта в 2022-2024 гг. из вторичных источников.

Потребительский потенциал региона высок, и даже несмотря на замедление темпов экономического роста и темпов прироста численности населения и старения в таких крупных экономиках, как Китай и Япония, потребительский спрос будет расти. Однако трансформация в Азии – лишь начальная предпосылка. Реальные возможности для российских экспортеров сопряжены с рядом факторов:

1. Внутреннее производство импортеров. При быстром росте местного производства спрос ориентируется на внутреннее предложение; при ограниченном производстве сохраняется устойчивый спрос на импорт.

2. Глобальная конкуренция. Ниша для российских товаров зависит от мирового предложения и азиатского солнца: при переизбытке предложения в мировой экономике условия конкуренции, а также требования к цене и качеству снижаются.

3. Производственный и экспортный потенциал России. Ограниченные темпы роста и высокая загрузка рынка приводят к снижению экспорта даже при благоприятной внешней конъюнктуре.

4. Азиатская торговая политика. Тарифы, стандарты и протекционизм могут блокировать доступ, превращая экономический рост в стимул к локализации, а не к импорту из России.

5. Преференциальные соглашения. Снижение барьеров и гармонизация правил напрямую повышают конкурентоспособность российских поставщиков.

6. Санкционные риски. Готовность стран соблюдать правила относительно наличия средств, логистики и поставок влияет на возможность возвращения на рынки.

Анализ тенденций внешней торговли стран Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии обусловлен дисбалансом между меняющимися темпами роста импортного образования и замедлением роста мирового предложения по ряду товарных категорий. Эти дисбалансы создают потенциальные ниши для новых поставщиков из стран, способных предложить конкурентоспособную продукцию.

Азиатские страны проявляют в последние годы повышенный импортный спрос на ряд позиций, мировое предложение которых существенно ниже динамики спроса (см. Рисунки 1–10 Приложения). Это может стать ориентиром для российских экспортеров в наращивании поставок в регион и диверсификацию их структуры.

Китай демонстрирует устойчивый рост спроса на драгоценные металлы и камни (ТН ВЭД 71), морепродукты (ТН ВЭД 3) и цветные металлы (ТН ВЭД 8). Динамика

импорта указывает на высокий спрос на первичные и полупервичные товары, особенно на фоне роста внутреннего потребления и восстановления обрабатывающей промышленности. Россия, обладая богатой ресурсной базой, может предложить конкурентоспособные поставки в этих сегментах.

Индия демонстрирует наиболее диверсифицированную структуру спроса, особенно выражен дисбаланс между спросом и мировым предложением в высокотехнологичных и промышленно значимых сегментах, таких как химическая продукция и изделия из пластмасс (ТН ВЭД 39, 26), электрооборудование и приборы (ТН ВЭД 85, 90), черные и цветные металлы (ТН ВЭД 72, 74), сельскохозяйственная продукция (ТН ВЭД 07), машиностроение (ТН ВЭД 84), аэрокосмическая техника (ТН ВЭД 88). Последняя категория особенно значима: Индия быстро расширяет свое присутствие в авиастроении, сохраняя при этом сильную зависимость от импорта. Россия, обладая опытом в военно-промышленном комплексе и авиационной промышленности, имеет все возможности воспользоваться этим окном возможностей.

В Малайзии растет спрос на различные категории промышленных машин и оборудования ТН ВЭД (84) и аэрокосмическую продукцию (ТН ВЭД 88). Все это создает условия для роста экспорта российского машиностроения и перерабатывающей промышленности, в том числе за счет технологического сотрудничества. Индонезия проявляет растущий интерес к научному и измерительному оборудованию (ТН ВЭД 90), изделиям из пластмасс (ТН ВЭД 39) и масличным культурам (ТН ВЭД 12). Российские экспортеры могут быть интересны в плане поставок как оборудования, так и сельскохозяйственного сырья.

Филиппины предлагают широкий спектр потенциально дефицитных категорий импорта: от продуктов питания (рис – ТН ВЭД 10, мясо – ТН ВЭД 02) и бумаги (ТН ВЭД 48) до электроники и точного оборудования (ТН ВЭД 90, 88), а также химикатов (ТН ВЭД 38). Это создает высокий спрос на продукцию как сельскохозяйственной, так и химической промышленности. Сингапур, несмотря на свой относительно небольшой рынок, регистрирует значительный импорт в категории «произведения искусства, антиквариата и предметов коллекционирования» (ТН ВЭД 97). Здесь Россия могла бы развивать экспорт товаров культурного и творческого назначения, включая декоративно-прикладное искусство и антиквариат. Таиланд активно наращивает импорт ювелирных изделий и драгоценных камней (ТН ВЭД 71) и авиационной продукции (ТН ВЭД 88), что

также создает для России нишевые экспортные возможности в сегментах драгоценных металлов и в перспективе – высокотехнологичной продукции двойного назначения. Наконец, Вьетнам демонстрирует растущий спрос на зерно (ТН ВЭД 10) и хлопчатобумажные ткани (ТН ВЭД 52), что делает его перспективным рынком для российских фермеров и легкой промышленности.

Опережающая динамика импортного спроса над мировым предложением становится следствием внутренних трансформационных процессов в странах Азии: изменения структуры внутреннего потребления под влиянием демографических процессов, экономических реформ и институциональных изменений.

Как уже было отмечено выше, в ближайшие десятилетия потребительский спрос в растущей части Азии, развивающейся сравнительно быстрее, будет формироваться под влиянием нескольких общих тенденций:

- общий рост доходов и расширение среднего класса, которое приводит к диверсификации структуры потребительской корзины, с одной стороны, и изменению рациона питания, с другой;
- стремительная урбанизация, предопределяющая повышенный спрос на металлы, строительные и отделочные материалы;
- развитие «умных городов» сопряжено с переводом на технологические рельсы транспортной и иной городской инфраструктуры;
- значительное «омоложение» населения ряда развивающихся стран региона, меняющее культуру потребления и создающее новые ниши;
- сокращение размера домохозяйств и общий тренд на развитие «устойчивого» потребления формируют новые быстрорастущие ниши;
- стремительное развитие электронной коммерции.

Для России основными рынками в силу их емкости и численности населения по-прежнему остаются Китай и Индия. При этом в силу «омоложения» населения ряда развивающихся стран, где доминирующим становится поколение Z и так называемое пост-Z (Малайзия, Индонезия, Филиппины, Индия, Вьетнам), снижается лояльность населения к традиционным хорошо известным брендам. Соответственно растут и обусловленные спросом возможности для проникновения на рынки новых ранее неизвестных компаний и продуктов.

Потребительский ресурс региона расширяется[852]; импортный спрос трансформируется, что открывает перед российскими экспортерами новые возможности как в сегментах B2B, так и в B2C. Впрочем, масштабы и отраслевую структуру потенциала отечественного экспорта в эти страны нужно оценивать реалистично, с учетом как потребительского потенциала стран, так и производственных мощностей, особенностей конкуренции и внешнеторговой политики. В абсолютном выражении расширение экспортных возможностей России на азиатских рынках будет происходить в первую очередь в традиционных сегментах – за счет спроса на ископаемое топливо, металлы (B2B), продукцию агропромышленного комплекса и удобрения (B2C). Основная доля прироста торговли неизменно будет приходиться на Китай. Трансформация исторически земледельческой страны в городскую, стремительная урбанизация и развитие инфраструктуры, как городской, так и сельской, предопределяет новые стандартны поведения и потребления, а соответственно, и тенденции импортного спроса.

В традиционном энергетическом секторе ключевыми партнерами России остаются Китай и Индия: на эти страны приходится не только основная часть закупок российских энергоносителей, но и ожидается наибольший рост спроса на сжиженный природный газ[853] в среднесрочной перспективе.

На фоне устойчивого экономического роста, урбанизации и индустриализации в Азии импортный спрос на нефть и газ останется высоким как минимум в течение следующих 5–10 лет. По оценкам ОПЕК, азиатские экономики обеспечат основную часть прироста мирового спроса на нефть[854].

В то же время они стремятся к более чистой энергетике, увеличивая потребление газа и СПГ как относительно чистого переходного топлива.

По данным EIA, около 63% российского экспорта сырой нефти в 2024–2025 гг. было направлено в Азию и Океанию[855]. Россия уже реорганизовала свои маршруты поставок нефти, СПГ и трубопроводного газа на восток. Санкции, страховые ограничения, финансовые барьеры и логистика усложняют поставки и увеличивают

---

[852] Подробнее см.: Арапова Е.Я. Современный азиатский потребитель: новые тенденции спроса и возможности для России / Е.Я.Арапова. М. : МГИМО-Университет. 2023. 32 с.

[853] Гулиев И.А. Международные энергетические отношения в условиях глобального энергетического перехода: технологический аспект / И. А.Гулиев // Дискуссия. 2024. № 5 (126). С. 171-176.

[854] OPEC. 2025 World Oil Outlook 2050 [Электронный ресурс] / Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2025. Режим доступа: https://publications.opec.org/woo/chapter/142/2639 (дата обращения: 28.09.2025).

[855] U.S. Energy Information Administration (EIA) [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/russia (дата обращения: 28.09.2025).

издержки, но значительные ценовые скидки сохраняют привлекательность российских энергоресурсов. Удаленные рынки (особенно для СПГ) становятся менее конкурентоспособными из-за дорогой логистики.

Китай остается крупнейшим и наиболее стабильным импортером, имеющим долгосрочные контракты. Индия демонстрирует быстрорастущий спрос и готовность закупать российскую нефть. Среди стран Юго-Восточной Азии наиболее перспективными рынками второго эшелона являются Вьетнам и Таиланд: обе страны наращивают импорт СПГ и развивают инфраструктуру. В традиционных экспортерах нефти – Индонезии и Малайзии – рост потребления и потенциальный дефицит стимулируют интерес к импорту газа и СПГ.

Основными препятствиями для дальнейшего расширения экспорта являются геополитические ограничения и отсутствие инфраструктуры в странах-импортерах, включая СПГ-терминалы, регазификационные мощности, хранилища и транспортировку. Оптимальная стратегия для России – ориентация на целевые страны, развитие логистики, долгосрочные контракты, гибкость ценообразования и сотрудничество с местными дистрибьюторами.

Строительный бум, ускоренная урбанизация и переоснащение производства обеспечивают устойчивый спрос не только на ископаемое топливо, но и черные металлы (Китай), алюминий и медь (Китай, Вьетнам, Таиланд).

Рынок стали и цветных металлов, металлургии и горнодобывающей промышленности Азиатско-Тихоокеанского региона оценивался в USD 677,7 млрд в 2024 г. и может достичь USD 1,08 трлн к 2035 г. при среднегодовом темпе роста 4,3%[856]. Особенно быстро растет рынок меди: USD 349,1 млрд в 2025 г. и USD 548,2 млрд к 2034 году[857]. На Азию приходится около 74% мирового спроса на рафинированную медь[858], что обусловлено инфраструктурными проектами, строительством, урбанизацией, ростом

[856] Asia-Pacific Steel Mining Industry Report 2025 | Market to Reach $1.08 Trillion by 2035 - Decarbonization Efforts Accelerate Production with EAF and Hydrogen-Based DRI Adoption [Электронный ресурс] / Research and Markets. 2025. Режим доступа: https://www.globenewswire.com/news-release/2025/07/28/3122262/28124/en/Asia-Pacific-Steel-Mining-Industry-Report-2025-Market-to-Reach-1-08-Trillion-by-2035-Decarbonization-Efforts-Accelerate-Production-with-EAF-and-Hydrogen-Based-DRI-Adoption.html (дата обращения: 28.09.2025).

[857] Copper Market Size and Forecast 2025 to 2034 [Электронный ресурс] / Precedence Research. 2025. Режим доступа: https://www.precedenceresearch.com/copper-market (дата обращения: 28.09.2025).

[858] IWCC Copper Demand Forecasts Report [Электронный ресурс] / International Wrought Copper Council. 2024. Режим доступа: https://www.coppercouncil.org/wp-content/uploads/2024/11/IWCC-Copper-Demand-Forecasts-Report.pdf (дата обращения: 22.09.2025).

промышленности и энергетическим переходом. Юго-Восточная Азия демонстрирует устойчивый спрос на металлы в сфере жилищного строительства, транспорта и энергетических сетей.

Россия обладает сырьевыми и производственными ресурсами, но экспорт готовых металлов требует развитой инфраструктуры, переработки, сертификации и соответствия стандартам. Региональные цепочки создания стоимости в Юго-Восточной Азии усиливают конкуренцию, а продукция высокой степени переработки должна соответствовать строгим техническим требованиям. Наиболее реалистичной стратегией для России является экспорт сырья и полуфабрикатов (железной руды, концентратов, стальной заготовки, алюминиевых полуфабрикатов, медной руды/концентратов), где важно обеспечить ценовую конкурентоспособность, минимизировать требования к сертификации и снизить логистические издержки. Однако экспорт металлопродукции с более высокими переделами остается сложной задачей. Относительно более успешной долгосрочной стратегией могла бы стать реализация торгово-инвестиционной стратегии выхода на рынок: создание совместных предприятий и кооперация с азиатскими переработчиками, участие в инфраструктурных проектах, а также поставка сырья с инвестициями в технологии. Для успеха необходимы гибкая логистика, финансовая и транспортная инфраструктура, а также стабильность поставок в условиях геополитических рисков.

Объективно, расширение экспорта металла – наиболее простой и проверенный способ расширения торгового присутствия в Азии, подкрепленный инфраструктурой и отлаженными механизмами поставок. Однако такая «инерционная» стратегия не отвечает ни стратегическим интересам страны, ни интересам отечественных машиностроителей. Поэтому важно уделять больше внимания оценке перспектив спроса и экспорта готовой металлопродукции с более высокой долей добавленной стоимости.

Строительный бум стимулирует переход от поставок металлов к расширению экспорта готовой металлопродукции. Растет спрос на строительные, в т.ч. отделочные, материалы. Выгодное соотношение цены и качества теоретически может обеспечить проникновение на рынки развивающихся стран Азии российских производителей керамической плитки и керамогранита, арматуры, опалубки для строительства зданий, металлоконструктций, герметиков и композитных материалов для строительства и производства широкой линейки бытовой электроники. Новые экспортные возможности

возникают в стекольной отрасли (у производителей стекла и стекловолокна). Растет спрос на продукцию деревообработки: от пиломатериалов до готовых домов, от целлюлозы до упаковки. В то же время с учетом текущих производственных мощностей экспортный потециал отделочных материалов невысок, больше перспектив у экспорта цемента и металлоконструкций, особенно при ориентации на бюджетные и средние сегменты строительства. Регуляторные и административные барьеры – тарифы, квоты, сертификация, таможенные процедуры, сертификация строительных материалов, стандарты – также усложняют выход на рынки, особенно для новых игроков без локальной репутации.

Стремительная урбанизация и тренд на создание «умных городов» в геометрической прогрессии увеличивают спрос на новые технологии и инновационные продукты, связанные с цифровизацией городской инфраструктуры, транспорта и систем предоставления государственных услуг (B2B и отчасти Business-to-Government, B2G). Востребованными на азиатских рынках могут оказаться отечественные разработки систем распознавания лиц (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины), решений для видеоаналитики, конструкторы для разработки приложений для смартфонов с биометрической идентификацией, технологии «умных домов», охранные системы для автомобилей, ИТ-технологии в предоставлении государственных услуг (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины) и цифровизации медицинских и образовательных учреждений, проекты беспилотного грузового движения с использованием технологий искусственного интеллекта (Китай).

Рынок «умных городов» в Азиатско-Тихоокеанском регионе (инфраструктура, интеллектуальное управление, интеллектуальные коммунальные услуги, интеллектуальная мобильность и ИТ-решения) в 2023 г. оценивался в USD 223 млрд[859]. В 2024 г. рынок Юго-Восточной Азии составил USD 49,1 млрд и, по прогнозам, к 2033 г. вырастет до USD 145,8 млрд при среднегодовом темпе роста около 11,5%[860]. Рост обусловлен урбанизацией, ростом населения, развитием жилищной, транспортной и коммунальной инфраструктуры, модернизацией городов, а также повышением

[859] Asia Pacific Smart Cities Market (2024-2030) [Электронный ресурс] / Grand View Reserarch. Режим доступа: https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/asia-pacific-smart-cities-market-report (дата обращения: 28.09.2024).

[860] South East Asia Smart Cities Market Size, Share, Trends and Forecast by Focus Area, and Country, 2025-2033 [Электронный ресурс] / IMARC Group. Режим доступа: https://www.imarcgroup.com/south-east-asia-smart-cities-market (дата обращения: 20.02.2025).

требований к управлению, безопасности, здравоохранению и образованию. Это создает спрос на ИКТ-решения, системы автоматизации, интеллектуальные датчики, платформы управления, видеонаблюдение, биометрию и услуги цифрового правительства.

Основными потребителями могут быть государственные учреждения и крупные производители операционных систем и микроэлектроники. Перспективные рынки – Вьетнам, Таиланд и Китай – выделяются развитой логистикой, ростом бизнеса и интеграцией цифровых технологий. В то же время российским разработчикам следует учитывать высокую конкуренцию, необходимость локализации и требования к безопасности, конфиденциальности, стандартам качества и сервисной поддержке. Крупные игроки уже доминируют на рынке. Китайские производители (Hikvision, Dahua, Huawei, ZTE, SenseTime и Megvii) доминируют в секторах городского видеонаблюдения и биометрии в большинстве стран Юго-Восточной и Южной Азии. Южная Корея занимает сильные позиции в сфере интеллектуальных транспортных систем (ИТС), электроники, диспетчеризации и интеллектуальной мобильности. Япония преуспевает в области автоматизации транспорта, систем энергоэффективности, Интернета вещей и городского управления. Сингапур является лидером в разработке цифровых городских платформ. Таким образом, ключевые рынки – Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Филиппины и Таиланд – уже глубоко интегрированы в технологические экосистемы Китая, Кореи и Японии, охватывая все: от регулирования и оборудования до сервисной поддержки. В течение последних 5–7 лет страны Юго-Восточной Азии активно развивают собственные ИТ-компании, стимулируя местные стартапы и локализацию зарубежного программного обеспечения. Вьетнам (FPT, VNPT, Viettel) активно заменяет внешние системы собственными платформами для умных городов. Индонезия (Gojek, Telkom Indonesia) разрабатывает собственные решения для транспорта и государственных услуг. Малайзия и Филиппины развивают национальные архитектуры цифрового управления, где иностранное программное обеспечение выступает лишь в качестве надстройки.

Потенциальными нишами для российских компаний являются относительно небольшие города Юго-Восточной Азии (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Филиппины), где востребованы доступные, локализуемые и настраиваемые решения. Существует спрос на аналитику, геосервисы, Интернет вещей, обработку данных, облачные и периферийные решения, а также системы безопасности. Для успешного

выхода на рынок важно ориентироваться на сегменты B2B и B2G, выстраивать партнерские отношения с местными компаниями и органами власти, а также обеспечивать локализацию, поддержку и адаптацию решений с учетом языка рынка, нормативных требований и требований конфиденциальности.

Перспективными направлениями могут стать высокотехнологичное сотрудничество в области транспорта, в т.ч. совместное производство электромобилей (грузовой техники), развитие технологий виртуальной реальности и их внедрение в учебный процесс (стимулируя спрос на образовательные услуги российских образовательных организаций) и видеоигровой индустрии; совместные инвестиционные проекты в области морской индустрии и судостроения (судовой инжиниринг), солнечной энергетике, аддитивных и передовых производственных технологий.

В последние годы Азия активно переходит к «индустрии 4.0» и обновляет технологическую и производственную инфраструктуру, что создает растущий спрос на инновационные решения. Однако барьеры входа высоки: сильная конкуренция, локализация производства, развитые цепочки поставок, инфраструктура зарядки электромобилей и сервисы, а также санкционные риски снижают мотивацию местных игроков сотрудничать с российскими компаниями.

Соответственно, потенциальный выход российских экспортеров технологических решений представляет собой долгий и во многом «нишевый» путь. Для успеха важно позиционировать себя не как поставщика комплектующих, а как технологического партнера – через совместные инвестиционные проекты, СП, реализацию проектов «под ключ». Приоритетными сегментами являются области с менее острой конкуренцией и высокой потребностью в кастомизации, такие как специализированное судостроение, морской инжиниринг, производство тяжелой техники, аддитивные/3D технологии. Россия сохраняет сильный кадровый и научный потенциал в инженерии, машиностроении, IT и аддитивных технологиях. Это позволяет развивать экспорт образовательных программ, совместные проекты в области исследований и разработок и подготовку специалистов для отраслей с дефицитом локальных компетенций.

Существуют предпосылки для наращивания поставок оптико-лазерной техники, материалов для высокотемпературных сверхпроводников (полигидриды), композитных материалов, подводных роботов, вертолетов, развития композитного судостроения и робототехники. В случае снижения геополитичсекой напряженности в долгосрочной

перспективе заинтересованность в сотрудничестве с Россией в области судостроения в ближайшей перспективе будут проявлять не только Китай, Индия и Индонезия, но и ныне «недружественные» Республика Корея и Сингапур.

АТР остается одним из крупнейших потребителей композитных материалов: в 2023 г. на его долю пришлось около 47,3% мирового спроса (благодаря росту производства в Китае, Индии и Японии)[861], что обусловлено масштабами строительства, судостроения, автомобилестроения, авиастроения и инфраструктурных проектов. Высокий спрос на легкие, прочные, коррозионно-стойкие и устойчивые к нагрузкам материалы особенно важен для морской и судостроительной отраслей, транспорта, робототехники, подводных аппаратов и высокотехнологичных отраслей. В России сектор композитных материалов растет: с 2017 по 2023 г. объем рынка удвоился, достигнув около 110 млрд рублей со среднегодовым темпом роста 10–15%[862]. Судостроительная отрасль в Азии (Китай, Индия, Индонезия) активно развивается, формируя спрос на современные материалы и конструкции.

Выход российских производителей ограничен высокой конкуренцией, требованиями сертификации и геополитическими рисками. На рынке уже присутствуют крупные корпорации с развитой инфраструктурой, капиталом и опытом. Композитные материалы и изделия требуют строгого соответствия стандартам, качественной сертификации, гарантийного обслуживания, сервисного обслуживания и логистики. Чтобы оставаться конкурентоспособными, российские компании могут предлагать не отдельный компонент (например, композитный материал), а полностью интегрированный продукт или систему для конкретной отрасли или сферы применения (корпус, композит, автоматика, датчики, система управления). Перспективными нишами являются глубоководные исследования, подводный мониторинг, обслуживание морских платформ, роботизированные суда, морская логистика, инспекция и ремонт. Будет расти спрос на подводную робототехнику, морские автоматизированные системы, датчики и инженерные решения для морского мониторинга, нефтегазовой отрасли и инфраструктуры.

Быстрое развитие мегаполисов типа пекинской или шанхайской агломераций влечет за собой сокращение пахотных земель и деградацию почв, с одной стороны, и

---

[861] Рынок композитных материалов стремительно растет [Электронный ресурс] // Композитный мир. 2024. № 4(109). С. 21. Режим доступа: https://cp-vm.ru/wp-content/uploads/4-109-2024-web.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
[862] Там же.

перестройку сельского хозяйства, с другой. Традиционная структура сельхозпроизводства, где 80% приходилось на зерновые культуры (рис, пшеница, кукуруза), сменяется ростом доли более прибыльного производства мяса, молока, яиц, фруктов. При этом по мере роста доходов ускоренными темпами меняется рацион питания китайского населения: потребление зерновых сокращается (40% рациона), в то время как доля мяса и овощей растет – по 30%, соответственно. В результате масштабы внутреннего производства как зерновых культур, так и белковой продукции не удовлетворяют растущий опережающими темпами внутренний спрос, стимулируя импорт. Устойчиво растет спрос на зерновые и зернобобовые культуры, ячмень, рапсовое масло, молочную продукцию, мясо (не только замороженное, но и охлажденное). Снижение пахотных площадей и деградация земель на фоне изменения рациона питания характерно и для других азиатских стран (Индия, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, меньшими темпами – Филиппины, Таиланд). В итоге стремительно растет спрос на российское зерно и мясо, растут поставки российских крабов на азиатские рынки – в Китай, Республику Корея, Японию, Индонезию, Вьетнам, Сингапур.

Россия сохраняет свой экспортный потенциал зерна и белка, оставаясь одним из крупнейших мировых экспортеров. В 2024 г. экспорт зерна значительно превысил средние показатели, при этом пшеница и меслин остаются конкурентоспособными по цене, особенно для стран Азии. Моделирование торговли показывает, что Россия может увеличить экспорт в Азию на десятки процентов благодаря налаженным цепочкам поставок, в то время как потенциал пшеницы и меслина остается недоиспользованным[863].

Потребление мяса (особенно птицы) в Азии продолжает расти благодаря росту населения, урбанизации и доходов. Согласно Сельскохозяйственному прогнозу ОЭСР/ФАО на 2025–2034 гг., на Азию будет приходиться примерно половина прироста мирового спроса на мясо до 2034 г., в первую очередь на птицу[864]. Россия наращивает экспорт мяса в регион: за первые 9 месяцев 2025 г. экспорт свинины в Китай удвоился, превысив 55,6 тыс. тонн, и общий экспорт мяса растет[865]. Страна обладает значительными

[863] Khmeleva G.A., Kurnikova M.V., Kandrashina E.A., Guseva, M.S. The Assessment of the Potential of Russian Grain Trade in Asian and African Countries: A Gravity Model Approach / G.A. Khmeleva, M.V. Kurnikova, E.A. Kandrashina, M.S. Guseva // Sustainability. 2025. № 17(413). DOI: 10.3390/su17020413.

[864] OECD-FAO Agricultural Outlook 2025-2034 [Электронный ресурс] / OECD. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-fao-agricultural-outlook-2025-2034_601276cd-en.html (дата обращения: 28.06.2025).

[865] Якимов А. Российский экспорт мяса в Китай демонстрирует стремительный рост: регионы-лидеры и перспективы [Электронный ресурс] / А. Якимов // China Logist. Режим доступа: https://chinalogist.ru/export/rossiiskii-eksport-miasa-v-kitai-demonstriruet-stremitelnyi-rost-regiony-lidery-i-perspektivy

производственными мощностями по производству различных видов мяса, включая птицу и свинину. Основными ограничениями экспорта являются протекционизм в ряде азиатских стран (Индия, Индонезия, Филиппины и Таиланд) и внутренние структурные проблемы. Например, Индия вводит 40%-ю пошлину на пшеницу, от 30% до 100% – на мясную продукцию, до 60% – на молочную продукцию и до 100% – на сахар, рис и крупы, а также строгие санитарные и фитосанитарные требования. Страна придерживается политики самообеспечения и почти не импортирует молочную и мясную продукцию. Выход на азиатские рынки требует сертификации предприятий и соблюдения стандартов. Внутри страны вызывает обеспокоенность сокращение посевных площадей и рентабельности сельского хозяйства в условиях жесткой денежно-кредитной политики; в 2024 г. Россия впервые за 10 лет стала нетто-импортером продовольствия.

Реальный потенциал экспорта зерна и белковых продуктов в ближайшие 5–10 лет может быть реализован за счет активных мер: масштабирования аграрного сектора, совершенствования логистики и инфраструктуры, адаптации продукции к требованиям рынка и развития переработки. Приоритетными направлениями должны стать укрепление аграрного сектора и экспортной инфраструктуры, производство продукции с добавленной стоимостью, построение устойчивых цепочек поставок и проведение активной маркетинговой политики. На национальном уровне необходима структурная переориентация: увеличение посевов кормовых культур, инвестиции в технологии, снижение издержек, масштабирование производства и обеспечение доступного финансирования. Это позволит России стать ключевым поставщиком доступного и устойчивого продовольствия для азиатского региона и выйти в средний ценовой сегмент с брендированной продукцией.

Изменение рациона питания увеличивает спрос не только на продукцию российского АПК низкой стадии переработки, но и на готовые пищевые продукты. Растет спрос на рыбные и мясные полуфабрикаты (Китай, Япония, Таиланд, Вьетнам, Малайзия, Индонезия), ингредиенты для пищевой промышленности, кондитерские/мучные изделия широкой номенклатуры (Китай, Вьетнам), мороженое (Китай, Индонезия), консервированные овощи (Таиланд), напитки и чай. В Китае также набирают популярность российские вина.

Из всех рассмотренных направлений – сырье, металлы, высокотехнологичное оборудования и ИТ-решения, морская техника – экспорт продовольствия (рыба,

морепродукты, мясо, полуфабрикаты, замороженные продукты) выглядит наиболее реалистичным с точки зрения спроса и конкурентных преимуществ. В Азии, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, рынок замороженных и переработанных продуктов растет: в 2024 г. оценка – USD 66,38 млрд, прогноз к 2033 г. – около USD 109,88 млрд при среднегодовом темпе прироста около 5,8%[866]. Для стран АСЕАН рынок замороженных продуктов, составляющий USD 11,679 млн, может вырасти к 2035 г. до USD 27,421 млн[867].

Россия уже увеличивает поставки рыбы и морепродуктов в азиатские страны; продукция остается конкурентоспособной, особенно минтай, треска, мороженое филе, сурими. Страна обладает ресурсной базой, промышленной и логистической инфраструктурой, устойчивым экспортным потоком, что позволяет использовать растущий спрос. Основные препятствия – высокая конкуренция и заградительные барьеры, особенно в Индии и Индонезии. Поставки замороженной еды и полуфабрикатов требуют надежной логистики холодовой цепи, быстрой доставки, соблюдения санитарных норм, сертификации и качественной упаковки. Наиболее перспективные рынки: Китай, Сингапур, Япония – высокий спрос и платежеспособность; Юго-Восточная Азия (Таиланд, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Филиппины) – средний потенциал, но растущий спрос на замороженные продукты, особенно в городах.

Для расширения поставок важно:

- ориентироваться на замороженные продукты и полуфабрикаты, а не свежие продукты;
- инвестировать в развитие логистики холодовой цепи, упаковку, хранение, переработку и сертификацию;
- подчеркивать экологичность российских поставок;
- диверсифицировать рынки, не ограничиваясь Китаем (охватывать Юго-Восточную Азию, страны с растущим спросом на замороженные продукты – Индонезию, Таиланд, Вьетнам, Малайзию, Филиппины).

На долгосрочном горизонте успешным может стать ориентация на растущую группу потребителей, занимающихся спортом: поставки фитнес-батончиков, мясных

[866] Asia Pacific Frozen Food Market [Электронный ресурс] / Market Data Forecast. Режим доступа: https://www.marketdataforecast.com/market-reports/asia-pacific-frozen-foods-market (дата обращения: 21.03.2025).
[867] ASEAN Frozen Food Market Outlook from 2025 to 2035 [Электронный ресурс] / Future Market Insights. Режим доступа: https://www.futuremarketinsights.com/reports/asean-frozen-food-market (дата обращения: 12.02.2025).

консервов и полуфабрикатов для спортсменов, т.е. экологически чистой здоровой продукции широкой номенклатуры.

Рост рождаемости расширяет спрос на детские товары, в т.ч. детское питание, текстильную продукцию, детскую литературу, анимационный и детский видеоконтент (Таиланд, Вьетнам, Малайзия, в меньшей степени – Филиппины, Индонезия, Индия). Растет рынок продукции для животных (особенно в Китае и Японии): как для домашних животных (корма и биодобавки), так и скота (кормовые добавки для животных).

Рынок детского питания в Юго-Восточной Азии в 2024 г. оценивался приблизительно в USD 1744 млн и, по прогнозам, к 2033 г. достигнет USD 3120 млн при среднегодовом темпе роста около 6,6%[868]. Помимо рынка товаров для детей, в регионе также быстро растет рынок товаров для домашних животных. Рынок товаров и услуг для животных в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) оценивается примерно в USD 29 млрд к 2024 году[869].

Российский экспорт кормов для домашних животных в последние годы растет ускоренными темпами и, по оценкам «Агроэкспорта», к 2030 г. может превысить 30 тыс. тонн. При этом с 2018 по 2022 г. российский экспорт кормов для кошек и собак увеличивался на 22% ежегодно, достигнув USD 193 млн в 2022 году. По оценкам Федерального центра агроэкспорта, к 2030 г. объем поставок российских кормов для домашних животных может превысить 150 тыс. тонн, или USD 330–350 млн. Однако значение азиатских рынков в структуре экспорта невелико: ключевым остается Китай, а другие возможности недооцениваются.

Для российских экспортеров, особенно тех, кто стремится работать в сегментах, ориентированных на цену и качество, с хорошей логистикой и сертификацией, это одна из наиболее доступных и перспективных экспортных ниш. Выход на рынок может быть затруднен высокой конкуренцией, прежде всего со стороны местных производителей, и барьерами входа. Однако наличие производственного и экспортного потенциала в России закладывает основу для долгосрочного развития этого сегмента экспорта. В сегменте кормов для домашних животных существует среднесрочная и долгосрочная возможность заполнить нишу кормами и добавками массового спроса, особенно в Китае и Японии, при

---

[868] South East Asia Baby Food Market Size & Outlook, 2025-2033 [Электронный ресурс] / Deep Market Insights. Режим доступа: https://deepmarketinsights.com/vista/insights/baby-food-market/south-east-asia (дата обращения: 21.04.2025).

[869] Asia Pacific’s pet care market projected to reach USD$29 billion in 2024: Euromonitor International [Электронный ресурс] / Euromonitor. Режим доступа: https://www.euromonitor.com/press/press-releases/june-2024/asia-pacifics-pet-care-market-projected-to-reach-usd$29-billion-in-2024---euromonitor-international (дата обращения: 20.02.2025).

условии сертификации и логистики. Перспективы в странах Юго-Восточной Азии (Таиланд, Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Филиппины) средние; важно развивать каналы сбыта, логистику и сертификацию.

Рост доходов расширяет и номенклатуру пользующихся спросом потребительских товаров. Расширяется спрос на текстильную продукцию высокого качества мало известных брендов, оригинальные ювелирные изделия (повышенным спросом пользуются изделия из янтаря). Это создает основу для наращивания экспортного потенциала отечественной ювелирной индустрии.

Молодой потребитель проявляет повышенный спрос на креативный, неизвестный и инновационный продукт и контент. Новое поколение азиатских потребителей значительно в большей степени открыто российскому культурному контенту – фильмам, историческим сериалам, анимационному контенту для детей. Российский культурный контент может быть востребован на азиатских онлайн-платформах. Растет интерес азиатских, особенно китайских, интернет-пользователей ко всему, что связано с Россией.

По мере развития инфраструктуры 5G/4G, проникновения смартфонов и роста числа интернет-пользователей молодое поколение активно потребляет онлайн-видео, сериалы, анимацию, зарубежный контент, короткометражные видео и стриминговые сервисы. В этих условиях авторское кино, арт-анимация, детский/подростковый и образовательный/культурный контент становятся потенциальными «творческими нишами». Одним из ключевых препятствий может стать доминирование местной, корейской, японской и китайской медиапродукции. Однако по сравнению с продукцией из США, Европы, Кореи и Японии российские фильмы/сериалы/анимация могут быть относительно дешевле в лицензировании, распространении, переводе и адаптации. Это снижает порог входа для платформ, особенно нишевых, ориентированных на «альтернативный» контент. Ключевым требованием является активная локализация контента – перевод, дубляж, субтитрирование, культурная адаптация, маркетинг и распространение.

Спрос на медицинские услуги открывает неосвоенные азиатские рынки для проникновения российской медицинской техники. Российские разработки в области лечения позвоночника, нейровоспалений и нарушений мозгового кровообращения (например, инновационный генератор медицинских газов), протезирования и проч. могут оказаться широко востребованными на быстрорастущих азиатских рынках.

Развивающиеся рынки Азии имеют все шансы стать приоритетными направлениями для экспорта уникальных отечественных разработок после постановки на поток их производства в России и массового внедрения в российских медицинских учреждениях (расширение экспорта и постпродажного обслуживания без передачи технологий).

Азиатско-Тихоокеанский регион является ключевым драйвером глобального роста рынка медицинских технологий (MedTech). Растут рынки медицинской автоматизации, роботизированной и малоинвазивной хирургии, а также устройств мониторинга, реабилитации и ухода. Однако важно учитывать, что конкуренция на азиатском рынке медицинского оборудования чрезвычайно высока: крупные мировые производители и региональные лидеры – европейские, американские, японские, корейские и китайские компании – уже прочно обосновались на азиатском рынке медицинского оборудования. Требования к стандартам качества, сертификации, безопасности, нормативным требованиям и лицензированию медицинского оборудования также весьма высоки. В этих условиях потенциальная долгосрочная стратегия выхода на рынок должна включать сочетание экспорта, сервисной инфраструктуры и локального присутствия. Экспорт следует постепенно расширять, начиная с небольших партий, пилотных проектов, совместных закупок и демонстрации эффективности, для формирования репутации, а затем масштабирования. В среднесрочной перспективе выход на рынки может быть более эффективным через образовательные проекты и продукты, связанные с целевым пилотным экспортом технологического оборудования и предоставлением послепродажного обслуживания.

Растет спрос на бытовую химию, в т.ч. косметику (особенно универсальную косметику). Повышение «экологической» ответственности населения, с одной стороны, и необходимость решения продовольственных проблем в условиях (1) роста населения, (2) высоких темпов урбанизации и сокращения сельскохозяйственных площадей, (3) деградации земель, с другой стороны, расширяет перспективы сотрудничества в сфере биохимии. Российские химические предприятия имеют все шансы, чтобы расширить поставки катализаторов для очистки выбросов промышленных предприятий, инновационных технологий очистки от разливов нефти, биопрепаратов для очистки почв от металлов (для стран с развитой металлургической промышленностью).

В Азии (особенно в Юго-Восточной Азии – АСЕАН) рынок косметики и бытовой химии также демонстрирует устойчивый рост: прогнозируемый среднегодовой темп

роста региона составляет около 5,6–6,2% в 2025–2035 годах. Однако российские экспортеры могут выйти только на рынки, где цена играет ключевую роль, а лояльность к бренду не является строгой. Для России, при гибкости, адаптации и правильной стратегии, экспорт бытовой/косметической химии может стать доступной и реалистичной нишей, особенно в сегменте бюджетной масс-маркет-продукции. В то же время существует потенциал выхода на рынок B2B/B2G для технических, экологически чистых химических решений – катализаторов, реагентов, биопрепаратов и экологичных чистящих средств. Важно выстроить маркетинговую стратегию вокруг экологически чистых, безопасных и «зеленых» продуктовых линеек – биохимии, чистящих реагентов, экологически чистых косметических формул и безопасных моющих средств. Это позволит нам занять нишу «экологически сознательных» потребителей, особенно в странах, где растет экологическая ответственность, регулирование и интерес к натуральным продуктам (Индонезия, Филиппины, Таиланд и, в меньшей степени, Индия).

Таким образом, рост импортного спроса в 10 исследуемых странах Азии на фоне отстающего глобального предложения формирует новые ниши, особенно в таких сегментах, как аэрокосмическая продукция, машиностроение, продукты питания, химия и пластмассы, прецизионная электроника и металлургия. Россия, обладая ресурсным, технологическим и сельскохозяйственным потенциалом, могла бы занять значимое место на этих рынках, особенно с учетом оптимистичного прогноза роста потребительского спроса домохозяйств на долгосрочном горизонте.

Если попытаться ранжировать страны Азии по степени лояльности к бренду (соответственно, и сложности проникновения на рынки новых, в т.ч. российских производителей), емкости рынка и интенсивности перехода к моделям роста, движимого внутренним потреблением (одновременно с учетом отраслевой структуры потребления, заградительных импортных барьеров и инфраструктурных возможностей), то наибольший интерес для российских экспортеров на средне- и долгосрочном горизонте могут представлять (в порядке приоритетности): (1) Малайзия; (2) Китай, Филиппины, Вьетнам; (3) Индия, Индонезия; (4) Таиланд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования были достигнуты все заявленные цели и получены результаты, полностью соответствующие поставленным задачам. Исследование позволило не только углубленно проанализировать современные паттерны и модели потребления домохозяйств в 10 странах Азии, но и предложить оригинальные концептуальные и методологические подходы к оценке их роли в формировании устойчивых траекторий экономического роста в условиях трансформации глобальной макроэкономической среды. В контексте истощения потенциала экспортоориентированного роста и необходимости диверсификации источников экономического развития проведенный анализ позволил выявить ключевые направления, по которым внутреннее потребление может стать важным элементом будущей экономической стратегии стран региона.

В рамках первой задачи была предложена концептуализация понятий «паттерны» и «модели» потребления домохозяйств, что позволило структурировать существующий теоретический аппарат и адаптировать его к целям анализа. Под паттернами потребления предложено понимать устойчивые, воспроизводимые и характерные совокупности поведенческих, структурных и динамических характеристик потребительского поведения, в то время как модели потребления рассматриваются как формализованные конструкции, описывающие механизмы потребления с помощью количественного анализа.

В этой логике «паттерны» потребления представляют собой более широкое понятие, обозначающее воспроизводимые структуры поведения домохозяйств, формируемые институциональными, технологическими, культурными и социально-экономическими условиями. Они соответствуют уровню анализа, который структуралисты описывали как «структурную динамику». «Модели» потребления являются компонентом паттернов, то есть инструментами количественного представления и объяснения их отдельных составляющих. Модели потребления служат аналитическим упрощением: отражают ключевые переменные, параметры и зависимости, лежащие в основе моделей, но не исчерпывают их содержание. Такое разграничение, основанное на сопоставлении качественно-описательных и количественно-аналитических характеристик, позволило не только повысить теоретическую строгость

анализа, но и обеспечить более точную операционализацию категорий в эмпирической части исследования.

Опираясь на предложенную концептуальную рамку, была разработана авторская типология моделей потребления домохозяйств в Азии, учитывающая как социально-экономические и демографические, так и институциональные и цивилизационные факторы. В развитие теоретических подходов и фундаментальных исследований, опиравшихся на изучение отдельных детерминант и динамику потребительских расходов, предложенный подход позволил не только подтвердить значимость системы ключевых детерминант, но и сопоставить интенсивность их влияния, выявляя отличительные особенности на страновом уровне. В развитие концепции были выделены пять ключевых моделей по доминирующим детерминантам: доходно-ориентированная, структурно-урбанизационная, институционально-финансовая, социально-демографическая и инфляционно-адаптивная. Данная классификация была дополнена типологиями по источникам дохода и характеру воздействия экономической политики, что обеспечило многомерность подхода к анализу потребительского поведения. В частности, в развитие подходов А. Бхадури и С. Марглина[870], С. Сторма и К. Наастепада[871], М. Лавойе и Э. Стокхаммера[872], которые различали и концептуализировали режимы спроса, основанного на заработной плате и прибыли, а также Хейна и др.[873], которые выделяли режим спроса, основанного на накоплении долгов, в данном исследовании была предложена более детализированная система из шести моделей, движимых (1) ростом общего текущего дохода; (2) ростом общего постоянного дохода; (3) ростом заработных плат; (4) ростом общих доходов работников; (5) накоплением долгов; (6) определяемой динамикой цен. Это позволило учесть фактор значимости как текущего, так и постоянного дохода, а также разнонаправленный характер влияния инфляционного фактора.

[870]Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. 1990. Vol. 14. P. 375–393.
[871]Storm S., Naastepad C.W.M. Macroeconomics Beyond the NAIRU / S. Storm, C.W.M. Naastepad. Cambridge : Harvard University Press, 2012.
[872] Lavoie M., Stockhammer E. Wage-Led Growth: Concept, Theories and Policies / M. Lavoie, E. Stockhammer // In: Wage-Led Growth: An Equitable Strategy for Economic Recovery / Eds. M. Lavoie, E. Stockhammer. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 13–39.
[873] Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes Before and After the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. P. 1196–1223. DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

Эмпирический анализ показал, что в последние два десятилетия в странах Азии происходят значительные изменения в структуре потребления, отражающие как рост доходов, так и социокультурные сдвиги. Наблюдается расширение потребительской корзины, рост интереса к экологически устойчивым и технологически продвинутым продуктам, а также усиление роли молодежи и женщин как драйверов изменения потребительских предпочтений. При этом были выявлены устойчивые корреляции между возрастной структурой населения, уровнем дохода и характером потребительских паттернов. В частности, установлено, что более высокая доля пожилого населения коррелирует с традиционным и менее гибким паттерном потребления, тогда как омоложение населения способствует большей восприимчивости к новым продуктам и услугам.

В рамках второй задачи исследования был предложен комплексный двухмерный методологический подход к анализу моделей экономического роста, учитывающий как вклад потребления домохозяйств в структуру ВВП, так и стратегические приоритеты, зафиксированные в национальных программах.

При оценке моделей на основе принципа декомпозиции ВВП была предпринята попытка разрешить существующую в академическом дискурсе проблему отсутствия четких количественных критериев. Хотя целый ряд работ (в т.ч. Дж. Фелипа и Дж. Лима[874], Х. Кима[875] и др.) при определении моделей развития азиатских стран опирались на принцип декомпозиции ВВП, ни одно из исследований не конкретизировало статистических критериев, положенных в основу классификации моделей. Э. Харруби и Э. Кольшен[876] сосредотачиваются в основном на реальных темпах роста частного потребления по сравнению с реальным ВВП. В частности, периоды роста, движимого потреблением, они определяют как «периоды, в течение которых частное потребление растет быстрее, чем ВВП, либо в номинальном выражении, так что отношение потребления к ВВП увеличивается со временем, либо в реальном выражении, так что рост реального потребления превышает рост реального ВВП». Другие эксперты склонны

[874]Felipe J., Lim J. Export or Domestic-Led Growth in Asia? / J. Felipe, J. Lim ADB. ERD Working Paper № 69. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

[875] Kim Hae. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 2–8.

[876] Kharroubi E., Kohlscheen E. Consumption-led expansions / E. Kharroubi, E. Kohlscheen BIS Quarterly Reviewю 2017. P. 25–37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1703e.htm (дата обращения: 23.03.2025).

отталкиваться от измерения вклада каждого компонента в ВВП страны, определяя тип модели по компоненту, обеспечивающему наибольший вклад. Единственным исследованием, предложившим четкую систему количественных критериев, стала работа Л. Баккаро и С. Хаджабдика[877], которые, однако, применяли свои критерии к компонентам ВВП, «очищенным» от импорта. Вторая сохраняющаяся методологическая проблема состоит в преобладающем измерении вклада каждого из компонентов в структуру ВВП, что создает проблему недооцененности вклада именно в экономической рост, а не в абсолютную величину ВВП страны. Для решения данных проблем была предложена следующая классификация, основанная на оценке вклада компонентов в темпы прироста:

1. Экспортоориентированный рост – чистый экспорт положителен и вклад экспорта в прирост ВВП не менее 40%;
2. Рост, движимый внутренним спросом, – в совокупности компоненты внутреннего спроса (частное и государственное потребления, а также инвестиции) не менее 80%. Разновидности модели:
   A. Доминирующие инвестиции – на инвестиции приходится не менее 40% вклада в прирост ВВП;
   B. Доминирующее частное потребление – частное потребление домохозяйств не менее 50%;
   C. Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом, – инвестиции и частное потребление домохозяйств в отдельности не менее 40% вклада в прирост ВВП;
3. Рост, движимый экспортом и инвестициями, – чистый экспорт положителен, вклад экспорта не менее 30%, инвестиций не менее 40%;
4. Сбалансированный рост – чистый экспорт положителен, вклад экспорта не менее 30%, а вклад инвестиций и частного потребления домохозяйств составляет не менее 40% в отдельности.

Одновременно был проведен контент-анализ документов стратегического планирования, основанный на выявлении доминирующего приоритета экономической политики (экспортоориентированность, достижение сбалансированной модели, развитие

[877]Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. 2023. DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

внутреннего спроса и проч.) в сочетании с дискурс-анализом проводимой экономической политики. Этот подход позволил проследить эволюцию экономических моделей в странах региона и выделить устойчивые закономерности. Результаты проведенного анализа на основе предложенного подхода были сгруппированы в виде Таблицы 74.

Таблица 74 – Эволюция моделей экономического роста в странах Азии в 1970–2023 гг.

	1970–1980-е гг.	**1990-е гг.**	**2000-е гг.**	**2010 г. – по наст. вр.**
Китай				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом	Сбалансированный рост при сокращении вклада частного потребления и расширении экспорта, переход к экспортоориентированному росту	Рост, движимый экспортом и инвестициями	Сбалансированный рост, движимый внутренним спросом с высоким вкладом инвестиций и нестабильным частным потреблением
По содержанию стратегических документов	Акцент на сбалансированный рост посредством либерализации, модернизации и рыночных реформ	Официальное закрепление экспортоориентированного курса	Укрепление экспортоориентированного курса	Ориентированность на сбалансированный рост при официально закрепленном стремлении к расширению вклада частного потребления
Индия				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств на фоне ускоренного накопления капитала)	Сбалансированная модель внутреннего спроса (инвестиционно-ориентированный рост и расширение внешней торговли при отрицательном чистом экспорте)	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)
По содержанию стратегических документов	Импортозамещение с акцентом на расширение инвестирования в социальное и инфраструктурное развитие	Либерализация без экспортроориентированности (больше ориентация на внутренний спрос)	Ориентация на внутренний спрос с расширением инвестирования, частичная экспортоориентированность высокотехнологичных отраслей	Ориентированность на внутренний спрос с акцентом на частное потребление
Япония				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств на фоне ускоренного накопления капитала)	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств при высокой роли государственного потребления и постепенном расширении экспорта)	Экспортоориентированная модель, но неустойчивый рост, частые периоды кризисов и отрицательных темпов прироста	Неравномерная модель при околонулевых темпах роста

По содержанию стратегических документов	Сбалансированный рост с сохранением ориентированности на внешний компонент	Переход к ориентации на внутренний спрос при балансировании за счет инвестиций и внешней торговли	Устойчивый рост на основе инноваций и сервисизации экономики с высоким значением внешних рынков	Стимулирование потребительского спроса, стремление к сбалансированной модели через расширение частного потребления
Республика Корея				
По декомпозиции ВВП	До середины 1980-х – модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств). С середины 1980-х – переход к экспортоориентированной модели при накоплении капитала	Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом	Экспортная ориентированность при сохранении сбалансированности внутреннего спроса (частное потребление, инвестиции, рост государственного потребления)	Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом при экспортоориентированной модели в период пандемии
По содержанию стратегических документов	Экспортоориентированность проводимой политики на протяжении всего периода	Рост, ориентированный на экспорт и инвестиции на фоне инновационного развития	Стремление к сбалансированной модели при сохраняющейся опоре на внешние рынки в условиях инновационности, экономики знаний и устойчивости	Стремление к сбалансированной модели при сохраняющейся опоре на внешние рынки в условиях инновационности, экономики знаний и устойчивости
Индонезия				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)	Модель, движимая внутренним спросом с доминирующим частным потреблением при одновременном расширении вклада экспорта	Модель, движимая внутренним спросом с доминирующим частным потреблением и растущими инвестициями	Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом при перебалансировке в направлении роста вклада инвестиций и сокращения вклада частного потребления
По содержанию стратегических документов	Индустриализация, стимулирование инвестиций, сочетание импортозамещения и элементов экспортоориентированности	Сочетание импортозамещения с элементами экспортоориентированности	Диверсификация, модернизация, акцент на инвестиционно-ориентированный рост	Приоритизация сбалансированного роста: опора на внешние рынки, человеческое развитие, внутренний спрос
Малайзия				
По декомпозиции ВВП	Сбалансированный рост (частное потребление, инвестиции, экспорт)	Сохранение сбалансированной модели, но с резким ростом вклада экспорта при общем среднегодовым околонулевым сальдо торгового баланса	Экспортоориентированный рост с устойчивым частным потреблением	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств) и экспортом (но резкое снижение вклада экспорта)
По содержанию стратегических документов	1970-е – акцент на сбалансированный рост в условиях модернизации	Ориентированность на сбалансированный рост на основе	Ориентированность на сбалансированный рост на основе	Ориентированность на сбалансированный рост с расширением среднего класса на

	производств и развития человеческого капитала 1980-е – акцент на инвестиции и накопление капитала	инновационного развития	инновационного развития	основе инновационного развития
Сингапур				
По декомпозиции ВВП	1970-е – нач. 1980-х – сбалансированный рост, движимый совокупным спросом при высоком вкладе экспорта, но дефиците торгового баланса. Сер. 1980-х – экспортоориентированный рост	Экспортоориентированный рост при высоком вкладе инвестиций и частного потребления	Ярко выраженный экспортоориентированный с рекордным вкладом экспорта и устойчивым восходящим ростом чистого экспорта	Экспортоориентированный рост
По содержанию стратегических документов	Индустриальное развитие с ориентацией на внешние рынки (инвестиции и экспорт). Официально декларируемая экспортоориентированность	Ориентированность на экспортно-инвестиционный рост с переходом к инновационной экономике	Переход к экономике, ориентированной на инновации при сохранении традиционной ориентированности на внешние рынки	Развитие инновационной экономики с опорой на экспортоориентированный рост при расширении устойчивости и инклюзивности
Филиппины				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств) при росте вклада экспорта, но отрицательном торговом балансе	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)	Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом при росте государственного потребления, сокращении экспорта и нарастании дефицита ТБ
По содержанию стратегических документов	Индустриализация и модернизация, приоритизация сбалансированного роста на основе внутреннего спроса	Стремление к сбалансированному росту с ростом внешнеэкономического компонента (без официального закрепления экспортоориентированности)	Стремление к сбалансированному росту с ростом внешнеэкономического компонента (без официального закрепления экспортоориентированности)	Стремление к сбалансированному росту через укрепление внутреннего спроса
Таиланд				
По декомпозиции ВВП	1970-е – модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств) 1980-е – та же модель при общем	Сбалансированный рост, движимый совокупным спросом при общем высоком вкладе экспорта, но дефиците ТБ	Сбалансированный рост (потребление, инвестиции, экспорт) с признаками экспортоориентированности	Модель, движимая частным потреблением и экспортом

	росте вклада экспорта			
По содержанию стратегических документов	Индустриализация, стремление к сбалансированному росту в т.ч. за счет стимулирования внешней торговли и инвестиций. 1980-е гг. – индустриализация с элементами экспортоориентированности	Нацеленность на расширение вклада внешней торговли, модернизация производств	Усиление социально ориентированного вектора, устойчивое развитие, тяготение к сбалансированной модели	Инклюзивный рост с акцентом на повышение уровня жизни (без официального декларирования перехода, ориентированного на внутренний спрос)
Вьетнам				
По декомпозиции ВВП	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств)	Модель, движимая внутренним спросом (доминирующее частное потребление домохозяйств) при росте инвестиций и резком росте экспорта	Сбалансированный рост (экспорт, частное потребление, инвестиции)	Модель, движимая частным потреблением и экспортом с ярко выраженной экспортоориентированностью благодаря рекордному вкладу экспорта и профициту ТБ
По содержанию стратегических документов	Индустриализация	Стремление к модели, движимой экспортом и инвестициями, развитие экспортного сектора, акцент на внешней конкурентоспособности	Приоритизация модели, движимой экспортом и инвестициями, декларирование экспортоориентированного роста	Стремление к сбалансированной модели через развитие внутреннего потребления, инновационность и устойчивость

Источник: составлено автором.

Применение двухмерного подхода позволило перейти к следующему шагу в анализе эволюции моделей экономического роста в Азии: сопоставить два измерения, предприняв попытку оценить временной лаг между декларированием приоритетов на уровне стратегических документов и реальным достижением желаемой модели по структуре темпов прироста ВВП страны. Новаторский результат состоял в выявлении следующих закономерностей: переход к экспортоориентированному росту происходил быстрее и эффективнее, чем попытки стимулировать внутреннее потребление; временной лаг между официальным закреплением стремления к расширению экспорта в документах стратегического планирования и резким увеличением его вклада в прирост ВВП составлял 7–10 лет; существенного же расширения вклада частного потребления удается добиться на горизонте не менее 10–12 лет, этот процесс менее управляем и в ряде стран еще не завершен. В ряде стран, несмотря на официальное провозглашение приоритета модели роста, движимого потреблением, соответствующие трансформации так и не были

реализованы на практике. В то же время такие страны, как Филиппины, Индия и Индонезия, демонстрируют устойчивый рост, движимый внутренним спросом, даже при отсутствии стратегической ориентации на такую модель в государственных документах.

В развитие академического дискурса феномена глобальных дисбалансов в рамках исследования был предложен новый, самостоятельный тип глобальных асимметрий – глобальные потребительские дисбалансы – отличающихся от доминирующих в академическом дискурсе финансов и экономических дисбалансов по объекту анализа, источникам формирования и экономическим последствиям. Было предложено рассматривать глобальные потребительские дисбалансы как устойчивые различия в уровнях и структурах потребления, обусловленные институциональными, культурными и демографическими особенностями. Было показано, что различия в характеристиках спроса напрямую влияют на характер глобального спроса, структуру сбережений и долговую нагрузку, а также могут выступать катализатором нестабильности в условиях глобальных кризисов.

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что на фоне посткризисной трансформации глобальной экономики потребительские дисбалансы в Азии имеют тенденцию к постепенному сокращению, хотя в условиях кризисов (1997, 2007–2008 гг. и пандемии COVID-19) произошло резкое расширение различий в структуре и объемах потребления между странами. Также было зафиксировано снижение дисбалансов сбережений, что может свидетельствовать о перераспределении финансового поведения домохозяйств в условиях неопределенности.

Следующая задача исследования была направлена на количественную оценку глобальных потребительских дисбалансов и выявление положения 10 стран Азии через разработку концепции реализации потребительского потенциала и соответствующего измерительного инструмента (Индекса реализации потребительского потенциала – ИРПП). В отличие от ряда работ, измеряющих страновые различия в склонности государств к потреблению или сбережению через сопоставление их темпов прироста в разных странах (например, в работах М. Брукнера[878] или Н. Батини и др.[879]), этот подход позволяет оценивать степень соответствия текущего уровня потребительских расходов

[878] Brueckner M. Economic Growth and the GDP Share of Consumption: An Empirical Analysis for Asia / M. Brueckner // Emerging Markets Finance and Trade. 2017. Vol. 53. № 12. P. 2782–2793. DOI: 10.1080/1540496X.2017.1320986.
[879] Batini N., N'Diaye P., Rebucci A. The Domestic and Global Impact of Japan's Policies for Growth / N. Batini, P. N'Diaye, A. Rebucci // Federal Reserve Bank of San Francisco Proceedings Series. 2005.

домохозяйств потенциально возможному с учетом социально-экономических характеристик страны. Подобный подход к оценке глобальных потребительских дисбалансов был применен впервые; его преимущество состоит в том, что Индекс реализации потребительского потенциала позволяет учитывать общие социально-экономические характеристики страны, выявляя не только различия в траекториях, но и степень недоиспользования или избыточного использования имеющегося потребительского потенциала. Это обеспечивает более содержательную интерпретацию глобальных и региональных потребительских дисбалансов, позволяет проводить сравнения между странами с разным уровнем развития и экономической структурой, а также формирует аналитическую основу для оценки долгосрочной устойчивости моделей роста.

Результаты динамической оценки ИРПП позволили провести типологизацию исследуемых стран по двум ключевым осям: уровню реализации потребительского потенциала в посткризисный период и направлению изменения индекса во времени. Это позволило выделить, с одной стороны, страны с устойчивым прогрессом (Малайзия, Вьетнам, Китай), а с другой, страны, демонстрирующие снижение ИРПП или его стагнацию (Япония, Республика Корея, Сингапур). Также был зафиксирован устойчивый разрыв между уровнем фактического и потенциального потребления в странах с сохраняющимися структурными и институциональными ограничениями (Индия, Индонезия, Таиланд), в то время как, например, Филиппины демонстрируют близость к равновесной траектории реализации потребительского потенциала. Существенное значение имеют и выявленные особенности потребительского поведения в посткризисные периоды, указывающие на высокую адаптивность и чувствительность спроса к изменению внешних условий.

Еще одна задача исследования заключалась в выявлении закономерностей и региональных отличий влияния ключевых социально-экономических детерминант на динамику потребления. Полученные результаты в значительной степени согласуются с результатами предшествующих исследований, указанных во введении и параграфе 1.2 и обосновывавших влияние доходов, демографической структуры населения, показателей финансового развития, однако позволяют выявить и ряд особенностей в реакции рассматриваемых стран Азии на изменения доходов и макроэкономических параметров. В частности, исследование подтвердило предшествующие результаты М. Фолвина,

Дж. Кэмпбелла и Н. Мэнкью[880], а также Р. Маклема[881] о том, что потребление реагирует на изменение как текущего, так и постоянного дохода. При этом в развитие их трудов в рамках данного исследования было предложено количественное сопоставление реакций, в результате чего для 10 стран Азиии была доказана пониженная эластичность расходов по отношению к текущим доходам при одновременном более существенном реагировании на изменения постоянного дохода. Это свидетельствует о рационализме потребительского поведения в условиях повышенной неопределенности и ориентированности на долгосрочные экономические ожидания. Соответственно, потребление домохозяйств азиатского региона является классическим примером большей ориентированности на устойчивый доход, нежели на его кратковременные колебания.

Особое значение имеет выявленная значимость урбанизации как фактора, многократно усиливающего потребительскую активность. Важный вывод, полученный по итогам настоящего исследования, состоит в том, что урбанизационный фактор в Азии стимулирует потребление домохозяйств в Азии примерно в 5–6 раз сильнее, нежели по миру в целом. Полученный результат имеет принципиальное значение, поскольку не просто подтверждает положительную взаимосвязь между урбанизацией и потреблением, как это уже было задокументировано в предыдущих исследованиях (например, М. Вей, Й. Чжан, К Ху[882]), но и указывает на значительные региональные различия в величине этого эффекта. Тот факт, что урбанизация в азиатских странах увеличивает потребление домохозяйств в 5–6 раз больше, чем в среднем по миру, указывает на качественно иную роль процессов урбанизации в формировании модели роста, ориентированной на спрос, в регионе. Этот вывод важен, во-первых, потому что он позволяет рассматривать урбанизацию в Азии не только как демографический или пространственный процесс, но и как ключевой структурный механизм мобилизации внутреннего спроса, компенсирующий ограничения экспортоориентированных стратегий. Во-вторых, он указывает на наличие мультипликативных эффектов, связанных с одновременным

[880]Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
Falvin M.A. The Adjustment of Consumption to Changing Expectations about Future Income / M.A. Falvin // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89. P. 974–1009.
[881]Macklem R.T. Wealth, Disposable Income and Consumption: Some Evidence for Canada [Электронный ресурс] / R.T. Macklem. 1994. Режим доступа: http://www.econ2.jhu.edu/people/ccarroll/papers/cos-wealtheffects-literature/papers/macklem.pdf (дата обращения: 20 октября 2024).
[882] Wei M., Zhang Y., Hu X. Effect of Urbanization Quality on China’s Household Consumption from the Perspective of Income / M. Wei, Y. Zhang, X. Hu // Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition). 2023. —Vol. 25. № 4. P. 173-181. DOI: 10.15918/j.jbitss1009-3370.2023.1536.

воздействием урбанизации на доходы, занятость, инфраструктуру, финансовую доступность и трансформацию потребительских норм, которые реализуются значительно интенсивнее в азиатских экономиках, чем в других регионах. Соответственно, полученные результаты открывают путь для дальнейших исследований, направленных на выявление институциональных и структурных факторов, усиливающих (или снижающих) эффект урбанизации в Азии, включая специфику городского рынка труда, жилищной политики, цифровых потребительских платформ и различия между типами урбанизации (мегаагломерации, города второго порядка и ускоренная периферийная урбанизация). Кроме того, они закладывают основу для разработки дифференцированной экономической политики, рассматривающей управление урбанизацией как инструмент целенаправленного стимулирования внутреннего потребления и долгосрочного экономического роста. Рост доли городского населения сопровождается трансформацией структуры потребления и способствует расширению спроса на услуги, инновационные и экологически устойчивые товары. Важной особенностью региона является также обратное влияние уровня внешнеэкономической открытости на потребление, что особенно сильно проявляется в странах с длительным опытом экспортоориентированной модели роста, таких как Китай, Малайзия и Республика Корея.

Дополнительным вкладом в научное осмысление региональной специфики потребления стал анализ инфляционных ожиданий. Вопреки общемировой тенденции, интуитивной логике и результатам исследований Х. Лиланда[883], который доказывал стимулирующий эффект низкой инфляции на текущее потребление, была доказана прямая связь, т.е. инфляция в странах Азии, как правило, провоцирует рост текущего потребления, выступая как триггер ускоренного удовлетворения отложенного спроса. Это подчеркивает отличие моделей потребительского поведения, сформированных под влиянием специфических инфляционных и поведенческих трендов, и согласуется со сравнительно менее популярными исследованиями Л. Либа и Дж. Шуффелза[884] или М. Бурке и А. Ожагли[885], выявлявшими наличие прямого влияния инфляции на текущее

[883] Leland H.E. Saving and Uncertainty: The Precautionary Demand for Saving / H.E. Leland // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82, № 3. P. 465–473. DOI: 10.2307/1879518.
[884] Lieb L., Schuffels J. Inflation expectations and consumer spending: the role of household balance sheets / L. Lieb, J. Schuffels // Empirical Economics. 2022. № 63. P. 2479–2512. DOI: 10.1007/s00181-022-02222-8.
[885] Burke M.A., Ozdagli A. Household Inflation Expectations and Consumer Spending: Evidence from Panel Data / M.A. Burke, A. Ozdagli // Federal Reserve Bank of Dallas Research Department Working Papers. 2021. № 2110. P. 1-107. DOI: 10.24149/wp2110.

потребление и объяснявшими ее высокими инфляционными ожиданиям (когда текущие цены рассматриваются ниже будущих).

Финансовое развитие также продемонстрировало разнонаправленное влияние. Положительное влияние финансового развития на потребление домохозяйств, доказанное в работах А. Дитона[886], Д. Карлана и Дж. Зинмана[887], Дж. Кэмпбелла и Н. Мэнкью[888], Р. Холла[889], и др., было подтверждено лишь частично. Было доказано, что в странах Азии с высокой финансовой инклюзией доступ к финансовым ресурсам значительно стимулирует потребление, тогда как в менее развитых экономиках этот эффект остается ограниченным. Большинство предшествующих исследований доказывало положительное влияние финансового развития на текущее потребление домохозяйств, не проводя подобных различий и, соответственно, не учитывая дифференцированность эффектов в странах с высокой и низкой финансовой инклюзией. Также было доказано, что рост доли сферы услуг в ВВП оказывает на потребление в исследуемом регионе более сильное влияние, чем в среднем по миру. Доказано также, что существенную роль, по результатам анализа, играют и гендерные факторы, особенно высокая активность женщин как ключевых акторов потребления в развивающихся экономиках Азии, что подтверждает выводы исследований М. Сильверстайна и К. Сэйра[890], М. Брайнинга, П. Чиаппори и Й. Вайса[891], которые обосновывают тезис о том, что именно женщины определяют структуру и масштаб потребления домохозяйств, а рост их роли в обществе ведет к перераспределению доходов в пользу потребления (в ущерб сбережениям). В то же время в настоящем исследовании приводится подтверждение того, что в азиатском регионе женский фактор в стимулировании потребления проявляется в несколько раз сильнее, нежели по миру в целом.

Отдельная задача исследования была связана с эмпирической верификацией гипотезы о внеэкономической природе низкой склонности к потреблению в ряде стран Азии. Несмотря на наличие большого числа экономических исследований, проведенных

---

[886] Deaton A. Saving and Liquidity Constraints / A. Deaton // Econometrica. 1991. Vol. 59. № 5. P. 1221–1248.
[887] Karlan D., Zinman J. Expanding Credit Access: Using Randomized Supply Decisions to Estimate the Impacts / D. Karlan, J. Zinman // Review of Financial Studies. 2010. Vol. 23. № 1. P. 433–464.
[888] Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. 1991. Vol. 35. P. 723–767.
[889] Hall R.E. Intertemporal Substitution in Consumption / R.E. Hall // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96. № 2. P. 339–357.
[890] Silverstein M., Sayre K. Women Want More: How to Capture Your Share of the World's Largest, Fastest-Growing Market / M. Silverstein, K. Sayre. The Boston Consulting Group. 2009. 336 p.
[891] Browning M., Chiappori P.-A., Weiss Y. Economics of the Family / M. Browning, P.-A. Chiappori, Y. Weiss. Cambridge University Press. 2014. 510 p.

с позиции цивилизационного подхода, в изучении природы, динамики и структуры потребления домохозяйств его значение остается крайне недооцененным. При этом применение цивилизационного подхода к анализу потребительских тенденций особенно важно в современном контексте, поскольку экономические факторы все чаще не способны всесторонне объяснить устойчивые различия в потребительском поведении в разных странах и регионах. В ряде азиатских обществ низкая склонность к потреблению сохраняется даже при росте доходов, развитии финансовых рынков и расширении социальной инфраструктуры, что указывает на наличие глубинных, неэкономических факторов, сохраняющихся с течением времени. Цивилизационные факторы – ценностные установки, нормы межпоколенческого перераспределения, модели социального поведения, отношение к риску и неопределенности – создают долгосрочную поведенческую инерцию, которую нелегко преодолеть с помощью стандартных экономических стимулов. В отличие от традиционных экономических моделей, которые предполагают универсальные поведенческие реакции, цивилизационный подход позволяет учитывать контекстную детерминированность потребления и объясняет расхождения между потенциальным и фактическим уровнями потребительских расходов. Эмпирическая проверка гипотезы о неэкономической природе низкой склонности к потреблению открывает путь к интеграции экономического и цивилизационного анализа, расширяет объяснительный потенциал исследований потребления и формирует основу для более реалистичных и дифференцированных подходов к стимулированию внутреннего спроса в азиатских странах.

В развитие трудов Дж. Шутена[892], Д. Шоу и И. Кларка[893], которые доказали значение культурных ценностей как важных факторов, определяющих потребительское поведение людей, данное исследование продвинулось чуть дальше, не только подтвердив значимое влияние внеэкономических (культурно-цивилизационных) особенностей на динамику потребления, но и эмпирически оценив различия в степени их влияния в 10 странах Азии. То есть в рамках проведенного анализа автором были количественно оценены цивилизационные (социокультурные) детерминанты потребительского поведения, ранее преимущественно рассматривавшегося в качественном измерении.

[892] Schouten J.W., McAlexander J.H. Subcultures of Consumption: An Ethnography of the New Bikers / J.W. Schouten, J.H. McAlexander // Journal of Consumer Research. 1995. Vol. 22. P. 43-61.
[893] Shaw D.S., Clarke I. Culture, Consumption and Choice: Towards a Conceptual Relationship / D.S. Shaw, I. Clarke // Journal of Consumer Studies and Home Economics. 1998. Vol. 22. № 3. P. 163-168.

Полученные данные убедительно свидетельствуют о наличии устойчивого сдерживающего влияния культурных установок на расширение потребительского спроса в большинстве исследуемых стран. Наибольшая сила внеэкономических ограничений была зафиксирована в Китае, где конфуцианская традиция, доминирующая идеология сбережений и государственная пропаганда накоплений формируют поведенческие рамки, препятствующие стимулированию потребления даже при благоприятных экономических условиях. Индия и Таиланд демонстрируют аналогичную тенденцию, обусловленную семейно-ориентированными и религиозными практиками. В странах с мусульманской традицией, таких как Индонезия и Малайзия, культурный фактор также выступает значимым сдерживающим элементом, хотя и с меньшей интенсивностью. Сравнительно меньшая степень ограничения зафиксирована в Японии и Республике Корея, однако и здесь преобладают установки на финансовую умеренность и долгосрочное планирование. В то же время исключение в общей картине составляют Филиппины, где влияние цивилизационных факторов на поведение потребителей проявляется лишь в периоды экономической нестабильности и не оказывает значимого воздействия при стабильной положительной динамике доходов населения.

На фоне признания значимой роли культурно-цивилизационных факторов в потребительском поведении домохозяйств между исследователями сохраняется дискуссия относительно устойчивости и неизменности данных культурно-цивилизационных установок во времени. Если на более ранних этапах «классики» теории культурных изменений (Г. Хофстеде[894], Р. Инглхарт[895]) говорили о крайне медленном изменении культурных ценностей и установок (даже в условиях модернизации и роста доходов), то более поздние труды П. Хофстеде и М. де Муи[896] доказывают изменчивость культурных особенностей с течением времени, проявляющихся в т.ч. и в культуре потребления домохозяйств. Именно с этими более поздними установками согласуются и результаты нашего эмпирического исследования, количественно доказывающего, что с течением времени влияние социокультурных ограничений на склонность к потреблению постепенно снижается. Особенно отчетливо этот процесс проявляется в период после

[894] Hofstede G. Culture’s Consequences / G. Hofstede. Beverly Hills : Sage. 1980.
[895] Inglehart R. The Silent Revolution / R. Inglehart. Princeton University Press. 1977.
[896] de Mooij M., Hofstede G. Convergence and Divergence in Consumer Behavior: Implications for International Retailing / M. de Mooij, G. Hofstede // Journal of Retailing. 2002. № 78. P. 61–69.
de Mooij M., Beniflah J. Measuring Cross-Cultural Differences of Ethnic Groups within Nations: Convergence or Divergence of Cultural Values? The Case of the United States / M. de Mooij, J. Beniflah // Journal of International Consumer Marketing. 2016. Vol. 29. № 1. P. 2–10. DOI: 10.1080/08961530.2016.12277587.

2009 г., когда на фоне ослабления ресурса внешнего спроса правительства ряда стран региона пересмотрели стратегические ориентиры в пользу стимулирования внутреннего потребления. Это сопровождалось как институциональными изменениями, так и эволюцией потребительских установок, особенно в молодом и городском населении.

Наиболее устойчивое движение в сторону ослабления сдерживающего влияния социокультурных факторов зафиксировано в Китае, Индии, Малайзии и Вьетнаме, где трансформация потребительских паттернов сопровождалась ростом среднего класса, цифровизацией и расширением доступа к потребительским рынкам. В Японии и Республике Корея этот процесс оказался менее выраженным и в ряде случаев демонстрировал признаки обратной динамики, особенно в условиях старения населения и роста социальной тревожности. Филиппины подтвердили свою устойчивую траекторию выравнивания со среднемировыми трендами. В то же время в Таиланде и Индонезии наблюдалась разнонаправленная динамика, отражающая конкуренцию традиционных и модернизирующихся установок в обществе. Автором также доказано, что Глобальный финансовый кризис стал важной поворотной точкой, после которой ослабление культурно-цивилизационных барьеров стало устойчивым трендом в большинстве исследуемых стран.

Самостоятельная задача исследования состояла в выявлении страновых особенностей реагирования расходов на конечное потребление домохозяйств на динамику и структуру доходов, изменение уровня цен, а также влияния проводимой налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. Для достижения этой цели был осуществлен переход от регионального к страновому уровню анализа, что позволило зафиксировать значимую дифференциацию потребительских моделей в странах Азии в зависимости от действующих детерминант. В результате была дана классификация моделей потребления в 10 азиатских странах на основе трех ранее предложенных автором подходов: по ключевым социально-экономическим детерминантам потребления (опираясь на структурно-функциональный подход и положения ключевых теорий потребления); в зависимости от категории дохода; по характеру влияния экономической политики на динамику потребления. Составлена уникальная матрица зависимости потребительских расходов от набора ключевых факторов. Установлено, что в большинстве стран региона преобладают доходно-ориентированная и структурно-урбанизационная модели, в рамках которых основными драйверами выступают рост

текущих доходов, активная урбанизация и развитие сферы услуг. Данный вывод представляется одним из наиболее важных.

Вклад этого результата в академическую дискуссию заключается, во-первых, в систематизации моделей потребления на основе единой многоуровневой методологии, интегрирующей структурно-функциональный подход, теории потребления и анализ экономической политики. Это расширяет аналитический инструментарий исследований роста, обусловленного спросом, и позволяет выйти за рамки описания отдельных факторов и перейти к всестороннему объяснению механизмов, лежащих в основе потребления.

Во-вторых, выявление приобщающих доходно-ориентированной и структурно-урбанизационной моделей в большинстве азиатских стран проясняет понимание факторов, определяющих внутренний спрос в регионе, и вносит вклад в дискуссию о структурной детерминированности эффективности экономической политики, демонстрируя, что ее влияние на потребление опосредовано уровнями доходов, характером урбанизации и структурой занятости.

Было доказано, что в Китае, Индии, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме и на Филиппинах потребление в первую очередь определяется динамикой доходов и урбанизацией. В Республике Корея и Сингапуре проявляется значительное влияние социально-демографических параметров, включая участие женщин в экономике. В Японии, напротив, потребительская активность сдерживается снижением доходов, но частично поддерживается за счет высокого уровня развития финансовой системы и доступа к финансовым инструментам. Проведенная типологизация позволила установить, что развитие сферы услуг будет стимулировать рост потребления в кратко- и среднесрочной перспективе в Китае, Малайзии и Республике Корея, а в долгосрочной – во Вьетнаме, Таиланде и на Филиппинах. Гендерный фактор, выражающийся в увеличении доли женского населения и участии женщин в трудовой деятельности, оказывает заметное влияние на потребление в Республике Корея, Сингапуре, на Филиппинах и в меньшей степени – в Таиланде и Малайзии. Было также установлено, что в Китае поведение потребителей определяется ростом текущего дохода и расширением кредитования; в Индии – динамикой постоянного дохода и инфляцией; в Сингапуре – исключительно постоянными доходами; в Индонезии и на Филиппинах – сочетанием

доходов и доступа к кредитным средствам; в Малайзии – доходами и ценами; во Вьетнаме – доступом к кредиту и инфляцией.

По характеру влияния экономической политики подтверждено, что в большинстве стран Азии потребление домохозяйств сильнее реагирует на изменение денежно-кредитной политики, чем на инструментарий налогово-бюджетной политики. В Китае, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме фискальные инструменты почти не оказывают влияния на поведение домохозяйств. В Индии, Индонезии, Малайзии и Республике Корея функционируют смешанные модели, при этом влияние монетарной политики остается стабильным, тогда как фискальные стимулы носят непоследовательный характер (что во многом объясняется слабой социальной политикой). В Японии и на Филиппинах ни один из исследованных параметров не продемонстрировал значимой зависимости. При наличии исследований, посвященных изучению отдельно роли денежно-кредитных стимулов в расширении расходов на конечное потребление домохозяйств (через процентные ставки, доступ к кредитованию) и отдельно – значению налогово-бюджетной политики (через прямое изменение располагаемого дохода населения), сравнительные исследования эффективности воздействия денежно-кредитных и налогово-бюджетных механизмов на потребление домохозяйств фактически отсутствуют. Наиболее значимая работа МВФ[897], которая, однако, не уделяет сопоставимого внимания денежно-кредитным инструментам, говорит о наличии более устойчивых и сильных мультипликативных эффектов фискальных трансфертов (выплат домохозяйствам) на потребление и совокупный спрос, чем стимулирующие механизмы денежно-кредитной политики. Настоящее же исследование ставит под сомнение этот вывод, призывая к дискуссии о необходимости более детального изучения влияния денежно-кредитной политики на потребление и изучения условий, в которых их влияние может проявляться сильнее.

Выработка классификации моделей потребления домохозяйств по трем типам критериев (социально-экономическим детерминантам, категориям доходов и экономической политике) и их эмпирическое тестирование для 10 стран Азии позволяет понять, какие инструменты экономической политики могут быть более эффективными в стимулировании потребительского спроса на страновом уровне.

---

[897] Kindberg-Hanlon G. Transfers, Excess Savings, and Large Fiscal Multipliers / G. Kindberg-Hanlon / International Monetary Fund. 2024.

Девятая задача исследования заключалась в выявлении закономерностей и различий влияния основных социально-экономических параметров на потребление разных категорий товаров и услуг. Для этого проведен дифференцированный анализ структуры расходов домохозяйств в зависимости от чувствительности к изменениям доходов, цен и социально-демографических факторов. Результаты этого направления исследований можно считать уникальными, т.к. в условиях недостатка и высокой сложности сбора сопоставимых статистических данных фактически ни одно исследование потребления в Азиатском регионе не оценивает различия в степени влияния одного набора детерминант на потребление разных категорий товаров и услуг. Установлено, что наименьшую эластичность по доходу демонстрируют расходы на продовольствие и напитки, что соответствует закону Энгеля. При этом устойчивый рост доходов способствует качественной трансформации потребительской корзины – увеличению потребления белковой продукции, витаминизированных продуктов, разнообразия ассортимента.

Максимальная эластичность по текущему доходу наблюдается в сегментах образования и здравоохранения, что подтверждает восприятие этих услуг как стратегических инвестиций. Увеличение доходов почти мгновенно приводит к росту расходов на соответствующие категории, включая сопутствующие товары и услуги. Расходы на одежду и обувь обладают умеренно высокой чувствительностью, тогда как затраты на технику, мебель, транспорт и связь – средней. Крупные покупки зависят от уровня накоплений и доступности кредитов, что подчеркивает значимость институционального фактора.

Особая роль отводится уровню финансового развития страны: чем он выше, тем активнее реализуется потребительский спрос в сферах транспорта, образования, здравоохранения. Влияние инфляции носит неоднозначный характер: она стимулирует расходы на текущие товары (одежда, обувь), но сдерживает расходы на социальные услуги. Проанализировано влияние гендерных факторов: установлено, что женщины в большей степени формируют спрос на качественные продукты питания, но в странах с более высокой долей женщин наблюдается относительное снижение расходов на образование и здравоохранение. Это объясняется социальной нагрузкой и спецификой распределения потребительских решений внутри домохозяйств. Выявление закономерностей и различий влияния основных социально-экономических детерминант

на потребление разных категорий товаров и услуг позволяет сделать выводы о характере изменения отраслевой структуры потребления в ответ на проводимую экономическую политику.

Проведенный качественный и количественный анализ паттернов (в широком смысле) потребления домохозяйств в 10 государствах Азии позволил сформировать матрицу их ключевых характеристик на основе предложенных подходов (см. Таблицу 75).

Таблица 75 – Особенности паттернов потребления домохозяйств 10 стран Азии на основе количественного и качественного анализа

	Модель экономического роста с точки зрения перспектив укрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением	Потенциал перехода к росту, движимому потреблением домохозяйств (или укрепления модели)		Паттерн потребления с точки зрения соотношения доли в ВВП и эффективности (способности обеспечивать опережающий экономический рост)	Паттерн потребления (качественные характеристики)			Модель потребления домохозяйств (количественный анализ)		
		Склонность к потреблению/ сбережению, обусловленная цивилизационным фактором	Степень реализации потребительского потенциала		Диверсифицированность потребительской структуры	Лояльность к новым неизвестным брендам	Лояльность к устойчивому (экологичному) потреблению	По ключевым социально-экономическим детерминантам	В зависимости от категории дохода	По характеру влияния экономической политики на динамику потребления
Китай	Рост, движимый иными компонентами ВВП, несмотря на официальное закрепление перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики	Потенциал перехода к росту, движимому внутренним потреблением на горизонте 10–12 лет; наибольшая потребительская сдержанность при устойчивой нисходящей динамике склонности к сбережениям	Недореализация при устойчивом восходящем тренде	Высокая эффективность при низкой (наименьшей среди 10 стран) доле	Средняя, быстро растущая в категориях товаров и услуг	Средняя растущая	Средняя, растущая	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная)	Зависимая в равной мере от текущего дохода, кредитования и уровня цен	Стимулируемая денежно-кредитными инструментами
Индия	Рост, движимый внутренним потреблением, без официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из	Средний уровень потребительской сдержанности при медленной нисходящей динамике	Недореализация при нейтральном тренде	Высокая эффективность при высокой доле	Низкая, растущая в категории товаров	Высокая	Высокая, растущая	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная)	Стимулируемая постоянным доходом и уровнем цен	Смешанная модель, зависящая от денежно-кредитных и налогово-бюджетных стимулов

	приоритетов экономической политики									
Япония	Рост, движимый иными компонентами ВВП, несмотря на официальное закрепление перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики	Средний уровень потребительской сдержанности при медленной нисходящей динамике	Недореализация при нисходящем тренде	Низкая эффективность при высокой доле	Высокая, стагнирующая	Низкая	Высокая, стагнирующая	Институционально-финансовая (+инфляционно-адаптивная)	Модель, сдерживаемая постоянным и доходами и движимая кредитованием (долгами)	Незначимое влияние всех параметров
Республика Корея	Рост, движимый иными компонентами ВВП, в отсутствии официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики	Низкий уровень потребительской сдержанности без устойчивой динамики	Недореализация при нисходящем тренде	Низкая эффективность при вкладе в ВВП примерно на уровне 50%	Высокая, растущая в категории услуг и высокотехнологичных товаров	Низкая	Высокая, растущая	Доходно-ориентированная и социально-демографическая (+институционально-финансовая)	Движимая постоянным и доходами и кредитованием (долгами)	Смешанная модель при более значимом влиянии денежно-кредитной политики
Индонезия	Рост, движимый внутренним потреблением, без официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним	Средний уровень потребительской сдержанности без устойчивой динамики	Недореализация при нейтральном тренде	Средняя эффективность при высокой доле	Низкая, растущая в категориях товаров и услуг	Средняя растущая	Средняя, быстро растущая	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная)	Опирается на постоянный доход и расширение кредитования, однако носит	Смешанная разнонаправленная модель

	потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики								весьма неустойчивый, сложно управляемый характер	
Малайзия	Сбалансированный рост и стратегическое ориентирование	Высокий потенциал роста склонности к потреблению при устойчивом снижении склонности к сбережению	Избыточная реализация при нейтральном тренде	Высокая и растущая эффективность при высокой доле в ВВП	Высокая, растущая в категориях товаров и услуг	Высокая растущая	Среднее, медленно растущая	Доходно-ориентированная (+структурно-урбанизационная и неустойчивая социально-демографическая)	Сдерживаемая доходами и обратно реагирующая на изменение уровня цен	Смешанная модель при более значимом влиянии денежно-кредитной политики
Филиппины	Рост, движимый внутренним потреблением, в сочетании с официальным закреплением перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики	Высокий потенциал расширения склонности к потреблению	Избыточная реализация при нейтральном тренде	Средняя эффективность при высокой доле	Низкая, растущая в категории товаров	Средняя растущая	Средняя, быстро растущая	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная)	Определяется постоянным и доходами и незначительно доступностью кредитных ресурсов	Незначимое влияние всех параметров

Сингапур	Рост, движимый иными компонентами ВВП, в отсутствии официального закрепления перехода к росту, движимому внутренним потреблением, в качестве одного из приоритетов экономической политики	Сдержанное потребление без нисходящей динамики цивилизационной склонности к потреблению	Недореализация при нисходящем тренде	Высокая эффективность при низкой доле	Высокая, растущая в категории услуг	Средняя растущая	Средняя	Доходно-ориентированная и социально-демографическая	Модель роста, движимая постоянным и доходами	Стимулируемая денежно-кредитными инструментами
Таиланд	Сбалансированный рост и стратегическое ориентирование	Средний уровень потребительской сдержанности при медленной нисходящей динамике	Недореализация при нейтральном тренде	Низкая эффективность при доле около 50%	Средняя, растущая в категории товаров и услуг	Низкая	Средняя, быстро растущая	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная)	Модель, движимая уровнем текущего дохода	Стимулируемая денежно-кредитными инструментами
Вьетнам	Сбалансированный рост и стратегическое ориентирование	Высокий потенциал перехода к росту, ориентированному на потребление (на горизонте 3–5 лет) при меньшей склонности к сбережению	Избыточная реализация при восходящем тренде	Средняя эффективность при высокой доле	Средняя, растущая в категории товаров и услуг	Средняя растущая	Растущая на начальных этапах	Доходно-ориентированная (+ структурно-урбанизационная и в перспективе – институционально-финансовая)	Сдерживается ростом доходов и стимулируется развитием финансового рынка	Стимулируемая денежно-кредитными инструментами

Источник: составлено автором.

Завершающая задача исследования была направлена на разработку системы прикладных выводов и рекомендаций для России по перспективам расширения потребительских рынков Азии и совершенствования механизмов экономического сотрудничества в рамках «разворота на Восток». Было установлено, что, несмотря на официально заявленный «разворот на Восток», российское присутствие на азиатских потребительских рынках остается ограниченным, особенно в сегментах B2C и цифровой торговли. Рекомендовано активное продвижение российских товаров и услуг через локальные платформы электронной коммерции, выход российских маркетплейсов на азиатские рынки, а также адаптация продуктов под культурные и потребительские особенности стран региона. Подчеркнута необходимость учитывать особенности женской потребительской аудитории, особенно в сегментах электронной торговли, FMCG и медиапотребления, где женщины принимают ключевые решения.

Определены страны с наибольшим потенциалом для выхода российских производителей (с учетом потребительских тенденций, экспортного потенциала, инфраструктурной базы, особенностей внешнеторговой политики и геополитических ограничений): Малайзия, Китай, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Индия, Таиланд. Выделены ключевые товарные и сервисные ниши: продовольствие и полуфабрикаты, готовая продукция АПК, товары для детей и животных, строительные материалы, медицинские технологии, образовательные программы в области инженерии, энергетики и здравоохранения, а также цифровой контент. Зафиксирован растущий интерес к российскому культурному экспорту – особенно в Китае и Вьетнаме, где усиливается позитивное восприятие России. Отдельное внимание уделено перспективам сотрудничества в сфере технологий: высок спрос на решения в области цифровизации, безопасности, искусственного интеллекта, возобновляемой энергетики и «умной» инфраструктуры. Также обозначены возможности совместных проектов в транспортной, автомобильной и морской промышленности.

Если попытаться ранжировать 10 экономик региона по имеющемуся потенциалу расширения потребительского спроса в будущем на основании динамики ключевых детерминант и выявленной эластичности, можно прийти к следующим выводам:

- в Японии фактически отсутствует потенциал дальнейшего развития потребительского рынка;

- в краткосрочной перспективе (до 2030 г.) можно ожидать исчерпания ресурса развития потребительских рынков Сингапура и Республики Корея;
- Китай к 2030 г. будет сохранять роль одного из ключевых региональных потребительских рынков (главным образом, за счет его высокой емкости) на фоне негативного прогноза;
- центрами интенсивного роста потребительского спроса в 2025–2035 гг. будут выступать Малайзия, Таиланд и Индия; в 2030–2040 гг. – Индонезия, Вьетнам и Филиппины.

Таким образом, перспективы роста потребительского спроса в регионе носят отложенный характер; превращение потребительского спроса в драйвер регионального развития требует одновременного контроля инфляции и развития финансовой инфраструктуры, инклюзии и повышения доверия к финансовым институтам для снижения неопределенности и поддержки устойчивого долгосрочного потребления. Государственная политика должна быть нацелена на снижение гендерного неравенства доступа к ресурсам и рынку труда, поддержку городских агломераций, работать на сокращение поведенческой и институциональной неопределенности, чтобы изменить логику экономического поведения домохозяйств – от сберегательной к потребительской.

Таким образом, проведённое исследование позволило комплексно раскрыть природу, детерминанты и перспективы потребления в странах Азии в условиях их структурной трансформации. Выявленные зависимости и построенные типологии формируют основу для прогностических оценок, разработки экономической политики и построения внешнеэкономических стратегий. Комплексное исследование позволило выявить устойчивые закономерности и специфические черты потребительского поведения в странах Азии, определить набор экономических и социальных факторов, формирующих спрос, и на их основе разработать прикладные рекомендации для России. Показано, что азиатские рынки находятся в стадии глубокой структурной трансформации, в ходе которой формируется устойчивый внутренний спрос и диверсифицированная модель потребления. Это открывает значительные возможности для расширения внешнеэкономического присутствия России при условии адаптации стратегий к локальной специфике и выстраивания партнерских форм взаимодействия.

Полученные результаты обладают как научной новизной, так и высокой прикладной значимостью, особенно в контексте реализации стратегического вектора развития России в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на русском языке

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» [утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 330].
2. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» [утв. по итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.].
3. Постановление от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [Электронный ресурс] / Правительство РФ. – Режим доступа: http://government.ru/ docs/11912/ (дата обращения: 15.08.2022).
4. Программа «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта» [утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 1128-р в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 259-р].
5. Распоряжение от 2 октября 2014 г. № 1948-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы» [Электронный ресурс] / Правительство РФ. – Режим доступа: http://government. ru/docs/15135/ (дата обращения: 12.08.2020).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 года № 1936-р «Об утверждении плана содействия импортозамещению в промышленности».
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительствами государств – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2016. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/ecology/1524266/ (дата обращения: 12.04.2025).
8. Торговое представительство Российской Федерации в Республике Индии. Путеводитель для бизнеса по Индии [Электронный ресурс] / Торговое

представительство РФ. – 2018. – Режим доступа: https://kamexport41.ru/upload/iblock/48c/Putevoditel_dlya_biznesa_po_Indii.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [Электронный ресурс] / Президент России : офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260 (дата обращения: 15.11.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] / Президент России : офиц. сайт. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 10.09.2024).
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] / Президент России : офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 10.09.2024).

Источники на иностранных языках

12. 11th Five-Year Plan (2006–2010) for National Economic and Social Development of the People’s Republic of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/11th%20Five-Year%20Plan%20%282006-2010%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
13. 12th Five-Year Plan (2011–2015) for National Economic and Social Development of the People’s Republic of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/12th%20Five-Year%20Plan%20%282011-2015%29%20for%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
14. Asian Development Bank. Climate Risk Country Profile: Philippines [Электронный ресурс] / ADB. – 2021. – Режим доступа:

https://www.adb.org/sites/default/files/publication/722241/climate-risk-country-profilephilippines.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

15. Asian Development Bank. Country Partnership Strategy: Viet Nam 2023-2026 [Электронный ресурс]. / ADB. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/819731/cps-viet-nam-2023-2026.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
16. Asian Development Bank. Explaining Growth in Developing Asia [Электронный ресурс] / ADB. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: сентябрь 2024).
17. Asian Development Bank. Exports and Economic Growth in Developing Asia [Электронный ресурс] / Asian Development Bank. – ADB Working Paper № 69, 2001. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения 10 августа 2025).
18. Asian Development Bank. Viet Nam, 2023–2026 – Fostering Inclusive, Green, and Private Sector-Led Growth. Country Partnership Strategy [Электронный ресурс] / ADB. – August 2022. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/819731/cps-viet-nam-2023-2026.pdf (дата обращения 3.10.2025).
19. Australia Government Department of Foreign Affairs and Trade. Indonesia: What's Happening in the Economy [Электронный ресурс] / Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: https://www.dfat.gov.au/geo/indonesia/indonesia-country-brief (дата обращения 3.10.2025).
20. China Social Security Scheme [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/china/2011-07/11/content_12871249.htm (дата обращения: 1 октября 2025).
21. China’s Car Subsidy Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chinadaily.com.cn/business/motoring/2009-06/01/content_7955381.htm (дата обращения: 1 октября 2025).
22. China’s Housing Policy Reform [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/01/10/chinas-housing-reform (дата обращения: 1 октября 2025).

23. Comprehensive Economic Measures to Foster the Safety and Security of Citizens and Sustained Growth – Increasing Current and Future Wages and Incomes for All Generations [Электронный ресурс] / Government of Japan. – 22 November 2024. – Режим доступа: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2024/1122_economic_measures_all.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).
24. Consolidated FDI Policy 2020 / Department for Promotion of Industry and Internal Trade, Ministry of Commerce & Industry, Government of India [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://static.investindia.gov.in/2020-10/FDI-PolicyCircular-2020.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
25. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2016: Nurturing Productivity for Inclusive Growth and Sustainable Development / UNESCAP. – 2016.
26. Economic Survey 2016/17 / Government of India. Ministry of Finance // Department of Economic Affairs. Economic Division. – February 2018.
27. Eight Malaysia Plan, 2001–2005 / Ministry of Economy, Malaysia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/en/economic-developments/development-plans/rmk/eight-malaysia-plan-2001-2005 (дата обращения: 11.09.2025).
28. Einav L., Levin J., Popov I. Growth, Adoption, and Use of Mobile E-Commerce / L. Einav, J. Levin, I. Popov // American Economic Review. – 2014. – Vol. 104. – № 5. – Pp. 489-494.
29. Eleventh Malaysia Plan 2016–2020: Anchoring Growth on People / Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department, Malaysia [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://www.pmo.gov.my/dokumenattached/RMK/RMKe-11Book.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
30. Emergency Economic Countermeasures for Future Growth and Security [Электронный ресурс] / Cabinet of Ministers (Japan). – December 8, 2009. – P. 2. – Режим доступа: http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html (дата обращения: 11.09.2025).
31. First Development Plan 1961–1964 [Электронный ресурс] / Singapore Ministry of Finance. – Режим доступа: https://labordoc.ilo.org/discovery/fulldisplay?docid=alma992536243402676&context=

L&vid=41ILO_INST:41ILO_V1&lang=en&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=Everything&query=sub,exact,East%20Asia%20 (дата обращения: 03.10.2025).

32. Five-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1970–1974 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
33. Five-Year Philippine Development Plan 1978–1982 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
34. Five-Year Philippine Development Plan 1983–1987 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
35. Five-Year Plans [Электронный ресурс] / India. Government of India. Ministry of Statistics and Programme Implementation. – Режим доступа: https://mospi.gov.in/sites/default/files/Statistical_year_book_india_chapters/ch7.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
36. Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1971–1974 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
37. Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1972–1975 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
38. Four-Year Development Program for the Philippines Fiscal Years 1974–1977 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 03.10.2025).
39. Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the Other Part [Электронный ресурс] / Eurasian Economic Union. – 2015. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/ecology/1524266/ (дата обращения: 12.04.2025).
40. G20. Framework for Strong, Sustainable, and Balanced Growth [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: https://www.g20.org (дата обращения: 22.01.2025).

41. G20. G20 Annual Report on the Global Economy [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://www.g20.org (дата обращения: 22.01.2025).
42. G20. G20 Multi-Year Action Plan on Development [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://www.g20.org (дата обращения: 22.01.2025).
43. GGGI Thailand Country Planning Framework (CPF) 2022-2026 [Электронный ресурс] // Global Green Growth Institute. – Режим доступа: https://gggi.org/wp-content/uploads/2023/02/GGGI-Thailand-CPF_FIN-compressed.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
44. Government of Thailand. THAILAND 4.0 The Next Revolution [Электронный ресурс] / Government of Thailand. – Режим доступа: https://www.industry.go.th/web-upload/1xff0d34e409a13ef56eea54c52a291126/m_magazine/12668/373/file_download/b29e16008a87c72b354efebef853a428.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
45. Government of Thailand. The Ninth National Economic and Social Development Plan (2002–2006) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. – Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database//The%20Ninth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
46. Government of Thailand. The Sixth National Economic and Social Development Plan (1987–1991) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of The Prime Minister Bangkok, Thailand. – Режим доступа: https://data.thailand.opendevelopmentmekong.net/library_record/6-2530-2538/resource/0531e436-961e-4837-8fd0-de8210aeaabf (дата обращения: 03.10.2025).
47. Government of Viet Nam. Updated Nationally Determined Contribution (NDC). – Ha Noi, 2020.
48. GST Voucher Scheme [Электронний ресурс]. – Режим доступа: https://www.gstvoucher.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025).
49. Highlights of the Medium-Term Philippine Development Plan 1987–1992 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
50. Housing and Development Board (HDB) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hdb.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025).

51. IIntegrated Innovation Strategy 2022: Making Great Strides Toward Society 5.0 [Электронный ресурс] / Government of Japan. – 30 June 2022. – Режим доступа: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/06/integrated_innovation_strategy.html (дата обращения: 11.09.2025).
52. India. Planning Commission. Eleventh five-year plan (2007/2012) [Электронный ресурс]. – Planning Commission, Government of India, 370 с. – Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/11th_vol1.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
53. India. Planning Commission. Fourteenth Five-Year Plan 2022-2027 [Электронный ресурс] / Planning Commission, Government of India. – 338 p. – Режим доступа: https://spb.kerala.gov.in/sites/default/files/inline-files/14th%20Five%20Year%20Plan%2022-27%20English.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
54. India. Planning Commission. Tenth five-year plan (2002/2007) [Электронный ресурс] / Planning Commission, Government of India, 1190 с. – Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/10th_vol2.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
55. India. Planning Commission. Thirteenth Five-Year Plan 2017-22 [Электронный ресурс] / Planning Commission, Government of India. – 259 p. – Режим доступа: https://spb.kerala.gov.in/sites/default/files/2021-09/13PlanEng.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
56. India. Planning Commission. Twelfth Five-Year Plan (2012-2017) [Электронный ресурс] / Planning Commission, Government of India. – 370 p. – Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2023-08/12fyp_vol1.pdf (дата обращения: 05.09.2025).
57. International Monetary Fund. 2018 External Sector Report: Tackling Global Imbalances amid Rising Trade Tensions [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2018. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/ESR/Issues/2018/07/19/2018-external-sector-report (дата обращения: 3 октября 2025).

58. International Monetary Fund. External Sector Report [Электронный ресурс]. – 2019. – Международный валютный фонд. – Режим доступа: https://www.imf.org (дата обращения: 10.02.2025).
59. International Monetary Fund. External Sector Report: Divergent Recoveries and Global Imbalances [Электронный ресурс] // IMF. – 2021. – Washington, DC, August. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/ESR (дата обращения: 12.04.2025).
60. International Monetary Fund. External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis [Электронный ресурс] // IMF. – 2020. – Washington, DC, August. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/ESR (дата обращения: 12.04.2025).
61. International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: A Decade after the Global Financial Crisis / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2018. – 120 p.
62. International Monetary Fund. Global Imbalances [Электронный ресурс] / IMF Staff Note. – 2019. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2019/060519b.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
63. International Monetary Fund. Regional Economic Outlook. Asia and Pacific / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2011. – 140 p.
64. International Monetary Fund. World Economic Outlook – Steady but Slow: Resilience amid Divergence / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2024. – 180 p.
65. International Monetary Fund. World Economic Outlook / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2025. – 248 p.
66. International Monetary Fund. World Economic Outlook: A Critical Juncture amid Policy Shifts. – Washington, DC : IMF, April 2025.
67. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Globalization and Inflation [Электронный ресурс]. – 2006. – Международный валютный фонд. – Режим доступа: https://www.imf.org (дата обращения: 10.02.2025).
68. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. – 2021. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (дата обращения: 12.04.2025).

69. Japan. Emergency Economic Countermeasures for Future Growth and Security / Cabinet Secretariat Japan. – 2009, December 8. – P. 2. – Режим доступа: http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html (дата обращения: 3 октября 2025).
70. Japan. Integrated Innovation Strategy 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/strategy_2022.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
71. Japan’s 21st Century Vision [Электронный ресурс] / Ministry of Economy, Trade and Industry. – 2007. – Режим доступа: http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
72. Japan’s 21st Century Vision; FY 2007 Economic And Industrial Policy: Key Points [Электронный ресурс] / Ministry Of Economy, Trade And Industry. – Aug. 2006. – Режим доступа: http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
73. Japan’s Prospects Towards 2040 Japanese Market Ripe With Opportunity Over The Coming Decades [Электронный ресурс] / Savills. – Режим доступа: https://pdf.savills.asia/asia-pacific-research/japan-research/japan-investment/jp-prospects-2040-spotlight.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
74. Korea Federation of SMEs (KBIZ) Regulatory Reform Satisfaction Survey [Электронный ресурс] / Korea Federation of SMEs (KBIZ). – 2015. – Режим доступа: www.kbiz.or.kr/user/nd18095.do?pagest=contents&pagesv=%eb%b0%95%ea%b7%bc%ed%98%9c&page=2&pagesc=regdate&pageso=desc&dmltype=select&boardno (дата обращения: 11.09.2025).
75. Kyoto Landslide Commitment 2020 [Электронный ресурс] / International Consortium on Landslides (ICL) // Landslides Journal. – 2020. – Режим доступа: https://www.landslides.org/wp-content/uploads/2021/10/00.-Kyoto-Landslide-Commitment-2020-2019.9.11-Final.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
76. Law of the Republic of Indonesia Number 17 of 2007 on Long-Term National Development Plan of 2005-2025 [Электронный ресурс] / State Ministry of National Development Planning National Development Planning Agency (BAPPENAS). – Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/LONG-

TERM%20NATIONAL%20DEVELOPMENT%20PLAN%20OF%202005-2025%20%28EN%29.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

77. Malaysian: The Way Forward (Vision 2020) [Электронный ресурс] / The Honourable Dato Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad. – Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/vision%202020.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
78. Medium-Term Philippine Development Plan 1993–1998 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
79. Medium-Term Philippine Development Plan 1999–2004 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
80. Medium-Term Philippine Development Plan 2004–2010 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
81. Ministry of Planning and Investment. Vietnamese Enterprises Whitebook (Sách trắng Doanh nghiệp Việt Nam) 2020. – Ha Noi, 2020.
82. Ministry of Social Affairs. About PKH [Электронный ресурс] / Ministry of Social Affairs. – Режим доступа: https://pkh.kemensos.go.id/?pg=tentangpkh-1 (дата обращения: 1 октября 2025).
83. New Economic Growth Strategy [Электронный ресурс] / Ministry of Economy, Trade and Industry. Japan. – 2009, June. – Режим доступа: https://www.sg.emb-japan.go.jp/jp_new_growth_stgy.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
84. Ninth Malaysia Plan 2006-2010 / Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department, Putrajaya, Malaysia [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/sites/default/files/2021-05/Ninth%20Malaysia%20Plan%20Document.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
85. OECD Economic Surveys: Korea 2024 [Электронный ресурс] / OECD. – 2024. – DOI: 10.1787/c243e16a-en. – Режим доступа: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/07/oecd-economic-surveys-korea-2024_9343c046/c243e16a-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

86. OECD Food and Agricultural Reviews. Agricultural Policy Review of India [Электронный ресурс] / OECD. – 2018. – Режим доступа: http://icrier.org/pdf/Agriculture-India-OECD-ICRIER.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).
87. OECD. Regulatory Policy in Korea: Towards Better Regulation / OECD Reviews of Regulatory Reform. – Paris : OECD Publishing, 2017.
88. Outline of the Plan for the Strategy to Expand Domestic Demand (2022-2035) [Электронный ресурс] / The Chinese Communist Party Central Committee & State Council. – Режим доступа: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0499_domestic_demand_EN.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).
89. Philippine Development Plan 2011–2016 Medium-Term Update [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения: 03.10.2025).
90. Philippine Development Plan 2023–2028 [Электронный ресурс] // National Government Portal (NGP) of the Philippines. – 2023. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/wp-content/uploads/2023/01/PDP-2023-2028.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
91. PM-KISAN: официальная информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pmkisan.gov.in (дата обращения: 1 октября 2025).
92. Reliable Ministry of Government Legislation. Framework Act on Small and Medium Enterprises [Электронный ресурс] / National Law Information Center. – 2016. – Режим доступа: http://law.go.kr/eng/englssc.do?menuid=1&query=framework+act+on+small+and+medium+enterprises&x=0&y=0#libgcolor11 (дата обращения: 11.09.2025).
93. Report on the Outline of the Tenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development. 2001-2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.china.org.cn/english/8724.htm (дата обращения: 12.04.2025).
94. Sarkar P., Singer H. W. Manufactured Exports of Developing Countries and Their Terms of Trade Since 1965 [Электронный ресурс] / P. Sarkar, H. W. Singer // World Development. – 1991. – Т. 19. – № 4. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=1018573 (дата обращения: 14.04.2025).

95. Science, Technology, and Innovation Policy 2013 [Электронный ресурс] / Ministry of Science & Technology, Government of India. – Режим доступа: https://dst.gov.in/sites/default/files/STI%20Policy%202013-English.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
96. Shared Prosperity Vision Restructuring Malaysia’s Development Priorities [Электронный ресурс] / Secretary General Ministry of Economic Affairs. – 188 с. – Режим доступа: https://ekonomi.gov.my/sites/default/files/2020-02/Shared%20Prosperity%20Vision%202030.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).
97. Shaw S., Songsamphant B., Cosbey A., Baumüller H. Rapid Trade and Environment Assessment (RTEA) – National Report for Thailand // International Institute for Sustainable Development (IISD). – 2007.
98. Singapore Economic Planning Unit. First Development Plan 1961–1964: Review of Progress for the Three Years Ending 31st December 1963 / Singapore Economic Planning Unit. – Singapore, 1964.
99. Singapore Economy 2030 : AI-generated image by MTI Grow Our Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gobusiness.gov.sg/images/budget2024/MTI%20Business%20Budget%20Booklet%202024_21%20Mar.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
100. Singapore Ministry of Finance Economic Planning Unit. Second Development Plan 1966–1970 [Электронный ресурс] / Singapore Ministry of Finance Economic Planning Unit. – Режим доступа: https://www.sg101.gov.sg/economy/surviving-our-independence/1965-1970/ (дата обращения: 4 октября 2025).
101. Singapore. Economic Planning Unit. First Development Plan 1961–1964: Review of Progress for the Three Years Ending 31st December 1963. – Singapore, 1964.
102. Singapore. Ministry of Finance. Economic Planning Unit. Second Development Plan 1966–1970.
103. Singapore. Singapore Economy 2030 [Электронный ресурс] / Ministry of Trade and Industry (Singapore). – Режим доступа: https://www.mti.gov.sg/COS-2023/Committee-of-Supply-2023/Singapore-Economy-2030 (дата обращения: 1 октября 2025).
104. Singapore. The Strategic Economic Plan: Towards a Developed Nation [Электронный ресурс] / Singapore. – 1991. – Режим доступа:

https://www.nlb.gov.sg/main/Book-Detail-Page?cmsUuID=b37464f7-83ef-4fac-a098-cc1566548fee (дата обращения: 4 октября 2025).

105. Socio-economic Development Plan for 2016-2020 Period [Электронный ресурс] / The National Assembly of the Socialist Republic of Viet Nam. – Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2016-2020-period-12056315 (дата обращения: 05.09.2025).

106. Socio-economic Development Plan for 2021-2025 [Электронный ресурс] / The National Assembly of the Socialist Republic of Viet Nam. – Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/socio-economic-development-plans/socio-economic-development-plan-for-2021-2025-12056314 (дата обращения: 05.09.2025).

107. State Audit of Viet Nam. Report of the Committee for Enterprise Innovation and Reform (Báo cáo của Ban chỉ đạo đổi mới và phát triển doanh nghiệp, Kiểm toán Nhà nước). – Ha Noi, 2018. – 5 February.

108. Statement on Industrial Policy 1991 [Электронный ресурс] / Ministry of Industry, Government of India. – 1991. – Режим доступа: https://dpiit.gov.in/sites/default/files/IndustrialPolicyStatement_1991_15July2019.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

109. Summary of the Eighth Development Plan (1997-2001). Thailand [Электронный ресурс] // RYT9. – Режим доступа: https://www.ryt9.com/en/nesd/258 (дата обращения: 05.09.2025).

110. Summary of the Five-Year Philippine Development Plan 1978–1982 Including the Ten-Year Development Plan 1978–1987 [Электронный ресурс] / National Government Portal (NGP) of the Philippines. – Режим доступа: https://pdp.neda.gov.ph/devt-plans/ (дата обращения 3.10.2025).

111. Targets Set for Increasing Consumption [Электронный ресурс] / China International Import Expo. – 2022. – Режим доступа: https://www.ciie.org/zbh/en/news/exhibition/policies/20221215/35655.html (дата обращения: 3 октября 2025).

112. Tenth Malaysia Plan 2011-2015 / Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department, Malaysia [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: https://www.pmo.gov.my/dokumenattached/RMK/RMK10_Eds.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

113. Thailand Executive Summary of Fifth Five Year Plan 1982–1986. – Bangkok, 1982.

114. Thailand Tenth National Economic and Social Development Plan (2007–2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/national-documents/thailand-tenth-national-economic-and-social-development-plan-2007-2011 (дата обращения: 03.10.2025).

115. The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China, 2016–2020 [Электронный ресурс] / National Development and Reform Commission. – Режим доступа: https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

116. The 14th Five-Year Plan of the People's Republic of China – Fostering High-Quality Development 中华人民共和国第十四个五年规划 – 推进高质量发展 [Электронный ресурс] / ADB. – 2021. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/705886/14th-five-year-plan-high-quality-development-prc.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

117. The Eleventh National Economic and Social Development Plan (2012–2016) [Электронный ресурс] / National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. – Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database//THAILAND%29%20The%20Eleventh%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20%282012-2016%29.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

118. The Kingdom of Thailand National Strategy 2018–2037 (Unofficial Translation) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/tha200834.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

119. The New Growth Strategy (Basic Policies). Toward a Radiant Japan [Электронный ресурс]. – 30 December 2009.

120. The Philippine Government's Visioning Exercise Called "Ambisyon 2040" [Электронный ресурс] / National Economic and Development Authority. – Режим доступа: https://2040.neda.gov.ph/about-ambisyon-natin-2040/ (дата обращения: 1 октября 2025).

121. The Twelfth National Economic and Social Development Plan (2017–2021) [Электронный ресурс] / Office of the National Economic and Social Development Board Office of the Prime Minister Bangkok, Thailand. – Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database/THAILAND)%20The%20Twelfth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20(2017-2021).pdf (дата обращения: 03.10.2025).

122. The World Bank in Singapore. Overview [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://www.worldbank.org/en/country/singapore/overview (дата обращения: 03.10.2025).

123. Third Industrial Master Plan (2006-2020). Malaysia: Towards Global Competitiveness / Ministry of Industrial Development, Malaysia. – Kuala Lumpur, 2006. – 131 p.

124. Twelfth Malaysia Plan 2021-2025 [Электронный ресурс] / Director General, Economic Planning Unit, Prime Minister’s Department, Malaysia. – 2021. – Режим доступа: https://pulse.icdm.com.my/wp-content/uploads/2021/09/Twelfth-Plan-Document_compressed-1.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

125. U.S. Bureau of Economic Analysis. U.S. International Transactions, 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Commerce. – 2021. – Режим доступа: https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-transactions (дата обращения: 12.04.2025).

126. U.S. Treasury Department. U.S. Treasury Securities: Debt and Reserves, 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Treasury. – 2021. – Режим доступа: https://home.treasury.gov/policy-issues/financing-the-government/interest-rate-statistics/ (дата обращения: 12.04.2025).

127. UN Data. Table 3.2 Individual consumption expenditure of households NPISHs and general government at current prices [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.un.org/Data.aspx?d=SNA&f=group_code%3A302 (дата обращения: 3 сентября 2025).

128. Viet Nam Statistical Yearbook [Электронный ресурс]. – Hanoi : General Statistics Office. – Режим доступа: www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=49 (дата обращения: 03.10.2025).

129. Vietnam Government. Master Plan on Economic Restructuring (2011-2020) [Электронный ресурс] / Vietnam Government. – Режим доступа: https://vietnam.gov.vn/period-20112020/master-plan-on-economic-restructuring-10052090 (дата обращения: 1 октября 2025).

130. Vision 2020: Malaysian – The Way Forward / The Honourable Dato' Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/vision%202020.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

131. World Bank and Ministry of Planning and Investment of Viet Nam. Viet Nam 2035: Toward Prosperity, Creativity, Equity, and Democracy. – Ha Noi, 2016.

132. World Bank Group Country Classifications by Income Level for FY24 (July 1, 2023 – June 30, 2024) [Электронный ресурс] / World Bank Group. – Режим доступа: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/new-world-bank-group-country-classifications-income-level-fy24 (дата обращения: 03.10.2025).

133. World Bank. BLT Temporary Unconditional Cash Transfer Social Assistance Program and Public Expenditure Review 2 [Электронный ресурс] / World Bank. – 2012. – 51 с. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/652291468039239723/pdf/Bantuan-Langsung-Tunai-BLT-temporary-unconditional-cash-transfer.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

134. World Bank. China: Mid-Term Evaluation of China's Eleventh Five-Year Plan [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://hdl.handle.net/10986/3025 (дата обращения: 3 октября 2025).

135. World Bank. Vietnam Socio-Economic Development Strategy 2011-2020 [Электронный ресурс] / World Bank. – 2011. – Режим доступа: https://pubdocs.worldbank.org/en/347151477448693952/pdf/Vietnam-SEDS-2011-2020.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

136. World Economic Outlook. Global Growth: Divergent and Uncertain / International Monetary Fund. – Washington, D.C. : IMF, 2025. – 248 p.

137. World Economic Outlook: Steady but Slow – Resilience amid Divergence [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. – Washington, 2024. – Режим

доступа: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024 (дата обращения: 4 октября 2025).

138. Worldometer. India Population [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldometers.info/world-population/india-population/ (дата обращения: 1 октября 2025).

Научная литература на русском языке

139. Абрамов Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы / Абрамов Д. // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 109–117. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-109-117.

140. Агабеков С.И., Левина Е.А. Япония – чудо экономического роста и чудо стагнации // Экономика и социум. – 2016. – № 11. – С. 141-158.

141. Апокин А.Ю. Проблема глобальных дисбалансов в мировой экономике / А.Ю. Апокин // Вопросы экономики. – 2008. – № 5.

142. Апокин А.Ю. Финансовая составляющая «проблемы глобальных дисбалансов» в мировой экономике / А.Ю. Апокин // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4.

143. Арапова Е.Я. «Азиатский вектор» экономической стратегии России / Е. Я. Арапова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11. — № 36 (321). — С. 45–52.

144. Арапова Е.Я. Азия: на пути к обществу потребления / Е. Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 7. — С. 45–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-45-53.

145. Арапова Е.Я. Внешнеторговая политика Китая как фактор диверсификации источников экономического роста / Е. Я. Арапова // Международная экономика. — 2016. — № 5. — С. 21–25.

146. Арапова Е.Я. Восточная Азия: диверсификация источников экономического роста / Е. Я. Арапова // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2014. — Т. 16. — № 3-4. — С. 47–57.

147. Арапова Е.Я. Как «работают» деньги в Восточной Азии: финансово-экономическая обстановка в регионе в условиях снижения инфляции и

роста дефляционного давления / Е. Я. Арапова // Азия и Африка сегодня. — 2016. — № 3 (704). — С. 26–33.

148. Арапова Е.Я. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов / Е. Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62, № 6. — С. 77–85. — DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85.

149. Арапова Е.Я. Модели потребления домохозяйств в Азии / Е. Я. Арапова // Международная экономика. — 2025. — № 9.

150. Арапова Е.Я. Модель частного потребления в Китае / Е. Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 12. – С. 49–58. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-49-58.

151. Арапова Е.Я. Потенциал восточноазиатского региона в условиях перехода к модели роста, движимого внутренним потреблением: возможности для России / Е. Я. Арапова // Международная аналитика. – 2019. – № 3 (28). – С. 38–47. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-3-38-47.

152. Арапова Е.Я. Потребительские дисбалансы в развитых и развивающихся странах: количественная оценка / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 10. – С. 84–92. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-84-92.

153. Арапова Е.Я. Роль государственных расходов на образование в стимулировании человеческого развития / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 6. – С. 53–61.

154. Арапова Е.Я. Россия – Китай: детерминанты импортного спроса / Е.Я. Арапова // Международная экономика. – 2017. – № 9. – С. 84–90.

155. Арапова Е.Я. Россия — Китай: потенциал торгово-экономического сотрудничества / Е.Я. Арапова // Международная экономика. — 2016. — № 9. — С. 30–35.

156. Арапова Е.Я. Россия в Азии и Тихоокеанском регионе: тенденции торгового сотрудничества и перспективы экономической интеграции / Е.Я. Арапова. – М., 2023.

157. Арапова Е.Я. Россия и северо-восточноазиатский треугольник: потенциал торгового сотрудничества с позиции национальных интересов / Е. Я. Арапова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2017. — № 2. — С. 36–53.

158. Арапова Е.Я. Современный азиатский потребитель: новые тенденции спроса и возможности для России / Е.Я. Арапова; М.: Издательство «МГИМО-Университет». — 2023. — 32 с.

159. Арапова Е.Я. Социально-демографический компонент Восточной Азии: рост потребительского потенциала / Е. Я. Арапова // Международная экономика. — 2017. — № 1. — С. 29–34.

160. Арапова Е.Я. Страновые особенности потребительского поведения в Азии: количественный анализ / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69, № 11. — С. 35–45. — DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-35-45

161. Арапова Е.Я. Торговый поворот на восток: куда в действительности разворачивается Россия? / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 2. – С. 41-51. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-2-41-51.

162. Арапова Е.Я. Эволюция моделей экономического роста в Азии: двухмерный анализ на примере Китая / Е. Я. Арапова // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. — 2025. — № 4. — С. 7–26. — DOI: 10.24412/2071-6435-2025-4-7-26.

163. Арапова Е.Я. Экономические стратегии стран Восточной Азии: новые тенденции развития / Е. Я. Арапова // Азия и Африка сегодня. — 2015. — № 2 (691). — С. 24–27.

164. Арапова Е.Я. Экспансия китайского капитала / Е. Я. Арапова // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 2 (715). — С. 21–26.

165. Арапова Е.Я., Дагган Н. На переломе: современная трансформация модели экономического роста Китая / Е.Я. Арапова, Н. Дагган // Валдайские записки. – 2020. – № 113. – С. 19.

166. Арапова Е.Я., Муджумдар А. А. Россия – Индия: потенциал торгового сотрудничества / Е.Я. Арапова, А.А. Муджумдар // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Т. 12. – № 10 (343). – С. 175–184.

167. Арапова Е.Я. Россия – Китай: потенциал торгово-экономического сотрудничества / Е.Я. Арапова // Международная экономика. – 2016. – № 9. – С. 30–35.

168. Афонцев С.Н. Новые тенденции в развитии мировой экономики / С.Н. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 36–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46.

169. Балацкий Е.В. Китайская Модель Экономики Будущего: Развитие Через Перманентное Саморазрушение / Е.В. Балацкий // Общество и экономика. – 2011. – № 8-9. – С. 292-305.

170. Баскакова М. Японская экономическая модель // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 102–103.

171. Белый Н.И., Орлов А.М. Цифровизация и экономика роста: Технологии, экономика, политика / Н.И. Белый, А.М. Орлов. – М. : Инфра-М, 2018.

172. Бергер Я. Китайская Модель Развития / Я. Бергер // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 9. – С. 73–81.

173. Божечкова А.В., Колесник С.И., Трунин П.В. Глобальные экономические дисбалансы в современном мире / А.В. Божечкова, С.И. Колесник, П.В. Трунин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 3. – С. 23–42. – DOI: 10.24412/2072-8042-2025-3-23-42.

174. Бордачев Т.В., Лихачева А.Б.. Чжан С. Чего хочет Азия: потребление взаимосвязанность капитал и креативность / Т.В. Бордачев, А.Б. Лихачева, С. Чжан // Россия в глобальной политике. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 82–96.

175. Борох О., Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. – 2005. – Т. 3. – С. 20–39.

176. Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России / А.С. Булатов // Вопросы экономики. – 2023. – № 9. – С. 65-83.

177. Бунич С.М. Государственная роль в инновационном росте: теории и практика / С.М. Бунич. – М. : Наука, 2014.

178. Былиняк С.А. Дисбалансы в мировой экономике / С.А. Былиняк // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 16. – С. 20–32.

179. Былиняк С.А. Центры мирового хозяйства и страны Юго-Восточной и Восточной Азии: особенности современного развития / С.А. Былиняк // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2008. – № 11. – С. 6-27.

180. Виноградов А.В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе / А.В. Виноградов // Сравнительная политика. – 2010. – № 1. – С. 104–120.

181. Галищева Н.В., Рещикова М.С. Модернизация национальной экономики: индийский опыт / Н.В. Галищева, М.С. Рещикова. – М. : МГИМО-Университет, 2024. – 44 с.

182. Галищева Н.В. «Делийский консенсус» – индийская модель либерализации экономики / Н.В. Галищева // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 3. – С. 2–8.

183. Гельбрас В., Кузнецова В. КНР / В. Гельбрас, В. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 8. – С. 119-128. – DOI: 10.20542/0131-2227-2001-8-119-128.

184. Глазычев В.И. Мировая экономика: проблемы и перспективы развития / В.И. Глазычев. – М. : Московский государственный университет, 2008. – 312 с.

185. Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания : [сборник] / Библиотека факультета глобальных процессов МГУ; авт. И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 411 с.

186. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I = Global imbalances and world economic crisis. Part I [Электронный ресурс] / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2013. – Режим доступа: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/288.pdf (дата обращения: 12 августа 2025).

187. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II = Global imbalances and world economic crisis. Part II [Электронный ресурс] / [Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2013. – Режим доступа: https://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/289.pdf (дата обращения: 12 августа 2025).

188. Григорьев Л.М., Салихов М.Р. Риски и глобальные дисбалансы [Электронный ресурс] / Л.М. Григорьев, М.Р. Салихов. – Режим доступа: http://www.perspektiw.info/oykumena/ekdom/riskiiglobalnyedisbalansy.htr (дата обращения: 12 августа 2025).

189. Гринберг Р.С. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Р.С. Гринберг. – М. : Магистр, 2011. – 183 с.

190. Гринин Л.Е. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире / Л.Е. Гринин // Комплексный системный анализ, математическое моделирование и

прогнозирование стран БРИКС: Предварительные результаты. – М. : Красанд, 2014. – С. 246–276.

191. Гулиев И.А., Кружилин П.А. Потенциал развития энергетики дальневосточных регионов: анализ опыта малых Тихоокеанских государств / И.А. Гулиев, П.А. Кружилин // Управление риском. – 2024. – № 3 (111). – С. 3-14.

192. Гулиев И.А. Международные энергетические отношения в условиях глобального энергетического перехода: технологический аспект / И.А. Гулиев // Дискуссия. – 2024. – № 5 (126). – С. 171-176.

193. Денисов И.Е. Китайская стратегия «больших данных». Реформа управления, инновации и глобальная конкуренция / И.Е. Денисов. – М. : Изд-во МГИМО, 2023.

194. Долгов С.И., Конина Н.Ю., Савинов Ю.А. Стратегия выхода экспортеров на рынки стран Азии / С.И. Долгов, Н.Ю. Конина, Ю.А. Савинов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 8. – С. 7–21.

195. Долженко И.Б. Влияние цифрового маркетинга на поведение потребителей / И.Б. Долженко // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 10-1(80). – С. 111-117. – DOI: 10.24412/2411-0450-2021-10-1-111-117.

196. Жукова И.С. Анализ экономического развития Республики Беларусь в условиях глобализации [Электронный ресурс] / И.С. Жукова. – Минск, 2019. – С. 59–62. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93778/1/Zhukova_59_62.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

197. Заболоцкая В.В. Сингапур и Гонконг – лидеры Азии в развитии индустрии Fintech и ИКТ / В.В. Заболоцкая // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 1. – С. 22–32. – DOI: 10.31857/S0321507525010036 RCSI Journals Platform.

198. Зуева А.Г., Самсонова В.Г., Ширикалова А.А. Современное состояние экономики Республики Корея / А.Г. Зуева, В.Г. Самсонова, А.А. Ширикалова // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 1. – С. 84–96. – DOI: 10.31857/S0131281224010071.

199. Зуенко И.Ю. Тенденции развития внешнеполитической идеологии в период правления Си Цзиньпина / И.Ю. Зуенко / Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая. Монография. – М., 2025. – С. 124-148.

200. Зуенко И.Ю. «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов / И.Ю. Зуенко // Известия Восточного института. – 2022. – № 1 (53). – С. 58–69.

201. Карлусов В.В. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Китая) / В.В. Карлусов // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 2. – С. 116-130.

202. Карлусов В.В., Захарова Л.В., Ребрей С.М. Восточноазиатская модель развития и ее страновые субмодели: общее и особенное (на примере Японии и Южной Кореи) / В.В. Карлусов, Л.В. Зазарова, С.М. Ребрей // Проблемы Дальнего Востока. – 2025. – № 1. – С. 59-76.

203. Карнеев А.Н. Китай и глобализация через призму дискуссий китайских ученых / А.Н. Карнеев // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной безопасности. Сб. статей международной научной конференции. – М., 2007. – С. 47–65.

204. Кауфман М., Ли Д. Глобальные дисбалансы и кризис COVID-19 [Электронный ресурс] / М. Кауфман, Д. Ли. – 2020. – Режим доступа: https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2020/08/04/blog-global-rebalancing-and-the-covid19-crisis (дата обращения: 19.09.2025).

205. Кауфман М., Ли Д. Глобальные дисбалансы и кризис COVID-19 / М. Кауфман, Д. Ли. – 2020.

206. Кашин В.Б. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР [Электронный ресурс] / В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, В.А. Смирнова, А.А. Литвинов и др. – 2021. – Режим доступа: https://cceis.hse.ru/data/2021/03/29/1386510407/14-%D1%8F%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

207. Кирилина Е.Р. Особенности инновационной модели Сингапура / Е.Р. Кирилина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – Выпуск XXXI (№ 31). – Режим доступа: https://sea.ivran.ru/f/26607057.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

208. Китай потратил на НИОКР более 458 млрд // Ведомости. – 2024. – 6 марта. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/06/1023890-kitai-potratil-na-niokr-bolee-458-mlrd?from=copy_text (дата обращения: 3 октября 2025).

209. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия в условиях «новой биполярности»: концептуальные оценки и внешнеполитические реакции / «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение. – М., 2025. – С. 178-196.

210. Колдунова Е.В. Юго-Восточная Азия между США, Китаем и Россией: в поисках ускользающего равновесия / Е.В. Колдунова // Международные процессы. – 2024. – Т. 22. – № 1(76). – С. 106-123.

211. Колотов В.Н., Ланьков А.Н. Особенности развития и проблемы стабильности стран АСЕАН: энергетические ресурсы, экономика и политика региона на современном этапе / В.Н. Колотов, А.Н. Ланьков // Нефть, газ, модернизация общества / Под общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргания. – СПб. : Экономическая школа ; ГУ ВШЭ, 2008. – С. 395–439.

212. Кондратьев В.Б. Азия как новый центр экономической силы / В.Б. Кондратьев // Перспективы. Электронный журнал. – 2020. – № 1. – С. 113-132.

213. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 1926.

214. Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития / Л.И. Кондрашова. – М. : Форум, 2017. – 336 с.

215. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки / Г.М. Костюнина. – М., 2023.

216. Костюнина Г.М. Свободные экономические зоны в Индонезии / Г.М. Костюнина // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 1–2. – С. 23–41.

217. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) / Г.М. Костюнина, В.И. Баронов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2. – С. 169–178.

218. Костюнина Г.М. Свободные экономические зоны в Индонезии / Г.М. Костюнина [Электронный ресурс] // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – № 1–2. – С. 23–41. – Режим доступа: https://sea.ivran.ru/f/26607057.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

219. Котляров Н.Н. Мировая экономика и международные отношения / Н.Н. Котляров. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 63-72.

220. Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США / Н.Н. Котляров. – М. : Центрполиграф, 2003.

221. Кребников И., Злобин Е., Краснов Г. Как конфуцианские ценности влияют на китайских потребителей? / И. Кребников, Е. Злобин, Г. Краснов // Журнал общества и государства. – 2021. – Т. 2, № 9.

222. Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика / П.Р. Кругман, М. Обстфельд. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – С. 292.

223. Кузнецова О. «Восточный вектор» инвестиционных связей России / О. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 2. – С. 47-56.

224. Курзанов В.Н Промышленное развитие Сингапура / В.Н. Курзанов. – М. : Наука, 1978. – 134 с.

225. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции / В.Л. Ларин // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 12. – С. 69-81.

226. Лейн Ф. Р. Б., Милези-Ферретти Д.-М. Изучение глобальных дисбалансов [Электронный ресурс] / Ф. Р. Б. Лейн, Д.-М. Милези-Ферретти // Финансы & Развитие. – 2006, март. – С. 38–41. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/03/pdf/lane.pdf (дата обращения: 10 августа 2025).

227. Лешакова Н.П. Государственное регулирование инновационного развития Республики Корея / Н.П. Лешакова // Вопросы инновационной экономики. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 161–174. – DOI: 10.18334/vinec.7.2.38114.

228. Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура, 1965–2000. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

229. Лукин А.В. Китай – 2049: футурологический анализ / А.В. Лукин, И.Е. Денисов, В.Б. Кашин, С.С. Цыплаков // Российское китаеведение. – 2025. – № 1 (10). – 83-97.

230. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях) / А.В. Лукин // Международные отношения. – 2015.

231. Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня: итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.) / В.М. Мазырин. – М. : Форум, 2013. – 383 с.

232. Макаревич Г., Щедров И. Почему Индия не Китай? [Электронный ресурс] / Российской совет по международным делам. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-indiya-ne-kitay/ (дата обращения: 11.09.2025).

233. Малышева Д. Российская стратегия «Поворот на Восток» / Д. Малышева. – Запад – Восток – Россия, 2020. – С. 43-46.

234. Маричева Н.Н. Глобальные дисбалансы в мировой экономике [Электронный ресурс] / Н.Н. Маричева // Молодой ученый. – 2014. – № 6 (65). – С. 446-448. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/65/10802/ (дата обращения: 16.02.2025).

235. Мельников И.И. Теория роста и развития в условиях открытой экономики / И.И. Мельников. – М. : Наука, 1997.

236. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянцев. – М., 1996. – 304 с.

237. Мельянцев В.А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития / В.А. Мельянцев // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2013. – № 2. – С. 3–26.

238. Мельянцев В.А., Адрова И.С. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвёртой экономики Азии / В.А. Мельянцев, И.С. Адрова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 86–106. – DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.

239. Мельянцев В.А. Динамика и факторы экономического и социального прогресса развивающихся стран. Часть 1 / В.А. Мельянцев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2025. – № 2. – С. 128–141.

240. Мельянцев В.А. Динамика и факторы экономического и социального прогресса развивающихся стран. Часть 2 / В.А. Мельянцев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2025. – № 3. – С. 83–98.

241. Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 7. – С. 5-14.

242. Мельянцев В.А. Догоняющий и перегоняющий рост развивающихся стран: масштабы, факторы, проблемы и перспективы. Часть 2 // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 8. – С. 5-11.

243. Мельянцев В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – № 3. – С. 6-20.

244. Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 203-215.

245. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М. : [б.и.], 1996.

246. Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / В.В. Михеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.

247. Мозиас П.М. Урбанизация в Китае: прошлое и настоящее (обзор) / П.М. Мозиас // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. – № 1. – С. 121–155.

248. Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Д.В. Мосяков. – М. : Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН, 2019. – 390 с.

249. Мурашева Г.Ф. Политическая элита Вьетнама в начале эпохи обновления (дой мой) // Вьетнамские исследования. – 2011. – Т. 1, № 1. – С. 59–89.

250. Наумов С.О., Савинов Ю.А., Скурова А.В., Тарановская Е.В. Расширение использования новой бизнес-модели реализации товаров в электронной коммерции Китая / С.О. Наумов, Ю.А. Савинов, А.В. Скурова, Е.В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 2. – С. 36–41.

251. Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР / Л.В. Новоселова. – М. : Восточная литература, 1996. – 310 с.

252. Ноздрев С.В. Новый этап формирования финансовых рынков в странах Азии. Аналитический доклад / С.В. Ноздрев. – М., 2018.

253. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / А.В. Островский. – М. : Издательство МБА, 2020. – 496 с.

254. Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). – М. : Институт востоковедения РАН, 2007. – 256 с.

255. Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России : коллективная монография / [И.А. Макаров и др.]; отв. ред. И.А. Макаров. – М. : Междунар. отношения (МО), 2015. – 447 с.

256. Попова О.И. Влияние цифровизации на потребительское поведение и развитие СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 3 (37). – С. 121–127. – DOI: 10.24411/2070-0695-2020- 10317.

257. Попов А.В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития / А.В. Попов. – М. : Институт востоковедения РАН, 2019. – 372 с.

258. Попов В.В. Глобальные дисбалансы – нетрадиционная трактовка / В.В. Попов // Вопросы экономики. – 2013. – № 1. – С. 69–80. – DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-69-80.

259. Потапов М., Котляров Н. Эволюция подходов Китая к экономической интеграции в АТР // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 63-72. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-63-72.

260. Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии / М.А. Потапов. – М. : Международные отношения, 2004. – 240 с.

261. Потапов М.А. О факторах роста и модели экономического развития Китая / М.А. Потапов // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 2. – С. 55-71.

262. Потапов М.А. Пути китайских реформ: рецензия на монографии: I. Цай Фан. Чему учат 40 лет реформ и открытости в Китае / Китайская академия общественных наук. Пер. с кит. Чэнь Айжу. – М. : Весь мир, 2023. – 368 с. II. Глазьев С.Ю. Китайское экономическое чудо: уроки для России и мира. – М. : Весь мир, 2023. – 406 с. // Проблемы Дальнего Востока. – 2024. – № 3. – С. 186-191.

263. Потапов М.А. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии / М.А. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 42-52.

264. Потапов М.А. Экономическое развитие Восточной Азии: текущее состояние и перспективы / М.А. Потапов // Россия и АТР. – 2020. – № 3 (109). – С. 95-109.

265. Прусова В.И., Безновская В.В., Губжокова Х. Особенности экономического развития Сингапура [Электронный ресурс] / В.И. Прусова, В.В. Безновская, Х. Губжокова // Journal of Economy and Business. – 2017. – Vol. 5. – P. 42–48. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-singapura (дата обращения: 11.09.2025).

266. Радаев В.В. Институциональные преобразования и экономическое развитие / В.В. Радаев. – М. : Экономика, 2005.

267. Рикардо Д. Экономические памфлеты / Пер с англ. под ред. и с предисловием С. Членова. – М. : Московский рабочий, 1928. – 300 с.

268. Ровняков В.М. Финансовые системы и экономика страны / В.М. Ровняков. – М. : Экономика, 2001.

269. Рогожин А.А. Экономические отношения стран ЮВА с Китаем и США (сравнительный анализ) / А.А. Рогожин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2020. – Т. 1, № 1 (46). – С. 303-309.

270. Савинов Ю.А., Орлова Г.А., Скурова А.В., Тарановская Е.В. Тенденции развития электронной коммерции в международном бизнесе / Ю.А. Савинов, Г.А. Орлова, А.В. Скурова, Е.В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 12. – С. 31–43.

271. Саламатов В.Ю., Негробова П.Д. Внешнеэкономическая политика РФ в отношении китайского бизнеса и его присутствие на российском рынке в отдельных отраслях на современном этапе / В.Ю. Саламатов, П.Д. Негробова // Бизнес. Общество. Власть. – 2025. – № 55. – С. 76-98.

272. Саламатов В.Ю., Аронов И.З., Рыбакова А.М. Влияние «индустрии 4.0.» на международную торговлю / В.Ю. Саламатов, И.З. Аронов, А.М. Рыбакова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 1. – С. 7-22.

273. Самсонова В.Г. Рынок труда и экономическое развитие Республики Корея : монография / В.Г. Самсонова. – М. : ИКСА РАН, 2025.

274. Симония А.А. Мьянма: переход к рыночной экономике (1988-2011) / А.А. Симония. – М. : Институт востоковедения РАН, 2012. – 223 с.

275. Стадник А.Г. Социально-экономическая география мира / А.Г. Стадник. – Ranok Publishing House Ltd., 2010. – 304 с.

276. Стратегии управления суверенными инвестиционными фондами России и других стран с развивающимися рынками в условиях коррекции глобальных дисбалансов / А.Ю. Апокин, М.Е. Мамонов, Е.А. Пенухина [и др.]. – 2010. – М. : МОНФ-ЦМАКП. – 127 с.

277. Стрелец И.А. Цифровизация мировой торговли: масштабы, формы, последствия / И.А. Стрелец, С.В. Чебанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 1. – С. 15-25. – DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-1-15-25.

278. Сумский В.В. Вьетнам 2020-х годов: на гребне успеха и в раздумье о будущем / В.В. Сумский // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 168-176.

279. Тимонина И.Л. Жизнь после кризиса: направления трансформации экономической модели Японии / И.Л. Тимонина // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 4 (13). – С. 183–190. – DOI: 10.24833/2071-8160-2010-4-13-183-190.

280. Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее. – М. : АИРО-XXI, 2008. – С. 151–175.

281. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67. – № 4. – С. 5-16.

282. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы / А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов, Е.В. Колдунова // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 8-21.

283. Фабричников Д. Япония: кризис во время кризиса [Электронный ресурс] / Д. Фабричников // Мировое и национальное хозяйство. – 2009. – № 3–4 (10–11). – Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/2009/2009-03-04/yaponiya-krizis-vo-vremya-krizisa (дата обращения: 4 октября 2025).

284. Факультет глобальных процессов МГУ. Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – МАКС Пресс, 2009. – Т. 2.

285. Федоровский А.Н. Вызовы пандемии COVID-19 и приоритеты экономического развития Республики Корея // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 204–218. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-12.

286. Федоровский А.Н. Россия и вызовы Восточной Азии / А.Н. Федоровский // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 3. – С. 58–71.

287. Федоровский А.Н. Феномен чеболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея / А.Н. Федоровский. – М. : Стратегия, 2008. – 320 с.

288. Федоровский А.Н. Южнокорейские чеболь: становление, развитие, трансформация / А.Н. Федоровский. – М. : Изд-во ИМЭМО РАН, 2007.

289. Фисун А. Японская модель развития экономики / А. Фисун // Экономика Украины. – 2009. – № 9. – С. 79-87.

290. Хазин М.Л. Воспоминания о будущем: идеи современной экономики / М.Л. Хазин. – М. : Рипол-Классик, 2022. – 464 с.

291. Хейфец Б.А. Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы / Б.А. Хейфец // Деньги и кредит. – 2012. – № 7.

292. Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии / В. Хлынов // Критика российских реформ отечественными и зарубежными экономистами. Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 2.

293. Холопов А.В. Глобальные дисбалансы в мировой экономике / А.В. Холопов // Международные экономические отношения: реалии, вызовы и перспективы / Под ред. Л.С. Ревенко. – М. : МГИМО-Университет, 2019. – С. 14–23.

294. Холопов А.В. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов / А.В. Холопов // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 9. – С. 19–28. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-19-28.

295. Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг / Н.Н. Цветкова. – М., 2016.

296. Цветкова Н.Н. Производство цифрового оборудования / Н.Н. Цветкова // Новая система производительных сил и страны Востока // Акимов А.В., Панарин С.А., Дерюгина И.В., Цветкова Н.Н. (ред.). – М. : ИВ РАН, 2019. – С. 32–53.

297. Цедилин Л.И. Современная модель социально-экономического развития Китая: идентификация и анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 3. – С. 126–136.

298. Шаповалов В.В. Оценка эффективности инновационной деятельности в современных условиях / В.В. Шаповалов // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20. – № 2 (71). – С. 67-75.

299. Шаповалов В.В. Инновационная деятельность крупнейших компаний высокотехнологичного сектора / В:.В. Шаповалов // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30. – № 5. – С. 540-549.

300. Шаумян Т. Индия на глобальных перекрестках / Т. Шаумян // Свободная мысль. – 2022. – № 2 (1692). – С. 145-156.

301. Шевченко Я.Н. «Китайская модель» развития в официальном и академическом дискурсе: проблема универсальности и самобытности / Я.Н. Шевченко // Российское китаеведение. – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 28–43.

302. Шкваря Л.В., Суинх Ф.К. Электронная торговля во Вьетнаме: современное состояние, динамика, государсвтенное регулирование / Л.В. Шкваря, Ф.К. Суинх // Россия и Азия. – 2025. – № 2 (32). – С. 40-52.

303. Шкваря Л.В. Инновационное развитие Китая и задачи на будущее / Л. Шкваря // Азия и Африка сегодня. – 2022. – №1. – С. 32-39.

304. Шкваря Л.В. Экономика Индонезии: современные тенденции / Л. Шкваря // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 11. – С. 62–69. – DOI: 10.20542/0131-2227-2013-11-62-69.

305. Юй Ч. Исследование экономических реформ Китая с конца 1970-х до начала 1990-х годов с точки зрения неоинституционализма / Ч. Юй // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 1309–1333. – DOI: 10.18334/ce.18.5.12102.

306. Яковлев А.А. Куда идет глобальный капитализм? / А.А. Яковлев // Мир России. – 2021. – Т. 30. – № 3. – С. 29–50.

307. Япония: кризис во время кризиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/2009/2009-03-04/yaponiya-krizis-vo-vremya-krizisa?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 11.09.2025).

308. Ясинский В.А., Кожевников М.Ю. «Двойная циркуляция» – модель роста китайской экономики на ближайшие 15 лет / В.А. Ясинский, М.Ю. Кожевников // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 1. – С. 162-173.

Научная литература на иностранных языках

309. Abhijit V. Banerjee, Duflo Esther. What Is Middle Class about the Middle Classes around the World? // The Journal of Economic Perspectives. – 2008, Spring. – Vol. 22, № 2. – Pp. 3–28.

310. Acemoglu D. The Solow Growth Model / D. Acemoglu. – Princeton : Princeton University Press, 2009.

311. Adams C., Park D. Causes and Consequences of Global Imbalances: Perspective from Developing Asia / C. Adams, D. Park // Asian Development Review. – 2009. – Т. 26. – № 1. – С. 19–47. – DOI: 10.1142/S0116110509000025.

312. Agrawal R. Business Environment (Second Edition). – New Delhi : Excel Books, 2002. – 196 c.

313. Agrawal A.N. Indian Economy: Problems of Development and Planning / A.N. Agrawal. – Pune : Wishwa Prakashan, 1995. – 676 p.

314. Ahuja A., Nabar M. Investment-Led Growth in China: Global Spillovers / A. Ahuja, M. Nabar // IMF Working Paper, № WP/12/267. – 2012.

315. Albert J.R.G. The Middle Class in the Philippines: Growing but Vulnerable [Электронный ресурс] / J.R.G. Albert. – 2024. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cobp-phi-2021-2023-ld-03.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

316. Alfonso Y.N., Ding G., Bishai D. Income Elasticity of Vaccines Spending versus General Healthcare Spending / Y.N. Alfonso, G. Ding, D. Bishai // Health Economics. – 2016. – Vol. 25, № 7. – P. 860–872. – DOI: 10.1002/hec.3190.

317. Al-Hyari K., Alnsour M., Al-Weshah G., Haffar M. Religious Beliefs and Consumer Behaviour: From Loyalty to Boycotts / K. Al-Hyari, M. Alnsour, G. Al-Weshah, M. Haffar // Journal of Islamic Marketing. – 2012. – Vol. 3, № 2. – P. 155–174.

318. Alwateer M., Atlam E.-S., Abd El-Raouf M.M., Ghoneim O.A., Gad I. Missing Data Imputation: A Comprehensive Review / M. Alwateer, E.-S. Atlam, M.M. Abd

El-Raouf, O.A. Ghoneim, I. Gad // Journal of Computer and Communications. – 2024. – Vol. 12. – P. 53–75. – DOI: 10.4236/jcc.2024.1211004.

319. Amrinto L. A Semiparametric Assessment of Export-Led Growth in the Philippines / L. Amrinto. – MS Thesis, Agricultural Economics and Agribusiness, Louisiana State University, 2006.

320. Amsden A. H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization / A.H. Amsden. – Oxford University Press. – 1989. – 379 p.

321. Arapova E. Determinants of household final consumption expenditures in Asian countries: a panel model, 1991-2015 / E. Arapova // Applied Econometrics and International Development. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 121–140.

322. Arapova E. Ex-post analysis of the influence of tariff liberalization on ASEAN export / E. Arapova // Applied Econometrics and International Development. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 135–154.

323. Arapova E. What can EAEU-India FTA bring to Indian industrial development? / E. Arapova // Strategic Analysis. – 2022. – P. 86-92. – DOI: 10.1080/09700161.2022.2039580.

324. Ariffin J. Poverty Amidst Plenty: Research Findings and the Gender Dimension in Malaysia / J. Ariffin. – Pelanduk Publications, 1994. – 234 c.

325. Aschemann S., Zielke S. Can't Buy Me Green? A Review of Consumer Perceptions of and Behavior Toward the Price of Organic Food / S. Aschemann, S. Zielke // Journal of Consumer Affairs. – 2017. – Vol. 51, № 1. – С. 211-251.

326. Athukorala P.-C., Suanin W. Economic Growth and Savings Transition in Asia: Unity in Diversity / P.-C. Athukorala, W. Suanin // Working Papers in Trade and Development. – 2025. – № 2025/03. – P. 1–41.

327. Auclert A., Malmberg H., Martenet F., Rognlie M. Demographics, Wealth, and Global Imbalances in the Twenty-First Century / A. Auclert, H. Malmberg, F. Martenet, M. Rognlie. – NBER Working Paper № 29161, 2021. – 47 p. – DOI: 10.3386/w29161.

328. Auerbach A.J., Gale W.G. Activist Fiscal Policy to Stabilize Economic Activity / A.J. Auerbach, W.G. Gale // NBER Working Paper. – 2009. – September. – P. 1–56.

329. Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing Growth Models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. – 2023. – DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

330. Baccaro L., Pontusson J. Comparative Political Economy and Varieties of Macroeconomics / L. Baccaro, J. Pontusson. – MPIfG Discussion Paper 18/10. – Cologne : Max Planck Institute for the Study of Societies, 2018.

331. Baccaro L., Pontusson J. Rethinking Comparative Political Economy: The Growth Model Perspective / L. Baccaro, J. Pontusson // Politics & Society. – 2016. – Vol. 44, № 2. – P. 175–207. – DOI: 10.1177/0032329216638053.

332. Baccaro L., Hadziabdic S. Operationalizing growth models / L. Baccaro, S. Hadziabdic // Quality & Quantity. – 2023. – DOI: 10.1007/s11135-023-01685-w.

333. Bacchetta P., Gerlach S. Consumption and Credit Constraints: International Evidence / P. Bacchetta, S. Gerlach // Journal of Monetary Economics. – 1997. – Vol. 40, № 2. – P. 207–238.

334. Bahmani Oskooee M., Alse J. Export Growth And Economic Growth: An Application Of Cointegration And Error Correction Modeling / M. Bahmani Oskooee, J. Alse // Journal of Developing Areas. – 1993. – Vol. 27. – № 4. – Pp. 535–542.

335. Baker M., Nagel S., Wurgler J. The Effect of Dividends on Consumption / M. Baker, S. Nagel, J. Wurgler // NBER Working Paper № 12288. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2006.

336. Balaoing-Pelkmans A.O., Mendoza A.R. Structural Change and Industrial Upgrading in the Philippines: Stylized Facts and Routes towards Sophisticated Economic Diversification [Электронный ресурс] / A.O. Balaoing-Pelkmans, A.R. Mendoza // UPSE Discussion Paper. – 2024. – № 2024-05. – Режим доступа: https://econ.upd.edu.ph/dp/index.php/dp/article/view/1558 (дата обращения: 1 октября 2025).

337. Baldacci E., Callegari G., et al. Public Expenditures on Social Programs and Household Consumption in China / E. Baldacci, G. Callegari, et al. // IMF Working Paper. – 2010. – WP/10/69.

338. Baldacci E., Clements B., Cui Q., Gupta S. What Does It Take to Help the Poor [Электронный ресурс] / E. Baldacci, B. Clements, Q. Cui, S. Gupta // Finance and Development. – 2005. – June. – Vol. 42, № 2. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/06/baldacci.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

339. Baldacci E., Gupta S., Mulas-Granados C. How Effective is Fiscal Policy Response in Systemic Banking Crises? / E. Baldacci, S. Gupta, C. Mulas-Granados // IMF Working Paper WP/09/160. – 2009. – July. – P. 1–38.

340. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth / R. Barro, X. Sala-i-Martin. – Massachusetts : The MIT Press, 2003.

341. Batini N., N'Diaye P., Rebucci A. The Domestic and Global Impact of Japan's Policies for Growth / N. Batini, P. N'Diaye, A. Rebucci // Federal Reserve Bank of San Francisco Proceedings Series. – 2005.

342. Bayar A., McMorrow K. Determinants of Private Consumption / A. Bayar, K. McMorrow // European Economy – Economic Papers, № 135. – Directorate General Economic and Financial Affairs (DG ECFIN), European Commission, 1999.

343. Behringer J., van Treeck T. Income Distribution and Growth Models: A Sectoral Balances Approach / J. Behringer, T. van Treeck // Politics & Society. – 2019. – Vol. 47. – P. 303–332. – DOI: 10.1177/0032329219861237.

344. Behringer J., van Treeck T. Income Distribution and the Current Account / J. Behringer, T. van Treeck // Journal of International Economics. – 2018. – Vol. 114. – P. 238–254.

345. Behringer J., van Treeck T. Varieties of Capitalism and Growth Regimes: The Role of Income Distribution / J. Behringer, T. van Treeck. – Forum Macroeconomics and Macroeconomic Policies (FMM) Working Paper 9/2017. – Düsseldorf : Hans Boeckler Foundation, 2017.

346. Benhabib J., Spiegel M.M. The Role of Human Capital in Economic Development: Evidence from Aggregate Cross-Country Data / J. Benhabib, M.M. Spiegel // Journal of Monetary Economics. – 1994. – Vol. 34. – № 2. – P. 143–173.

347. Bergsten F., Williamson J. Dollar Adjustment: How Far? Against What? / F. Bergsten, J. Williamson. – Washington, D.C. : Institute for International Economics, 2004. – 124 p.

348. Bernanke B.S. The Global Saving Glut and the US Current Account Deficit / B.S. Bernanke. – Federal Reserve Board, Sandridge Lecture, Richmond, Virginia, 2005.

349. Bernanke B.S., Gertler M. Inside the Black Box: The Credit Channel of Monetary Policy Transmission / B.S. Bernanke, M. Gertler // Journal of Economic Perspectives. – 1995. – Vol. 9. – P. 27–48.

350. Bhaduri A., Marglin S. Unemployment and the Real Wage: The Economic Basis for Contesting Political Ideologies / A. Bhaduri, S. Marglin // Cambridge Journal of Economics. – 1990. – № 14. – P. 375–393.

351. Bhagwati J.N. Export-Promoting Trade Strategy: Issues and Evidence / J.N. Bhagwati // World Bank Research Observer. – 1988. – Т. 3. – № 1. – С. 27–57. – DOI: 10.1093/wbro/3.1.27.

352. Bhagwati J.N. Export Promotion Trade Strategy: Issues and Evidence // Export Promotion Strategies: Theory and Evidence from Developing Countries / Edited by C.R. Milner. – New York, NY : New York University Press, 1990.

353. Bhagwati, J. India in Transition: Freeing the Economy / J. Bhagwati. – Delhi : Oxford University Press, 1993.

354. Blake W. Observations on The Effects Produced By The Expenditure Of Government During The Restriction Of Cash Payments / W. Blake. – London : John Murray (and E. Lloyd), 1823.

355. Blanchard O. Debt, Deficits, and Finite Horizons / O. Blanchard // Journal of Political Economy. – 1985. – Vol. 93. – P. 223–247.

356. Blanchard O. Macroeconomics / O. Blanchard. – 3rd ed. – Prentice Hall, 2003.

357. Blanchard O., Giavazzi F. Macroeconomic Effects of Regulation and Deregulation in Goods and Labor Markets / O. Blanchard, F. Giavazzi // The Quarterly Journal of Economics. – 2003. – Vol. 118. – № 3. – P. 879–907. – DOI: 10.1162/00335530360698450.

358. Blanchard O., Kremer M. Sources of Growth: Decomposition Analysis for Transition Economies / O. Blanchard, M. Kremer. – Washington : World Bank, 1997.

359. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output / O. Blanchard, R. Perotti // Quarterly Journal of Economics. – 2002. – Vol. 117. – № 4. – P. 1329–1368.

360. Blanchard O.J., Fisher S. Lectures On Macroeconomics / O.J. Blanchard, S. Fisher. – Cambridge : MIT Press, 1989.

361. Blanchard O.J., Milesi-Ferretti G.M. Global Imbalances: In Midstream? / O.J. Blanchard, G.M. Milesi-Ferretti. – SSRN, 2010. – № 1525542. – P. 1–27.

362. Blare J. B. Macroeconomics: Cycle, Growth and Policy in a Monetary Economy / J. B. Blare. – London : McMillan, 1978.

363. Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks / N. Bloom // Econometrica. – 2009. – Vol. 77, № 3. – P. 623–685.

364. Bolton L.E., Keh H.T., Alba J.W. How Do Price Fairness Perceptions Differ Across Culture? / L.E. Bolton, H.T. Keh, J.W. Alba // Journal of Marketing Research. – 2010. – Vol. 47, № 3. – P. 564–576.

365. Boyer R. Technical Change and the Theory of "Regulation" / R. Boyer // In: Dosi G., Freeman C., Nelson R., Silverberg G., Soete L. (eds.). Technical Change and Economic Theory. – London: Pinter, 1988. – P. 67–94.

366. Boyer R., Saillard Y. (eds.) Regulation Theory: The State of the Art / R. Boyer, Y. Saillard (eds.). – London : Routledge, 2005.

367. Breton T.R. Human Capital and Growth in Japan: Converging to the Steady State in a 1% World / T.R. Breton // Journal of the Japanese and International Economies. – 2015. – Vol. 36. – P. 73–89.

368. Browning M., Chiappori P.-A., Weiss Y. Economics of the Family / M. Browning, P.-A. Chiappori, Y. Weiss. – Cambridge University Press. – 2014. – 510 p.

369. Brueckner M. Economic Growth and the GDP Share of Consumption: An Empirical Analysis for Asia / M. Brueckner // Emerging Markets Finance and Trade. – 2017. – Vol. 53. – № 12. – P. 2782–2793. – DOI: 10.1080/1540496X.2017.1320986.

370. Burke M.A., Ozdagli A. Household Inflation Expectations and Consumer Spending: Evidence from Panel Data / M.A. Burke, A. Ozdagli // Federal Reserve Bank of Dallas Research Department Working Papers. – 2021. – № 2110. – P. 1-107. – DOI: 10.24149/wp2110.

371. Campbell J., Mankiw N.G. Permanent Income, Current Income, and Consumption / J. Campbell, N.G. Mankiw // Journal of Business & Economic Statistics. – 1990. – Vol. 8, Issue 3. – P. 265–279.

372. Campbell J.Y., Mankiw N.G. The Response of Consumption to Income, A Cross-Country Investigation / J.Y. Campbell, N.G. Mankiw // European Economic Review. – 1991. – Vol. 35. – P. 723–767.

373. Campbell N. Sources of Competitive Rivalry in Japan // Journal of Product Innovation Management. – 1985. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 224–231.

374. Cardenas L., Arribas J. Institutional Change After the Great Recession: European Growth Models at the Crossroads / L. Cardenas, J. Arribas. – London; New York : Routledge, 2021.

375. Chamon M.D., Prasad E.S. Why Are Saving Rates of Urban Households in China Rising? / M.D. Chamon, E.S. Prasad // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2010. – Vol. 2. – № 1. – P. 93–130.

376. Chang H.-J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective / H.-J. Chang. – Anthem Press, London. – 2002. – 196 p.

377. Chen R. Study on the Elasticity Difference of Rural Household Education Expenditure in Zhejiang Province / R. Chen // Statistical Research. – 2018. – Vol. 35, № 5. – P. 96–103.

378. Chenery H.B., Robinson S., Syrquin M. Industrialization and Growth: A Comparative Study / H.B. Chenery, S. Robinson, M. Syrquin. – Oxford : Oxford University Press, 1986.

379. Chia E.S. Analysis of Singapore's 1991 Strategic Economic Plan Using the Large-Scale Systems Engineering Framework / E.S. Chia // INCOSE International Symposium. – 2007. – Vol. 17. – № 1. – P. 1004–1014. – DOI: 10.1002/j.2334-5837.2007.tb02928.x.

380. Choi Y., Paulraj A., Shin J. Religion or Religiosity: Which Is the Culprit for Consumer Switching Behavior? / Y. Choi, A. Paulraj, J. Shin // Journal of International Consumer Marketing. – 2013. – Vol. 25. – P. 262–280.

381. Chow H. Asian Tigers' Choices: An Overview [Электронный ресурс] / H. Chow // ADBI Working Paper 238. – Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2010. – Режим доступа: http://www.adbi.org/workingpaper/2010/08/09/4029.asian.tiger.economies (дата обращения: 12.04.2025).

382. Chung S. Excelsior: The Korean Innovation Story / S. Chung // Issues in Science and Technology. – 2007. – Vol. 24, № 1.

383. Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production / C.W. Cobb, P.H. Douglas // American Economic Review. – 1928. – P. 139–165.

384. Cole A.D. The Malaysian Vision 2020 National Development Plan Implementation Problems in Sabah [Электронный ресурс] / A.D. Cole. – Режим доступа: https://etheses.whiterose.ac.uk/10808/1/263663.pdf (дата обращения: 3.10.2025).

385. Collins S.M., Bosworth B.P. Economic Growth in East Asia: Accumulation versus Assimilation / S.M. Collins, B.P. Bosworth // Brookings Papers on Economic Activity. – 1996. – Vol. 27. – № 2. – Pp. 135–204.

386. Cong P.T. Export Led Growth in Vietnam / P.T. Cong // VNU Journal of Economics and Business. – Vol. 27. – Pp. 265–275.

387. Costella C., McCord A., van Aalst M., Holmes R. Social Protection Approaches to COVID-19: Expert Advice Social Protection and Climate Change: Scaling up Ambition / C. Costella et al. – 2021. – № 39.

388. Cripps F., Eatwell J., Izurieta A. Financial Imbalances in the World Economy / F. Cripps, J. Eatwell, A. Izurieta // Economic and Political Weekly. – 2005. – Т. 40. – № 52. – С. 5453–5456.

389. Cripps F., Izurieta A., Singh A. Global Imbalances, Under-Consumption and Overborrowing: The State of the World Economy & Future Policies / F. Cripps, A. Izurieta, A. Singh. – MPRA Paper 39049, University Library of Munich, Germany, 2011.

390. D'Acunto F., Hoang D., Weber M. Inflation Expectations and Consumption Expenditure [Электронный ресурс] / F. D'Acunto, D. Hoang, M. Weber. – 2015. – Meeting Papers from Society for Economic Dynamics. – Режим доступа: https://bfi.uchicago.edu/sites/default/files/research/paper_Weber.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

391. Dandekar V.M. Forty Years after Independence / V.M. Dandekar // In: Jalan, B. (Ed.). The Indian Economy: Problems and Prospects. – Delhi : Penguin, 2004.

392. Danju I., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / I. Danju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference On Business, Economics And Management – WCBEM 2013. – 2014. – P. 231–238.

393. de Mooij M., Beniflah J. Measuring Cross-Cultural Differences of Ethnic Groups Within Nations: Convergence or Divergence of Cultural Values? The Case of the United States / M. de Mooij, J. Beniflah // Journal of International Consumer Marketing. – 2016. – Vol. 29, № 1. – P. 2–10. – DOI: 10.1080/08961530.2016.1227758.

394. de Mooij M., Hofstede G. Convergence and Divergence in Consumer Behavior: Implications for International Retailing [Электронный ресурс] / M. de Mooij, G. Hofstede // Journal of Retailing. – 2002. – Vol. 78. – P. 61–69. – Режим доступа:

https://www.mariekedemooij.com/articles/demooij_2002_journal_retailing.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

395. Deaton A. Saving and Liquidity Constraints / A. Deaton // Econometrica. – 1991. – Vol. 59, № 5. – P. 1221−1248.

396. Diacona P.-E., Maha L.-G. The Relationship between Income, Consumption and GDP: A Time Series, Cross-Country Analysis / P.-E. Diacona, L.-G. Maha // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Vol. 23. – P. 1535–1543. – DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00374-3.

397. Diamond P. National Debt in A Neoclassical Growth Model / P. Diamond // American Economic Review. – 1965, December. – Vol. 55.

398. Dinh V.A. Vietnam Economy 2001-5 and Social Economic Development Plan 2006-2010 [Электронный ресурс]. – Hanoi : Central Institute for Economic Management. – Режим доступа: www.ciem.org.vn (дата обращения: 03.10.2025).

399. Doepke M., Schneider M. Inflation and the Redistribution of Nominal Wealth / M. Doepke, M. Schneider // Journal of Political Economy. – 2006. – Vol. 114, № 6. – P. 1069–1097.

400. Dollar D. Sino Shift / D. Dollar // Finance and Development. – 2014. – June. – Vol. 51. – № 2. – P. 10–13.

401. Dong He, Cheung Lillian, Chang Jian. Sense and Nonsense about Asia’s Export Dependency and the Decoupling Thesis / He Dong, Lillian Cheung, Jian Chang // Hong Kong Monetary Authority Quarterly Bulletin. – June 2007. – Pp. 19–33.

402. Dornbusch R., Fischer S., Samuelson P. Comparative Advantage, Trade, and Payments with a Continuum of Goods / R. Dornbusch, S. Fischer, P. Samuelson // American Economic Review. – 1977. – Vol. 67. – Pp. 823–839.

403. Duesenberry J.S. Income, Saving and the Theory of Consumption Behavior / J.S. Duesenberry. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1949.

404. Eichengreen B. Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System / B. Eichengreen. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 220 p.

405. Eichengreen B. Global Imbalances: The New Economy, the Dark Matter, the Savvy Investor, and the Standard Analysis / B. Eichengreen // Journal of Policy

Modeling. – 2006. – Vol. 28. – Issue 6. – P. 645–652. – DOI: 10.1016/j.jpolmod.2006.06.001.

406. Ekanayake E.M. Exports and Economic Growth in Asian Developing Countries: Cointegration and Error-Correction Models / E.M. Ekanayake // Journal of Economic Development. – 1999. – Vol. 24. – № 2. – P. 43-56.

407. Enders C.K. Applied Missing Data Analysis / C.K. Enders. – Guilford Publications, 2022.

408. Engel C., Rogers J.H. The U.S. Current Account Deficit and the Expected Share of World Output / C. Engel, J.H. Rogers // Journal of Monetary Economics. – 2006. – № 53. – P. 1063–1093.

409. Engen E.M., Gruber J. Unemployment Insurance and Precautionary Saving / E.M. Engen, J. Gruber // Journal of Monetary Economics. – 2001. – Vol. 47, № 3. – P. 545–579.

410. Ernst D. Advanced Manufacturing and China's Future for Jobs / D. Ernst // East-West Center Working Papers. – 2016. – № 8. – С. 1–32.

411. Falvin M.A. The Adjustment of Consumption to Changing Expectations about Future Income / M.A. Falvin // Journal of Political Economy. – 1981. – Vol. 89. – P. 974–1009.

412. Farag M., NandaKumar A.K., Wallack S., Hodgkin D. The Income Elasticity of Health Care Spending in Developing and Developed Countries / M. Farag, A.K. NandaKumar, S. Wallack, D. Hodgkin, et al. // International Journal of Health Care Finance and Economics. – 2012. – Vol. 12, № 2. – P. 145–162. – DOI: 10.1007/s10754-012-9108-z.

413. Feder G. On Exports and Economic Growth / G. Feder // Journal of Development Economics. – 1983. – Vol. 12. – Nos. 1–2. – Pp. 59–73. – DOI: 10.1016/0304-3878(83)90031-7.

414. Feldstein M. Rethinking the Role of Fiscal Policy / M. Feldstein // NBER Working Paper. – 2009. – January. – P. 1–26.

415. Felipe J. Is Export-Led Growth Pass: Implications for Developing Asia [Электронный ресурс] / J. Felipe. – Asian Development Bank, 2003. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28337/wp048.pdf (дата обращения: 10 апреля 2024).

416. Felipe J., Adams F.G. A Theory of Production; The Estimation of the Cobb-Douglas Function: A Retrospective View / J. Felipe, F.G. Adams // Eastern Economic Journal. – 2005. – Vol. 31. – № 3. – P. 427–445.

417. Felipe J., Lim J. Export or Domestic-led Growth in Asia? [Электронный ресурс] / J. Felipe, J. Lim // Asian Development Bank. ERD Working Paper № 69. – 2005. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28349/wp069.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

418. Feng J., He L., et al. Public Pension and Household Saving: Evidence from Urban China / J. Feng, L. He, et al. // Journal of Comparative Economics. – 2011.

419. Feng S., Hu Y., Moffitt R. Long Run Trends in Unemployment and Labor Force Participation in China / S. Feng, Y. Hu, R. Moffitt // NBER Working Paper. – 2015. – № 21460. – С. 1–44.

420. Fortescue S. Russia's "Turn to the East": A Study in Policy Making / S. Fortescue // Post-Soviet Affairs. – 2016. – Vol. 32, № 5. – P. 423–454. – DOI: 10.1080/1060586X.2015.1051750.

421. Francois J., Hoekman B. Services Trade and Policy / J. Francois, B. Hoekman // Journal of Economic Literature. – 2010. – Vol. 48, № 3. – P. 642–692.

422. Friedman M. A Theory of the Consumption Function / M. Friedman. – Princeton : Princeton University Press, 1957.

423. Fu Q., Huang Y. Heterogeneous Impact of Digital Finance on Rural Financial Demand: Evidence from China Household Finance Survey and Peking University Digital Inclusive Finance Index / Q. Fu, Y. Huang // Journal of Financial Research (Jinrong Yanjiu). – 2018. – № 11. – P. 68–84.

424. Furuoka Fumitaka. Exports and Economic Growth in ASEAN Countries: Evidence from Panel Data Analysis / F. Furuoka // The Icfai University Journal of Applied Economics. – 2009. – Vol. VIII. – № 2. – P. 7-16.

425. Gainsborough M. Key Issues in the Political Economy of Post-Doi Moi Vietnam / M. Gainsborough // In: M. McCargo (ed.) Rethinking Vietnam. – London : Routledge Curzon, 2004.

426. Galí J., López-Salido J.D., Vallés J. Understanding the Effects of Government Spending on Consumption / J. Galí, J.D. López-Salido, J. Vallés // European Central Bank Working Paper Series. – 2004. – № 339.

427. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays / A. Gerschenkron. – Belknap Press of Harvard University Press. – 1962. – 456 p.

428. Ghartey E.E. Causal Relationship between Exports and Economic Growth: Some Empirical Evidence in Taiwan, Japan and the US / E.E. Ghartey // Applied Economics. – 1993. – Vol. 25. – № 9. – Pp. 1145–1152. – DOI: 10.1080/00036849300000175.

429. Ghazali I., Abdul-Rashid S.H., Dawal S.Z.M., Aoyama H. Green Product Preferences Considering Cultural Influences: a Comparison Study between Malaysia and Indonesia / I. Ghazali, S.H. Abdul-Rashid, S.Z.M. Dawal, H. Aoyama, et al. // Management of Environmental Quality: An International Journal. – 2021.

430. Girardi D., Pariboni R. Autonomous Demand and the Investment Share / D. Girardi, R. Pariboni // Review of Keynesian Economics. – 2020. – Vol. 8. – P. 428–453. – DOI: 10.4337/roke.2020.03.07.

431. Girardi D., Pariboni R. Long-Run Effective Demand in the US Economy: An Empirical Test of the Sraffan Supermultiplier Model / D. Girardi, R. Pariboni // Review of Political Economy. – 2016. – Vol. 28. – P. 523–544. – DOI: 10.1080/09538259.2016.1209893.

432. Glick R., Rogoff K. Global versus Country-Specific Productivity Shocks and the Current Account / R. Glick, K. Rogoff // Journal of Monetary Economics. – 1993. – Vol. 35. – Issue 1. – P. 159-192. – DOI: 10.1016/0304-3932(94)01181-9.

433. Goldberg P.K., Reed T. Growing Threats to Global Trade. Protectionism Could Make the World Less Resilient, More Unequal, and More Conflict-Prone / P.K. Goldberg, T. Reed // IMF. Finance and Development. – 2023. – June. – P. 8–13.

434. Gordon R.J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War / R.J. Gordon. – Princeton : Princeton University Press, 2014.

435. Grossman G.M., Helpman E. Trade Knowledge Spillovers and Growth / G.M. Grossman, E. Helpman // European Economic Review. – 1991. – T. 35. – № 2–3. – C. 517–526. – DOI: 10.1016/0014-2921(91)90153-A.

436. Guha A., Ray A.S. India and Asia in the World Economy: The Role of Human Capital and Technology / A. Guha, A.S. Ray // International Studies. – 2004. – Vol. 41, № 3. – P. 299–311.

437. Gutierrez G., Philippon, T. Investment-less Growth: An Empirical Investigation / G. Gutierrez, T. Philippon // NBER Working Paper № 22897. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2016.

438. Hadna A.H., Askar M. The Impact of Conditional Cash Transfers on Low-Income Individuals in Indonesia / A.H. Hadna, M. Askar // Advances in Southeast Asian Studies. – 2022. – Vol. 15, № 1. – С. 23–41.

439. Hall R.E. Intertemporal Substitution in Consumption / R.E. Hall // Journal of Political Economy. – 1988. – Vol. 96, № 2. – P. 339–357.

440. Hall R., Mishkin F. The Sensitivity of Consumption to Transitory Income: Estimates from Panel Data on Households / R. Hall, F. Mishkin // Econometrica. – 1982. – Vol. 50, Issue 2. – P. 461–481.

441. Hall R.E. Stochastic Implications of the Life Cycle-Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence [Электронный ресурс] / R.E. Hall // Journal of Political Economy. – 1978. – Vol. 86, № 6. – P. 971–987. – Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/1840393 (дата обращения: 03.06.2024).

442. Hamada K., OkadaY. Monetary And International Factors Behind Japan’s Lost Decade / K. Hamada, Y. Okada // Journal Of The Japanese And International Economies. – 2009. – Vol. 23, Iss. 2. – P. 200-219. – DOI: 10.1016/j.jjie.2009.01.004.

443. Hanim K. Panel Data Analysis of Export-Led Growth Hypothesis in BIMP-EAGA Countries / K. Hanim. – Munich Personal RePEc Archive, MPRA Paper 13264. – 2009. – February. – 28 p.

444. Harrod R. An Essay in Dynamic Theory [Электронный ресурс] / R. Harrod // Economic Journal. – 1939. – Vol. 49. – P. 14–33. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/2225180 (дата обращения: сентябрь 2024).

445. Hassel A., Palier B. Tracking the Transformation of Growth Regimes in Advanced Capitalist Economies / A. Hassel, B. Palier // In: Hassel A., Palier B. (eds.) Growth and Welfare in Advanced Capitalist Economies: How Have Growth Regimes Evolved? – New York : Oxford University Press, 2021. – P. 3–56.

446. He Z., Song X. How Does Digital Finance Promote Household Consumption: An Analysis Based on Micro Survey Data / Z. He, X. Song // China Finance and Economic Review. – 2020. – DOI: 10.1515/cfer-2020-0904.

447. Hein E. Distribution and Growth after Keynes: A Post-Keynesian Guide / E. Hein. – Cheltenham : Edward Elgar. – 2014. – Chapters 6–7.

448. Hein E. Financialisation and Tendencies Towards Stagnation: The Role of Macroeconomic Regime Changes in the Course of and after the Financial and Economic Crisis 2007–09 / E. Hein // Cambridge Journal of Economics. – 2019. – Vol. 43, № 4. – P. 975–999.

449. Hein E. The Macroeconomics of Finance-Dominated Capitalism – and Its Crisis / E. Hein. – Cheltenham : Edward Elgar, 2012.

450. Hein E., Meloni W.P., Tridico P. Welfare Models and Demand-Led Growth Regimes before and after the Financial and Economic Crisis / E. Hein, W.P. Meloni, P. Tridico // Review of International Political Economy. – 2021. – Vol. 28. – P. 1196–1223. – DOI: 10.1080/09692290.2020.1744178.

451. Helpman E., Krugman P.R. Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy / E. Helpman, P.R. Krugman. – MIT Press, Massachusetts, United States, 1985.

452. Hofstede G. Culture's Consequences / G. Hofstede. – Beverly Hills : Sage. – 1980.

453. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 2, № 1. – Article 8. – DOI: 10.9707/2307-0919.1014.

454. Hofstede G. Hierarchical Power Distance in Forty Countries / G. Hofstede // In: Lammers C., Hickson D. (Eds.) Organizations Alike and Unlike. – London : Routledge, 1979. – P. 115–138.

455. Hope D., Soskice D. Growth Models, Varieties of Capitalism and Macroeconomics / D. Hope, D. Soskice // Politics & Society. – 2016. – Vol. 44, № 2. – P. 209–226.

456. Horioka, C.Y. The Causes Of Japan's 'Lost Decade': The Role Of Household Consumption / C.Y. Horioka // Japan And The World Economy. – 2006. – Vol. 18. – Iss. 4. – P. 378-400.

457. Houthakker H.S. An International Comparison of Household Expenditure Patterns, Commemorating the Centenary of Engle's Law / H.S. Houthakker // Econometrica. – 1957. – Vol. 25. – P. 532–551.

458. Hua Wu Yin. Class and Communalism in Malaysia: Politics In a Dependent Capitalist State. – London : Zed Books Ltd., 1983. – 162 p.

459. Hung J. H., Qian R. Why Is China's Saving Rate So High / J. H. Hung, R. Qian. – Working Paper Series, Congressional Budget Office. – Washington, D.C., 2010. – 63 p.

460. Hye Q.M.A., Wizarat S., Lau W.-Y. Trade-led Growth Hypothesis: An Empirical Analysis of South Asian Countries / Q.M.A. Hye, S. Wizarat, W.-Y. Lau // Economic Modelling. – 2013. – Vol. 35(C). – P. 654–660. – DOI: 10.1016/j.econmod.2013.07.040.

461. Inglehart R. The Silent Revolution / R. Inglehart. – Princeton University Press, 1977.

462. Islam M.N. Export Expansion and Economic Growth: Testing for Cointegration and Causality / M.N. Islam // Applied Economics. – 1988. – Vol. 30. – C. 415-425.

463. Ito H., Chinn M. East Asia and Global Imbalances: Saving, Investment, and Financial Development / H. Ito, M. Chinn. – NBER Working Paper № 13364. – 2007. – 37 p.

464. Jain N. A Comparative Analysis of Export-Led and Domestic Demand-Led Growth Hypotheses in BRICS Economies / N. Jain // Theoretical & Applied Economics. – 2022. – Vol. 29. – № 2. – Pp. 125–138.

465. Jenkins R.O. Vietnam in the Global Economy: Trade, Employment and Poverty / R.O. Jenkins // Journal of International Development. – 2004. – Vol. 16, № 1. – P. 13–28.

466. Jiao J. Application Analysis and Policy Suggestions of Mobile Payment Promoting Inclusive Finance Development / J. Jiao // China Business and Market (Zhongguo Liutong Jingji). – 2014. – № 7. – P. 7–10.

467. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975 / C. Johnson. – Stanford University Press, 1982. – 412 p.

468. Joshi Vijay, I.M.D. Little. India’s Economic Reforms 1991-2001 / Vijay Joshi, I.M.D. Little. – Delhi : Oxford University Press, 1996.

469. Jung W.S., Marshall P.J. Exports, Growth and Causality in Developing Countries / W.S. Jung, P.J. Marshall // Journal of Development Economics. – 1985. – Vol. 18. – № 1. – Pp. 1–12. – DOI: 10.1016/0304-3878(85)90002-1.

470. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution / N. Kaldor // Review of Economic Studies. – 1955–1956. – Vol. 23. – № 2.

471. Kaldor N. Capital Accumulation and Economic Growth / In: Lutz and Hauge (Eds.), The Theory Of Capital. – International Economic Associations, Macmillan, London, 1963.

472. Kalecki M. Outline of a Theory of the Business Cycle / M. Kalecki // Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy 1933–1970. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – P. 1–14.

473. Kalecki M. Theory of Economic Dynamics: An Essay On Cyclical and Long Run Changes In Capitalist Economy / M. Kalecki. – Routledge Library Editions, 1956.

474. Karabelnikov I., Zlobin E., Krasnov G. How Do Confucian Values Affect Chinese Consumers? [Электронный ресурс] / I. Karabelnikov, E. Zlobin, G. Krasnov // Journal of Society and the State. – 2021. – № 2(9). – Режим доступа: https://sgpjournal.mgimo.ru/2021/2021-9/how-confucian-values-affect-chinese-consumers (дата обращения: 1 октября 2025).

475. Karaev A.K., Gorlova O.S., Ponkratov V.V., Vasyunina M.L. Innovative Strategy for Selecting Industries for Program-Target Stimulation of Regional Economic Diversification / A.K. Karaev, O.S. Gorlova, V.V. Ponkratov, M.L. Vasyunina, et al. // HighTech and Innovation Journal. – 2023. – Vol. 4. – № 3. – Pp. 653–666. – DOI: 10.28991/hij-2023-04-03-013.

476. Karebnikov I., Zlobin E., Krasnov G. How Confucian Values Affect Chinese Consumers [Электронный ресурс] / I. Karebnikov, E. Zlobin, G. Krasnov // Journal of Society and State. – 2021. – Vol. 2, № 9. – Режим доступа: https://sgpjournal.mgimo.ru/2021/2021-9/how-confucian-values-affect-chinese-consumers#:~:text=The%20key%20point%20to%20be,and%20trust%20in%20the%20suppliers (дата обращения: 30.04.2025).

477. Karlan D., Zinman J. Expanding Credit Access: Using Randomized Supply Decisions to Estimate the Impacts / D. Karlan, J. Zinman // Review of Financial Studies. – 2010. – Vol. 23. – № 1. – P. 433–464.

478. Keong C.C., Yusop M., Liew K.S.V. Export-Led Hypothesis in Malaysia: An Investigation Using Bounds Test / C.C. Keong, M. Yusop, K.S.V. Liew // Sunway Academic Journal. – 2005. – Vol. 2. – P. 13–22.

479. Keynes J.M. The General Theory Of Employment, Interest And Money / In The Collected Writings Of John Maynard Keynes, Vol. VII, Edited By D. Moggridge And E.

Johnson. – London : MacMillan For The Royal Economic Society, [1973] (original [1936]).

480. Kharroubi E., Kohlscheen E. Consumption-Led Expansions (дата обращения: сентябрь 2024) / E. Kharroubi, E. Kohlscheen // BIS Quarterly Review. – 2017. – P. 25–37. – Режим доступа: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1703e.htm (дата обращения: сентябрь 2024).

481. Kim H. An Analysis of Patterns of World Economy: Consumption and Economic Growth / H. Kim // Journal of Global Economics. – 2021. – Vol. 9. – Issue 9.

482. Kim H. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia / H. Kim // Journal of Global Economics. – 2017. – Vol. 5. – Issue 3. – P. 2–8.

483. Kindberg-Hanlon G. Transfers, Excess Savings, and Large Fiscal Multipliers / G. Kindberg-Hanlon / International Monetary Fund. – 2024.

484. Koldunova E. Russia's Involvement in Regional Cooperation in East Asia: Opportunities and Limitations of Constructive Engagement / E. Koldunova // Asian Survey. – 2016. – Vol. 56, № 3. – P. 532–554.

485. Kongsamut P., Vamvakidis A. II Economic Growth [Электронный ресурс] / P. Kongsamut, A. Vamvakidis // IMF. – Режим доступа: https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781557758613/ch02.xml (дата обращения: 11.09.2025).

486. Konichi T. Japan: Planning Through National Consensus / T. Konichi // Work in Business United Nations University. – Tokyo, 1987. – Vol. 10, May.

487. Kormendi R.C., Meguire P. Decomposition of Growth in East Asia and Latin America / R.C. Kormendi, P. Meguire // Journal of Development Economics. – 1985. – № 16. – P. 141-163. – DOI: 10.1016/0304-3932(85)90027-3.

488. Krueger A.O. Foreign Trade Regimes and Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences / A.O. Krueger // Journal of Development Economics. – 1978. – Vol. 6. – № 3. – С. 447–455.

489. Lai Y.W. The Role of Domestic Demand in the Economic Growth of Malaysia: A Cointegration Analysis / Y.W. Lai // International Economic Journal. – 2004. – Vol. 18. – P. 337–352.

490. Lajčiak M. South Korean Development Model / M. Lajčiak // Journal of International Analytics. – 2016. – № 3. – С. 74–84. – DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-3-.

491. Lalwani A.K., Shavitt S. You Get What You Pay For? Self-Construal Influences Price-Quality Judgments / A.K. Lalwani, S. Shavitt // Journal of Consumer Research. – 2013. – Vol. 40, № 2. – P. 255–267.

492. Lane P.R., Milesi-Ferretti G.M. Examining Global Imbalances [Электронный ресурс] / P.R. Lane, G.M. Milesi-Ferretti // Finance and Development. – 2006. – Vol. 43, № 1. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2006/03/lane.htm (дата обращения: 1 октября 2025).

493. Lane P.R., Milesi-Ferretti G.M. Global Imbalances and External Adjustment after the Crisis / P.R. Lane, G.M. Milesi-Ferretti // IMF Working Paper. – 2014. – № 14/151. – P. 1-45.

494. Latip M.S.A., Newaz F.T., Latip S.N.N.A., May R.Y.Y., Rahman A.E.A. The Sustainable Purchase Intention in a New Normal of COVID-19: An Empirical Study in Malaysia / M.S.A. Latip, F.T. Newaz, S.N.N.A. Latip, R.Y.Y. May, A.E.A. Rahman // The Journal of Asian Finance, Economics and Business. – 2021. – Vol. 8, № 5. – С. 951-959.

495. Lavoie M., Stockhammer E. Wage-led Growth: Concept, Theories and Policies / M. Lavoie, E. Stockhammer // In: Lavoie M., Stockhammer E. (eds.) Wage-led Growth: An Equitable Strategy for Economic Recovery. – London : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 13–39.

496. Lee J.-W., Hong K. Economic Growth in Asia: Determinants and Prospects [Электронный ресурс] / J.-W. Lee, K. Hong // ADB Economics Working Paper Series № 220. – 2010. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28424/economics-wp220.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

497. Lee Kuan Yew. From the Third World to the First: The Singapore Story 1965–2000 / Lee Kuan Yew. – Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. – 119 p.

498. Leland H.E. Saving and Uncertainty: The Precautionary Demand for Saving / H.E. Leland // The Quarterly Journal of Economics. – 1968. – Vol. 82, № 3. – P. 465–473. – DOI: 10.2307/1879518.

499. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour / W.A. Lewis // Manchester School of Economic and Social Studies. – 1954. – Vol. 22, № 2. – P. 139–191.

500. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth / W.A. Lewis. – Great Britain : George Allen & Unwin Ltd, 1956.

501. Li J. Reflections on Internet Finance / J. Li // Management World (Guanli Shijie). – 2015. – № 7. – P. 1–7.

502. Li J., Wu Y., Xiao J.J. The impact of digital finance on household consumption: Evidence from China / J. Li, Y. Wu, J. J. Xiao // Economic Modelling. – 2020. – Vol. 86. – Pp. 317-326. – DOI: 10.1016/j.econmod.2019.09.027.

503. Lieb L., Schuffels J. Inflation expectations and consumer spending: the role of household balance sheets / L. Lieb, J. Schuffels // Empirical Economics. – 2022. – № 63. – P. 2479–2512. – DOI: 10.1007/s00181-022-02222-8.

504. Lin L., Xi D., Lueptow R. M. Public Face and Private Thrift in Chinese Consumer Behavior / L. Lin, D. Xi, R. M. Lueptow // International Journal of Consumer Studies. – 2013. – Vol. 37, № 5. – C. 538–545. – DOI: 10.1111/ijcs.12023.

505. Lin, Y., Cai, F., Li, Z. On the Progressive Path of China's Economic Reform / Y. Lin, F. Cai, Z. Li // Economic Research. – 1993. – № 9. – P. 3–11.

506. Lombardi M.J., Mohanty M., Shim I. The Real Effects of Household Debt in the Short and Long Run / M.J. Lombardi, M. Mohanty, I. Shim. – BIS Working Papers 607, Bank for International Settlements, 2017.

507. López R. Economic Growth and the Role of Trade: Decomposition of Growth in the 1980s and 1990s / R. López // World Bank Economic Review. – 2004.

508. Loughran T., Schultz P. Liquidity: urban versus rural firms / T. Loughran, P. Schultz // Journal of Financial Economy. – 2005. – № 78. – PP. 341-374.

509. Lukin A. Russia’s Pivot to Asia: Myth or Reality? / A. Lukin // Strategic Analysis. – 2016. – Vol. 40, № 6. – P. 573–589. – DOI: 10.1080/09700161.2016.1224065.

510. Lunev S. Russia and India: Challenges in the Bilateral Relations over Past Decades / S. Lunev / В сб. The “Asian Turn” in Russian Foreign Policy. – Singapore, 2024. – С. 335-382.

511. Ma D., Han X., Zhao X. Promotion Effect of Internet Consumer Finance on Urban Consumption Behavior in China / D. Ma, X. Han, X. Zhao // Modern Finance and Economics (Xiandai Caijing). – 2017. – № 9. – P. 19–27.

512. Malghan D., Swaminathan H. Global Trends in Intra-Household Gender Inequality / D. Malghan, H. Swaminathan // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2021. – № 189. – P. 515–546.

513. Malhotra N., Kumari D. Revisiting export-led growth hypothesis: An empirical study on South Asia / N. Malhotra, D. Kumari // Applied Econometrics and International Development. – 2016. – Vol. 16, № 2. – P. 157-168.

514. Malthus T. Principles of Political Economy / T. Malthus. – London : John Murray, 1820.

515. Mankiw N.G. Principles of Economics / N.G. Mankiw. – 3rd ed. – Thomson Learning, 2003.

516. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth / N.G. Mankiw, D. Romer, D.N. Weil // Quarterly Journal of Economics. – 1992. – Vol. 107. – № 2. – P. 407–437.

517. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy, Vol. II / K. Marx. – Moscow : Progress Publishers, 1978 (original 1894).

518. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. II / Ed. by F. Engels. – English First Edition Published In 1956; Reprint, Moscow : Progress Publishers, [1978] (original [1894]).

519. Mathras D., Cohen A.B., Mandel N., Mick D.G. The Effects of Religion on Consumer Behavior: A Conceptual Framework and Research Agenda / D. Mathras, A.B. Cohen, N. Mandel, D.G. Mick // Journal of Consumer Psychology. – 2015. – P. 1–14.

520. McAleer M., Mao N. Theravada Buddhism and Thai Luxury Fashion Consumption / M. McAleer, N. Mao // Journal of Reviews on Global Economics. – 2017. – Vol. 6. – P. 58–67. – DOI: 10.6000/1929-7092.2017.06.05.

521. McGaughey R.E., Mason K.H. The Internet as a Marketing Tool / R.E. McGaughey, K.H. Mason // Journal of Marketing Theory and Practice. – 1998. – T. 6. – № 3. – C. 1–11.

522. Medina Smith E.J. Is The Export Led Growth Hypothesis Valid For Developing Countries? A Case Study Of Costa Rica / E.J. Medina Smith // Policy Issues In International Trade And Commodities. – 2001. – № 7. – P. 1–51.

523. Mendoza E.G., Quadrini V., Rios-Rull J.V. Financial Integration, Financial Development, and Global Imbalances / E.G. Mendoza, V. Quadrini, J.V. Rios-Rull // Journal of Political Economy. – 2009. – Vol. 117, № 3. – P. 371–416.

524. Meredith G. Debt Dynamics and Global Imbalances: Some Conventional Views Reconsidered / G. Meredith. – IMF Working Paper WP/07/4, 2007. – 54 p.

525. Mertens D., Nölke A., May C., Schedelik M., Brink T. ten, Gomes A. Moving the Center: Adapting the Toolbox of Growth Model Research to Emerging Capitalist Economies / D. Mertens, et al. – Berlin : Berlin School of Economics and Law, Institute for International Political Economy (IPE), 2022.

526. Michaely M. Exports and Growth: An Empirical Investigation / M. Michaely // Journal of Development Economics. – 1977. – Vol. 4. – № 1. – pp. 49–53. – DOI: 10.1016/0304-3878(77)90006-2.

527. Michalopoulos C., Jay K. Growth of Exports and Income in the Developing World: A Neoclassical View [Электронный ресурс] / C. Michalopoulos, K. Jay. – United States Agency for International Development, 1973. – Режим доступа: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015007218301&seq=3 (дата обращения: March 2024).

528. Minsky H.P. John Maynard Keynes / H.P. Minsky. – Columbia University Press, 1975.

529. Modigliani F. The Life Cycle Hypothesis of Saving, the Demand for Wealth and the Supply of Capital / F. Modigliani // Social Research. – 1966. – Vol. 33, № 2. – P. 160–217.

530. Modigliani F., Ando A. Tests of the Life Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions / F. Modigliani, A. Ando // Oxford Bulletin of Economics & Statistics. – 1957. – Vol. 19. – № 2. – P. 99–124. – DOI: 10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x.

531. Modigliani F., Brumberg R.H. Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross-Section Data / F. Modigliani, R.H. Brumberg // In: Kurihara, K.K., Ed., Post-Keynesian Economics. – Rutgers University Press, New Brunswick. – 1954. – P. 388-436.

532. Mokhlis S., Sparks L. Consumer Religiosity and Shopping Behaviour in Malaysia / S. Mokhlis, L. Sparks // Malaysian Management Journal. – 2007. – Vol. 11, № 1&2. – P. 87–101.

533. Morrison A., Morrison A.R. Gender Equality, Poverty and Economic Growth / A. Morrison, A.R. Morrison // World Bank Policy Research Working Paper. – 2007. – № 4349.

534. Nasreen S. Export-growth linkages in selected Asian developing countries: Evidence from panel data analysis / S. Nasreen // Asian Journal of Empirical Research. – 2011. – Vol. 1. – № 1. – P. 1–13.

535. Nguyen M., Ton N.B. Vietnam's Economic Transformation after 1986: From Central Planning to Market-oriented Economy // IRJEMS International Research Journal of Economics and Management Studies. – 2024. – Vol. 3, Issue 8. – P. 118–129. – DOI: 10.56472/25835238/IRJEMS-V3I8P115.

536. Nguyen Thi Minh Ngoc, Kopytova A. Changing Vietnamese Consumer Culture Today: Issues for the Sustainable Development of Vietnamese Enterprises / N.T.M. Ngoc, A. Kopytova // E3S Web of Conferences. – 2020. – Vol. 164. – Article 11002. – DOI: 10.1051/e3sconf/202016411002.

537. Nölke A., May C., Mertens D., Schedelik M. Elephant Limps, but Jaguar Stumbles: Unpacking the Divergence of State Capitalism in Brazil and India Through Theories of Capitalist Diversity / A. Nölke, C. May, D. Mertens, M. Schedelik // Competition and Change. – 2022. – Vol. 26. – P. 311–333. – DOI: 10.1177/10245294211015597.

538. Nordhaus W.D. Baumol’s Diseases: A Macroeconomic Perspective [Электронный ресурс] / W.D. Nordhaus. – NBER Working Paper № 12218, National Bureau of Economic Research, 2006. – Режим доступа: http://www.nber.org/papers/w12218 (дата обращения: 02.04.2025).

539. Obstfeld M., Rogoff K. Global Current Account Imbalances and Exchange Rate Adjustments / M. Obstfeld, K. Rogoff // Brookings Papers on Economic Activity. – 2005. – № 1. – P. 67-123. – DOI: 10.1353/eca.2005.0010.

540. Palley T. I. The Contradictions of Export-Led Growth (No 119) [Электронный ресурс] / T. I. Palley. – Public Policy Brief, 2011. – Режим доступа:

https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54288/1/675943582.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

541. Palley T.I. Endogenous Money: What It Is and Why It Matters / T.I. Palley // Metroeconomica. – 2002. – Vol. 53. – № 2. – P. 152–180.

542. Palley T.I. The Rise and Fall of Export Led Growth / T.I. Palley // Investigación Económica. – 2013. – Vol. 71. № 280. – P. 141–161. – DOI: 10.22201/fe.01851667p.2012.280.37339.

543. Park J.H. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries / J.H. Park // Journal of Developing Societies. – 2002. – Vol. 18. – № 4. – P. 330–353. – DOI: 10.1177/0169796X0201800403.

544. Partadireja G. Consumption and Its Relation to Income and Savings / G. Partadireja. – Jakarta: Indonesian Economic Institute, 1990.

545. Pasinetti L. Rate of Profit and Income Distribution In Relation To the Rate of Economic Growth / L. Pasinetti // Review Of Economic Studies. – 1962, October. – Vol. 29. – № 4.

546. Patnaik P. The Accumulation Process in the Period of Globalisation / P. Patnaik // Economic & Political Weekly. – 2008. – T. XLIII. – № 26–27. – С. 108–113.

547. Patnaik P. The Diffusion of Activities / P. Patnaik // Economic & Political Weekly. – 2010. – T. XLV. – № 10. – С. 40–45.

548. Piazolo M. Determinants of Indonesian Economic Growth, 1965-1992 / M. Piazolo // Seoul Journal of Economics. – 1996. – Vol. 9, № 4. – P. 269-298.

549. Picot G. Cross-National Variation in Growth Models: Three Sources of Extra Demand / G. Picot // In: Hassel A., Palier B. (eds.) Growth and Welfare in Advanced Capitalist Economies: How Have Growth Regimes Evolved? – Oxford : Oxford University Press, 2021. – P. 135–160.

550. Piore M.J. Varieties of Capitalism Theory: Its Considerable Limits / M.J. Piore // Politics & Society. – 2016. – Vol. 44, № 2. – P. 237–241.

551. Porto G. Using Survey Data to Assess the Distributional Effects of Trade Policy / G. Porto // Journal of International Economics. – 2006. – Vol. 70, № 1. – P. 140–160.

552. Poterba J. Are Consumers Forward Looking? Evidence from Fiscal Experiments / J. Poterba // American Economic Review. – 1988, May.

553. Putra G.P., Gumay P.S. The Implementation of 10th Economic Policy Package Related Small Medium Enterprises Establishment in Indonesia Implementasi Paket Kebijakan Jilid Kesepuluh Terkait Pendirian Perusahaan Kecil Menengah di Indonesia / G.P. Putra, P.S. Gumay // Jurnal Ekonomi dan Pembangunan. – 2019. – T. 27, № 2. – C. 47–59.

554. Rahman M., Mustafa M. Dynamics of Real Exports and Real Economic Growth in 13 Selected Asian Countries / M. Rahman, M. Mustafa // Journal of Economic Development. – Vol. 22. – № 2. – P. 81–95.

555. Rajagopal. Consumer Culture and Purchase Intentions toward Fashion Apparel in Mexico / Rajagopal // Journal of Database Marketing and Customer Strategy Management. – 2011. – Vol. 18, № 4. – P. 286–307. – DOI: 10.1057/dbm.2011.33.

556. Ramsey F.P. A Mathematical Theory of Saving / F.P. Ramsey // Economic Journal. – 1928. – Vol. 38. – № 152. – P. 543–559.

557. Rato R. Correcting Global Imbalances–Avoiding the Blame Game [Электронный ресурс] / Rato R. // Remarks Before Foreign Policy Association, New York, February, 2005. – 23 p. – Режим доступа: https://www.fpa.org (дата обращения: 15.03.2025).

558. Ray A.S. India’s Economic Reforms: Opportunities, Challenges and Political Economy Perspectives / A.S. Ray // In: White L. (ed.). Is There an Economic Orthodoxy? Growth and Reform in Africa, Asia and Latin America. – Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2006.

559. Razmi A., Hernandez G. Can Asia Sustain an Export Led Growth Strategy in the Aftermath of the Global Crisis? An Empirical Exploration / A. Razmi, G. Hernandez. – ADBI Working Paper № 329. – Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2011.

560. Rhee D.E., Kim H. Does Income Inequality Increase Marginal Propensity to Consume? / D.E. Rhee, H. Kim // Applied Economics Letters. – 2017. – Vol. 25, № 17. – P. 1218–1221. – DOI: 10.1080/13504851.2017.1412067.

561. Riedel J., Jin J., Gao J. How China Grows: Investment, Finance, and Reform / J. Riedel, J. Jin, J. Gao. – Princeton : Princeton University Press, 2007.

562. Rinna A.V. Moscow’s “Turn to the East” and Challenges to Russia-South Korea Economic Collaboration Under the New Northern Policy / A.V. Rinna // Journal of Eurasian Studies. – 2019. – Vol. 10, № 2. – P. 159–168. – DOI: 10.1177/1879366519851984.

563. Robertson R., Taylor L. Globalization, Technological Change, and the Future of Economic Growth / R. Robertson, L. Taylor. – Cambridge University Press, 2018.

564. Rodrik D. Decomposing Economic Growth: A Comparison of Developed and Developing Economies / D. Rodrik // Journal of Economic Growth. – 2004.

565. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy / D. Rodrik. – W. W. Norton & Company, 2013.

566. Romer P.M. Endogenous Technological Change [Электронный ресурс] / P.M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98. – № 5. – P. S71–S102. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/2937684 (дата обращения: сентябрь 2024).

567. Rosenthal S.S., Strange W.C. Evidence on the Nature and Sources of Agglomeration Economies / S.S. Rosenthal, W.C. Strange // Handbook of Regional and Urban Economics. – Vol. 4. – Elsevier, 2004.

568. Rostow W. Politics and the Stages of Growth / W. Rostow. – Cambridge, Mass : University Press, 1971.

569. Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto / W. Rostow. – Cambridge : Cambridge University Press, 1960.

570. Roubini N., Setser B. The US as a Net Debtor: The Sustainability of the US External Imbalances / N. Roubini, B. Setser. – New York University, 2004.

571. Sachs J., Radelet S., Lee J.-W. Determinants and Prospects of Economic Growth in Asia / J. Sachs, S. Radelet, J.-W. Lee // International Economic Journal. – 2001. – Vol. 15. – № 3. – P. 1–29.

572. Sachs J., Warner A. The Contribution of Consumption, Investment, and Net Exports to Economic Growth in Emerging Markets / J. Sachs, A. Warner. – Harvard Institute for International Development, 1995.

573. Sağlam Y., Egeli H.A. A Comparison of Domestic Demand and Export-Led Growth Strategies for European Transition Economies: Dynamic Panel Data Analysis / Y. Sağlam, H.A. Egeli // Foreign Trade Review. – 2018. – Vol. 53. – № 3. – P. 156–173. – DOI: 10.1177/0015732517734755.

574. Sağlam Y., Egeli H.A. Empirical analysis of export-led growth and domestic demand-led growth hypotheses in East Asia [Электронный ресурс] / Y. Sağlam, H.A. Egeli // UİİİD IJEAS. – 2017. – Vol. 19. – P. 211–226. – DOI: 10.18092/ulikidince.309279. – Режим доступа:

https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/312701 (дата обращения: 3 октября 2025).

575. Saito I. Fading Ricardian Equivalence in Ageing Japan [Электронный ресурс] / I. Saito // IMF Working Paper. – 2016. – № 194. – 18 с. – DOI: 10.5089/9781475541649.001. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Fading-Ricardian-Equivalence-in-Ageing-Japan-44302 (дата обращения: 1 октября 2025).

576. Salvatore D. A Simultaneous Equations Model of Trade and Development with Dynamic Policy Simulations / D. Salvatore // Kyklos. – 1983. – Vol. 36. – № 1. – P. 66–90. – DOI: 10.1111/j.1467-6435.1983.tb02661.x.

577. Say J.B. Traktat o Ekonomii Politycznej / J.B. Say. – Warszawa : PWN, 1960. – Original version: A Treatise on Political Economy, Philadelphia, 1880.

578. Schouten J.W., McAlexander J.H. Subcultures of Consumption: An Ethnography of the New Bikers / J.W. Schouten, J.H. McAlexander // Journal of Consumer Research. – 1995. – Vol. 22. – P. 43–61.

579. Setterfield M., Kim Y. Varieties of Capitalism, Increasing Income Inequality And The Sustainability of Long Run Growth / M. Setterfield, Y.K. Kim // Cambridge Journal of Economics. – 2020. – Vol. 44. – № 3. – P. 559–582. – DOI: 10.1093/cje/bez067.

580. Shaw D.S., Clarke I. Culture, Consumption and Choice: Towards a Conceptual Relationship / D.S. Shaw, I. Clarke // Journal of Consumer Studies and Home Economics. – 1998. – Vol. 22, № 3. – P. 163–168.

581. Silverstein M., Sayre K. Women Want More: How to Capture Your Share of the World's Largest, Fastest-Growing Market / M. Silverstein, K. Sayre. – The Boston Consulting Group. – 2009. – 336 p.

582. Sismondi J.C.L. New Principles of Political Economy: Of Wealth in Its Relation to Population / J.C.L. Sismondi; trans. by R. Hyse. – New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1991 (original 1826).

583. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. – London, 1776; reprint: Warszawa : PWN, 1954.

584. Smith M. A Monetary Explanation of Distribution in a ‘Gold Money Economy’ / M. Smith // Contributions to Political Economy. – 1996. – Vol. 15. – № 1. – P. 33–61.

585. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70. – № 1. – P. 65–94. – DOI: 10.2307/1884513.

586. Spilimbergo A., Symansky S., Blanchard O., Cottarelli C. Fiscal Policy for the Crisis / A. Spilimbergo, S. Symansky, O. Blanchard, C. Cottarelli // IMF Staff Position Note, SPN/08/01. – 2008. – P. 1–37.

587. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents / J. Stiglitz. – New York : Norton, 2002. – 304 p.

588. Stockhammer E. Post-Keynesian Foundations for Comparative Political Economy / E. Stockhammer // Politics & Society. – 2021. – Advance Access. – DOI: 10.1177/00323292211006562.

589. Stockhammer E. Rising Inequality as a Root Cause of the Present Crisis / E. Stockhammer // Cambridge Journal of Economics. – 2015. – Vol. 39, № 3. – P. 935–958.

590. Stockhammer E., Ali S.M. Varieties of Capitalism And Post Keynesian Economics On Euro Crisis / E. Stockhammer, S.M. Ali // Wirtschaft Und Gesellschaft. – 2018. – Vol. 44. – № 3. – P. 349–370.

591. Stockhammer E., Wildauer R. Debt-Driven Growth? Wealth, Distribution and Demand in OECD Countries / E. Stockhammer, R. Wildauer // Cambridge Journal of Economics. – 2016. – Vol. 40. – P. 1609–1634.

592. Stockhammer E. Demand Regimes, Financialisation and Hysteresis. New Keynesian and post-Keynesian Macroeconomic Underpinnings of the Varieties of Capitalism [Электронный ресурс] / Post-Keynesian Working Paper. – Режим доступа: https://www.postkeynesian.net/downloads/working-papers/PKWP1809_ZaB83In.pdf (дата обращения: сентябрь 2024).

593. Storm S., Naastepad C.W. Macroeconomics Beyond the NAIRU / S. Storm, C.W. Naastepad. – Cambridge : Harvard University Press, 2012. – 342 p.

594. Streeck W. Varieties of Varieties: ‘VoC’ and the Growth Models / W. Streeck // Politics & Society. – 2016. – Vol. 44, № 2. – P. 243–247.

595. Sukirno S. Macroeconomic Theory and Policy / S. Sukir№ – Yogyakarta : BPFE, 2001.

596. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation / T.W. Swan // Economic Record. – 1956. – Vol. 32. – P. 334–361. – DOI: 10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x.

597. Tang C.F., Lai Y.W., Ozturk I. How Stable Is the Export-Led Growth Hypothesis? Evidence from Asia's Four Little Dragons / C.F. Tang, Y.W. Lai, I. Ozturk // Economic Modelling. – 2015. – Vol. 44. – P. 229–235. – DOI: 10.1016/j.econmod.2014.09.022.

598. Taylor J. B. The Monetary Transmission Mechanism: An Empirical Framework / J. B. Taylor // Journal of Economic Perspectives. – 1995. – Vol. 9. – P. 11–26.

599. Thompson C.J., Tambyah S.K. Rethinking Theories of "Consumer Culture" through Postmodern Analyses of Consumption and the Production of Hybrid Cultural Forms / C.J. Thompson, S.K. Tambyah // In: Alba J.W., Hutchinson J.W. (Eds.) Advances in Consumer Research. – Vol. 25. – Provo, UT : Association for Consumer Research, 1998. – P. 58–59.

600. Toh N. The Ongoing Evolution of Singapore's Household Consumption (Part 1) [Электронный ресурс] / N. Toh // JC Econs 101. – June 3, 2025. – Режим доступа: https://jcecons101.sg/2025/06/03/the-ongoing-evolution-of-singapores-household-consumption-part-1/ (дата обращения: 1 октября 2025).

601. Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. Understanding Contemporary Korea from a Russian Perspective. Political and Economic Development since 2008 / A.V. Torkunov, G.D. Toloraya, I.V. Dyachkov. – Cham, 2022.

602. Tsen W.H. Exports, Domestic Demand and Economic Growth: Some Empirical Evidence of the Middle East Countries / W.H. Tsen // Economic Cooperation. – 2007. – Vol. 28. – № 2. – P. 57–82.

603. Tutor M.V. The Impact of Philippines' Conditional Cash Transfer Program on Consumption / M.V. Tutor // UPSE Discussion Paper. – 2014. – № 2014–05.

604. Van Elkan, R. Singapore's Development Strategy [Электронный ресурс] / R. Van Elkan // International Monetary Fund. – Режим доступа: https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781557754639/ch003.xml (дата обращения: 11.09.2025).

605. Vasiljeva M.V. The Role of Innovative Clusters In The Process Of Internationalization of Firms / M.V. Vasiljeva // Contemporary Economic Issues. – 2013. – № 3. – P. 1–17. – DOI: 10.24194/31309.

606. Vihriälä E. Household Consumption in Japan – Role of Income and Asset Developments / E. Vihriälä // IMF Working Paper. – 2017. – WP/17/23. – 33 c. – DOI: 10.5089/9781475573084.001.

607. Virén M. Consumption-Led Expansions Lead to Lower Future Output Growth [Электронный ресурс] / M. Virén // Statistical Review. – 2022. – Vol. 69. – № 3. – P. 44–59. – Режим доступа: https://ps.stat.gov.pl/PS/2022/3/gus_ps_2022_03_matti_viren_consumption-led_expansions_lead_to_lower_future.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

608. Voskressenskiy A.D. China’s Relations With Russia / A.D. Voskressenskiy // In: Shambaugh D. (ed.) China and the World. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 11–(уточни страницу конца, если есть). – DOI: 10.1093/oso/9780190062316.003.0011.

609. Warr P. Thailand's Development Strategy and Growth Performance [Электронный ресурс] / P. Warr // WIDER Working Paper. – 2011. – № 2011/02. – Helsinki: The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER). – ISBN 978-92-9230-365-5. – Режим доступа: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/54098/1/644905816.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

610. Wei L.S., Chin T.A., Masod A., Mohamad N.S. The Role of Pricing and Product Knowledge on Malaysian Consumers’ Green Purchase Intention / L.S. Wei, T.A. Chin, A. Masod, N.S. Mohamad // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2022. – Vol. 12, № 7. – C. 1698-1732.

611. Wei S.J., Zhang X. The Competitive Saving Motive: Evidence From Rising Sex Ratios And Savings Rates In China / S.J. Wei, X. Zhang // National Bureau of Economic Research. – 2009. – Working Paper. – DOI: 10.3386/w15093.

612. Wei M., Zhang Y., Hu X. Effect of Urbanization Quality on China’s Household Consumption from the Perspective of Income / M. Wei, Y. Zhang, X. Hu // Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition). – 2023. – Vol. 25. – № 4. – P. 173-181. – DOI: 10.15918/j.jbitss1009-3370.2023.1536.

613. Weiss J. Export Growth and Industrial Policy: Lessons from the East Asian Miracle Experience / J. Weiss. – Discussion Paper 26. – Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2005. – February. – 28 p.

614. Whelan K. Global Imbalances and the Financial Crisis [Электронный ресурс] / K. Whelan. – European Parliament, 2010. – Режим доступа:

https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/180527/20100309ATT70296EN.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

615. Wu J. China’s economic reform process. – Beijing : China Encyclopedia Publishing House, 2018. – P. 63–64.

616. Wu J. Understanding and Interpreting Chinese Economic Reform. – Mason : Thomson, 2005.

617. Xiao D. The Battle of Pathfinding – China’s Economic Reform from 1978 to 1992. – Beijing : Social Science Literature Press, 2019.

618. Xin Yi Tan, Shi-Hui Cheng. Understanding Malaysian Consumers Perception and Acceptability of Plant-Based Alternatives to Chicken: Do Texture, Taste, and Environmental Impact Matter? / X.Y. Tan, S.-H. Cheng // Food and Humanity. – 2024. – № 2. – DOI: 10.1016/j.foohum.2024.100304.

619. Xu Z. On The Causality between Export Growth and GDP Growth: An Empirical Reinvestigation / Z. Xu // Review Of International Economics. – 1996. – Vol. 4. – № 2. – P. 172–184. – DOI: 10.1111/j.1467-9396.1996.tb00094.x.

620. Yang D.T., Zhang J., et al. Why Are Saving Rates So High in China? / D.T. Yang, J. Zhang, et al. – NBER Working Paper № 16771, National Bureau of Economic Research, 2011.

621. Yang H., Stamatogiannakis A., Chattopadhyay A. Pursuing Attainment versus Maintenance Goals: The Interplay of Self-Construal and Goal Type on Consumer Motivation / H. Yang, A. Stamatogiannakis, A. Chattopadhyay // Journal of Consumer Research. – 2015. – Vol. 42, № 1. – P. 93–108.

622. Yang X., Sicular T., Gustafsson B. China’s Prosperous Middle Class and Consumption-Led Economic Growth: Lessons from Household Survey Data / X. Yang, T. Sicular, B. Gustafsson // The China Quarterly. – 2024. – № 258. – С. 479–494. – DOI: 10.1017/S030574102300126.

623. Yeah K.L. Domestic Demand-Driven Growth: Analytical Perspectives and Statistics Needed / K.L. Yeah // Advances in Economics and Business. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 109–128. – DOI: 10.13189/aeb.2017.050301.

624. Yin H.W. Class and Communalism in Malaysia: Politics in a Dependent Capitalist State / H.W. Yin. – London : Zed Books Ltd., 1983. – С. 162.

625. Zayadi R.A. Current Outlook of Livestock Industry in Malaysia and Ways Towards Sustainability / R.A. Zayadi // Journal of Sustainable Natural Resources. – 2021. – Vol. 2, № 2. – C. 1–11. – DOI: 10.30880/jsunr.2021.12.02.001.

626. Zeng M., Reinartz W. Beyond Online Search: The Road to Profitability / M. Zeng, W. Reinartz // California Management Review. – 2003. – Vol. 45, № 2. – P. 107–130.

627. Zhang L., Tu B. Differential Impact of Internet Finance on Urban and Rural Consumption in China – From the Functional Perspective of Consumer Finance / L. Zhang, B. Tu // Finance and Trade Research (Caimao Yanjiu). – 2017. – № 8. – C. 70–83.

628. Zhang S.S., van Doorn J., Leeflang P.S.H. Does the Importance of Value, Brand and Relationship Equity for Customer Loyalty Differ between Eastern and Western Cultures? / S.S. Zhang, J. van Doorn, P.S.H. Leeflang // International Business Review. – 2014. – Vol. 23, № 1. – C. 284–292.

629. Zhong Q., Liang S., Cui L., Chan H.K., Qiu Y. Using Online Reviews to Explore Consumer Purchasing Behaviour in Different Cultural Settings / Q. Zhong, S. Liang, L. Cui, H.K. Chan, Y. Qiu // Kybernetes. – 2019. – Vol. 48, № 6. – P. 1242–1263. – DOI: 10.1108/K-03-2018-0117.

630. Zhou G., Liang Q. Internet Use, Market Friction and Family Risk Financial Asset Investment / G. Zhou, Q. Liang // Journal of Financial Research (Jinrong Yanjiu). – 2018. – № 1. – C. 84–101.

Прочие электронные ресурсы

631. Accenture. Chinese Consumer Insights [Электронный ресурс] / Accenture. – 2022. – Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-174/Accenture-Chinese-Consumer-Insights-2022.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

632. AmBisyon Natin 2040. A Long-term Vision for the Philippines [Электронный ресурс] / AmBisyon Natin 2040. – Режим доступа: https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cobp-phi-2021-2023-ld-03.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

633. Badan Pusat Statistik. Consumption Expenditure of Population of Indonesia, March 2024 [Электронный ресурс] / Badan Pusat Statistik. – 2024. – Режим доступа: https://www.bps.go.id/en/publication/2024/10/18/b392b2e96c87c090a6f8d9c2/consum

ption-expenditure-of-population-of-indonesia-march-2024.html (дата обращения: 1 октября 2025).

634. Bangkok Post. Thai consumer spending shifts: experiences and investments soar [Электронный ресурс] / Bangkok Post. – 2024. – Режим доступа: https://www.bangkokpost.com/thailand/pr/2893096/thai-consumer-spending-shifts-experiences-and-investments-soar (дата обращения: 1 октября 2025).

635. BBVA Research. Overview China Digital Banking Report 2017 [Электронный ресурс] / BBVA Research. – 2017. – Режим доступа: https://www.bbvaresearch.com/wp-content/uploads/2017/03/2017-China-Consumption-Trends-1.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

636. Businesses Adopting AI Risk a ‘Trust Gap’ with Customers – Salesforce Report [Электронный ресурс] / News & Insights. – 29 августа 2023. – Режим доступа: https://www.salesforce.com/news/stories/customer-engagement-research-2023/ (дата обращения: 1 октября 2025).

637. Campos G. China’s Biggest, Sustainable 2022 Consumer Trends [Электронный ресурс] / G. Campos // China Briefing. – 2022. – Режим доступа: https://www.china-briefing.com/news/biggest-consumer-trends-china-in-2022-and-the-foreseeable-future/ (дата обращения: 4 октября 2025).

638. Cimigo. Indonesia Consumer Trends 2024 [Электронный ресурс] / Cimigo. – 2024. – Режим доступа: https://www.cimigo.com/en/trends/indonesia-consumer-trends-2024/ (дата обращения: 1 октября 2025).

639. Daxue Consulting. Korea Consumer Trends Report September 2022 [Электронный ресурс] / Daxue Consulting. – 2022. – 106 с. – Режим доступа: https://daxueconsulting.com/wp-content/uploads/2022/09/South-Korea-Consumer-Trends-Report-by-daxue-consulting.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

640. DBS. 5 Emerging Opportunities for Indonesia’s Consumer Market [Электронный ресурс] / DBS. – Режим доступа: https://www.dbs.com.cn/corporate/research-and-insights/business-insights/5-emerging-opportunities-for-indonesia-s-consumer-market (дата обращения: 1 октября 2025).

641. Delteil B., Francois M., Mai D., Seong J. The New Faces of the Vietnamese Consumer [Электронный ресурс] / B. Delteil, M. Francois, D. Mai, J. Seong. – McKinsey, 2021. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-

insights/future-of-asia/the-new-faces-of-the-vietnamese-consumer (дата обращения: 1 октября 2025).

642. Dentsu. 2025 Consumer and Media Trends Report: Filipino Consumers Are More Empowered and Values-Driven Than Ever Before [Электронный ресурс] / Dentsu. – Режим доступа: https://www.dentsu.com/sg/en/our-news/dentsu-philippines-2025-consumer-and-media-trends-report-filipino-consumers-are-more-empowered-and-values-driven-than-ever-before (дата обращения: 1 октября 2025).

643. Devadas, S., Guzman, J., Young Eun Kim, N. Loayza, S. Pennings. Malaysia's Economic Growth and Transition to High Income: An Application of the World Bank Long Term Growth Model (LTGM) [Электронный ресурс] / S. Devadas, J. Guzman, Y. E. Kim, N. Loayza, S. Pennings / World Bank. – 2020. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/ar/844761592242576533/pdf/Malaysias-Economic-Growth-and-Transition-to-High-Income-An-Application-of-the-World-Bank-Long-Term-Growth-Model-LTGM.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

644. Durden T. China's Real Unemployment Rate Is Three Times Higher Than The Official Number [Электронный ресурс] / T. Durden. – 2016. – Режим доступа: http://www.zerohedge.com/news/2016-06-06/china-real-unemployment-rate-three-times-higher-offical-number (дата обращения: 10.05.2017).

645. EIU. The Chinese Consumer in 2030 [Электронный ресурс] / Economist Intelligence Unit. – 2022. – Режим доступа: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Chineseconsumer2030 (дата обращения: 4 октября 2025).

646. Euromonitor International. The Impact of Women as the Driving Force of Shopping [Электронный ресурс] / Euromonitor International. – 2019. – Режим доступа: https://www.euromonitor.com/article/the-impact-of-women-as-the-driving-force-of-shopping (дата обращения: 1 октября 2025).

647. External Sector Report 2018: Tackling Global Imbalances amid Rising Trade Tensions [Электронный ресурс] // IMF. – 2018. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/ESR/Issues/2018/07/19/2018-external-sector-report (дата обращения: 12.04.2025).

648. F2F Project, Sicilia E. Connecting with South Korea Market and Consumer Trends [Электронный ресурс] / E. Sicilia, et al. – 2024. – Режим доступа: https://f2f-

project.eu/wp-content/uploads/2024/07/ppt_Connecting-with-South-Korea_Opera-GB.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

649. Fengler W., Kharas H. A Long-Term View of COVID-19's Impact on the Rise of the Global Consumer Class [Электронный ресурс] / W. Fengler, H. Kharas. – 2021. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/blog/future-development/2021/05/20/a-long-term-view-of-covid-19s-impact-on-the-rise-of-the-global-consumer-class/#:~:text=The%20global%20consumer%20class%20is,before%20COVID%2D19%20hit%20everyone (дата обращения: 1 октября 2025).

650. Firm Foundations of Growth [Электронный ресурс] // World Bank East Asia and the Pacific Economic Update. – April 2024. – Режим доступа: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/9bf0f0aa-bd08-4c91-b665-caee561fb5d3/content (дата обращения: 11.09.2025).

651. Ghosh I., Bhowmick S. Boosting Consumption to Lift Growth in India [Электронный ресурс] / I. Ghosh, S. Bhowmick // Observer Research Foundation. – 2022. – Режим доступа: https://www.orfonline.org/research/boosting-consumption-to-lift-growth-in-india (дата обращения: 1 октября 2025).

652. Goldman Sachs. The Asian Consumer: India Consumer Close-Up – Tapping the Spending Power of a Young, Connected Urban Mass [Электронный ресурс] / Goldman Sachs. – 2016. – Режим доступа: https://www.goldmansachs.com/pdfs/insights/pages/macroeconomic-insights-folder/rise-of-the-india-consumer/report.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

653. Indonesia. What's happening in the economy [Электронный ресурс] / Australian Government // Insights connecting Australian business to the world. – 2025. – Режим доступа: https://www.dfat.gov.au/geo/indonesia/indonesia-country-brief (дата обращения: 11.09.2025).

654. Intellify Global. Thailand Consumer Trends 2025 [Электронный ресурс] / Intellify. – 2025. – Режим доступа: https://www.intellifyglobal.com/thailand-consumer-trends-2025/ (дата обращения: 1 октября 2025).

655. Ipekdanju A., Maasoglu Y., Maasoglu N. The East Asian Model of Economic Development and Developing Countries [Электронный ресурс] / A. Ipekdanju, Y. Maasoglu, N. Maasoglu // 2nd World Conference On Business, Economics And Management – WCBEM 2013, 2014. – Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/273851728_The_East_Asian_Model_of_Economic_Development_and_Developing_Countries (дата обращения: 1 октября 2025).

656. Kadence. The Evolution of the Vietnamese Consumer in 2024 [Электронный resource] / Kadence. – 2024. – Режим доступа: https://www.kadence.com/the-evolution-of-the-vietnamese-consumer-in-2024/ (дата обращения: 1 октября 2025).

657. Keely L., Anderson B. Sold in China: Transitioning to a Consumer-led Economy [Электронный ресурс] / L. Keely, B. Anderson. – Demand Institute Paper, 2015. – С. 1–29. – Режим доступа: http://deman-dinstitute.org/demandwp/wp-content/uploads/2015/07/Sold-in-China.pdf (дата обращения: 1 октября 2024).

658. Kharas H. The Emerging Middle Class in Developing Countries [Электронный ресурс] / OECD Development Center. – 2010. – Working Paper № 285. – Режим доступа: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2010/01/the-emerging-middle-class-in-developing-countries_g17a1d87/5kmmp8lncrns-en.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

659. Kilponen J., Pisani M., Schmidt S., Corbo V., et al. Comparing Fiscal Multipliers Across Models and Countries in Europe [Электронный ресурс] / J. Kilponen, M. Pisani, S. Schmidt и др. // ECB Working Paper. – 2015. – № 1760. – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1760.en.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

660. KPMG International. Consumers and the New Reality: Preparing for Changing Customer Needs, Behaviors and Expectations [Электронный ресурс] / KPMG International. – 2020. – Режим доступа: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/06/consumers-and-the-new-reality.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

661. Lee J. Managing a Tightrope [Электронный ресурс] / J. Lee. – 2022. – Режим доступа: https://www.thestar.com.my/business/business-news/2022/02/26/managing-atightrope (дата обращения: 1 октября 2025).

662. Macklem R.T. Wealth, Disposable Income and Consumption: Some Evidence for Canada [Электронный ресурс] / R.T. Macklem. – 1994. – Режим доступа: http://www.econ2.jhu.edu/people/ccarroll/papers/cos-wealtheffects-literature/papers/macklem.pdf (дата обращения: 12 июня 2024).

663. Malaysia’s Economic Growth and Transition to High-Income: An Application of the World Bank Long-Term Growth Model (LTGM) [Электронный ресурс] / World Bank. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/ar/844761592242576533/pdf/Malaysias-Economic-Growth-and-Transition-to-High-Income-An-Application-of-the-World-Bank-Long-Term-Growth-Model-LTGM.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

664. Market Insights by Bluebell. Asia Lifestyle Consumer Profile 2022: Tracking lifestyle consumption drivers & trends in the world’s most dynamic consumer markets July 2022 [Электронный ресурс] / Bluebell Group. – 2022. – Режим доступа: https://bluebellgroup.com/wp-content/uploads/2022/07/Bluebell-Group-2022-Asia-Lifestyle-Consumer-Profile-2.pdf (дата обращения: 4 октября 2025).

665. McKinsey Global Institute. The Emergence of New Consumer Segments and Implications for Companies in Asia and Thailand [Электронный ресурс] / McKinsey Global Institute. – October 7, 2021. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/mgi/overview/in-the-news/the-emergence-of-new-consumer-segments-and-implications-for-companies-in-asia-and-thailand (дата обращения: 1 октября 2025).

666. Meet your Future Asian Consumer [Электронный ресурс] / McKinsey & Company. – 2021. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/meet-your-future-asian-consumer (дата обращения: 4 октября 2025).

667. Muellbauer J. Consumption, Land Prices and the Monetary Transmission Mechanism in Japan [Электронный ресурс] / J. Muellbauer, K. Murata. – CEPR Discussion Paper 7269. – C.E.P.R. Discussion Papers, 2009. – Режим доступа: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=7269 (дата обращения: 1 октября 2025).

668. Muhammad A., Seale J.L. Jr., Meade B., Regmi A. International Evidence on Food Consumption Patterns: An Update Using 2005 International Comparison Program Data / A. Muhammad, J.L. Seale Jr., B. Meade, A. Regmi. – U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service. – TB-1929, 2011.

669. Nakazawa M. Domestic Demand Led Growth: Japan’s Lessons Learned [Электронный ресурс] / M. Nakazawa. – Режим доступа:

http://www.mogifo.jp/pri/international_exchange/kouryu/kou96_06.pdf (дата обращения: 01.04.2015).

670. NielsenIQ. Navigating the Shifts in Consumer Behavior in Indonesia [Электронный ресурс] / NielsenIQ. – 2023. – Режим доступа: https://nielseniq.com/global/en/insights/analysis/2023/navigating-the-shifts-in-consumer-behavior-in-indonesia/ (дата обращения: 1 октября 2025).

671. Phan L.N. Confirmatory Research of Minsky's Financial Instability Hypothesis for the 1945–2017 Era [Электронный ресурс] / L.N. Phan. – Режим доступа: https://ttu-ir.tdl.org/server/api/core/bitstreams/04912cc0-61c4-41e9-bc37-c11f192e2d8d/content (дата обращения: апрель 2024).

672. Premia Partners. Consumption Story of Vietnam [Электронный ресурс] / Premia Partners. – August 26, 2019. – Режим доступа: https://www.premia-partners.com/kr/insight/consumption-story-of-vietnam (дата обращения: 1 октября 2025).

673. Profil Industri Kecil dan Kerajinan Rumah Tangga [Электронный ресурс] / Badan Pusat Statistik. – Jakarta, 2008. – Режим доступа: https://jakarta.bps.go.id/id/publication/2008/12/17/b1435e45f81c326205928821/profil-industri-kecil-dan-kerajinan-rumahtangga-dki-jakarta-2008.html (дата обращения: 4 октября 2025).

674. Punongbayan J.C. False Nostalgia: The Marcos "Golden Age" Myths and How to Debunk Them [Электронный ресурс] / J.C. Punongbayan. – Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 2023. – Режим доступа: https://library.martiallawmuseum.ph/wp-content/uploads/2024/12/False-Nostalgia-Title-TOC-Introduction.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

675. PwC. Indonesia GCIS 2023 Placemat [Электронный ресурс] / PwC. – 2023. – Режим доступа: https://www.pwc.com/id/en/consumer-industrial-products-services/indonesia-gcis-2023-placemat.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

676. PwC. Vietnam Global Consumer Insight Survey 2023 [Электронный ресурс] / PwC. – 2023. – Режим доступа: https://www.pwc.com/vn/en/publications/2023/pwc-vietnam-global-consumer-insight-survey.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

677. PwC. Voice of the Consumer Survey 2024: Asia Pacific – Thailand Snapshot [Электронный ресурс] / PwC. – 2024. – Режим доступа:

https://www.pwc.com/th/en/asia-pacific/2024/voice-of-the-consumer-survey-2024/asset/voice-of-the-consumer-survey-2024-asia-pacific-thailand-snapshot-en.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

678. Research, Innovation and Enterprise 2020 [Электронный ресурс] / National Research Foundation, Prime Minister’s Office Singapore. – Режим доступа: http://www.nrf.gov.sg/research/rie2020 (дата обращения: 11.09.2025).

679. Reuters. Thai cabinet approves measures to ease household debt [Электронный ресурс] / Reuters. – 2024. – Режим доступа: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/thai-cabinet-approves-measures-ease-household-debt-2024-12-11/ (дата обращения: 1 октября 2025).

680. Santander. South Korea: Reaching the Consumer. Consumer Profile 2025 [Электронный ресурс] / Santander. – 2025. – Режим доступа: https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/south-korea/reaching-the-consumers (дата обращения: 1 октября 2025).

681. Shepherd B., Haddad M. Export-Led Growth: Still a Viable Strategy After the Crisis? [Электронный ресурс] / B. Shepherd, M. Haddad. – 2011. – Режим доступа: https://voxeu.org/article/export-led-growth-still-viable-strategy-after-crisis (дата обращения: 24.03.2025).

682. Sicilia E. F2F Project. Connecting with South Korea Market and Consumer Trends [Электронный ресурс] / E. Sicilia. – 2024. – Режим доступа: https://f2f-project.eu/wp-content/uploads/2024/07/ppt_Connecting-with-South-Korea_Opera-GB.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

683. Smith M. Demand Led Growth Theory in a Classical Framework: Its Superiority, Its Limitations, and Its Explanatory Power [Электронный ресурс] / M. Smith // Centro Sraffa Working Paper, № 29. – March 2018. – Режим доступа: http://www.centrosraffa.org/public/923ecb9d237148a0842513913be3c4c3.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

684. Spotlight on Thailand. Understanding the Consumer Perspective on Data Privacy in Southeast Asia [Электронный ресурс] / Spotlight on Thailand. – 2024. – Режим доступа: https://iabseaindia.com/wp-content/uploads/2024/08/IABSEAIndiaConsumerPrivacyResearchReportThailand.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

685. Standard Insights Consumer Report Malaysia / Standard Insights. – 2024. – 24 p. – Режим доступа: https://standard-insights.com/wp-content/uploads/2024/05/Consumer-Report-Malaysia-2024.pdf?utm_source=brevo&utm_campaign=Consumer%20Report%20Malaysia%202024&utm_medium=email (дата обращения: 1 октября 2025).

686. Standard Insights. Consumer Report Indonesia 2025 / Standard Insights. – 2025. – Режим доступа: https://standard-insights.com/wp-content/uploads/2024/05/Consumer-Report-Indonesia-2025.pdf?utm_source=brevo&utm_campaign=Consumer%20Report%20Indonesia%202025&utm_medium=email (дата обращения: 1 октября 2025).

687. Standard Insights. Consumer Report Thailand 2024 [Электронный ресурс] / Standard Insights. – 2024. – Режим доступа: https://standard-insights.com/wp-content/uploads/2024/05/Consumer-Report-Thailand-2024.pdf?utm_source=brevo&utm_campaign=Consumer%20Report%20Thailand%202024&utm_medium=email (дата обращения: 1 октября 2025).

688. Startups Offer a Different Future for South Korea’s Economy [Электронный ресурс] / The Economist. – 08 April 2020. – Режим доступа: https://www.economist.com/special-report/2020/04/08/startups-offer-a-different-future-forsouth-koreas-economy (дата обращения: 11.09.2025).

689. Switch Asia. National Action Plan on Sustainable Consumption and Production in Vietnam [Электронный ресурс] / Switch Asia. – Режим доступа: https://www.switch-asia.eu/site/assets/files/2533/national_action_plan_on_scp_vietnam_pdf_pdf.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

690. Taylor J.B. Fed Policy is a Drag on the Economy [Электронный ресурс] / J.B. Taylor // Wall Street Journal. – 2013. – URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323375204578267943236658414 (дата обращения: 12 июня 2024).

691. Thailand Consultative Group Meeting [Электронный ресурс] // World Bank. – 1977. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099940401132328799/pdf/IDU098a2c772067d60425d09a4d0cd3dde7b972b.pdf (дата обращения 3.10.2025).

692. The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс] / The MIT Media Lab Macro Connections group. – Режим доступа: http://atlas.media.mit.edu/ (дата обращения: 03.10.2025).

693. The Ongoing Evolution of Singapore’s Household Consumption, Part 1 [Электронний ресурс] / JCECons101. – 2025. – Режим доступа: https://jcecons101.sg/2025/06/03/the-ongoing-evolution-of-singapores-household-consumption-part-1/ (дата обращения: 1 октября 2025)/

694. UOB Group. VN Focus Q2 2018 [Электронный ресурс] / UOB Group. – 2018. – Режим доступа: https://www.uobgroup.com/assets/pdfs/research/VN-Focus_2q18.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

695. VinaCapital Insights. Fiscal Stimulus Package to Support GDP Growth in 2022 [Электронный ресурс] / VinaCapital. – 2022. – Режим доступа: https://www.vinacapital.com/wp-content/uploads/2022/08/VinaCapital-Insights-Fiscal-Stimulus-Package-to-Support-GDP-Growth-in-2022.pdf (дата обращения: 1 октября 2025).

696. Vuong N.T.T., Thuy N.T.T., Van N.N., Lan H. Research on Vietnamese Consumer Behaviour Towards Organic Products at Mini Supermarkets [Электронный ресурс] / N.T.T. Vuong, N.T.T. Thuy, N.N. Van, H. Lan. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/368487021_Research_on_Vietnamese_Consumer_Behaviour_Towards_Organic_Products_at_Mini_Supermarkets (дата обращения: 1 октября 2025).

697. Yap J.T. Inflation and Economic Growth in the Philippines [Электронный ресурс] / J.T. Yap // Philippine Institute for Development Studies. Discussion Paper Series № 96-11. – 1996. – С. 5–8. – Режим доступа: https://pidswebs.pids.gov.ph/CDN/PUBLICATIONS/pidsdps9611.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

698. Zhang Y. To Achieve the Goals of China’s 11th Five-Year Plan through Reforms [Электронный ресурс] / Y. Zhang. – 2006. – Режим доступа: https://www.nomurafoundation.or.jp/en/wordpress/wp-content/uploads/2014/09/2006120607_Zhang_Yongsheng.pdf (дата обращения: 3 октября 2025).

Базы статистических данных

699. Barro R., Lee J.-W. A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010 // NBER Working Paper № 15902. – Massachusetts : National Bureau of Economic Research, 2010.

700. Bundesbank. Balance of Payments Statistics 2020 [Электронный ресурс] // Deutsche Bundesbank. – 2021. – Режим доступа: https://www.bundesbank.de/en/statistics/external-sector/balance-of-payments (дата обращения: 12.04.2025).

701. Data.un.org. SNA Group Code 302 [Электронный ресурс] / Data.un.org. – Режим доступа: https://data.un.org/Data.aspx?d=SNA&f=group_code%3A302 (дата обращения: 1 октября 2025).

702. FAOLEX: Thailand Legal Document Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://faolex.fao.org/docs/pdf/tha200834.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

703. General Statistics Office (Vietnam). Preliminary Results: The 2019 Population and Housing Census / General Statistics Office. – 2019. – Режим доступа: https://gso.gov.vn (дата обращения: 1 октября 2025).

704. Heston A., Summers R., Aten B. Penn World Table Version 6.3. – Center for International Comparisons of Production, Income, and Prices, University of Pennsylvania, 2009.

705. ILO. Laborsta Database. – Geneva : International Labour Office, 2010.

706. IMF World Economic Outlook Statistics Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases (дата обращения: 1 октября 2025).

707. Interest Rate – Singapore [Электронный ресурс] / Trading Economics. – Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/singapore/interest-rate (дата обращения: 1 октября 2025).

708. Monetary Authority of Singapore [Электронний ресурс]. – Режим доступа: https://www.mas.gov.sg (дата обращения: 1 октября 2025)

709. NABARD (Национальный банк сельского хозяйства и районов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nabard.org (дата обращения: 1 октября 2025).

710. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/ (дата обращения: 3 сентября 2025).

711. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024 [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/yearbook/ (дата обращения: 1 октября 2025).

712. National Bureau of Statistics of China. National Economy Maintained a Steady Development Momentum with Progress in July [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250124_1958443.html (дата обращения: 3 сентября 2025).

713. National Bureau of Statistics of China. Press Release, January 2025 [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250124_1958443.html (дата обращения: 1 октября 2025).

714. People’s Bank of China. China’s Foreign Exchange Reserves in 2020 [Электронный ресурс] // People’s Bank of China. – 2021. – Режим доступа: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/index.html (дата обращения: 12.04.2025).

715. Pradhan Mantri Jan Dhan Yojana [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pmjdy.gov.in (дата обращения: 1 октября 2025).

716. Statista. Average Monthly Household Expenditure per Capita among Urban and Rural Areas in Vietnam from 2012 to 2022 [Электронный ресурс] / Statista. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1401299/vietnam-average-monthly-expenditure-per-capita-among-urban-and-rural-areas/ (дата обращения: 1 октября 2025).

717. Statista. Household Consumption Expenditure per Capita in Vietnam from 1994 to 2023 [Электронный ресурс] / Statista. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/233163/consumer-spending-in-vietnam-per-capita/ (дата обращения: 1 октября 2025).

718. Trading Economics: Banks Balance Sheet – China [Электронный ресурс] / People’s Bank of China. – Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/china/banks-balance-sheet (дата обращения: 1 октября 2025).

719. Trading Economics: Loans to Banks – China [Электронный ресурс] / People’s Bank of China. – Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/china/loans-to-banks (дата обращения: 1 октября 2025).

720. VNSY Viet Nam Statistical Yearbook [Электронный ресурс] // Hanoi: General Statistics Office. – Режим доступа: www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=491 (дата обращения: 05.09.2025).

721. World Economic Outlook Databases [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases (дата обращения: 30 апреля 2025).

722. Резервный банк Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbi.org.in (дата обращения: 1 октября 2025).

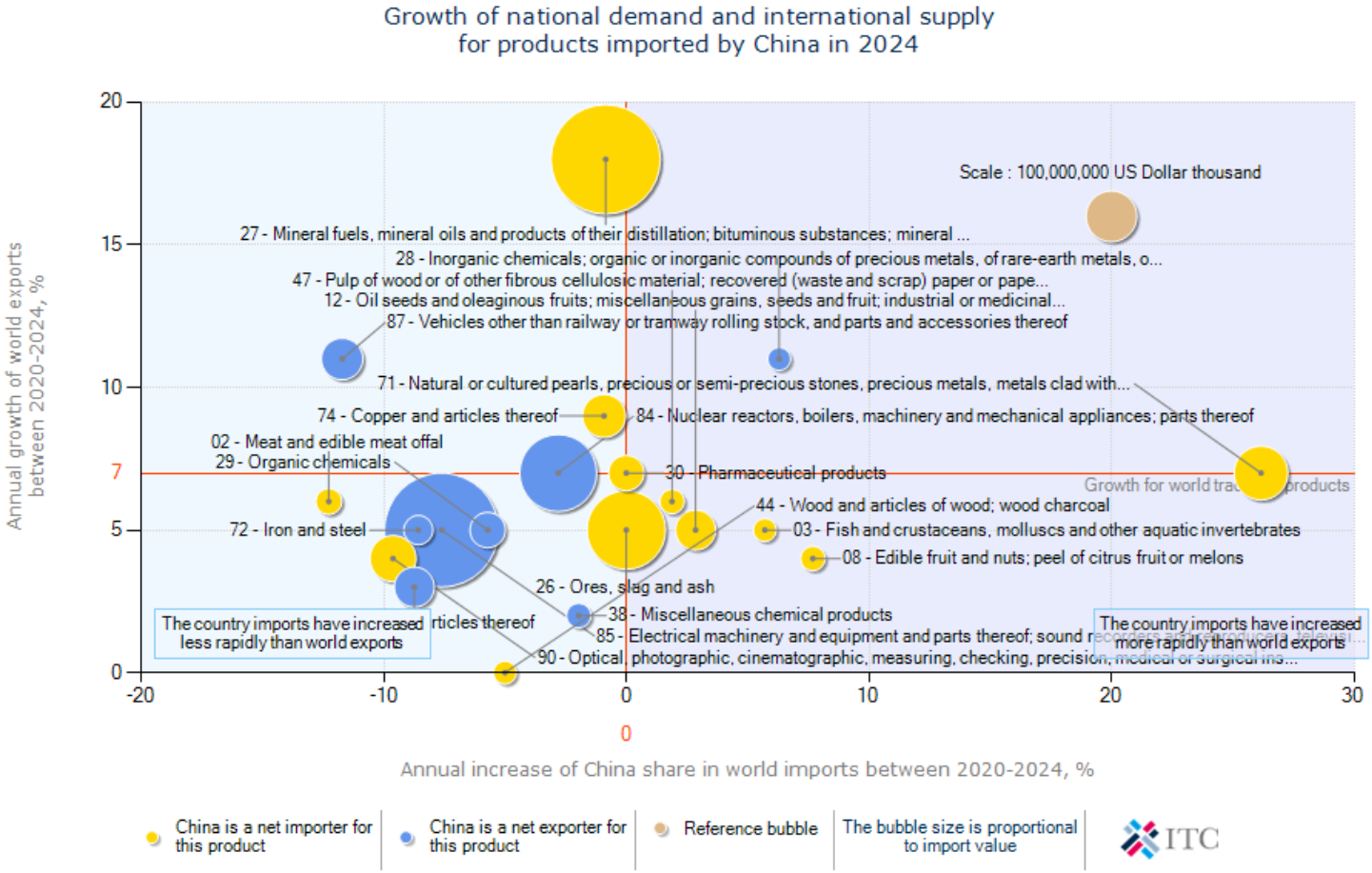
ПРИЛОЖЕНИЕ А

Список включенных в выборку 143 государств для расчета регрессионной модели детерминант потребительских расходов домохозяйств

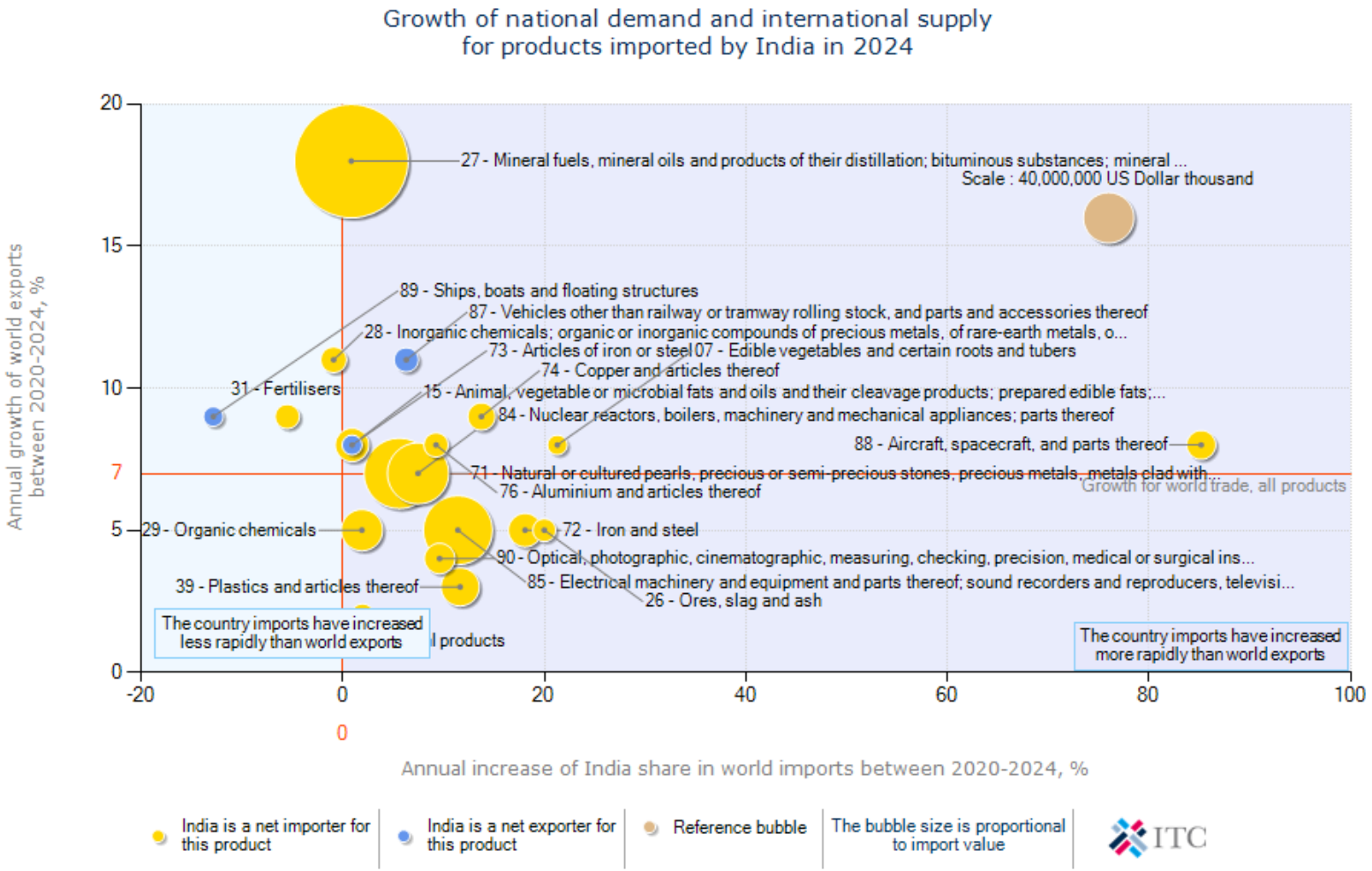
Albania	Cote d'Ivoire	Korea, Rep.	Portugal
Algeria	Croatia	Kuwait	Romania
Angola	Cyprus	Kyrgyz Republic	Russian Federation
Argentina	Czechia	Lao PDR	Rwanda
Armenia	Denmark	Latvia	Saudi Arabia
Australia	Dominican Republic	Lebanon	Senegal
Austria	Ecuador	Lesotho	Serbia
Bahamas, The	Egypt, Arab Rep.	Libya	Seychelles
Bahrain	El Salvador	Lithuania	Sierra Leone
Bangladesh	Equatorial Guinea	Luxembourg	Singapore
Belarus	Estonia	Macao SAR, China	Slovak Republic
Belgium	Finland	Madagascar	Slovenia
Belize	France	Malaysia	Solomon Islands
Benin	Gabon	Mali	South Africa
Bhutan	Gambia, The	Malta	Spain
Bolivia	Germany	Mauritania	Sudan
Bosnia and Herzegovina	Greece	Mauritius	Sweden
Botswana	Guatemala	Mexico	Switzerland
Brazil	Guinea	Moldova	Syrian Arab Republic
Brunei Darussalam	Guinea-Bissau	Morocco	Tajikistan
Bulgaria	Haiti	Mozambique	Tanzania
Burkina Faso	Honduras	Namibia	Thailand
Burundi	Hong Kong SAR, China	Nepal	Timor-Leste
Cabo Verde	Hungary	Netherlands	Togo
Cambodia	Iceland	New Zealand	Tonga
Cameroon	India	Nicaragua	Tunisia
Canada	Indonesia	Niger	Turkiye
Central African Republic	Iran, Islamic Rep.	North Macedonia	Uganda
Chad	Ireland	Norway	Ukraine
Chile	Israel	Oman	United Arab Emirates
China	Italy	Pakistan	United Kingdom
Colombia	Jamaica	Panama	United States
Comoros	Japan	Paraguay	Vanuatu
Congo, Dem. Rep.	Kazakhstan	Peru	Viet Nam
Congo, Rep.	Kenya	Philippines	Yemen, Rep.
Costa Rica	Kiribati	Poland	

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

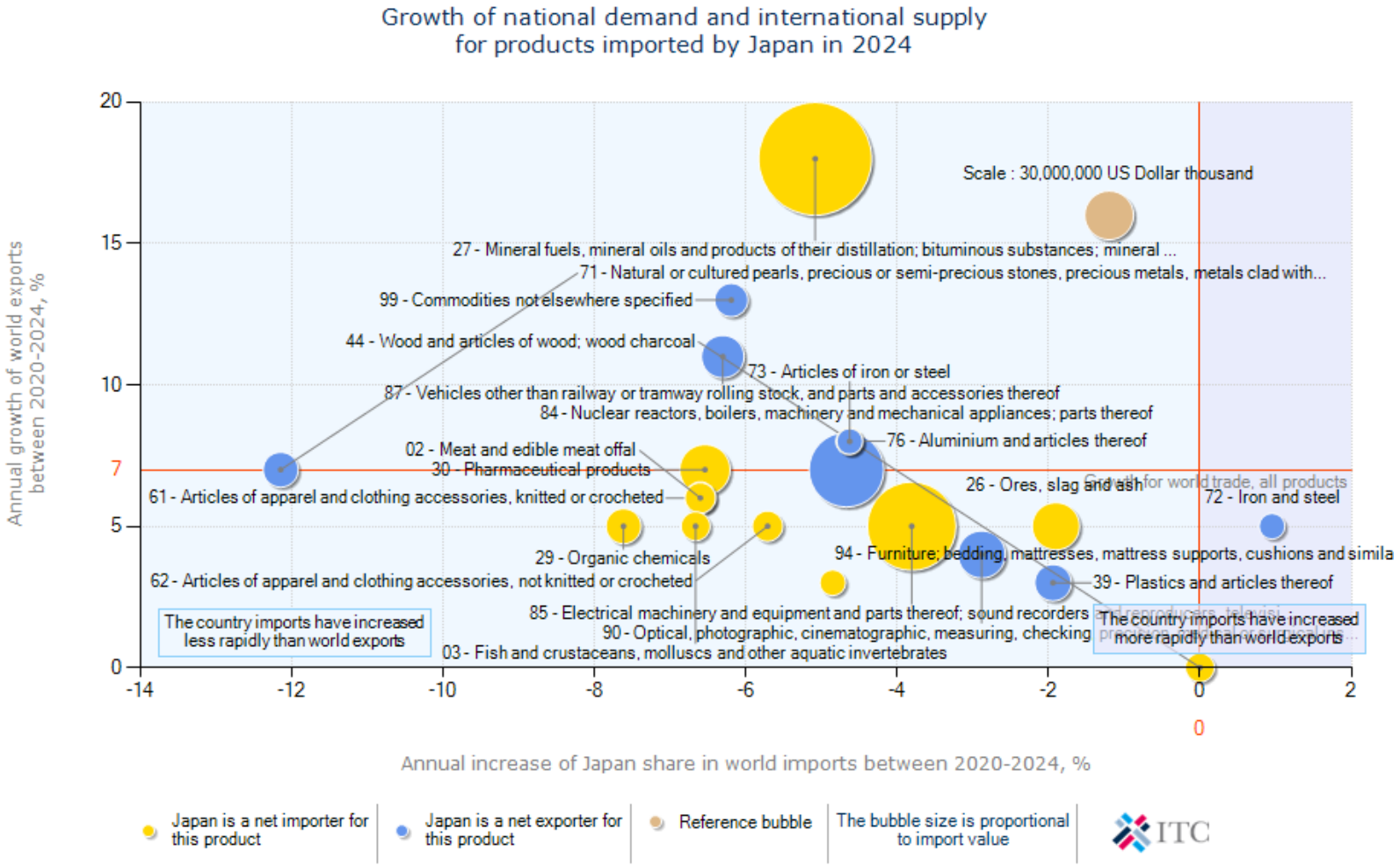
Диаграммы импортного спроса государств Азии: прирост импорта против прироста мирового предложения

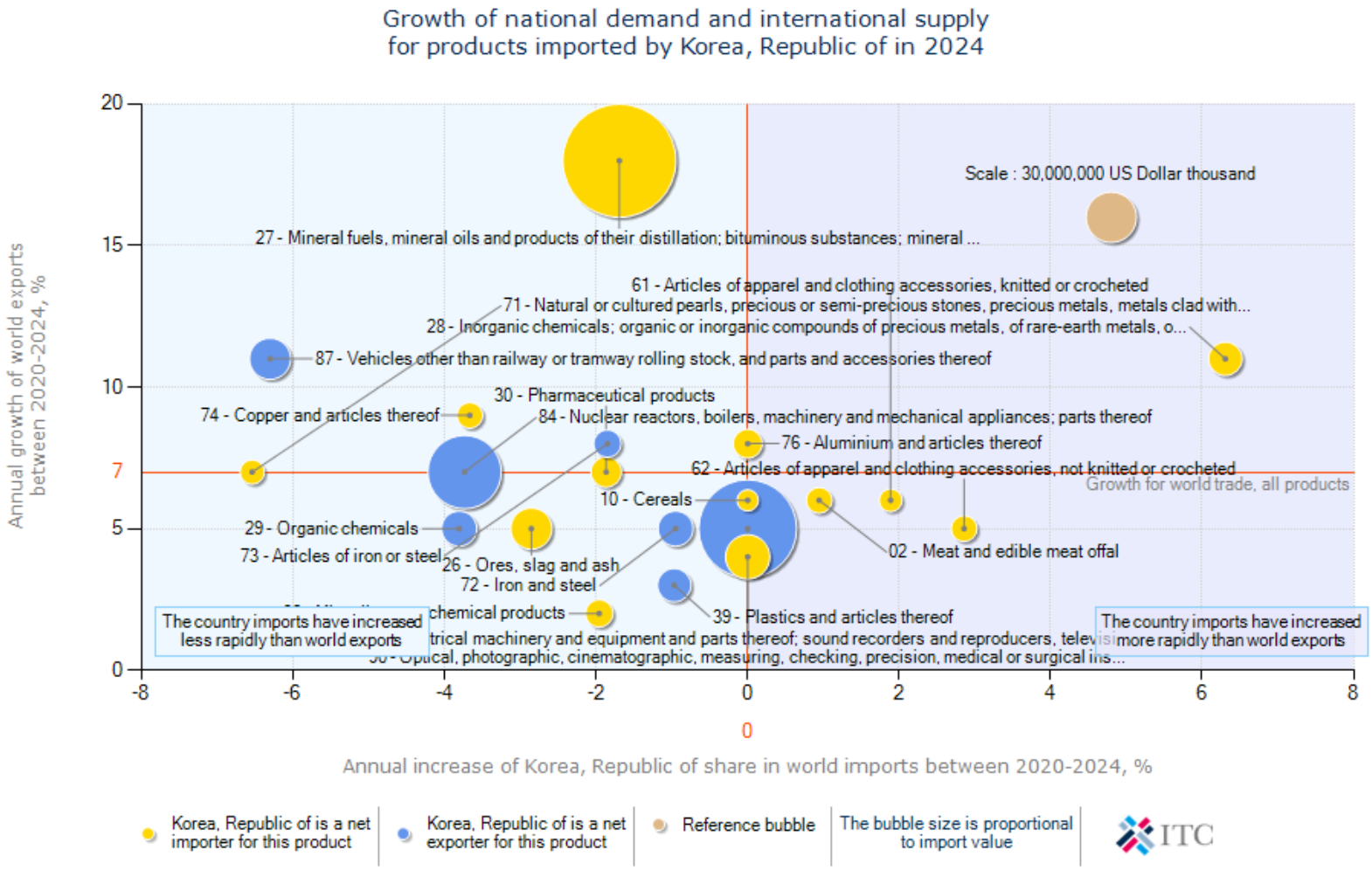
Источник: Trade Map trademap.org

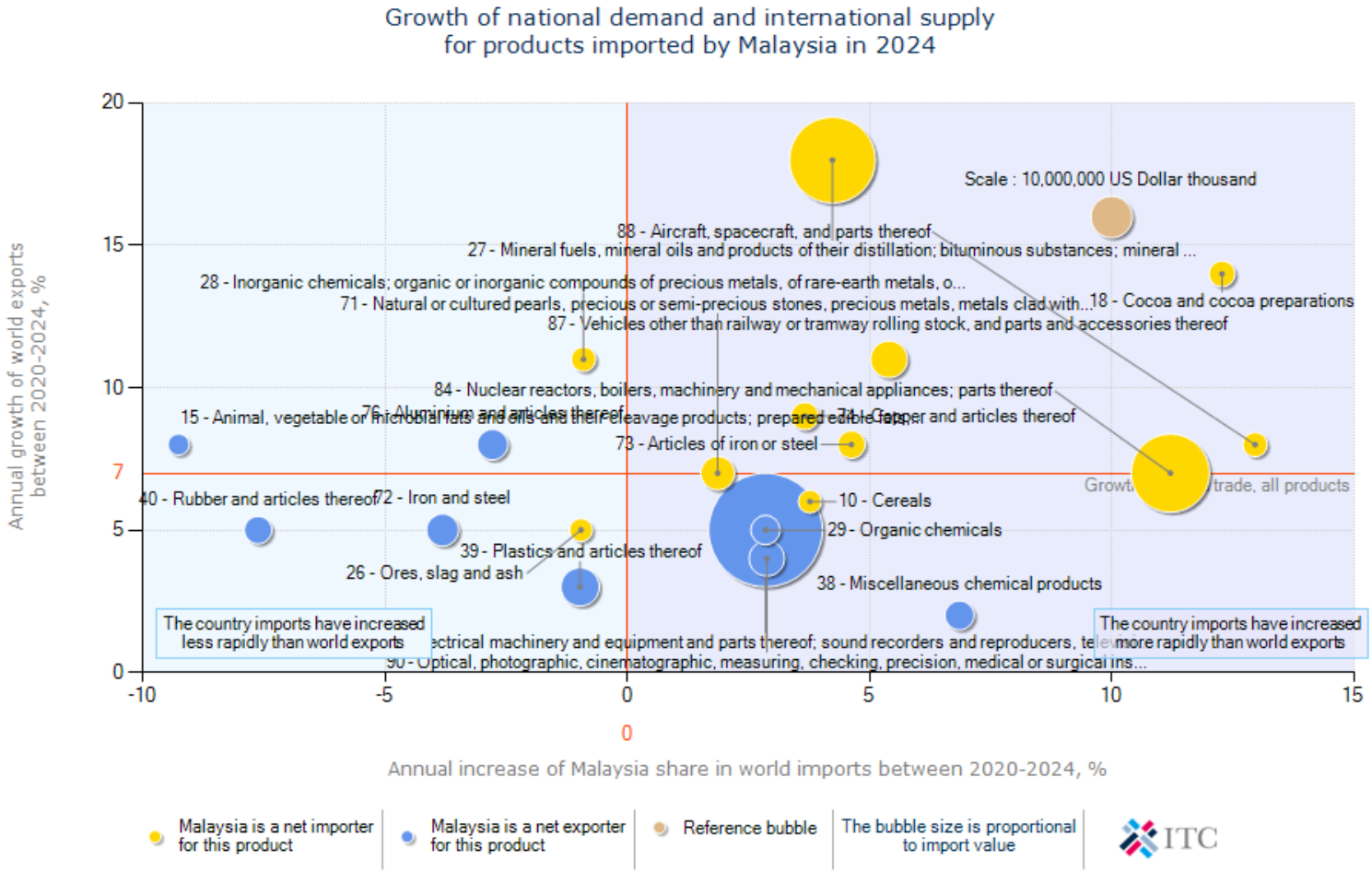
Источник: Trade Map trademap.org

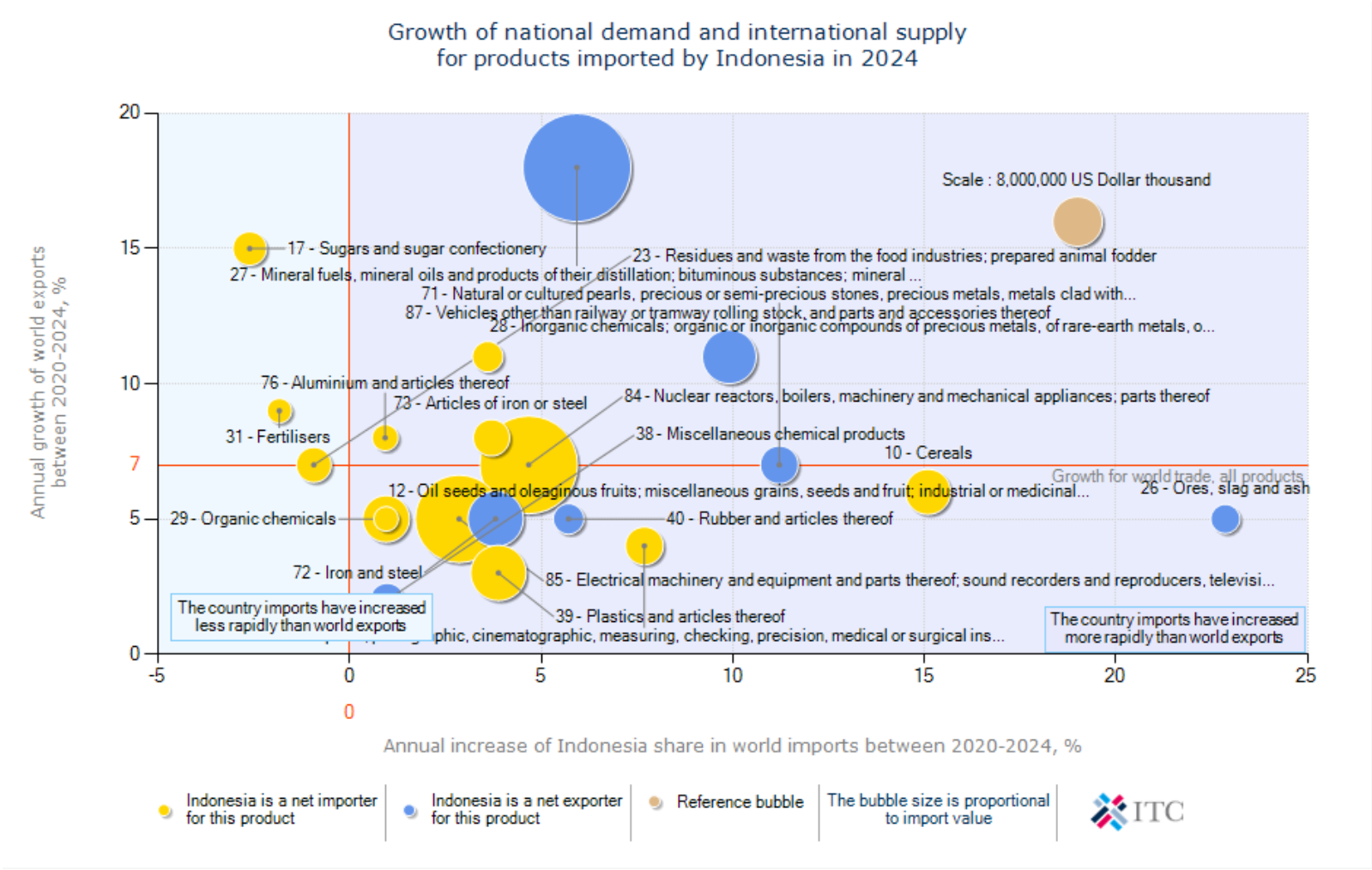
Источник: Trade Map trademap.org

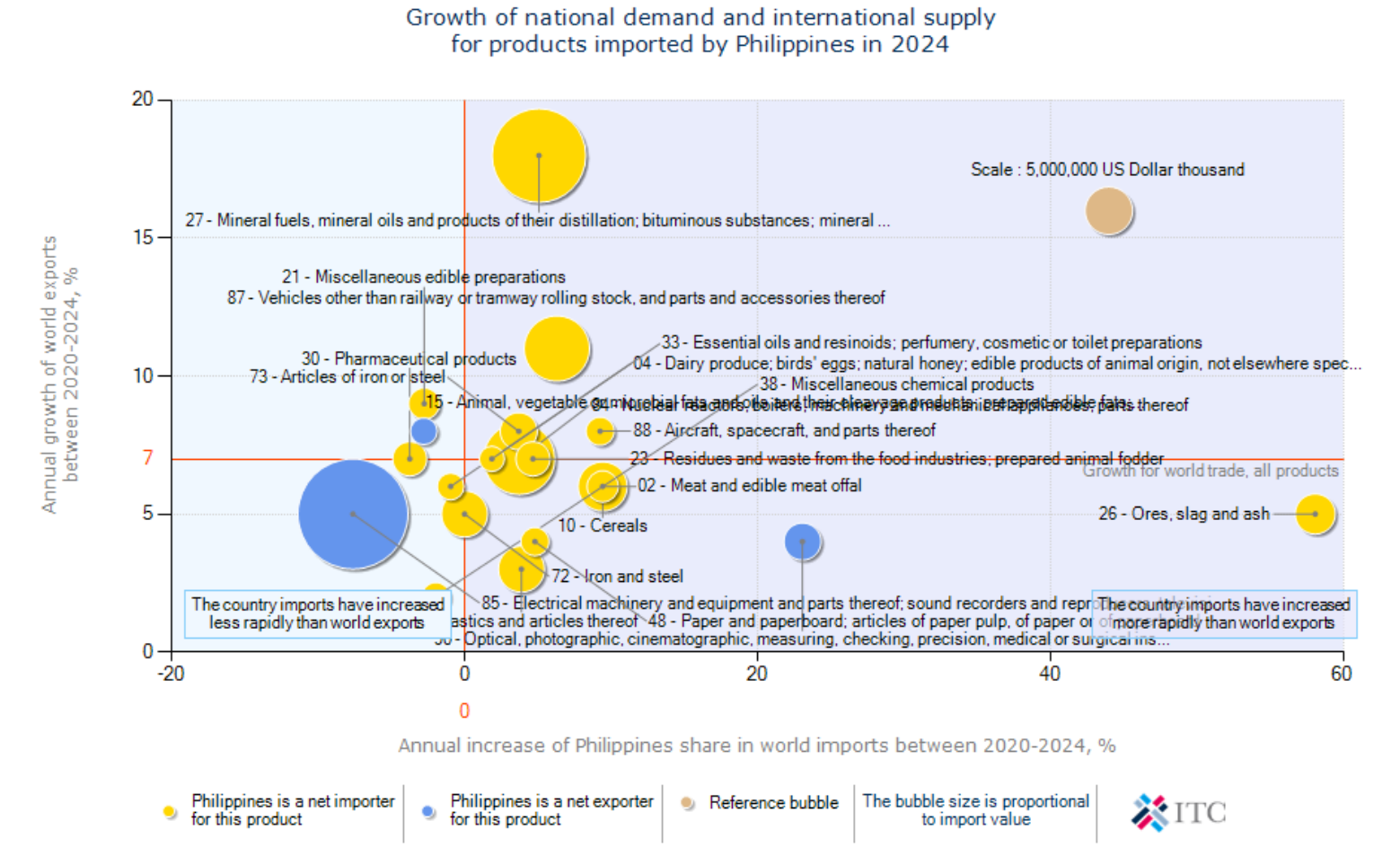
Источник: Trade Map trademap.org

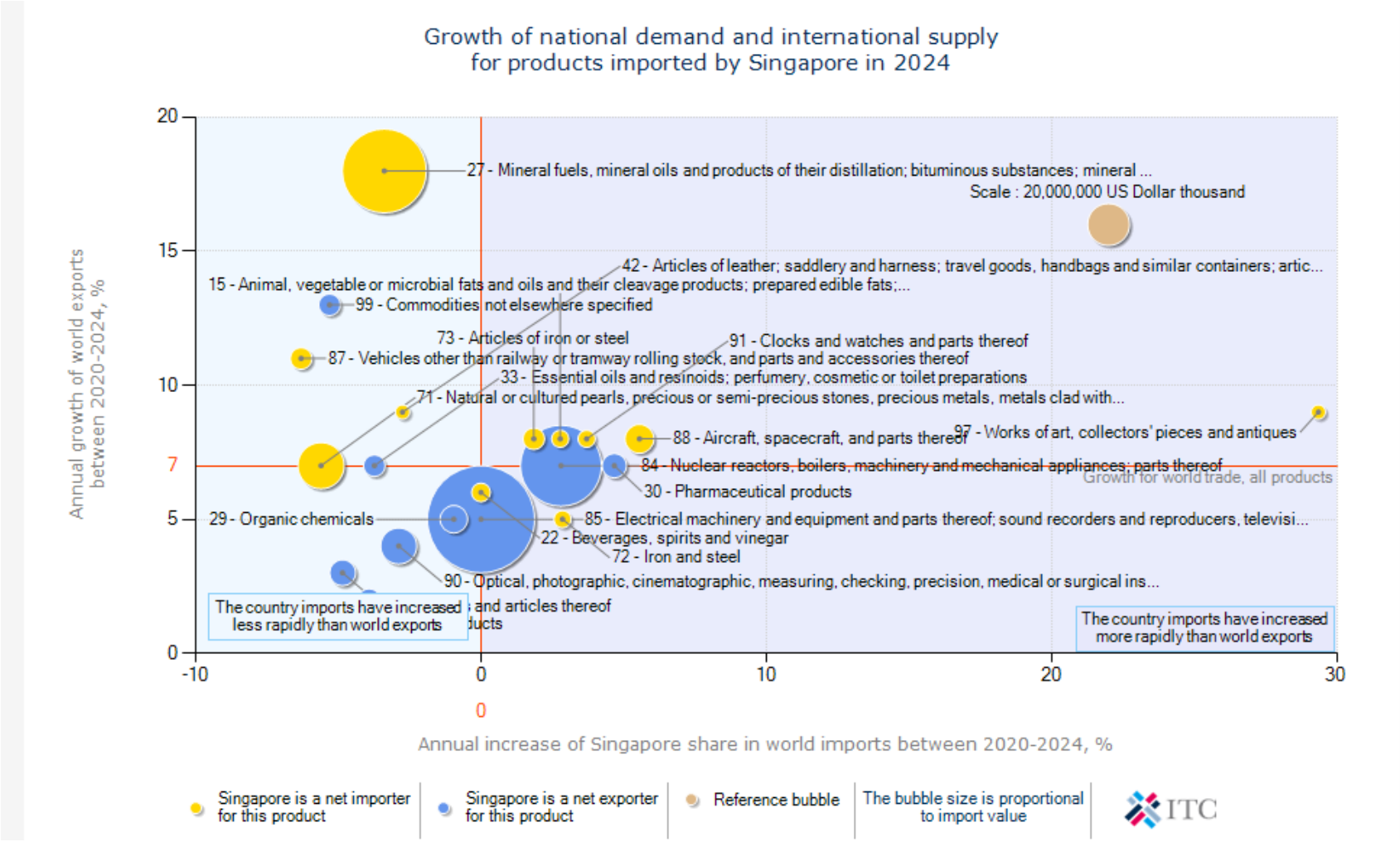
Источник: Trade Map trademap.org

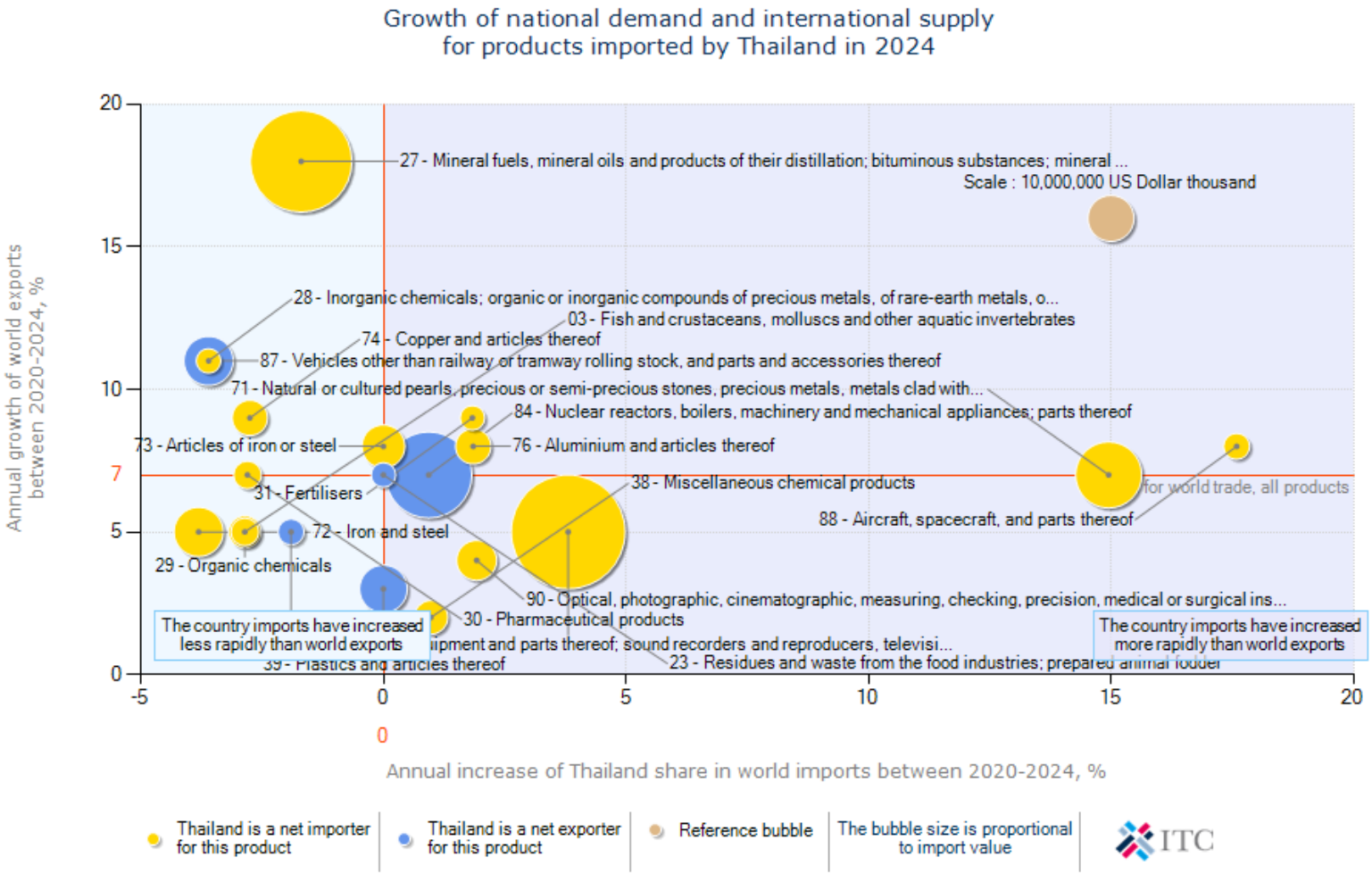
Источник: Trade Map trademap.org

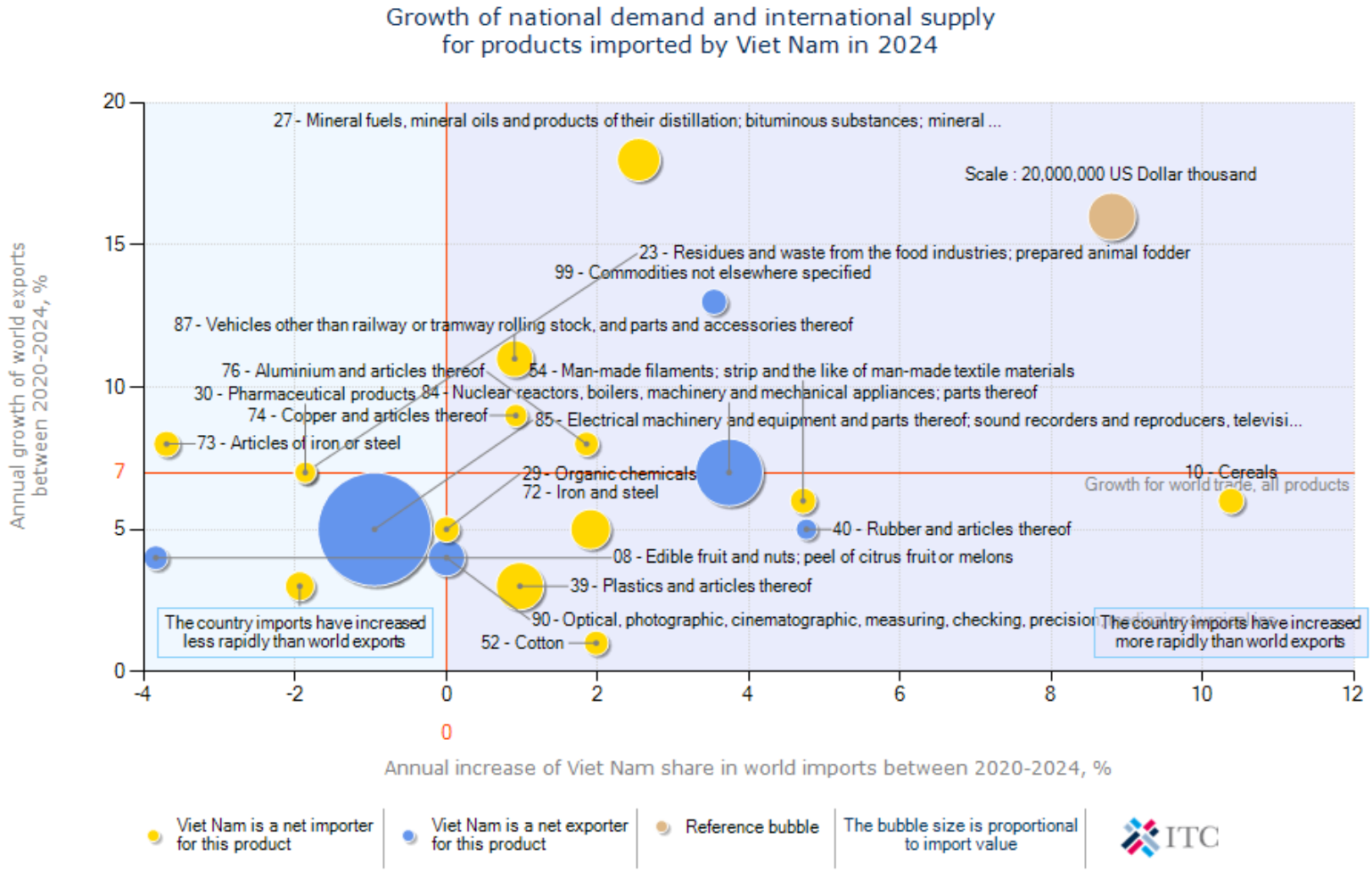
Источник: Trade Map trademap.org

Источник: Trade Map trademap.org

Источник: Trade Map trademap.org

Источник: TradeMaptrademap.org